ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2012 Том 18

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 2

март - апрель

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

4 **Белихов А.Б., Попов Е.Н.**
Термоэлектрическая разбраковка сплавов на основе титана

8 **Акаев О.П., Войнаровска А., Желязны С., Жуковски В.**
Термическая переработка отходов электронной промышленности

11 **Гнатюк А.Б., Ершов В.Н.**
Методика построения результирующих моделей пространственного влияния и ее программная реализация

16 **Колоскова М.Е.**
Индуктивное доказательство одного геометрического неравенства

18 **Кузьмин Ф.А., Фатеев М.М., Григорьева М.В.**
Однократное и длительное воздействие циннаризина на вариабельность сердечного ритма у крыс, находящихся в различных состояниях

23 **Секованов В.С.**
О множествах Жюлиа некоторых рациональных функций

29 **Сиротина М.В., Орлов А.Ю., Баранов А.В.**
Строение носового зеркала у лосей

31 **Соколов Н.В.**
Перемещения лосей и причины, вызывающие эти перемещения

35 **Цховребов Э.С., Юрьев К.В.**
Биологические аспекты обеспечения экологической безопасности

ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА. ЭСТЕТИКА

38 **Арутюнян К.С.**
Смена ценностной парадигмы в государственной идеологии и появление новых доминант в ориентации сознания молодежи

41 **Белкина Т.Л., Комаров А.С.**
Апология свободы совести в трудах Джона Локка

45 **Латышева Ж.В.**
К вопросу о дефиниции и типологии трансцендирования

48 **Самылов О.В.**
Идея «конца истории» в неогегельянстве А. Кожева

51 **Трошичев А.Н.**
Монадология или детерминация в сетевом мире

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

55 **Аймалетдинова Л.А.**
Технический прогресс как источник социально-экологического кризиса современного общества

57 **Воробец Л.В.**
Проблема политкорректности в аспекте межкультурной коммуникации

60 **Дзюбан В.В.**
Духовно-нравственное и военно-патриотическое воспитание казачьей молодежи

64 **Задоров И.А.**
История Костромского областного театра кукол в контексте культуры русской провинции в 1936–1991 годах
67 **Мельникова Л.А.**
Историко-культурная топография ярмарочных городов в Западной Европе в Средние века и Новое время
70 **Савченкова Т.П.**
П.П. Ершов и Д.И. Менделеев: новое в истории родственных и дружеских отношений
79 **Стогниенко А.Ю.**
К вопросу об особенностях концептуального слоя художественного пространства фильма А.А. Тарковского «Солярис»

ЛИНГВИСТИКА
83 **Гасанова Э.Э.**
Восприятие концепта «путешествие» носителями английского и азербайджанского языков
86 **Космачева О.Ю.**
Прагматические типы интенциональной установки адресанта в заголовках электронных СМИ
89 **Мамаева С.В., Шмульская Л.С.**
Характеристика синтаксических особенностей речевого портрета школьников-подростков
92 **Мощева С.В.**
Выразительный потенциал текстов массовой коммуникации: фонетический аспект
95 **Ошанова Е.С.**
Особый случай употребления модальных частиц в прагматических высказываниях
98 **Рубцова А.С.**
Конфликт как социальное явление и его отражение в тексте
102 **Цветкова Е.В.**
Наименования тропы в костромских говорах: лингвогеографический аспект
106 **Черноусова И.П.**
Фольклорные формулы: на пересечении традиции и текста (на материале былин)
110 **Щукина Г.О.**
Продуктивный способ идиоматической номинации в английском языке
112 **Шулякина Ю.С.**
Имена существительные со значениями ‘бесстыдник’, ‘пьяница’, ‘распутник’ в говорах Ивановской области

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР
117 **Агапова Л.Е.**
Роль читательских компетенций в развитии образных представлений школьников (на материале мифа и библейских текстов)
121 **Бедова А.А.**
Роль художественной детали в романах «фандоринского цикла» Б. Акунина
125 **Брагина О.Б.**
Орнитологическая образность в романе И.С. Тургенева «Накануне»: функция и семантика
128 **Глазунова С.И.**
Жанрово-композиционная специфика эссе «Николай Гоголь» В. Набокова
131 **Коптелова Н.Г.**
Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в интерпретации Д.С. Мережковского
135 **Криволапова Е.М.**
В.В. Розанов на страницах дневника М.О. Меньшикова: к проблеме творческого взаимодействия
139 **Локша А.В., Петрова Н.И.**
К понятиям *хаос* и *космос* в поэзии Осипа Мандельштама
141 **Меркель Е.В.**
Особенности поэтической семантики Осипа Мандельштама второй половины 1910-х годов
145 **Налетова Т.Б.**
Рассказчик и читатель в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя
148 **Павлова Т.Л.**
«Против течения»: антиномические установки в творчестве Марины Цветаевой
151 **Снегирев И.А.**
Английские метафизические поэты в переводах Иосифа Бродского (статья первая)
154 **Шаваринская С.Р.**
Размышления о судьбах русского дворянства на страницах романов Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и Ф.М. Достоевского «Подросток»
158 **Швецова Т.В.**
Пушкинские реминисценции в повести И.С. Тургенева «Бретёр»
161 **Шитова В.В.**
Образ Фауста в «Набросках к замыслу о Фаусте» А.С. Пушкина

ИСТОРИЯ
164 **Аристов С.В.**
Бесчеловечная медицина: псевдонаучные эксперименты в концентрационных лагерях «третьего рейха»
166 **Волков Д.А.**
Местные органы власти в середине 20-х гг. XX века: власть рабочих и крестьян или… власть от их имени (на материалах губерний Верхнего Поволжья)
170 **Ермушин М.В.**
Государственная тарифная политика оплаты инженерного труда в СССР в 1920-е гг.
173 **Осипова М.С.**
Положение детей-работников на текстильных фабриках в Англии (по материалам выступления Р. Оуэна в парламенте в 1816 г.)
176 **Смирнов С.А.**
Деятельность приходских попечительств по улучшению материального обеспечения приходского духовенства (на материалах Костромской епархии)

СОЦИОЛОГИЯ
180 **Егорова Л.С., Старосотникова В.Ю.**
Методы оценки уровня эффективности управления творческим коллективом
184 **Пушина Л.Ю.**
Габитус как атрибут поколенческой общности

ПОЛИТОЛОГИЯ

188 Зайцев А.В.
Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества: опыт ЕС и современная Россия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

192 Цховребов Э.С., Лебин А.Н., Белоусов В.Г.
Новейшая история развития природоохранной деятельности в России

196 Петрова О.Н.
Информационные средства прокуратуры в сфере местного самоуправления

198 Рощин Б.Е.
Национализация основных средств отечественного производства на первоначальном этапе социалистической организации труда российского пролетариата (к 95-летию Октябрьской революции)

203 Туйчиев В.М.
Кадровая политика в отношении приставов мировых судов Вятской губернии (1864–1917 гг.)

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ

207 Аристова Е.В., Волков Д.В.
Проблемы и перспективы развития рынка платных медицинских услуг

210 Бутарина Н.А.
Вузы как субъекты региональных инновационных процессов

213 Головин С.В., Князев Ю.К.
Общественные интересы и публичные блага

217 Коновалова Е.В.
Семья в ряду политэкономических категорий

222 Ратькова А.Б.
Государство в формировании институционального блага

224 Аристова Е.В.
Специфические особенности медицинской услуги как экономической категории

229 Токарева И.В.
Выбор направлений и критериев диверсификации внутренней среды корпоративных образований

СИСТЕМОТЕХНИКА

232 Каравайков В.М., Овчинников А.В.
Системный подход к построению математической модели теплопередачи через оболочку культивационного сооружения

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

236 Захаров А.И., Луданова Т.В.
XI Открытый фестиваль преподавателей и студентов музыкальных факультетов вузов России (отчет о работе)

238 SUMMARY

246 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 620.179. 16; 669.017.53(075.8)

Белихов Александр Борисович
кандидат технических наук,
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
belikhov@gmail.com
Попов Евгений Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
genphys@ksu.edu.ru

ТЕРМОЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ РАЗБРАКОВКА СПЛАВОВ НА ОСНОВЕ ТИТАНА

Предложена методика разбраковки титановых сплавов с различным содержанием алюминия от 3,6 до 6,3% путем термоэлектрического неразрушающего контроля с критерием достоверности 0,98.

Ключевые слова: *титановые сплавы, термоэдс, пластическая деформация.*

Вместе с развитием современных технологий все более заметной и значимой становится роль неразрушающей дефектоскопии и структуроскопии. Неразрушающими методами производится диагностика ответственных изделий и сложных конструкций в процессе создания и эксплуатации без нарушения их целостности и пригодности к применению. Достоверная информация о реальном техническом состоянии изделия помогает выбрать правильный режим его эксплуатации, оценить экономическую эффективность и экологическую безопасность систем, предупредить возможные аварии. Для изготовления ответственных деталей, применяемых в различных областях машиностроения (в том числе в авиационной промышленности) и приборостроения широко используются титановые сплавы ОТ-4, ВТ-5 и ВТ-3 [10; 11]. Поэтому разработка методик и оборудования неразрушающего контроля изделий из этих материалов представляет собой важную научно-техническую задачу.

Для разбраковки или рассортировки титановых сплавов по маркам предлагается термоэлектрический метод. Выбор метода обусловлен его простотой, доступностью, высокой структурочувствительностью и возможностью реализации на простых, легко конструируемых устройствах.

Целью данной работы является исследование возможности разбраковки титановых сплавов ВТ-3, ВТ-5, ОТ-4 термоэлектрическим методом, включая разработку необходимого прибора.

В основу всех устройств термоэлектрического контроля положен принцип механического контакта с изделием. Термоэлектрическая цепь создается между изделием и выполненными из заданного материала электродами, которые соединены с индикаторным прибором [1]. Количество применяемых электродов зависит от целей и задач контроля и может варьироваться, но, как правило, применяются два измерительных электрода. Между ними поддерживается постоянная разность температур – один из электродов нагревается, второй поддерживается при комнатной температуре. Нагрев прекращается при достижении заданной разности температур между ними [2]. На основе значений термоэдс, возникающих между электродами, определяют термоэлектрическую способность контролируемого материала.

Исходя из данных предварительных исследований [3–9], в основу конструкции был положен паяльник мощностью 40 Вт. К ручке паяльника крепилась алюминиевая пластина в качестве холодного электрода. Расстояние между электродами жестко фиксировалось и составляло 5 мм. Для измерения эдс использован микровольтметр с максимально возможным значением входного сопротивления. На участках контакта горячего и холодного электродов с образцом возникает электросопротивление, которое трудно поддается контролю, оно обусловлено окислением образца и самого электрода, разным усилием прижима электродов к образцу, влажностью воздуха и рядом других, плохо поддающихся контролю факторов. Если входное сопротивление микровольтметра имеет порядок 1 МОм, то изменение контактного сопротивления в пределах от нескольких Ом до сотен Ом повлияет на показания термоэлектрического прибора в пределах долей процента.

Стабилизация температуры горячего электрода достигалась введением в схему стабилизатора температуры, собранного на основе терморезистора и термореле. В качестве горячего электрода была использована паяльная станция с термостабилизатором Lukey 936D, что позволяло регулировать температуру горячего электрода с точностью до 1 С. Терморезистор размещался в корпусе паяльной станции, а термореле находилось в блоке управления (рис. 1). При нагревании горячего электрода сопротивление терморезистора возрастало, при достижении температуры, заданной термореле, питание обмотки нагревателя отключалось. По мере охлаждения горячего электрода сопротивление терморезистора уменьшалось, что приводило к срабатыванию термореле и повторному включению на-

© Белихов А.Б., Попов Е.Н., 2012

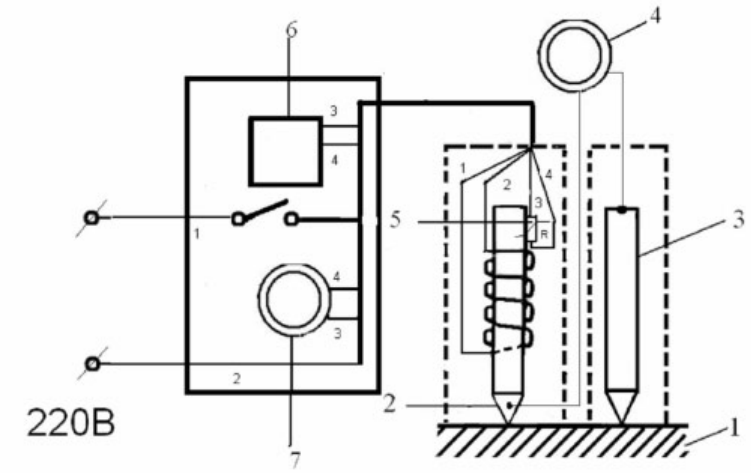


Рис. 1. Экспериментальная установка для измерения термоэдс: 1 – контролируемый образец; 2 – горячий электрод (жало паяльника); 3 – холодный электрод; 4 – измерительный прибор (мультиметр); 5 – терморезистор; 6 – термореле; 7 – цифровой индикатор температуры)

гревательной обмотки. Измерения проводились при комнатной температуре 25°С и относительной влажности 50%.

Образцы титановых сплавов представляли собой прутки диаметром 10 мм в состоянии поставки. Некоторые имели следы пластической деформации (вмятины). Состав сплавов указан в таблице 1, поставщик НТЦ «Титан». Измерения проводились на десяти образцах каждого сплава в десяти точках. Обработке подвергались результаты 100 измерений для каждого изучаемого сплава.

Все сплавы имеют в составе С – до 0,1%, Н – до 0,15%; N – до 0,05%, Zr – до 0,3%, основа – Ti.

Прежде всего, приведем для сравнения данные, полученные без стабилизации температуры горячего электрода. Обработка результатов измерений образцов без пластической деформации по методу наименьших квадратов позволила получить следующую зависимость:

$$U = -0{,}83 \cdot C + 4{,}09, \qquad (1)$$

где C – массовая доля алюминия в сплаве (%), а U – термоэдс (мВ). Коэффициент корреляции, определяемый по формуле (2), составил 97%, что свидетельствует о достаточно высокой достоверности контроля.

$$r = \frac{\sum (C_i - \overline{C})(U_i - \overline{U})}{\sqrt{\sum (C_i - \overline{C})^2}\ \sqrt{\sum (U_i - \overline{U})^2}} \qquad (2)$$

Часть образцов была подвергнута пластической деформации наклепом, в этом случае влияние концентрации алюминия на величину термоэдс может быть представлено следующей зависимостью:

$$U = -1{,}04 \cdot C + 5{,}31, \qquad (3)$$

где коэффициент корреляции равен 94 %. Значения термоэдс конкретных сплавов представлены в таблице 2.

Из полученных результатов следует, что рост содержания алюминия в сплаве сдвигает величину термоэдс в отрицательном направлении независимо от наличия или отсутствия деформации, которая, однако, влияет на численные значения термоэдс.

Теперь рассмотрим результаты измерений со стабилизацией температуры горячего электрода. Эмпирические зависимости термоэдс от содержания алюминия и коэффициенты корреляции определяются следующими соотношениями:

Без деформации

$$U = -0{,}83 \cdot C + 4{,}09,\ r = 98{,}8\%. \qquad (4)$$

Таблица 1

Химический состав изучаемых титановых сплавов

Сплав	Al	Si	Fe	Другие элементы
ОТ-4	0,4 – 1,4	до 0,12	до 0,3	Mn 0,3 – 0,5
ВТ-5	4,5 – 6,2	до 0,12	до 0,3	Mo до 0,8; V до 1,2
ВТ3-1	5,5 – 7,2	0,15 – 0,4	0,2 – 0,7	Mo 2,0 – 3,0; Cr 0,8 – 2,0

Таблица 2

Значения термоэдс в различных титановых сплавах

Сплав	C_{Al}, %	U, мВ (без деформации)	U, мВ (после деформации)
ОТ4	4,3	0,52	0,84
ВТ5	5,3	– 0,31	–0,21
ВТ3-1	6,0	– 0,90	–0,92

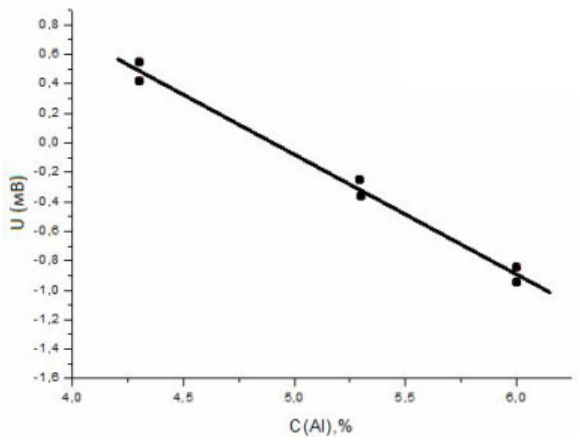


Рис. 2. Влияние концентрации алюминия на величину термоэдс титановых образцов без пластической деформации

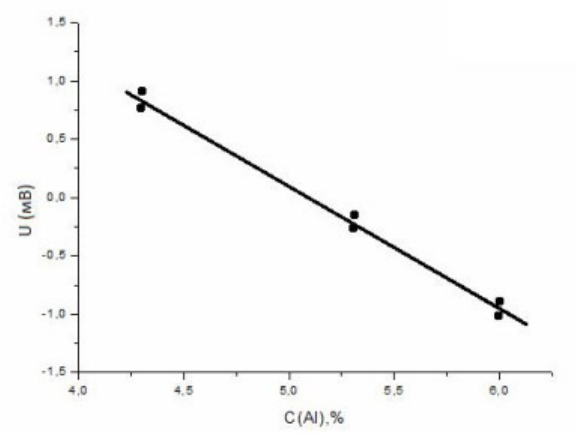


Рис. 3. Влияние концентрации алюминия на величину термоэдс титановых образцов с пластической деформацией

После деформации

$U = -1{,}04 \cdot C + 5{,}31$, $r = 98{,}6$ %.

Усредненные результаты измерений представлены графически для изучаемых титановых сплавов без пластической деформации и после нее (рис. 2 и 3).

Здесь также сохранилась тенденция к уменьшению термоэдс при росте концентрации алюминия в сплаве. Кроме того, показано, что пластическая деформация приводит к повышению значений термоэдс.

Конструкционные пути улучшения качества термоэлектрического контроля признаны удовлетворительными, поскольку это позволило уменьшить диапазоны измеряемых значений и добиться строгой дифференциации результатов при контроле сплавов с близкими концентрациями алюминия.

Во всех рассмотренных случаях обнаружена линейная зависимость термотока от концентрации алюминия в образцах, которая может быть представлена в виде: $I = a \cdot C + b$, где C – концентрация алюминия в образце. Роль стабилизации температуры горячего электрода отражена в значениях полученных коэффициентов a и b (табл. 3).

После расчета коэффициентов регрессионных моделей производился расчет значений термоэдс, определяющих доверительные интервалы. Результаты расчетов представлены в таблице 4.

При расчете коэффициентов регрессионных моделей с помощью компьютерной программы были определены коэффициенты корреляции между концентрацией алюминия и термоэдс. Усовершенствование установки термоэлектрического контроля привело к увеличению значения коэффициента корреляции для образцов без пластической деформации от 0,97 до 0,988, а для образцов с пластической деформацией от 0,98 до 0,986. Это свидетельствует об эффективности стабилизации температуры горячего электрода. Определение коэффициентов вариации показало уменьшение их значений с 9% до 0,5%, что также подтверждает значимость модификации установки.

Сравнительный анализ полученных зависимостей термоэдс от концентрации алюминия в титановых сплавах показал, что стабилизация температуры горячего электрода приводит уменьшению размаха измеряемых значений (рис. 4). Аналогичные результаты получены при исследовании образцов с предварительной деформацией.

Таблица 3

Коэффициенты регрессионных моделей

Коэффициент	*a*, мВ/%		*b*, мВ	
Стабилизация температуры	Нет	Есть	Нет	Есть
Без деформации	–0,85±0,05	–0,832±0,005	4,10±0,05	4,090±0,005
После деформации	–1,04±0,05	–1,042±0,005	5,31±0,05	5,314±0,005

Таблица 4

Доверительные интервалы для определения термоэдс

C(Al),% /стабилизация	Без деформации				После деформацией			
	Нет		Есть		Нет		Есть	
4,3	0,18	0,71	0,468	0,539	0,57	1,1	0,806	0,86
5,3	–0,09	–0,72	–0,29	–0,35	–0,52	0,11	–0,23	–0,19
6	–0,69	–1,35	–0,87	–0,94	–1,28	–0,58	–0,97	–0,90

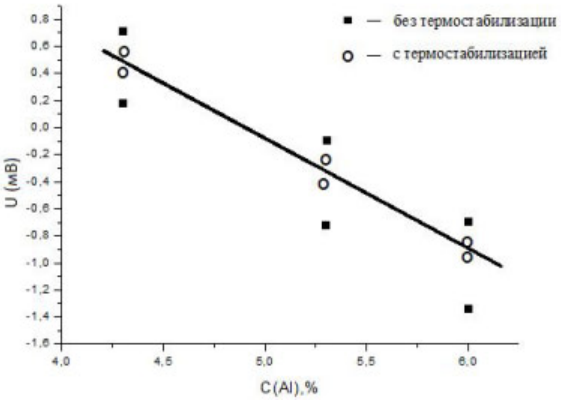


Рис. 4. Сравнение доверительных интервалов термоэдс для образцов без пластической деформации

Оказалось, что отличить деформированный образец от недеформированного с помощью термоэлектрического метода не представляется возможным из-за перекрытия диапазона возможных значений термоэдс.

Таким образом, термоэлетрический метод контроля применим для рассортировки титановых сплавов марок ОТ4, ВТ5, ВТ3-1. Требуемая точность термоэлектрического контроля достигается за счет стабилизации температуры горячего электрода путем введения в схему стабилизатора температуры, собранного на основе терморезистора и термореле. Предлагаемая установка позволяет регулировать температуру электрода с точностью до 1 С.

Установлена линейная корреляционная зависимость между концентрацией алюминия и значениями термоэдс в диапазоне концентраций алюминия от 3,6 до 6,3 масс. %, что позволяет выполнять термоэлектрический неразрушающий контроль с коэффициентом вариации от 1 до 4% и критерием достоверности контроля 0,98. Установка и метод измерения рекомендуются для использования на малых производственных предприятиях.

Библиографический список

1. *Вавилов В.П.* Тепловые методы неразрушающего контроля. – М.: Радио и связь, 1984. – 200 с.

2. *Горкунов Э.С., Сомова В.М., Царькова Т.П., Кузнецов И.А.* Экспресс-анализ химического и фазового состава сталей термоэлектрическим методом // Дефектоскопия. – 1998. – №3. – С. 38–46.

3. *Ермолов И.Н., Фихман И.Д., Чернова В.С.* Технико-экономическая эффективность применения неразрушающего контроля в промышленности. – М.: Машиностроение, 1974. – 160 с.

4. *Зубченко А.С.* Марочник сталей и сплавов. – М.: Машиностроение, 2003. – 784 с.

5. *Ильин А.А., Колачев Б.А., Полькин И.С.* Титановые сплавы. Состав, структура, свойства. Справочник. – М.: ВИЛС-МАТИ, 2009. – 520 с.

6. *Касимов Г.А.* Основы проектирования и конструирования аппаратуры неразрушающего контроля в промышленности. – М.: Московский энергетический институт, 1989. – 171 с.

7. *Клюев В.В., Соснин Ф.Р., Филинов В.Н.* Неразрушающий контроль и диагностика. Справочник. – М.: Машиностроение, 1995. – 400 с.

8. *Клюев В.В.* Приборы для неразрушающего контроля материалов и изделий. Кн. 1. – М.: Машиностроение, 1986. – 488 с.

9. *Самойлович А.Г.* Термоэлектрические и термомагнитные методы превращения энергии. Конспект лекций. – М: Изд-во URSS, 2007. – 224 с.

10. *Тарасов А.В.* Металлургия титана. – М.: Академкнига, 2003. – 328 с.

11. *Чечулин Б.Б.* Титановые сплавы в машиностроении. – Л.: Машиностроение, 1977. – 248 с.

УДК 660

Акаев Олег Павлович
доктор технических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
akaev@list.ru,
Войнаровска А.,
Желязны С.
кандидат технический наук,
Жуковски В.
доктор технический наук
Краковский политехнический институт им. Тодеуша Костюшко

ТЕРМИЧЕСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА ОТХОДОВ ЭЛЕКТРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В статье описывается процесс термической утилизации отходов электронного электрооборудования. Установлено, что преобразования тепловой энергии отходов, газовых выбросов и выхлопных газов (NO_x, CO, CO_2, LZO, SO_2) можно осуществить в результате разработки простого, экономически эффективного способа. При этом предложена технология извлечения дорогостоящих и дефицитных цветных металлов.

Ключевые слова: *электронное и электрическое оборудование, реактор с кипящим слоем.*

В настоящее время в мире возрастают проблемы, связанные с утилизацией огромных объемов отходов электронной и электрохимической промышленности. По отношению к количеству отходов других видов деятельности человека их объем составляет 3–5% [1]. Считается, что только в государствах Евросоюза ежегодно производится в год 10,3 млн. тонн новых электронных и электрических приборов. Предполагают, что до 2020 года общее количество отходов, образующихся из отработанных приборов этих отраслей, достигнет величины 12,3 млн. тонн [2].

Возрастающее количество этих отходов связано, прежде всего, с постоянно развивающимися технологиями и желанием располагать новыми, более современными техническими изделиями. Основной проблемой является утилизация отработанных электрических и электронных приборов. Складируемые использованные приборы негативно влияют на здоровье людей и окружающую среду. Это связано с тем, что в состав материалов приборов входят тяжелые металлы, а также органические соединения, которые приводят к стойким загрязнениям окружающей среды.

Ввиду сильно различающегося состава этого типа отходов, необходимо организовать их селективный сбор и утилизацию, что является очень актуальным в настоящее время.

Переработка отработавших свой срок приборов электронной и электрохимической промышленности должна быть прибыльной. Это может быть достигнуто путем снижения объемов этих отходов, утилизации энергии, аккумулированной в химических связях горючих компонентов, а также утилизации цветных металлов, содержащихся в отходах.

Для наглядности химического разнообразия компонентов только одного из утилизируемых частей приборов – электронной платы принтера – приведем ее химический элементный состав.

Списанное оборудование электронной и электротехнической промышленности содержит множество элементов, которые можно разделить механическим способом (стальные конструкционные элементы, пластмассовый корпус и т.д.).

В настоящее время практически каждый вид прибора содержит электронные платы, что вызвано применением более сложных конструкций их схем.

Таблица 1

Химические элементы, входящие в состав электрической схемы на плате принтера

Состав электрической платы принтера	Содержание (% массы)	Состав электрической платы компьютера	Содержание (% массы)
Искусств. материал	49,8	Au	0,083
Cu	23,7	Cd	0,066
Fe	7,47	Ta	0,032
Br	4,65	Pd	0,021
Pb	4,48	Be	0,015
Sn	3,65	Se	0,014
Ni	3,32	Ce	0,008
Sb	1,83	Pt	0,006
Zn	0,747	La	0,005
Ag	0,083	Hg	0,002

© Акаев О.П., Войнаровска А., Желязны С., Жуковски В., 2012

Интегральные электронные платы представляют собой комбинированный материал, где все элементы соединены в определенной последовательности, обеспечивающей надежное функционирование прибора. Демонтаж различных элементов таких плат является весьма энергоемким, трудоемким процессом и не ведет к получению частей, которые могут быть использованы повторно. Сама плата, являющаяся носителем электроники (так называемый ламинат) состоит из металлических, проводящих электрический ток и изолирующих слоев. Последние состоят из искусственных материалов с неорганическими наполнителями. Разнообразные компоненты электронных плат, их функциональные электронные элементы приготовлены также из различных материалов – металлов, полупроводников, синтетических полимерных материалов.

Из-за отсутствия возможности механического демонтажа различных элементов электронных плат единственным способом их утилизации является сжигание в кипящем слое с использованием инертного носителя. Это позволяет сжечь детали из полимеров и получить негорючие элементы (металлы) в виде порошкообразного материала, из которого можно выделить их различными приемами.

Термическая утилизация отходов. Согласно положению 2001/77 Европейского Сообщества сжигание отходов должно исполнять роль возобновляемого источника энергии. Это положение приобретает все большее значение в аспекте снижения оплаты жителями коммунальных услуг за обезвреживание отходов.

Только в странах Евросоюза около 12% опасных отходов образуется после сжигания, причем в год это составляет около 22 млн. тонн в массовом выражении.

Позитивным примером может служить построенный в Великобритании завод по переработке использованного электронного оборудования. На это предприятие доставляется материал из школ, госпиталей, а также других организаций, применяющих различные электроприборы. Завод способен переработать 120 холодильников, 60 телевизоров и 6 тонн других мелких электроприборов в час. Он имеет современное оборудование, способное утилизировать приборы, которые до этого момента попадали на свалки в связи с отсутствием специального оборудования для проведения его демонтажа.

Фирма выработала концепцию, согласно которой строящиеся заводы по переработке таких отходов должны занимать минимум площадей, оказывать минимальное влияние на окружающую среду, потреблять минимум энергии [4].

Различают несколько типов термических процессов, которые могут быть использованы при утилизации отходов, например: сушка, газификация, пиролиз, сжигание. Однако принято полагать, что сжигание является конечным этапом утилизации отходов, а другие технологии, как, например, пиролиз и газификация, являются этапами промежуточными и ведут к их термодеструкции [8].

В результате процессов газификации и пиролиза получаются продукты, которые после очистки можно утилизировать или сжечь. Однако целью термического преобразования отходов является использование их энергетического потенциала. При этом следует использовать возможно простые способы, а также способы, не влияющие отрицательно на окружающую среду. Исходя из этого принято, что наиболее рациональным методом утилизации является сжигание [3].

Типовая печь для сжигания отходов представляет собой вращающийся цилиндрический аппарат. Воздух в топку подается, как правило, снизу. За топкой располагаются камеры дожигания сырьевых компонентов. Чем больше объем камер сжигания, тем больше время пребывания в них продуктов сгорания. Однако при этом происходит повышение инвестиционных затрат на создание таких заводов. Высокая температура сжигания (особенно по отношению к так называемой температуре дожигания), а также достаточно большое время пребывания в камере дожигания являются наиважнейшими параметрами, позволяющими получить выхлопные газы, содержащие минимальное количество вредных примесей, в том числе полихлорированных диоксинов и фуранов.

В процессе сжигания важное значение имеет утилизация твердых продуктов реакции. Узлом очистки от твердых продуктов сжигания, то есть пыли, являются рукавные фильтры и электрофильтры. Рукавные фильтры, однако, выходят из строя, когда температура газов является высокой. Поэтому приходится использовать теплообменники, которые, утилизируя тепловую энергию горячих газов, служат дополнительным источником тепла.

Далее продукты горения поступают в «основной узел», задачей которого является поглощение сернистого газа. Наиболее эффективным способом поглощения сернистого газа является барботирование его через раствор гидроксида кальция. Поглощение диоксида серы по этому способу достигает 99%, а конечным продуктом является незначительное количество суспензии гипса в качестве шлама.

При протекании процесса поглощения диоксиды серы происходит частичное связывание диоксида углерода, поглощаются сопутствующие кислые продукты горения, а также соединения тяжелых металлов. Чтобы повысить эффективность очистки выделившихся газов от HCl и HF, в технологическую схему включена стадия мокрой очистке, так называемый «кислый узел», в котором активным реагентом является гидроксид натрия.

Другой технологической операцией, которая должна быть составной частью современных заво-

дов по сжиганию отходов, является узел восстановления оксидов азота NO_x. Эти загрязнения являются опасными ввиду того, что могут формировать вместе с другими компонентами топочных газов так называемый фотохимический «смог» и далее переходить в виде тумана в жидкую фазу (дождь, содержащий азотную кислоту). Однако в температурном интервале 850–1000° С оксиды азота редуцируются до элементарного азота [5].

Термическая переработка электрических проводов и изучение возможности извлечение из них металлов. Термическую переработку изолированных электрических проводов с элементами электроники (конденсаторы, резисторы, элементы микросхем) проводили в обогреваемом реакторе с псевдоожиженным слоем. Этот слой является той средой, которая характеризуется практически нулевым градиентом высоких температур, а также высокой степенью турбулентности газовой и твердой фаз, обеспечивающей доступ окислителя к сжигаемому материалу (особенно полимерам). Основным видом топлива, которое позволяет обеспечить постоянную высокую температуру процесса, а также постоянную динамику горения, является газ пропан-бутан. Одновременно источником тепла становятся элементы электрической схемы компьютеров, которые периодически вводятся в зону реакции в специальной жаропрочной металлической корзине. В процессе сжигания проводится постоянный мониторинг содержания газов в продуктах горения,(NO_x,CO_2 ,SO_2), которые должны иметь низкий уровень и не превышать установленных норм [6].

Замечено, однако, что содержание оксида углерода несколько превышено. Это не создает проблем, так как процесс осуществляется в агрегате без дожигающего устройства, которое привело бы к увеличению его содержания в выхлопных газах.

Также проведены исследования, направленные на экстракцию металлов из обработанного термически материала. Для этого изучаемый материал после термообработки подвергался измельчению до размеров частиц менее 0,2 мм. При отработке технологии регенерации металлов следует соблюдать условие, при котором процесс был бы экологичным, экономичным и эффективным.

До настоящего времени в качестве экстрагирующих растворов использовали гидроксид калия (30%), а также серную кислоту (25%, 45%, 65%, 95%). Основными требованиями к экстрагентам является то, чтобы используемые материалы были минимально токсичны для окружающей среды и не вызывали больших затрат на их приобретение. В свете изложенных требований наиболее перспективным является использование серной кислоты.

Полученный раствор, содержащий металлы, может являться непосредственным сырьем для электрохимического или металлургического их разделения.

Термическая переработка в «кипящем слое» элементов электрических приборов позволяет снизить количество отходов, токсичных для окружающей среды, а также получить тепловую энергию, которая позволяет проводить обработку в автотермическом режиме протекания процесса.

Термообработку можно проводить при постоянном мониторинге концентраций выделяемых газов(NO_x,CO,CO_2 ,SO_2) и, таким образом, не превышать их допустимый выброс в атмосферу.

Метод сжигания дает возможность с помощью несложных технологических приемов возвращать металлы в производственные циклы и пополнить их традиционную сырьевую базу.

Библиографический список

1. *Divom V.* Zarządzanie elektroodpadami w Bulgarii // Recykling. – 2009. – № 1 (97).

2. Funkcjonowanie i nieprawidlowosci w systemie zarzadzania zużytym sprątem elektrycznym i elektronicznym (ZSEE) w Polsce. Instytut Badan Nad Gospodarką Rynkową. – Warszawa, Marzec, 2010.

3. *Nadziakiewicz J., Waclawiak K., Stelmach S.* Procesy termiczne utylizacji odpadow. Wydawnictwo Politechniki Sląskiej. – Gliwice, 2007.

4. *Pajak T.* Stan zaawansowania oraz ocena projektow // Przeglad Komunalny. – 2009. – №1, dodatek specjalny.

5. *Piecuch T.* Termiczna utylizacja odpadów wdraźać czy nie? PAN Oddzial w Gdansku. – Szczecin, 1999.

6. Rozporzadzenie Ministra Środowiska z dnia 22.04.201 lr. w sprawie standardow emisyjnych z instalacji, Dziennik Ustaw z 201 lr. Nr 62 poz. 627.

7. *Sun J., Wan W., Ma C, Dong Y.* Study on pyrolysis characteristics of electronic waste // Proceedings of the 2009 International Conference on Chemical, Biological and Environmental Engineering. CBEE 2009. Shandong University Janin, PR China.

8. Ustawa o odpadach z dnia 27.04.2001 r. Dz.U. z 2010 nr 185 poz. 1243.

УДК 553.97

Гнатюк Анна Борисовна
кандидат технических наук
Ивановский филиал Владимирского юридического института ФИИН России
abg-07@mail.ru
Ершов Владимир Николаевич
кандидат технических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
yvn@ksu.edu.ru

МЕТОДИКА ПОСТРОЕНИЯ РЕЗУЛЬТИРУЮЩИХ МОДЕЛЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ И ЕЕ ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

В статье изложена методика оценки свойств территории на основе использования функций пространственного влияния. Представлена системная технология применения данной методики, алгоритмы построения результирующих моделей свойств территории и программный модуль, реализующий данные алгоритмы. Практическое приложение разработанных методов и средств перспективно, в частности, для решения задач определения мест размещения промышленных предприятий.

Ключевые слова: *оценка свойств территории, функции пространственного влияния, программный модуль, определение размещения предприятий.*

Территориальная система относится к классу сложных систем из-за большого количества пространственных объектов и факторов, имеющих различную физическую и социально-экономическую природу, и наличия между ними сложной структуры взаимодействий и взаимовлияния. Поэтому для оценки свойств территории разработана специальная методика.

Исходными элементами исследуемой системы свойств территории являются объекты, принадлежащие этой территории, и их модели пространственного влияния. Задача общей оценки свойств территории в наиболее простом случае заключается в том, чтобы просуммировать в каждой точке величины влияния каждого из объектов этой территории. Данная методика позволяет учесть «в индивидуальном порядке» все значимые для решаемой задачи объекты, используя единую технологию. Таким образом, снимаются методологические и технологические проблемы и ограничения по степени детализации учитываемых объектов и факторов. За счет этого в значительной мере повышается конкретность и точность пространственного анализа, а также его практическая ценность. Однако получение результирующего свойства территории простым суммированием влияния отдельных объектов применимо только в простейших случаях, когда все объекты однородны и их влияния на прилегающую территорию накладываются друг на друга. Примером такого суммарного влияния является загрязнение воздушного бассейна города от дымовых выбросов котельных и ТЭЦ.

В подавляющем большинстве для получения интегральных свойств территории необходимо учитывать влияние разнородных по количественным и качественным характеристикам факторов. В этих случаях объединение влияния отдельных объектов представляет самостоятельную задачу, решение которой требует применения системного подхода. Примером такой задачи является комплексная оценка экологической обстановки при воздействии на территорию различных видов источников загрязнения.

При решении задачи объединения разнородных данных для получения комплексной оценки экологического состояния окружающей среды предлагается применение нормированной оценочной шкалы, состоящей из равных отрезков [2]: 0–1 – значительно ниже нормы; 1–2 – ниже нормы; 2–3 – норма; 3–4 – выше нормы; 4–5 – значительно выше нормы. По существу такая нормированная шкала представляет собой функцию принадлежности. Принятие того или иного значения оцениваемой величины на нормированной шкале определяется как вероятность нахождения оцениваемой величины в определяемых экспертно интервалах концентрации. Кроме того, для каждой группы оценок, например, полученных для разных сред (воздух, вода, почва), производится сортировка в соответствии с максимальным значением каждого качества и выбираются наиболее критичные оценки. Для аварийных ситуаций эти критические величины соответствуют значениям в интервале 4–5 (значительно выше нормы); для обычных условий выбирается интервал 2–3 (норма). Дополнительно к этому учитывается степень достоверности определения величины рассматриваемых факторов.

Отсюда следует вывод, что получение комплексной или интегральной оценки свойства территории, даже когда влияния объектов представляют собой физические процессы, является самостоятельной и довольно сложной проблемой. Для случаев, когда наряду с физическими процессами влияния объектов на прилегающую территорию требуется учитывать объекты с виртуальным характером влияния, необходима разработка системной методики определения свойств территории, основывающейся на моделях пространственного влияния объектов. Это диктует необходимость приме-

© Гнатюк А.Б., Ершов В.Н., 2012

нения системной технологии для оценки свойств территории с позиции определения места размещения предприятий. Она включает в себя следующие этапы:

– структурирования, то есть представления территориальной системы в виде множества взаимодействующих между собой элементов и осуществления функциональной, компонентной и структурной декомпозиции;

– анализа, включающего в себя функционально-структурный, морфологический, генетический и другие виды анализа, в результате которых реализуется формирование детального представления территориальной системы;

– синтеза, в результате которого, исходя из общесистемной закономерности эмерджентности или целостности, определяются интегральные свойства территории и оцениваются варианты альтернативных решений.

Системную технологию определения свойств территории с помощью моделей пространственного влияния объектов можно представить в виде последовательности трех шагов. На первом формируются модели пространственного влияния (МПВ) отдельных объектов, которые определяют свойства исследуемой территории. На втором – все объекты структурируются на однотипные объекты, то есть на те, которые имеют подобные (однотипные) МПВ, и затем для каждой группы однотипных объектов находятся результирующие модели пространственного влияния. На третьем шаге результирующие МПВ объединяются в интегрированную модель свойств территории.

Данные этапы определения свойств территории осуществляются путем использования ГИС-технологии. Соответственно, однотипные объекты представляются тематическим слоем цифровой карты, а результирующие модели этих слоев – в виде рельефов, изображаемых линиями равного уровня. Такие результирующие геомодели будем называть тематическими монорельефами. В свою очередь, геомодель, получаемую в результате объединения тематических монорельефов, будем называть полирельефом.

Системный подход предопределяет широкое применение ГИС, как инструмента пространственного анализа, и ставит задачу создания экспертных географических систем, дающих целенаправленную информацию об определенных свойствах, признаках, взаимосвязях и других содержательных аспектах характеристики различных территориальных явлений и объектов. Поэтому первой задачей в получении интегрированных свойств территории является декомпозиция объектов, принадлежащих этой территории, и их структурирование по однотипности, то есть по тематическим слоям.

Практическая реализация модуля пространственного моделирования заключается в создании программного комплекса, способного обрабатывать как атрибутивную, так и пространственную информацию. Если обработка атрибутивной информации не представляет существенных трудностей, то пространственные данные поддаются анализу гораздо труднее. Поэтому необходимо в первую очередь создать программный продукт, расширяющий возможности стандартной геоинформационной системы. В этом случае обработка пространственных данных возлагается на ГИС, а построение моделей тематических слоев и комплексных свойств территории – на программный модуль. Кроме построения моделей, на этот модуль также ложится задача управления функциями пространственного анализа ГИС и обмена данными между ним и информационной системой.

Обмен данными между ГИС и программным модулем осуществляется средствами динамического обмена данными (DDE) между приложениями в среде Windows. За базовую ГИС выбрана GIS ArcView, разработанная фирмой ESRI. Выбор данной ГИС обусловлен не только приемлемым соотношением цена/качество, широким распространением данной ГИС в России, но и возможностью написания собственных функций обработки пространственных данных с использованием встроенного объектно-ориентированного языка Avenue. Дополнительный набор функций прописывается в виде скриптов, которые могут быть вызваны на выполнение из другой программы. Именно данный механизм и использован для обработки пространственных данных, необходимых для построения пространственных моделей. Таким образом, исходя из системной технологии, описанной выше, получим следующие алгоритмы, представленные на рисунках 1 и 2.

Алгоритм построения пространственной модели тематического слоя, состоит из следующих блоков (см. рис. 1):

Блок 1. На этом этапе происходит считывание параметров моделирования из базы данных. Считываются следующие параметры: перечень факторов, учитываемых при моделировании; вид влияния объектов; коэффициент веса объекта, радиус действия; наличие (отсутствие) розы ветров; тип объединения объектов внутри тематического слоя. *Блок 2*. Исходя из масштаба представления пространственных данных, определяется шаг сетки. *Блок 3*. Задается цикл перебора всех N-слоев, содержащихся на электронной карте. *Блок 4*. Определяется необходимость построения пространственной модели для данного тематического слоя. *Блок 5*. Осуществляется построение модели i-го тематического слоя. *Блок 6*. Функция данного блока заключается в определении методом частотного анализа оптимального шага квантования модели полученной поверхности. *Блок 7*. Задается новый шаг сетки. *Блок 8*. Функции данного блока анало-

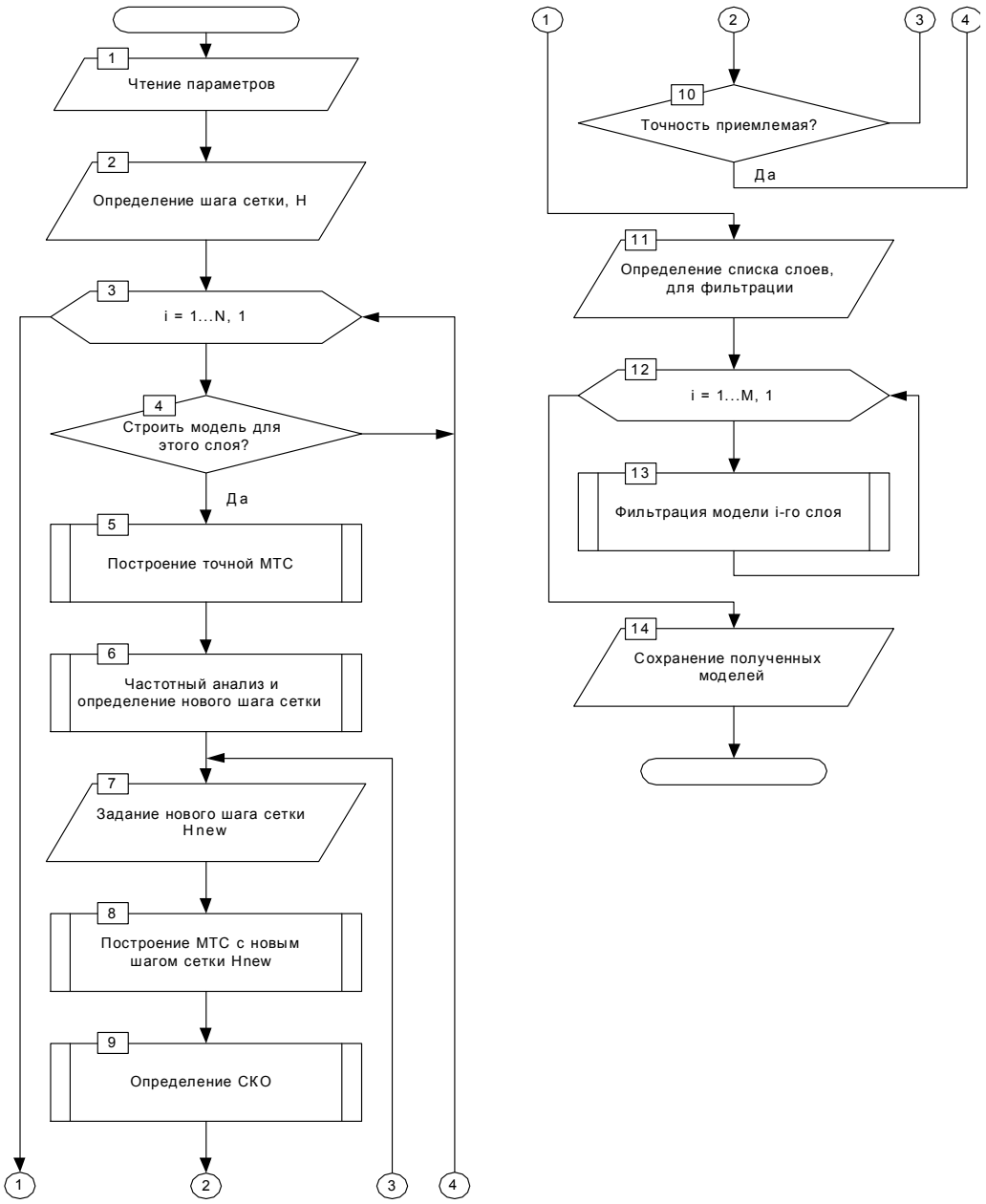


Рис. 1. Алгоритм построения модели тематического слоя

гичны функциям блока 5, только модель строится с шагом сетки, введенным в предыдущем блоке. *Блок 9*. Определяется среднеквадратическое отклонение модели, полученной в блоке 8, от точной модели, полученной в блоке 5. Если точность приемлема (что определяется пользователем – *Блок 10*), то переходим к 11 блоку. *Блок 11*. Пользователем выделяются слои, которые необходимо отфильтровать.

В *Блоке 12* осуществляется задание цикла перебора сформированного списка слоев, где M – количество слоев, модели которых необходимо отфильтровать. *Блок 13*. Фильтруется i-ый слой. Тип фильтра определяется пользователем. *Блок 14*. Сохраняются полученные модели тематических слоев в базе данных.

Алгоритм построения модели комплексных свойств территории состоит из следующих блоков (см. рис. 2): *Блок 1*. На этом этапе происходит считывание параметров моделирования из базы данных. Считываются следующие параметры: коэффициент веса данного тематического слоя; функции объединения тематических слоев в монорельефы и полирельеф; значения ограничивающих параметров, а также модели тематических слоев (МТС), участвующих в построении модели комплексных свойств (МКС). *Блок 2*. Для тех слоев, функции объединения которых относятся к группе реализующей модели, пользователем задается текст алгоритма. *Блок 3*. Определяется минимальный шаг задания сетки H_{min} для всех МТС. Найденное значение является базовым, и именно с этим шагом

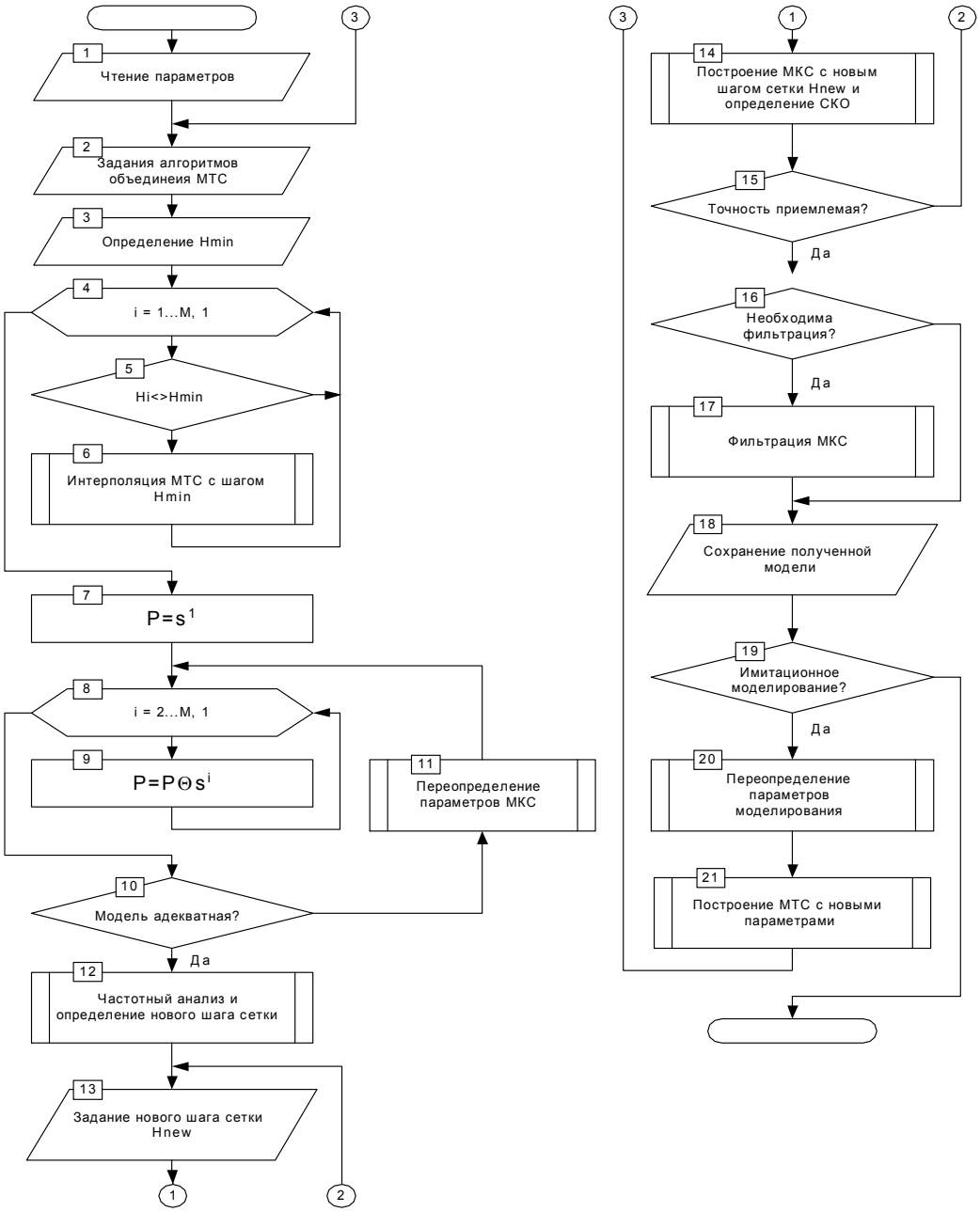


Рис. 2. Алгоритм построения модели комплексных свойств

будет построена МКС. *Блоки 4, 5, 6*. Для тех моделей, шаг квантования которых не соответствует базовому, проводится интерполяция кубическими сплайнами. Теперь все МТС имеют одинаковый шаг задания сетки. *Блок 7*. Модель комплексных свойств приравнивается к модели первого по списку тематического слоя. *Блоки 8, 9*. Через последовательное прохождение всех оставшихся слои производится слияние их по соответствующей данному слою функции бинарного объединения. *Блоки 10, 11*. Пользователь проверяет адекватность полученной модели. Если модель не адекватна, то необходимо переопределить параметры моделирования, указанные в описании блока 1. *Блоки 12–18*. Аналогичны блокам 6–14 построения моделей тематических слоев. *Блок 19*. У пользователя запрашивается, будет ли проводиться имитационное моделирование: если «НЕТ», то заканчивается настройка модели на работу и заканчивается работа модуля; если «ДА», то осуществляется переход к процессу имитационного моделирования (исследования) – блок 20. *Блок 20*. Осуществляется вариация параметров моделирования в соответствии с условиями имитационного моделирования. *Блок 21*. Заново повторяется алгоритм построения МТС для тех слоев, параметры которых изменились. Далее проводится процедура построения модели комплексных свойств территории.

Программный модуль (ПМ) предназначен для построения моделей влияния объектов, расположенных на исследуемой территории, и выводе полученной модели в виде растрового изображения,

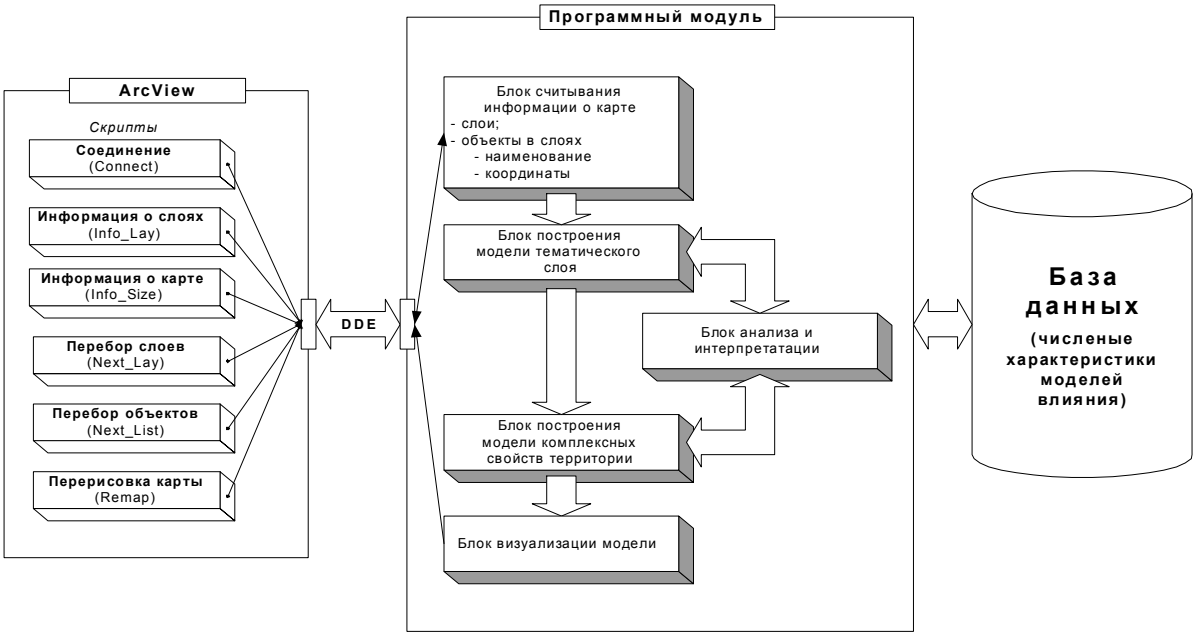


Рис. 3. Структурная схема модуля пространственного моделирования

имеющего территориально-координатную привязку. Модуль представляет собой самостоятельную программную единицу и предназначен для работы с ГИС ArcView версии 3.0 фирмы ESRI. Программный модуль написан на языке C++ в среде Borland C++ Builder 4. Как отмечалось выше, обмен данными между ГИС и программным модулем осуществляется средствами динамического обмена данными (DDE – Dynamic Data Exchange) между приложениями в среде Windows, а дополнительный набор функций прописывается в виде скриптов, которые могут быть вызваны на выполнение из другой программы. Именно данный механизм и использован для обработки пространственных данных, необходимой для построения пространственных моделей. При обмене данными одна из сторон выступает в качестве сервера (ArcView), другая – в качестве клиента (программный модуль). Этот протокол позволяет не только обмениваться данными, но и пересылать запросы на выполнение каких-либо операций.

Структурная схема модуля представлена на рисунке 3.

Данный модуль нашел практическое применение для решения задач пространственного анализа по рациональному размещению промышленных предприятий. Он был использован для определения энергетической обеспеченности регионов Костромской области в рамках создания ГИС «Энергоресурсы Костромской области» по заказу Региональной энергетической комиссии для оценки перспективности развития торфяной промышленности, а также применяется в учебном процессе при преподавании дисциплины «Информационные технологии в управлении».

Библиографический список

1. *Гнатюк А.Б.* Парадигма информационного поля и моделирование системного взаимодействия территориальной инфраструктуры и производственно-технических комплексов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова: Системный анализ. Теория и практика. – 2008. – № 14. – С. 5–8.

2. *Алексеев В.В., Куракина Н.И., Желтов Е.В.* ГИС комплексной оценки состояния окружающей природой среды // ArcReview. – 2007. – № 1(40). – С. 21–27.

3. *Гнатюк А.Б., Кутузова О.А.* Моделирование взаимовлияния территориальной инфраструктуры и производственных комплексов для целей управления // Промышленные АСУ и контроллеры. – 2011. – № 7. – С. 46–48.

УДК 372.8:51

Колоскова М. Е.
СУНЦ Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

ИНДУКТИВНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОДНОГО ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Данная статья посвящена одному неожиданному применению метода математической индукции при решении геометрической задачи, в которой устанавливается связь между отношением углов и отношением длин сторон заданного треугольника, а именно: для любого треугольника ABC, в котором $\alpha = \angle CAB$, $\beta = \angle CBA$, имеют место неравенства $\frac{AC}{AB} > \frac{\beta}{\alpha+\beta}$, $\frac{BC}{BA} > \frac{\alpha}{\alpha+\beta}$.

Ключевые слова: *геометрическое неравенство, индуктивное доказательство, метод математической индукции.*

Изучение основных математических принципов и методов является неотъемлемой частью математических курсов в школе имени А.Н. Колмогорова Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В частности, при изучении метода математической индукции мы не ограничиваемся только стандартными задачами на доказательство формул, а показываем его применение и в геометрических задачах.

Примером одной такой геометрической задачи (см.: [3]) является доказательство того, что *для любого треугольника ABC, в котором $\alpha = \angle CAB$, $\beta = \angle CBA$, имеют место неравенства*

$$\frac{AC}{AB} > \frac{\beta}{\alpha+\beta}, \quad \frac{BC}{BA} > \frac{\alpha}{\alpha+\beta}. \qquad (1)$$

Эти геометрические неравенства, с одной стороны, обобщают тот факт, что боковая сторона равнобедренного треугольника больше половины его основания, а с другой стороны, эквивалентны тому, что функция

$$y = \frac{\sin x}{x}, \ x \in \left(0; \frac{\pi}{2}\right],$$

является монотонно убывающей.

Указанная эквивалентность является следствием теоремы синусов для треугольника ABC, а точнее, равенств $AC = 2R\sin\beta$, $BC = 2R\sin\alpha$, $AB = 2R\sin(180-(\alpha+\beta)) = 2R\sin(\alpha+\beta)$: после подстановки в (1) они превращаются в неравенства

$$\frac{\sin\beta}{\beta} > \frac{\sin(\alpha+\beta)}{\alpha+\beta}, \quad \frac{\sin\alpha}{\alpha} > \frac{\sin(\alpha+\beta)}{\alpha+\beta}. \qquad (2)$$

Отметим также, что неравенства (1), (2) можно также переписать в форме, в которой фигурируют длины дуг окружностей и стягивающих их хорд: если AB и AC две хорды окружности, AB < AC, стягивающие дуги, не превышающие по длине половину длины окружности, то

$$\frac{AB}{AC} > \frac{[\text{дуга } AB]}{[\text{дуга } AC]}, \qquad (3)$$

где [l] обозначает длину l.

Доказательству неравенств (1) посвящена одна лекция в курсе геометрии десятого класса. Это доказательство опирается только на геометрические понятия и применение метода математической индукции. Возвращаясь, со временем, к доказательству этих неравенств уже в курсе математического анализа, мы, конечно, всегда акцентируем на этом внимание учеников.

Яркой отличительной особенностью доказательства является неожиданное применение принципа математической индукции в ситуации, когда вообще отсутствует натуральный параметр. Поэтому, прежде чем доказывать утверждение с помощью метода математической индукции, требуется этот параметр обнаружить. Следуя работе [3], разобьем доказательство на два случая: углы α, β соизмеримы и несоизмеримы.

1) Если углы α и β соизмеримы, то это, по определению, означает, что эти углы имеют общую меру δ, для которой $\alpha = p\delta$, $\beta = q\delta$ (p, q – натуральные взаимно простые числа).

Воспользуемся методом математической индукции и проведем ее по сумме $n = p + q$ натуральных взаимно простых чисел.

База индукции. При $p + q = 2$ имеем $p = 1$ и $q = 1$. Тогда треугольник ABC равнобедренный и нужные неравенства очевидны: они следуют из неравенства треугольника.

Шаг индукции. Предположим теперь, что нужные неравенства установлены для $p + 2 = 2, 3, \ldots, k-1$, $k > 2$. Докажем, что неравенства справедливы и для $p + q = k$.

Пусть ABC данный треугольник ABC, у которого $p + q = k > 2$. Тогда стороны AC и BC не могут быть равными: пусть $AC > BC$. Построим теперь, как на рисунке 1, равнобедренный треугольник ADC; имеем:

$$AC = DC \text{ и } 2\,AC > AD = AB + BD. \qquad (4)$$

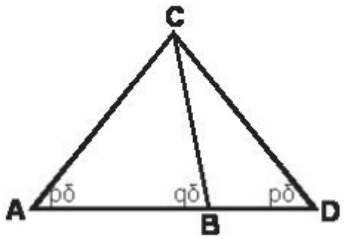


Рис. 1.

© Колоскова М.Е., 2012

Рассмотрим теперь треугольник BDC, углы которого также соизмеримы:

$\angle DCB = (q-p)\delta,\ \angle BDC = p\delta$.

Для этого треугольника выполнено индуктивное предположение и поэтому

$$BD > \frac{q-p}{q} CD$$

или

$$BD > \frac{q-p}{q} AC. \qquad (5)$$

Складывая (4) и (5), имеем:

$$2AC + BD > \frac{q-p}{q} AC + AB + BD,$$

и поэтому

$$\frac{AC}{AB} > \frac{q}{p+q} = \frac{\beta}{\alpha+\beta}.$$

Из того же треугольника BDC по предположению индукции заключаем, что

$$CB > \frac{p}{q} CA.$$

Учитывая предыдущее неравенство, отсюда заключаем, что

$$\frac{BC}{BA} > \frac{\alpha}{\alpha+\beta}.$$

Таким образом, индуктивный переход (при соизмеримых углах α и β) установлен и утверждение задачи следует из принципа математической индукции.

2) Утверждение задачи остается в силе и в том случае, когда углы α и β не являются соизмеримыми. В основе рассмотрения в общем случае уже приходится применять другой важный математический принцип – принцип непрерывности.

Разделим α на p равных частей (так, что $\alpha = p\delta$) и определим q из условия

$q\delta < \beta < (q+1)\delta$.

Рассмотрим теперь треугольник ABC', углы которого при стороне AB равны $p\delta$ и $q\delta$. Так как углы при стороне AB этого треугольника соизмеримы, то, по уже доказанному в п.1), имеем:

$$\frac{AC'}{AB} > \frac{q}{p+q} \text{ и } \frac{BC'}{AB} > \frac{p}{p+q}.$$

Легко видеть, что

$$\frac{\alpha}{\alpha+\beta} < \frac{p}{p+q} < \frac{\alpha}{\alpha+\beta-\delta}$$

$$\text{и } \frac{\beta}{\alpha+\beta} < \frac{q}{p+q} < \frac{\beta}{\alpha+\beta-\delta}.$$

Следовательно, при $p \to \infty$ (то есть при $\delta \to 0$) отношения $\frac{p}{p+q}$ и $\frac{q}{p+q}$ имеют пределы, и из предыдущих неравенств заключаем, что

$$\frac{AC}{AB} \geq \frac{\beta}{\alpha+\beta} \text{ и } \frac{BC}{AB} \geq \frac{\alpha}{\alpha+\beta}. \qquad (6)$$

Это следует из того, что при $p \to \infty$ стороны AC' и BC' стремятся к AC и BC соответственно, что вытекает из неравенств $0 < \beta - q\delta < \delta$.

Доказательство того, что в (6) знак равенства невозможен, основано на использовании еще раз той же конструкции (рис. 1).

Из треугольника BDC имеем:

$$BD \geq \frac{\beta-\alpha}{\beta} AC \text{ и } 2AC > AB + BD.$$

Следовательно,

$$(2 - \frac{\beta-\alpha}{\beta}) AC > AB$$

или

$$\frac{AC}{AB} > \frac{\beta}{\alpha+\beta}.$$

Комбинируя с неравенством

$$\frac{CB}{AC} \geq \frac{\alpha}{\beta},$$

(которое следует по доказанному выше из треугольника BDC), окончательно получаем

$$\frac{CB}{AB} > \frac{\alpha}{\alpha+\beta}.$$

Что и требовалось доказать.

Библиографический список

1. *Головина Л.И., Яглом И.М.* Индукция в геометрии. – М.: Физматлит, 1961.

2. *Пойа Д.* Математика и правдоподобные рассуждения. – М.: Наука, 1975.

3. *Uspensky J.V.* A case of the use of mathematical induction in geometry // Amer. Math. Monthly. – 1934. – № 34. – P. 247–250.

4. *Вавилов В.В., Колоскова М.Е.* Принцип математической индукции // Потенциал. – 2008. – №2.

УДК 591.1 + 615.1

Кузьмин Федор Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Фатеев Михаил Михайлович
доктор биологических наук
Григорьева Мария Валерьевна
кандидат биологических наук
Ярославская государственная медицинская академия

ОДНОКРАТНОЕ И ДЛИТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦИННАРИЗИНА НА ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ СЕРДЕЧНОГО РИТМА У КРЫС, НАХОДЯЩИХСЯ В РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ

Изучение воздействия блокатора кальциевых каналов циннаризина на сердечный ритм показало, что однократное применение его у наркотизированных крыс и крыс, находящихся в состоянии кратковременного иммобилизационного стресса, приводит к существенному повышению вариабельности сердечного ритма (ВСР) и тонуса парасимпатического отдела автономной нервной системы (АНС).

Ключевые слова: *вариабельность сердечного ритма, автономная нервная система, циннаризин, наркоз, кратковременный иммобилизационный стресс, хроническая сердечная недостаточность.*

Циннаризин относится к высокоселективным блокаторам медленных кальциевых каналов L-типа из группы дифенилпиперазинов, который обладает выраженным антиспастическим влиянием на сосуды головного мозга. Препарат улучшает мозговое, коронарное и периферическое кровообращение, обладает антигипоксическим действием, снижает возбудимость вестибулярного аппарата [15].

Блокаторы кальциевых каналов представляют весьма разнородную группу. Они отличаются друг от друга по химической структуре, фармакодинамике, клиническим и возможным побочным эффектам [6; 16]. Общим свойством всех представителей антагонистов кальция является способность обратимо блокировать медленные кальциевые каналы, что не меняет концентрацию ионов кальция в плазме, однако снижает содержание этих ионов внутри клетки [4; 9].

По химической природе блокаторы кальциевых каналов классифицируют на фенилалкиламины (верапамил, цилнидипин), бензотиазепины (дилтиазем), дигидропиридины (нифедипин, амлодипин) и дифенилпиперазины (циннаризин, флунаризин) [15]. Фармакологи различают несколько типов потенциалзависимых кальциевых каналов: L, T, N, P/Q, R, из которых наиболее значимыми являются каналы L-типа [15; 18]. Каналы L-типа находятся в поперечных трубочках (Т-система) скелетной, гладкой и сердечной мускулатуре и необходимы для электромеханического сопряжения возбуждения – сокращения, то есть их возбуждение усиливает сократимость миокарда и вызывает вазоконстрикцию; каналы Т-типа обнаружены в клетках гладких мышц сосудов, в синоатриальном узле, влияют на его автоматию, и их блокада приводит к урежению сердечного ритма без изменения сократимости миокарда, а также появляются в кардиомиоцитах при гипертрофии миокарда; N-типа обнаружены на нейронах центральной и периферической нервной системы, играя важную роль в механизме их возбудимости; P/Q-типа находятся в проводящей системе сердца (волокнах Пуркинье) [18]. В медицинской практике при лечении заболеваний сердечно-сосудистой системы в качестве блокаторов медленных кальциевых каналов наиболее широко используются производные фенилалкиламинов, бензотиазепинов, дигидропиридинов и дифенилпиперазинов, которые являются блокаторами только каналов L-типа [5; 15; 19].

Сердечно-сосудистая система является основным индикатором нормального функционирования организма [8], а метод вариабельности сердечного ритма (ВСР) – одним из широко распространенных неинвазимных методов ее изучения, широко применяемый как в физиологических, так и в клинических исследованиях [1; 2; 11–13].

В настоящее время довольно много работ посвящено изучению влияния блокаторов кальциевых каналов L-типа на ВСР при патологии сердечно-сосудистой системы различного генеза. Все они касаются применения при лечении заболеваний ССС блокаторов кальциевых каналов из групп: фенилалкиламинов, бензотиазепинов и дигидропиридинов [20; 23; 24]. Очень скудны сведения по воздействию блокаторов кальциевых каналов на организм животных [22], и совсем отсутствуют данные об изменениях ВСР при применении дифенилпиперазинов.

Целью настоящего исследования являлось изучение ВСР у крыс при однократном и длительном воздействии циннаризина, находящихся в состоянии наркоза, кратковременного иммобилизационного стресса и при экспериментальной хронической сердечной недостаточности (ХСН).

Все эксперименты проведены на взрослых беспородных крысах самцах массой 180–210 г. Животные были разделены на 4 группы. У крыс первой группы (15 животных) под нембуталовым наркозом (40 мг/кг внутрибрюшинно) и иммобилизи-

© Кузьмин Ф.А., Фатеев М.М., Григорьева М.В., 2012

рованных на спине производили запись ЭКГ до и через 1 час после однократного внутрижелудочного введения циннаризина в дозе 0,8 мг/кг (в виде раствора объемом 1 мл) с учетом коэффициента пересчета 5,9 [3].

В остальных группах эксперименты проводились на бодрствующих животных в состоянии кратковременного иммобилизационного стресса. Во второй группе выполнены 2 серии опытов: первая – на интактных крысах (30 животных), вторая – через 1 час после введения циннаризина (15 животных). Здоровым животным третьей группы (15 крыс) в течение двух месяцев ежесуточно внутрижелудочно вводили циннаризин в той же дозе и в том же объеме, как и наркотизированным животным. Через сутки после последнего введения препарата записывали ЭКГ в состоянии иммобилизации.

У крыс 4 группы (45 животных) моделировали экспериментальную ХСН путем функциональной перегрузки сердца [14]. Для этого под гексеналовым наркозом (100 мг/кг веса внутрибрюшинно) по методике Н.Н. Пятницкого и Ю.А. Блинкова в нашей модификации [10; 14] двукратно вводили силиконовое масло в плевральную полость: вначале по 1,5 мл масла на 100 г веса крысы и через 30 дней еще по 1,0 мл/100 г веса в каждую плевральную полость животного. Через 20–40 дней эксперимента у крыс отмечались одышка, цианоз мордочки и лап. У крыс с ХСН было проведено 2 серии опытов: животным первой серии (30 крыс) с 31 по 100 день эксперимента ежесуточно внутрижелудочно вводили 1 мл физраствора (контроль), а второй (15 крыс) – аналогичным образом вводили циннаризин в той же дозе, как и наркотизированным животным.

Для регистрации ЭКГ использовалась двухканальная электрофизиологическая установка (г. Санкт-Петербург) связанная через АЦП (L-CARD E-440, г. Москва) с компьютером IBM PC «Pentium II». Частота дискретизации – 4,0 кГц. ЭКГ записывалось во II стандартном отведении в течение 4-х минут в программе L-GRAPH, поставляемой вместе с АЦП. Просмотр ЭКГ и первичная обработка ее проводилась с помощью программы RRMatch, а окончательный расчет показателей ВСР и их графическое отображение в программе CRGraph [11].

При анализе ВСР использовали показатели [1; 2] временного анализа (ЧСС, стандартное отклонение нормальных интервалов R-R, коэффициент вариации, квадратный корень из суммы квадратов разности величин последовательных пар интервалов R-R), геометрического анализа (вариационный размах, мода, амплитуда моды, стресс-индекс, площадь скаттерограммы, соотношение ширины к длине скаттерограммы) и спектрального анализа: мощность волн низкой частоты (НЧ), мощность волн средней частоты (СЧ), мощность волн высокой частоты (ВЧ), общая мощность спектра, относительное значение мощности волн НЧ, относительное значение мощности волн ВЧ и индекс вагосимпатического взаимодействия. При расчете геометрических показателей шаг гистограммы был равен

Таблица 1

Влияние однократного введения циннаризина на показатели вариабельности сердечного ритма у наркотизированных и бодрствующих крыс

Показатель	Наркоз		Иммобилизационный стресс	
	Исходное состояние	Циннаризин	Интактные (физраствор)	Циннаризин
Mn (мс)	134,3±3,15	127,9±3,88	118,3±0,96	111,9±1,48^^
Mx (мс)	145,9±3,59	135,7±3,07	133,5±1,32	133,9±2,27
RRNN (мс)	139,9±3,28	132,3±3,01	125,2±1,04	121,5±1,38
ЧСС (уд/мин)	434±9,7	425±10,0	480±3,9	495±5,5
SDNN (мс)	1,86±0,143	2,34±0,235	2,26±0,196	3,31±0,417^
CV (%)	1,32±0,098	1,62±0,197	1,80±0,148	2,72±0,339^^
RMSSD (мс)	1,34±0,087	1,38±0,154	1,84±0,119	2,11±0,233
MxDMn (мс)	11,5±0,94	16,8±1,33*	14,8±0,98	21,9±2,29^^
Mo (мс)	140,0±3,32	133,6±3,15	125,2±1,04	120,5±1,47^
AMo (%)	42,9±2,79	31,4±2,70	39,5±1,99	29,8±3,73^
SI (усл.ед)	16849±2170	8111±1526*	13484±1360	7254±1483^
EllSq (мс^2)	68,7±8,85	167,2±30,5*	117,5±17,06	204,5±44,39^
EllAs (%)	43,0±3,71	36,9±7,59	52,1±3,21	39,3±4,77^
LF (мс^2)	0,22±0,052	0,33±0,123	0,87±0,181	1,87±0,521^
HF (мс^2)	0,23±0,038	0,40±0,098	0,38±0,055	0,49±0,109
TP (мс^2)	0,45±0,076	0,73±0,171	1,25±0,222	2,36±0,604^
LF (%)	43,3±4,37	41,2±7,74	59,4±2,71	73,6±3,17^^
HF (%)	46,7±4,37	58,8±7,74	40,6±2,71	26,4±3,17^^
LF/HF (усл.ед)	1,08±0,204	0,95±0,199	2,15±0,341	3,68±0,644^

Примечание: * – $p < 0,05$ – по сравнению с исходным состоянием; ^^ – $p < 0,01$; ^ – $p < 0,05$ – по сравнению с интактными животными.

Таблица 2

Влияние длительного введения циннаризина на показатели вариабельности сердечного ритма у бодрствующих иммобилизированных крыс

Показатель	Здоровые животные		Животные с ХСН	
	Интактные (физраствор)	Циннаризин	Контроль (ХСН)	Циннаризин
Mn (мс)	118,3±0,96	114,7±1,14	125,6±1,72***	116,0±1,65^{++}
Mx (мс)	133,5±1,32	127,3±1,43*	139,2±2,19*	132,7±2,52
RRNN (мс)	125,2±1,04	121,0±1,19	131,2±1,60**	123,9±1,63^{++}
ЧСС (уд/мин)	480±3,9	496±4,9	459±5,4**	485±6,4^{+++}
SDNN (мс)	2,26±0,196	1,60±0,186	1,98±0,167	2,02±0,342
CV (%)	1,80±0,148	1,31±0,148	1,50±0,115	1,62±0,254
RMSSD (мс)	1,84±0,119	1,64±0,188	1,63±0,096	2,07±0,242^{+}
MxDMn (мс)	14,8±0,98	12,6±1,40	13,9±1,17	16,2±2,26
Mo (мс)	125,2±1,04	121,2±1,28	131,1±1,59**	123,9±1,36^{+++}
AMo (%)	39,5±1,99	49,4±3,43*	46,2±1,84*	48,4±4,83*
SI (усл.ед)	13484±1360	18168±2245	15944±1741	15733±3019
EllSq (мс^2)	117,5±17,06	69,2±19,11	87,7±10,90	111,5±29,62
EllAs (%)	52,1±3,21	62,5±4,96	51,9±3,45	67,6±5,89*$^{+}$
LF (мс^2)	0,87±0,181	0,34±0,135	0,52±0,111	0,72±0,362
HF (мс^2)	0,38±0,055	0,26±0,054	0,28±0,031	0,40±0,092
TP (мс^2)	1,25±0,222	0,60±0,183	0,80±0,129	1,12±0,428
LF (%)	59,4±2,71	51,8±4,73	58,7±3,18	53,6±5,40
HF (%)	40,6±2,71	48,2±4,73	41,3±3,18	46,4±5,40
LF/HF (усл.ед)	2,15±0,341	1,30±0,256	1,91±0,249	1,58±0,404

Примечание: *** – $p < 0,001$; ** – $p < 0,01$; * – $p < 0,05$ – по сравнению с интактными; $^{+++}$ – $p < 0,001$; $^{++}$ – $p < 0,01$; $^{+}$ – $p < 0,05$ – по сравнению с контролем.

2 мс. У наркотизированных крыс диапазон НЧ составлял 0,02–0,15 Гц, ВЧ – 0,15–2,0 Гц, а у бодрствующих стрессированных животных НЧ – 0,02–0,75 Гц, а ВЧ – 0,75–3,0 Гц [11].

Данные обрабатывали в программе «Statistica 6.0». Рассчитывали среднюю арифметическую, среднее квадратичное отклонение, ошибку средней арифметической и t критерий Стьюдента. Различия считали достоверными при $p<0,05$. Данные в таблицах представлены в виде M±m.

Итак, у наркотизированных крыс однократное введение циннаризина незначительно повлияло на сердечный ритм (табл. 1). Под его воздействием ЧСС уменьшилась всего на 2,1% ($p>0,05$), но произошло существенное повышение MxMDn – в 1,5 раза, EllSq – в 2,4 раза и снижение SI в 2,1 раза ($p<0,05$), что свидетельствует о небольшом возрастании тонуса парасимпатического отдела автономной нервной системы (АНС) (Баевский).

Однократное введение циннаризина бодрствующим животным, находящимся в состоянии кратковременного иммобилизационного стресса, способствовало большему изменению числа показателей ВСР (табл. 2). При этом ЧСС увеличилась на 3,0% ($p>0,05$) по сравнению с исходным состоянием, но при этом достоверно возросли следующие показатели ВСР: SDNN, CV и MxDMn в среднем в 1,5 раза, EllSq и индекс LF/HF в среднем в 1,7 раза, мощности LF и TP в 2,1 и 1,9 раза соответственно, LF% в 1,2 раза, а Mn, Mo, AMo, SI, EllAs и HF% уменьшились соответственно в 1,06, 1,04, 1,3, 1,9, 1,3 и 1,5 раза. Согласно полученным данным часть показателей ВСР (SDNN, CV, MxDMn, EllSq, AMo, SI) указывает на увеличение общей вариабельности сердечного ритма и тонуса парасимпатического отдела АНС, другая часть (Mn, Mo, EllAs, LF, LF%, HF%, LF/HF) – на активацию симпатоадреналовой системы [1; 2].

Длительное введение блокатора кальциевых каналов здоровым (интактным) животным оказало гораздо меньшее влияние на сердечный ритм крыс, чем однократное его применение (табл. 1, 2). Очевидно, это связано с адаптацией организма животных к постоянному введению препарата. После длительного использования циннаризина ЧСС возросла всего на 3,3% ($p>0,05$), но при этом достоверно уменьшился Mx (на 4,9%) и увеличилась AMo (в 1,3 раза), что свидетельствует на повышение активности симпатоадреналовой системы [1; 2].

Развившаяся экспериментальная ХСН привела к уменьшению ЧСС на 4,4% ($p<0,01$) по сравнению с интактными животными (табл. 2). При этом также произошло достоверное увеличение таких показателей ВСР, как Mn, Mx, RRNN, и Mo в среднем в 1,05 раза, указывающие на повышение при ХСН тонуса парасимпатического отдела АНС. Остальные показатели ВСР изменились несущественно, но при этом их изменение (особенно показателей геометрического анализа и корреляционной

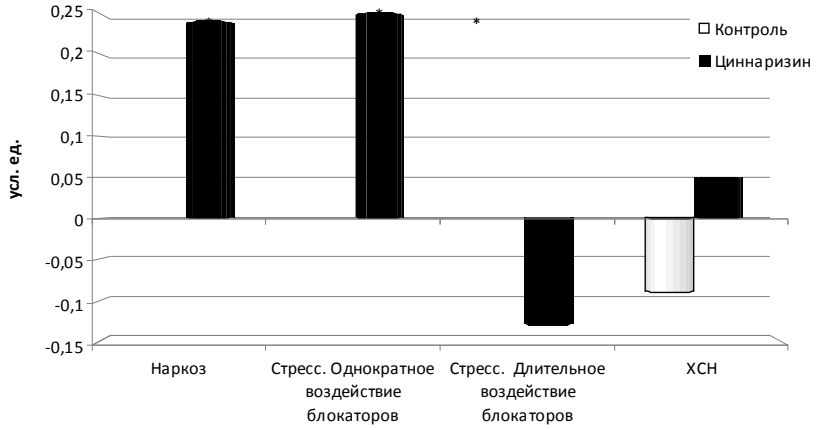


Рис. 1. Влияние циннаризина на суммарную степень воздействия (ССВ) на сердечный ритм.
Примечания: достоверные отличия: $p<0,05$; * – по сравнению с исходным состоянием.

ритмографии) указывает на незначительное возрастание активности симпатоадреналовой системы [1; 2]. Исходя из полученных результатов очень трудно оценить суммарный эффект воздействия экспериментальной ХСН на сердечный ритм. Хотя у человека ХСН чаще сопровождается развитием тахикардии, однако в ряде случаев (гидроторакс, гидроперикард, блокады сердца и т.д.) возможно возникновение стойкой брадикардии [17].

Длительное введение циннаризина крысам с ХСН показало, что часть показателей ВСР достоверно изменилась по сравнению с контрольными животными и стала не отличаться от таковых у интактных крыс, кроме EllAs, который стал в среднем в 1,3 раза больше как по отношению к контрольным, так и к интактным животным (табл. 2). По сравнению с группой контроля показатели ВСР: Mn, RRNN и Mo в среднем на 7,0% уменьшились, а увеличились ЧСС на 5,7%, RMSSD в 1,3 раза. По сравнению с интактными крысами, кроме EllAs, увеличилась и AMo – 1,2 раза ($p<0,05$). Исходя из анализа показателей ВСР после длительного применения циннаризина, можно сделать вывод о повышении активности симпатоадреналовой системы под действием данного блокатора кальциевых каналов и нормализации большинства показателей ВСР.

Проанализировав полученные данные по ВСР у крыс, находящихся в различных состояниях, очень трудно оценить суммарный эффект воздействия циннаризина на сердечный ритм (табл. 1, 2), так как часть показателей ВСР у животных, находящихся в исследуемом состоянии, смещается в сторону увеличения тонуса парасимпатического отдела АНС, а часть – ее симпатического звена и увеличении активности катехоламинэргической системы. Такие же противоречивые данные были получены и при изучении воздействии β-адреноблокаторов [11; 12] и ингибиторов ангиотенинпревращающего фермента [13] на сердечный ритм. Поэтому мы для выявления общего эффекта воздействия циннаризина на сердечный ритм применили коэффициент суммарной степени воздействия на сердечный ритм крыс [12].

Итак, у наркотизированных крыс циннаризин значительно повышает тонус парасимпатического отдела АНС (см. рис. 1). Однократное воздействие циннаризина на организм стрессированных также способствует значительному повышению активности этого отдела АНС, а длительное его применение у здоровых животных приводит к небольшому увеличению активности симпатоадреналовой системы. Экспериментальная ХСН также приводит к незначительному увеличению активности симпатоадреналовой системы, что совпадает с исследованиями по ВСР на больных с ХСН [21]. Длительное введение крысам с ХСН циннаризина изменяет сердечный ритм в сторону небольшого увеличения тонуса парасимпатического отдела АНС как по сравнению с крысами с ХСН, так и по отношению к интактным животным.

Таким образом, несмотря на общепринятое мнение, что циннаризин в основном улучшает мозговое кровообращение [15], очевидно, он обладает более широким спектром действия: проникая через гематоэнцефалический барьер, он воздействует непосредственно на тонус ядер блуждающих нервов и вышележащих подкорковых структур (гипоталамуса и лимбической системы), ответственных за деятельность АНС.

Библиографический список

1. *Баевский Р.М.* Анализ вариабельности сердечного ритма в космической медицине // Физиология человека. – 2002. – Т. 28. – № 2. – С. 70–82.

2. *Баевский Р.М., Иванов Г.Г., Чирейкин Л.В.* и др. Анализ ВСР при использовании различных электрокардиографических систем (методические рекомендации) // Вестник аритмологии. – 2001. – № 24. – С. 65–87.

3. *Гуськова Т.А.* Оценка безопасности лекарственных средств на стадии доклинического изучения // Химико-фармацевтический журнал. – 1990. – № 7. – С. 10–15.

4. *Давыдова И.В., Перепельченко Н.А., Клименко Л.В.* Блокаторы кальциевых каналов: механизмы действия, классификация, показания и противопоказания к применению // Русский медицинский журнал. – 2009. – № 4 – С. 274–279.

5. *Карпов, Ю.А., Сорокин Е.В.* Стабильная ишемическая болезнь сердца: стратегия и тактика лечения. – М., 2003.

6. *Маколкин В.И.* Антагонисты кальция – препараты выбора при лечении артериальной гипертонии // Русский медицинский журнал. – 2007. – № 22. – С. 1599–1602.

7. *Мареев В.Ю., Агеев Ф.Т., Арутюнов Г.П.* и др. Национальные рекомендации ВНОК и ОССН по диагностике и лечению ХСН (третий пересмотр) // Сердечная недостаточность. – 2010. – Т. 11. – № 1 (57). – С. 3–62.

8. *Меерсон Ф.З.* Адаптационная медицина: концепция долговременной адаптации. – М.: Дело, 1993. – 138 с.

9. *Преображенский Д.В., Носенко Н.С., Некрасова Н.И., Патарая С.А., Талызина И.В.* Антагонист кальция третьего поколения амлодипин: особенности клинической фармакологии и спектр терапевтического применения // Русский медицинский журнал. – 2011. – № 14. – С. 884–891.

10. *Румянцева Т.А., Фатеев М.М., Федоров В.Н.* и др. Морфологические доказательства наличия хронической сердечной недостаточности, индуцированной у крыс методом дробного дозированного олеоторакса // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 5. – С. 123–127.

11. *Сальников Е.В., Фатеев М.М., Сидоров А.В.* и др. Вариабельность сердечного ритма у бодрствующих и наркотизированных крыс при воздействии β-адреноблокаторов // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 2007. – Т. 144. – № 10. – С. 372–375.

12. *Фатеев М.М., Сальников Е.В.* Оценка вегетативного статуса организма по коэффициенту суммарной степени воздействия на сердечный ритм // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 1. – С. 106–109.

13. *Фатеев М.М., Сидоров А.В., Григорьева М.В., Раков А.А., Фатеева К.М.* Вариабельность сердечного ритма у бодрствующих и наркотизированных крыс при воздействии ингибиторов ангиотензинпревращающего фермента // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 2011. – Т. 152. – № 11. – С. 521–525.

14. *Федоров В.Н., Ноздрачев А.Д., Сальников Е.В.* и др. Динамическая модель тотальной хронической сердечной недостаточности у крыс // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – Сер. 3. – 2006. – Вып. 2. – С. 103–107.

15. *Хохлов А.Л., Федоров В.Н., Раков А.А., Лисенкова Л.А.* Сердечно-сосудистые средства: от клинической практики к доказательной медицине. – Ярославль: Рамдер, 2003. – 238 с.

16. *Цветкова О.А.* Безопасность и эффективность антагониста кальция амлодипина в лечении артериальной гипертензии и ишемической болезни сердца // Русский медицинский журнал. – 2010. – № 22. – С. 1349–1352.

17. *Gilliam F.R., Kaplan F.J., Black J.* et al. Changes in heart rate variability, quality of life, and activity in cardiac resynchronisation therapy patients: results of the HF-HRV registry // J. Compilation. – 2007. – Vol. 30. – № 1. – P. 56–64.

18. *Harada K., Nomura M., Nishikado A.* et al. Clinical efficacy of efonidipine hydrochloride, a T-type calcium channel inhibitor, on sympathetic activities – examination using spectral analysis of heart rate/blood pressure variabilities and ^{123}I-Metaiodobenzylguanidine myocardial scintigraphy // Circulation J. – 2003. – Vol. 67. – № 2. – P. 139–145.

19. *Kishi T., Hirooka Y., Konno S., Sunagawa K.* Cilnidipine inhibits the sympathetic nerve activity and improves baroreflex sensitivity in patients with hypertension // Clinical and Experimental Hypertension. – 2009. – Vol. 31. – № 3. – P. 241–249.

20. *Lindqvist M., Kahan T., Melcher A., Ekholm M., Hjemdahl P.* Long-term calcium antagonist treatment of human hypertension with mibefradil or amlodipine increases sympathetic nerve activity // J. Hypertension. – 2007. – Vol. 25. – № 1. – P. 169–175.

21. *Tjeerdsma G., Brouwer J., de Kam MSc. P.J.* et al. Effect of mibefradil on heart rate variability in patients with chronic heart failure // Inter. J. Cardiology. – 2000. – Vol. 73. – P. 55–60.

22. *Yamabe M., Sanyal S.N., Miyamoto S.* et al. Three different bradycardic agents, zatebradine, diltiazem and propranolol, distinctly modify heart rate variability and QT-interval variability // Pharmacology. – 2007. – Vol. 80. – P. 293–303.

23. *Yamada J., Tomiyama H., Matsumoto C.* et al. Effects of azelnidipine on the autonomic functions and its influence on arterial stiffness and endothelial functions // J. Cardiol. – 2008. – Vol. 51. – P. 114–120.

24. *Zhang Y., Agnoletti D., Safar M.E., Blacher J.* Effect of antihypertensive agent on blood pressure variability. The natrilix SR versus candersartan and amlodipine in the reduction of systolic blood pressure in hypertensive patients (X – cellent) study // Hypertension. – 2011. – Vol. 58. – P. 155–160.

УДК 513

Секованов Валерий Сергеевич
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

О МНОЖЕСТВАХ ЖЮЛИА НЕКОТОРЫХ РАЦИОНАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

В данной статье исследуются множества Жюлиа и бассейны притяжения некоторых рациональных функций, устанавливается хаотичность рациональных функций на своих множествах Жюлиа.

Ключевые слова: *хаотичность, множество Жюлиа, периодические отталкивающие и притягивающее точки.*

Множества Жюлиа появились в начале прошлого века в результате итерирования функций комплексной переменной. Исследования показали, что в большинстве случаев множества Жюлиа являются фракталами. В настоящее время интенсивно исследуются фрактальные множества на комплексной плоскости. Это связано с их использованием при создании математических моделей в физике, экономике и других науках. Полезны комплексные фракталы и для реализации дидактических целей, поскольку математические исследования органически переплетаются с разработкой алгоритмов, реализуемых с помощью современных информационных и коммуникационных технологий, включая параллельное программирование, что дает прекрасную возможность формирования креативности студентов.

Следует отметить, что множества Жюлиа и множество Мандельброта рассматриваются в учебных пособиях и монографиях (см., например: [1–5]) в основном для квадратичных отображений.

В настоящей работе мы покажем, что множество Жюлиа для рациональной функции

$$f(z)=z-\frac{z^2-e^{i\theta}}{2z}=\frac{z^2+e^{i\theta}}{2z}=\frac{z}{2}+\frac{e^{i\theta}}{2z},\ \left(z\in\overline{C},\theta\in[0,2\pi]\right)$$

является прямой линией $\mu(z)=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}$, $r\in R$, $z=r$, проходящей через начало координат, и установим, что функция $f(z)$ хаотична на своем множестве Жюлиа.

Множество Жюлиа для полинома комплексного переменного $f(z)$, обозначаемое $J(f)$, определяется как $J(f)=\partial\{z:f^{(n)}(z)\to\infty, n\to\infty\}$, где δ – граница области притяжения бесконечности, а $f^{(n)}(z)=f(f^{(n-1)}(z)), n=1, 2, \ldots$.

Покажем, что множество Жюлиа для функции $f(z)=z^2$ есть окружность $|z|=1$. На самом деле, $f^{(1)}(z)=z^2$, $f^{(2)}(z)=\left(z^2\right)^2=z^4=z^2\cdot z^2$. Так как $\left|z^4\right|=\left|z^2\right|\cdot\left|z^2\right|=1$, то $\left|f^{(2)}(z)\right|=1$. Следовательно, $f^{(2)}(z)$ находится на единичной окружности радиуса единичной длины с центром в начале координат. Аналогично можно проверить, что точки $f^{(3)}(z)$, $f^{(4)}(z)\ldots f^{(n)}(z)\ldots$ также находятся на единичной окружности.

Нетрудно проверить, что последовательность $f^{(n)}(z_0)=f(f^{(n-1)}(z_0))=z_0^{\,2^n}$, $n=1, 2, \ldots$ стремится к ∞, если $|z_0|>1$. При $|z_0|<1$ данная последовательность будет стремиться к 0. В рассмотренном случае множеством Жюлиа будет окружность единичного радиуса с центром в начале координат.

Мы будем считать множеством Жюлиа рациональной функции как замыкание периодических отталкивающих точек.

Справедлива теорема: пусть f – полином n-й степени $n\geq 2$. Тогда следующие определения множества Жюлиа эквивалентны:

а) множество Жюлиа есть граница области притяжения всех притягивающих неподвижных точек функции f, включая ∞;

б) каждая отталкивающая периодическая точка принадлежит $J(f)$ и $J(f)$ является замыканием отталкивающих периодических точек для функции f (см.: [2]).

Найдем для функции $f(z)=z^2$ множество Жюлиа, воспользовавшись пунктом б) выше приведенной теоремы.

Как уже отмечалось, $f^{(n)}(z)=z^{2^n}$. Пусть периодические точки порядка $p=1, 2, 3, \ldots$ удовлетворяют уравнению $z^{2^p}=z$. Если $z\neq 0$, то, сократив на z, получим, что $z^{2^p-1}=1$. Следовательно, имеется $2p-1$ периодических точек, образующих множество

$$B=\left\{e^{\frac{2\pi iq}{2^p-1}}:0\leq q\leq 2^p-2\right\}=$$
$$=\left\{\cos\frac{2\pi q}{2^p-1}+i\sin\frac{2\pi q}{2^p-1},\ 0\leq q\leq 2^p-2\right\}.$$

Все эти точки лежат на единичной окружности с центром в начале координат и распределены на ней равномерно. Поскольку $\left|\left(f(z)^{(p)}\right)'\right|=2^p>1$, то каждая ненулевая периодическая точка является отталкивающей. Совокупность всех периодических точек функции $f(z)$, очевидно, образует всюду плотное подмножество единичной окружности. Таким образом, согласно характеристическому свойству б), множеством Жюлиа является единичная окружность.

Рассмотрим функцию

$$f(z)=z-\frac{z^2-e^{i\theta}}{2z}=\frac{z^2+e^{i\theta}}{2z}=\frac{z}{2}+\frac{e^{i\theta}}{2z}.$$

Заметим, что $z_1=e^{i\frac{\theta}{2}}$, $z_2=-e^{i\frac{\theta}{2}}$ – нули функции $\lambda(z)=z^2-e^{i\theta}$ являются неподвижными сверхпритя-

© Секованов В.С., 2012

гивающими точками функции $f(z)=z-\frac{z^2-e^{i\theta}}{2z}$, поскольку $f(z_1)=z_1$, $f(z_2)=z_2$ и $f'(z)=1-\frac{4z^2-2z^2+2e^{i\theta}}{4z^2}=\frac{z^2-e^{i\theta}}{2z^2}$.

Рассмотрим две точки $A\left(\cos\frac{\theta}{2},\sin\frac{\theta}{2}\right)$ и $B\left(-\cos\frac{\theta}{2},-\sin\frac{\theta}{2}\right)$, лежащие на прямой $v(z)=re^{i\frac{\theta}{2}}$, где $r\in R$, $z = r$. Покажем, что для функции $f(z)=\frac{z}{2}+\frac{e^{i\theta}}{2z}$ множество Жюлиа $J(f)$ есть перпендикуляр, проходящий через середину отрезка AB. Уравнение этого перпендикуляра, очевидно, имеет вид: $\mu(z)=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}$, где $r\in R$, $z = r$. Обозначим прямую $\mu(z)=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}$ через L.

Заметим, что если $z=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}\in L$, то

$$f(z)=\frac{re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}}{2}+\frac{e^{i\theta}}{2re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}}=$$

$$=\frac{re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}}{2}-e^{i\pi}\frac{e^{i\theta}}{2re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}}=\left(\frac{r}{2}-\frac{1}{2r}\right)e^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}\in L.$$

Таким образом, точки $re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}$ и $\left(\frac{r}{2}-\frac{1}{2r}\right)e^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}$ лежат на одной прямой L. Следовательно, если $z\in L$, то и $f(z)\in L$.

Рассмотрим теперь два отображения, каждое из которых является гомеоморфизмом комплексных плоскостей $\overline{Z}$ и $\overline{W}$: $w=\varphi(z)=\frac{z+e^{i\frac{\theta}{2}}}{z-e^{i\frac{\theta}{2}}}$ и $z=\varphi^{-1}(w)=e^{i\frac{\theta}{2}}\left(\frac{w+1}{w-1}\right)$.

Пусть $l(w)=w^2$. Покажем тогда, что $l=\varphi\circ f\circ\varphi^{-1}$ (то есть $w^2=\varphi\left(f\left(\varphi^{-1}(w)\right)\right)$). Пусть $w=w_0$. Тогда $z_0=\varphi^{-1}(w_0)=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w_0+1}{w_0-1}$. Далее получим

$$z_1=f(z_0)=f(\varphi^{-1}(w_0))=\frac{z_0^2+e^{i\theta}}{2\cdot z_0}=$$

$$=\frac{\left(e^{i\frac{\theta}{2}}\right)^2\left(\frac{w_0+1}{w_0-1}\right)^2+e^{i\theta}}{2e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w_0+1}{w_0-1}}=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w_0^2+1}{w_0^2-1}.$$

После преобразований имеем

$$\varphi(f(\varphi^{-1}(w_0)))=\frac{e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w_0^2+1}{w_0^2-1}+e^{i\frac{\theta}{2}}}{e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w_0^2+1}{w_0^2-1}-e^{i\frac{\theta}{2}}}=w_0^2.$$

Таким образом, $\varphi(f(\varphi^{-1}(w)))=w^2$ для каждого $w\in\overline{C}$. Раньше мы установили, что множество Жюлиа для функции $h(z)=z^2$ есть окружность единичного радиуса с центром в начале координат комплексной плоскости C. Таким образом, изучение траекторий точки при отображении f сводится к изучению траектории точки при отображении $l(w)=w^2$.

Покажем, что отображение $z=\varphi^{-1}(w)=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w+1}{w-1}$ переводит окружность $|w|=1$ в прямую $\mu(z)=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}, r\in R$, $z = r$. Для того чтобы убедиться в справедливости данного суждения, найдем образы трех точек при отображении $\varphi^{-1}(w)=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w+1}{w-1}$. Действительно, пусть $w=-i$. Тогда $\frac{-i+1}{-i-1}e^{i\frac{\theta}{2}}=\frac{(-1+i)(1-i)}{2}e^{i\frac{\theta}{2}}=ie^{i\frac{\theta}{2}}=e^{i\frac{\pi}{2}}\cdot e^{i\frac{\theta}{2}}=e^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}$. Если же $w=1$, то $e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w+1}{w-1}=\infty$. И, наконец, если $w=-1$, то $e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w+1}{w-1}=0$. Таким образом, при отображении $\varphi^{-1}(w)=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w+1}{w-1}$ трем точкам, лежащим на окружности $|w|=1$, соответствуют три точки на прямой $\mu(z)=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}$. Ясно, что дробно-линейное преобразование $\varphi^{-1}(w)=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w+1}{w-1}$ переводит единичную окружность в прямую линию $\mu(z)=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}$. Будем считать, что внутренность единичного круга $|w|=1$ функция $\varphi^{-1}(w)$ переводит – в полуплоскость P_1, а внешность единичного круга она переводит в полуплоскость P_1, на которые комплексная плоскость разбивается прямой линией, $\mu(z)=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)},(r\in R, z=r)$, поскольку точки $e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{0+1}{0-1}=-e^{i\frac{\theta}{2}}$ и $\frac{5+1}{5-1}e^{i\frac{\theta}{2}}=\frac{3}{2}e^{i\frac{\theta}{2}}$ лежат по разные стороны от данной прямой.

Предложение 1. Пусть дана функция $f(z)=\frac{z}{2}+\frac{e^{i\theta}}{2z}$. Тогда точки z и $f(z)$ лежат в одной и той же полуплоскости относительно прямой L.

Доказательство. Докажем сначала, что функция $v(z)=\frac{z}{2}+\frac{1}{2z}$ переводит каждую точку, лежащую в правой (левой) полуплоскости относительно мнимой оси в точку, лежащую в правой (левой) полуплоскости. Возьмем $z=a+bi$, где $a>0$ ($a<0$). Тогда

$$v(z)=\frac{a+ib}{2}+\frac{1}{2(a+ib)}=\frac{1}{2}\left(a+ib+\frac{a-ib}{a^2+b^2}\right)=$$
$$=\frac{1}{2}\left(a+\frac{a}{a^2+b^2}\right)+\frac{1}{2}i\left(b-\frac{b}{a^2+b^2}\right).$$

Так как $\frac{1}{2}\left(a+\frac{a}{a^2+b^2}\right)>0$ $\left(\frac{1}{2}\left(a+\frac{a}{a^2+b^2}\right)<0\right)$, то $v(z)$ принадлежит правой (левой) полуплоскости. Возьмем точку w, находящуюся внутри окружности S радиуса единица с центром в начале координат. Пусть $\phi(z)=\frac{z+1}{z-1}$. Тогда $\phi^{-1}(w)=\frac{w+1}{w-1}$. Покажем, что тогда точка $\frac{w^2+1}{w^2-1}$ лежит в левой полуплоскости относительно мнимой оси. Так как w находится внутри S, то поскольку $\phi^{-1}(0)=\frac{0+1}{0-1}=-1$, то $\phi^{-1}(w)$ будет находиться в левой полуплоскости. А тогда и $v(\phi^{-1}(w))$ также будет находиться в левой полуплоскости. Поскольку $v(\phi^{-1}(w))=\frac{w^2+1}{w^2-1}$, то и точка $\frac{w^2+1}{w^2-1}$ будет находиться в левой полуплоскости. Если же w находится вне круга S, то аналогично можно показать, что $v(\phi^{-1}(w))=\frac{w^2+1}{w^2-1}$ будет находиться в правой полуплоскости относительно мнимой оси.

Как и выше, будем считать, что прямая L, заданная уравнением $\mu(z)=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}, (r\in R, z=r)$, разбивает комплексную плоскость $\overline{C}$ на две полуплоскости P_1 и P_2. Покажем, что каждую точку z, принадлежащую P_1 (P_2), $f(z)=\frac{z}{2}+\frac{e^{i\theta}}{2z}$ переводит в точку, также принадлежащую P_1 (P_2). Пусть $z=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w+1}{w-1}\in P_1\ (P_2)$. Тогда существует такая точка w, лежащая внутри (вне) круга S, что $z=\varphi^{-1}(w)=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w+1}{w-1}$. Поскольку точка $\frac{w^2+1}{w^2-1}$ лежит в левой (правой) полуплоскости относительно мнимой оси, то точка $e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w^2+1}{w^2-1}$ будет находиться в полуплоскости P_1 (P_2). Так как $f(z)=f(\varphi^{-1}(w))=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w^2+1}{w^2-1}$, то $f(z)=f(\varphi^{-1}(w))$ будет находиться в плоскости P_1 (P_2).

Будем считать орбиту функции $f(z)$ предпериодической, если для некоторого натурального числа n $f^{(n+k)}(z)=f^{(n)}(\hat{z})=\hat{z}$, где $k\geq 1$ натуральное число.

Предложение 2. Пусть $z\in L\subset\overline{Z}$. Тогда возможны следующие случаи:

а) орбита $\{f^{(n)}(z)\}_{n=1}^{\infty}$ имеет предел;

б) орбита $\{f^{(n)}(z)\}_{n=1}^{\infty}$ периодична;

в) орбита $\{f^{(n)}(z)\}_{n=1}^{\infty}$ предпериодична;

г) орбита $\{f^{(n)}(z)\}_{n=1}^{\infty}$ не имеет предела.

Доказательство. Если точка $z=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}\in L$, то $z=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}\in L$, то $f(z)=\frac{re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}}{2}-e^{i\pi}\frac{e^{i\theta}}{2re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}}=$ $=\left(\frac{r}{2}-\frac{1}{2r}\right)e^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}\in L$. Таким образом, итерации функции $f(z)$ вдоль прямой $re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}$ вычисляются по формуле (*):

$$r_{n+1}=\frac{1}{2}\left(r_n-\frac{1}{r_n}\right) \qquad (*)$$

Положим $r=-ctg(\pi\alpha)$. Тогда $r_{n+1}=-ctg(\pi\alpha_{n+1})$, $r_n=-ctg(\pi\alpha_n)$. Далее в силу (*) получим $-ctg(\pi\alpha_{n+1})=\frac{1}{2}\left(-ctg(\pi\alpha_n)+\frac{1}{ctg(\pi\alpha_n)}\right)=-ctg(2\pi\alpha_n)$. Из последнего равенства находим, что $ctg(\pi\alpha_{n+1})=ctg(2\pi\alpha_n)$. Следовательно, $\pi\alpha_{n+1}=2\pi\alpha_n+m\pi, m\in Z$. В таком случае: $\alpha_{n+1}=2\alpha_n+m$, где m – целое число. Запись $\alpha_{n+1}=2\alpha_n+m$, m – целое число, означает, что $\alpha_{n+1}=2\alpha_n \bmod 1$, где "mod1" сохраняет дробную часть, расположенную в полуинтервале [0, 1) (например, $2{,}45 \bmod 1=0{,}45$). Пусть α_n записано в двоичной системе счисления. Тогда знаки α_{n+1} будут теми же, что и в α_n, только сдвинутыми на единицу влево, а единица, оказавшаяся левее двоичной запятой, отбрасывается. Поскольку функция $r=-ctg(\pi\alpha)$ отображает полуинтервал [0, 1) на всю числовую прямую, то будем считать, что $\alpha\in[0,1)$.

а) Очевидно, что каждая двоичная стационарная дробь имеет предел, равный нулю. Действительно, если $\alpha_0=0,\beta_1\beta_2...\beta_n$ в двоичной системе

счисления, то n-ая итерация числа $\alpha_0 = 0,\beta_1\beta_2...\beta_n$ (одна итерация состоит из сдвига запятой на один знак вправо и обнуления целой части) будет равна нулю, а $f^{(n)}(-ctg(0)) = \infty$. Например, если $\alpha_0 = 0{,}001_{(2)} = 0{,}125_{(10)}$, то $\alpha_1 = 0{,}01_{(2)} = 0{,}25_{(10)}$, $\alpha_2 = 0{,}1_{(2)} = 0{,}5_{(10)}$, $\alpha_3 = 0_{(2)} = 0_{(10)}$ и $r_0 = -ctg(0{,}125\pi) = -(1+\sqrt{2})$;

$$f^{(1)}(r_0) = \frac{1}{2}\left(-(1+\sqrt{2}) - \frac{1}{-(1+\sqrt{2})}\right) =$$

$$= \frac{1}{2}\left(-(1+\sqrt{2}) + \frac{1}{1+\sqrt{2}}\right) = \frac{1}{2}\left(\frac{-1-2\sqrt{2}-2+1}{1+\sqrt{2}}\right) = -1,$$

$f^{(2)}(r_0) = \frac{1}{2}(-1+1) = 0$, $f^{(3)}(r_0) = \infty$. Следовательно, последовательность $\{f^{(n)}(z)\}_{n=1}^{\infty}$ имеет предел, равный $\infty \in \overline{C}$.

б) Пусть $\alpha_0 = 0,\beta_1\beta_2...\beta_n\beta_1\beta_2...\beta_n\beta_1\beta_2...$ является периодической двоичной дробью. В данном случае $\alpha_0 = 0,(\beta_1\beta_2...\beta_n)$ порождает периодическую орбиту, период которой равен n. Таким образом $f^{(n)}(r) = r$, где $r = -ctg(\alpha\pi)$. Рассмотрим пример. Пусть $\alpha_0 = 0,(10)_{(2)} = 0,(6)_{(10)}$. Тогда имеем $r_0 = -ctg(\pi\alpha_0) = \frac{1}{\sqrt{3}}$. Первая итерация α_1 числа α_0 будет иметь вид $\alpha_1 = 0{,}0(10)$, $f^{(1)}(r_0) = -\frac{1}{\sqrt{3}}$. Далее имеем $\alpha_2 = 0,(10)$, $f^{(2)}(r_0) = r_0$.

в) Возьмем $r_0 = \sqrt{3}$. Тогда после преобразований получим: $r_1 = f(r_0) = \frac{1}{\sqrt{3}}$, $r_2 = f^{(2)}(r_0) = -\frac{1}{\sqrt{3}}$, $r_3 = f^{(3)}(r_0) = \frac{1}{\sqrt{3}}$. Далее заметим, что $f^{(2+1)}(r_0) = f^{(2)}(r_1) = r_1$. Таким образом, орбита $\{f^{(n)}(z)\}_{n=1}^{\infty}$ точки z является предпериодической.

г) Если $\alpha_0 = 0,\beta_1\beta_2...\beta_n...$ является бесконечной непериодической дробью, то последовательность итераций $\{\alpha_n\}_{n=1}^{\infty}$ не будет иметь передела. А тогда не будет иметь предела и орбита точки $\{f^{(n)}(z)\}_{n=1}^{\infty}$, где $z = -ctg(\pi\alpha_0)$. В качестве иррационального числа α_0 можно, например, взять последовательность Морса-Туэ, строящуюся по правилу: каждая строка получается из предыдущей путем приписывания справа дополнения, к системе чисел, расположенных в выше стоящей строке.

0
01
0110
01101001
0110100110010110
.....

Таким образом, $\alpha_0 = 0{,}0110100110010110....$ Заметим, что в двоичном представлении α_0 мы никогда не обнаружим трех единиц, стоящих рядом.

Лемма 1. Пусть φ гомеоморфизм метрических пространств Z и W $(\varphi : Z \to W)$, а φ^{-1} – обратное отображение для φ $(\varphi^{-1} : W \to Z)$. f – отображение метрического пространства Z на себя и пусть $h = \varphi \circ f \circ \varphi^{-1}$. Тогда $\varphi \circ f^{(n)} \circ \varphi^{-1} = h^{(n)}$, то есть $\varphi(f^{(n)}(\varphi^{-1}(w))) = h^{(n)}(w)$.

Доказательство поведем по индукции. При n=1 равенство справедливо, так как $\varphi \circ f \circ \varphi^{-1} = h$ и $f = f^{(1)}$. То есть $\varphi(f^{(1)}(\varphi^{-1}(w))) = h(w), \forall w \in C$. Предположим, что наше утверждение справедливо при n=k. То есть $\varphi \circ f^{(k)} \circ \varphi^{-1} = h^{(k)}$ или что равносильно – $\varphi(f^{(k)}(\varphi^{-1}(w))) = h^{(k)}(w)$. Подействовав на левую и правую части последнего равенства отображением φ^{-1}, получим $f^{(k)}(\varphi^{-1}(w)) = \varphi^{-1}(h^{(k)}(w))$. Далее имеем следующее равенство $f^{(k+1)}(\varphi^{-1}(w)) = f(f^{(k)}(\varphi^{-1}(w))) = f(\varphi^{-1}(h^{(k)}(w)))$. Заметим, что $\varphi(f(\varphi^{-1}(h^{(k)}(w)))) = h(h^{(k)}(w)) = h^{(k+1)}(w)$. Поскольку $\varphi(f^{(k+1)}(\varphi^{-1}(w))) = \varphi(f(\varphi^{-1}(h^{(k)}(w))))$, то лемма 1 доказана.

Рассмотрим $h(w) = w^2$, $w = \varphi(z) = \frac{z + e^{i\frac{\theta}{2}}}{z - e^{i\frac{\theta}{2}}}$,

$$z = \varphi^{-1}(w) = e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w+1}{w-1},$$

$$f(z) = z - \frac{z^2 - e^{i\theta}}{2z} = \frac{z^2 + e^{i\theta}}{2z} = \frac{z}{2} + \frac{e^{i\theta}}{2z}.$$

Тогда согласно лемме 1 будем иметь $\varphi(f^{(n)}(\varphi^{-1}(w))) = w^{2^n}$, поскольку $h^{(n)}(w) = w^{2^n}$.

Предложение 3. Если точка $z \in P_1 \subset \overline{Z}$. Тогда $f^{(n)}(z) \to -e^{i\frac{\theta}{2}}$ при $n \to \infty$.

Доказательство. Существует такая точка w, лежащая внутри единичного круга S, что $z = \varphi^{-1}(w)$. Поскольку $\varphi(f^{(n)}(\varphi^{-1}(w))) = w^{2^n}$, то

$$f^{(n)}(\varphi^{-1}(w)) = \varphi^{-1}(w^{2^n}) = e^{i\frac{\pi}{2}}\frac{w^{2^n}+1}{w^{2^n}-1}.$$

Из последнего равенства вытекает, что $e^{i\frac{\pi}{2}}\frac{w^{2^n}+1}{w^{2^n}-1}\to -e^{i\frac{\pi}{2}}$ при $n\to\infty$.

Предложение 4. Если точка $z\in P_2\subset\overline{Z}$. Тогда $f^{(n)}(z)\to e^{i\frac{\theta}{2}}$ при $n\to\infty$.

Доказательство аналогично доказательству предложения 3.

Лемма 2. Пусть $h=\varphi\circ f\circ\varphi^{-1}$, где h, j и f те же отображения, что и в лемме 1. Тогда $f^{(n)}$ имеет неподвижную точку тогда и только тогда, когда $h^{(n)}$ имеет неподвижную точку.

Доказательство. Пусть $h^{(n)}(w)=w$. Тогда согласно лемме 1 $\varphi\left(f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)\right)=h^{(n)}(w)=w$. Из последнего равенства получаем $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)=\varphi^{-1}(w)$. Положив $z=\varphi^{-1}(w)$, получим $f^{(n)}(z)=z$. Обратно, пусть $f^{(n)}(z)=z$. Существует такое w, что $z=\varphi^{-1}(w)$. Из равенства $\varphi\left(f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)\right)=h^{(n)}(w)$ имеем: $f^{(n)}(z)=\varphi^{-1}\left(h^{(n)}(w)\right)$. Так как $f^{(n)}(z)=z$, то $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)=\varphi^{-1}\left(h^{(n)}(w)\right)$ и $z=\varphi^{-1}\left(h^{(n)}(w)\right)$. Применив к левой и правой части последнего равенства отображение φ, получим $h^{(n)}(w)=w$, поскольку $\varphi(z)=w$ и лемма 2 доказана.

Замечание. Мы показали, что если w является неподвижной точкой для n-ой итерации $h^{(n)}$ ($h^{(n)}(w)=w$), то для n-ой итерации $f^{(n)}$ неподвижной точкой является точка $\varphi^{-1}(w)$ ($f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)=\varphi^{-1}(w)$).

Теорема 1. Прямая L является замыканием периодических отталкивающих точек функции $f(z)=\frac{z}{2}+\frac{e^{i\theta}}{2z}$.

Доказательство. Рассмотрим вновь $h(w)=w^2$,

$$w=\varphi(z)=\frac{z+e^{i\frac{\theta}{2}}}{z-e^{i\frac{\theta}{2}}},\quad z=\varphi^{-1}(w)=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w+1}{w-1},$$

$$f(z)=z-\frac{z^2-e^{i\theta}}{2z}=\frac{z^2+e^{i\theta}}{2z}=\frac{z}{2}+\frac{e^{i\theta}}{2z}.$$

Как уже отмечалось, $w=\varphi(z)=\frac{z+e^{i\frac{\theta}{2}}}{z-e^{i\frac{\theta}{2}}}$ является гомеоморфизмом комплексных плоскостей $\overline{Z}$ и $\overline{W}$. Нетрудно заметить, что функция $f(z)=\frac{z^2+e^{i\theta}}{2z}$ отображает $\overline{Z}$ на себя.

Согласно лемме 1 будем иметь $\varphi\left(f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)\right)=w^{2^n}$. Поскольку $h^{(n)}(w)$ имеет 2^{2^n-1} неподвижных точки, то согласно лемме 2 $f^{(n)}$ также имеет 2^{2^n-1} неподвижных точки.

Как и выше, обозначим прямую $\mu(z)=re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)},(r\in R, z=r)$ через L, а окружность радиуса 1 с центром в начале координат обозначим через S. Предположим, что точка $z\in L$ имеет период n, где $n>1$ для функции f (в случае $n=1$, на прямой L находится лишь одна неподвижная точка $z=\infty$).

Существует такая точка $w\in S$, что $z=\varphi^{-1}(w)$. Покажем, что данная точка отталкивающая. Согласно лемме 1 получим $\varphi\left(f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)\right)=w^{2^n}$. Тогда $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)=\varphi^{-1}\left(w^{2^n}\right)$. То есть $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w^{2^n}+1}{w^{2^n}-1}$.

Далее имеем:

$$\left(f^{(n)}(z)\right)'=\left(f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)\right)'=$$
$$=\left(e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w^{2^n}+1}{w^{2^n}-1}\right)'=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{2^n w^{2^n-1}\left(w^{2^n}-1\right)-2^n w^{2^n-1}\left(w^{2^n}+1\right)}{\left(w^{2^n}-1\right)^2}=$$
$$=e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{2^n w^{2n-1}(-2)}{\left(w^{2^n}-1\right)^2}=-e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{2^{n+1}w^{2n-1}}{\left(w^{2^n}-1\right)^2}.$$

После преобразований получим: $\left|\left(f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)\right)'\right|=\frac{2^{n+1}}{\left|w^{2^n}-1\right|^2}$, поскольку точки w^{2^n-1} и $e^{i\frac{\theta}{2}}$ принадлежат S. Так как $w^{2^n}\in S$, то $0\le\left|w^{2^n}-1\right|\le 4$.

Следовательно,

$$\left|\left(f^{(n)}(z)\right)'\right|=\left|\left(f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w)\right)\right)'\right|=\frac{2^{n+1}}{\left|w^{2^n}-1\right|^2}>1.$$

Таким образом, точка z – отталкивающая.

Покажем теперь, что множество периодических точек функции $f(z)$ всюду плотно на L. Пусть $r\in L$ и U – некоторая окрестность точки r. Тогда существует такая точка $\alpha\in S$, что $r=\varphi^{-1}(\alpha)$. Поскольку множество периодических отталкивающих точек всюду плотно на S для функции $h(w)=w^2$, то существует последовательность $\left\{\alpha_n^{p_k}\right\}_{n=1}^{\infty}\subset S$ (p_k – период точки $\alpha_n^{p_k}\in S$, k=1, 2,…), сходящаяся к $\alpha\in S$. Согласно лемме 2 и только что приведенным рассуждениям каждая точка последовательности $\left\{r_n^{p_k}\right\}_{n=1}^{\infty}\subset L$ будет периодическая и отталкивающая для функции $f(z)=\frac{z^2+e^{i\theta}}{2z}$. Поскольку φ^{-1} гомеоморфизм S и L, то последовательность периодических отталкивающих точек $\left\{r_n^{p_k}\right\}_{n=1}^{\infty}$ сходится к точке $r\in L$, где $r_n^{p_k}=\varphi^{-1}\left(\alpha_n^{p_k}\right)$. Существует такой номер n_0,

что $r_{n_0}^{p_k} \in U$. Таким образом, множество периодических точек функции $f(z)$ всюду плотно на L.

Покажем, что функция $f(z)$ хаотична на прямой $\mu(z) = re^{i\left(\frac{\theta}{2}+\frac{\pi}{2}\right)}$. Несколько изменив приведенное в [2] рассуждение, установим сначала хаотичность функции $h(z) = z^2$ на S. Заметим, что если $x = e^{i\theta}$, то $h^{(n)}(x) = e^{2^n \cdot \theta \cdot i}$. Возьмем $\delta > 0, \varepsilon = \frac{2}{3}$. Пусть $x \in S$. Найдем такие $n_\delta \in N$ и $y_{n_\delta} = e^{i\left(\theta+\frac{\pi}{3\cdot 2^{n_\delta}}\right)} \in S$, чтобы выполнялись условие расстояние $\rho(x, y_{n\delta}) < \delta$. Тогда $h^{(n_\delta)}(x) = e^{2^{n_\delta}\cdot\theta\cdot i}$ и $h^{(n_\delta)}(y_{n_\delta}) = e^{2^{n_\delta}\left(\cdot\theta+\frac{\pi}{3\cdot 2^{n_\delta}}\right)\cdot i} = e^{\left(2^{n_\delta}\theta+\frac{\pi}{3}\right)\cdot i}$ и $\rho\left(h^{(n_\delta)}(x), h^{(n_\delta)}(y_{n_\delta})\right) = 1 > \varepsilon = \frac{2}{3}$. Следовательно, $h(z)$ обладает существенной зависимостью от начальных условий на S. Проверим транзитивность отображения $h(z)$ на S. Пусть U и V – открытые множества в S. Нетрудно заметить, что существует такое n, что $h^{(n)}(U) \supset S$. Следовательно, $h^{(n)}(U) \cap V$ непусто и транзитивность $h(z)$ доказана. Всюду плотность периодических точек $h(z)$ на S отмечалась в начале статьи.

Пусть теперь $\delta > 0, \varepsilon = \frac{1}{6}$, r_1 и некоторое открытое множество U на прямой L, содержащее точку r_1. Тогда $\varphi(r_1)$ принадлежат S и $\varphi(U)$ – открытое множество в S. Обозначим $\varphi(r_1) = x = e^{i\theta}$ и найдем такие $n_\delta \in N$ и $y_{n_\delta} = e^{i\left(x+\frac{\pi}{3\cdot 2^{n_\delta}}\right)}$, чтобы выполнялось условие: $y_{n_\delta} = e^{i\left(x+\frac{\pi}{3\cdot 2^{n_\delta}}\right)} \in \varphi(U)$. Тогда $\rho(x, y_{n_\delta}) < \delta$ и $\rho\left(h^{(n_\delta)}(x), h^{(n_\delta)}(y_{n_\delta})\right) = 1 > \varepsilon = \frac{2}{3}$. Обозначим $h^{(n_\delta)}(x) = w_1$, $h^{(n_\delta)}(y_\delta) = w_2$. Ясно, что точки $w_1, w_2 \in S$. Тогда $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w_1)\right) = e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w_1+1}{w_1-1}$, а $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w_2)\right) = e^{i\frac{\theta}{2}}\frac{w_2+1}{w_2-1}$.

Далее найдем расстояние между точками $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w_1)\right)$ и $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w_2)\right)$:

$$\left|f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w_2)\right) - f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w_2)\right)\right| = \left|e^{i\frac{\theta}{2}}\left(\frac{w_2+1}{w_2-1} - \frac{w_1+1}{w_1-1}\right)\right| =$$

$$= \frac{2|w_2 - w_1|}{|w_2-1|\cdot|w_1-1|}.$$

Поскольку $w_1, w_2 \in S$, $|w_2-1||w_1-1| \le 4$ и $2|w_2 - w_1| > \frac{2}{3}$, то

$$\left|f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w_2)\right) - f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(w_2)\right)\right| = \frac{2|w_2 - w_1|}{|w_2-1|\cdot|w_1-1|} > \frac{1}{6}$$

и существенная зависимость от начальных условий функции $f(z)$ на L установлена. Покажем, что $f(z)$ транзитивна на L. Пусть U и V – два открытых множества на прямой L. Тогда существуют такие два открытых множества W_1 и W_2 на S, что выполняются соотношения: $U = \varphi^{-1}(W_1)$ и $V = \varphi^{-1}(W_2)$. Поскольку $h(w) = w^2$, то существует такое натуральное число n, что $h^{(n)}(W_1) \supset S$. Далее, поскольку $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(W_1)\right) = \varphi^{-1}\left(h^{(n)}(W_1)\right)$, то $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(W_1)\right) \supset L$. Следовательно, $f^{(n)}\left(\varphi^{-1}(W_1)\right) \cap V$ непусто и транзитивность $f(z)$ установлена. Выше мы показали, что множество периодических точек функции f всюду плотно в L.

Таким образом, отображение f обладает существенной зависимостью от начальных условий, транзитивно и множество периодических точек f всюду плотно в L. Согласно определению хаоса, по Девани, отображение f хаотично на L.

Библиографический список

1. *Морозов А.Д.* Введение в теорию фракталов. – М.; Ижевск, 2002.

2. *Кроновер Ричард М.* Фракталы и хаос в динамических системах / пер. с англ. под ред. Т.Э. Крэнкеля. – М.: Постмаркет, 2000.

3. *Божокин С.В., Паршин Д.А.* Фракталы и мультифракталы. – М.; Ижевск, 2001.

4. *Шредер М.* Фракталы, хаос, степенные законы: (миниатюры из бесконечного рая). – М.: Научно-издательский центр «Регулярная и хаотичная динамика», 2001.

5. *Гринченко В.Т., Мацыпура В.Т., Снарский А.А.* Введение в нелинейную динамику: Хаос и фракталы. Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2007.

6. *Секованов В.С.* Элементы теории фрактальных множеств: учебное пособие. 4-е изд. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012.

УДК 599.73

Сиротина Марина Валерьевна
кандидат биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
mvsirotina@gmail.com
Орлов Артём Юрьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Баранов Александр Васильевич
доктор биологических наук
Костромской НИИСХ Россельхозакадемии
knicx@kosnet.ru

СТРОЕНИЕ НОСОВОГО ЗЕРКАЛА У ЛОСЕЙ

В статье изложены результаты исследований морфологии носового зеркала у европейского лося, обитающего в условиях полувольного содержания на Сумароковской лосеферме. Выявлены животные, отличающиеся по форме и типу дерматоглифа носового зеркала, отмечена возможность использования носового зеркала в качестве фена при изучении природных популяций европейского лося.

Ключевые слова: *европейский лось, носовое зеркало, Сумароковская лосеферма.*

Лось (Alces alces) – самый крупный из оленей, обитающих на территории России. В Костромской области встречается подвид – Европейский лось – A. alces alces Linnaeus, достигающий высоты в холке до 216 мм и веса до 500 кг. Верхняя губа лося имеет не покрытый шерстью участок гребешковой кожи с папиллярным узором, выполняющий рецепторную и терморегуляционную функции – носовое зеркало. Вопрос о строении носового зеркала европейского лося изучен слабо, встречаются лишь отдельные сведения. Так, И.И. Соколов (1959) отмечает, что носовое зеркало европейского лося имеет ромбическую или эллиптическую форму, в отличие от животных подвида Восточно-Сибирский или американский лось, носовое зеркало которых имеет грушевидную или Т-образную форму. Между тем давно прорабатываются вопросы о строении, маркерной значимости и связи с хозяйственно-полезными признаками носогубного зеркала крупного рогатого скота (Трофименко А.Л, 1991; Сиротина М.В., Баранов А.В., 2008, 2009), изучаются дерматоглифические особенности носогубного зеркала маралов в связи с пантовой продуктивностью (Малофеев Ю.М., Липовик В.О., Липовик А.С., 2010, 2011), особенности дерматоглифики и микроморфологии носогубного зеркала ягнят (Малофеев Ю.М., Липовик В.О., Липовик А.С., 2010).

Так, Ю.М. Малофеев, В.О. Липовик, А.С. Липовик (2010), проведя исследования на 60 маралах, выделили у этих животных два типа дерматоглифа носогубного зеркала: «малина» и «каменная брусчатка» – и обнаружили различия в пантовой продуктивности животных с разными дерматотипами.

В связи с вышеуказанным, целью исследований было изучение строения носового зеркала у европейского лося. Нами были обследованы лосята в возрасте от двух дней до одного месяца, родившиеся на Сумароковской лосеферме, расположенной в Красносельском районе Костромской области, выборка составила 18 животных. Съёмка носового зеркала производилась цифровым фотоаппаратом с расстояния 20–30 см, после чего фотографии выводились на экран компьютера и анализировались.

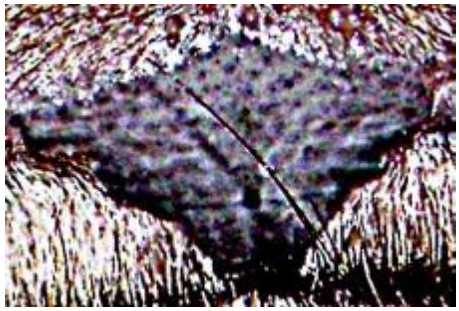
В результате исследований обнаружено, что форма носового зеркала у лосей популяции, находящейся в условиях полувольного содержания на Сумароковской лосеферме, весьма разнообразна. Нами выявлены животные с ромбической, Т-образной и грушевидной формами носового зеркала (см.: рис. 1).

Так, 38,39% исследованных животных имели Т-образную форму носового зеркала, 33,33% – грушевидную и 27,78% –ромбическую. Причём встречаемость указанных форм носового зеркала существенно различается у самцов и самок. Так, Т-образную форму носового зеркала имели 57,15% самцов и 42,85% самок. Грушевидная форма носового зеркала была отмечена у 83,33% самок и 16,67% самцов, а ромбическая – у 80,00% самок и 20,00% самцов.

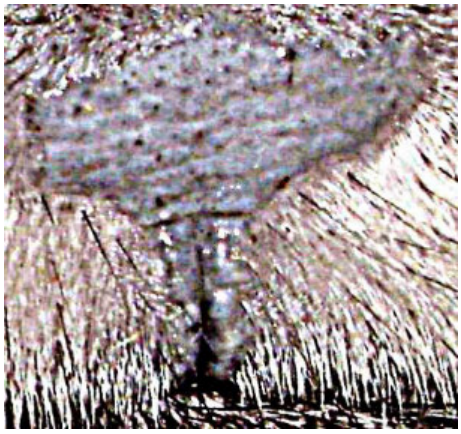
Носовое зеркало большинства исследованных животных имеет вертикальную борозду, разделяющую нижнюю часть зеркала на две симметричные половины, особенно отчётливо она просматривается на носовом зеркале Т-образной формы (рис. 1Б). Поверхность носового зеркала покрыта мелкими и крупными папиллярными бородавочками, которые могут иметь мелкозернистый вид – тип «малина» (рис. 1) и вид более крупных образований – тип «брусчатка» (рис. 2).

Кожа млекопитающих состоит из двух основных слоёв – эпидермиса и дермы. Эпидермис – поверхностный слой кожи, которым она контактирует с окружающей средой, верхняя часть которого подвергается ороговению и постоянно слущивается. Дерма (собственно кожа) – подстилает эпидермис, отграничена от него базальной мембраной, образована соединительной тканью и состоит из сосочкового и сетчатого слоёв. Верхний сосочко-

© Сиротина М.В., Орлов А.Ю., Баранов А.В., 2012



А



Б

В

Рис. 1. Форма носового зеркала у европейского лося: А – ромбическая; Б – Т-образная; В – грушевидная

вый слой дермы образуют высокие выпячивания – эпидермальные сосочки, которым соответствуют углубления лежащего на них эпидермиса. Рельеф наружной поверхности носового зеркала представлен системой макроскопических бородавочек или валиков, разделённых бороздами. В центре валиков располагаются протоки желёз, а сами валики складываются в определённый узор.

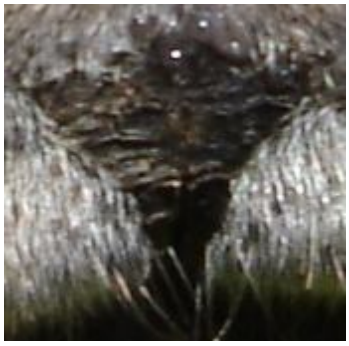


Рис. 2. Дерматотип носового зеркала «брусчатка»

У крупного рогатого скота дерматоглифический узор носогубного зеркала является строго индивидуальным (хотя и классифицируется на ряд дерматотипов) и позволяет идентифицировать животное подобно идентификации по отпечаткам пальцев человека. Очевидно, что индивидуальным является и дерматоглифический узор носового зеркала лосей. Нами, в процессе исследований, не было обнаружено животных с абсолютно одинаковыми дерматоглифами носового зеркала. Поэтому носовое зеркало лосей, его форму и дерматоглифический узор можно использовать в качестве фенов при изучении природных популяций лося для их качественной характеристики.

Библиографический список

1. *Соколов И.И.* Фауна СССР. Млекопитающие. Т. 1. Вып. 3: Копытные звери. – М.: Изд-во Академии наук, 1959. – 503 с.

2. *Сиротина М.В.*, *Баранов А.В.* Полиморфизм дерматоглифов носогубного зеркала крупного рогатого скота. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 96 с.

3. *Сиротина М.В.*, *Баранов А.В.* Фенетика носогубного зеркала крупного рогатого скота. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – 215 с.

4. *Малофеев Ю.М.*, *Липовик В.О.*, *Липовик А.С.* Дерматоглифические особенности носогубного зеркала маралов в связи с пантовой продуктивностью // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2010. – №9 (71). – С. 65–67.

3. *Малофеев Ю.М.*, *Липовик В.О.*, *Липовик А.С.* Микроморфология носогубного зеркала маралов в возрастном аспекте // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2011. – №1 (75). – С. 74–77.

4. *Малофеев Ю.М.*, *Липовик В.О.*, *Липовик А.С.* Видовые особенности дерматоглифики и микроморфологии носогубного зеркала у новорожденных маралят и ягнят // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2010. – №6 (68). – С. 73–77.

УДК 639.111.16

Соколов Н.В.
Костромской НИИСХ РАСХН
knicx@kosnet.ru

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЛОСЕЙ И ПРИЧИНЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ЭТИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Лоси стремятся к семейному, оседлому образу жизни, и все их перемещения в основном ограничиваются пределами занимаемых ими территорий. Различные негативные факторы могут заставить лосей переместиться в другие угодья.

Ключевые слова: *лось, перемещения, стации, классификация, факторы.*

Одним из основных и важнейших моментов в выработке путей управления теми или иными животными можно считать выявление закономерностей в освоении ими естественных мест обитания. Учитывая то, что занятие животными какой-либо территориальной ниши напрямую зависит от ряда природно-климатических, социальных и антропогенных факторов, а охватить все это чрезвычайно трудно, мы вынуждены ограничиться только решением проблем, касающихся лосей, подвергшихся воздействию человека. Тем не менее даже в этом весьма узком аспекте мы опираемся на закономерности, типичные для всех лосей в целом.

Обеспечение решения поставленной задачи возможно только при условии определения основополагающих факторов, имеющих решающее значение в жизни лосей любой степени приспособленности к антропогенному воздействию. В результате за основу, видимо, будет правильнее принять то, что лоси стремятся к семейному, оседлому образу жизни. На подобное заключение наталкивают многочисленные наблюдения, когда на охраняемых территориях лоси, не подвергаемые прессу охоты, создают долговременные семьи и обитают на вполне конкретных территориях. При этом на занятые участки не претендуют другие лоси, и, что важно, такие участки в течение многих лет не теряют своих кормовых и защитных качеств. Любые перемещения лосей в наблюдаемых семьях, в основном, ограничиваются пределами занимаемых ими территорий [2].

Появление различных негативных факторов может заставить лосей покинуть обжитую территорию и переместиться в другие угодья, что мы и называем, в зависимости от дальности и периодичности переходов, кочевками, миграциями или просто перемещениями [5].

Вопрос перемещения лосей до сих пор до конца не изучен, хотя исследователи неоднократно предпринимали попытки выявления и классификации этих проявлений их жизнедеятельности [1; 4]. К.П. Филонов [3] в своей работе «Лось» предложил более подробную классификацию, построенную на двух основных показателях: место, по отношению к которому животное передвигается, и время, на которое оно покидает это место. Им же были даны уточненные определения таким понятиям, как миграции, выселение (эмиграции) и кочевки, которые излагались следующим образом:

– миграции – наиболее координированные формы перемещений. Они проходят по традиционным путям в более или менее определенное время, хотя последнее может ежегодно изменяться. Протяженность миграционных путей обычно значительна и измеряется десятками, а иногда и сотнями километров. Мигрирующие животные, покинув свои основные места обитания, через некоторое время возвращаются;

– выселение (эмиграция) – это частный случай миграции, но неопределенный по времени и необратимый по отношению к основному месту обитания, оставленному животным;

– кочевки связаны с наиболее полным использованием участка обитания и районов, прилегающих к нему. Они являются локальными перемещениями и включают сезонные и суточные кочевки.

Для наглядности классификационную схему перемещения лося, предложенную К.П. Филоновым, представляем полностью (табл. 1) [3].

В ходе наших работ по изучению как одомашниваемой, так и дикой популяции лосей возникла необходимость в дроблении и конкретизации ряда понятий, в связи с чем был разработан несколько иной вариант классификационной таблицы перемещения лосей (табл. 2).

В ней, как и у предыдущего автора, выделены четыре типа перемещений, но введено такое понятие, как местные перемещения. К ним отнесены переходы от куста к кусту, от лежки к месту кормления и обратно, движение в момент кормления и так далее, то есть движение по ограниченному участку, измеряемому десятками, сотнями метров. Такие перемещения являются неотъемлемой частью спокойно живущих особей, семей и групп на участках, обладающих достаточной кормностью и отсутствием опасных для жизни лосей факторов. Более детализированы причины перемещений, а экологические заменены на эколого-физиологические. В качестве причин, заставляющих животных перемещаться, указаны пищевые, расселение, воспроизводство, а также пресс хищников – как фактор, влияющий на жизнь лосей постоянно и многосторонне. Рассмотрены эколого-социальные причины, или антропогенное воздействие: от негативного, прямого и опосредованного до целенап-

© Соколов Н.В., 2012

Таблица 1

Классификация перемещения лося [3]

Причина	Стимул	Тип перемещения	Регулярность перемещения	Расстояние	Характер перемещения	Результат
Физико-географическая	Погода	Миграция	Сезонные	Значительное	Групповое, свободное, с возвратом	Смена мест обитания
Экологическая	Изменение емкости угодий	Кочевки или расселения	Спорадические или сезонные	В районе участка обитания или за его пределами на различное расстояние	Одиночно-групповое; свободное; с возвратом	Выбор оптимальных условий существования; освоение новых угодий
Эколого-социальная	Нарушение или уничтожение мест обитания	Выселение	Спорадические	Различное, нередко значительное	Групповое или одиночное, свободное или вынужденное; без возврата	Освоение новых территорий, иногда значительное удаление
Антропогенная	Преследование или регулярное беспокойство	Выселение или нерегулярные кочевки	–	Различное, чаще незначительное	Групповое и одиночное; принудительное; с возвратом или без возврата	Заселение новых, чаще всего ближайших районов, возврат на ранее обитаемые участки

равленного позитивного. Указаны физико-географические причины, связанные с погодно-климатическим фактором и изменением среды обитания лосей, происходящим без прямого вмешательства человека. Далее, в нижней части таблицы, указано, какие типы перемещений могут возникнуть при наличии тех или иных причин.

Перемещение лосей по территории, а тем более расселение и переселение вызываются естественными, стихийными и причинами антропогенного характера. Данное деление весьма условно, тем более если учесть, что в настоящее время антропогенный фактор можно усмотреть прямо или опосредованно практически во всем. Однако в связи с тем, что более четкого деления пока нет, нам остается, несмотря на её несовершенство, прибегнуть именно к этому варианту систематизации.

Вероятно, самым значимым этапом в жизни лося является поиск свободных защитно-кормовых угодий, подходящих для дальнейшего проживания, создания семьи и продолжения лосиного рода. Эти действия лося объединяются одним понятием – расселение. Четко очерченных временных, территориальных и прочих закономерностей мы пока дать не можем, но не по причине их отсутствия, а по причине недостаточности технических возможностей, а значит, и корректности наших суждений. Тем не менее, основываясь на наблюдениях за одомашниваемыми лосями Костромской, Горьковской и Печоро-Илычской лосеферм, мы можем с большой долей уверенности утверждать, что в снежный период лоси, в связи с затруднением передвижения куда-либо, перемещаться с облюбованных, обжитых мест не желают, предпочитая, если им не угрожает опасность, оставаться на весьма скудных, но гарантированных кормах. Именно это обстоятельство позволяет удерживать одомашниваемых лосей без всяких изгородей в течение всего снежного периода на лесосеках и зарастающих вырубках. С таянием снегов активность лосей резко возрастает. В это время, а точнее, во второй половине апреля – начале мая, беременные лосихи, если их не поставить в загоны, уходят в поисках мест, пригодных для рождения лосят, и остаются там до наступления зимы. Лосята, достигающие годовалого возраста, тоже расширяют свою зону обитания, делая кратковременные (до 1 суток) разведочные походы, достигающие 10 километров. С появлением обильной зелени такие выходы с нажитых территорий могут заканчиваться невозвращением. Хотя это совсем не значит, что прирученные лоси больше никогда не вернутся на лосеферму. Возвраты бывают и через месяц после ухода, и к зиме, и спустя годы.

Уходы во время гона для молодых (1,5–2,5 года) лосей, как самцов, так и самок, могут заканчиваться полным переселением с образованием семьи. В связи с этим на Костромской лосеферме лосей этого возраста стараются держать в загонах. Безусловно, усиленная работа с такой группой лосей опытного лосевода-воспитателя может воспрепятствовать уходу лосей, но полностью предотвратить его пока что не удавалось.

Расселению и переселению диких особей в значительной степени способствует человек. Создание охранных зон позволяет лосям скрываться в них

Таблица 2

Перемещения лосей и причины, вызывающие эти перемещения

| Причины перемещений | Виды перемещений | | |

при проведении охоты. В конечном счете, в охранных зонах плотность лосиного поголовья оказывается всегда выше, чем в прилегающих угодьях.

Лесосеки и остающиеся после вырубки древостоя, зарастающие кормовыми породами вырубки не только привлекают лосей, но и заставляют следовать им от законченной лесосеки к вновь разрабатываемой, а молодняку позволяют расселяться в сторону продвижения мест рубок древостоя.

Угроза, исходящая от охотников и волков, также побуждает лосей откочевывать в более спокойные места и даже оставаться там. Между прочим, изъятие охотниками взрослых особей заставляет оставшихся самца или самку искать себе пару на других территориях. Изъятие волками молодых особей угнетает популяцию лосей в зоне обитания волков, оставляя в дальнейшем значительные пространства прекрасных защитно-кормовых угодий абсолютно без лосей.

Лесные пожары сами по себе всегда вызывают отток животных из зоны стихийного бедствия, но в дальнейшем, по мере зарастания пожаров кормовыми растениями: осиной, березой, сосной, рябиной, кипреем, малиной, – лоси возвращаются, или приходят новые особи и интенсивно осваивают образовавшиеся кормовые угодья.

Появление искусственных сооружений, таких как водохранилища, каналы, дороги, трубопроводы, а также фактор беспокойства, вызываемый человеком, пришедшим в эти места вместе с возведенными им сооружениями, с одной стороны, заставляют лосей уходить с обжитых мест, с другой – начинают препятствовать естественному перемещению животных.

Рассмотренные нами варианты дают нам, как уже указывалось ранее, право утверждать, что основная масса перемещений, в том числе естественных и стихийных, в значительной степени зависит от человека и его деятельности. И само благополучие современного лося зависит в своей основе от человека. То есть человек прямо или косвенно, осознанно или нет влияет на популяцию лосей, её процветание или угнетение. Он, по сути, управляет популяцией лосей, и вопрос заключается только в разработке умной технологии такого управления, а не только охраны или изъятия поголовья.

Данная работа еще требует серьезных дальнейших исследований и не претендует на полноту и законченность. Тем не менее, при дополнительном уточнении дальности, сроков и регулярности перемещений, она может служить основой для создания этой сложной и трудно прогнозируемой системы.

Библиографический список

1. *Жирнов Л.В.* Миграция лосей в европейской части СССР // Биология и промысел лося. – М.: Россельхозиздат, 1967. – Сб. 3. – С. 80–104.

2. *Соколов Н.В., Баранов А.В.* Лось и пресс охоты // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 85-летию ВНИИОЗ (22–25 мая 2007 г.). – Киров, 2007. – С. 406–407.

3. *Филонов К.П.* Лось. – М.: Лесная промышленность, 1983. – 246 с.

4. *Köppen Fr.Th.* Die Verbreitung das Elenthiers im Europäischen Russland, mit besonderer Berücrsichtigung einer in den Fünfziger Jahren begonnenen Massenwanderung desselben // Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches. – 1883. – Bd. 11. – S. 141–240 (по Тимофеевой).

5. *Pulliainen E.* Seasonal movements of moose in Europe // Nature Canada. – 1974. – Vol. 101. – № 1–2. – P. 379–392.

УДК 574

Цховребов Эдуард Станиславович
кандидат экономических наук
Академия безопасности и специальных программ (г. Москва)
sofiamosina@yandex.ru
Юрьев Кирилл Владимирович
МОБВУ Росводресурсов МПР РФ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматривается опасная тенденция в современных экологических системах – прогрессирующее развитие популяций борщевика и его негативное воздействие на состояние биоценозов.

Ключевые слова: *экология, биология, экологическая система, биоценоз, фитоценология, фитогеография, фитоценоз, популяция, борщевик.*

Обеспечение экологической безопасности является одной из важнейших задач российского государства. В настоящее время в рамках обеспечения экологической безопасности первостепенное внимание уделяется охране недр, водных, лесных ресурсов, животного мира, атмосферного воздуха, предотвращению негативного воздействия отходов производства и потребления. Но объектами экологии, в первую очередь, являются популяции организмов, виды, сообщества, экосистемы и биосфера в целом. Именно состояние экологического и, конечно, биологического равновесия обеспечивает устойчивость экологических систем, их полноценное развитие в соответствии с законами природы. Любое антропогенное или иное вмешательство в природную среду может привести к непоправимым для нее последствиям, которые впоследствии скажутся как на экологии в целом, так и на состоянии экологической безопасности и устойчивого развития общества и государства. В связи с этим считаем необходимым обратить внимание на одну из чрезвычайно опасных современных экологических проблем.

С наступлением лета на придорожных полосах, на заброшенных сельскохозяйственных землях и даже в черте городов и поселков появляется внушительное растение с широкими листьями и огромными зонтиками. Это внешне красивое, но очень коварное и опасное растение – борщевик. Чем же оно так опасно, если даже в Западной Европе: в Германии, Чехии, Эстонии, скандинавских странах – действуют правительственные и общественные программы борьбы с борщевиком.

Борщевик (лат. Heracleum) – род растений семейства зонтичных, насчитывающий приблизительно 60–70 видов, распространённых в умеренном поясе восточного полушария. Разные виды борщевика выращивались как декоративные растения, часть – как силосные на корм скоту, некоторые годны в пищу и человеку. Борщевики – многолетние травы. Стебли у разных видов возносятся на различную высоту – от 20–50 см до 250 см; как правило, они полые, с редким опушением либо опушением по всей длине (у северных видов). Листья собраны в прикорневую розетку, длинночерешковые, очень крупные; могут быть перисто-раздельными, с сегментами различной формы. Цветки мелкие, белые, реже – зеленовато-жёлтые или ярко-розовые, собраны в сложные зонтики до 40 см в поперечнике. Плод – двусемянка особого типа, называемая вислоплодником. Зацветает большинство видов в июне, но продолжается цветение у разных видов до июля-августа. Семена созревают в июле-сентябре, легко осыпаются. В России и странах СНГ произрастает около сорока его видов, больше половины из них встречается на Кавказе, преимущественно в субальпийском горном поясе [1]. В Европейской части России наиболее распространён борщевик Сосновского (рис. 1).

Прикосновение к растениям некоторых видов этого рода может вызывать раздражение и ожог кожи за счёт того, что все части растений содержат фуранокумарины – вещества, резко повышающие

Рис. 1. Борщевик Сосновского

© Цховребов Э.С., Юрьев К.В., 2012

чувствительность организма к ультрафиолетовому излучению. Самые сильные фитоожоги борщевик вызывает, соприкасаясь с кожными покровами, в ясные солнечные дни. Чтобы получить ожог, достаточно и непродолжительного, несильного облучения солнцем участка кожи, испачканного соком растения. Как правило, на поражённых участках кожи возникает ожог второй степени (волдыри, заполненные жидкостью). Время проявления ожога от нескольких часов до нескольких суток. Особая опасность заключается в том, что прикосновение к растению первое время не дает никаких неприятных ощущений. Борщевик также является контактным и дыхательным аллергеном и имеет сильный запах, который ощущается уже в 5 м от растения [1].

В советское время некоторые сельхозпредприятия стали культивировать борщевик Сосновского как кормовое растение. Эта культура отличалась высокой урожайностью – более 2500 центнеров с гектара и высоким содержанием сахаров – до 3% сырого веса. Но оказалось, что при неправильной консистенции этого растения в силосе падают вкусовые и иные характеристики молока. Вкупе с токсичностью сока, это послужило причиной к отказу от выращивания культуры в широких масштабах. После того как борщевик не оправдал возложенных на него надежд, интерес у сельхозпроизводителей к нему пропал. С развалом сельского хозяйства в постперестроечное время, растение стало постепенно переселяться и в дикую природу, завоевывая берега водоёмов, полосы отвода дорог, необрабатываемые участки полей, завоевывая все новые и новые территории.

Еще 30 лет назад, когда растение культивировалось, высказывались опасения, что после завершения периода эксплуатации посевы борщевика будет сложно ограничить либо уничтожить, он может превратиться в злостного засорителя земель в связи с активной способностью к размножению самосевом. Эти опасения теперь оправдались. Стремительное распространение борщевика нарушило экологическое равновесие и стало серьёзной угрозой экологической безопасности территорий.

В России особенно проблемными по распространению борщевика, вызывающего сильнейшие ожоги, являются северный, северо-западный и центральный регионы. Распространение происходит эпидемически, решительных действий по его предотвращению, к сожалению, своевременно принято не было, что привело на сей день к значительному заселению дикой природы этим опасным для людей, животных и флоры сорняком.

Не «обошло мимо» растение и столицу России. Так, Битцевский парк занимает территорию 2208 га. Борщевик «оккупировал» уже не менее гектара в разных местах. По словам сотрудника природно-исторического парка «Битцевский лес» Т. Луневой, растение захватывает территорию по краям леса, вдоль автомобильной дороги. В парке борщевик ликвидируют вручную, его выкапывают вместе с корнями: если просто скосить, семена с ветром распространяются на большие расстояния, после чего дают новые всходы. Борщевик бурно разросся и на территории таких парков и зон отдыха, как «Крылатские холмы», «Москворецкий» (157000 кв. м), «Царицыно» (70 тыс. кв. м) и «Косинский» (30 тыс. кв. м). Правила содержания зеленых насаждений столицы запрещают использовать на природных территориях химические препараты. Поэтому «зараженные» территории по три-четыре раза в сезон выкашиваются вручную. Во всех округах Москвы уже созданы бригады по вырубке опасного растения, а префектуры просят жителей немедленно сообщать им по телефону обо всех известных случаях его произрастания.

Особенно актуальна проблема с борщевиком на территории Московской, Калужской, Тульской, Тверской областей и других регионов Центральной России. Борщевик пышно произрастает вдоль дорог, надвигается с полей, берет в плотное кольцо окружения поселки и деревни. К примеру, в ряде «сельскохозяйственных» районов Подмосковья территория, занятая борщевиком, соизмерима по площади с несколькими сельскими поселениями.

В настоящее время доступно два практических руководства по борьбе с нежелательными зарослями гигантских борщевиков: «Практическое пособие по борьбе с гигантскими борщевиками (на основе европейского опыта борьбы с инвазивными сорняками)» и «Методические рекомендации по борьбе с нежелательными зарослями борщевика Сосновского».

При этом пока единственным методом борьбы с распространением борщевика в дикой природе является картирование зон его самосева и уничтожение растений до появления семян. Более эффективно уничтожение растений с выкапыванием и сжиганием корней. На обрабатываемых землях возможно точечное применение гербицидов общего действия. Селективного гербицида пока не существует, хотя разработка его ведётся во многих научных центрах. Химические методы борьбы с опасным растением запрещены санитарным и экологическим законодательством на территории населенных пунктов, местах скопления людей (автобусные остановки и пр.), зонах охраны водных объектов, особо охраняемых природных территориях. Каких-либо биологических методов борьбы с борщевиком до сих пор не разработано. Ликвидация борщевика осложнена и тем, что семена растения могут долгие годы находиться в земле и всходить через 5–8 лет после сброса семян, количество которых только с одного растения достигает более тысячи.

В связи со вступлением в силу ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуп-

равления в РФ», полномочия по борьбе с этим злостным вредителем передали в сельские и городские поселения, под титулом «благоустройство территорий», хотя в бюджетах поселений и без того не хватает финансовых средств на ЖКХ и социальную сферу. Дорожные службы в ряде регионов делают попытки уничтожения борщевика только в пределах полосы отвода автодорог. Однако эти попытки обречены на неудачу из-за продолжающегося осеменения культурой с близлежащих необрабатываемых сельхозугодий, заброшенных ферм, сельских территорий.

В ряде районных администраций Московской области разрабатывались программы по борьбе с сорным растением, но финансировать такие программы на федеральном или областном уровне никто не собирался даже в предкризисный период, естественно, речь не идет об этом и сейчас [2].

По расчетам специалистов, если сейчас не предпринять решительных мер по борьбе с загрязнением опасным растением, к 2050 г. борщевиком покроется почти вся площадь Подмосковья за исключением лесов, болот, торфяников (где борщевик, как правило, не распространяется), а также ежегодно обрабатываемых сельхозугодий, площадей, занятых асфальтобетонными покрытиями и зданиями. Такая же участь, но несколько позже, ожидает большинство регионов Центральной России. К этому времени могут полностью исчезнуть вся травяная растительность вне указанных территорий, большинство ценных и лекарственных растений, некоторые виды грибов и мелких кустарников, нарушится местообитание диких животных и птиц.

Предотвращение наступающей угрозы должно стать предметом научных исследований первостепенной важности в области общей экологии, микробиологии, биогеографии (фитогеографии), фитогельминтологии, фитопатологии, биоценологии (фитоценологии) в части общих и сравнительных исследований популяций борщевика в рамках биоценозов и экосистем с выработкой биологических методов борьбы с опасным сорным растением.

Уже сейчас, на государственном уровне, пришла пора принятия стратегических решений по предупреждению этой серьезной угрозы экологической безопасности России!

Библиографический список

1. Большая Советская Энциклопедия: В 30 т. Изд. 3-е. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1978. – 18240 с.

2. *Гаврилов Е.В., Исаков В.М., Цховребов Э.С.* Проблемы обеспечения экологической безопасности на территории муниципального образования // ЭКОС – Информ. – 2005. – № 1. – С. 17–21.

ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА. ЭСТЕТИКА

УДК 111.1

Арутюнян Каринэ Сергеевна
Рязанский государственный радиотехнический университет
Carin@mail.ryazan.ru

СМЕНА ЦЕННОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ДОМИНАНТ В ОРИЕНТАЦИИ СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Автор рассматривает проблему формирования важнейшего (интегративного) элемента государственной идеологии (ценностной парадигмы) и выявляет новые ориентиры в сознании молодежи.

Ключевые слова: *государственная идеология, общественная идеология, парадигма.*

За последнюю четверть века произошли существенные изменения в структуре общественного сознания России, включая ее носителей – социальных субъектов (молодежь). Это частично обусловлено объективным фактором – закономерным усложнением социальной структуры общества, частично субъективным – сознательно осуществляемым «перестроечным процессом», революционной сменой ценностной парадигмы в государственной идеологии.

В данной статье основное внимание будут сосредоточено на проблеме возникновения новой ценностной парадигмы в государственной идеологии и, в связи с этим, на появлении новых доминант в ориентации сознания молодежи.

Следует отметить, что очень часто государственную идеологию отождествляют с понятием «общественная идеология». Как следствие, происходит смешивание характеристик «общества вообще» и конкретного общественного образования.

По словам О.В. Вольтер, в настоящее время понятий «государственная идеология» и «общественная идеология» не существует. В своей работе она указывает, что во все периоды становления, формирования и развития Руси, Российского государства, Советского Союза существовала единая государственность, изменявшаяся в зависимости от задач, стоявших перед страной, но всегда являвшихся основой государственной идеологии в России [1, с. 4].

В настоящее время практически отсутствует само понятие «идеология». Тем не менее для решения проблем будущего России, да и всего человечества, необходимо создание новой идеологии, способной поднять духовно-нравственный уровень страны.

Содержанием общественной идеологии выступает теоретическая часть общественного сознания: политология, этика, теория права, теоретическая эстетика и т.д.

Государственная идеология – это система концептуально оформленных идей, представлений и взглядов на политическую жизнь, которая отражает интересы, мировоззрение и идеалы государства и общества, играет важнейшую роль в их развитии.

Определяющее теоретическое значение для формирования государственной идеологии имеют политология, философия, этика и аксиология. Ее ядром выступают государственно-идеологические ценности – совокупность приоритетных государственных ценностей на определенном этапе исторического развития страны.

В современном российском обществе происходит процесс смены парадигмы ценностного мышления. Под парадигмой понимается научно-концептуальная схема, выступающая в качестве нормативной основы для теоретической и практической деятельности организованной группы людей.

Новая парадигма ценностного мышления предполагает свое понимание предназначения человека в мире, признание его самоценности, творческой свободы, принятие императива глобальных проблем.

На современном этапе развития общества в глобальном масштабе проявляется пять основных тенденций в ориентации сознания:

1. Экспансия – стремление навязывать свою систему ценностей всему миру (религиозный фанатизм).

2. Самоизоляция – попытка сохранить свою устаревшую систему ценностей (Северная Корея).

3. Многополюсность – признание самоценности и неповторимости разных национально-культурных традиций (Запад-Восток).

4. Монополистическая глобализация – это экономическое объединение ведущих стран мира на основе господства международных монополий.

5. Партнерская интеграция – глобальное объединение всех стран на основе высших интегративных ценностей, с сохранением национально-государственного своеобразия каждой страны.

Первые четыре тенденции являются тупиковыми путями развития. Только последняя тенденция открывает прогрессивную историческую перспективу. Партнерская интеграция сопровождается сменой парадигмы ценностного мышления, то есть коренного изменения прежних устоявшихся ценностных стереотипов.

© Арутюнян К.С., 2012

Относительно современного общества можно говорить о двойной смене парадигмы. В масштабах страны это означает, прежде всего, отказ от партийно-классового подхода в государственной идеологии и признание приоритета гуманистических ценностей.

Главное содержание современной эпохи состоит в переходе к всемирной планетарной интеграции человечества. Этот процесс только начался и сопровождался противоречивыми и кризисными явлениями.

В его основе лежит глобальная смена парадигмы ценностного мышления. Новая система социальных ценностей, которая формируется в современном обществе, имеет сложное строение. В ней оформляются четыре иерархически организованные подсистемы: 1) высшие интегративные ценности; 2) государственно-идеологические; 3) высшие альтернативно-личностные; 4) общезначимые.

В той или иной современной стране общезначимые и высшие альтернативные ценности имеют своеобразную трактовку и свои приоритеты. Это зависит от преобладающей государственной идеологии. Следует учитывать влияние и своеобразное «давление» особой подсистемы ценностей – государственно-идеологической. Данные ценности имеют солидное философское и политологическое обоснование. Это приоритетные в стране ценности, которые имеют теоретическое значение, поддерживаются государственной властью и пропагандируются СМИ.

Процесс смены ценностной парадигмы в государственной идеологии имеет свои закономерности. Общественное сознание реально существует в той или иной стране и преломляется сквозь призму политических, экономических и иных интересов государства.

В данном случае речь идет о государственно-идеологическом сознании. Парадигмально-перестроечный метод позволил описать закономерные этапы, по которым происходят коренные качественные перемены в общественном сознании и государственной идеологии, а на этой основе – в других сферах общественной жизни. Следует выделить три основных этапа смены парадигмы в государственной идеологии.

1. Новое время – это назревание необходимости социальных перемен в обществе. На этом этапе, предполагающем критику прежних ценностных ориентиров, наиболее активным субъектом выступила относительно небольшая группа людей – прогрессивно мыслящие представители общества – публицисты (писатели и журналисты), общественные деятели («диссиденты»).

2. Новое ценностное мышление – осознание передовыми представителями общества перемен («новое политическое мышление» М.С.Горбачева).

3. Новое ценностное сознание – принятие всем обществом программы реформационных преобразований. На современном этапе в формировании нового ценностного сознания общества ведущую роль играют профессиональные ученые (политологи, философы, социологи). Они выступают в роли теоретиков, создающих новую идеологию.

В качестве примера можно привести формулирование основных положений новой парадигмы в области социальной философии, которая должна стремиться верно отражать тенденции развития общества на ближайшие 10–15 лет.

Следует выделить пять общих признаков концептуального ядра новой парадигмы:

1. Ориентация на качественно новый уровень системной целостности общества.

2. Сознательное использование законов синергетики.

3. Признание теории «космического эволюционизма», в основе которой лежит новое понимании человека.

4. Взаимное дополнение методологии формационного подхода (К. Маркс) теорией культурно-исторических (цивилизационных) типов (О. Шпенглер).

5. Достижение качественно нового уровня интеграции естественнонаучного и социогуманитарного познания (это проявляется в глобальной интеграции ученых различного профиля для решения конкретных проблем; в методологической революции в социальном познании; в возрастании интегративной роли социальной философии).

Однако в современной России на формирование государственной идеологии значительное влияние оказывают (кроме ученых) олигархическая элита, владеющая экономикой, а также средства массовой информации. Поэтому формирование новой государственной идеологии идет очень противоречиво.

С одной стороны, подавляющим большинством общества восприняты идеи отказа от прежней партийно-государственной парадигмы. С другой стороны, получает признание плюрализм ценностных ориентаций личности, многопартийная политическая система, рыночное регулирование. Однако реальные реформы не осуществляются.

Дальнейшее движение в прогрессивном направлении зависит от: 1) введения новых экономических стимулов и ограничений; 2) повышения эффективности системы управления; 3) активности разных социальных субъектов. Особую роль в этих преобразованиях будет играть молодежь. Она наиболее восприимчива к явлениям социальной несправедливости, а также к прогрессивным социальным преобразованиям.

Современная молодежь сформировала свой собственный ценностный ряд. Ее ценности и ценностные ориентации находятся под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Ценности отечественной культуры (народная и классическая) вытесняются из сознания молодых людей образцами

массовой культуры. Это связано с современными российскими условиями, которые не могли не отразиться на ценностных ориентациях молодежи.

На современном этапе приоритетными стали такие ценностные ориентиры молодежи, как:

– профессиональный рост;
– получение образования;
– получение престижной работы;
– материальное благополучие.

Не менее важными стали личная свобода и увеличение ценности досуга. Резкий переход России к рыночной системе затронул все стороны жизни молодежи и сформировал новые доминанты в ориентации сознания.

Кроме того, современная молодежь столкнулась с таким явлением, как смешивание всевозможных идеологических и ценностных начал, создавших социокультурный раскол.

Несмотря на происходящие ценностные трансформации в современном российском обществе, в ценностных ориентациях молодежи сохраняются гуманистические установки, универсальные общечеловеческие ценности.

Об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе исследования в 2008 г. Анализ результатов среди работающий молодежи дает основание сделать вывод о том, что ведущее место в личности молодого специалиста принадлежит общечеловеческим, гуманистическим ценностям, которые доминируют в общественном сознании:

– здоровье;
– семья;
– работа;
– образованность;
– воспитанность;
– аккуратность [2, с. 26].

Иерархия ценностных ориентаций современной работающей молодежи зависит от сферы и профессиональной деятельности. Работники нематериального производства ориентированы, прежде всего, на образованность, терпимость и чуткость; работники материального производства – на самореализацию, независимость и рационализм.

Наряду с нравственными качествами в число ведущих способов достижения жизненных целей молодежь включает комплекс волевых («твердая воля», «самоконтроль») и деловых качеств («предприимчивость» и «независимость»). Из этого следует, что молодежь становится более практичной и прагматичной.

Молодежь в современном обществе – аполитична. Об этом свидетельствуют данные, позволяющие сделать выводы. Молодежь негативно настроена по отношению практически ко всем властным структурам, отрицательно оценивает развитие политической ситуации в стране, не видит для себя возможности оказывать влияние на политический процесс (интересуется политикой менее двух третей респондентов, до 30% молодежи вообще не думали о своих политических ориентациях, до 10% респондентов считают свои политические взгляды вполне сформировавшимися) [3, с. 39].

Структура ценностей молодежи является подвижной и отражает существенные стержневые изменения в обществе. Разрыв в ценностных ориентациях молодежи усилился как реакция на рыночные трансформации.

Следовательно, новые доминанты в сознании современной молодежи конструируются и проявляются в сопряжении, взаимодополнительности нравственных качеств, в стремлении к сочетанию ценностей, обеспечивающих успешность деятельности и сохранение традиционных ценностей.

Сделаем обобщающие выводы по содержанию статьи:

1. Общественная идеология – теоретическая часть общественного сознания: политология, этика, теория права, теоретическая эстетика. Государственная идеология – система концептуально оформленных идей, представлений и взглядов на политическую жизнь, которая отражает интересы, мировоззрение и идеалы государства и общества, играет важнейшую роль в их развитии. Ее ядром выступают государственно-идеологические ценности (совокупность приоритетных государственных ценностей на определенном этапе исторического развития страны).

2. Государственно-идеологические ценности занимают особое место в системе современных ценностей. Это приоритетные в данной стране на определенном этапе ее исторического развития. Подобные ценности имеют теоретическое обоснование (философское и политологическое), поддерживаются государственной властью и пропагандируются СМИ.

3. Сам процесс смены парадигмы в государственной идеологии проходит три этапа. Первый этап предполагает критику прежних ценностных ориентиров. На втором этапе возникла концепция «нового политического мышления». На третьем этапе – формирования нового ценностного сознания общества – ведущую роль играют профессиональные ученые (политологи, философы, аксиологии).

4. Формируется новая парадигма в области социальной философии, которая верно отражает тенденции развития общества на 10–15 лет.

5. Формирование новой государственной идеологии идет очень противоречиво. С одной стороны, идет отказ от прежней партийно-государственной идеологии. С другой стороны, плюрализм ценностных ориентаций, многопартийность, рыночное регулирование приводят к отсутствию реальных демократических преобразований.

6. Дальнейшее развитие в прогрессивном направлении зависит от активности социальных

субъектов. Особую роль играет молодежь. Она наиболее восприимчива к явлениям социальной несправедливости.

7. Несмотря на структурные трансформации ценностных ориентаций молодежи, ведущее место принадлежит общечеловеческим, гуманистическим ценностям, которые доминируют в общественном сознании (здоровье, семья, работа, образованность, воспитанность, аккуратность). Это порождает определенную надежду на сохранении социума.

Библиографический список

1. *Вольтер О.В.* Русская национальная идеология как духовно-политический фактор развития российского государства. – Армавир: АГПУ, 2009. – 219 с.

2. *Калашникова Н.Н.* Формирование духовно-нравственных качеств молодежи на основе использования культуротворческих технологий социально-культурной деятельности. – Белгород: БГИКИ, 2009. – 117 с.

3. *Райков И.И.* Молодежь в политической жизни общества. – Тюмень: ТюмГУ, 2010. – 184 с.

УДК 211.5

Белкина Тамара Леонидовна
кандидат философских наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
belkinp@ yandex.ru
Комаров Антон Станиславович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ecbantonkom@ya.ru

АПОЛОГИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ТРУДАХ ДЖОНА ЛОККА

Изложены основные взгляды Локка на веротерпимость, приведены аргументы ее апологии. Показана актуальность взглядов Локка на реализацию принципов свободы совести и необходимость толерантности в современном обществе.

Ключевые слова: *Локк, свобода совести, веротерпимость, нонконформизм, церковь.*

В современной России остаются злободневными проблемы свободы вероисповедания, свободы совести и толерантности. Представляется целесообразным обращение к философскому наследию, в котором рассматриваются эти вопросы. Одним из ярких мыслителей, занимавшихся в прошлом вопросами взаимоотношения церкви и государства и свободы совести является английский философ Джон Локк (1632–1704). XVII век был веком утверждения науки и философии, в новое время проблемы гражданских свобод, прав личности и свободы совести занимали большое место в философских исследованиях. Дж. Локк считал, что никто не имеет права причинить вред жизни, здоровью, имуществу и свободе другого, так как все люди обладают естественным «состоянием» равенства. Особое внимание он уделял апологии свободы совести и нонконформизма, которые нашли отражение в ряде его трудов.

Самым ранним из них является «Опыт о веротерпимости», написанный в 1667 г., когда в Англии происходили жестокие гонения на пуритан, развёрнутые правительством Реставрации. «Опыт» обращён к королю. Локк пытается убедить короля, что свобода совести и веротерпимость — наиболее приемлемые условия существования современных государств. Это была одна из первых комплексных попыток рассмотрения различных подходов к сущности свободы совести и её проблем, а также различных аспектов свободы и принуждения в вопросах веры. Многие из аргументов и выводов Локка, содержащиеся в «Опыте», актуальны и в настоящее время. Он говорит, что не все мнения и поступки людей могут оказаться в сфере практического ведения политики терпимости [1, с. 67], есть то, что не может быть подвергнуто какой-либо регламентации или принудительному воздействию. Все частные (спекулятивные) мнения о предметах веры, и практика, и способ религиозного поклонения не относятся к проблеме государственного порядка. Нет никаких оснований для власти беспокоиться о форме религиозного поклонения, которую изберёт гражданин [1, с. 69–70], ибо она никак не посягает на государственные устои. Принуждение граждан в вопросе убеждений он называет не иначе как «наихудшее, и употреблять его следует в последнюю очередь и с величайшей осторожностью» [1, с. 79]. Применение насилия, по мнению Локка, перечёркивает назначение государственной власти – обеспечение всеобщей безопасности, а сущность свободы совести – освобождение от насилия. Именно это является исключительным основанием принадлежности граждан государству [1, с. 79]. Рассматривая проблему влияния политики принуждения на благосостояние, безопасность и мир государства, Дж. Локк утверждает, что источник этого – многочисленность и трудолюбие подданных, чему никак не способствует насилие. «Насильственное насаждение мнений мешает людям уяснить их», так как вселяет опасения в наличие материальных мотивов применения насилия [1, с. 85]. Насилие порождает не любовь к государству, а страх перед властью, который порождает отчаянье [1, с. 87]. Насилием человек не убеждается,

© Белкина Т.Л., Комаров А.С., 2012

а приводится к притворству и отвращению к притеснителю. И очень важно: сами притеснители не должны пользоваться благом терпимости, и это единственное возможное ограничение политики терпимости [1, с. 81–82].

В 1683 г. Локк пишет свою вторую работу, названную «Защита нонконформизма» (A Defence of Nonconformity), которая до настоящего времени не опубликована, ее фрагменты содержатся в жизнеописании Джона Локка (Life of John Locke, 1829). Рукопись исследуется в работе Йоркского учёного Т. Стэнтона «Название и происхождение “Защиты нонконформизма” Локка» [6]. В «Защите нонконформизма» Локк критикует две работы англиканина Эдварда Стиллингфлита [7], в которых тот необоснованно обвиняет пуритан-нонконформистов в разделениях с Англиканской церковью. В этой работе Локк последовательно, в соответствии со своей теорией естественных прав и пониманием гражданской природы человека, развивает своё учение о веротерпимости и государственно-конфессиональных отношениях. Он подчёркивает необходимость признания автономных протестантских общин и терпимого отношения к ним перед угрозой католической реставрации. Выражая его мысли, Стэнтон пишет: «State should neither expect adhesion to a unitary national church from its citizens nor attempt to secure it by force» [8]. (Пер.: «Государство не должно настаивать на присоединении к объединённой национальной церкви своих граждан и не пытаться обеспечить его силой».) Локк отмечает, что религиозное принуждение, за которое ратует Стиллингфлит, не способствует защите от угрозы, которую духовенство усматривало в посягательствах римского папы. Он подчёркивал, что настаивание на принуждении в вопросах веры отражает личный интерес англиканских священников, а требование церковного единообразия никак не может быть обосновано Библией. Более того, «coercion might generate external compliance, but it could not bring about a change of understanding» [8]. (Пер.: «принуждение могло бы создать внешнее согласие, но это не вызовет изменения понимания».) Для объяснения этого «личного интереса» Локк использует метафору «пастух и стадо», подчёркивая, что пастыри чаще предпочитают «стричь» и «получать молоко» от своего «стада», используя принуждение, нежели убеждать в правоте своей веры сильными аргументами. Пересказывая Локка, автор статьи сетует: «every church supposed itself true» [8]. (Пер.: «Каждая церковь определила себя истинной»), при этом утверждает: «no church could justly claim to be the sole possessor of truth» [8]. (Пер.: «никакая церковь не может считаться единственным обладателем истины».) В приведённом здесь же отрывке из «Защиты нонконформизма» говорится, что в каждой стране, таким образом, была бы своя «истинная религия» и трудно было бы найти «общего судью для них». Локк также отрицает принадлежность к церкви по рождению, а признаёт только добровольное сознательное обращение в веру, что, несомненно, указывает на благородство и актуальность его воззрений. Он считает, что люди добровольно, исходя из собственных убеждений, могут сами определить своё отношение к конкретному духовному сообществу (церкви): «By understanding the church as a product of individuals' natural powers, Locke was able to treat it as a natural rather than supernatural body for the purposes of its relations with the state». (Пер.: «Понимая церковь как продукт естественных интересов людей, Локк рассматривает ее как естественное, а не сверхъестественное тело в системе его отношений с государством».) В этом труде Локк развивает своё учение об отделении церкви от государства, утверждая, что изначально эти институты имели различные функции.

Следующий его труд называется «Послание о веротерпимости» (A Letter concerning Toleration), он был написан в 1685–1686 г. в Амстердаме и адресован профессору-арминианину Ф. Лимборху. В начале трактата излагается мысль, что стремящиеся укротить других сами должны быть укрощены, что само собой избавит их от этого неверного предприятия. Локк утверждает относительность идеологических пристрастий, что свидетельствует о невозможности нахождения верного критерия укрощения. Все говорят об истине, и ни одна из сторон не может монополизировать её. Намерениями гонителей управляет корыстолюбие, а не желание доброго и справедливого, ибо если бы их усердие в искоренении зла было бы искренним, то они непременно обратили бы внимание на безнравственность своих идеологических собратьев и отнеслись бы к их безнравственности с той же нетерпимостью [2, с. 91–92]. Он отделяет нравственное от идеологического, то есть не приписывает какой-либо идеологии неизменных нравственных качеств, которые открывали бы перед ней все двери. Это важнейшее положение подрывает идеологические спекуляции, приписывающие собственной идеологии сакральную мораль, в которой никто бы не смел сомневаться.

Локк считает, что функция спасения человеческих душ очень обременительна для государства и не может решаться теми приёмами, которыми оно пользуется. Цель государства иная: она целиком находится в плоскости решения светских дел, «единственно для сохранения и приумножения гражданских благ» [2, с. 94]. Необходимость широкой веротерпимости Локк выводит из своего понимания церкви как свободного и добровольного сообщества единомышленников, а идею принадлежности к церкви от рождения считает абсурдной [2, с. 97]. Итак, у человека не должно быть внешних принудительных причин для отказа от сво-

бодного решения данного вопроса, и потому насилие и принуждение противно естественной природе этих институтов. Если церковь – общество добровольное, а именно таким она и должна быть, то она не правомочна насильно притягивать к себе членов, а к уклонившимся может применять только духовное наказание, в частности, исключение из членов данного общества. Отлучение не должно иметь никаких юридических последствий. Суверенитет права выше идеологических пристрастий, но и сама нравственность должна опираться на веротерпимость: «Меру права должен превзойти долг доброжелательства и человеколюбия» [2, с. 100]. Тот же суверенитет права и юрисдикция государственной власти предусматривают свободу религиозных обрядов и спекулятивных (термин Локка) догматов, которые не имеют никакого отношения к практической жизни. Локк утверждает, что назначение власти не контролировать подобные верования, а сберегать гражданское имущество. «Для истины было бы хорошо, если бы иной раз её предоставляли самой себе… Правда не нуждается в силе, чтобы проложить путь к умам людей, и слово закона не может повлиять на неё. Помощь заёмных и внешних сил нужна только царству заблуждений» [2, с. 119].

Далее Локк отстаивает свободу собраний, указывая, что сообщества единомышленников, участвующих в совместном религиозном поклонении, никаким образом не могут считаться угрозой государственному строю и не опаснее любых прочих общностей, в том числе и толпы [2, с. 126]. Так как государственный строй существует лишь для сохранения общественных благ, то и церковные правила не должны противоречить общественной пользе и подрывать нравственные основы человеческой жизни [2, с. 123]. И если практические правила религии не подрывают нравственного порядка, направленного на утверждение добрых норм, то государство никак не должно дискриминировать её приверженцев. Гуманизм Локка фактически исходит из следующих важных посылок: 1) никто не враг самому себе; 2) никто не должен быть врагом такому же, как он; 3) никто не враг тому обществу, в котором живёт; 4) правители не должны рассматривать своих подданных как потенциальных врагов. Эти принципы проходят красной нитью через всё послание. Локк, опираясь на них, делает вывод: «Люди становятся мятежными оттого, что с ними плохо обращаются. Уничтожь несправедливые правовые различия, исправь законы, отмени смертную казнь, и не будет никакой опасности» [2, с. 128]. Только несправедливая власть опасается собственных граждан, справедливая же обеспечивает равенство своих граждан и не подвергает их дискриминации, а потому не имеет причин опасаться за своё положение. Итак, если не идеология, а справедливый закон, сохраняющий всеобщее благо, управляет государством, то в такой стране нет причин для мятежей и революций.

Здесь же Локк затрагивает и проблему ереси, в которой, впрочем, не находит ничего опасного, а сводит всё это к естественным причинам, в частности, к политическим и экономическим интересам создателей этих проблем – руководству господствующих церквей. Он обвиняет иерархов церкви в том, что, прикрываясь «заботой о спасении душ», они, на самом деле, преследуют корыстные цели, выраженные в жажде власти и богатства. Проблемы церковных расколов также нисколько не должны беспокоить гражданские власти, ибо обычно происходят они по тем вопросам, которые не входят в её компетенцию, в частности, из-за споров о спекулятивных догматах.

Последующие работы, посвященные веротерпимости, на русский язык не переводились. Они имеют важнейшее значение для понимания либеральной концепции толерантности. «Второе послание о веротерпимости» (1690 г.) – страстное полемическое произведение, в котором Локк стремился подчеркнуть безнравственность и бесполезность гонений на инакомыслящих. Оно появилось после того, как англиканский пастор Джонас Проуст обрушился с жёсткой критикой на Акт о веротерпимости 1689 г., по которому государство провозгласило религиозную свободу для всех церквей, оппозиционных государственной англиканской церкви. На протяжении всего послания Локк пытается убедить собеседника в том, что гонения вредны для общества и государства, порождают страх и безынициативность граждан, побуждают их скрывать свои истинные взгляды [4]. Он считает необходимым отказаться от каких-либо ограничительных мер в отношении личной веры подданных, не нарушающей общественного порядка. В «Послании» Локк использует приём эмоциональных апелляций, чтобы быть лучше понятым своим собеседником. По всей видимости, в этом труде Локк намеренно отступает от рассуждений о сущности веротерпимости в область практических рекомендаций, так как с написанием первого «Послания» формирование основных положений его либеральной теории свободы совести было, в основном, завершено.

Так называемое «Третье послание о веротерпимости» (A Third Letter for Toleration) – самое объёмное произведение Локка на эту тему, написанное в 1692 году. В нём продолжается полемика с Проустом, считавшим, что утверждение основ веротерпимости и равенства религий перед законом расколет общество. Проуст полагал, что через применение запретительных мер и штрафов можно привести граждан к дисциплине и ослабить нонконформизм. Локк опирается на своё понимание источника власти – гражданское общество и указывает, что, как добровольное содружество людей, оно не может быть источником несправедливых зако-

нов и навредить человеку, уважающему право. Он подчёркивает, что: «No Man has or can have Authority to shut any one out of the Church of Christ, for that for which Christ himself will not shut him out of Heaven». (Пер.: «Никакой человек не может обладать властью запрещать кому-либо быть в церкви Христа, которому сам Христос не закроет врата Небес»]) [5, с. 81]. Локк отмечает, что попытка властей вернуть отделившихся от государственной церкви через применение силы и преследования не дисциплинирует общество, а способствует увеличению недовольства гражданской властью и падению авторитета официальной религии [5, с. 83]. Религиозное диссидентство обусловлено искренним поиском истины и не может быть исправлено применением мер уголовного наказания. Проблему ослабления нравов и роста неверия Локк усматривал не в отсутствии уголовного преследования несогласных, а в ханжестве представителей официальной церкви.

Последнее из посланий о веротерпимости – четвёртое – начато Локком в 1704 г. и не было закончено. В нём он продолжает ту полемику, которую вёл в предшествующих письмах. Основное содержание сохранившегося отрывка посвящено частному спору относительно способов утверждения «истинной религии» среди граждан. Он пытается убедить своего оппонента в том, что «продвижение истинной религии» разобравшимися в её тонкостях экспертами, сопряжённое с применением насилия, никак не будет способствовать её подлинному утверждению в обществе [3, с. 567]. Локк справедливо полагает, что истинность религии не может быть установлена частным мнением специалиста, так как вера субъективна по своей природе. Так же и сам специалист при вынесении решения об «истинности» будет находиться под сильным субъективным представлением о предмете, что сделает его решение предвзятым [3, с. 570–571].

Несмотря на то что действовавший в то время «Акт об освобождении от наказаний, предусмотренных соответствующими законами, протестантских верноподданных, отделившихся от Церкви Англии», принятый парламентом 24 мая 1689 г., позволял легализовать ряд протестантских деноминаций – наследников пуритан, он не отменял ограничения, установленные в королевстве на основании Акта о единообразии 1662 года. От диссидентов требовалось подписание предусмотренных Книгой общих молитв 39 статей веры с незначительными оговорками, касающимися их собственных практик (например, баптистам разрешалось не подписывать 27-ю статью, признающую правильным крещение младенцев). Положение нонконформистов по этому акту лишь облегчалось, но они попрежнему не обладали равными с остальными подданными гражданскими и политическими правами. Такое положение, как следует из вышеизложенного, Локк считал несправедливым и выступал за расширение принципов толерантности от веротерпимости к свободе совести в современном её понимании. Фактически в своих работах Дж. Локк формулирует основные положения и логику современного понимания свободы совести, что делает его работы актуальными и в настоящее время.

Библиографический список

1. *Локк Дж.* Опыт о веротерпимости // Сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988.

2. *Локк Дж.* Послание о веротерпимости // Сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988.

3. A Fourth Letter for Toleration // Works of John Locke in ten volumes. Vol. VI. – London: Printed for Thomas Tegg, 1823.

4. A Second Letter concerning Toleration // Works of John Locke in ten volumes. Vol. VI. – London: Printed for Thomas Tegg, 1823. – P. 75.

5. Excerpts from A Third Letter for Toleration // John Locke: A Letter Concerning Toleration and Other Writings. – Indianapolis: Liberty fund, Inc., 2010. – P. 81.

6. *Stanton T.* The Name and Nature of Locke's 'Defence of Nonconforty' [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://www.york.ac.uk/media/politics/documents/resourcesyork/teaching/resources/LockeStudiesDefence.pdf.

7. *Stillingfleet E.* The Mischief of Separation (London, 1680); The Unreasonableness of Separation. – London, 1681, recte 1680.

8. http://www.york.ac.uk/media/politics/documents/resourcesyork/teaching/resources/LockeStudiesDefence.pdf.

УДК 111.1

Латышева Жанна Вячеславовна
кандидат философских наук
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
joan_lat@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ И ТИПОЛОГИИ ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ

В статье предлагается предельно широкая трактовка трансцендирования как всеобщего принципа созидания человеком культуры в различных её формах. Трансцендирование осмысливается как метакатегория, дается его типология. Выявляется специфика онтологического типа трансцендирования.

Ключевые слова: *трансцендирование, онтологическое, гносеологическое, социальное трансцендирование, теория трансцендирования С.Л. Франка.*

Весьма актуальной, но малоизученной философской проблемой в настоящее время является проблема трансцендирования человека. Необходимость её всестороннего исследования обусловлена тем, что трансцендирование показывает себя одной из основополагающих сущностных характеристик Homo sapiens; представляет собой не единичное, а *всеобщее* свойство любого из видов человеческой деятельности.

Анализ отечественной научно-философской литературы последних лет показывает, что термин «трансцендирование» становится все более употребляемым. Семантика этого термина закономерно связывается современными исследователями с предикатом «выхода за пределы», так как «трансцендирование» происходит от латинского глагола «transcendere», который означает «переходить», «перешагивать», «выходить за пределы», «превосходить». Однако трактовки данного «перехода» различаются. Так, например, С.В. Димитрова считает, что в трансцендировании посредством поступков преодолевается эмпирическое бытие, осуществляется движение «к состояниям, при которых актуализируется “подлинное Я”» [3, с. 31]. В.Е. Семенов полагает, что трансцендирование – это превосхождение границ «обычного (чувственно воспринимаемого) мира и переход в умопостигаемую (трансцендентную) область вечных ценностей, фундаментальных образцов (парадигм) и родовых значений» [5, с. 110].

Вышеприведенные и другие дефиниции [напр.: 4], при всей их справедливости, все-таки являются частными, раскрывая какую-либо одну сторону трансцендирования. Это свидетельствует о существовании в философской науке большой лакуны, связанной с проблемами категоризации и типологии трансцендирования, систематизации понятийного аппарата, относящегося к процессам «превосхождения», выявления структурного своеобразия и критериев трансцендирования и т.д. Иными словами, это подтверждает необходимость создания *целостной теории трансцендирования*.

В основании подобной теории должно располагаться, как мы считаем, осмысление трансцендирования как *метакатегории,* фиксирующей то общее, что характерно для богатой полифонии его установок, состояний и процессов.

На наш взгляд, истоки такого предельно широкого, исходного определения коренятся в выводах, сделанных философской антропологией XX века. М. Шелер, Г. Плесснер, А. Гелен, А. Портманн и др. обнаружили, что человек – это существо, которое, вследствие своей биологической недостаточности, отличается эксцентрической позицией, открытостью миру, способностью воспарять над действительностью, переходить из одной среды в другую. Это значит, что человеку самой природой предначертано полагать стержень, средоточие своего существования *вне себя.* Отсюда складывается понимание того, что трансцендирование – это *реализация человеком мироотрытости, эксцентричности и других его «антропологических констант»* [1, с. 83], *выражающаяся в преодолении границ имманентно-замкнутого, биологического существования и создании многообразия форм духовной и материальной культуры.* Иными словами, всякая созидательная, культуротворческая деятельность человека есть в той или иной степени и форме проявление трансцендирования.

Подобная базовая дефиниция позволяет, на наш взгляд, проводить дальнейшее систематическое исследование процессов «превосхождения» и, в первую очередь, осуществить его типологический анализ. Правомерность и необходимость такого анализа обусловлена тем, что при отмеченной выше «всеобщности» трансцендирование раскрывается в разных аспектах, показывает себя целостностью различных измерений и противоположных характеристик [2, с. 20–37].

Изучив особенности таковых, мы посчитали целесообразным объединить их в три основных типа – *онтологический, гносеологический и социальный*. При этом нужно подчеркнуть, что, строго говоря, любое трансцендирование *социально,* так как во всем многообразии своих вариантов оно есть не что иное, как создание «феноменов специфически человеческих» [1], которые, в этом мы солидарны с П. Бергером и Т. Лукманом, образуют и маркируют общество. Дифференциация же его на онтологический, гносеологический и социальный типы носит достаточно условный характер и отражает *преобладающие интенции и пути* конструирования общественной реальности.

© Латышева Ж.В., 2012

В данном небольшом исследовании мы не имеем возможности эксплицировать все три типа трансцендирования, тем более что социальный и гносеологический аспекты в определенной мере уже рассматривались нами в предыдущих работах [напр.: 2]. Важным сейчас представляется осмысление онтологического трансцендирования, выявление его сущностных особенностей, принципов и механизмов.

Главным условием онтологического трансцендирования выступает трансцендентное. Сфера трансцендентного (трансценденция) – это «высший род интеллигибельных объектов, принципиально не представимых в качестве возможного объекта чувственного опыта» [7, с. 1059]. Природа таких интеллигибельных объектов (Бога, трансценденталий Единства, Блага, Истины) такова, что в соотнесении с ними другие интеллигибельные сущности предстают более «прозрачными», постижимыми. (Нужно отметить, что в неклассической философии в роли трансценденции могут выступать Мир, Другой и т.д.) Вторым необходимым условием этого и других типов трансцендирования является субъект трансцендирования (показывающий себя в разных философских концепциях как творческий разум, «душа», экзистенция и т.д.) Соответственно, *онтологическое трансцендирование* – это преодоление границ чувственного опыта и рассудочно-отвлеченного мышления, духовно-творчески-интуитивный прорыв к предельным основаниям бытия, сопровождающийся позитивной духовной трансформацией человека.

Основателем этого типа трансцендирования следует считать Платона. Именно афинский гений первым употребляет трансценденталистские термины («трансценденция», «трансцендировать», «трансцендентный») [5, с. 106], и именно в его философии трансцендирование предстаёт как развертывание *тео-эйдетической интенциональности*, то есть устремленности сознания к миру Божественных идей, венчаемых Благом (Единым). Далее семантика онтологического трансцендирования прослеживается в трудах Аристотеля, «Эннеадах» Плотина, трактатах Августина и учениях средневекового восточно-христианского богословия (каппадокийцев, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника и др.), возрожденческих модификациях неоплатонизма Н. Кузанского, М. Фичино, П. дела Миранондола, религиозной философии Б. Паскаля, философской системе И.Г. Фихте, экзистенциальном прорыве к Богу С. Кьеркегора, философии К. Ясперса, Г. Марселя, и даже в нетеистическом трансцендировании у М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и др. В этот список, кроме того, нужно включить русскую метафизику всеединства с её идеями положительного всеединства, цельного знания, богочеловечества (В.С. Соловьев); бесконечной иерархии всеединств, обожения (Л.П. Карсавин); становящейся Софии (С.Н. Булгаков), консубстанциальности (П.А. Флоренский), непостижимого и трансцендирования к нему (С.Л. Франка) и др.

Одной из наиболее последовательных и развернутых экспликаций онтологического трансцендирования выступает, по нашему мнению, теория трансцендирования С.Л. Франка – крупнейшего представителя русской философии Серебряного века. Именно эта теория позволит продемонстрировать основные особенности подобного рода трансцендирования, а также обнаружить существенные нюансы его развертывания. Обратимся поэтому к её рассмотрению.

В основании данной теории располагаются концепции *безусловной трансрациональной реальности (духовного бытия, трансцендентного) и непосредственного самобытия («души», психики человека),* что соответствует выявленным выше двум необходимым условиям онтологического трансцендирования.

Истинное трансцендирование «души» к духовному бытию, согласно Франку, развертывается в двух направлениях – *«во-вне»* и *«во-внутрь»*. В трансцендировании *«во-вне»* осуществляется связь «я-ты», реализуется стремление к родственному иному «я», иной «самости». В трансцендировании *«во-внутрь»* совершается переход в «чистую *объективность*» (Франк), в самодостаточную и актуальную духовную реальность, фундирующую непосредственное самобытие.

Трансцендирование «я» к «ты» – это подлинное формирование и самопознание «я», в ходе которого осуществляются два процесса. Во-первых, непосредственное самобытие выходит за пределы собственных границ, что способствует обоюдному откровению двух автономных обладателей бытия; во-вторых, «я» видит и познает самого себя, но за рубежами своей непосредственной территории, в ином «я», в направлении *«извне во-внутрь»* (Франк).

Обнаружение «ты» происходит как в положительном, так и в отрицательном для «я» свете. Раскрытие его как *«сущего-для-меня»* (Франк) – это негативное раскрытие, отражающее отношение к другому как к чуждому, как к «mysterium tremendum». Восприятие «ты» как *«сущего в себе и для себя»* (Франк) положительно, так как в установке любви являет «родственное» бытие, находящееся за пределами «я».

Однако позитивное и негативное во взаимоотношениях «я» и «ты», как отмечает Франк, выступают не столько характеристиками различных типов отношений между ними, сколько неотъемлемыми составляющими каждого из них. Поэтому связь «я»-«ты» – это «некое таинственное непостижимо-трансрациональное единство “mysterium tremendum” с “mysterium fascinosum” – *единство тайны страха и вражды с тайной любви»* [6, с. 249].

Религиозный мыслитель интерпретирует взаимодействие «я»-«ты» как целостность всегда присутствующих вместе раздельности и взаимопроникновения, то есть как действие принципа антиномистического монодуализма. Именно такая трактовка позволяет философу расценить бытие, творимое трансцендированием «я» в «ты», в качестве откровения подлинной реальности, трансрационального *всеединства* в форме жизни и самореализации непосредственного самобытия в облике «я».

Трансцендирование «я» в «ты» как постижение «ты» изнутри него самого совершается посредством любви. Любовь «есть актуализированное, завершенное трансцендирование к “ты” как подлинной, я-подобной, по себе и для себя сущей *реальности*, открытие и усмотрение “ты” как такого рода реальности и обретение в нем *онтологической опорной точки* для *меня»* [6, с. 257]. Любовь фундирует все отношения людей – от супружества и материнства до дружбы, сострадания и вежливости. Вместе с тем, к ней всегда примешивается момент «обладания “ты”», выступающий аспектом самобытия «я». Поэтому связь «я»-«ты» – это балансирование между любовью и обладанием «ты».

Однако в трансцендировании «*во-вне»*, за исключением отношения любви, не происходит «врастания» субъективности в объективную реальность. Выход к этой объективности и укоренение в ней осуществляется посредством трансцендирования «*во-внутрь».* Оно возможно благодаря тому, что «душа», как полагает русский мыслитель, не замкнута в себе, а открыта к «*жизни»*, *«объективности»,* «*духовной реальности»*. Трансцендирование «*во-внутрь»* поэтому – это интимное движение непосредственного самобытия к духовному основанию, связь с которым сообщает «душе» незыблемость, подлинность, объективность, духовность.

Проводником духа к безусловной реальности выступает личность, которая «*стоит перед лицом высших, духовных, объективно-значимых сил и вместе с тем проникнута ими и их представляет*» [6, с. 302]. Именно личность образует изначальное субстанциальное единство психической жизни и реализуется в трансцендировании через внутреннюю душевность. В этом погружении вглубь своего имманентного существования личностное «я» прорывается к духовному бытию, становится ему сопричастным. Однако личность, будучи высшей ступенью *непосредственного самобытия*, остается все-таки только «представителем» (Франк) подлинной реальности и, не обладая самодостаточностью и безгрешностью, несет перед ней ответственность.

Стремясь более отчетливо обозначить своеобразие личностного трансцендирования, религиозный мыслитель выделяет два его момента. Во-первых, это свобода соединения в личности трансцендентного и имманентного при сохранении определяющей значимости духовного бытия. Во-вторых, это индивидуальность личности, уникальное и неповторимое воплощение объективной цельности трансрациональной реальности. Таким образом, по свободному почину личности и посредством её трансцендирования *во-внутрь* «подлинно конкретная всеобщность совпадает с подлинной конкретностью индивидуального, подлинная общая правда совпадает с жизнью» [6, с. 309].

Последовательное трансцендирование «*во-внутрь»*, в самый глубинный слой «души», всегда увенчивается откровением Божества как первоосновы бытия, как всеединства. И именно в момент проникновения в эту глубину, в нераздельной связи психического бытия и Божества рождается Бог.

Описание связи «я» и «Бога» является заключительным этапом раскрытия философом отношения «я»-«ты». «Бог» как «ты» выступает родственной, открывающейся трансцендирующему «я» реальностью. В то же время Божество не может быть просто частным «ты», так как «не входит в состав никакого отдельного *рода* и не подчинено даже особому роду *бытия* и *обнаружения*» [6, с. 386]. Бог показывает себя как изначальный «ты»-образец, «ты»-эйдос, как «трансцендентальное условие возможности самой формы бытия “ты”» [6, с. 386].

Целостное трансцендирование к Богу как к исконному «ты» осуществляется посредством *любви*. Любовь – это трансцендирование к другому в форме самоотдачи, это отношение к «ты» как абсолютной ценности, осознание высочайшей значимости другого. И именно такой полнотой значимости и ценности выступает для человека личностное «ты» Божества, которое не только творчески создает человека, но и дарует себя ему. «Душа» рождается, живет и обретает бессмертие исключительно благодаря обращенному на неё взгляду Божества, благодаря достижению внутреннего *двуединства* «я» и Бога. И даже тогда, когда человек этого не осознает, его бытие как «бытие-для-себя» является бытием-с-Богом.

Таким образом, теория Франка полноценно раскрывает основные особенности онтологического трансцендирования. Таковыми выступают: присутствие и взаимодействие двух его неотъемлемых начал – *объективного духа* и *индивидуального сознания; любовь* как форма и содержание целостного онтологического трансцендирования; *коммуникативность* процесса «превосхождения» как отношения «я-ты», *диалектичность* его развертывания, «сотканность» из синтезов противоположностей.

Важно отметить, что именно в пространстве *любви* как постижения абсолютной ценности трансценденции совершается не только прикосновение к запредельному, но и обретение «я» своей подлинности. «Домом бытия» любви является личность, а значит, любовь рождается в пространстве *личностного трансцендирования,* направленного внутрь

«души». Нужно поэтому понимать специфику его развертывания, состоящую в свободном единении объективной духовности и внутренней душевности при доминировании духовного начала, а также в индивидуальном способе данного единения.

Стоит обратить особое внимание на то, что *коммуникация,* реализующая трансрациональное единство «mysterium tremendum» с «mysterium fascinosum» проявляется сразу в *двух планах:* как *отношение «я» к чуждому безличному «оно»* и как *диалогическое личностное отношение «я» к «ты».*

Раскрывая характер *диалектичности,* нужно подчеркнуть, что процессы «превосхождения» могут быть *экстериоризирующими* (направленными вовне) и *интериоризирующими* (направленными внутрь); сопровождаться не только *позитивными* моментами, связанными с нахождением близкого сознанию содержания, но и *негативными*, обусловленными обнаружением чего-либо чуждого; быть проводниками как разделения, так и взаимопроникновения. Причем своеобразная «игра» контрастов и противоречий происходит на всех стадиях продвижения трансцендирования, приводя к соединению несоединимого, образованию *целостности высшего порядка.* Иными словами, совершается то, что можно назвать *актуализацией и претворением в жизнь принципа антиномистического монодуализма.*

Библиографический список

1. *Бергер П., Луман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

2. Проблемы духовных ценностей в философии и культуре / под. ред. С.С. Чернова. – Кн. 5. – Новосибирск: СИБПРИНТ, 2011. – С. 20–37.

3. *Димитрова С.В.* Трансцендентальная свобода: от феноменологии действия к онтологии поступка: Автореф. дис. … д-ра филос. наук / ВГТУ. – Волгоград, 2011. – 45 с.

4. *Карпов А.О.* К проблеме феноменологии творчества // Философские науки. – 2005. – № 5. – С. 105–119.

5. *Семенов В.Е.* Трансценденталистская семантика Платона // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 105–117.

6. *Франк С.Л.* Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. – М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 281.

7. *Шуман А.Н.* Трансценденция / Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный дом, 2003. – С. 1059.

УДК 1(091)

Самылов Олег Валерьевич
кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики
os@rusk.ru

ИДЕЯ «КОНЦА ИСТОРИИ» В НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВЕ А. КОЖЕВА

Взгляды А. Кожева рассматриваются в статье как форма неогегельянства и историзма; анализируются историко-философские и социально-культурные предпосылки формирования историзма А. Кожева: сделан вывод об актуальности идей А. Кожева для последующего развития принципа историзма.

Ключевые слова: *история, антропология, историзм, экзистенциализм, власть, диалектика.*

В период между двумя мировыми войнами в западноевропейской философии истории наблюдаются попытки выйти из «кризисного» состояния, олицетворяемого популярными концепциями Ницше и Шпенглера, и вернуться к своей классической форме, связанной, прежде всего, с Гегелем. Особого внимания здесь заслуживает феномен французского неогегельянства, представляемого Ж. Валем, Ж. Батаем, Ж. Ипполитом, Э. Вейлем, А. Кожевым и другими. Лидером этого движения единодушно признавался А. Кожев.

В академических кругах Франции Кожев слыл не менее авторитетным философом, чем Ж.-П. Сартр или М. Мерло-Понти, хотя таковым себя едва ли считал. В первую очередь он был комментатором Гегеля и руководителем знаменитого семинара по гегелевской «Феноменологии духа». Движение французского неогегельянства основывалось на своеобразном толковании философии Гегеля, особенно «Феноменологии духа». Следует отметить, что сочинения Гегеля, исключая раннюю работу «Жизнь Иисуса», были практически недоступны на французском языке, и перевод «Феноменологии духа», выполненный Ж. Ипполитом в 1939–1941 гг., был следствием острого интереса к гегелевскому наследию, пробужденного неогегельянцами, а сам автор перевода занялся им под влиянием семинаров Кожева.

Во многом благодаря личному обаянию и блестящим интеллектуальным возможностям Кожева привычный образ Гегеля как несколько устаревшего философа-романтика сменяется представлением о нем как об одном из самых глубоких мыслителей современной мировой философии. Два десятилетия между двумя мировыми войнами гегелевская философия во Франции переживает период триумфа. В эти же годы расцветает и французский экзи-

 © Самылов О.В., 2012

стенциализм. Главные черты французского неогегельянства, окрашенного в экзистенциальные тона, выражаются в акценте на процессуальность, развивающуюся «конкретную действительность», открытую и незавершенную; признание определяющего влияния социальных и исторических факторов на научное познание, критическое отношение к естествознанию и его мировоззренческим возможностям, убеждение в том, что истинной формой познания является не наука, а философия. При этом сама структура гегелевской философии также истолковывалась своеобразно: наиболее адекватным выражением философии Гегеля считалась не «Наука логики», не гегелевская система, выраженная в «Энциклопедии философских наук» и лекционных курсах по философии права, философии истории, философии религии, истории философии, а именно «Феноменология духа». Эта смена акцентов была связана с отказом от панлогизма и переключением внимания философов на проблему иррациональности человеческого существования.

Философия после Гегеля, по словам Кожева, – это «тьма профессоров» на деревенской свадьбе. В этой ситуации единственное, что можно сделать, – выразить мысль самого Гегеля без возможных искажений. «Эта мысль хочет быть – в той мере, в какой это возможно, – мыслью Гегеля, той его мыслью, которую современный мыслитель, зная то, чего не знал Гегель (зная, например, развитие исторических событий после 1917 года и, конечно же, философию Хайдеггера), мог бы взять на себя и развивать. Следует сказать, что оригинальность и мужество Александра Кожева состоят в том, что он, осознав невозможность пойти дальше Гегеля, следовательно, отказавшись от разработки собственной философии, обрек себя на беспрестанное возобновление мысли, что есть признание ее тщетности» [7, с. 247].

Истолкование Кожевым Гегеля, таким образом, проводится в духе экзистенциализма: на первый план выдвигается Гегель как философ «конкретного мышления», жизнь индивида, культура, история. Не случайно темы лекций, которые читал Ж. Ипполит во время работы над переводом «Феноменологии духа», звучали следующим образом: «Об экзистенциализме у Гегеля», «Гегель и Кьеркегор в современной французской мысли» и т.д. Гегель для Кожева – наш современник, мыслитель, стоящий у истоков всех значительных событий в истории современного европейского мышления.

Марксизм, немецкая феноменология, психоанализ и многие другие философские направления, возникшие после Гегеля, эксплицировали себя, согласно Кожеву, прежде всего как стратегии проникновения в область иррационального и включения этого иррационального в сферу разума. Именно в этом смысле – в той мере, в какой разум охватывает и постигает иррациональное – следует понимать известное противопоставление Гегелем разума и рассудка. Эти моменты содержатся в «Феноменологии духа». Своей целью Кожев считает экспликацию этих задач и решение их по-гегелевски. Философию Гегеля, следовательно, адекватно понять можно только ретроспективно, рассматривая те возможности, которые она в себе скрывала и которые, более или менее удачно, были позже осуществлены.

Кожев позиционирует себя как мыслитель, способный инициировать это ретроспективное движение к Гегелю и направлять его. В этом смысле он комментатор Гегеля, но сама задача комментирования имеет всемирно-историческое значение. Особенность представленной А. Кожевым «антропологической» интерпретации Гегеля выражалась в том, что акцент ставился на идее конца истории, теме, которая не только вызывала закономерный интерес у участников семинара, но и провоцировала ретроспективное движение к Гегелю, провоцировала стремление сверить драматическое развитие европейской истории в XX веке с философией истории Гегеля. Именно тема конца истории позволяет сравнительно легко установить различия между свойственным Кожеву антропологическим истолкованием гегелевской философии истории и мыслью самого Гегеля.

История, согласно «Феноменологии духа», представляет собой процесс отчуждения, но человек не является ни субъектом, ни привилегированным объектом этого процесса. История не является отчуждением одного только человека, она есть отчуждение Духа, то есть высшая ступень отчуждения Идеи. У Гегеля процесс отчуждения не «начинается» с истории, поскольку сама история является отчуждением природы, которая, в свою очередь, есть отчуждение Идеи. В этом смысле для Гегеля отчуждение тождественно объективации Идеи. Начало и «конец» истории не являются, соответственно, началом или концом этого процесса.

Антропологическая интерпретация «Феноменологии духа» Кожевым близка прочтению Марксом гегелевской диалектики в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Маркс попытался соединить теорию отчуждения человеческой сущности Фейербаха с гегелевской идеей исторического процесса отчуждения, то есть отчуждения как объективации, отчуждения «без субъекта». Правомерность этой попытки является дискуссионной проблемой. Представление о том, что «Экономическо-философские рукописи 1844 года» играют в марксизме ту же роль, что и «Феноменология духа» в системе Гегеля, вряд ли неоспоримо. Например, Л. Альтюссер убежден, что «Маркс впоследствии отказался от этого взрывного сочетания несочетаемого (он так и не опубликовал эту рукопись, выдвинутые в ней тезисы были им отвергнуты), однако в итоге оно все же привело к *взрыву*.

Выдвинутый Марксом в "Рукописях 1844 года" недоказуемый тезис гласил, что История представляет собой Историю процесса отчуждения некоего субъекта, родовой Сущности Человека, отчужденной в "отчужденном труде". Именно этот тезис и оказался чреват *взрывом*. В результате взрыва испарились такие понятия, как субъект, сущность человека, отчуждение, и оформился концепт *процесса без субъекта,* который лег в основу всей аналитической работы, проделанной в "Капитале"» [1, с. 76]. Ясно, что в рамках такой точки зрения представление о «конце истории» является неприемлемым.

Таким образом, Кожев, антропологически интерпретируя философию истории Гегеля, обозначает лишь одно из возможных ее продолжений. «Гегелевскую философию можно продолжить в двух различных направлениях. Одно из них ведет к обожествлению Человечества; другое… ведет к самопознанию Абсолюта через человека» [2, с. 287]. Следует признать, что интерпретация Кожева содержит в себе обе эти тенденции. Самопознание Абсолюта через человека предполагает историчность этого самопознания. В своих комментариях Кожев идею системы гегелевской философии возводит к той задаче, которую сам Гегель в предисловии к «Феноменологии» ставит как задачу изображения «маршрута сознания» или «путешествия души», проходящей через ряд необходимых форм или состояний. «"Феноменология...", – пишет Ипполит, – "это роман философского становления", подобный "Вильгельму Мейстеру" и другим произведениям подобного рода (в частности, "Эмилю" Руссо)» [8, с. 16–17]. Справедливости ради следует признать, что подобные идеи высказывались немецкими гегельянцами еще в середине XIX столетия, в частности К. Розенкранцем, который пытался воплотить гегелевскую систему в романе, изображая самодвижение Духа как движение героя романа к «абсолютному примирению».

Несмотря на внешне академический характер творчества Кожева, его представление о сущности историзма не исчерпывается чисто теоретическими экспликациями. Следует отметить, что само понятие «историзм», если оно имплицитно содержится в «Феноменологии духа» Гегеля, возникает в европейской культуре в ходе Французской революции и последующих войн Наполеона. Возникнув, оно становится не только достоянием историков и философов, но и писателей, авторов исторических романов. Исторический роман как жанр формируется именно в эти годы, что является не только совпадением.

Аналогии между структурой «Феноменологии духа» Гегеля и структурой автобиографии как художественного жанра уже проводились в литературоведении [см.: 5]. «Феноменология... – это своего рода „биография духа", в которой вместо конкретных событий мы находим „события, которые приключаются... с категориями"» [10, с. 149]. Такие же аналогии могут быть проведены между генезисом исторического романа и отношением Гегеля к Наполеону: «…Речь о том, чтобы упразднить последнюю двойственность? Это может произойти, если Наполеон "признает" Гегеля, как Гегель "признал" Наполеона. Не надеялся ли Гегель (в 1806 г.), что Наполеон призовет его в Париж и сделает Философом (Мудрецом) универсального гомогенного Государства, Философом, обязанным объяснять (оправдывать) – и может быть направлять – деятельность Наполеона? Начиная с Платона, это всегда было искушением для великих философов» [4, с. 55]. Кожев эти отношения Гегеля и Наполеона перенес на свое отношение к Сталину, полагая, что человеком, знаменующим конец истории, является не Наполеон, а Сталин. Участник кожевских семинаров пишет об одном из них: «…Заседание поразило нас всех как интеллектуальными способностями Кожева, так и его выводами. Вы помните, как Гегель говорит о всаднике, знаменующем конец истории и философии. Для Гегеля этим человеком был Наполеон. Так вот! В тот день Кожев убедил нас, что Гегель ошибся на столетие: человеком конца истории был не Наполеон, а Сталин» [4, с. 55]. Существует даже предположение о существовании писем Кожева к Сталину. [6, с. 69, 77].

Союз Мыслителя и Властителя завершает историю, которая, следовательно, представляет собой различные формы разобщения мысли и власти. Согласно Кожеву, не только история философии представляет собой закономерное движение к преодолению этой «последней двойственности», но и сама структура власти изменяется так, что «снятие» этой двойственности становится возможным. Для Кожева очевидно, что анализ всей исторической реальности в целом, включая такие ее формы, как демократия, тоталитаризм, идеология, государство и др., будет бесплоден, если неизвестно, что такое Власть как таковая. Антропологический подход Кожева предполагает, что политические процессы и институты необходимо рассматривать в рамках философии, или даже «онтологии», власти. Опираясь на гегелевскую «Феноменологию духа», на диалектику Господина и Раба, Кожев выводит понятие власти из первичной антропогенной потребности в признании и из неизбежной борьбы за это признание. Фигурами, символизирующими власть, являются Господин, Вождь, Судья, Отец. Особое значение имеет различие между «властью существования» и «властью действия». Кожев утверждает, что «власть существования» – это власть Отца, власть причины, власть творца, власть источника всего существующего; это власть прошлого, которое сохраняется в настоящем только благодаря «онтологической инерции» сущего.

Власть Судьи, Вождя и Господина производна от власти Отца. В государстве, наоборот, власть Отца (и Судьи) производна от власти Господина и Вождя. Таким образом, существует принципиальное различие между семьей и государством, или, если воспользоваться языком современной политической антропологии, сферой частного и публичного. С одной стороны, родственники не являются друзьями, противостоящими общему врагу, с другой стороны, они не являются подданными, которые признают власть Господина и Вождя, власть правителей. Организация семьи строится совершенно иначе, чем политическая организация государства: одни родственники подчиняются другим в зависимости от того «прародителя», который определяет их существование, но они, строго говоря, не управляют друг другом.

Власть – это «возможность деятеля воздействовать на других (или на другого) без того, чтобы эти другие воздействовали на него, будучи способны это сделать» [9, с. 55]. Анализ понятия власти приводит Кожева к различию четырех типов власти, «простых, чистых или элементарных»: власти Отца над ребенком, Господина над Рабом, Вождя над Толпой, Судьи над тем, кого он судит. Эти типы Кожев связывает и с определенными историко-философскими концепциями власти (власть Судьи – с «республикой» Платона, власть Вождя – с «политейей» Аристотеля, власть Отца – со схоластикой, власть Господина – с гегелевской диалектикой). Из этой же типологии выводится различие между властью *избирательной*, властью какого-либо одного типа, и властью *тотальной*, или тоталитарной, то есть соединяющей в себе все четыре типа. В силу «хитрости» мирового разума тоталитаризм во всех его формах играет не только негативную, но и положительную роль: соединяя все отношения власти в форму непосредственного единства, он значительно облегчает преодоление «последней двойственности». Тоталитаризм предвещает конец истории – власть становится мыслящей, а мысль властной. «Начиная с Платона, это дело неизменно привлекало к себе философов … Как бы то ни было – История закончена» [3, с. 312].

В общественном сознании концепция «конца истории», несмотря на оптимистический пафос Кожева, связывается со страхом перед неизвестностью будущего и осознанием реальности цивилизационного сдвига. Мир вступил в новую фазу развития, и это обстоятельство не может не порождать футурологические версии будущего – от «конца истории» (Ф.Фукуяма) до возвращения к «новому средневековью», краха проекта глобализации и возвращения к традиционному соперничеству между нациями (или племенами в духе «неотрайбализма») и локальными цивилизациями.

Библиографический список

1. *Альтюссер Л.* Ленин и философия. – М.: Ad Marginem, 2005. – 175 с.
2. *Ипполит Ж.* Логика и существование. Очерк логики Гегеля. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – 320 с.
3. *Кожев А.* Из Введения в прочтение Гегеля. Конец истории // Танатография Эроса. – СПб.: Мифрил, 1994. – 346 с.
4. Коллеж социологии, 1937–1939 / сост. Д. Олье. – СПб.: Наука, 2004. – 585 с.
5. *Паперно И.* Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 68. – С. 102–127.
6. *Рейс Е.* Кожевников, кто Вы? – М.: Русский путь, 2000. – 106 с.
7. *Батай Ж.* Гегель, смерть и жертвоприношение // Танатография эроса. – СПб.: Мифрил, 1994. – 346 с.
8. *Hyppolite J.* Genèse et structure de la Phenomenologie de l'esprit de Hegel. – Paris: Aubier, 1946. – 592 p.
9. *Kojève A.* La notion de l'autorité. – Paris, Gallimard, 2004. – 204 p.
10. *Royce J.* Lectures on Modern Idealism… – New Haven: Yale University Press, 1919. – XII, 266 s.

УДК 101.1:316

Трошичев Александр Николаевич
Череповецкий государственный университет
troshichev@gmail.com

МОНАДОЛОГИЯ ИЛИ ДЕТЕРМИНАЦИЯ В СЕТЕВОМ МИРЕ

Статья посвящена малоизученным феноменам в нашей философской литературе: детерминации, саморефференции в социальных сетях. Проводится интерпретация идей Г.В. Лейбница, заложенных в его работе «Монадология», в которой гармония монад представляется как глобальная сеть Интернет. Устанавливаются собственные значения рационального поведения в сети.

Ключевые слова: *монада, причинность, социальные сети, рациональность.*

Систему сетей по характеру связи между частями и целым мы можем отнести к типу *органических систем*. Части таких систем сохраняют смысл своего существования исключительно в рамках всей системы в целом. Вне ее они теряют вектор своего развития, перестают быть частями чего-либо, а порой и прекращают свое существование вообще. В условиях виртуализации общества мы начинаем по-новому понимать идеи Г. Лейбница, скрытые в его работе «Монадология».

© Трошичев А.Н., 2012

По мнению Лейбница, монада представляет собой некую нефизическую сущность, обитающую в пространстве. Монада – независимая жизненная единица, пытающаяся преследовать свои собственные цели и находящаяся в непрерывной активности. Монады не имеют физических свойств, они безразмерны, но создают пространство как продукт своей деятельности. Они не ощущают окружающего их мира: по словам Лейбница, «монады не имеют окон». Д. Репкин [4] дополняет Лейбница – они имеют терминалы. Каждая из монад видит перед собой изображение вещей и знает только то, что изображено. Знание монад основано на интерфейсах. Интерфейс отображает вещи, имитирует их и сохраняет их в форме, с которой монады могут манипулировать любым образом. Монады хранят присутствие вещей в запечатанном виде, делая вещи непосредственно доступными, так что вещи либо представляются, либо запечатываются. Однако монады не только думают о вещах или представляют вещи, но чувствуют их через интерфейсы. Они чувствуют вещи, видят и слышат их. Но восприятия физических явлений не происходит, так как ничто, кроме монад, не существует. Мы можем сидеть, скажем, в виртуальной кабине БЕЛАЗа и управлять реальной машиной. С помощью сетей Интернет мы можем работать и получать образование, не выходя из дома. Другими словами, виртуализация общества настойчиво подчеркивает наше сходство с монадами. Лейбниц, вероятно, сказал бы, мы превращаемся в «монады в монаде», поскольку духовное в нас есть монада в теле, а мы – монада в монаде, скажем, в виртуальной кабине.

Мир в учении Лейбница качественно многообразен (все в нем уникально и неповторимо), но в то же время един. Монады подобны синхронизированным часам, тогда как Бог – «верховный часовщик», заложивший в монады абсолютные программы и тем самым создавший эту синхронность, в силу которой все в универсуме взаимно согласовано и находится в гармонии. «Предустановленная гармония» действует и в духовном, и в физическом мирах, но с той разницей, что души действуют согласно законам конечных причин, а тела – согласно законам действующих причин, но оба царства гармонизируют между собой.

Вся бесконечная Вселенная представлена в каждой из монад, и каждая монада со своей всегда уникальной «точкой зрения» репрезентирует мир. И хотя монада отображает вселенную, каждая монада видит ее по-своему. Это связано не с физическим положением в пространстве – монады не являются физическими, а от той ясности, с которой монада воспринимает отображенный мир. Эти бесчисленные «образы мира» как бы умножают Вселенную в бесчисленное количество раз, раскрывая ее бесконечное содержательное богатство. Монада Лейбница выступает предельным выражением идеи системности, так как не только она сама, как элемент, постигается через ее место в бесконечной системе отношений, но и система определяется через монаду (элемент), которая, будучи бесконечно уникальной, продуцирует свою систему, свой особый мир.

Описывая вселенную монад, Лейбниц воссоздал структуру глобальной компьютерной сети, которая смогла появиться только через пару сотен лет. Сама сеть и есть Центральная Бесконечная Монада (Бог), объединяющая и координирующая множество пользователей-монад, отображающих целый мир через свои терминалы. Никто из пользователей реально не видит сеть в целом, но он, влекомый своими собственными побуждениями, отображает ее часть через свой терминал, изучая и достраивая эту виртуальную вселенную. Сеть, аналогично божественному мышлению, позволяет мгновенно достигать требуемого решения – координации монад, достигнуть которой в реальном «физическом» пространстве просто не хватает возможностей.

Под воздействием сети актор-монада претерпевает значительные и очевидные изменения, и не меньшее воздействие сам оказывает на глобальную паутину. Именно открытостью системы объясняется высокая степень процессов самоорганизации внутри сети. Сеть гармонизирует взаимоотношения между акторами-монадами. Согласно Лейбницу, монада подвержена изменению и «изменение в каждой монаде беспрерывно… естественные изменения монад исходят из *внутреннего принципа*, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады» [2, с. 414]. Лейбниц формулирует идею, которая сейчас нам известна под именем «структурная детерминация».

Структурная детерминация – это принцип того, что направление изменения системного объединения контролируется ее структурой (совокупность различных компонентов, индивидуальные и синергетические свойства внутри установленного порядка, которым они конституируют систему) вместо прямого воздействия ее окружающей средой.

Основной вывод из этого принципа – поведение системы ограничено ее конституцией, а потенциальные системные изменения описываются:

1. Диапазоном системы потенциальных структурных трансформаций.

2. Набором потенциальных пертурбаций, падающих на систему.

Действительное изменение является компенсаторным поведением структуры системы под воздействием изменений окружающей среды и/или других систем в направлении своих операций. Изменения в окружающей среде могут лишь вызвать изменение состояния системы, но не определять его: оно определяется собственной организацией и структурой системы.

Структурную детерминацию не следует приравнивать к строгому причинному детерминизму, в котором все различные взаимодействия предопределены. Она лишь означает, что определено пространство всех возможных классов взаимодействий.

Социальные сети дали возможность ощутить как каждому человеку, так и организациям собственный самореферентный процесс, тем самым определить собственные значения, определяющие степень рационального поведения. Они показали, что в условиях повышенного риска у нас нет другого метода выявления способа рационального поведения, как самореференция и игра. Играя, мы подсчитываем количество выигрышей и проигрышей, тем самым устанавливаем степень рационального поведения в игре. Так, играя по Интернету в некоторую игру (это может быть любая игра: преферанс, шахматы, экономическая игра и т.д.), мы убеждаемся, что процент выигрышей колеблется, скажем, около 60%. Это и есть собственное значение самореферентного процесса относительно нашей игры. Оно говорит, что мы ведем себя рационально, то есть в многократном самореферентном процессе мы будем иметь успех. Собственные значения самореференции определяют степень рационального поведения *монады*. Если собственное значение ниже некоторой величины (50%), то монада в процессе самореференции отбраковывается, то есть удаляется из сети. В этом смысле надо понимать мысль Н. Лумана, что рациональность есть самореференция. Согласно ему, системная рациональность означает следующее: оставлять различение (а именно, различение системы и окружающего мира) на произвол реальности и подвергать его проверке [3, с. 199].

Конечно же, реальный процесс значительно сложнее, чем простая игра. Социальные сети достигли такого уровня сложности, что их нелинейные взаимодействия привели к установлению быстрых обратных связей, которые породили множество непредвиденных эмерджентных явлений. Появилось электронно-управляемое глобальное «казино», в котором финансовые потоки не подчиняются какой-либо рыночной логике. Рынки постоянно подвергаются манипулированию и трансформациям вследствие применения просчитанных на компьютере стратегий, субъективных ощущений влиятельных аналитиков, их потрясают политические события по всему миру, и, главное, непредвиденные возмущения, вызванные сложным взаимодействием потоков капитала в этой существенно нелинейной системе. Такие, по большому счету, неконтролируемые возмущения играют в ценообразовании и рыночных тенденциях столь же весомую роль, как традиционные факторы спроса и предложения [1, с. 227–228]. Согласно Мануэлю Кастеллсу [см.: 6], нестабильность внутренне присуща финансовым сетям новой экономики. В них возникают непредсказуемые информационные возмущения, способные выбить из колеи не то что любую компанию, но и любое государство или регион, независимо от их экономической эффективности.

Информационные цепи глобальной экономики работают на таких больших скоростях и питаются столь огромным количеством источников, что постоянно откликаются на информационные возмущения, а в результате вся система выходит из-под контроля.

Постоянно нестабильными могут стать и живые организмы или экосистемы, но в таком случае они рано или поздно исчезают с лица земли вследствие естественного отбора. Выживают только те системы, которые обладают внутренними стабилизирующими процессами. В глобальной же экономике источником таких процессов должны стать человеческое сознание, культура и политика. Социальные сети, с одной стороны, позволяют нам взаимодействовать, а с другой – воспроизводятся нашим взаимодействием. Гидденс называет это «двойственностью структуры» и усматривает здесь сходство с циклическим характером автопоэтических сетей в биологии [5, p. 103–104].

Никлас Луман придерживается того мнения, что понятие автопоэзиса *может* быть распространено на социальную сферу и сформулировано в рамках социальной теории. Луман разработал весьма детальную теорию «социального автопоэзиса» [см.: 7].

Ключевой момент теории Лумана – установление того, что элементами социальных сетей являются коммуникации: «Социальные системы используют коммуникации (общение) в качестве специфического способа автопоэтического воспроизводства. Их элементы суть коммуникации, которые рекурсивно производятся и воспроизводятся коммуникативной сетью и не могут существовать вне ее» [7, p. 132]. Такие сети коммуникаций являются самовоспроизводящимися. Каждая коммуникация порождает мысли и смысл, которые, в свою очередь, порождают коммуникации. Сеть как целое, таким образом, порождает самое себя – иными словами, является автопоэтической. Повторяясь благодаря бесчисленному множеству обратных связей, коммуникации порождают общую систему убеждений, объяснений и ценностей – обычный смысловой контекст, – постоянно поддерживаемую дальнейшими коммуникациями. Через посредство такого общего смыслового контекста индивидуумы приобретают своеобразие как члены социальной сети – так сеть выстраивает свою собственную границу. Это не физическая граница; это граница ожиданий, конфиденциальности и лояльности, постоянно поддерживаемая и пересматриваемая самой сетью.

Поведение сетей ограничено, но не детерминировано внешними силами. Социальные сети явля-

ются самоорганизующимися, то есть их поведение не навязано окружающей средой, а определяется самой системой. Говоря точнее, поведение организма детерминировано его собственной структурой, сформированной в результате последовательности автономных структурных изменений.

Не следует, однако, путать автономность сетей с независимостью. Социальные сети не изолированы от своего окружения. Они постоянно взаимодействуют с ним, но окружение не определяет их организации. На человеческом уровне это самоопределение реализуется в виде свободы действовать согласно собственному выбору и решению. Собственными они являются в том смысле, что определены нашей природой – в том числе нашим прошлым опытом и генетическим наследием.

Культура есть результат сложной и в высшей степени нелинейной динамики. Она порождается общественной сетью, охваченной множеством обратных связей, которые способствуют постоянному распространению, видоизменению и поддержанию ценностей, убеждений и правил поведения. Культура возникает из сети общения индивидуумов; возникнув же, она налагает ограничения на их поступки. Иными словами, социальные структуры, или правила поведения, производятся и постоянно ужесточаются коммуникационной сетью, элементами которой они сами являются.

Система общественных ценностей и убеждений порождает у членов социальной сети чувство своеобразия, основанное на духе принадлежности. Своеобразие представителей разных культур различно, так как различны разделяемые ими ценности и убеждения. В то же время конкретный *человек-монада* может принадлежать к нескольким культурам. Поведение *монад* формируется и ограничивается их культурным своеобразием, и это в свою очередь укрепляет их дух принадлежности. Культура вплетена в образ жизни людей; ее проникающая способность такова, что наше сознание даже не замечает этого.

Культурное своеобразие также укрепляет целостность сети, устанавливая границы осмысливаемого и ожидаемого, которые ограничивают проникновение в сеть новых членов и чужеродной информации. Социальная сеть, таким образом, оказывается вовлеченной в коммуникативные процессы в рамках постоянно воссоздаваемой и пересматриваемой ее членами культурной границы.

Социальные же системы продуцируют как материальные, так и нематериальные компоненты. Процессы, поддерживающие социальную сеть, – это процессы коммуникации, которые порождают общие для членов сети смысл и правила поведения (культуру сети), а также общий корпус знаний. Правила поведения, как формальные, так и неформальные, называются социальными структурами.

Идеи, ценности, убеждения и прочие формы знания, порождаемые социальными системами, составляют структуры смыслового характера, которые Капра называет «семантическими структурами» [1, с. 158]. Такие семантические структуры, а соответственно и организационный паттерн сети, в какой-то степени физически воплощены в мозгу каждого из входящих в сеть индивидуумов. Из-за влияния человеческого разума на тело (как, например, в случае психосоматических заболеваний) они также могут быть воплощены в других биологических структурах. Последние достижения когнитивистики позволяют сделать вывод, что, поскольку человеческий разум всегда воплощен, семантические, нервные и другие биологические структуры постоянно взаимодействуют друг с другом.

В современных обществах культурные семантические структуры отражены – то есть материально воплощены – в книгах и электронных текстах. Кроме того, они бывают воплощены в рукотворных предметах, произведениях искусства и других материальных структурах – как, например, в традиционных устных культурах. Собственно говоря, организованное производство материальных объектов – непременная составляющая деятельности индивидуумов в социальной сети. Такого рода материальные структуры – тексты, произведения искусства, технологии и материальные объекты – создаются с определенной целью и в соответствии с неким замыслом или гармонизацией *монад*. Они суть воплощение коллективного смысла, порождаемого коммуникативными сетями общества.

Библиографический список

1. *Капра Ф.* Скрытые связи: пер. с англ. – М.: ООО Издательский дом «София», 2004. – С. 227–228.

2. *Лейбниц Г.-В.* Сочинения: В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – С. 414.

3. *Луман Н.Л.* Общество как социальная система: пер. с нем. – М.: Логос, 2004.

4. *Репкин Д.* Виртуальная реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.virtual.ru/virtual_reality.html (дата обращения 18.02.12).

5. *Baert Patrick.* Social Theory in the Twentieth Century. – N.-Y.: New York University Press, 1998; *Baltimore David.* Our genome unveiled // Nature. – 2001. – 15 February.– P. 103–104.

6. *Castells Manuel.* The Information Age. Vol. 1. – Blackwell: The Rise of the Network Society, 1996.

7. *Luhmann Niklas.* The Autopoiesis of Social Systems // Niklas Luhmann. Essays on Self-Reference. – N.-Y.: Columbia University Press, 1990.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 101.1008

Аймалетдинова Лариса Андреевна
кандидат философских наук
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева
larisa.colesova@yandex.ru

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Важнейшей проблемой, по мнению автора статьи, является возникновение на рубеже XX–XXI веков противоречий между понятиями культура и цивилизация, необходимость установления баланса между духовными ценностями, традициями, социальными нормами и благами цивилизации, технического прогресса человечества эпохи постмодернизма.

Ключевые слова: *цивилизация, культура, глобализация, постмодернизм, социальная экология, техносфера, постиндустриальное общество.*

Рубеж XX–XXI веков – знаковая, историческая веха в судьбе человечества. Цивилизация сегодня стоит на перепутье, находится перед выбором: сохранить себя, свою целостность или, поддавшись соблазнам – апогею технического развития общества, погибнуть, выродиться, исчезнуть.

На рубеже XX–XXI веков, в условиях постоянно растущего научно-технического прогресса, усилилось пагубное технологическое влияние человека на природу и общество. В связи с интенсивным развитием науки и техники в XX веке человечество встало на новую ступень своего развития – в период цивилизации, мощнейшего технического развития, под воздействием которого происходит упадок духовной культуры.

Безусловно, цивилизация может рассматриваться как всего лишь один из этапов динамики любой культуры, своего рода – точка бифуркации, предполагающая несколько векторов дальнейшего развития. Как заметил О. Шпенглер, «каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой есть своё детство, своя юность, своя возмужалость и старость»; «Цивилизация есть неизбежная судьба культуры» [1]. Однако опасность периода социокультурного кризиса неоспорима уже для тех, кто является непосредственным свидетелем и участником этого процесса, на чьих плечах ответственность за дальнейшую судьбу человечества.

Безусловно, научно-технический прогресс нельзя рассматривать как исключительно негативное явление. Благодаря активному техническому развитию последних 100–150 лет, человечество пережило социальный прогресс, происходит процесс повышения производства, улучшения организации труда, появляются новые стимулы для профессионального, интеллектуального совершенствования и т.д. По мнению Ортеги-и-Гассета, техника формирует у человека уверенность и обеспеченность, «власть над низшими уровнями существования», дает возможность «стать в высшей степени индивидуальным, сосредоточиться на себе и поддерживать собственные силы ощущением полной независимости» [2].

Однако современная проблема человечества заключается в том, что техника, сама являясь, по сути, всего лишь частью культуры – человеческой созидательной деятельности, сегодня вышла за свои первоначальные рамки и превратилась в самостоятельную реальность – техносферу, вторую природу для человека, которая сегодня уже практически не поддается контролю со стороны человечества, но, в свою очередь, сама способна влиять на все сферы жизни общества, внутренний мир человека. «Техническая революция – величайшая революция, какую только знала история, – кризис рода человеческого. Суть этого кризиса состоит в том, что машина покоряет не только природные силы, но и самого человека. Она не только чем-то освобождает его, но и по-новому порабощает» [3].

Под воздействием цивилизации культура в данный момент переступила черту перехода от культуры к посткультуре, что вызвало глобальные изменения, в первую очередь, в духовной сфере общества, изменения в психике, менталитете, духовных потребностях. Как писал О. Шпенглер, «современность есть фаза цивилизации, а не культуры. Как только цель достигнута и вся полнота внутренних возможностей завершена и осуществлена вовне, культура внезапно коченеет, она отмирает, её кровь свёртывается, силы надламываются – она становится цивилизацией. И она, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, ещё многие столетия может топорщить свои гнилые сучья» [1].

Четкое разграничение между понятиями Цивилизация и Культура проводил русский мыслитель XIX века Н. Бердяев. «Культура, – отмечал Бердяев, – есть творческая деятельность человека. В культуре творчество человека получает свою объективацию». Цивилизация же «есть переход от культу-

© Аймалетдинова Л.А., 2012

ры, от созерцания, от творчества ценностей к самой жизни… Культура – религиозна по своей основе, цивилизация – безрелигиозна... Культура происходит от культа, она связана с культом предков, она невозможна без священных преданий. Цивилизация есть воля к могуществу, к устроению поверхности земли. Культура – национальна. Цивилизация – интернациональна. Культура – органична. Цивилизация – механична. Культура основана на неравенстве, на качествах. Цивилизация проникнута стремлением к равенству, она хочет обосноваться на количествах. Культура – аристократична. Цивилизация – демократична». [4].

Истощение духовного потенциала культуры в XX–XXI веках очевидно. Выражением этого является уже то, какие процессы протекают в современном искусстве, художественно-эстетической культуре, которая всегда чутко реагировала на малейшие изменения в сознании общества. Ведущие тенденции XX–XXI века в искусстве красноречиво говорят о явном дискомфорте существования человека в окружающем его мире. Появление таких художественных направлений в XX веке, как сюрреализм, дадаизм, авангардизм, кубизм и т.п., вопиют о дезориентации человека, казалось бы, в привычном ему пространстве, попытке разобраться в своем внутреннем мире.

Сегодня мы переживаем как раз тот период, когда вопросы, связанные с развитием культуры и общества, вышли за рамки политических, идеологических и других проблем отдельных государств, и человечество охватила единая задача – защитить себя от влияния техносферы, которая сегодня представляет собой реальную угрозу для человека как биологического вида. Из-за бесконтрольного расширения возможностей человека, его господства над природой, пагубного антропогенного и техногенного влияния на окружающую среду человечество столкнулось с проблемами мирового масштаба. Глобальные проблемы человечества – проблемы не отдельной социальной группы, нации, народа, а проблемы мирового масштаба. Вопросы, от решения которых зависит судьба не отдельной страны или государства, а человечества в целом.

Среди основных глобальных проблем современности одной из самых злободневных является проблема социальной экологии, защиты самого человека от влияний техносферы – цивилизации.

Эта проблема осознавалась мыслителями еще в первой половине XX века, выражением чего стали такие направления в философии, как экзистенциализм и прагматизм, фрейдизм. Фрейд, Юнг, Камю уже тогда говорили о проблеме человеческой «заброшенности», вынужденного одиночества человека в постиндустриальном обществе, о всевозможных угрозах цивилизации для человечества: стирании границ этнических и социальных субкультур, упадке духовной культуры, нравственной деградации, снижении аксиологической школы, развитии процесса глобализации, урбанизации общества.

Граница между человеком и машиной становится все более зыбкой, неуловимой. Человек, только что освободившись от угрозы со стороны окружающей среды, обезопасив себя культурой, в том числе и техникой, оказался под угрозой теперь уже быть уничтоженным самой техносферой. Научно-технический прогресс угрожает человеческой индивидуальности, сохранению самобытности личности. Всеобщая компьютеризация меняет сознание, восприятие себя и окружающего мира. Человек перестает мыслить образами, работать с эмоциями, чувствовать, переживать. Постепенно разум превращается в кибернетический.

Результатом вышеперечисленного становится важнейшая проблема человека XX–XXI веков – глобальное одиночество, нежелание, неумение слушать самому и быть услышанным другими. Уже столь привычный для нас диалог «человек – машина» заменяет нам простое человеческое общение. Возникает боязнь несоответствия требованиям окружающих, межличностных конфликтов. Человек XXI века пытается заместить межличностные отношения виртуальными, что приводит к еще большей замкнутости, отстраненности от окружающего мира и общества.

Еще З. Фрейд говорил об определенных препятствиях в самореализации человека внутри цивилизации. В своей работе «Цивилизация и недовольные ею» З. Фрейд дает двоякую характеристику цивилизации (в том числе и современному уровню развития общества). С одной стороны, – по мнению З. Фрейда, – цивилизация защищает человека, делает его жизнь комфортной, дает ему социальные блага, открывает перед ним новые возможности, с другой стороны, культура – совокупность норм, ограничений и запретов, которые распространяются не только на модели поведения человека, но и неизбежно влияют на его образ мысли, – формирует в сознании определенные стереотипы, шаблоны отношения к себе и окружающему миру, тем самым лишает его индивидуальности, превращает в безликое существо, выполняющее заданные обществом социальные функции. Культурные запреты вступают в противоречие с глубинными инстинктами, истинными желаниями индивида. Именно конфликт между истинным «Я» человека, его биологическим началом (по З. Фрейду) и культурными условностями является источником так часто возникающего у современного человека чувства неудовлетворенности жизнью, осознания бессмысленности собственного существования, стрессов, даже психических отклонений [5].

Сегодня теория З.Фрейда относительно невозможности раскрытия всего потенциала человека в обществе не просто не утратила своей актуальности, но приобрела новый оттенок, новое значе-

ние. На данном этапе развития общества можно с уверенностью говорить о давлении на индивидуальность не только самого общества, но, в первую очередь, техносферы, цивилизации, которая диктует свои правила существования социуму, а социум, в свою очередь, транслирует эту информацию индивиду, требует от него выполнения вновь сформировавшихся под влиянием цивилизации норм, традиций, правил поведения. Главной приметой нового времени нужно считать следующее положение: современный человек создал слишком сложный для себя, для своих интеллектуальных возможностей мир и потому больше не может ясно сознавать и эффективно предсказывать направление своего собственного развития.

Социокультурный кризис, в котором пребывает человечество на протяжении последних 100–150 лет, заставляет нас встать перед непростым выбором: слепо следовать научно-техническому прогрессу, превращаясь в песчинку, винтик техногенного общества, или встать на путь целенаправленных коренных изменений в восприятии себя и окружающего мира. Современный человек, безусловно, несет серьезную ответственность за способы применения, использования научно-технический открытий и изобретений. Продукты человеческой деятельности должны быть направлены в мирное русло, на процветание и развитие человечества, в том числе духовное, нравственное совершенствование общества. Современная специфика техники, техносферы, как самостоятельной реальности, требует от человека мудрого, взвешенного взаимодействия с нею. Человек несет моральную ответственность за открытия науки и совершенствование техники. К.Э. Циолковский в связи с этим писал: «...Не признаю я и технического прогресса, если он превосходит прогресс нравственный» [6].

Библиографический список

1. *Шпеглер Освальд.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Попурри, 2009. – 656 с.

2. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранное. – М., 1990. – 206 с.

3. *Бердяев А.Н.* Человек и машина // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 9.

4. *Бердяев А.Н.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 160 с.

5. *Джонс Э.* Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. – М.: Гуманитарий АГИ, 1996. – 448с.

6. *Циолковский К.Э.* Космическая философия. – М., 2001.

7. *Печчеи А.* Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.

УДК 008. (091)

Воробец Лариса Викторовна
Государственный технический университет (г. Комсомольск-на-Амуре)
larisa-13@inbox.ru

ПРОБЛЕМА ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье автор анализирует причины, ведущие к использованию политически корректной лексики, проводит сравнительный анализ эвфемизмов, применяемых в России и Америке, а также рассматривает ситуации межкультурного общения, в ходе которых используется эвфемия. Делается вывод о необходимости использования политкорректной лексики в межкультурном общении для осуществления успешного диалога культур.

Ключевые слова: *политкорректность, эвфемизмы, межкультурное общение, конфликт, диалог культур.*

На современном этапе развития межкультурной коммуникации все большую значимость приобретает проблема политкорректности и связанное с ней правильное употребление политически корректной лексики. Особый интерес со стороны ученых в межкультурных отношениях вызывают те культурные различия между народами, которые могут вызвать коммуникативные неудачи или помехи, что, в свою очередь, может повлечь за собой возникновение серьезных конфликтных ситуаций. Политкорректность представляет собой обладающее идеологической и ментальной установкой явление, которое направлено на преодоление межнациональных, межкультурных, межэтнических противоречий и конфликтов. Наряду с этим политкорректность находит языковую реализацию, проявляющуюся в выборе особых разноуровневых языковых средств, что позволяет сохранить лингвокультурологическую идентичность различных культур.

В английском языке можно выделить несколько групп политически корректной лексики: слова, исключающие проявление расовой дискриминации, слова, исключающие предрассудки в отношении возраста и социального статуса, лексика, вошедшая в язык под влиянием движения феминисток, и т.д.

На материале русского языка построить аналогичную классификацию представляется довольно трудным. В русском языке к политически корректной лексике можно причислить лишь небольшое количество эвфемизмов («афроамериканец», «гастарбайтер», «малоимущий», «люди с ограниченными физическими возможностями»), большая часть которых, в свою очередь, является иноязыч-

© Воробец Л.В., 2012

ными заимствованиями. В целом в русском языке не наблюдается столь масштабных языковых нововведений, какие произошли в английском языке последних десятилетий под эгидой борьбы за равноправие полов, преодоления ксенофобии, расовых предрассудков и социального неравенства.

Повышенную склонность к эвфемизации проявляют американцы, несмотря на их стремление к открытости и излишней прямоте. Среди причин, заставляющих американцев употреблять политкорректную лексику, лингвисты выделяют следующие:

1. Стремление разрешить сложные эмоциональные ситуации, например, когда речь идет о смерти: *the loved* вместо *body*, *cadaver, corpse*.

2. Сокрытие правды: *culturally-deprived area* вместо *slum; air support missions* вместо *aerial bombardment.*

3. Придание социального статуса: *sanitary engineer* вместо *garbageman.*

4. Желание представить ситуацию как социально более приемлемую: *motion discomfort bag* вместо *vomit sack; pre-owned car* вместо *used car; recycling center* вместо *dump.*

5. Стремление удовлетворить человеческое тщеславие (с помощью рекламы): *pretty-plus girls' size* вместо *overly large (plump, fat) girls' size.*

6. «Техникализация» языка со стороны специалистов: *receiving waters* вместо *effluent (of a sewage treatment plant).*

Список примеров распространенных в США эвфемизмов можно пополнить. Заслуживают внимания эвфемизмы, которые позволяют представить неприятные, нежелательные, оскорбляющие чьелибо достоинство явления в более выгодном свете: *disadvantaged (= poor)* – бедные; *food preparation center (= kitchen)* – кухня; *comfort station (= toilet)* – туалет; *exterminating engineer (= rat catcher)* – крысолов; *students with special needs (= handicapped students)* – студенты-инвалиды.

Американские лингвисты также рекомендуют проявлять политический такт по отношению к людям разных возрастных групп. Например, слова *girl* и *boy* не советуют употреблять о людях старше 13 лет. Подростков рекомендуют называть *young man / young woman, young adults* для того, чтобы не ущемить их самолюбие. Выражение *older person* считается более приемлемым, нежели *elder, elderly, senior.*

Однако политическая корректность проявляется не только на лексическом уровне, но особое внимание обращается и на жесты, указывающие на расовую принадлежность. Как отмечается в книге *«Understanding Intercultural Communication»,* в языке жестов, используемом глухонемыми, были заменены некоторые обидные жесты: так, вместо поворота мизинца возле уголка глаза для обозначения японцев стало употребляться движение ладони, имитирующее форму Японских островов; вместо сплющивания носа для обозначения афроамериканцев – жест, изображающий карту Африки [3, с. 212].

Физическое состояние людей также не осталось без внимания политической корректности. Не рекомендуется упоминать о физических недостатках человека, если эта информация не представляет особой важности для процесса коммуникации. В случаях, когда это необходимо, следует заменять обидные формулы на более мягкие и тактичные обороты. Так, в рекламе для описания одежды для людей с избыточным весом используются следующие формулировки, не оскорбляющие достоинство полных людей: *chubette, pretty-plus* (о девочках); *husky, husky-plus* (о мальчиках); *women's sizes (vs "misses" or "girls"), adult sizes, mature sizes* (о женщинах); *portly, stout, mature, big, adult sizes* (о мужчинах); *full-figure fashions, hard-to-fit sizes* (о покупателях разных категорий) [1, с. 283]. Это особенно актуально на данном этапе развития американского общества, когда в стране так много людей с избыточным весом, а эта проблема перестала быть только проблемой индивидуума, который с ней столкнулся.

В ситуациях межкультурного общения эвфемия как форма косвенной номинации не разъясняет, а, напротив, завуалирует значение и поэтому может становиться помехой на пути к пониманию. Так, даже британцы, оказавшиеся в США, воспринимают эвфемизмы *restroom* и *bathroom* – туалет – в буквальном смысле: как комнату отдыха и ванную комнату. Для русских такие формы выражения оказываются еще более сложными для расшифровки. Поэтому, если у человека, выезжающего за границу, отсутствует межкультурная компетенция, могут возникнуть курьезные ситуации, ведущие не только к непониманию партнера по коммуникации, но и к возникновению межкультурных конфликтов. Множество комичных случаев связано с неверным восприятием русскими туристами таких слов и словосочетаний, как, например: *bathroom, powder room и washroom* – туалет, *doggie bag/box* (букв. собачий пакет/коробка) – пакет или коробка, в которые по желанию посетителя кафе или ресторана могут быть сложены остатки его порции, чтобы он смог доесть их дома, и т.д.

Ситуация употребления эвфемистических конструкций со стороны русского коммуниканта усугубляется еще и тем, что в России нормы политической корректности выражены либо слабо, либо в некоторых случаях отсутствуют вообще. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «русский язык, как правило, не обременяет себя соображениями гуманности и чуткости по отношению к отдельному человеку» [2, с. 292]. Иллюстрацией этого утверждения могут служить такие словосочетания, как *пенсия по старости, историк третьего разряда, старородящая первородка, старая мамочка* (фра-

зы, используемые в роддомах), *безрукая рукодельница* (выражение из газеты о женщине-инвалиде) (примеры С.Г. Тер-Минасовой). Кроме того, в русском языке наблюдается устойчивая тенденция, в результате которой даже некоторые эвфемизмы с течением времени приобретают ярко выраженную негативную окраску, как, например, *лицо кавказской национальности* или *русскоговорящие*.

Известно, что язык является главной знаковой реалией культуры, а языковая картина мира отображает мировоззрение носителей языка. В этом смысле очень интересно употребление слова «российский» вместо «русский». Эти слова имеют разные значения, указывая, соответственно, на гражданскую и национальную принадлежность. Слово «российский» все чаще используется как эвфемизм слова «русский» – с целью нивелировать этническое содержание последнего и политически корректно обозначить тех, кто живет в России и говорит на русском языке.

Такая ситуация может быть объяснена отсутствием в России законов и инструкций, обязывающих население употреблять политически корректную лексику. Кроме того, в сознании большинства русских не сформировано само понятие политической корректности. В связи с этим при межкультурных контактах между русскими и американцами нередко возникают ситуации, основанные на неучете русскими норм политической корректности.

С проблемами эвфемизации тесно связано употребление ненормативной лексики. Однако американское языковое сообщество достаточно терпимо относится к нецензурным выражениям, в то время как в русском лингвокультурном сообществе степень терпимости к табуированной лексике не столь высока. Формы языкового выражения, которые считаются допустимыми в присутствии американской женщины, недопустимы в присутствии русской. Поэтому, если участники межкультурной коммуникации будут не в состоянии сбалансировать степень ненормативности слов и выражений в двух языках, могут возникать неоправданные обиды, неверная оценка партнера по коммуникации и его речевого поведения. Неумение соотносить степень табуированности в двух языках может также приводить к нарушению стилистической тональности речи при переводе. Это особенно ярко проявляется, когда некомпетентный переводчик американских фильмов на русский язык либо использует стандартные две-три фразы для передачи нецензурных выражений, либо слишком много употребляет словосочетаний, входящих в разряд инвективной лексики, тем самым опошляя ситуацию.

Анализируя отношение к политкорректности в России, можно отметить, что оно не однозначно. В настоящее время политическая корректность имеет гораздо больше противников, нежели сторонников. Многие воспринимают ее как форму принуждения ко лжи и лицемерию, требование тотального отказа от собственного образа мысли и стиля жизни.

Тем не менее использование политкорректной лексики в ситуациях межкультурного общения необходимо, поскольку она выступает не только гарантом собственного комфорта и безопасности для людей, которым приходится долгое время пребывать за границей, но и способствует успешному диалогу культур.

Библиографический список

1. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пособие. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.

2. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

3. *Samovar L.A.* Understanding Intercultural Communication. – Belmont, California: Wadsworth Publishing Company, 1981. – 222 p.

УДК 008

Дзюбан Валерий Валерьевич
кандидат педагогических наук
Брянский государственный технический университет
bryanskstudzuban@mail.ru

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ И ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАЗАЧЬЕЙ МОЛОДЕЖИ

Духовно-нравственное воспитание на традициях казачества выступает одним из направлений совершенствования регионального компонента содержания образования и перестройки внеклассной работы на основе ознакомления учащихся с семейно-бытовыми, военными, культурными традициями, закрепленными в обрядах, песнях, танцах, промыслах, ремеслах.

Ключевые слова: *казачество, патриотизм, духовно-нравственное воспитание, традиции, государство.*

Современное общественное развитие Российской Федерации, совершенствование всех форм государственности выявили необходимость обновления системы патриотического воспитания. Главной задачей в этой связи является формирование личности, способной служению высоким духовным идеалам, жертвенности, проявлению бескорыстной любви к своей Родине. Именно поэтому рассмотрению проблематики поиска активных путей и форм государственно-патриотического воспитания требуется новый, более качественный подход, основанный на многовековой истории Российского государства и традициях народов, его населяющих.

В условиях роста национального самосознания, современная наука все чаще обращается к историческим памятникам, культурным традициям, в частности, традициям казачества, как средствам воспитания подрастающего поколения. Традиция – понятие многогранное. Она проявляется в детерминирующем действии прошлого на настоящее и будущее. На первый взгляд, создается парадоксальная ситуация: прошлое потому и является прошлым, что оно уже существует, но вместе с тем нельзя не признать, что прошлое сохраняется и в настоящем, оказывает определенное влияние на действительность и таким образом живет. Поэтому в научном смысле прошлое следует интерпретировать не как небытие, а напротив, как особую форму бытия. Традиция и выражает жизнь прошлого в настоящем и будущем. Традиция выступает в качестве исторической предпосылки (основания) и в качестве средства формирования системной целостности. Наличие традиций служит специфически социальной основой объединения людей в то или иное сообщество – экономическое, политическое, научное, религиозное и т.д. В качестве закона интеграции общественных отношений традиция тесно связана со специфическими механизмами социального общения, общественной психологии, идеологии. Следуя обычаям, соблюдая ритуалы, люди тем самым объединяются в определенную общность.

Большинство теоретиков культуры (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, В.В. Познанский) утверждают, что самобытность культуры страны является важнейшим фактором национального единства и солидарности, что пропаганда принципа преемственности культуры, то есть связи настоящего с прошлым – традициями и достоянием общества – способствуют самобытности, охране культурного наследия и соединению их с потребностями развития общества. В своих работах эти ученые подчеркивают мысль о том, что без соблюдения традиций невозможно ни творчество, ни новаторство. Традиции появляются в результате неоднократного повторения, проверки временем. То, что сохранила в себе культура в виде традиций, подтверждает свою значимость для общества, пользу для личности.

Россия – многонациональное государство. На знании истоков казачества, его сакральных традиций, родного фольклора воспитывается интерес и уважение к культуре других народов. Казачество является хранителем самых высоких духовных и нравственных ценностей. Казачество сформировало сакральный компонент, который отсутствует в других социальных системах. Оно имеет высокую идею в форме Святая Русь или Мать – Сыра Земля и сохранило эту константу, трансформировало через века в современность. На бескрайних просторах России сформировалось и заложилось в духовно-психологическом коде нации на генетическом уровне истинно сыновья любовь и почтительность к Матери – Сырой Земле. Казаки относились к земле с величайшей любовью, и все сказания говорят, что Земля платила им тем же. В мае справлялись «именины земли»: в этот день ее нельзя было беспокоить – пахать, вскапывать. Земля была свидетельницей торжественных клятв: при этом ее касались ладонью, а то вынимали кусок дерна и возлагали себе на голову, мистическим образом делая ложь невозможной: считалось, что Земля не станет носить обманщика. Было время на Руси, когда вместо нынешней присяги в обычае было ходить по меже с куском вырезанного на спорном поле дерна на голове. Это было равносильно лучшему доказательству законных прав тяжущегося.

Клятва над землей долгие годы сохранялась в народе: «Пусть прикроет меня Мать – Сыра Земля навеки!», – говорил клянущийся, правой рукой осеняясь крестным знаменем, а в левой держа ком

 © Дзюбан В.В., 2012

земли. Старые, истово придерживающиеся дедовских заветов люди уверяли, что если собирать на семи утренних зорьках по горсти земли с семи могил добрых покойников, то эта земля будет спасать собравшего ее от всяких бед-напастей.

Многого стоит горсть родной земли, которую и в наше время берут уезжающие с собой на чужбину. Отношение к земле казака сохранилось в пословицах и поговорках, дошедших до наших дней: «От земли взят, землей кормлюсь, в землю пойду!»; «Мать – Сыра Земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим теплом пригревает!»; «Поклонись матушке-землице, наградит тебя сторицей!» [5, с. 44].

Казак с благоговением смотрел на землю, именуя ее святою, родною. Отсюда и отношение: «На родной земле хоть умри, но с нее не сходи!»; «На какой земле родился – там и богу молись!»

Сохранение и изучение традиций казачества необходимо, так как эти традиции доказали свое право на существование.

Одной из очень старых традиций казачества, связанной с подготовкой юношей к воинской службе, являлась традиция проведения военных игр. Военные игры проводились регулярно, отдельные элементы игр еще долгое время сохранялись в станицах. Юноши из двадцати, тридцати и более станиц во главе с атаманами и стариками прибывали в назначенное место. Прибывала молодежь на лучших конях и с положенным вооружением (пикой, ружьем, шашкой, луком и другими предметами). Лагерь разбивался среди долины. Молодые казаки были разделены на отдельные отряды, одновременно все отряды занимались разными упражнениями. Одни участники игр задействовались в скачках, другие – в стрельбе по мишеням, третьи – демонстрировали умение владеть шашкой и ружьем на полном скаку. Верхом мастерства считалось поднятие какого-либо предмета (на земле стелили бурку и клали на нее плеть, монету или другой предмет), когда конь с седоком стремительно идет вскачь. Устраивались поединки между отдельными казаками, наиболее отважные завязывали настоящий бой нагайками. Молодые казаки показывали свое умение на конях во всем воинском снаряжении переплывать реку. Важно было достичь противоположного берега как можно скорее. По вечерам в дни проведения игр устраивались кулачные бои. Юноши вступали в рукопашную схватку, демонстрируя выносливость, смелость, силу, ловкость, умение постоять за себя и товарищей. На раны и травмы в этих играх внимания не обращали. Победа в кулачных боях ценилась не меньше, чем в других видах соревнований. Итоги военных игр подводил войсковой атаман. Отличившихся проворством, меткостью в стрельбе, умением владеть шашкой, нагайкой и т.д. атаман обязательно награждал лично. Награды были незатейливыми: уздечки, приборы к седлу, оружие и другие вещи. Успехами сыновей очень гордились и их родители, и родственники.

После военных игр, незадолго до призыва молодой казак ходил по домам, приглашал на проводы в армию. Проводы устраивались в доме новобранца. Самым важным действием на проводах считалось родительское благословение, во время которого отец напутствовал иконой, а мать вешала на шею сыну образок и мешочек с родной землей. Получив благословение, казак выходил на двор и садился на коня. Далее он ехал к церкви, где служили молебен. У церкви собирались все, кто уходил на службу. До околицы их провожала вся деревня, пели песни, а иногда и накрывали столы. Коня до околицы под узды могла вести жена или невеста казака. Не менее интересными были традиции встречи отслуживших казаков. Возвращающихся молодых людей встречала вся станица во главе с атаманом. Старший урядник рапортовал атаману о завершении службы. Затем все отправлялись в храм, где совершался благодарственный молебен. Обычно казаки приносили в храм иконы, крест, евангелие. Отслужив молебен, все шли к станичному правлению, где служивым преподносились станичные хлеб-соль. В воспитании мужчины – защитника, бойца, добытчика – существовали веками установившиеся традиции. В воспитании девочек таких традиций не было: они менялись в зависимости от понимания казаками роли семьи и женщины в ней.

Отмечали казаки и церковные праздники. Почти в каждом доме распевали казачьи песни. Крещенье по традиции ознаменовывалось крестным ходом на реку, где делалась под прорубью «иордань» (украшение). Особые торжества происходили на масленицу. Целую неделю распевались народные песни, казаки ходили друг к другу в гости на блины. Организовывались показательные скачки и стрельбы. Подготовка к ним шла в течение месяца. Молодые люди днями не выходили из конюшен, заботясь о своих скакунах.

Весельем на масленицу были охвачены все. Вероисповедование при этом практически не имело значения. Самое важное – каждый чувствовал себя членом единой казачьей семьи. Более многочисленные и длительные увеселения устраивались на Пасху – самый яркий праздник весеннего цикла. Пасхальные торжества начинались с вербного воскресенья. Этот день посвящался детям. В станицах, городах, слободах организовывались ярмарки с различными представлениями (ученые медведи, скоморохи, купальные представления). Детям покупали обновки и подарки с пожеланиями (со значением). Детей шлепали по лицу пучками цветущей вербы, приговаривая: «Верба из-за моря, дай верба здоровья! Верба, хлест, бей до слез, не я бью, верба бьет. Бери хворостинку, выгоняй скотинку!»

Эта процедура по народному поверью имела целебную силу – пыльца, попадая на слизистую оболочку глаз и носа, вызывала чиханье и появление слез. Организм ребенка резко взбадривался.

В пасхальных приготовлениях принимали участие все жители станиц. Особое внимание уделялось обрядовой еде – куличам, сырной пасхе и «писанкам» – красиво расписанным натуральным или сделанным из сахара яйцам. Древнейшие элементы весенней славянской обрядности просматриваются в многочисленных играх с крашеными яйцами домашней птицы – в «носочки», в «катушки», в «катки».

Отмечалась у казаков и Троица. Отмечая этот праздник, как православный, чествовали распустившуюся растительность, чтобы обеспечить ее рост и плодоношение. Для этого обязательно в субботу под Троицу косили траву (в основном чабрец) и расстилали ее в курене. На Троицу девушки надевали венки, сплетенные из трав и цветов, гуляли в них, а потом бросали в реку с целью определить, в какую сторону предстоит выйти замуж.

К осенним праздникам приурочены отдельные обычаи, связанные с окончанием цикла посевных работ и уборкой урожая. До полного созревания лесных плодов запрещалось ходить в лес. И только в назначенный день с песнями все вместе шли в лес для заготовки плодов, ягод, меда.

Как общественный праздник, отмечался день Покрова Пресвятой Богородицы. В этот день устраивали скачки, состязания и обязательно организовывали поминальный обед с выпивкой и песнопением в память обо всех погибших казаках. До праздника Покрова Пресвятой Богородицы казаки управлялись со всеми полевыми работами. После чего обычно начинали играть свадьбы.

Свадьбы занимали первое место в бытовой обрядности казаков. С XIX века свадебный ритуал превратился в стройную систему, включившую в себя элементы общеславянской свадьбы в сочетании с местными обрядами. Помолвка – одно из действий свадебного цикла. Она проходила в несколько этапов. Вначале проходили смотрины. В доме невесты жених и его родители знакомились – «осматривали» невесту. Если невеста понравилась, к ней через несколько дней засылали сватов. Обряд сватовства имел большое значение во всей помолвке – на нем торжественно и официально договаривались об условиях брака. При согласии с условиями обряд сватовства завершался рукобитием. В этот же вечер, как символ успешного окончания переговоров, будущих жениха и невесту сводили (подводили друг к другу) посреди горницы (своды). С этого момента они становились женихом и невестой. До венчания шла активная подготовка к свадьбе. В доме невесты собирались подружки и готовили приданое к свадьбе. За несколько дней до свадьбы приданое переносилось в дом жениха. Все приданое: перину, подушки, крупные вещи, украшенные искусственными цветами и красными лентами, – гости брали в руки и несли по улицам с целью показать приданое как можно большему числу жителей станицы. Демонстрация приданого сопровождалась песнями и прибаутками. После переноса приданого к жениху парень и девушка получали в доме невесты официальное согласие на создание семьи. С этого времени в доме невесты собиралась молодежь на вечера, где прославляли будущих супругов. В день венчания жених с отрядом близких друзей (верхом на лошадях) и родственниками в бричках (в повозках) «выкупал» у младшей сестры или брата невесты ее косу в красном (возле иконы) углу избы и вез будущую жену в церковь. После церкви молодую супругу везли в дом молодого мужа, где по традиции повивали женским головным убором. Как правило, этот обряд совершали свахи со стороны обоих молодоженов. Во время обряда подруги невесты держали шаль, за его свахи расчесывали одну девичью косу на две женские косицы. Существовало поверье, чья сваха быстрее заплетет косу, тот из супругов и будет главенствовать в семье. Обе косы закреплялись на затылке, на них надевался колпак. Колпак дарила будущей невестке свекровь. После этого обряда повиванья начинался свадебный пир. Традиционно на пиру были поздравления, звучали тосты, преподносили подарки. На свадьбе самый уважаемый человек произносил приветственный тост. На следующий день после венчанья веселье продолжалось. Обязательно были ряженые, одетые медведем, козлом, цыганом. Ряженые на всем пути величали молодых и угощали всех встречных. Свадьба заканчивалась вечером в доме жениха званым обедом. По традиции, всех родных и знакомых, кто не был на свадьбе, молодые должны были навестить на дому [5, с. 20].

Уважение казаками семейной жизни способствовало изменению положения женщины-казачки. В отсутствие мужа, а казак проводил большую часть жизни вне дома, женщина должна была заботиться о благополучии семьи, заниматься хозяйством, быть готовой к защите своего дома от любых посягательств. С годами казачки получали все больше гражданских прав. Уже допускалось присутствие пожилых казачек на собраниях мужчин, им могли и предоставить слово для выступления. Роль женщины в семье особо возросла с развитием земледелия. Длительное отсутствие мужа (действительная служба казака, походы, войны) вынуждали женщину самой вести все хозяйство, воспитывать детей, поддерживать дом.

Главой семьи у казаков всегда считался отец. В случае его смерти власть переходила к брату погибшего или старшему сыну. Теперь при смерти главы семьи права его переходили к матери, даже если в доме жил старший сын с семьей. В семьях

казаков сложилась традиция разделения труда под общим руководством матери. Характерны были взаимная поддержка и помощь. Если хозяин дома, то казачка никогда не будет выполнять его работу. В его же отсутствие она и пашет, и молотит, и косит. Мужьям помогала жена, дети – родителям. Мужчины выполняли самую тяжелую работу – они косили хлеб, женщины вязали его в снопы, мужчины возили снопы, старики и дети – молотили; малые дети стерегли скот, погоняли лошадей при пахоте.

При ведении домашнего хозяйства также существовало четкое распределение труда: старшая невестка готовила на всех еду, средняя – убирала дом и следила за детьми, младшая – ухаживала за скотом и птицей, наводила порядок во дворе и на скотном базу.

Свободолюбивые, вольные казаки очень любили свою Родину. Любовь к Родине ассоциировалась у них с любовью к Отчизне, Уралу-батюшке, который они называли ласково «кормилец родимый». Необходимо отметить терпимость казачества, в основе своей православного, к сохранению элементов культуры другими народами. В основе веры казаков лежит глубокая идея любви к ближнему, казак готов «положить душу свою за други своя». Чувство личной веры, «Бог в душе», – не мешало жить казакам по законам общинного братства. Казак умеет ценить свободу превыше всего и храбро ее защищать [1, с. 214].

В суровой жизни казаков всегда находилось время для отдыха. Традиционно свободное время проводили по-разному не только мужчины и женщины, но и люди разных возрастов. Старейшины делами занимались до середины дня. Оставшееся время до вечера они проводили в играх, развлечениях. На майдане устраивались игры в шахматы, шашки. С большим удовольствием старики смотрели борцовские поединки – борьбу двух борцов, тела которых смазывались жиром. Много времени старейшины проводили в беседах. Как правило, во время бесед в серебряных чашах подавали вино и крепкий мед. Гостей потчевали от души. Радость хозяину доставляла похвала о приеме гостей: «Я у него был и вино пил» [3, с. 203].

Молодые казаки играли на площади в кости и бабки. Игры эти позволяли развивать такую меткость, что, кидая камнями в птиц и зайцев, охотники убивали их.

У становой избы каждый день молодые казаки собирались на разговоры. Собирались мужчины в круг, вязали сети, вентери (рыболовные орудия типа ловушек), тенеты (сети для ловли зверей и птиц). Развитие земледелия требовало изготовления и ряда приспособлений для обработки земли. Их также делали казаки собственноручно.

Молодые замужние женщины в свободные часы собирались на посиделки, чаще всего у жен войсковых старшин. Их угощали всяческими плодами, закусками, семечками. Пили сладкий мед. Молодые казачки любили петь песни и под их напевы плясать. Под надзором бабушек девушки в теплое время года выходили на улицу водить хороводы. Мужчины могли только издалека любоваться забавами девушек. Зимой молодые девушки могли кататься на каталках (скользить на ногах по льду с разбега). Основным условием для молодых казачек было условие не задерживаться на улице до позднего вечера [2, с. 49].

Дети казаков играли в те же игры, что и взрослые. Играли в жмурки, лапту, кремешки.

Одними из основных занятий казаков были земледелие и скотоводство. Казаки сами выращивали скот и добывали его у неприятеля. Трепетное отношение у казаков было к лошадям. Отбирались на племя смелые, послушные, резвые, выносливые, неутомимые особи. Использовались они для кавалерийских целей.

Сегодня предпринимаются попытки заглянуть в историю казачества, чтобы определить – кто такие казаки и какое место занимают они в русской истории. Феномен казачества рассматривался в трудах видных историков XVIII века: Г.З. Байера, Н.М. Карамзина, А.И. Ригельмана, В.Н. Татищева. Позже к этой проблеме подключились С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, Н.О. Ключевский. Значительно активизировалась работа ученых по изучению истории казачества в XIX – начале XX вв. Весомый вклад в изучение казачества Южного Урала внесли видные историки: В.С. Кобзов, Н.С. Шибанов, А.И. Белый, В.А. Иванов, С.М. Чугунов, Л.И. Футорянский, Д.А. Сафонов, В.Г. Семенов.

В традициях казачества выделяются тенденция защиты Отечества, в целом святой Руси, и духовная установка. Казачья традиция связана с установками на духовное единство. Духовное единство – это «константа, которая являлась высшей, которую нельзя порушить и за которую человек шел на смерть» [4, с. 14].

Таким образом, самобытность народной казачьей культуры базируется на духовности, гармоничном сочетании нравственных, эстетических, интеллектуальных ценностей. Детерминированная мировоззрением и отраженная в структуре «Я» – концепции личности, система этих ценностей носит духовно-нравственный характер.

Передаваемые из поколения в поколение традиции казачества указывают на наличие определенной самобытной системы воспитания, на содержание которой оказывали влияние не только культурные, но также географические (природная среда), социальные (социальные структуры), социобиологические (антропологический тип) и хозяйственные факторы. Под влиянием этих факторов и природной среды сложилось некоторое сходство языка, нравов, обычаев, быта и психологических ха-

рактеристик. В процессе воспитания казаки опирались на представления об общности происхождения и исторических судеб, участие в исторических событиях, на связь с языком и «почвой». Сплав культур, этнокультурная общность породили казачью культуру.

Выделение казачьих традиций – это устойчивая транслируемая компонента содержания образования. Эффективность процесса духовно-нравственного воспитания обеспечивает комплекс педагогических условий: рассмотрение понятия «духовно-нравственная воспитанность учащегося» как интегративного личностного качества, одним из значимых факторов воспитания которого является национальная культура; определение выявленных традиций казачества в качестве регионального компонента духовно-нравственного воспитания, стимулирующего мотивацию учащихся на изучение традиций, принятие в качестве образца организации жизнедеятельности; обеспечение эстетики межличностных отношений родителей, учителя, ученика, создающих духовно-нравственную воспитательную среду.

Таким образом, духовно-нравственное воспитание учащихся на традициях казачества имеет социокультурные и психолого-педагогические предпосылки: духовно-нравственное воспитание на традициях казачества выступает одним из направлений совершенствования регионального компонента содержания образования и перестройки внеклассной работы на основе ознакомления учащихся с семейно-бытовыми, военными, культурными традициями, закрепленными в обрядах, песнях, танцах, промыслах, ремеслах. Традиции казачества позволяют привить учащимся духовно-нравственный иммунитет против пошлости, аморализма: в них заключено высокое целомудрие, пафос добра и правды, высокой духовно-нравственной культуры, патриотизма, поиски красоты вечной и непреходящей.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.

2. *Леви-Строс К.* Печальные тропики. – М.: Знание, 1984. – 287с.

3. *Соколова Л.Б.* Становление культуры педагогической деятельности учителя: монография. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. – 352 с.

4. *Власова Т.И.* Воспитание духовности личности // Известия Юж. – Ростов н/Д. – 2000. – Вып. 2. – С. 25–35.

5. *Чугунов С.М.* История казачества на Урале. – Оренбург, 2003. – 232 с.

УДК 001

Задоров Иван Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
redelf.exe@mail.ru

ИСТОРИЯ КОСТРОМСКОГО ОБЛАСТНОГО ТЕАТРА КУКОЛ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1936–1991 ГОДАХ

В статье изложены основные вехи истории Костромского областного театра кукол, взятые из ранее не опубликованных архивных материалов. Данная тема раскрыта в контексте обращения к культуре русской провинции. Для более глубокого изложения исследуемой темы раскрыты как проблематика культуры провинции в общем, так и понимание термина «провинция», в частности.

Ключевые слова: *кукольный театр, провинция, культура русской провинции, история, Костромской областной театр кукол.*

Обращение к данной теме не случайно. С одной стороны, она до сегодняшнего дня остается малоизученной: «у кукольного театра нет теории, нет и истории (эстетической теории и научной истории. – *И.З.*)» [8, с. 17], с другой – культура русской провинции активно изучается и исследуется современными исследователями во всем своем многообразии.

Что же такое эта провинция? Само слово-понятие при этимологическом взгляде на него способно выявить такие первоначальные смыслообразовательные значения, которые неожиданно помогают современному пониманию многоликого феномена провинции: лат. provincia (pro – вперед, vincere – побеги давать) [10, с. 131].

В русский язык интересующее нас слово пришло сначала с единственной ролью – обозначить на европейский манер наименование одной из единиц административного деления России, предпринятого Петром I в 1699 году для «большего упорядочения и обеспечения денежных сборов, состоявших в ведении бурмистерской палаты». В итоге поэтапных реформ областного деления в 1708 и 1719 гг. российская территория оказалась состоящей из 11 губерний и 49 провинций с дистриктами, заменявшими прежние уезды [7, с. 16–29; 37–50].

Около 1780 года интересующий нас термин, как официальное обозначение определенного элемента административно-территориальной структуры Российской империи, перестал существовать по всей стране.

Интересен факт, что слово, формально изъятое из казенного обихода в конце XVIII века, в веке XXI стало столь популярным в научном, полити-

© Задоров И.А., 2012

ческом, литературно-художественном, публицистическом обиходе.

Сама же культура русской провинции никогда не имела того отдельного статусного значения, которым обладала «большая» культура столиц. Текст провинциальной культуры вплетён в контекст региональной истории ещё плотнее и естественнее, чем это можно наблюдать на уровне глобальной истории страны. В отдельные периоды существования того или иного региона его культурная история нередко как раз и составляла большую часть доступного исследованию современного учёного исторического контекста жизни общества [12, с. 2–7]. В рамках данной работы мы можем предложить только беглый обзор 65-летней истории (в данной работе освещена история советского периода работы театра) Костромского областного театра кукол.

К 1936 году кукольных театров в стране насчитывалось единицы. «Флагманами» среди существовавших на то время театров, безусловно, являлись театры столичные (Москвы и Ленинграда. – *И.З.*), которые хорошо финансировались и имели квалифицированный штат сотрудников и соответствующие помещения. О распространении кукольных театров в провинции на то время говорить не приходится. Это были театры, созданные по инициативе «центра», при его непосредственном финансировании, в городах с высоким уровнем населения, и их в стране не насчитывалось на то время больше пяти.

Отличительной чертой Костромского театра кукол явился факт его самостоятельного открытия, на добровольных началах, группой людей, не имевших специальной подготовки, не получавших указаний сверху, не имевших финансирования, в провинции. Костромские кукольники были первыми, кому это удалось (не считая случаев с открытием театров «однодневок». – *И.З.*) и по следам кого последовали многие кукольные коллективы других городов.

Официальной датой рождения театра является 8 ноября 1936 года. Именно в этот день группа артистов Костромского ТЮЗа, состоявшая из 6 человек, показала костромскому зрителю кукольный спектакль «Лисичка-сестричка» [4, л. 8]. Кто были эти 6 человек – сказать трудно. Документы, относящиеся к первым годам существования театра, за редчайшим исключением, не сохранились. Скупые газетные строки тридцатых годов также не могут дать ответ на данный вопрос. К сожалению, об актерах первого поколения мы знаем очень мало. Исключение, пожалуй, составляют лишь те кукольники, кто продолжил работать в театре после окончания Великой Отечественной войны.

Менее чем через год после открытия театр выделяется в самостоятельную, независимую единицу, осуществляет несколько удачных постановок и заслуживает искреннюю любовь юного зрителя. В 1939 году артисты получают самостоятельное помещение в Доме пионеров, что позволяет им давать спектакли на стационарной площадке. Однако условия, в которых приходилось работать молодым актерам, были далеко не идеальны. Газета «Северная правда» так описывает выделенное помещение: «Маленькая с очень низким потолком комнатка под крышей Дома пионеров – вот и все «апартаменты», столь щедро отпущенные театру кукол. Порядочное место занимает верстак столяра, здесь же проводятся репетиции /что кстати делать очень трудно, потолок низок/, тут же делаются декорации. Проводятся творческие совещания. По углам ютится скудный театральный реквизит» [3, л. 7].

Скупые газетные строки тридцатых годов не торопятся приобщить нас к репертуарным и эстетическим поискам театра тех лет. Как правило, это констатация тех мест, где побывал с гастролями театр, указание названий некоторых спектаклей и привидение фамилий актеров, в них задействованных, зачастую без указания ролей, – вот, пожалуй, и всё.

Молодой театр, с первых дней своего существования, столкнулся с целым рядом трудностей: он испытывал недостаток финансирования, отсутствовала возможности повышения творческого потенциала актеров, штат был сильно ограничен, отсутствовал свой транспорт, руководство театра менялось ежегодно. Все это в значительной степени могло привести к его закрытию. К тому же у театра не было своего собственного помещения, долгие годы он ютился то в доме пионеров, то в доме учителя, переезжал по разным сценическим площадкам.

Преданность актеров своему делу, полная самоотдача и желание двигаться вперед помогли театру окрепнуть и встать на ноги. Театр выпускает в 1939 году пять премьер [см.: 1, л. 4; 5]. В следующем, 1940 году, осуществляются такие сложные постановки, как «Большой Иван», «Иван царевич и серый волк» [см.: 1, л. 4–10]. Театр проводил серьезную работу не только на стационарных площадках. Гастроли в районы, обслуживание посевных и уборочных компаний, выездные представления, проходившие на детских площадках города, в детских садах, лагерях, школах, стали для актеров привычным и постоянным явлением. Актеры с каждым выступлением и после каждой репетиции наращивали свой потенциал и повышали мастерство, приспосабливаясь ко всем трудностям и даря зрителю плоды своей работы.

Творческий рост и гармонию нарушила Великая Отечественная война. Ушли на фронт и погибли, защищая свою родину, художник В. Балахнин, артисты Г. Лебедев и Н. Киселев [9, с. 2]. В 1941 году официально, на целых три года, закрывается и сам театр кукол. Несмотря на это, оставшиеся

артисты ни на один день не прекращали своей деятельности. В эти трудные годы коллектив театра провел большую общественно-шефскую работу по обслуживанию госпиталей, воинских частей, детей фронтовиков и в трудных военных условиях ни на минуту не прекращал своей самоотверженной работы в области художественного воспитания подрастающего поколения. Все спектакли оформляла художник Л.К. Мазурова, которая, как и еще 6 сотрудников театра – директор театра В.И. Максимова, Скрипниченко, Туманова, Моногина, Седова и Чернышев, – была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [11, с. 156].

В 1943 году театр вновь открывают. Место художественного руководителя к этому времени занимает Антонина Григорьевна Скрипниченко. Газета «Северная правда», освещавшая выход в свет новой постановки «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», писала об Антонине Григорьевне следующие строки: «В ее руках кукла живет, как настоящий человек. Жесты выразительны и точны. Зритель верит, что перед ним нежная русская девушка, страстно любящая своего жениха. Волнение, грусть, тоска и сомнение, вызванные житейскими невзгодами и, наконец, радость встречи с любимым человеком показаны артисткой просто и убедительно» [3, л. 25]. И это не случайно: помимо работы режиссером она играла по несколько ролей в каждом спектакле, занималась с артистами, ставила интермедии и писала к ним сценарии.

В эти сложные для театра годы, годы становления и поиска творческого пути, коллега А.Г. Скрипниченко по цеху – З.Н. Колтовская – инсценирует пушкинскую «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», театр с большим успехом осуществил постановку этой вещи. Тот же автор перерабатывает для театра пьесу А.Н. Островского «Снегурочка», постановка которой осуществляется в дни шестидесятилетия со дня смерти великого драматурга. А спустя время театр осуществляет написанную для него местными драматургами З.Н. Колтовской и Ю. Гауш оригинальную пьесу «Чудесный молоточек». При постановке большого и сложного спектакля «Али Баба» актерами впервые были использованы тростевые куклы.

Результаты работы не заставили себя долго ждать. В августе 1944 года театр принял участие в смотре кукольных театров Ярославской области. В результате театр занял 2 место. На смотре были особо отмечены лучшие постановки театра: «Красная шапочка» С. Маршака и «Митька в Кощеевом царстве» В. Каверина [3, л. 3]. В 1946 году на Всероссийском смотре детских театров также дается положительная оценка деятельности театра, ряд работников приказом Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР от 26 сентября 1946 года были премированы. Десять лет спустя на Всесоюзном фестивале детских театров спектакли «Золушка» Габбе и «Аленький цветочек» Карнауховой и Брусевич, поставленные А.С. Скрипниченко и художником В.И. Лебедевой, отмечены дипломом I степени. Еще через десятилетие театр кукол за большой вклад в эстетическое и патриотическое воспитание подрастающего поколения занесен в Книгу трудовой славы Костромской области и награжден серебряным дипломом [9, с. 2–8].

Несмотря на такой успех, театр сталкивался и с определенными трудностями, что, в свою очередь, влияло на работу и выполнение плана. Так, в 1948 году театр недовыполнил план по гастрольным спектаклям. Это объяснялось нерентабельностью гастролей театра, не имеющего собственного транспорта для поездок в близлежащие районы области и перевозки багажа. Свой собственный автобус театр получил лишь в 1963 году. Также был недовыполнен и план по выездным спектаклям. Несмотря на большое количество летних сценических площадок: Зеленый театр близ дома искусств, городской парк, сад завода Металлист, сад и клуб Красный ткач, сад и клуб фабрики Ременная тесьма, сад Дома офицеров, а также 15 пионерских лагерей, расположенных в недалеком расстоянии от города, – спектакли были организованы лишь на нескольких из них. В основном отказы шли ввиду отсутствия денежных средств и транспорта. Отдел искусств, Обл. и ГОРОНО, ВЛКСМ, областной и городской отделы культполитпросветработы, фабрично-заводские организации не оказали театру соответствующей помощи, несмотря на директивные указания Росискусства. Несмотря на все трудности, работники театра предприняли попытку возложить на себя обязанности отсутствующего в городе ТЮЗа, решив хотя бы частично нести его репертуар и обслуживать не только детсады и школы, но и давать спектакли для более старшего зрителя [2, л. 1–18].

В октябре 1961 года театру исполнилось 25 лет – этому событию был посвящен творческий вечер, подготовленный совместно с общественными организациями города Костромы. Юбилейный спектакль «Верный Джим» Ландау прошел на высоком уровне и вызвал исключительно положительные и высокие отзывы зрителя [4, с. 1–36]. 13 октября 1963 года состоялось еще одно знаменательное событие – был проведен творческий вечер, также совместно с общественными организациями и школами города, посвященный 50-ти летию со дня рождения и 25-летию творческой деятельности главного режиссера театра Антонины Григорьевны Скрипниченко. К этой знаменательной дате был поставлен спектакль «Белоснежка и семь гномов» Устинова и Табакова. Этот спектакль шел с огромным успехом на протяжении нескольких сезонов [5, л. 9].

Еще одной крупной награды театр был удостоен в 1971 году, завоевав диплом второй степени на

ВДНХ за успехи в культурно-просветительской работе [6, л. 1].

С 1986 года главный режиссер театра – Вячеслав Бредис, заслуженный артист РСФСР, ученик А. Скрипниченко. «Многоплановый, страстный актер, актер большого творческого диапазона», – говорила она о нем. Более пятидесяти лет он преданно служил театру, развивая лучшие творческие традиции, созданные в театре за все время его существования: эмоциональность, музыкальность, мастерскую работу с куклой. Более семидесяти спектаклей было поставлено Вячеславом Бредисом в театре. Автором двадцати пьес и около тридцати новогодних интермедий являлся он сам. В. Бредис – неоднократный лауреат областной премии в сфере театрального искусства имени А.Н. Островского, в номинации «Лучшая режиссерская работа»; лауреат муниципальной премии имени Д.С. Лихачева [9, с. 9].

Несмотря на возросший интерес к изучению культуры русской провинции и истории кукольного театра в ней, данная тема остается еще недостаточно изученной. Культурно-исторические аспекты в изучении театра кукол, к сожалению, продолжают занимать маргинальное положение в научной среде ввиду отождествления искусства последнего исключительно с искусством для детей.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. Р-1481. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–35.
2. ГАКО. Ф. Р-1481. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–18.
3. ГАКО. Ф. Р-1481. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–25.
4. ГАКО. Ф. Р-1481. Оп. 2. Д. 68а. Л. 1–36.
5. ГАКО. Ф. Р-1481. Оп. 2. Д. 74. Л. 1–18.
6. ГАКО. Ф. Р-1481. Оп. 3. Д. 58. Л. 1.
7. *Инюшкин Н.М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004. – 439 с.
8. *Калмановский Е.С.* Искусство театра кукол – день сегодняшний. – Л.: Искусство, 1977. – 120 с.
9. Костромской областной театр кукол. 70 лет. – Кострома, 2006. – С. 2. (Личный архив автора. – 24 с.)
10. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: свое и чужое. Опыт русской фразеологии: В 2 т. Т. 2. – М., 1994. – 550 с.
11. *Степаненко Е.* Главный кукольник Костромы // Губернский дом. – 2004. – № 5–6 (62–63). – 204 с.
12. *Сукина Л.Б.* Культура русской провинции в контексте региональной истории // Материалы науч.-практ. конференции «Новая локальная история: методы, источники и провинциальная историография». – Ставрополь: Ставропольский госуд. университет, 2003. – 262 с.

УДК 008(091)

Мельникова Лариса Александровна
кандидат педагогических наук
Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)
larismelnikova@yandex.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ТОПОГРАФИЯ ЯРМАРОЧНЫХ ГОРОДОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Проблема сохранения историко-культурного облика современных городов в настоящее время приобретает особое значение в связи с активной градостроительной деятельностью строительных фирм и организаций. Каждый город уникален в силу специфики своего местоположения и исторического развития. Особый интерес представляют ярмарочные города, историко-культурная топография которых формировалась под влиянием ярмарочной торговли.

Ключевые слова: *собор, рынок, ратуша, социальная топография, Брюгге, Антверпен, Шампань, купеческие постройки.*

Сохранение культурного наследия современных городов в настоящее время стало одной из значимых общественных задач. Эта проблема возникла в связи с активной застройкой городского пространства современными объектами. Каждый город уникален в силу специфики своего местоположения и исторического развития. В настоящее время многие города в силу объективных причин утратили былое величие, которое, впрочем, еще сохранилось в их историко-культурном облике.

Особый интерес представляют так называемые ярмарочные города, историко-культурная топография которых формировалась под влиянием ярмарочной торговли.

Формирование историко-культурной топографии ярмарочного города зависело от конкретных условий его возникновения и развития и имело сходные черты, характерные для всех средневековых городов в целом. Это связано с тем, что ярмарочные города формировались так же как и города средневековья.

В раннее средневековье город представлял собой некое огороженное место, предназначенное для защиты от врагов. В связи с этим его основу составлял укрепленный центр (бург, сите), вокруг которого возникали городские предместья – посады, слободы, населенные ремесленниками. Центральным местом в городе была площадь, неподалеку от которой располагались городской собор и ратуша [1, с. 185].

© Мельникова Л.А., 2012

Площадь играла важную роль в жизни горожан. На площади проходили собрания, отмечались важные события города, устраивались карнавалы, совершались казни, и т.д. Центральная площадь была наиболее престижным местом в городе. Поэтому вокруг площади стремились построить дома наиболее состоятельные и уважаемые бюргеры.

С развитием торговли решающим фактором, определившим архитектурно-планировочную структуру средневекового города, стал рынок, что привело к возникновению рыночной площади, а также объектов, предназначенных для осуществления рыночных операций.

Возникновение центральной площади имеет более раннее происхождение, так как инициатором ее основания была местная духовная или светская власть. Рыночная площадь появилась позднее, а ее местоположение не было постоянным. По сути, возникновение рыночной площади было обусловлено удобством торговли. Как правило, она появлялась за пределами бурга, на главной улице торгово-ремесленного поселения. С развитием торговли рыночных площадей становилось все больше, а наиболее популярные из них проникали на территорию укрепленного центра.

Таким образом, в раннем средневековье центральная площадь с главными постройками олицетворяла собой власть, основанную на авторитете светского или духовного лица. Проникновение рыночной площади в пределы бурга ознаменовало начало утверждения новой власти – власти субъектов купли-продажи. Иногда рыночная площадь становилась частью главной площади, иногда занимала обособленное положение. Однако ее неотъемлемым атрибутом также стал собор. Это связано с изменением отношения католической церкви к занятию торговлей – как к богоугодному делу, в котором она принимала активное участие. Символическое слияние светской и церковной власти с одной стороны и рынка с другой выразилось в возникновении системы переходящих одна в другую площадей.

Главным сооружением города было ратуша. Она отличалась богатым убранством. Это свидетельствовало о той важной роли, которую она играла в жизни города. В верхних этажах ратуши проходили заседания и располагались городские службы. Кроме того, в ратуше проводились праздничные и свадебные торжества, банкеты, вечера танцев. Следует отметить, что ратуша была также местом суда. В роскоши внешнего и внутреннего оформления с ратушей соперничали здания торговых гильдий и цехов, а также дома знати, расположенные рядом с главной городской площадью [4, с. 65].

Иногда в качестве пристройки к ратуше строилась городская башня – как символ городской свободы.

На ранней стадии развития средневековый город формировался спонтанно, без заранее разработанного плана и состоял из обособленных поселений, между которыми возникали улицы.

Не менее важным фактором в формировании историко-культурной топографии города стала социальная топография, предполагавшая разделение города на районы, в которых проживали жители со сходными экономическими, общественными, культурно-бытовыми интересами.

Социальная топография отражала социальное положение той или иной категории граждан. При этом разделение города на районы совпадало с физическим разделением горожан, проживавших в них. Если знатные бюргеры жили в центре, то городские низы, напротив, ютились у крепостной стены. Улицы заселялись по профессиональному и этническому признаку. Отдельно проживали евреи, и всеми презираемые дубильщики, цирюльники и палач. Как правило, их дома располагались у стены, вблизи воды или за стеной [4, с. 64].

Совместное занятие одним и тем же делом нашло отражение и в названии улиц: Кузнечная, Булочная, Кожевенная и т.д. Обычным было давать улицам название, указывавшее на принадлежность к той или иной народности: в Любеке – Английская улица, в Люнебурге – Славянская, почти везде – Жидовские улицы. В Бреславле целый квартал назывался Русским, так как в нем останавливались купцы, приезжавшие из Руси и Польши [2].

Возникновение ярмарочных городов могло происходить под влиянием различных факторов. К примеру, ярмарочный город Брюгге возник в силу природного фактора. Первые сведения о Брюгге датируются IX веком, когда граф Фландрии Болдуин построил крепость рядом с рекой Цвин. Удобное географическое положение позволило городу превратиться в крупный торговый центр. Возможно, Брюгге так и не стал бы ярмарочным городом, если бы не природная стихия. В 1134 г. в результате сильнейшего шторма море приблизилось к городу, а возникший в результате шторма канал соединил город с морем. Это позволило кораблям подплывать прямо к городу. В 1200 г. город получил право организовывать ежегодную международную ярмарку, что ускорило превращение Брюгге в ярмарочный город.

Город Антверпен начинался с замка, и только в XVI веке с упадком Брюгге начинается расцвет Антверпена как ярмарочного города.

Очевидно, что Брюгге, Антверпен и другие города еще до появления ярмарки представляли собой крупные торговые центры. Однако в силу обстоятельств эти города становятся ярмарочными. Важную роль в возникновении ярмарки сыграли местная власть и собственно сами жители этих городов. Главной побудительной силой, позволившей горожанам «впустить» ярмарку в город, было стремление к получению материальной выгоды из данного мероприятия.

Однако ярмарочные города могли возникнуть и в случае, когда город изначально был построен с целью проведения международной ярмарки. Одним из таких городов был город Провен в Шампани, который, будучи военной крепостью в раннем средневековье, в XIII веке был специально построен с целью организации ярмарочной торговли. Это связано с тем, что международная ярмарка в Шампани не была сконцентрирована в одном населенном пункте, а проходила с чередованием в нескольких городах. В связи с этим ярмаркой была охвачена вся Шампань, а города приспосабливались к широкой торговле.

В центре ярмарочного города располагалась городская площадь, на которой возвышались символы религиозной и светской власти: городской собор и ратуша. В городе Провене главным городским собором была церковь Сен Кирьяс, заложенная графом Шампани в 1157 г., в Брюгге – Базилика Святой Крови (XII век), в Женеве – Собор Святого Петра (XII в.), в Антверпене – собор Антверпенской Богоматери (XIV в.).

Для привлечения большого количества людей на ярмарку, ярмарочный город должен был обладать некой священной реликвией, являвшейся объектом поклонения многочисленных паломников, посещавших ярмарку.

В городе Брюгге в Базилике Святой Крови находилась ампула с кровяными мощами Иисуса Христа, привезенная фламандским графом Дитрихом из крестового похода в 1150 г. С тех пор ежегодно в праздник Вознесения «ампулу святой крови» несли во главе «процессии святой крови» через весь город. Во Франкфурте-на-Майне в соборе святого Бартоломея находилось его шерстяное платье. В Провене священной реликвией стала алая иерихонская роза, также завезенная крестоносцами из крестового похода. В ярмарочном городе Сен-Дени во Франции хранились терновый венец, гвоздь от Креста и руки святого Симеона.

Поклонение священным реликвиям было необходимым условием общественной и частной жизни людей средневековья. В равной степени это относилось и к торговле. Реликвии находились там, где проводились собрания, на реликвиях давали клятвы, заключались договоры. Реликвии охраняли и защищали город [3].

Для ярмарочного города реликвия имела особое значение, так как от успешной торговли зависело процветание и благополучие его жителей.

Как было отмечено, для средневекового города с развитой торговлей было характерно наличие нескольких торговых площадей. Ярмарочный город был полностью охвачен торговлей.

Торговля велась не только на рыночных площадях, но и на улицах, превращенных в торговые площади. В зимний период торговля могла вестись даже на льду.

В Провене было несколько торговых площадей, которые специализировались на торговле определенным видом товара и имели соответствующее название (Рыбная, Зерновая, Железная и т.д.). На главной рыночной площади Брюгге располагались суконные ряды. Однако было достаточно и в самом городе рынков, имевших соответствующее название: рыбный рынок, площадь дубильщиков, квартал кожевников, площадь перчаточников.

Вместе с тем для топографии ярмарочных городов были характерны свои особенности. В период проведения ярмарки население ярмарочных городов резко возрастало. Это связано с притоком иностранных купцов, занимавшихся ярмарочной торговлей и владевших домами в городе. Многие купцы предпочитали покупать дома для проживания в них во время проведения ярмарки. Однако население города увеличивалось не только за счет пребывания торговцев и покупателей. Ярмарка была прибыльным делом для многих категорий населения: артистов, знахарей, проституток, проповедников и т. д. Поэтому в эти города устремлялись представители различных социальных групп в погоне за лучшей жизнью.

К примеру, в период расцвета ярмарочной торговли с 1356 по 1464 гг. население Женевы выросло почти в пять раз.

К середине XVI в. население города Антверпен превышало 100 тыс. жителей, а ко времени упадка ярмарки к 1589 г. население сократилось до 42 тыс. жителей.

К концу XV века город Лион представлял собой крупный торговый и финансовый центр с населением 65 тыс. человек.

Для ярмарочных городов было также характерно проживание большого количества иностранцев. В Брюгге население города составило 105 тыс. жителей, из которых 15 тыс. были иностранцами. Кроме того, в Брюгге располагались резиденции двадцати иностранных государств.

Приток иностранных купцов обусловил появление множества купеческих построек: купеческих домов, гостиниц, подвалов, складов, бирж и т.д., расположенных преимущественно вокруг главной площади.

К примеру, дома гильдий, «Дом Генуэзца», здание Ван дер Берса, от названия которого произошло слово биржа, в Брюгге.

В Провене был выстроен десятинный оклад – здание, которое снимали тулузские купцы, приезжавшие на ярмарку.

В Антверпене главную площадь, на которой возвышалась ратуша, окружали купеческие дома.

Довольно часто купеческие постройки использовались не только для проживания или продажи товаров, но и для проведения деловых заседаний и праздничных торжеств. В Антверпене на улице Мясника возвышалось здание скотобойни, на вер-

хних этажах которого располагались помещения для проведения переговоров. В Брюгге знаменитое здание купца Ван дер Берса строилось как гостиница для купцов. В XII в. здесь стали собираться купцы, чтобы совершать торговые сделки и обсуждать свои дела.

В Лионе на улице Сен-Жан стоит Адвокатский дом XVI века, который также был в свое время постоялым двором.

Жители ярмарочных городов стремились извлечь прибыль от проведения ярмарки, предлагая услуги приезжавшей публике. К концу средневековья в Лионе действовали 24 таверны, проживали 32 парикмахера, 56 портных, 44 рыбных торговца, 36 мясников, 36 пекарей, располагались 25 постоялых дворов. Для Брюгге также было характерно большое количество трактиров и пивных.

Иногда и католическая церковь не оставалась в стороне от столь прибыльного дела. В 1183 г. в Булле папы Луция III говорилось, что монастырь собора св. Петра в Труа числил среди своих домовладельцев мирян, вплоть до жонглеров, игроков, трактирщиков и даже женщин легкого поведения, нанимавших там дома. Папа приказал собственникам самим проживать в своих домах или сдавать их духовным лицам [3].

Подведем итог. Историко-культурная топография ярмарочных городов имела сходные черты, характерные для средневековых городов в целом. Это связано с тем, что возникновение ярмарочных городов было обусловлено общими для средневековых городов причинами. Однако не все города становились ярмарочными. Даже крупные торговые центры в Западной Европе не были ориентированы на широкую международную торговлю. Для возникновения ярмарочного города необходимо было наличие факторов как природного, так и социально-экономического порядка. Проведение широкой ярмарочной торговли сыграло важную роль в развитии ярмарочного города, что отразилось на его историко-культурной топографии. Для ярмарочных городов было характерно наличие большого количества торговых площадей, улиц, купеческих построек, объектов, направленных на обслуживание участников процесса купли-продажи.

Не менее важную роль в формировании историко-культурной топографии сыграл и социальный фактор. Наличие большого количества иностранцев, наплыв во время проведения ярмарки людей, а также особая ментальность, присущая жителям ярмарочного города, сыграли свою роль в создании историко-культурного облика ярмарочного города.

Библиографический список

1. История средних веков (в двух томах): учебник / под ред. С.Д. Сказкина и др. Изд. 2-е, перераб. Т. 1. – М., 1977. – 471 с.

2. *Иванов К.А.* Многоликое средневековье. – М.: Алетейя, 2001. – 432 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tululu.ru/read54032/ (дата обращения: 26.02.2012).

3. *Люшер А.* Французское общество времен Филиппа Августа. – СПб.: Евразия, 1999. – 414 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tululu.ru/b52441/ (дата обращения: 26.02.2012).

4. *Richard van Dülmen.* Kultur und Alltag in der Frühen Neuzeit. B. 2: Dorf und Stadt, 16–18. Jahrhundert. – München, 2005. – 373 s.

УДК 929(571.12)

Савченкова Татьяна Павловна
кандидат филологических наук
Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова
stp@42r.ru

П.П. ЕРШОВ И Д.И. МЕНДЕЛЕЕВ: НОВОЕ В ИСТОРИИ РОДСТВЕННЫХ И ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

На основе выявленных архивных материалов, преимущественно из Музея-архива Д.И. Менделеева в Санкт-Петербурге, раскрываются родственные и дружеские связи П.П. Ершова и Д.И. Менделеева и роль учёного в издании сказки «Конёк-Горбунок».

Ключевые слова: *П.П. Ершов, Д.И. Менделеев, М.Д. Менделеева, М.А. Жилина, Ф.Н. Лещёва, Н.Н. Лещёв, письма, издания сказки «Конёк-Горбунок».*

В биографической литературе, посвящённой самым знаменитым уроженцам Западной Сибири, просматривается единая схема: Пётр Ершов – ученик Ивана Павловича Менделеева, директора Тобольской гимназии с 1827 по 1834 гг. (Пётр и его брат Николай обучаются здесь с апреля 1827 по 1830 гг.), а Дмитрий Менделеев – ученик Петра Павловича Ершова, учителя и инспектора гимназии, в которой будущий создатель периодического закона получал образование с 1841 по 1849 гг.

Данной схемой и ограничиваются биографы. Иногда эта канва наполняется «беллетристическими» подробностями вымышленного свойства, одна из которых – заветная детская тетрадка Дмитрия Ивановича с переписанными в неё стихами Ершова (факт существования которой не доказан):

© Савченкова Т.П., 2012

Рождённый в недрах непогоды,
В краю туманов и снегов,
Питомец северной природы
И горя тягостных оков, –
Я был приветствован метелью,
Я встречен дряхлою зимой,
И над младенческой постелью
Кружился вихорь снеговой

Я полюбил людей, как братий,
Природу – как родную мать,
И в жаркий круг моих объятий
Хотел живое всё созвать…

Эти строки цитирует биограф учёного О.Н. Писаржевский, замечая, что сами стихи в пору знакомства с ними юного Менделеева ещё не были напечатаны [21, с. 68–69], хотя в действительности стихотворение «Послание к другу», частью которого и являются вышеприведённые строки, было опубликовано в журнале «Библиотека для чтения» ещё в 1836 году. Та же самая «тетрадь» упоминается без ссылки на её местонахождение и в современном юбилейном научном издании «Д.И. Менделеев и Тобольск» [5, с. 37–38].

Безусловно, только обращение к архивным источникам, их систематизация и объективное изучение позволяют увидеть новые грани этой темы, отделить достоверное от выдумки, а также дополнить и уточнить наши представления о ранее известных фактах семейных и дружеских контактов Ершова и Менделеева.

С этой точки зрения очень ценным и не изученным во всей его полноте документом является запись о рождении Д.И. Менделеева в метрической книге Тобольской Богоявленской (Богородицкой) церкви: *...Генваря двадцать седьмого дня [1834 г.]:Тобольской гимназии директора надворного советника Ивана Павлова Менделеева от законной его жены Марьи Дмитревой родился сын Димитрий. Восприемники: исправляющий должность начальника VII-го округа жандармский полковник и кавалер Александр Петров Маслов и коллежская ассесорша Марья Александрова Жилина, тобольский 1-й гильдии купец коммерции советник Николай Стефанов Пилёнков, Ялуторовского города 3-й гильдии купца Ивана Петрова Пилёнкова жена Ольга Иванова… Крещён священником Василием Поповым с помощью дьячка Ивана Сапожкова* [3].

Эта запись может быть дополнена и даже скорректирована копией метрического свидетельства за № 4038 о рождении Дмитрия Ивановича из Музея-архива Д.И. Менделеева в Санкт-Петербурге (далее – НАМ СПГУ): *По Указу Его Императорского Величества Тобольская духовная консистория вследствие прошения надворного советника Ивана Менделеева о выдаче ему метрического свидетельства о рождении сына его Дмитрия на предмет отдачи его в казённое заведение для обучения дала сие свидетельство на основании Указа Святейшего Правительствующего Синода 8 июня 1809 года, состоявшего в том, что в хранящейся в архиве сей консистории метрической Градо-Тобольской Богоявленской церкви тетради за 1834 год в 1-й части о родившихся под № 2 значится: Тобольской гимназии у директора надворного советника Ивана Павлова Менделеева от законной его жены Марьи Дмитревой сын Димитрий родился 27, а крещён 30 Генваря; восприемниками были: исправляющий должность начальника 7-го округа жандармов, полковник и кавалер Александр Петров Маслов и коллежская ассесорша Марья Александрова Жилина; тобольский 1-й гильдии купец коммерции советник Николай Степанов Пилёнков и города Ялуторовска 3-й гильдии купца Ивана Петрова Медведева жена Ольга Иванова.*

Сентября 25 дня 1839 года. На подлинном подписано: кафедральный протоиерей Пётр Фелицын. Секретарь Бокреев. Столоначальник Бенедиктов. (М.П.) У сего Тобольской духовной консистории печать» [9].

В год рождения будущего учёного Пётр Павлович Ершов находился в Санкт-Петербурге, через несколько месяцев девятнадцатилетний студент университета стал известен всей России своей сказкой «Конёк-Горбунок». Но его родные со стороны матери и отца жили в Сибири, и, ознакомившись внимательно с метрической записью, мы увидим рядом с младенцем Менделеевым настоящих или будущих родственников Ершова.

Кто же они? Николай Степанович (Стефанович) Пилёнков (1789–1858) – двоюродный брат матери Ершова Ефимии Васильевны, урождённой Пилёнковой, купец-миллионер, известный своей благотворительной деятельностью в Тобольске. Николай Степанович с большой заботой относился к своим племянникам – Петру и Николаю. Братья Ершовы проживали в его доме во время учёбы в Тобольской гимназии [27], а по возвращении в Сибирь из столицы в 1836 году Пётр и Ефимия Васильевна (Павел Алексеевич умер в 1833 году во время командировки в Херсон, а Николай в 1834 г. в Петербурге) почти год жили во флигеле дома Пилёнкова на Захарьевской улице [28].

Н.С. Пилёнков и, соответственно, П.П. Ершов станут родственниками Менделеевых, когда старшая сестра Дмитрия Ивановича – Ольга Ивановна (1815–1866) в семнадцатилетнем возрасте выйдет замуж за купца Ивана Петровича Медведева. Мать Ивана Петровича – Евдокия Семёновна – происходила из рода Пилёнковых и являлась родной сестрой Василия Пилёнкова – деда П.П. Ершова по матери, и Степана Пилёнкова – отца Николая Степановича. Иначе говоря, двоюродный дядя Пет-

ра Павловича был женат на родной сестре Дмитрия Ивановича.

Отношения между Николаем Степановичем Пилёнковым и Иваном Петровичем Медведевым были очень хорошими. В своём письме к родственникам мужа от 13 мая 1833 года Марья Дмитриевна Менделеева писала:

А Вас, любезнейшая матушка, покорнейше прошу принять в число Ваших внучат и данного нам Богом доброго и умного зятя, он не чиновник, но по своему благосостоянию и обширным заведениям заслужил внимание высшего начальства и прошлого года за устройство его фабрик ему помилована от Государя Императора медаль. Олинька наша счастлива и богата, имеет добрую и почтенную свекровь, но у мужа её нет родных, ни братьев, ни сестёр, а высватал её и был посажёным отцом двоюродный брат Ивана Петровича здешний миллионщик и коммерции советник Николай Степанович Пилёнок, который зятя нашего любит как родного брата [4, с. 179].

Это письмо объясняет ошибку, допущенную в метрической записи 1834 года, где Ольга Ивановна (сестра и восприемница Д. Менделеева) названа женой Ивана Петровича **Пилёнкова**, а не Медведева. Ошибка будет замечена и исправлена в копии метрического свидетельства за 1839 год.

Иван Петрович Медведев – личность для Сибири примечательная. Он был хорошо знаком с декабристом И.Д. Якушкиным и занимался устройством приходского училища для мальчиков в Ялуторовске. Одним из первых Медведев завёл в этих краях стеклянную фабрику, его предприятие процветало и укреплялось, но тяжёлая болезнь в 1841 году не позволила дать отпор конкурентам, фабрика была продана за долги, а её владелец умер 4 января 1842 года. Овдовевшая Ольга Ивановна через пять лет вышла замуж за декабриста Николая Васильевича Басаргина и вновь вернулась в Ялуторовск, где жила до 1857 года (окончания ссылки супруга).

Небезынтересна судьба крёстной матери Дмитрия Менделеева – Марьи Александровны Жилиной (1792–1870), урождённой Павлуцкой, близкой подруги Марьи Дмитриевны Менделеевой. Именно Марья Дмитриевна способствовала браку Марьи Александровны с Петром Дмитриевичем Жилиным, военным в отставке, бывшим адъютантом генерала Платова. В 1829 году овдовевший П.Д. Жилин, отец четверых детей, отправил из Уфы, где он тогда находился, письмо Марье Дмитриевне с просьбой содействовать в согласии М.А. Павлуцкой, которую он знал ещё в ранней молодости, выйти за него замуж. Марья Дмитриевна, как показывают её письма, уговорила Марью Александровну согласиться на союз с Петром Дмитриевичем. Брак был заключён в 1830 году [23, с. 102–117].

Семья Жилиных была близка Менделеевым на протяжении многих лет, и столь же длительными оказались отношения с семьёй Ершовых. М.А. Жилина являлась родственницей Серафимы Александровны Лещёвой, урождённой Протопоповой, которая в 1839 году вышла замуж за П.П. Ершова [22, с. 35–38].

И после смерти Серафимы Александровны (1845 г.) Марья Александровна не утратила родственных чувств к П.П. Ершову и стала восприемницей его детей от второго и третьего браков. В книге «Памятник Веры» – православном церковном календаре и одновременно семейной летописи Ершовых, сохранившейся в фондах Тобольского музея, рукой поэта записано имя Марьи Александровны Жилиной как восприемницы семерых его детей – Людмилы (23 сентября 1848), Ольги (8 апреля 1850), Надежды (15 мая 1851), Юлии (8 мая 1852), Серафимы (16 сентября 1853), Николая (4 ноября 1854), Владимира (9 февраля 1856). Вторым восприемником у пятерых детей являлся Николай Степанович Пилёнков.

Возвращаясь к Марье Дмитриевне Менделеевой, следует сказать, что в её переписке с родственниками неоднократно встречается имя П.П. Ершова. В письме от 14 июля 1840 г. в Омск к дочери Екатерине Ивановне, вступившей годом ранее в брак с чиновником Главного управления Западной Сибири Яковом Семёновичем Капустиным, Марья Дмитриевна рассказала о посещении старинного тобольского **За**вального кладбища. С ней были и её сыновья:

Молитва в церкви меня оживила и мы – т.е. я, Ваня, Паша и Митя (Дмитрию Менделееву в это время шесть лет. – *Т.С.*) *из собора проехали на кладбище. Там поклонилась я праху моих родителей, сестёр, братьев, детей. Когда мы возвращались, Ванечка показал мне памятник над могилой матери Петра Павловича Ершова, много мною уважаемого человека. Я подошла и прочитала эпитафию и велела списать. Она кратка, но в ней видны чувства христианина. Вот она:*

Пускай для глаз мрачна земли утроба,
Но ты её темницей не зови:
Она светла для веры и любви. –
Благоговей пред тайной гроба
И сень могил благослови…

Верно и вы сделаете памятник над прахом незабвенной Машеньки (дочь-младенец Капустиных. – *Т.С.*), *и мне бы хотелось, чтобы Пётр Павлович написал эпитафию. Мысль, парящая в небесах, светлость могил для веры и любви, и воздух, коим я дышала, освежил мою голову, я покойнее, веселее возвратилась домой. – Я совершенно уверена, что Господь утешит меня ещё именем бабушки, и я снова приеду к вам в Омск и порадуюсь на вас* [23, с. 49].

Сама того не ведая, Марья Дмитриевна сохранила для истории литературы ершовские поэтические строки, которыми ещё предстоит пополнить собрание его стихотворений.

Ершов принимал участие в судьбе сына Я.С. Капустина от первого брака – Семёна, который в детстве жил в Тобольске в семье Ивана Павловича и Марьи Дмитриевны Менделеевых. 17 августа 1844 года Марья Дмитриевна пишет Капустиным:

Вчера была я у Ершовых, и насчёт Сенечки Пётр Павлович говорит, что если бы он, приехав в октябре, выдержал экзамен за 4-й класс, то мог бы тогда поступить в 5-й класс, с тем, чтобы догнать учеников в том, что пройдено будет в два месяца с начала курса [23, с. 64].

Сообщая о похоронах супруга в письме от 20 октября 1847 года, Марья Дмитриевна особо отмечает участие в них Ершова:

Да наградит Бог Петра Павловича Ершова за настояние почтить память усопшего при погребении увольнением гимназистов – певчих и гг. учителей. Евгений Михайлович (Качурин – директор гимназии. – *Т.С.*) *согласился и сам провожал гроб, а Пётр Павлович с господами-учителями несли до церкви, а потом все провожали до могилы, и по возвращении с кладбища учащие и учащиеся в лице родственников Ивана Павловича у нас обедали* [23, с. 92].

Значимым источником информации по данной теме являются письма первой жены Ершова Серафимы Александровны своим родственникам Протопоповым в Петербург, сохранившиеся в Музее-архиве Д.И. Менделеева. Дети Серафимы Александровны от первого брака, пасынки и падчерицы Ершова – Александр, Феозва, Александра и Николай, на разных этапах своей жизни окажутся непосредственно связаны с Дмитрием Менделеевым, а также его братьями и сёстрами.

В 1840-х гг. дети Менделеевых посещали дом Ершова. В письме от 15 января 1842 г. Серафима Александровна рассказывала Протопоповым о состоявшемся у губернатора новогоднем бале-маскараде:

Саша старший (Александр Никитич Лещёв. – *Т.С.*) *просил, чтобы его как-нибудь замаскировали, без дальних хлопот его одели вотячкой, а товарищ с ним был Менделеев в охотничьем платье…* [10].

Серафима Александровна имела в виду старшего сына Менделеевых – Ивана, с которым Александр учился на одном курсе в тобольской гимназии. Иван и Александр одновременно окончили это учебное заведение в 1843 году. В этом же письме есть упоминание о просьбе М.Д. Менделеевой взять на ёлку вместе с детьми Серафимы Александровны и Машеньку Менделееву.

Старший пасынок Ершова – Александр Лещёв с детства проявлял хорошие художественные способности, получал уроки рисования у учителя искусств тобольской гимназии Генриха Фридриховича Мертлича и выполнял портреты Менделеевых: в архиве сохранились карандашные рисунки Екатерины Ивановны Капустиной – старшей дочери Менделеевых, а также Ивана и Павла Менделеевых.

Было ли какое-то воздействие на формирование личности Менделеева со стороны П.П. Ершова в гимназические годы? Свидетельств об этом не сохранилось, а в числе преподавателей, упоминаемых Менделеевым в автобиографии, имени Ершова мы не найдём. В своих биографических заметках, написанных незадолго до смерти в 1906 году, Дмитрий Иванович отметил других педагогов:

Учителя, которых помню: Желудков (Шелутков Денис Петрович. – *Т.С.*) – *чистописания и рисования, Волков – французского языка, латинского языка в старших классах, Иван Карлович Руммель – математики и физики, Доброхотов – истории, Михаил Лонгинович Попов – зять наш* (М.Л. Попов был женат на Марии Ивановне Менделеевой. – *Т.С.*) – *законоведения. Латынь: Пётр Кузьмич «Редька»* (П.К. Резанов. – *Т.С.*), *очень не любили, доходило до драки…* [2, с. 13–14].

Ершов, по всей видимости, не был учителем Менделеева, так как с 1844 г. занимал место инспектора гимназии и свою дисциплину – русскую словесность и логику, передал Александру Васильевичу Плотникову, который вёл её с 1844 по 1863 гг.

14 июня 1849 г. Менделеев получил аттестат об окончании гимназии, подписанный исправляющим должность директора гимназии и училищ Тобольской губернии, инспектором гимназии коллежским советником Петром Ершовым и секретарём педагогического совета гимназии, старшим учителем математики Николаем Стукальским [25, с. 46].

В середине 1849 года М.Д. Менделеева с сыном Дмитрием и дочерью Елизаветой выехала в Москву, где пыталась выхлопотать разрешение на поступление Дмитрия в Московский университет. После неудачи в Москве Менделеевы весной 1850 г. приехали в Петербург и остановились в семье Скерлетовых. Александра Петровна и её дети: Николай, Софья, Юлия и Пётр – знакомые Менделеевых по Тобольску, уже несколько лет проживали в Петербурге. В августе этого же года Дмитрий Менделеев стал студентом Главного педагогического института, а после смерти матери, скончавшейся 20 сентября, и сестры Елизаветы, умершей в 1852 году, он остался в столице без самых близких ему людей. Поддержку Менделееву в это время и в дальнейшем оказывали бывшие сибиряки – Скерлетовы, Ивановы, Погожевы, Протопоповы. Дружеское чувство возникло у Дмитрия к племяннице Владимира Александровича и Марии Фёдоровны Протопоповых Феозве Никитичне Лещёвой.

Феозва – старшая падчерица Ершова, была привезена в Петербург одиннадцатилетней девочкой ещё в 1839 году, а после учёбы в московском Екатерининском институте, который окончила в 1845 году, она вернулась в дом дяди. Доброе, почти родственное отношение к этой девушке, окрашенное мягким юмором, сквозит в письме Менделеева от 19 октября 1856 года к Протопоповым из

Симферополя. В гимназии этого города Дмитрий Иванович, получивший аттестат об окончании института, должен был занять место старшего учителя естественных наук, чему помешали военные действия в Крыму:

...Прошу ещё раз – утешьте меня вашим письмом, а Феозве Никитишне без застенчивости спешу приносить обещание – отвечать на каждое письмо. В военной стране и я научился требовательности и жестокости – я знаю, как тяжело для Феозвы Никитишны писать письмо. Уверен впрочем, что мне простят эту эгоистическую жестокость. Уважающий и любящий вас Д. Менделеев [25, с. 113].

И в заграничных письмах 1859–1860 гг. он делился с Феозвой своими путевыми впечатлениями от Швейцарии и Италии и обсуждал роман Гончарова «Обломов». Феозва Никитична хорошо знала русскую и зарубежную литературу, в её бумагах девической поры (НАМ СПГУ) сохранились рукописные копии поэмы Н.А. Некрасова «Саша», М.Ю. Лермонтова «Кавказский пленник», отрывки из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», фрагменты «Евгения Онегина», тетради со стихами Пушкина, Лермонтова, Кольцова, конспекты статей о Фете, Шопене, Станкевиче, Карлейле, Гёте, Карамзине. Высылал ей свои стихи из Тобольска и «папенька» – так все дети Лещёвы называли отчима П.П. Ершова. На протяжении многих лет Ершов оказывал своей падчерице материальную и духовную поддержку, особенно помогая ей после смерти Серафимы Александровны в 1845 году. К сожалению, многие звенья этой переписки выпали, а из неё, по всей видимости, можно было узнать и о посещениях дома Протопоповых студентом Менделеевым.

20 марта 1858 года Ершов, в то время директор Тобольской гимназии и училищ Тобольской губернии, приехал в Петербург для встречи с министром просвещения. Он находился в городе своей юности до 1 мая и, как свидетельствовал биограф Ершова и университетский друг А.К. Ярославцов, много времени проводил у Протопоповых [20, с. 173]. Имени Менделеева Ярославцов в своей книге о Ершове ни разу не назовёт, что, конечно же, не должно удивлять – слава придёт к учёному значительно позднее. Но о встречах Ершова и Менделеева в Петербурге, а также о существовавшей между ними переписке говорит письмо Петра Павловича к своему молодому земляку от 13 августа 1858 года, сохранившееся в научном архиве Менделеева. Оно печаталось только в виде небольшого фрагмента в книге первых биографов учёного В.Е. Тищенко и М.Н. Младенцева и в полном объёме публикуется впервые:

Ваше письмо, уважаемый Дмитрий Иванович, доставило мне много отрадных минут. Оно напомнило мне и Петербург, и интересные личности, которые по разным разностям стали мне представляться уже в тумане прошедшего. Благодарю Вас за сообщённые мне новости; некоторые из них действительно для меня новы. Не могу не высказать грустного чувства при Вашем отзыве о М[инистре] Н[ародного] Пр[освещения], но утешаю себя, что недовольность его может быть только кажущаяся, что он пока ещё всматривается... иначе к чему все эти перемены? Улыбнитесь, если угодно, но я всё таки хочу принадлежать к оптимистам или к тем добрякам, которые не потеряли ещё веру в лучшее, которые охотнее объясняют дело с светлой его стороны или, за неимением её, расцвечивают тёмную.

А то придётся не один раз повторить грустный отзыв Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!» А что слова мои выходят из убеждения – религиозного или человеческого, в этом мало нужды – доказательством этого пусть послужит для Вас, что эти слова пишутся человеком, у которого ревматизм вопиет с нуждой ко мне, который недавно ещё вместо радостной встречи с семейством видел гроб милой дочери, и который след[овательно] имел полное право удержаться от похвального слова судьбе и жизни.

Благодарю заранее за обещанную фотографию картины Иванова. Думая об его участи, невольно припоминаю многозначительные слова: «к своим прииде и свои его не прияша...». Оптимизм мой тут должен бы потерпеть полное крушение, но позвольте ему схватиться за якорь апофеозы и удержаться в своём убеждении.

Ради Ваших атомов, из которых всё и в которых всё, не скупитесь дарить меня Вашими письмами. Если позволите, я сообщу Вам рецепт, который облегчит Вам исполнение моей просьбы. Возьмите почтовый листок и каждый день, отходя ко сну, черкните и мне, что слышно нового. Когда листок наполните, (а при нынешних обстоятельствах это может совершиться в очень короткое время) суньте его в конверт и отправляйте Ершову в Тобольск. А я буду молить Бога, чтобы он каждый день давал Вам четверть часа свободного времени.

Настоящее письмо моё, писанное с час по получении Ваших строк, должно служить для Вас удостоверением – как приятно было получить от Вас известие. Обыкновенно я отвечаю через полгода, откладывая по сибирскому обычаю от почты до почты.

Храни Вас Бог!

Душевно уважающий Вас П. Ершов [11].

Письмо несёт на себе отпечаток доверительных отношений, сложившихся между Ершовым и Менделеевым в Петербурге. По-видимому, в своём послании в Тобольск Дмитрий Иванович сообщал о каких-то личных неприятностях, связанных с назначением на пост министра народного просвеще-

ния Евграфа Петровича Ковалевского, заменившего в марте 1858 года Авраама Сергеевича Норова. В 1857–1858 гг. Д.И. Менделеев – приват-доцент Петербургского университета по кафедре химии – сотрудничал в журнале Министерства народного просвещения, редактором которого в эти годы являлся бывший университетский преподаватель Ершова Александр Васильевич Никитенко. Норов и Никитенко способствовали выходу в 1856 году четвёртого издания ершовской сказки, которая долгое время находилась под цензурным запретом. Из контекста данного послания можно предположить, что все эти лица, общие знакомые Ершова и Менделеева, упоминались в их переписке.

Грустное настроение Дмитрия Ивановича, которое пытается рассеять своим письмом Ершов, вызвано и остро переживаемым молодым Менделеевым чувством одиночества. Годом ранее он получил отказ от Сонечки Каш, дочери бывшего управляющего Тобольской казённой аптекой Марка Ефимовича Каша, переехавшего с женой и дочерью в Петербург. Утешая Менделеева, Ершов упоминает и о своей личной драме – смерти 14 июня годовалой дочери Надежды, восьмого ребёнка в пережитой им горестной череде детских утрат.

Письмо позволяет говорить и об общем для Ершова и Менделеева интересе к живописи. Находясь в Петербурге, Пётр Павлович посетил выставку в Академии художеств, а вскоре после его отъезда в Сибирь, в мае 1858 года, из Италии возвратился на родину Александр Андреевич Иванов, картина которого «Явление Христа народу» была выставлена в Зимнем дворце, а затем в Академии художеств. Не успевший увидеть полотно этого художника Ершов ожидал от Менделеева фотографию картины.

В апреле 1859 года Менделеев отправился в свою первую научную заграничную командировку для усовершенствования знаний в университете Гейдельберга. Он осматривал также лаборатории Бонна, Мюнхена, Парижа. За границей Менделеев находился до начала 1861 года. Это время значительных научных достижений молодого учёного, а также его путешествий по многим европейским городам, в которых он знакомился с памятниками архитектуры, посещал картинные галереи, начиная собирать фотографии и репродукции произведений живописи.

По возвращении домой в феврале 1861 года Менделеев получает письмо от своей старшей сестры и одновременно крёстной матери Ольги Ивановны с просьбой приехать в Москву для встречи. Ольга Ивановна после смерти первого мужа Ивана Петровича Медведева вышла замуж за декабриста Николая Васильевича Басаргина. После амнистии Басаргины переехали в подмосковное имение Новики. В мае Дмитрий Иванович увиделся с сестрой и многими декабристами, а в марте следующего 1862 года сестра приехала к нему в Петербург. Одиночество брата, безусловно, беспокоило Ольгу Ивановну, и в их личных беседах эта тема, по всей видимости, затрагивалась. В письме из Москвы от 12 апреля 1862 года Ольга Ивановна писала:

Подумай и ты о себе и только дай мне слово не жениться на неизвестной, не рассмотрев, не посоветовавшись. Не смею советовать по летам, но Ф. Н. премилая девушка; эта вернее многих по тем достоинствам, которые она имеет [26, с. 28].

Падчерица Ершова была старше Менделеева на шесть лет, но советы и письма сестры определили будущее Дмитрия Ивановича. В его дневнике за апрель 1862 года есть запись:

Писать больше и не могу и некогда, и мысли так врозь идут, и тяжко, и свободно – всё так мешается – не разберёшь, право. Надумал, наконец, долго раздумье брало, 10-го поговорил с Физой, а 14-го был женихом. Страшно и за себя, и за неё. Что это за человек я, право? Курьёзный, да и только. Нерешительность, сомнения, любовь, страх и жажда свободы и деятельности уживаются во мне каким-то курьёзным образом. Где всему этому решение – не знаю [7, с. 79].

29 апреля состоялось венчание Менделеева с Феозвой Никитичной в церкви Николаевского инженерного училища в Петербурге. Исследователь творчества Ершова В.Г. Утков упоминал в своей книге «Сказочник П.П. Ершов», написанной в середине прошлого века, о сохранившемся ершовском письме – ответе на приглашение Д.И. Менделеева приехать в Петербург на свадьбу [28, с. 160]. К сожалению, в последующих работах известного ершовского биографа ссылок на этот документ более не наблюдается, и местонахождение письма остаётся на сегодняшний день неизвестным.

После женитьбы Менделеева Ершов обращался к нему как к близкому родственнику, от которого всегда можно ожидать необходимой помощи. В НАМ СПГУ хранятся два письма Ершова, впервые опубликованные В.Г. Утковым в журнале «Сибирские огни» в 1964 году [24, с. 178–180].

Письмо от 2 января 1863 года, адресованное Феозве Никитичне Менделеевой, говорило о сложном материальном положении Ершова, оставившего службу ещё в марте 1862 года. Обременённый большой семьёй, Ершов с нетерпением ожидал назначения пенсии и просил Дмитрия Ивановича посодействовать в скорейшем её назначении. В приложенной к письму записке излагалась также и сущность второй просьбы, связанной с задержкой выплаты гонорара за пятое издание «Конька-Горбунка» (1861 г.) книгопродавцем П.И. Крашенинниковым. А в письме от 4 мая 1863 г., поздравляя молодых родителей с первенцем – дочерью Машей, родившейся в марте месяце, Ершов благодарил Дмитрия Ивановича за участие в благополучно завер-

шившихся хлопотах о его пенсии (1080 р. серебром в год). Надеялся он и на то, что Дмитрий Иванович сможет довести до конца переговоры с Крашенинниковым, продолжавшим удерживать гонорар за сказку.

Последнее из сохранившихся писем, связанных с Менделеевыми (это и самое последнее из известных на сегодняшний день писем поэта), письмо Ершова к Феозве Никитичне от 9 августа 1866 г., которое находится в личном архиве В.Г. Уткова. Напечатанное с некоторыми отступлениями от оригинала в иркутском издании избранных сочинений Ершова в 1984 году, оно сопровождалось тремя замечаниями-комментариями исследователя. Изучение автографа этого письма продиктовало желание дополнить комментарии В.Г. Уткова новыми штрихами, касающимися родственного окружения Ершова и Менделеева во второй половине 1860-х гг. Для начала приведём это письмо, воссоздающее очень живо и ярко нравственный облик Ершова, его эмоции, фантазии и мягкий юмор, в полном виде:

Милая Феозва Никитишна. Не знаю, кого винить – себя или судьбу, что все мои письма начинаются одной прелюдией – извинениями. Но кто бы ни был настоящим виновником неаккуратности, я всё-таки, за неимением лучшего, утешаюсь тем, что у меня есть всегда готовое начало письма – самая трудная статья и по риторике. А если прибавить к этому уверенность, что милая дочка не осердится на старого ленивца, то дело и не потребует переноса в мировой сход, и решится окончательно милой мировой судейшей.

Читая описание твоего летнего Эльдорадо, я чмокал губами, как Пётр Петрович Петух при заказе пирога, и если б ум человеческий достиг до того, чтоб можно было ездить по телеграфу: то поверь, я давно бы гулял в твоём армидином саду и рвал бы гесперидские яблоки. Но так как уму, как и всякому человеческому деятелю, положены границы, то и я ограничился только желанием когда-нибудь побывать в Вашем Эдеме, хотя бы в должности виноградаря. А как бы приятно было в какой-нибудь летний день, вскоре по восходе солнца, встретить в саду милую хозяйку и поднести ей корзину только что сорванных плодов. Милая улыбка была бы наградою для седого садовника, а ласковый привет помолодил бы его на несколько годов. Ты, верно, улыбаешься при чтении этих строк, но во всяком случае улыбнуться лучше, чем нахмуриться, и я не виноват, что ты так очаровательно описала свою летнюю дачу.

От идиллий перейдём к прозе. Живу я по-прежнему, т.е. после понедельника встречаю вторник, там среду и т.д. Перспектива будущего освещается только надеждою. Весь медицинский совет, т.е. все наличные тобольские доктора сказали, что болезнь моя неизлечима, и хотя в утешение прибавили, что я могу прожить ещё довольно лет при известной обстановке, однако утешения их не много меня порадовали. Одна надежда моя на Того, Кто дал мне жизнь и Кто до сих пор хранит её. Без этой надежды давно бы дети мои были сиротами, а жена вдовою. Не удивляйся такому переходу в письме моём: я человек минуты. Чуть мне полегче, я готов ребячиться, как пятилетний шалун, а при перемене – смотрю как факир на кончик своего носа.

Это письмо я отправляю чрез Николая Никитича, не зная настоящего твоего пребывания. Обними уважаемого Дмитрия Ивановича и расцелуй своего малютку. Весь твой

П. Ершов [1].

«Летним Эльдорадо» и «Эдемом» Ершов называл имение Менделеевых Боблово под г. Клином Московской губернии, приобретённое Дмитрием Ивановичем в июне 1865 г. 6 мая 1866 г. Менделеев привёз сюда свою семью – Феозву Никитичну и родившегося 2 января 1865 года сына Владимира, дочери Маши в это время уже не было в живых, она умерла в шестимесячном возрасте в 1863 году. Боблово для Менделеевых – это не только место отдыха, но и опытная площадка, на которой Дмитрий Иванович начинал работы в новой для него научной области – агрохимии и сельском хозяйстве, посильную помощь в этом деле ему оказывала Феозва Никитична со своей сестрой – второй падчерицей Ершова – Александрой Никитичной.

Александра Никитична, в замужестве Бартенева, постоянно бывала в семье Менделеевых. В своих биографических заметках Менделеев оставил запись: «1878 г. Приехав из Баку в Боблово, заболел плевритом, лечился нефтью, ухаживала Александра Никитична» [2, с. 19]. И братья Феозвы Никитичны – Александр и Николай – входили в число близких Менделееву людей: в 1871 г. он отметил факт назначения Александра Никитича губернатором Келецкой губернии, входившей в состав Варшавского генерал-губернаторства [26, с. 330].

Самый младший Лещёв – Николай Никитич, через которого Ершов держал связь с Менделеевыми, в первой половине 1860-х гг. был чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири А.И. Дюгамеле [19, с. 1], а в конце 1860-х поступил на службу в департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ, то есть местом его пребывания стал Петербург [8, с. 287]. Проживая в столице, Н.Н. Лещёв принимал участие в изданиях «Конька-Горбунка», помогая тем самым выходить из затруднительного материального положения Ершову и его семье.

Документы из НАМ СПГУ содержат новые сведения, связанные с издательской историей ершовской сказки. Как уже было сказано, 4-е и 5-е издания «Конька-Горбунка» были осуществлены

в 1856 и 1861 гг. книгоиздателем Петром Ивановичем Крашенинниковым. 9 июля 1863 г. Крашенинников умер, а его издательское дело перешло к его родственнику А. Крашенинникову.

Предполагая осуществить 6-е издание своей сказки у А. Крашенинникова, П. Ершов отправил Дмитрию Ивановичу доверительное письмо, которое было передано издателю. В сохранившейся записке А. Крашенинникова Д.И. Менделееву сообщается: «Доверительное письмо от Петра Павловича Ершова от 23 января 1865 г. к г. Менделееву, а также и условие на 6-е издание мною получено 11 марта 1865 года. А. Крашенинников» [12].

Интересна история 7-го издания «Конька-Горбунка» – последнего издания, вышедшего при жизни автора, в котором принимали участие Д.И. Менделеев и Н.Н. Лещёв, перебравшийся из Сибири в Санкт-Петербург на постоянное жительство. Первоначально Дмитрий Иванович собирался заключить договор на выпуск сказки с издательством «Общественная польза», по предложению которого он ещё в 1861 году написал учебник «Органическая химия», являющийся первым русским пособием по данной дисциплине [7, с. 99]. В 1867 г. Менделеев вёл переговоры с издателями «Общественной пользы». От этой переписки в архиве Менделеева осталось три документа.

В письме, датированном 15 декабря 1867 г. и отправленном Менделееву на бланке конторы товарищества «Общественная польза» от имени Фёдора Францевича, сообщается:

Милостивый государь Дмитрий Иванович! Посылаю к Вам условие по сказке г. Ершова, покорно прошу подписать его в таких словах: По письменному уполномочию Петра Павловича Ершова – к сему условию профессор Дмитрий Иванович Менделеев руку приложил. Как получу подписанное Вами условие, то завтра, вместе с копиею сего условия вышлю к г. Ершову триста рублей [13].

Два других документа – записки сотрудников издательства, Н. Дементьева и Кошелева, свидетельствуют о каких-то затруднениях, возникших по данному вопросу:

Прошу не делать пока рисунков для Конька-Горбунка, кажется, ничего не будет, если же есть готовое что, то пришлите вместе с книгою. Ваш Н. Дементьев. 17 декабря 1867.

Начата виньетка для обёртки и два рисунка для заглавных листов с каждой части, но они ещё черновые, а потому я не могу их прислать. Кошелев [14].

Неудача с «Общественной пользой» побудила Д.И. Менделеева вновь обратиться к А. Крашенинникову, и ближайшим помощником в этом деле стал Н.Н. Лещёв. 22 декабря 1867 г. Николай Никитич написал письмо Крашенинникову:

Милостивый Государь. Я заключил с Профессором здешнего Университета Дмитрием Ивановичем Менделеевым предварительное условие об уступке ему права на новое издание «Конька Горбунка» на следующих главнейших основаниях: 1. Г. Менделеев непосредственно или посредством кого-либо из знакомых ему издателей печатает 5 т. (пять тысяч) экземпляров сказки, заплатив мне в пользу автора, Г. Ершова, предварительно и при том сполна одну тысячу триста (1300) руб.сер. 2. Срок для распродажи сего издания назначается трёхлетний (3 года) со времени напечатания сказки. 3. Назначение продажной цены отдельного экземпляра «Конька» меня не касается и совершенно зависит от усмотрения Г. Менделеева.

Извещая Вас об этом, как бывшего издателя «Конька Горбунка», я прошу Вас, Милостивый Государь, известить меня: угодно ли Вам будет оставить и на этот раз право издания сей сказки за собою на вышеприведённых основаниях? В случае Вашего на то согласия, прошу как можно поспешить своим уведомлением, так как я и без того уже потерял не мало времени на переговоры с Вами по сему предмету. Я буду ожидать Вашего ответа до 6 часов пополудни 23 декабря, то есть до вечера субботы, который если бы Вам не удалось меня застать почему-либо дома, прошу дать письменно, во избежание всяких дальнейших недоразумений и проволочек. Молчание же Ваше мною будет принято за окончательный отказ.

Готовый к Вашим услугам

Н. Лещёв [15].

Возможно, это письмо не было отправлено, так как на следующий день Лещёв написал второе, в котором продлил срок получения окончательного ответа:

Милостивый Государь. Ввиду сделанных от Вашего имени и Вами самими заявлений известная Вам сделка моя с Товариществом Общественной Пользы о новом издании Конька-Горбунка не состоялась. Это обстоятельство поставило было меня в затруднительное положение по отношению к П.П. Ершову, которого я успел уже уверить в скором получении им денег за напечатание названной сказки. Но благодаря тому, что в настоящее время, в чём мне удалось убедиться, в продаже нет или почти нет экземпляров прежнего издания Конька, а между тем требования покупателей на эту сказку далеко не прекращаются, – затруднение моё миновалось и дело, сверх ожидания, приняло вновь благоприятный оборот. Право на издание Конька вздумал приобрести Д.И. Менделеев, и я решаюсь уступить ему таковое, если не встречу в Вас соревнователя.

Вот главнейшие основания нашего предварительного условия:

1. Я уступаю Д.И. Менделееву право на издание Конька в 5 т. экз.

2. Автор сказки получает от него за это 1300 р.

3. Оплата производится немедленно вперёд и притом сполна.

4. Для распродажи Конька назначается трёхлетний срок со времени издания.

Извещая об этом Вас, как прежнего и постоянного издателя Конька, я прошу Вас в свою очередь уведомить меня: желаете ли Вы и за этим воспользоваться правами издателя и какие в таком случае окончательно предложите условия. Ответ я буду ждать в продолжение 3 или даже 4 дней, словом до 5 часов вечера 27 декабря, то есть последнего дня праздника. Если бы Вам почему-либо не пришлось застать меня дома, то я прошу Вас во избежание неопределённости и дальнейших каких-либо недоразумений, прислать мне ответ письменно. Молчание же Ваше будет мною принято за отказ на настоящее моё предложение.

Готовый к услугам

23 декабря 1867 г. [16].

Вероятно, эти условия были приняты, так как в 1867 г. «Конёк-Горбунок» был напечатан 7-м изданием в типографии 2-го отделения Собственной Его Императорского Высочества канцелярии.

Все вышеприведённые документы отчётливо свидетельствуют о том, что Д.И. Менделеев **имел самое непосредственное отношение к 6-му и 7-му изданиям ершовской сказки.**

И после смерти Ершова в 1869 году Менделеев продолжал заботиться о семье поэта. Скорее всего, не без его содействия поступил на философско-математический факультет университета (отделение естественных наук) старший сын Ершова Владимир. Это произошло в 1875 г., а в 1876 г. Менделеев пытался добиться для него стипендии, но учёному вежливо отказали в этом, заметив:

Как сын известного литератора, молодой Ершов мог бы, кажется, обратиться с ходатайством к Литературному фонду, выдающему студентам стипендии [17].

В 1881 году в университет поступил и второй сын Ершова – Николай, завершению образования которого воспрепятствовала ранняя смерть. К этому же времени относится развод Менделеева с Феозвой Никитичной и его женитьба на Анне Ивановне Поповой. И всё же новый брак не помешает Дмитрию Ивановичу сохранить хорошие чувства к бывшей супруге. В своих биографических записях, составленных на закате жизни, он отметил: «1905 г. 6 декабря в Пензе у Лели (дочь Дмитрия Ивановича и Феозвы Никитичны Ольга. – *Т.С.*) скончалась Феозва Никитична [2, с. 28].

Дети Менделеева от второго брака слышали от отца имя Ершова. Иван Дмитриевич Менделеев в 1934 г. написал в своих воспоминаниях:

Сын учителя, потом ставшего директором Тобольской гимназии, отец вращался также с малых лет в кругу педагогов, среди которых, по его словам, были незаурядные личности. Таков был особенно Ершов, автор известной сказки «Конёк-Горбунок», человек остроумный и талантливый, о котором отец сохранил самые тёплые воспоминания. Ершов был в то время учителем словесности и инспектором Тобольской гимназии [26, с. 351].

Тот же Иван Дмитриевич сообщил биографу, ученику и сотруднику Менделеева по работе в Главной палате мер и весов Михаилу Николаевичу Младенцеву о том, что

Дмитрий Иванович имел в своей библиотеке разные издания «Конька-Горбунка», любил, когда дети читали ему эту книжку и рассказывал сам, в свою очередь, об этом славном человеке [25, с. 38].

Сегодня в библиотеке Д.И. Менделеева при НАМ СПГУ сохранилось только одно издание: П. Ершов. Конёк-Горбунок. Русская сказка. С 47 рисунками Е. Самокиш-Судковской. Издание 19-е. С.-Петербург. 1902.

Были ли известны Менделееву другие произведения Ершова? В архиве учёного есть автограф с записанным по памяти и по этой причине неточно воспроизведённым текстом эпиграммы Ершова:

*Не верил я в теорию Дарв**и**на,*
Покуда не узнал тебя,
Перерождённая скотина [18].

В оригинале:

До сих бы пор я отвергал
*Ученье новое Дарв**и**на,*
Когда б тебя не увидал,
Перерождённая скотина [6, с. 262].

В свои письма к друзьям и знакомым Ершов нередко включал собственные стихотворения. Данная эпиграмма, сочинённая уже в последние годы жизни поэта, могла быть отправлена Дмитрию Ивановичу в одном из таких посланий. Остаётся только сожалеть, что от этой переписки сохранилось совсем немного – письма Менделеева к Ершову пропали вместе с архивом поэта, но и это немногое ещё не вошло в научный актив и нуждается в популяризации – как свидетельство многолетних и прочных отношений автора известной сказки и гениального учёного, близких по душевному складу личностей, появившихся на сибирской земле.

Библиографический список

1. Архив В.Г. Уткова (г. Москва).

2. Архив Д.И. Менделеева. Автобиографические материалы. Сборник документов. Т. 1. – Л., 1951. – 207 с.

3. Госархив в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 15. Д. 417. Л.187 об.

4. Десять писем из прошлого / публ. и комм. Н.Г. Карпило // Менделеевский сборник. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – 196 с.

5. Д.И. Менделеев и Тобольск / отв. редактор Ю.П. Прибыльский; сост. А.А. Валитов, Н.И. Загороднюк; Тобольская биологическая станция РАН. – М.: Наука, 2009. – 160 с.

6. *Ершов П.П.* Конёк-Горбунок. Стихотворения / сост., подготовка текста и примеч. Д.М. Климовой. – Л.: Сов. писатель, 1976. – 334 с.

7. Летопись жизни и деятельности Д.И. Менделеева. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1984. – 540 с.

8. Литературное наследство Сибири. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1969. – Т. 1. – 314 с.

9. НАМ СПГУ. 1 – Б – 56 – 1 – 41.

10. НАМ СПГУ. 1 – Б – 54 – 16.

11. НАМ СПГУ. 1 – В – 30 – 49.

12. НАМ СПГУ. 1 – В – 23 – 77.

13. НАМ СПГУ. 1 – В – 67 – 8.

14. НАМ СПГУ. 1 – В – 16 – 48.

15. НАМ СПГУ. 1 – Б – 27 – 15.

16. НАМ СПГУ. 1 – Б – 16 – 3 – 8.

17. НАМ СПГУ. 1 – В – 19 – 4 – 106.

18. НАМ СПГУ. 1 – А – 7 – 1 – 2.

19. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год – Тобольск: Типография Тобольского губернского правления, 1864. – 202 с.

20. Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конёк-Горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его А.К. Ярославцова. – СПб., 1872. – 200 с.

21. *Писаржевский О.* Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907). – М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1949. – 482 с.

22. *Савченкова Т.П.* П.П. Ершов и тобольская семья Жилиных // XIX Ершовские чтения. Межвузовский сб. научных и научно-методических статей. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2009. – 208 с.

23. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестёр, дяди Д.И. Менделеева. Воспоминания о Д.И. Менделееве его племянницы Н.Я. Губкиной (урождённой Капустиной). – СПб., 1908. – 134 с.

24. Сибирские огни. – 1964. – № 7. – 202 с.

25. *Тищенко В.Е., Младенцев М.Н.* Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность. Т. 1. Ч. 1, 2. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. – 268 с.

26. *Тищенко В.Е., Младенцев М.Н.* Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность. Университетский период 1861–1890 гг. – М.: Наука, 1993. – 426 с.

27. *Утков В.Г.* Гражданин Тобольска. О жизни и творчестве П.П. Ершова, автора сказки «Конёк-Горбунок». – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1979. – 144 с.

28. *Утков В.Г.* Сказочник П.П. Ершов. – Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1950. – 168 с.

УДК 778.53

Стогниенко Александр Юрьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
le_shevalier@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СЛОЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ФИЛЬМА А.А. ТАРКОВСКОГО «СОЛЯРИС»

В данной статье рассматривается значение художественного пространства произведения искусства и конкретно его концептуального слоя в фильме А.А. Тарковского «Солярис». Автор приходит к выводу, что режиссер создает два пространственных образа, являющихся центром мира для главного героя – образа земного дома и образа библиотеки на космической станции, которые являются репрезентацией эмоциональных переживаний героя. Данные образы позволяют раскрыть внутренние глубинные процессы изменения мироощущения героя в динамике кинофильма.

Ключевые слова: *перцептуальное пространство, концептуальное пространство, Солярис, пространственный образ, образ дома.*

Художественное пространство можно определить в качестве интегральной характеристики «произведения искусства, совокупности тех его свойств, которые придают ему внутреннее единство и завершенность и в конечном счете наделяют его характером эстетического явления» [2, с. 5].

Художественное пространство делится на три независимых слоя, напрямую не связанных между собой: реальное, концептуальное и перцептуальное. Произведение искусства есть не что иное, как воплощение особой, состоящей из трех пространственных слоев реальности, в которой это произведение существует, подчиняясь собственным внутренним законам. Эти три слоя находятся в вертикальном подчинении друг другу, то есть «если реальное время и пространство определяют сосуществование и смену состояний реально существующих объектов и процессов, то концептуальное пространство и время представляют собой некоторую абстрактную хроногеометрическую модель, служащую для упорядочения идеализированных событий. Это фактически отражение реального пространства и времени на уровне понятий (концептов), имеющих одинаковый смысл для всех людей. Что же касается перцептуального пространства и времени..., то оно есть условие сосуществования и смены человеческих ощущений и других психических актов субъекта» [1, с. 11].

К первому слою относится реальное пространство, выраженное физически реальным материаль-

© Стогниенко А.Ю., 2012

ным объектом, представляющим собой воплощение в физическом мире телесной оболочки, в которую заключено произведение искусства. Каждый вид искусства выражается собственным физическим телом. Кинематограф, например, выражается в реальном пространстве кинопленкой, содержащей в себе последовательность изображений и средства для ее трансляции.

В то же время реальное пространство выступает как основа для концептуального пространства. При создании фильма режиссер берет за основу физически объективное пространство, трансформирует его в произведении искусства в концептуальное пространство, которое становится «фоном» для происходящих в художественном произведении событий. Концептуальное пространство приобретает свойство связующего звена между пространством реальным и пространством перцептуальным. Исходя из того, что перцептуальное пространство есть человеческие эмоции и ощущения, то в концептуальном пространстве художник стремится воплотить свою идею и свои художественные образы в форме, понятной значительной части его аудитории.

Наиболее значимым слоем в художественном пространстве является перцептуальное пространство. «Художественное произведение отличается, например, от исторической хроники тем, что его сущность составляет не фабула, не факты и события, моделирующие реальную или воображаемую ситуацию, а тот особый художественный образ, который лежит в подтексте и локализован исключительно в перцептуальном времени и пространстве. Перцептуальное пространство, которое в данном случае имеется в виду, это, прежде всего, пространство представления и воображения и – уже во вторую очередь – визуальное пространство»[1, с. 17].

Важно отметить, что перцептуальное пространство не является дополнением или продолжением концептуального пространства. Более того, восприятие одного в значительной степени исключает восприятие другого; каждое из этих пространств имеет свою собственную систему познания: если концептуальное пространство воспринимается разумом при помощи логических средств, то перцептуальное – воспринимается интуитивно и чувственно. Поэтому необходимо говорить не о взаимосвязи концептуального и перцептуального пространств, а о концептуальном пространстве как об основе, на которой базируется перцептуальное пространство. Так, реально существующие объекты, включенные художником в систему концептуального пространства, обладающие вполне определенными характеристиками и свойствами в реальном мире, в перцептуальном пространстве могут приобретать совершенно иные свойства. Так, космический объект может приобрести признаки разумного существа и оказывать значительное воздействие на находящихся вблизи его людей или физическое пространство, а ограниченное человеком, определенными рамками пространство, вследствие какого-то внешнего воздействия, приобретает сверхчеловеческие способности.

В рамках своего творчества художник старается переработать реальное пространство, преобразовать его, усилив отдельные его стороны с целью акцентировать внимания зрителя на отдельных аспектах того или иного явления, поэтому непосредственное копирование физического пространства является, по сути, неким антихудожественным приемом. Следовательно, уникальность каждого отдельного произведения искусства и заключается в особых модификациях физического пространства, усиленных на уровне концептуального и перцептуального пространств.

Исходя из того, что в одной статье невозможно проанализировать оба вышеуказанных пространства, мы остановимся на анализе исключительно пространства концептуального, содержащего трансформированные объекты реального мира, в котором и происходит действие фильма.

А.А. Тарковский в фильме «Солярис» создает в рамках концептуального пространства два локуса (под локусом в настоящей статье мы понимаем определенное концептуальное пространство, логически и физически отделенное от остального мира, оказывающее существенное воздействие на создание перцептуального пространства). Первым локусом является земной дом отца Криса, вторым – космическая станция на Соляристе с центром в библиотеке. Два этих локуса соединены с помощью путешествия Бертона по городу будущего. С. Сильвестрони в книге «Фильмы Андрея Тарковского и русская духовная культура» пишет об этом эпизоде: «Длинная сцена возвращения Бертона – около семи минут – погружает зрителя в мир будущего. Машины мчатся в темноте бесконечного туннеля, текут в быстрых потоках в трех разных направлениях в город, где не видно ни одного живого существа и все кажется искусственным. <...> Состоянию недомогания, вызванному этим городом, лишенным человеческого присутствия, противопоставляется образ маленького мира около дома отца Криса» [4, с. 87].

Подобное решение проблемы концептуального пространства будет применено Тарковским и в его следующем фильме – «Сталкер». В этом фильме локус мира людей и локус мира Сталкера – Зоны будут соединены длинным путешествием главных героев по железной дороге. Таким образом, два отдельных локуса в концептуальном пространстве как «Соляриса», так и «Сталкера» разделены не только отношением к ним главных героев, но и физически, где путь между ними материализуется в долгое путешествие на экране. И совершенно не

важно, совершено ли это путешествие на самом деле, как это произошло в «Сталкере», где герои действительно по железной дороге перемещаются из одного локуса в другой, или путешествие совершено иллюзорно, где Бертон из интимного и даже камерного мира дома отца Криса перемещается в город будущего, тем самым создавая грань между двумя этими локусами. Граница двух миров обозначается еще и их различными физическими свойствами: герои из обыденного мира попадают в мир фантастический, позволяющий, по словам Тарковского, «приблизиться к трансцендентному» [6, с. 131].

В основе концептуального пространства фильма лежит образ дома. В.П. Филимонов в книге «Андрей Тарковский: Сны и явь о доме» указывает, что «в “Солярисе” впервые у Тарковского отчетливо воплощается архетипический сюжет его творчества: странствие из дома к дому. Начало пути – обиталище отца» [8, с. 208]. Конечно же, «дом» в поэтике Тарковского не есть стены или жилище, это некий концепт, который семантически ближе к понятию «мир»; мир, в котором человек чувствует себя защищенным, с которым его тесно связывает его жизненный опыт. Например, в одноименном фильме Сталкер утверждает, что ему «везде тюрьма», кроме пространства Зоны, в «Ностальгии» Горчаков тоскует не по стенам, но по тому миру, с которым он культурно и духовно связан. В последнем фильме режиссера «Жертвоприношение» концепт «дома» сливается с жилищем главного героя, и при этом все-таки смысловое разделение остается неизменным; стремясь наиболее упростить концептуально пространство фильма, Тарковский ограничивает «дом» героя рамками его жилища, но герой приносит в жертву отнюдь не стены, но тот мир, который и составляет смысл его существования.

Особенность локусов именно в «Солярисе» заключается в нескольких аспектах. Так, два локуса содержательно, но не визуально похожи и даже зеркально отражают друг друга. Филимонов отмечает крайне важный эпизод, который имел место при создании сценария фильма: «Ромадин предложил идти радикальным путем: перенести атмосферу Земли в Космос. Построить декорацию Станции на манер привычной московской квартиры. Вместо иллюминаторов окна с форточками, за форточками – сосульки. Но эту идею не приняли режиссер и оператор из-за опасения, что возникнет комический эффект» [8, с. 201]. В фильме станция приобрела вполне «космический» вид, но здесь важно не визуальное сходство. М.И. Туровская в книге «Семь с половиной» так описывает земной мир Криса: «Подводные длинные травы. Осенние листья на медленной глади воды, бегучий след оранжевой раковины, стремительно ушедшей на дно. Ноги человека среди огромных сырых лопухов. Далекий голос кукушки. Расседланный конь, с цокотом промчавшийся мимо. Дождь, шумно обрушившийся на открытую террасу дачи» [7, с. 81]. Едва ли возможно утверждать, что земной мир хоть чем-то визуально похож на мир космической станции, разве что герои, прикрепляя листы бумаги к вентиляции, пытаются хотя бы как-то воссоздать свой потерянный мир. И в то же время если центром земного мира Криса является дом его отца, то центром мира на Солярисе является библиотека – единственное человечное место в космосе. Следовательно, два локуса имеют одинаковую «человечную» сердцевину, а содержание локуса дома на земле становится нравственным основанием для самопознания главных героев в космосе.

Что же касается смысловых значений, определенных каждым из двух локусов, то «можно сказать, что в земных сценах ничего не происходит. В них происходит жизнь» [7, с. 81], в то время как на станции библиотека, «где бы она ни находилась, оказывается в самом центре вселенной, является точкой скрещения мнений и судеб, культур, перекрестком между жизнью и смертью, бытием “здесь” и “там”. Именно здесь, в библиотеке, произносятся “главные” слова и принимаются решения, делающие бесповоротным выбор каждого из героев. Казалось бы, вполне обыкновенные реплики и поступки героев, оброненные и совершенные в библиотеке, в течение одного эпизода, являются результатом огромной мыслительной и душевной работы каждого, квинтэссенцией всего их жизненного опыта и самовыявлением того, что составляет существо каждого из них» [3, с. 271]. Герои постигают через космос, через локус космической станции одну из основных идей всего фильма, которую выразил Снаут: «Мы вовсе не хотим завоевывать никакой космос, – мы хотим расширить Землю до его границ. Мы не знаем, что делать с иными мирами, нам не нужно других миров. Нам нужно зеркало».

Эффект зеркальности и завершенности цикла создается в тот момент, когда Солярис под воздействием тяжелого излучения изменяет предмет создаваемой им иллюзии: внутренние переживания героев, материализованные в их «гостях», сменяются, по крайней мере для Криса, образом утраченного дома, места, куда, по всей видимости, герой уже никогда не вернется. В замкнувшемся круге, когда земной мир объединился с миром космическим, концептуальное пространство сливается в единый образ, являющийся ответом на духовный кризис не только Криса и других обитателей станции, но и всего человечества. Тарковский в «Запечатленном времени» пишет: «Духовный кризис – это попытка найти себя... состояние духовного кризиса – удел всех тех, кто ставит перед собой духовные проблемы. Душа жаждет гармонии, а жизнь дисгармонична. В этом несоответствии стимул движения, истоки нашей боли и нашей надежды одновременно» [5, с. 314–315].

Попытка Тарковского обратить внимание на проблемы, поставленные им в фильме, решается посредством создания двух слоев художественного пространства. Безусловно, перцептуальный слой несет наиболее сильную смысловую нагрузку, и в то же время понимание соотношения двух локусов, сливающихся в конце воедино в рамках концептуального слоя, позволяет определить композиционное строение фильма, акцентировать внимание на наиболее значимых его эпизодах, понять систему распределения смыслов в различных эпизодах фильма. Режиссер, проводя сравнительный анализ двух миров, позволяет, возможно, в некотором гипертрофированном виде, сопоставить бытие первого посредством преломления вторым. Этот прием, как мы уже писали, не является уникальным в поэтике Тарковского, можно даже сказать, что это всего лишь его первая попытка, но определение данной модели позволяет приблизиться к пониманию всей архитектоники концептуального пространства в творчестве Тарковского.

Библиографический список

1. *Зобов Р.А., Мостепаненко А.М.* О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л., 1974. – С. 11–34.

2. *Никитина И. Н.* Пространство мира и пространство искусства. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 210 с.

3. *Перепелкин М.А.* Слово в мире Андрея Тарковского. Поэтика иносказания: монография. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. – 480 с.

4. *Сильвестроне С.* Фильмы Андрея Тарковского и русская духовная культура: пер. с итал. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009.

5. *Тарковский А.А.* Запечатленное время. – М.: ЭКСМО, 2002.

6. *Тарковский А.А.* Мартиролог. – М.: Международный Институт имени Андрея Тарковского, 2008.

7. *Туровская М.И.* Семь с половиной, или Фильмы Андрея Тарковского. – М.: Искусство, 1991. – 256 с.

8. *Филимонов В.П.* Андрей Тарковский: Сны и явь о доме. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 453 [11] с.: ил.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 801.3

Гасанова Эльнара Эльмановна
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)
eldream-3@inbox.ru

ВОСПРИЯТИЕ КОНЦЕПТА «ПУТЕШЕСТВИЕ» НОСИТЕЛЯМИ АНГЛИЙСКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье репрезентируется концепт «путешествие» через точки его пересечения с концептом «путь, дорога» в английской и азербайджанской фразеологии. В ходе исследования были проанализированы сходства и различия ФЕ в представленных культурах.

Ключевые слова: *культура, концепт, путешествие, путь, дорога, фразеологическая единица.*

В последние десятилетия понятие концепта прочно вошло в научный обиход. По мнению Ю. Степанова, количество базовых концептов невелико: «четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами» [3].

В настоящее время культурный концепт является одной из основных единиц науки культурологии. Культурный концепт – «это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в его ментальный мир. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [3]. Наиболее устойчивые и постоянные концепты, имеющие особую аксиологическую значимость для национальной культуры, называют ключевыми концептами или константами культуры. Речь идет о «ядерных единицах картины мира, обладающих экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для сообщества в целом» [5]. Изучение ключевых концептов в соответствующих картинах мира позволяет прояснить целый ряд проблем, связанных с менталитетом и культурой разных народов [1].

Фразеологическая система в этом плане обладает наибольшим лингвокультурологическим потенциалом, поскольку в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет [4].

Фразеологические единицы ярко отражают быт, жизнь, традиции и обычаи, национальный менталитет народа.

Суммируя вышесказанное, приходим к выводу, что для того, чтобы удачно осуществить межкультурную коммуникацию, недостаточно просто хорошо владеть иностранным языком, необходимо вместе с языком впитать в себя дух, понять менталитет народа изучаемого языка. А что может помочь нам в этом лучше, как не изучение культурных концептов, реализованных во фразеологических единицах данного языка.

Объектом нашего исследования мы выбрали концепт «путешествие», его реализацию в английской и азербайджанской фразеологии.

Путешествие относится к базовым элементам культуры, имеющим всеобщий характер и являющимся, таким образом, одним из компонентов картины мира как английского, так и азербайджанского народов. Многочисленность и разноплановость фразеологических единиц, выражающих концепт «путешествие» (в ходе наших исследований нами было выявлено около тысячи фразеологических единиц в обоих языках), свидетельствуют о его актуальности для носителей английского и азербайджанского языков, поэтому описание концепта «путешествие» также является значительным вкладом в описание данных лингвокультур в целом.

Согласно Т.Ю. Ма, концепт «путешествие» – один из сложных, культурно значимых концептов, в содержание которых входят имена абстрактных понятий, не имеющих «опоры» во внеязыковой деятельности в виде предметных реалий. Подобные концепты можно изучать путем выделения их системообразующих элементов (в качестве которых рассматриваются движение, время, пространство, цель и средство/способ передвижения, направление). «Путешествие» является одним из значимых концептов культуры, так как оно непосредственно связано с такими фундаментальными, составляющими основы картины мира понятиями, как движение, время и расстояние, что способствует его метафоризации [2].

Репрезентация концепта «путешествие» в языке изучается посредством выявления точек пересечения поля изучаемого концепта с полями других культурно значимых концептов (жизнь, смерть, сон, мысль, успех, страдание, путь, дорога), определения его ассоциативных связей.

Концепт обладает сложной структурой. В более широком смысле структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого лежит основное понятие – ядро концепта, а на периферии находится все то, что привнесено культурой, тра-

© Гасанова Э.Э., 2012

дициями, народным и личным опытом. Ядро – это словарное значение той или иной лексемы. Именно материалы толковых словарей предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. Периферия же – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации.

Следует отметить, что для обозначения понятия «путешествие» в английском языке мы можем найти 21 слово: journey (преимущественно сухопутное), tour, voyage (морское или воздушное), travel, trip, travelling, wayfaring, trek, wandering, sail sing (по воде), a change of scenery, seafaring, peregrination (книжное странствовать), perdition (книжное шутливое), locomotion, cruise (морское путешествие), progress (редкое выражение), hop (полет на самолете), the road (сленг), schlep (сленг), shlep (сленг).

Тем временем в азербайджанском языке для обозначения данного понятия можно найти всего 8 слов: səfər, səyahət, səyahətçilik, səyyahliq, tənəzzöh, yol, xarici, dəniz səyahəti (морское или воздушное).

Такое разнообразие лексических единиц для описания понятия «путешествие» в английском языке объясняется, вероятнее всего, тем, что Англия развивалась более ускоренными темпами, нежели Азербайджан. Новые открытия, новые средства и способы передвижения предполагают возникновение новых лексических единиц для их описания. Это многообразие лексических единиц, выражающих концепт «путешествие», говорит о его актуальности для носителей азербайджанского, а особенно – английского языка.

Интересным является и тот факт, что в обоих языках для выражения понятия «путешествие» используется слово «путь, дорога»: в английском языке это слова way, road, а в азербайджанском языке слово – yol. Здесь хотелось бы остановиться подробнее, так как концепт «пути, дороги» – это универсалия мировой культуры. Мы уже говорили выше о том, что концепт «путешествие» следует изучать через точки его пересечения с полями других культурно значимых концептов. Концепт «путь, дорога» тесно связан с концептом «путешествие». Ведь не зря слово «путешествие» имеет в своей основе слово «путь».

Концепт «пути, дороги» присутствует практически на всех уровнях культуры: в обрядах и ритуалах, в фольклоре, в музыке, в художественных произведениях и т.д. Вся совокупность понятий и образов, символов, связанных с идеей пути, неизменно присутствует в коллективном национальном сознании английского и азербайджанского народов. Об этом свидетельствует, в частности, усиленное использование образа «путь, дорога» в песенном жанре. Путь, дорога и связанная с ними символика оказываются особенно привлекательными для сознания носителей данных языков. В старых и новых песнях образ дороги – один из самых популярных, например, английские песни: Charles Ray “Hit the road, Jack»; J-Five «Find a way»: «I might find a way, find a way to the light, there is a long road, but no one will take it”; Lady Gaga «Born this way»: “I’m on the right track baby I was born this way”; Rihanna feat. Eminem “Love the way you lie”: ”In the aftermath of the destructive path that we are on …”; азербайджанские песни: “Beri-bax”: “Oglani yoldan eylen gizin shirin dilleri …”; “Her gece seni men sesledim, yolunu subhedek gozledim”; Flora Kerimova “Qara qözlerinə doynca baxim, hesretlə yollarda goyma gözumu, onsuz o yollardan kechmeyeceyem”; Nisa Gasimova “Yalvariram yollara izlerini gaytarsin…”, “Yollarina baxa-baxa qaldi gözlerim”; Tofiq Guliev “Gerenfillet gözu yolda galanda yasemenler sachim yolur”, Irane Ilkin “Sevgi yolchusu”: “Gozlerim her axsham axtarir seni, ureyim yollardan qayitmir eve”, Полад Бюль Бюль Оглы “Gel ey seher“: “O gözler kimi her taraf gara by yollar seni aparir hara”. Во многих песнях, как английских, так и азербайджанских, неустроенность, бесприютность нашей жизни соотносится с дорогой, с ней связаны поиски судьбы, любви, счастья, дружбы. Дорога – это символ нашей жизни, по которой мы идем, это испытание, которое мы либо проходим с достоинством, либо проваливаем его, показывая свое истинное лицо. Так и с нашей жизнью: либо нам удается прожить ее достойно, пройти с высоко поднятой головой по дороге жизни, либо в конце жизненного пути мы понимаем, что пришли из ниоткуда и уходим в никуда. Есть ряд фразеологических единиц в обоих языках, которые подтверждают это и описывают дорогу как испытание для нас самих, нашей дружбы и взаимоотношений: yolda yoldaş, evdə qardaş – father is a friend to a son on the way / a way is mastering by walker – в дороге отец сыну товарищ; yolsuzluq – the mud-locked roads – бездорожье (сложная стезя жизни); yola çixmayinca dostunun kim olduğunu bilməzsən – friends are O.K. when they do not get in the way – друг познается в пути; uzaq səfərə çixmayinca və kiçik bir mehmanxanada yoldaşliq etməyincə insanlari tanimaq olmur – a man knows his companion in a long journey and a little inn – пока не отправишься с другом в путь, его не узнаешь; dost yolu duman-çən olar / dost yolu daşli-kəsəkli olar – one can cross the whole land for a friend – дорога дружбы полна препятствий; yoldaşin yaxşi olsa, uzun yol yaxin olar – if you have a good wayfarer, your long way seems to be shorter – и долгий путь покажется короче, если рядом будет хороший путник; yoldaşi yolda tani – a friend is known on the way / a good wayfarer is known on the way – добрый путник узнается в пути; uzaq səfər zamani xirdaca bir saman çöpü də kimsəyə yükdür – on a long journey even a straw is heavy – в дальней дороге даже соломинка кажется тяжелой.

На нашем жизненном пути перед нами могут появиться препятствия, много соблазнов, очень легко в этом случае сбиться с пути, поэтому очень важно выбрать из множества дорог нужную нам. При этом если мы сами затрудняемся с выбором, то лучше спросить совета: yolayricinda qalmaq – to be at crossroads – быть на распутье (находиться на рубеже новой жизни); yoldan çixmaq – to go stray from the right path – сбиться с пути; meşəyə gedən yol çox olur gərək onun yaxşisini topasan – there are more ways to the wood than one – в лес множество тропинок ведет, нужно только выбрать правильную, чтобы не заблудиться; Hər yolun bir xarab yeri var / həyatda maneəsiz yol yoxdur – every path has a puddle – нет дороги без ухабов; yolu azmaqdansa, onu bir kəsdən soruşmaq daha yaxşidir – better to ask the way than go astray – лучше спросить дорогу, чем заблудиться.

Иногда не стоит рисковать и идти по неизведанному пути, торопиться, ведь быстрое не значит лучшее, принимать необдуманное решение. Очень часто проверенное – значит безопасное: tapdanmiş yol daha təhlükəsiz olur/ sayilir – the beaten path is the safest – идти по проверенному пути (как по наиболее безопасному); yerişini yerimək – to follow in someone's footsteps – идти по чьим-либо стопам; yolunu davam etdirmək – to follow in someone's footsteps – идти по чьим-либо следам/ продолжать чей-либо путь; yolu ilə getmək – to follow one's line – идти по линии (следовать чьему-либо примеру); javaş gedən uzaq gedər – the longest way about is the shortest way home – тише едешь, дальше будешь; tələsən adam daha çox yolunu çaşir – he that hastens with his feet misses his way – поспешишь, людей насмешишь; ən uzun səfər daim ən kiçik addimlarla başlayir – the longest journey begins with a single step / a journey of a thousand miles begins with a single step – даже самое дальнее путешествие начинается с малого шага; axmağin seçdiyi yol yalniz özü üçün doğru yol hesab olunur – the way of a fool is right in his own eyes – умный в гору не пойдет, умный гору обойдет; yavaş gedən çox gedər – slow and steady wins the race/the furthest way around is the nearest way home – тише едешь, дальше будешь.

В концептах «путешествие» и «путь» обнаруживает себя оппозиция «жизнь – смерть». Наша жизнь – путешествие по этому миру. Здесь наблюдается некий дуализм: с одной стороны, смерть – это конец жизненного пути, а с другой стороны – это начало нового путешествия в «тот» мир. Дорога – медиатор двух сфер, жизни и смерти, этого мира и «того». Смерть мыслится как переселение в иной мир, достичь который можно лишь преодолев определенный длительный и нелегкий путь. Идея смерти звучит в следующих фразеологических единицах: uzun yol keçmək – to come a long way – пройти долгий путь (проживать удачную жизнь); yol üstündədir – one has his last journey – он отправился в последний путь; o dünyaya köçmək – to depart to God/ to go to kingdom-come/ to go to heaven/ to pass to a better world/ to go into the sunset/ to go home/ to depart out of this world/ to pass on into another world – отправиться на тот свет; o(biri) dünya – a better world/ another world/ the next world/ the world to come/ the world beyond – другой мир/ загробный мир; dünyadan getmək – to lay up one's heels/ to go home/ to go behind the eternal cloud/ to go into the sunset – сыграть в ящик (умереть).

Все это позволяет утверждать, что концепт «путешествие/ travel/ seyahət» представляет собой ментально-когнитивное образование с высокой социальной значимостью, включающее в себя определенный структурированный набор представлений и понятий. Рассмотрев примеры фразеологических единиц с концептом «путешествие», «путь, дорога», мы можем заметить, что восприятие данного концепта в разных культурах находит точки пересечения: земная жизнь человека рассматривается как путешествие от рождения до смерти, жизнь человека сравнивается с дорогой.

Библиографический список

1. *Джиоева А.* Английский менталитет сквозь призму языка: концепт «privacy» // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 41–59.

2. *Ма Т.* Национальное самосознание в контексте языка и культуры: на материале американского варианта английского языка: Дис. … канд. филол. наук. – М., 2001. – 170 с.

3. *Степанов Ю.* Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 838 с.

4. *Телия В.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 153 с.

5. *Тхорик В., Фанян Н.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – М.: ГИС, 2005. – 260 с.

Список использованных словарей

1. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.

2. *Литвинов П.П.* Англо-русский словарь наиболее употребительных фразеологических выражений. – М.: Яхонт, 2001. – 400с.

3. *Мюллер В.К.* Англо-русский словарь: 40000 сл. / В.К. Мюллер, С.К. Боянус. – М.: Локид, 2002. – 687 с.

4. *Мюллер В.К.* Русско-английский словарь = Russian-english dictionary : 5000 сл. с прил. крат. граммат. очерка англ. яз./ В.К. Мюллер, С.К. Боянус – М.: АСТ [и др.], 2003. – 1424 с.

5. Merriam-Webster's Dictionary of Synonyms/ Merriam-Webster, Incorporated. Springfield, Massachusetts, U.S.A. – 1984. – 909p.

6. *Нәсирзадә С.* Аталар сөзу. – Бакы: Јазычы, 1985.

7. *Әзизбәјов Х.Ә.* Азербайджанско-русский словарь. – Баку, 1985.

8. *Халилов М.Ш., Комри Б.* Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа: сопоставление основной лексики. – Лейпциг; Махачкала: Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, 2010.

9. *Vəlieva N.* Irihəcmli Üçdilli (azərbaycanca-ingiliscə-rusca) frazeoloji lüğət. – Baki: Azərnəşr, 2010. – 1976 s.

УДК 81'373

Космачева Ольга Юрьевна
Астраханский государственный университет
olga_ast@list.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ АДРЕСАНТА В ЗАГОЛОВКАХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Цель статьи – проиллюстрировать прагматическую классификацию заголовков, созданную на основании коммуникативной значимости сосредоточенной в заголовке информации и интенциональной установки адресанта заголовочными фраземами электронных СМИ.

Ключевые слова: *адресант, заголовок, воздействующая и информативная функции, классификации заголовков, интенциональная установка, коммуникативная значимость, экспрессивность.*

В условиях информационного общества электронные средства массовой информации (СМИ) являются надежным источником оперативно поступающей информации, необходимой человеку в его деятельности. Читатель уже привык к обилию новой информации, глубине анализа, четкой аргументации. В последнее время также наблюдается повышение степени критичности читателей и усиление требований к качеству публикуемых электронными СМИ информационных статей.

С другой стороны, основные возможности манипулирования сознанием лежат именно в сфере языка. Трансформация лингвистической парадигмы привела к тому, что наука перешла «от изучения собственно языка к изучению его функционирования в широком социальном контексте» [3, с. 11]. Таким образом, в центре внимания многих исследователей в настоящее время оказывается высшая коммуникативная единица – текст, а также когнитивные и прагматические аспекты его порождения.

Создаваемые новые тексты, в том числе и публицистические материалы СМИ и их заголовки, оказываются насыщенными чужими текстами, которые присутствуют в них в более или менее узнаваемых формах. С.И. Сметанина объясняет это тем, что влияние прошлого активно побуждает человека «отыскивать уже готовые и освоенные культурой формы и вплетать их в коммуникативный акт, даже не делая ссылки на авторство» [9, с. 95]. По мнению Г.Г. Слышкина, «современная отечественная культура не склонна к текстопорождению. Дискурс наполнен разными по степени эксплицитности фрагментами и оценками чужих текстов» [8, с. 5]. Отчасти этими фактами объясняется тенденция к трансформации и компиляции текстов и заголовков в современных СМИ. Готовность журналиста обогатить создаваемый им материал фрагментами из уже воспринятых ранее текстов или аллюзиями на них наблюдается во всех дискурсах.

М.М. Бахтин писал: «Я живу в мире чужих слов. И вся моя жизнь является ориентацией в этом мире, реакцией на чужие слова» [1, с. 119]. Мы предпринимаем попытку развить данную мысль в рамках настоящей статьи, где под чужими словами будем понимать широкий спектр фразем – афоризмы, крылатые фразы, пословицы, поговорки, цитаты и прочие изречения, которые регулярно воспроизводятся в заголовках СМИ.

Заголовок является одним из средств привлечения внимания к публикуемому материалу. Его можно считать «компонентом текста, тесно связанным с другими компонентами этой системы, занимающим стилистически сильную позицию, называющим текст и дающим первоначальную информацию о нём» [6, с. 1]. Заголовок не только предваряет статью, несёт некоторую информацию о содержании материала, но и сообщает о значении, характере и степени важности событий. Удачное название всегда «информативно и повышает эффективность газетного текста» [7, с. 3]. В.А. Кухаренко отмечает, что заголовок «обладает колоссальной энергией туго свёрнутой пружины» [5, с. 92]. Использование этого потенциала начинается ещё на предтекстовом этапе, когда заголовок выполняет одновременно несколько функций – воздействует на читателя с целью привлечь его внимание, заинтересовывает, устанавливает с ним контакт и убеждает в необходимости прочесть статью.

В настоящее время Э.А. Лазаревой, вслед за Г.Г. Хазагеровым, выделяются такие функции заголовков, как номинативная (заголовок называет, обозначает текст), информативная (заголовок активизирует работу мышления реципиента через возбуждение интереса, сообщая о чем-либо), графи-

 © Космачева О.Ю., 2012

чески-выделительная функция заголовка привлекает непроизвольное внимание с помощью различных графических средств, тогда как рекламная функция привлекает к тексту статьи произвольное внимание, смыслообразующая функция помогает осознать смысл публикации, функция изображения авторского отношения к предмету речи и к тексту – понять журналистскую концепцию, оценочно-экспрессивная функция участвует в формировании эмоционального воздействия на читателя, стилистическая функция включается в создание стилистических текстовых эффектов, мнемоническая функция заголовка в целом помогает чтению и запоминанию публикаций [6, с. 39].

Изучение фразем в составе заголовков статей электронных СМИ приводит нас к выделению информативной и воздействующей функций как наиболее актуальных. С информативной функцией связаны такие стилевые черты газетно-публицистического текста, как новизна (актуальность) и краткость изложения, достигаемая путем компрессии. С функцией воздействия связаны образность, эмотивность, тональность.

В современной научной литературе существует большое количество классификаций заголовков, в основание которых положены различные аспекты, составляющие природу этих конструкций. Например, по виду заголовки можно подразделить на собственно заголовок, подзаголовок, который играет вспомогательную роль, уточняя, конкретизируя заголовок, и так называемую «шапку», которая объединяет несколько материалов на одну тему; рубрики, которые по типу делятся на «постоянные» и «временные» [2]; врезки. По уровню информативности выделяются полноинформативные заглавия, в которых «смысловой компонент текста актуализируется полностью, и пунктирные, не актуализирующие смысловой компонент текста целиком» [6, с. 14]. С точки зрения композиционности различают два типа заголовков: к первому относятся заглавия, которые показывают, «как текст расчленен на части», ко второму – заголовки, объединяющие «в один комплексный текст разные материалы, объединенные одной темой» [6, с. 17].

Для нас наиболее интересной представляется классификация Е.Н. Комарова, составленная им на основании интенциональной установки адресанта. Автор выделяет три наиболее характерных прагматических типа заголовков СМИ. Именно учет коммуникативной значимости сосредоточенной в заголовке информации и интенциональной установки адресанта послужили критериями для прагматической классификации заголовков в тексте СМИ [4]:

1. Фактуальные (тексты, передающие информацию, эксплицитную по своей природе). Использование такой информационной формы эффективно в случае, когда адресанту необходимо убедить реципиента в беспристрастности и объективности излагаемых материалов. Например:

«Григорий Перельман доказал: ***не в деньгах счастье»*** (http://www.kp.ru) – ср.: ***не в деньгах счастье*** – говорится, чтобы утешить, одобрить кого-л., когда у него нет или мало денег. Или: *«Бразильский полузащитник Мело –* ***персона нон грата*** *на родине»* (http://www.aif.ru) – ср.: ***персона нон грата*** – ‘нежелательная личность’.

Входящие в состав фактуальных заголовков фраземы нейтральны в стилистическом отношении и употребляются в данных нормативных синтаксических конструкциях в своем кодифицированном значении, закрепленном за ними социально обусловленным опытом.

2. Персуазивные (суждения, выражающие результат осмысления явлений реальной действительности адресантом). Прагматическая информация в персуазивных заголовках доводится до адресата с помощью оценочной лексики, грамматических форм выражения языковой модальности, а также посредством контекстуально получаемых оценочных значений. Например: «***Не показывает и не говорит***» (http://www.vz.ru) – данный заголовок вызывает в памяти читателя ассоциацию со знаменитой советской фразой «*Говорит и показывает Москва*», которая в свое время мобилизовала внимание людей для получения информации. Соответственно, трансформация данной фразы путем эллипса и добавления отрицательных частиц позволяет автору статьи использовать ее в качестве максимально точного заголовка, а читателю получить первичную информацию о том, что дальнейший текст статьи будет повествовать именно о прекращении телерадиовещания.

Контекстуальное переосмысление когнитивного аспекта значения выступает причиной возникновения различного рода коннотаций, вносящих дополнительные смыслы в стандартный строй заголовка. В свою очередь появление дополнительной контекстуально-зависимой информации добавляет экспрессии заголовку, например: *«****Блины комом****. Отчего Россия и Беларусь вечно ссорятся»* (http://www.aif.ru) – ср.: ***первый блин комом*** – пословица о неудаче в начале (намек на первый блин, который, если сковорода еще не горяча, часто не удается). Другой пример: *«****Играть – не строить****. 30 лет назад страна впервые принимала Олимпиаду»* (http://www.aif.ru) – *ср.:* ***ломать – не строить*** – половица о том, что разрушать легче, чем созидать, создавать.

Изложенное в информативной квазинейтральной форме сообщение – в первом примере говорится о нестабильных отношениях России и Беларуси – получает свое развитие в совершенно категоричной оценке, выраженной трансформированной путем эллипса и изменения грамматической формы компонента фраземой ***первый блин комом*** – «Блины комом», обобщающей содержание соб-

ственно сообщения и не оставляющей вопросов для реципиента о позиции адресанта: взаимоотношения двух стран сознательно не стремятся к разрешению многолетнего конфликта.

По мнению Е.Н. Комарова, «диалогичность персуазивно-ориентирующих заголовков создает иллюзию сближения участников коммуникации, взаимную вовлеченность в излагаемые события и сопричастность к процессам, происходящим в жизни общества. Адресант, не формулируя своей оценки эксплицитно, использует в трансформированном виде прецедентные феномены – фраземы, интерпретации которых могут быть самого широкого спектра – от отрицательной через нейтральную до положительной» [4, с. 15].

3. Директивные (суждения адресанта, являющиеся результатом его восприятия и осмысления реальной действительности, стремящиеся побудить реципиента к совершению конкретных речевых и неречевых действий).

Использование директивного заголовка продиктовано стремлением автора стимулировать интеллектуальную деятельность читателя в направлении анализа возможного развития событий либо ориентировать его на совершение рекомендуемых действий. Использование директивного заголовка утверждает факт неравенства в коммуникативном акте между адресантом и реципиентом. Стремление адресанта ускорить ответный речевой или неречевой ход реципиента реализуется в построении высказывания, излагаемого в решительной и часто не допускающей возражений форме: ***«Стоять по стройке смирно»*** («Коммерсантъ», № 127 (4427) – ср.: ***стоять по стойке смирно*** – ‘заставлять кого-л. подчиняться приказу’; ***«Свистать всех на верфи»*** (Приложение к газете «Коммерсантъ», № 37 (37) – ср.: ***свистать всех наверх!*** – специальная команда, по которой весь экипаж судна срочно собирается на верхней палубе; языковая память поддерживается названием художественного фильма «Свистать всех наверх!» (1970 г.).

Внешняя категоричность директивного заголовка имеет целью захватить внимание читателя, выделиться из последовательности других заголовков и произвести программируемое воздействие. Так, изложенные в форме приказа заголовки выражают сформулированные адресантом императивы, имеющие отношение к общественно-политической и социально-экономической сферам деятельности участников коммуникации.

Стремление привлечь внимание читателя и установить прочный контакт с ним реализуется благодаря признаку разговорности. Использование побудительных конструкций создает эффект диалогичности, личного общения в коммуникативном акте, а обращение на «ты» устанавливает атмосферу непринужденного общения, в рамках которого читатель как бы получает совет от более компетентного и информированного адресанта, например: ***«Тише едешь — больше платишь»*** («Коммерсантъ», № 195 (4495) – ср.: ***Тише едешь – дальше будешь*** (чем меньше поспешности в чём-либо, тем лучше). Или: ***«Ты меня породил…»*** (Газета.ru, 26.07.10) – ср.: ***Я тебя породил, я тебя и убью*** (цитата из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»). А также: ***«Не отмоешь добела»*** (РГ-Бизнес, №761) – ср.: ***черного кобеля не отмоешь добела*** (пословица о том, что неисправимого не исправишь).

Следовательно, указанные прагматические типы заголовков участвуют в выполнении главной текстовой функции – информирования и воздействия, а также усиливают экспрессивность, создают дополнительные смыслы, увеличивают выразительность создаваемых с помощью фразем новых текстов. Каждый из типов располагает определенным перечнем языковых средств и приемов для обеспечения эффективного коммуникативного акта и достижения его основных целей.

Описанные функции являются причиной активного использования прецедентных текстов для создания газетных заголовков, так как именно прецедентные тексты оказываются эффективным средством передачи смысла. Остроумная манера говорить и писать предполагает соучастие слушающего и говорящего, опирающихся при этом на свои знания, на своё умение возбуждать в сознании широкий круг ассоциаций в соответствии с сигналами в воспринимаемом тексте. Этими сигналами и выступают фраземы как прецедентные тексты.

Использованные в речи в качестве прецедентных текстов фраземы приобретают не только еще большую долю экспрессии, но и культурный авторитет у носителей языка, ведь они «отсылают» читателя (слушателя) к уже знакомым, вызывающим эмоции источникам, они «заставляют» вспомнить популярные фразы любимых героев, яркие диалоги, хорошо известные анекдоты и т.д.

Употребление же в заголовках трансформированных фразем как проявление форм языковой игры обусловлено прагматической задачей, стоящей перед авторами газетных заголовков, – воздействовать определённым образом на сознание читателя. Например: *«Бюджет* ***прошел с треском****»* (Газета.ru, 20.10.10) – ср.: ***провалиться с треском*** – ‘неожиданно потерпеть большую неудачу’; *«Свет* ***как ветром сдуло****»* (Газета.ru, 21.10.10) – ср.: ***как ветром сдуло*** – ‘быстро, молниеносно, мгновенно исчез (исчезло)’; ***«Не от МИДа сего»*** («Коммерсантъ», № 124 (4424) – ср.: ***не из (от) мира сего*** – ‘мечтатель, отрешённый от реальной жизни, не приспособленный к жизни человек’.

Трансформированные фраземы привлекают внимание адресата своей оригинальностью, деавтоматизируют восприятие заголовка, обусловливают появление новых смыслов, заставляя обратить внимание на замысел автора.

Заголовки электронных СМИ являются одной из наиболее динамично развивающихся разновидностей текстов массово-информационного дискурса, оперативно реагирующих на изменения, происходящие в различных сферах деятельности социокультурного пространства. Заголовок, на наш взгляд, также выступает одним из средств, оптимизирующих организацию многоплановой информации в тексте СМИ с целью вызвать определенную требуемую реакцию со стороны адресата.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Проблемы речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 416 с.

2. *Богданов Н.Г., Вяземский Б.А.* Справочник журналиста. – Л.: Лениздат, 1971. – 687 с.

3. *Гудкова К.В.* Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье: Автореф. дис. … канд. фил. наук. – СПб., 2009. – 28 с.

4. *Комаров Е.Н.* Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: Автореф. дис. … канд. фил. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград., 2003. – 20 с.

5. *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

6. *Лазарева Э.А.* Заголовок в газете: учеб. пособие для студентов-журналистов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 96 с.

7. *Манькова Л.А.* Специфика заголовков в различных газетных текстах // Ученые записки СГУ. – ТНУ, 2002. – Выпуск № 6 (45).

8. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу. Лингвистические концепты прецедентных текстов в слушании или дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 124 с.

9. *Сметанина С.И.* Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.

УДК 81.25

Мамаева Светлана Викторовна
Лесосибирский педагогический институт
(филиал Сибирского федерального университета)
mamaev@krasmail.ru

Шмульская Лариса Степановна
Лесосибирский педагогический институт
(филиал Сибирского федерального университета)
lara_sh1973@rambler.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ШКОЛЬНИКОВ-ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена анализу синтаксических особенностей устной спонтанной речи школьников-подростков. Выявлены предпочтения в использовании определенных грамматических конструкций.

Ключевые слова: *антропоцентризм, языковая личность, речевой портрет школьников, устный дискурс, грамматические категории, норма.*

В синтаксисе с наибольшей полнотой раскрываются функциональные аспекты языка. Изучение синтаксического строя речи учащихся, осуществляемое в статике, дает горизонтальные срезы, «позволяющие характеризовать определенный возрастной уровень развития; на основе таких срезов может быть получена модель, отражающая типичные черты, характеристики речи учащегося любого класса» [3, с. 63].

Однако особенности устной речи с ее спецификой в области синтаксиса затрудняют исследование. Трудность анализа синтаксических единиц состоит в том, что очень часто устное спонтанное высказывание сложно расчленить на предложения [2].

Ну короче/ мы…/ ну…/ там проезжали/ там из другого села/ на Украину/ ну…заехали потом/ поезд чего-то там остановился/ на два дня…/ и мы в гостиницу пошли/ а там/ как номер нам дали/ ну…/ а папа подумал/ и сказал этому сам…//.

Другие отрезки речи свидетельствуют о реальной возможности вычленить предложения.

В свободное время я хожу в художку/ я там рисую/ и занимаюсь резьбой по дереву/ еще гуляю/ когда нет художки/ книги читаю про этикет/ про болезни разные//.

В условиях неофициального общения коммуникация строится таким образом: то, что дано самой ситуацией или ясно из нее, может не получать вербального выражения [1]. Обычно получает вербальное выражение то, что наиболее информативно значимо. Несколько показательных примеров.

(1) Разговор двух девочек в раздевалке перед уроком физкультуры:

– А почему ты ботинки?

– Да порвались / сыро / они у меня промокают// (глагол *надеваешь*, существительное *кроссовки* понятные из ситуации не употребляются).

(2) Из разговора на перемене:

Ты запиши / а то проверит / не будет/ тогда – два// (существительные *решение, учительница* и глагол *получишь* являются информативно не значимыми).

© Мамаева С.В., Шмульская Л.С., 2012

В состав анализируемых нами предикативных единиц включались только бесспорные. Как показал анализ, в устной спонтанной речи школьники-подростки используют разнообразные виды синтаксических конструкций.

Известно, что для устной речи характерно использование, в основном, простых неполных (эллиптических) предложений, так как это «отражает действие одного из фундаментальных законов языка – закона экономии речевых усилий» [4, с. 405]. В речи школьников такие предложения тоже имеют место и используются, как правило, при ответе на вопрос либо в ситуации диалога, когда адресат и адресант имеют общие фоновые знания о предмете разговора. Эта особенность подчеркивает возрастной аспект нашего исследования.

(1) Я вот побывал в Красноярске/ еще в Хакасии/ там в деревне Московской/ еще в Саяногорске/ да/ у нас там бабушка живет/ и больше/ кажется/ нигде//.

(2) Традиции?../ я не знаю/ вроде как никаких/ каждый день разный/ никуда не ходим/ редко когда в гости/ тоска.../ к нам ходят//.

(3) Мне в другие страны неинтересно/ там другие просто национальности/ в Москву бы/ у нас там родственники/ Кремль красивый/ ночью//.

Характерным является обилие односоставных предложений. Наблюдается тяготение к использованию определенных разновидностей односоставных предложений: определенно-личных, неопределенно-личных, безличных и отчасти инфинитивных. Эти типы конструкций разнятся по количеству наполнения их реальными речевыми произведениями.

Анализ экспериментальных материалов позволил представить процентное соотношение данных типов синтаксических конструкций: безличные предложения – 45%: *(1) Ну/ **мне вот запомнилось**/ короче там/ **родственников понаехало**/ мы встретились у магазина.../ **путешествий много на фотографиях/ много ваще**//. (2) Брату моему/**ему 18 лет исполнилось**/ в институте учится//. (3) Я вся обгорела на солнце/ у меня были ожоги/ **было смешно**//.(4) Я люблю бывать в Красноярске/ **там красиво/ интересно**/ большие дома/ магазины//.(5) **Меня / что-то/ часто спать тянет**//.(6) Нравится бейсбол/ **потому что необычно/ интересно**//;* определенно-личные предложения – 40%: *(1) Чаще всего **отдыхаю/ делаю уроки/ общаюсь** с подружками/ **хотела бы** на один день в Париж//. (2) **Все обсуждаем**/ что произошло в жизни//. (3) Иногда **хожу** по магазинам/ чаще/ к подругам/ **смотрю** кино//. (4) **Люблю** Новый год/ день рождения/ потому что всегда **дарю и получаю** подарки//;* неопределенно-личные предложения – 10%, инфинитивные предложения – 5%.

Неопределенно-личные конструкции встречаются намного реже, чем определенно-личные. Скорее всего, это связано с тем, что в беседе адресат старается выразить свою точку зрения, свою позицию, исходя из темы разговора. А для подростков тем более характерна высокая степень эгоцентричности в речевом поведении: *(1) **Пришли/ сказали**/ что урока не будет/ уже четверть кончается/ **а оценки еще не выставили**//.(2) **А то как часто поступают/ пришли/ намусорили/ все испоганили/ за собой ничего не убрали/ и спокойно ушли**/ это же и есть проблема//.(3) **Если бы его застукали**/ что он курит/ плохо бы ему пришлось//.*

Немногочисленны в речи школьников и инфинитивные предложения. Чаще всего они употребляются, когда школьник хочет особо подчеркнуть, выделить, сконцентрировать внимание на чем-либо: *(1) **Как решать**/ я точно не знаю/ но в мире много ученых/ которые могут придумать//.(2) Я не думал об этом/ **нам еще учиться и учиться**//. (3) **Скоро нам уезжать из этого города**/ а мне здесь нравится//.*

Наблюдения за спонтанной речью показали, что школьники, как правило, пользуются общепринятыми обращениями по личным именам – по отношению к сверстникам чаще всего сокращенными формами собственных имен на -а, -я, усеченными и квалитативными личными именами, прозвищами (обычно при известной близости и в неофициальной ситуации) (примеры 1–4). По отношению к взрослым – именем и отчеством (узуальное, предписываемое этикетом обращение к старшему по возрасту или малознакомому лицу): *(1) **Тань**/ мы с тобой баловаться будем?// (2) **Олесь**/ я тебя сейчас съем// (3) **Филиппок**/ пошли в коридор/ поговорим//.(4) **Серый**/ чтоб завтра же диски принес//. (5) **Елена Михаловна**/ скажите ему/ пусть отстанет от меня//. (6) **Наталья Семеновна**/ мы в поход завтра пойдем?//*

Роль обращений могут выполнять местоимения, междометия, различные нарицательные существительные, что тоже является узуальным при общении школьников друг с другом. Таким образом, выбор формы обращения, смена форм по отношению к одному адресату в пределах дискурса позволяет младшим подросткам осуществлять разнообразные прагматические тактики общения: *(1) **Пацаны**/ пошли скорей на улицу//. (2) **Девки**/ пошли те все отсюда/ чё тут сидите?// (3) **Ты**/ давай/ вали с моего места//. (4) **Эй**/ чё плохо слышишь/ пошел/ я сказал//.*

На выбор обращений влияет степень близости разговаривающих, различия в общественном положении собеседников, а также пол, возраст, условия коммуникативной ситуации.

Анализ синтаксических конструкций по структуре показал, что для устной речи школьников достаточно высока частотность использования разных видов сложных предложений [Черкашина, 1996]. Как отмечает М.Р. Львов, наиболее активный при-

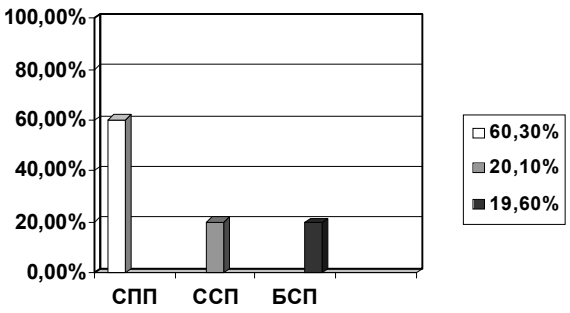


Диаграмма 1.

рост употребления сложных предложений приходится на 5–7 классы, так называемый «пик интенсивности» [3, с. 67].

В русле нашего исследования интерес представляет соотношение типов сложного предложения в устной речи школьников-подростков. Анализ полученных материалов представлен в диаграмме (за 100% принято общее количество сложных предложений, где СПП – сложноподчиненное предложение, ССП – сложносочиненное предложение, БСП – бессоюзное сложное предложение).

Сложноподчиненное предложение, в сравнении с другими типами сложных предложений, представляет собой наиболее внутренне связанную, более гибкую конструкцию, оно богато выразительными возможностями. Именно поэтому в устных речевых произведениях школьников данный тип занимает первое место по частотности употреблений: *(1) Любимое мое занятие/ разговаривать по телефону/ потому что можно узнать что-то новенькое от подружек//. (2) Хочу быть парикмахером или стилистом/ это так классно/ когда создаешь прически и образы//. (3) Я согласна с Машей/ что модный человек одевается со вкусом//. (4) Этот человек всегда поступает так/ как велит сердце//.*

Используются предложения и с несколькими придаточными, особенно когда главная и придаточная часть связаны между собой союзным словом – местоимением-прилагательным, которое выполняет не только замещающую, но и характеризующую функцию: *(1) Не буду дружить с предателем/* ***который*** *врет все время/* ***который*** *ничего не хочет делать для дружбы/* ***который*** *никаких хороших поступков не хочет делать/* ***который*** *сбегает/ который оставляет друга в беде//. (2) Модный человек/ это тот/* ***который*** *ставит из себя много/* ***который*** *модно одевается//. (3) Я бы хотела узнать/ как люди появились/ как они жили раньше/ что будет в далеком будущем/ когда нас уже не будет//.*

Как подчеркивают исследователи (М.Р. Львов, Г.Г. Инфантова), союзное слово *который* становится почти единственным унифицированным средством связи придаточного определительного с главным предложением, характерным для данного возраста.

Анализ сложноподчиненных предложений показал, что употребление придаточных разных видов неодинаково: чаще всего используются придаточные определительные, изъяснительные, временные, на втором месте придаточные причины, условия, цели, на третьем – места, образа действия. М.Р. Львов считает, что именно для этого школьного возраста характерен «пик разнообразия выбираемых учащимися придаточных» [3, с. 69]. Видимо, тяготение школьников-подростков к различным проявлениям подчинительных отношений в речи обусловлено не только условиями умственного развития, но и стремлением показаться более взрослыми, а значит, и выражающимися более «виртуозно».

Наличие сложносочиненных и бессоюзных предложений по своему количественному составу примерно одинаково (20,1% и 19,6% соответственно): *(1) Мне нравится мультики смотреть/ у нас есть канал мультиков/ и я очень люблю их смотреть//. (2) Иногда мой брат приводит своих друзей/ но я ему не разрешаю//. (3) Люблю брата лупасить/ я свою злость на нем испытываю/ а потом он на мне//. (4) Мне запомнилось/ как я в Анапу ехала на поезде/ кто-то подложил камень/ мы пошатнулись…//. (5) В лесах люблю бегать/ потому что там расслабляешься/ ягоды можно собрать/ грибы//. (6) Я бы не стала дружить с этой/ например…/ у нас девчонка есть на легкой атлетике/ она все время нарывается/ вот с ней бы я не стала дружить//.*

Но особенностью этих предложений является то, что в их структурах усиливаются признаки, сближающие их со сложноподчиненными предложениями. Сочинение и бессоюзие как способы связи простых предложений сочетаются с подчинением, как следствие этого, нарушается равноправие компонентов, и возникают отношения зависимости между ними (ср. …*У нас девчонка есть на легкой атлетике/ она все время нарывается/ вот с ней бы я не стала дружить//* и …*У нас девчонка есть на легкой атлетике/* ***которая*** *все время нарывается/ поэтому с ней бы я не стала дружить//)*. Это еще раз подтверждает тенденцию к увеличению числа сложноподчиненных предложений в устной речи школьников.

Таким образом, анализ синтаксического строя речи школьников показал, что особенностью речевого портрета младших подростков является отражение в их речи индивидуального «речевого почерка», а также использование типизированных синтаксических конструкций, освоенных в данном возрасте.

Библиографический список

1. *Инфантова Г.Г.* Экономия сегментных средств в синтаксисе современной русской разговорной речи: Дис. … д-ра филол. наук. – Л., 1975.

2. *Казеко Т.Н.* Специфические синтаксические конструкции устной речи: Дис. … канд. филол. наук. – Саратов, 1989.

3. *Львов М.Р.* Речь учащихся средней школы // Русский язык в школе. – 1982. – № 1. – С. 46–49; № 6. – С. 63–67.

4. *Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003.

5. *Черкашина Е.А.* Сложноподчиненное предложение в речи младших школьников: Дис. … канд. филол. наук. – Таганрог, 1996.

УДК 81

Мощева Светлана Васильевна
кандидат филологических наук
Ивановский государственный химико-технологический университет
moshevasv@mail.ru

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются фонетические средства оформления печатного рекламного текста, играющие важную роль в организации текстов прозы и поэзии.

Ключевые слова: *рекламный текст, экспрессивные средства, фонетические выразительные средства, логическое и эмоциональное усиление высказывания.*

Могущественной силой языка, его способностью воздействовать на человека, формируя у него определенный образ и побуждая к действиям, человечество пользуется достаточно давно. Очевидно, что язык из орудия коммуникации превращается в орудие воздействия на сознание личности. Данная особенность языка активно эксплуатируется современными СМИ. Так, в рекламных текстах используется вся палитра способов оказания речевого воздействия, направленных на раскрытие потенциальных возможностей слова, сообщающих ему силу, способную вызвать у целевой аудитории именно ту реакцию, на которую рассчитывает рекламист. Важно уточнить определение современной рекламы, поскольку факт ее перемещения в пространство массовой коммуникации повлек за собой и изменение ее функциональной нагрузки. Очевидно, что реклама вышла за рамки экономической информации и стала важнейшим средством формирования такого социального феномена, как образ жизни. Социальная природа рекламной коммуникации дает ей возможность отражать все нюансы бытия социума и формировать целесообразную парадигму человеческих отношений в контексте различных социально-политических явлений окружающей действительности.

Анализ рекламного материала позволяет нам констатировать, что значимой типологической чертой рекламного дискурса является имитация (отображение) объективных изменений развития языка и общества, которые проявляются на всех уровнях языковой структуры (фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом, фонетико-орфографическом). Фонетические средства, применяемые в рекламе, являясь значимой составляющей структуры языка, изучены достаточно фрагментарно.

Цель данного анализа заключается в выявлении фонетических особенностей оформления печатного рекламного текста, то есть в установлении конкретно-языковых и типологических характеристик англо- и русскоязычного печатного рекламного текста (РТ).

Анализ англоязычного и русскоязычного рекламного материала дает основание утверждать, что явление *аллитерации* (в широком понимании – повтор согласных или гласных звуков в начале близкорасположенных ударных слогов) достаточно характерно для печатных РТ. Отметим, что аллитерация используется в качестве приема создания определенного эмоционального тона, соответствующего содержанию высказывания, а также является действенным выразительным средством. В ходе исследования нами выявлено, что англо- и русскоязычная реклама прибегает к данному приему (*«Jaguar … Don't dream, drive it»*; *«Fresh Fast Fabulous»*; *«Gotta Gets Some Gold»*; *«Возрождение легенды! Восьмая высотка!»*; *«Чай 'Брук Бонд' – Будь на высоте!»*; *«Предлагаем услугу 'Дневной Дозор' для детей очень занятых родителей»*).

Явление *консонанса* – повтора конечных согласных, к которому прибегают копирайтеры при оформлении РТ, можно проследить на нижеследующих примерах печатной рекламы (*«Beanz Meanz Heinz»* – реклама «Heinz baked beans» (в том числе используются приемы сознательно ошибочного, но фонетически созвучного написания «bean**z** – mean**z**» и паронимической аттракции); *«No dibs, dabs, and splatters»* – реклама дезодоранта; *«КНОРР – вкусен и скорр»* – реклама приправы «Кнорр» (в том числе наблюдаются обращение к рифме и сознательной ошибке в слове «скор»).

Повтор ударных гласных внутри строки или фразы, называемый *ассонансом (вокалической ал-*

 © Мощева С.В., 2012

литерацией), также достаточно характерное явление для рекламных сообщений, так как способствует созданию особого ритмического рисунка, который придает высказыванию интонацию настойчивого повтора. Очевидность такого утверждения можно проследить на многочисленных источниках нашего экспериментального корпуса. Анализ показывает, что явление ассонанса более типично для англоязычной рекламы («*Scrub, A Dub, There's a Friend In Your Tub*» – реклама детского питания (в том числе рифма scrub – dub – tub) и явление консонанса; «*Люди любят 'Доширак'!*» – реклама продуктов быстрого приготовления (в том числе аллитерация /l'/ – /l'/).

Очевидно, что звуковые повторы придают тексту ритмичность, выразительность, экспрессивность. Так, согласно исследованиям звукового символизма в языке, ритмически повторяющиеся гласные переднего ряда /I/ и /i:/ воспринимаются как более светлые и более приятные по сравнению с гласными заднего ряда, такими как /a:/ и /u:/ [2; 3; 4]. К данному приему прибегли авторы в нижеследующей рекламе авиакомпании «Boeing» («*The world **is** fi**l**led w**i**th wonderful th**i**ngs to s**ee** **i**nteres**t**ing p**eo**ple to m**ee**t, r**i**ch opportun**iti**es to pursue*»), PT пылесоса («***It** b**ea**ts as **it** sw**ee**ps as **it** cl**ea**ns*»), программы снижения веса «Nutrisystem» *(«**EAT FREE** FOR A **WEEK**!»)* и др.

Отмечено, что для усиления эмоционального воздействия копирайтеры прибегают и к подбору определенных звуков в рекламном высказывании для того, чтобы вызвать у потребителя соответствующие ассоциации. Например, в PT прохладительного напита «Seven-Up» *(«Напиток Seven-Up – **жаропонижающий жаждоутолитель**!»)* атмосфера 'изнурительной жажды' передается за счет использования приема аллитерации (4-кратного повтора звука /ж/ и 3-кратного повтора гласного звука /а/, что создает впечатление монотонности звучания) и явления паронимической аттракции (**жа**р – **жа**ю – **жа**ж).

Несомненно, различные типы повторов организуют звуковой строй сообщения. На основе исследования рекламных сообщений было подтверждено мнение И. Арнольд о том, что общая фонетическая окраска текста создается выделяющимися (выдвинутыми) на общем фонетическом фоне близко расположенными повторами; выдвинутость этих элементов сообщает им ритмическую роль, которая оказывается тем более заметной, чем теснее расположены повторы [2, с. 210].

В процессе анализа экспериментального материала печатных PT на предмет выявления фонетических выразительных средств нами было отмечено, что *рифма* – достаточно востребованный способ оформления англо- и русскоязычных рекламных текстов для различных типов целевой аудитории. Рифмой принято называть особый вид регулярного звукового повтора – повторение более или менее сходных сочетаний звуков на концах строк или в других симметрично расположенных частях стихотворений, выполняющее организующую функцию в строфической композиции [2, с. 216].

Достаточно необычным решением можно считать оформление PT напитка «Pepsi-Cola» в виде шести рифмованных строк, организованных за счет использования парной рифмы:

«Pepsi-Cola hits the spot, 12 full ounces, that's lot,

Twice as much for a nickel too Pepsi-Cola is the Drink for you!

Nickel, nickel, nickel, nickel. Trickle, trickle, trickle, trickle, trickle…»

Представленный PT напитка «Pepsi-Cola» построен на основе рифмования строк, которое осуществляется за счет сходства звучания лексем (nickel – trickle; too – you; spot – lot) и четырехкратного повторения лексем «nickel» и «trickel».

В рекламе компании «National milk publicity council» (*«Drinka pinta milka day»*) рифма («drinka – pinta – milka» рифма достигается за счет использования ассонанса – повтор ударного звука /I/ и безударного /ə/.

Использование рифмы при оформлении англо- и русскоязычного печатного PT является ярким выразительным средством, так как рифма способствует запоминанию текста. Данная особенность рифмы эксплуатируется в прагматических целях при организации PT.

Интересным для оформления PT можно считать обращение копирайтера к *звукоподражанию*, то есть использованию слов, фонетический состав которых напоминает называемые в этих словах предметы и явления. Так, включение в PT напитка «Pepsi-Cola» (*Pepsi-Cola is the Drink for you! Nickel, nickel, nickel, nickel. Trickle, trickle, trickle, trickle…*) звукоподражания «trickle» («flow in drops or in small stream» – «капать, сочиться, течь тонкой струйкой») и лексемы «nickel» («US five-cent piece» – «монета размером пять центов») придает тексту особую выразительность, живость, способствует созданию реального образа. Использование же повторов лексем «nickel» и «trickle» повышает экспрессивность и эмоциональное воздействие PT.

К использованию звукоподражаний (giggle – v. хихикать: cry – v. кричать; laugh – v. смеяться) прибегает копирайтер и в PT «American Library Association», поскольку с помощью данного приема можно передать гамму различных эмоций и привлечь внимание аудитории к рекламному тексту: *«A, B, C, D, E, …*

Your public library has arranged in ways that make you

Cry, giggle, laugh, love, hate, wonder, ponder and understand».

Русскоязычная печатная реклама не исключает обращение к данному приему при реализации рек-

ламных высказываний. Обратимся к примерам из нашего экспериментального корпуса (*«...не просто 'пшик', а СтопАнгин. СтопАнгин – против катастрофы в горле»*).

Возросший интерес, особенно в последние годы, русскоязычной рекламы к звукоподражаниям носит прагматический характер. Как видно из вышеприведенных примеров, они в большей степени используются в качестве названий товара для того, чтобы выделить данный продукт из ряда подобных.

Анализируя экспериментальный корпус рекламных текстов, мы пришли к выводу, что при оформлении РТ к достаточно активному способу можно отнести *игру слов,* построенную на полной либо частичной фонетической схожести слов (омонимии – паронимии):

**«Go Ahead with AHEAD»* – в данном РТ лексема «ahead» (вперед/впереди) и аббревиатура AHEAD («Asian Health, Environmental & Allied Databases» – журнал «Science») являются омонимами, поскольку имеют сходное произношение и написание;

**«Everlasting LIFFE»* – аббревиатура LIFFE («London International Financial Futures Exchange») является омофоном слова «life» – «жизнь»; копирайтер обыгрывает сочетание «everlasting life» – «вечная жизнь», подчеркивая стабильность и успешное развитие компании LIFFE (журнал «Economist»);

* вычленение в составе звукокомплекса слов-омофонов используется рекламодателем в качестве приема языковой игры: *«new MAXwear lipcolor»* – реклама губной помады «Max Factor»; *«**Self**expression»* – реклама рубрики в журнале «Self»; *«**beaut**iful brows made easy»* – реклама рубрики «Beauty»; ***«art – CAfé –BAr – Re**stauran**T.** We invite our friends»* – реклама развлекательного комплекса «CABARET».

Очевидно, что прием «игры слов», который построен на полной или частичной фонетической схожести слов, охотно применяется как в англо-, так и в русскоязычной рекламе, поскольку адресат всегда обращает внимание на неординарно оформленные высказывания. Неординарность построения в русскоязычной рекламе усиливается и за счет исполнения значимой части слова, то есть прагматически выделяемой копирайтером, с помощью латиницы (*по MAXимуому; OPTIMАльные цены; ABSOLUTно правильное решение, **Natura**льный обмен* и др.).

Исследование указывает, что многочисленные случаи паронимического соположения слов – яркое выразительное средство, активно используемое в СМИ. Однако прием паронимической аттракции (намеренного соположения созвучных слов), по нашим наблюдениям, – характерное явление и для англоязычных и русскоязычных рекламных текстов. Обращение к созвучиям способствует выразительности и яркости высказывания.

Анализ печатного рекламного материала указывает на многочисленные случаи (особенно в англоязычной рекламе), в которых основой аттракции могут быть морфологические совпадения в конце/начале слова (*«Electricity – Clean Simplicity»*; *«The safest and prettiest way to get that just-spent-the-day-at-the-beach look. Try Cover Fx Bronzed Fx Bronzing Powder»*; *«Эрман – экстракласс, экстравкус, экстраудовольствие!»*; *«SORTI – суперкачество по суперцене»*).

На основе анализа рекламного материала можно сделать вывод, что в РТ присутствует достаточное количество *иноязычных инкрустаций*, образованных при помощи приемов транскрипции или транслитерации. В переводческой практике к упомянутым приемам прибегают при воспроизведении безэквивалентной лексики, то есть лексических единиц, не имеющих соответствий в словарном составе того или иного языка. В рекламном же бизнесе копирайтер использует лексические единицы, полученные путем транскрипции и транслитерации, либо для придания большей значимости высказыванию, либо для достижения большей экспрессивности, поскольку они выделяются на фоне РТ и обращают на себя внимание аудитории.

Так, наше исследование показывает, что в настоящее время в английском языке имеется тенденция заимствовать и воспроизводить в форме латиницы лексические единицы из русского языка, относящиеся к периоду монархической России (царь, князь, граф и др.; название напитков – «Gosudar» и «Tsarskaya», ювелирного салона «Graff»). Включение же подобных слов в РТ является, по нашему мнению, способом подчеркнуть безупречность, надежность рекламируемой торговой марки.

В ходе исследования печатных РТ нами выявлено, что именно русскоязычные рекламные тексты достаточно активно включают иноязычные инкрустации. Примером использования подобного рода лексических единиц из английского языка могут служить следующие РТ нашего экспериментального корпуса (*«Клуб Дискавери – ждет своих друзей!»* – («дискавери» – «discovery» – открытие); *«Напиток Фрутайм – фруктовое удовольствие!»* – («фрутайм» – «fruit», «time» – фруктовое время); *«Морсберри – фруктовое удовольствие!»* – («берри» – «berry» – «ягода»).

Включение иноязычных лексических единиц в РТ рассчитано на обладание представителями лингвокультурного сообщества когнитивной базой, то есть совокупностью определенных знаний и представлений. Вслед за Е. Анисимовой, мы полагаем, что в рекламе в упрощенном виде отражается самосознание, самооценка собственной лингвокультурной общности, а также формируется отношение к иным лингвокультурным общностям [1, с. 93].

Согласно вышеприведенным результатам, можно выявить тождественные типологические харак-

теристики оформления как англоязычного, так и русскоязычного печатного РТ, к которым можно отнести использование звуковых повторов, а также обращение к приему игры слов, построенной на частичной или полной фонетической схожести слов. Следует отметить, что представленные выразительные средства активно сочетаются в рамках одного сообщения, а также дополняются неязыковыми выразительными средствами (немотивированными логограммами, шрифтовыми выделениями, изобразительными средствами).

Наличие типологических фонетических особенностей реализации англо- и русскоязычного РТ указывает на определенные процессы сближения коммуникативного сообщества, которые проявляются в образовании не только единого знакового пространства, но и в тождественности ментальной составляющей, находящей отражение в рекламном дискурсе.

Библиографический список

1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Academa, 2003. – С. 93.

2. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1981. – С. 210–216.

3. *Гумовская Г.Н.* Ритм как универсальный закон построения звуков объектов. – М.: РИПО ИГМО, 2002. – 168 с.

4. *Журавлев А.П.* Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1991. – 173 с.

5. *Кромптон А.* Мастерская рекламного текста. – М.: ИД «Довгань», 1998. – 256 с.

6. *Минаева Л.В.* Мультимодусность текстов печатных СМИ и рекламы // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 4. – С. 80–86.

7. *Мощева С.В.* Фонетико-орфографические особенности оформления рекламного дискурса (на материале английского и русского языков) // Материалы XXXVI международной филологической конференции. – СПб.: СПбГУ, 2007. – С. 78–84.

8. *Sykes J.B.* The Concise Oxford Dictionary of Current English. 7th ed. / ed. by J.B. Sykes. – Oxford: Oxford University Press, 1984. – 1260 c.

УДК 81'367.635

Ошанова Екатерина Сергеевна
Ижевский государственный технический университет
Oshanova_katja@mail.ru

ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ УПОТРЕБЛЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ПРАГМАТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

Цель данной статьи – анализ модальных частиц в акте коммуникации, который является центральным понятием в прагматических исследованиях, с учётом экстралингвистического аспекта. Работа посвящена описанию прагматических функций модальных частиц, а также выявлению особого случая их употребления.

Ключевые слова: *когнитивно-прагматический подход, иллоктивная функция, модальные маркеры, пресуппозиция, дискурс.*

Сферой реализации модальных частиц (далее – МЧ) является, как известно, разговорная речь, сам процесс коммуникации, и именно здесь они несут на себе максимум коммуникативного пласта высказывания [5, с. 27–30]. Признание того, что семантика МЧ имеет ярко выраженную прагматическую направленность и реализуется в конкретном высказывании в ситуации непосредственного общения двух и более коммуникантов при определенных прагматических условиях, послужило отправной точкой рассмотрения частиц на базе новой парадигмы знания, совмещающей в себе коммуникативный и когнитивный подходы в научно-исследовательской языковой практике [3, с. 230].

Что касается высказывания, то оно строится на предшествующем знании, зафиксированном в предтексте, и на прогнозировании последующих событий, которые могут найти свое выражение в посттексте. Также для понимания важно знать, что высказывание говорящего всегда кому-то адресовано, а адресация осуществляется с учетом статусных ролей говорящих [7, с. 205].

Следует сказать, что реализация особенностей функционирования прагматических высказываний с МЧ связана с конкретными обстоятельствами общения и предполагает наличие адресанта, адресата и широкого внеязыкового и языкового контекста. Так как в диалоге и в дискурсе обычно верифицируется, насколько обозначенное (сказанное, сообщенное) соответствует ситуации, интерпретируемой автором речевого произведения, поэтому феномен диалога мы считаем минимальной исследовательской базой для МЧ.

Также следует отметить, что в результате изучения когнитивных и прагматических аспектов функционирования высказываний с МЧ был установлен ряд универсальных, присущих большинству частиц, прагматических свойств: они способны акцентировать часть высказывания, маркировать

© Ошанова Е.С., 2012

рематическую часть высказывания, участвовать в организации дискурса, обеспечивать его когезию и когерентность. Появление МЧ в высказывании – это всегда апеллирование к собеседнику, условный сигнал о том, что передаваемая ему информация содержит некие очень важные моменты. Другими словами, МЧ несут в себе сигнал для слушающего о необходимости переключить фокус внимания на указанные аспекты ситуации.

Как известно, говорящий в речи преподносит сказанное со своих позиций, формируемых целым рядом прагматических моментов, а именно: предшествующим лингвистическим контекстом (предшествующими репликами, сегментами разговора), экстралингвистическим контекстом (ситуацией, обстоятельствами данного акта речи, пресуппозициями), конкретностью адресата (его персональным, социальным, а также эмоциональным статусом) и т.д. Исходя из этого, ни одно высказывание не может не быть не пронизано субъективностью.

Необходимо также подчеркнуть, что МЧ встречаются как в иллокутивно зависимых (чаще), так и в иллокутивно независимых диалогических репликах. Имеющиеся исследования по МЧ и собственный анализ позволяют определить главные пропозиционально-прагматические функции каждой из МЧ в виде когнитивной схемы:

doch – усиливает требование, упрек и настоятельность сказанных слов;

denn – выступает в значении усиления эффекта сказанного;

aber – она имеет две иллокутивные функции: первая выражает неожиданность, вторая – несогласие / возражение;

schon – передает уверенность говорящего в содержании высказывания. Что касается спектра эмоций, передаваемых данной МЧ, то он также весьма разнообразен: от одобрения и согласия – до нетерпения и раздражения;

auch – данной МЧ говорящий выражает свое мнение в том, соответствует ли действительное положение вещей тем представлениям и пожеланиям, какие у него в этом отношении имеются. Индикатор неуверенности и надежды на положительный ответ;

ja – подчеркивает хорошо всем известные или совершенно очевидные факты, в которых не может быть сомнения;

einmal/mal – придает любому высказыванию оттенок смягченности, некатегоричности и доверительности;

wohl – означает предположение, граничащее с уверенностью;

etwa – сохраняет семантику опровержения предположения;

bloß – характеризует признак обиходно-разговорного стиля;

nur – придает вопросу особую заинтересованность и настоятельность;

gar – употребляется для усиления (в основном негативного) предположения или риторического вопроса, на который ожидается отрицательный ответ;

eben – выступает только в повествовательных предложениях констатирующего обобщающего характера, где говорящий сообщает собеседнику, что положение вещей именно таково, как оно есть, что его нельзя изменить и остается только с ним примириться. Для таких высказываний характерен оттенок фатализма, даже пессимизма;

eigentlich – указывает на то, что говорящий обращается к новой теме разговора, сообщает беседе новое направление и при этом ждет от собеседника обстоятельного ответа, так как затронутый вопрос его интересует.

При анализе МЧ было обращено внимание на частое их скопление. Такое нагромождение МЧ производит в высказывании эффект эмоционального усиления. Данный случай мы отмечаем как особый случай их употребления в современном немецком языке.

Методом сплошной выборки найдены примеры высказываний с МЧ, так называемые «экспрессивы», то есть речевые высказывания, цель которых – эмоциональное воздействие на адресата. Такие прагматические высказывания с МЧ выступают в качестве иллокутивных маркеров.

Вышесказанное можно продемонстрировать на примерах художественных текстов, тем самым показав, каким образом данные МЧ реализуют свою специфику и в чем заключается их функциональное своеобразие:

1. “Du hast **ja** alles verstanden und dir ein Bild gemacht, und nun glaubst du, mich meiner Verirrungen wegen bedauern zu müssen; das sehe ich **doch**”, fuhr er mit erhobener Stimme fort.

“**Aber**, Nikolai Dmitritsch!“ Maria Nikolajewna redete wieder flüsternd auf ihn ein und trat näher an ihn heran.

“Nun, **schon** gut, **schon** gut! Wie ist es **denn** nun mit dem Abendessen? Ah, da kommt er **ja**”, sagte er. [9, c. 127].

В данном примере обе частицы **ja** и **doch** выполняют усилительную функцию, но **ja** усиливает больше значения требования, а **doch –** утверждения. Также в качестве иллокутивной функции усиления эффекта выступает выражение «mit erhobener Stimme». Здесь видно, что собеседники обладают разным социальным, а также эмоциональным статусом, что проявляется и в употреблении МЧ. Первый собеседник является, очевидно, хозяином положения, а женщина подчиняется и пытается продолжить разговор, привлекая свое внимание частицей **aber**, которая подчеркивает основное слово, но и сохраняет значение возражения. Видно также, что собеседник идёт на контакт и словами «**schon** gut, **schon** gut» успокаивает, хотя и не пол-

ностью согласен с собеседником, и хотел бы сменить либо закрыть тему разговора.

2. “Mein Gott!” rief Lewin plötzlich so laut aus, daß Sergej Iwanowitsch zusammenschrack.

“Was hast du **denn**?”

“Wie geht es **denn** Agafja Michailowna mit ihrer Hand?” fragte Lewin und schlug sich vor die Stirn. “Daran habe ich **gar** nicht mehr gedacht.“

“Es ist bedeutend besser.“

“Nun, ich will **aber doch mal** zu ihr hinschauen. Bis du deinen Hut geholt hast, bin ich wieder da.“ [9, c. 363].

Во втором примере нагромождение частиц также производит эффект эмоционального усиления, причем эмоции выражены очень ярко. По вопросу с МЧ **denn** чувствуется, как собеседники реагирует на слова друг друга, выясняя и уточняя различные частные, дополнительные моменты и обстоятельства. Здесь хорошо видно, как вопросительные предложения с МЧ **denn** представляют собой реакцию одного из собеседников на вопрос своего партнера по коммуникации: «Wie geht es **denn** Agafja Michailowna mit ihrer Hand?». И продолжение предложения «und schlug sich vor die Stirn» ещё больше показывает, что мужчина обеспокоен самочувствием Агафьи Михайловны. Далее МЧ **gar** усиливает все высказывание в целом. И когда вроде бы уже получен ответ, что все в порядке, мужчина все равно настаивает на своем. На это нам указывают сразу 3 МЧ **aber doch mal,** которые подчеркивают настоятельность и убедительность его слов. Это предложение мы может представить в следующей схеме: я хочу – «иллокуция», все-таки увидеть ее – «пропозиция», это решено и не может быть никаких сомнений – «пресуппозиция».

3. „Nehmen wir **nur** Swijashski. Ich kenne den Boden bei ihm – eine reine Goldrube! **Aber** mit seiner Ernte ist **auch** er nicht **recht** zufrieden! Die Aufsicht fehlt **eben**.“

“**Aber** du wirtschaftest **doch auch** mit Arbeitern?“

“Bei uns Bauern ist was anderes. Wir sind überall selber hinterher. Taugt einer nichts – dann weg mit ihm! Wir schaffen es **auch** allein.“ [9, c. 458].

В данном диалоге наблюдается сложная система переплетения нескольких иллокутивных функций. Так, **nur** свидетельствует о нейтральном, общелитературном стиле речи. Далее тон и интонация собеседников повышаются, о чем свидетельствуют восклицательные предложения и сразу 3 МЧ **aber auch recht,** где каждая проявляет себя в соответствующей интенции. МЧ **aber** говорящий показывает свое несогласие или возражение, что означает, что говорящий придерживается своего мнения, несмотря на обстоятельства и поведение своего собеседника. Как мы видим, она употребляется также часто в ответных репликах, где не только подчеркивает основное утвердительное или отрицательное слово, но и сохраняет значение возражения. **Eben** выступает только в повествовательных предложениях констатирующего обобщающего характера, где говорящий сообщает собеседнику, что положение вещей именно таково, каково оно есть, что его нельзя изменить и остается только с ним примириться. Для таких высказываний характерен оттенок фатализма, даже пессимизма. **Auch** представляет собой выражение упрека или досады. Как показывает данный пример, **auch** появляется в высказываниях с явно выраженным нежеланием спорить (скрытая просьба не спорить на эту тему). Но даже восклицания, оформленные этой частицей, не имеют той экспрессии, какой обладают восклицания с частицей **doch,** особенно если они дополняют друг друга и используются в вопросе со значением повелительного наклонения либо в вопросе. При этом говорящий ждет от собеседника подтверждения содержания своего высказывания в вопросительном предложении «**Aber** du wirtschaftest **doch auch** mit Arbeitern?».

Другой пример с данными МЧ в устной спонтанной речи (телефонный диалог двух приятелей) демонстрирует следующие особенности:

4. AA ich hab mir das überlegt. es ist **doch** vielleicht viel besser, wenn ich zu dir rein komme. ich sitze da in meinem Auto und mir pfeift der Wind nicht um die Ohren

AB (ach so) (nein) (nein). ich ich fahr gern ein bißchen…

AA (ach so) (ja), wenn du gerne fährst,

AB **(na ja) (eben) (ja) (doch) (doch)**. ich möchte gern ein bißchen fahren [10, c. 51].

В данном примере МЧ **ja** употребляется для подчеркивания хорошо всем известных или совершенно очевидных фактов, в которых не может быть сомнения. Степень очевидности и несомненности сообщаемых фактов может быть различной, но всякий раз, когда говорящий стремится убедить своего собеседника в том, что он говорит об очевидных и бесспорных вещах, он употребляет МЧ **ja**, хотя могут быть случаи, когда он и сам не вполне твердо верит в то, что утверждает. МЧ **eben** маркирует выражение говорящим своих чувств по поводу восприятия им речевой ситуации как объективной, неизбежной и единственно возможной в предложениях повествовательного и директивного характера. Нетрудно заметить, что в приведенном примере говорящий с помощью МЧ **eben** резюмирует все сказанное, как бы подводит итог конкретной теме разговора, показывая этим, что тема исчерпана и разговор или должен быть закончен, или должен принять другое направление. Для определения прагматической функции данного предложения, а именно оттенка пессимизма и значения примирения с неизбежным, мы должны обратиться к более широкому контексту предложения.

Следует отметить, при наличии в художественном тексте двух или трех МЧ, следующих друг за

другом, одна или две из них будут основными, ведущими в выражении модального значения, другие – подчиненными.

Таким образом, анализ актуализации МЧ в устных диалогических текстах также с полным правом подтверждает правомерность утверждения о наличии семантико-прагматического потенциала в разных видах человеческой коммуникации (устной спонтанной и художественной фиксированной). В обоих видах МЧ служат маркерами *резюмирующего* указания на совпадение пресуппозиций собеседников или пресуппозиций говорящего и ситуации, основанного на осознании говорящим тривиальности описываемых в пропозиции фактов действительности с дальнейшей экспликацией иллокуивных и модально-оценочных характеристик МЧ.

Кроме того, общим для всех случаев употребления является то, что рассматриваемые МЧ, указывая на общность фонда знаний обоих коммуникантов относительно сложившейся ситуации, способны реализовывать иллокутивные возможности когнитивных моделей в актах коммуникации.

Подытожив все вышесказанное, следует подчеркнуть, что исследованные высказывания с МЧ показывают, что данные МЧ образуют систему «прагматически насыщенных», субъектно-ориентированных речевых единиц, определяющих своеобразие обиходного дискурса.

Библиографический список

1. *Гак В.Г.* Прагматика, узус и грамматика речи // ИЯШ. – 1982. – № 5. – С. 11–17.
2. *Кацнельсон С.Д.* Речемыслительные процессы // ВЯ. – 1984. – № 4. – С. 3–12.
3. *Кубрякова Е.С.* Парадигма научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз., 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 3–16.
4. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 2002. – С. 272.
5. *Стародумова Е.А.* Акцентирующие частицы в русском языке. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1988. – С. 96.
6. *Фефилов А.И.* Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // Филологические науки. – 1991. – С. 64–73.
7. *Фефилов А.И.* Введение в когитологию: учебное пособие. – М.: Флинта-Наука, 2010, – 240с.
8. *Linke A., Nussbaumer M., Portmann Paul R.* Studienbuch Linguistik. – Max, 1995. – 272 S.
9. *Lew Tolstoi*. Anna Karenina. Erster Band: Rütten&Loening – Berlin, 1977. – S. 621.
10. Texte gesprochener deutscher Standartsprache. Erarbeitet im Institut für deutsche Sprache, Forschungsstelle Freiburg i.Br.Bd.3: Alltagsgespräche. Hrsg. Und eingeleitet von Harald P. Fuchs und Gerd Schank. – München, 1975. – S. 171.

УДК 81’42

Рубцова Анастасия Сергеевна
Московский педагогический государственный университет
rubtsova87@rambler.ru

КОНФЛИКТ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТЕ

Статья посвящена изучению конфликтной ситуации как столкновения личностей в ходе общения и ее отражению в текстах произведений художественной литературы. Рассматриваются понятия маркеров – возбудителей конфликта и маркеров выражения конфликта.

Ключевые слова: *конфликт, экстремальная ситуация, уровень коммуникативного контроля, конфликтогены, конфликтообразующие и конфликтоподдерживающие реплики.*

На протяжении своей жизни человек ежедневно сталкивается с множеством ситуаций. Среди них особенно выделяются те, которые многие психологи обозначают как экстремальные (критические), то есть ситуации, требующие преодоления или разрешения.

Н.В. Волкова делит эти ситуации по степени значимости на повседневные (**everyday life**) и поворотные (**life change events**) [5, с. 40–41]. Следует также отметить, что понятие экстремальной ситуации имеет несколько обозначений, например: ситуации психологической угрозы (Lazarus), кризисные ситуации (А.К. Болотова, Т.М. Титаренко), проблемные ситуации (А.М. Матюшкин, Т.В. Кудрявцев) и др.

В современной психологии некоторые ученые (например, Ф.Е. Василюк в работе, посвященной рассмотрению трудных жизненных ситуаций) выделяют четыре ключевые понятия, помогающие раскрыть явление экстремальной ситуации: стресс, фрустрация, кризис и **конфликт** [3, с. 31].

Однако можно утверждать, что данные понятия не стоят в одном ряду, так как конфликт представляет собой характер столкновения личностей, а стресс и фрустрация являются состояниями личности; кризис личности можно рассмотреть как более общее понятие: наличие кризисной ситуации дает развитие конфликту, а также сопровождается ваше указанными состояниями – стрессом и фрустрацией. А.В. Дмитриев формулирует определение соотношения конфликта и кризиса следующим образом: «Не всякий конфликт неизбежно ведет к кризису, но в основе кризиса – всегда конфликт» [8, с. 287].

© Рубцова А.С., 2012

Несомненно, конфликт является фактом общественной жизни. И в межличностных отношениях, и в групповом взаимодействии мы нередко наблюдаем противоположность позиций при коммуникативном контакте. Изучение этих столкновений («конфликт»: от лат. «conflictus» – столкновение) привело к созданию нового научного направления – конфликтологии.

Анализ различных определений понятия «конфликт» в психологических источниках [Громова, 2000; Большая Психологическая Энциклопедия, 2007; Буртовая, 2002; Шапарь, 2006; Еникеев, 2007] выявляет наиболее частое употребление таких слов, как «противоборство», «противостояние», «столкновение», «несовпадение», «расхождение», «противоречие». Таким образом, неизменным компонентом данного понятия является столкновение интересов сторон, чаще всего – двух. В нашей работе мы будем придерживаться следующего определения понятия «конфликт» (по М.Я. Блоху): конфликт представляет собой противостояние сторон, основанное на взаимоисключающих отношениях к некоторому предмету интереса (материальному, духовному и др.).

Как было сказано выше, экстремальная ситуация характеризуется личностными особенностями субъекта данной ситуации. Неустойчивый, амбициозный, грубый, склонный к агрессивности человек, очевидно, чаще будет участником конфликта и зачастую именно его инициатором. Человек с устойчивым отрицательным отношением к другому индивиду (группе), проявляющий это в неприязни, недоброжелательности, также достаточно явно стремится к открытому столкновению (такое устойчивое отрицательное отношение Н.И. Леонов называет «антипатией» [11, с. 130]).

Конфликтный потенциал личности, по мнению О.В. Куземы, неразрывно связан с такими личностными характеристиками, как локус контроля, экстравертированность, и что важно, – **уровень коммуникативного контроля** [10, с. 63]. Именно от уровня коммуникативного контроля зачастую зависит склонность личности к конфликтному поведению. В первую очередь, коммуникативный контроль является социально-психологическим термином, но он же и определяет речевое поведение личности. Участник коммуникативного акта, обладающий высоким уровнем коммуникативного контроля, старается не допускать возникновения конфликтной ситуации, и тем более **эскалации** конфликта, то есть его последовательного и неуклонного нарастания, усиления. Также стоит отметить, что субъект конфликта, обладающий низким конфликтным потенциалом, достаточно легко допускает «переструктурирование», то есть изменение своей позиции, ценностей или установок для разрешения конфликта [14, с. 126–143].

Таким образом, мы видим, что конфликтная ситуация всегда является производной определенного речевого поведения, иными словами, по мнению А.А. Мурашова, она представляет собой «производную негативного коммуникативного сценария» [12, с. 298].

Чаще всего лингвистика стремится описать особенности коммуникативного успеха, однако, исследуя феномен успешной коммуникации, мы неизбежно сталкиваемся с понятиями «коммуникативная неудача», «коммуникативный провал», «языковой конфликт». Некоторые исследователи называют конфликтное речевое поведение «коммуникативным саботажем». Т.М. Николаева, говоря о данном явлении, выделяет четыре вида подобного «саботажа»: установка на навязывание коммуниканту своего мнения об обсуждаемой ситуации; нежелание дать ответ на вопрос; стремление к уходу от аспекта беседы; желание обидеть, задеть собеседника [13, с. 268–276]. Термин «коммуникативная неудача» подразумевает полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации. Однако, по мнению Третьяковой, не всякая коммуникативная неудача перерастает в конфликт [15]. Конфликт, как уже говорилось ранее, – это противоборство партнеров в процессе общения, чаще всего выражающееся соответствующими негативными средствами языка и речи. В то время как коммуникативная неудача – следствие несовпадения импликатур (информации, которую закладывает говорящий) и инференций (того, что извлекает слушающий) одного и того же высказывания [9]. Таким образом, речевой конфликт возникает из конфликтного противонаправленного взаимодействия субъектов речи.

Наиболее ярко особенности восприятия конфликта отражаются в лексико-семантической и грамматической языковых системах. Причинами перехода коммуникации в информативном режиме в конфликтную зону чаще всего являются слова, жесты, оценки, суждения, действия (или бездействия) одной или обеих сторон, иными словами, – конфликтогены [11, с. 135].

В нашей статье мы относим к конфликтогенам *маркеры возбудителей* конфликта (языковые конфликтогены, а также жесты, мимика, действия, способные привести к возникновению конфликтной ситуации) и *маркеры выражения* конфликта (определенные модели речевого и невербального поведения непосредственно в рамках конфликтного коммуникативного акта).

Если рассматривать понятие языковых конфликтогенов, то маркерами-возбудителями конфликта будут являться *конфликтообразующие* реплики, а маркерами выражения конфликта – реплики *конфликтоподдерживающие*.

Достаточно ярко конфликтное речевое поведение находит отражение в текстах художественных произведений и присутствует практически во всех типах коммуникативных актов. По мнению Н.Д. Го-

лева, художественный текст «обобщает и типизирует» явления, связанные с речевыми конфликтами, и создает «существенную базу для изучения этого феномена как проявления реальной жизни» [6].

И действительно, в лингвистике текста последние десятилетия художественные произведения воспринимаются в качестве своеобразного коммуникативного процесса. Как считают М.Ю. Блох и Ю.М. Сергеева, «художественный текст обнаруживает определенный параллелизм с естественными речевыми актами» [1, с. 186]. Текст, таким образом, представляет собой способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка.

По мнению Н.Д. Голева, одну из наиболее острых форм конфликтного взаимодействия представляет собой ссора – в художественном тексте она зачастую является ярким сюжетообразующим началом и позволяет показывать поведение персонажей в жестких, иногда даже экстремальных ситуациях [6].

Таким образом, конфликт в тексте обобщает противоречие, наблюдаемое автором в реальной жизни. Однако в тексте этот конфликт персонифицирован и «очеловечен» автором через конкретных героев. Художественный текст, собственно, является не только эстетически обогащенным отражением окружающей действительности, но и выражением «средствами языка модели авторского отношения к миру» [2, с. 189].

Если рассматривать художественную драматургию, то она представляет собой конфликт в развитии. Именно картина развития основного конфликта является важным критерием художественной целостности произведения.

Ярким примером конфликтной ситуации в пьесе является ссора лорда Дарлингтона и лорда Уиндермира в произведении Оскара Уайльда «Lady Windermere's Fan». Конфликтный коммуникативный акт представляет собой сверхфразовое единство, состоящее из отдельных диктем, каждая из которых реализуется целой репликой героя:

LORD WINDERMERE. You **must** know. I **demand an explanation**. Don't hold me, you fool. [To CECIL GRAHAM.]

LORD DARLINGTON. [Aside.] She is here after all!

LORD WINDERMERE. **Speak, sir**! Why is my wife's fan here? **Answer me**! By God! I'll search your rooms, and if my wife's here, I'll-- [Moves.]

LORD DARLINGTON. **You shall not search** my rooms. **You have no right** to do so. **I forbid you!**

LORD WINDERMERE. **You scoundrel!** I'll not leave your room till I have searched every corner of it! What moves behind that curtain? [Rushes towards the curtain C.]

Каждая конфликтообразующая и конфликтоподдерживающая реплика, как уже было сказано выше, представляет собой диктему и создает цельный образ конфликтного события (по определению М.Я. Блоха, диктема является элементарной тематической единицей связной речи [1, с. 56–67]). Односоставные глагольные восклицательные предложения с глаголом-сказуемым «Speak, sir!» и «Answer me!», несомненно, являются средством выражения экспрессии и содержат в себе конфликтный потенциал. Более того, эти предложения являются восклицательными, как и ещё несколько предложений в представленном отрывке произведения. В данном случае мы можем говорить о том, что восклицательный знак является маркером выражения конфликта и свидетельствует о нарастающем напряжении.

В художественной же прозе автор переключает формы «речетворческих актов», например, с описания на диалог [2, с. 196]. Конфликтные речевые действия выражаются не только в речи самих персонажей, но и в авторской речи, что дает возможность множественной интерпретации текста.

Так, например, рассмотрим разговор Джейн Эйр со своей тетей Миссис Рид в романе Шарлоты Бронте «Jane Eyre»:

"**Go out of the room; return to the nursery**," was her mandate. My look or something else must have struck her as offensive, for she **spoke with extreme though suppressed irritation**. I got up, I went to the door; I came back again; I walked to the window, across the room, then close up to her…

Следует отметить, что в данном романе повествование ведется от лица самой Джейн Эйр, то есть она, рассказывая свою историю, является персонифицированным повествователем и выполняет функцию центрального ориентира. Именно через речь рассказчика мы видим эмоциональное состояние Миссис Рид в момент произнесения фразы. Реплика, содержащая глаголы в побудительном наклонении, произносится «*with extreme though suppressed irritation*», что подтверждает наличие конфликтной ситуации. Невербальные маркеры выражения конфликта (движение героини – "got up", "went", "came back", "walked to") олицетворяют взволнованность Джейн в момент конфликтного разговора.

Далее Джейн непосредственно описывает свое эмоциональное состояние в момент произнесения следующих реплик. Ремарки повествователя и «обрамление» своей косвенной речи эффективно воссоздают эмоциональное напряжение в конфликтной ситуации:

…That eye of hers, that voice stirred every **antipathy** I had. **Shaking from head to foot, thrilled with ungovernable excitement**, I continued –

"I am glad you are no relation of mine: I will never call you aunt again as long as I live. I will never come to see you when I am grown up; and if any one asks me how I liked you, and how you treated me, I will say **the very thought of you makes me sick**, and that you treated me with miserable cruelty."

"**How dare you affirm that**, Jane Eyre?"

"**How dare I, Mrs. Reed? How dare I?** Because it is the *truth*…"

Диктема, представленная переспросом, повтором реплики в конце приведенного отрывка, выражает протест Джейн Эйр, её несогласие с тетей, то есть она уверена, что может рассуждать именно так. Этот переспрос имеет значительный эмотивный потенциал и является языковым маркером выражения конфликта. Следует также обратить внимание на тот факт, что слово «the truth» графически выделено курсивом, а это обычно происходит, когда автор стремится сделать акцент на каком-либо слове, выделить его, чтобы таким образом показать, что в самой речи это было бы сказано громко – эмоционально.

Ярким примером конфликтного коммуникативного акта является сцена из повести Фрэнсис Бёрнет «A Little Princess», где Сару, маленькую сироту, отчитывает настоятельница школы:

"What are you thinking of?" she demanded. "Why do you look at me like that?"

"I was wondering," answered Sara, as she had answered that notable day in the schoolroom.

"What were you wondering?"

[…]

"I was wondering," she said in a low voice, "what my papa would say if he knew where I am tonight."

Miss Minchin **was infuriated** just as she had been before and her **anger** expressed itself, as before, in an intemperate fashion. **She flew at her and shook her.**

"**You insolent, unmanageable child!**" she **cried**. "**How dare you! How dare you!**"

Отрывок представляет собой диалог персонажей с вкраплением авторских ремарок, где снова каждая реплика является выражением диктемы, так как поставлена в позицию особой информативной значимости [1, с. 56–67]. Слова Мисс Минчин уже демонстрируют ее неприязнь к ребенку, в то время как маленькая Сара ничем не провоцирует учительницу. Такой конфликтный коммуникативный акт можно назвать однонаправленным, где Мисс Минчин, проявляя агрессию, явно выступает в роли инициатора и возбудителя конфликта, однако ребенок от этого конфликта пытается уклониться, не понимая, в чем его вина. В завершении разговора автор прямо указывает на эмоциональное состояние субъекта, используя лексемы, называющие эмоции («was infuriated», «anger»). Более того, мы видим и невербальные маркеры выражения конфликта – «she **flew at** her and **shook** her». Последняя реплика Мисс Минчин в данном отрывке крайне эмоциональна и является «пиком» конфликтного коммуникативного акта. Первое восклицательное предложение является негативной оценкой личности, оскорблением («insolent» – дерзкий, нахальный) и демонстрацией возмущения героини. Далее мы видим синтаксический повтор одной и той же крайне эмоциональной фразы «How dare you!» («да как ты смеешь!»). Эти реплики разделены глаголом «to cry», имеющим звуковое оформление и представляющим собой «понтенциально-речевой глагол» (голосовое проявление здесь наложено на говорение) [2, с. 225].

Таким образом, с точки зрения речевого поведения, конфликт представляет собой вербально выраженное столкновение участников коммуникации, вызванное психологическими и коммуникативными причинами. Конфликтный коммуникативный акт – это противоборство партнеров в процессе общения, чаще всего выражающееся соответствующими негативными средствами языка и речи. Художественный текст являет собой своеобразный коммуникативный процесс, отражение этого столкновения. Следовательно, конфликт в тексте обобщает противоречие, наблюдаемое автором в реальной жизни. Однако в тексте этот конфликт персонифицирован и «очеловечен» автором через конкретных героев. Именно картина развития основного конфликта является важным критерием художественной целостности произведения. В тексте конфликтные коммуникативные акты представляют собой сверхфразовые единства, состоящие из отдельных диктем, реализуемых репликами героев. Грамматический, синтаксический, лексический и стилистический анализ письменного текста конфликтного характера позволяет выявить лингвистические составляющие конфликта.

Библиографический список

1. *Блох М.Я.* Диктема в уровневой структуре языка // ВЯ. – 2000. – № 4. – С. 56–67.

2. *Блох М.Я., Сергеева Ю.М.* Внутренняя речь (языковой строй и функциональная природа). – М.: ЭРА, 2009. – 308 с.

3. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.

4. *Вишнякова Н.Ф.* Конфликт – это творчество? // Тренинговый практикум по конфликтологии. – Минск, 1996.

5. *Волкова Н.В.* Изучение критических ситуаций в контексте психобиографического подхода: теория, методология, методика исследования // Материалы XI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М.: Изд-во МУ, 2004. – С. 40–41.

6. *Голев Н.Д., Лебедева Н.Б.* Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В.М. Шукшина) // Юрислингвистика-2. – Барнаул, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v86.html (дата обращения: 02.09.2011).

7. *Громова О.Н.* Конфликтология. Курс лекций. – М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем»; Издательство ЭКМОС, 2000. – 320 с.

8. *Дмитриев А.В.* Конфликтология: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с.

9. *Зализняк А.* Реконструкция «истинного смысла» реплик в конфликтном диалоге: постановка проблемы / Институт языкознания РАН, Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Zalizniak%20Anna.htm (дата обращения: 28.08.2011).

10. *Кузема О.В.* Конфликтные взаимодействия. Пути и методы их исследования // Прикладная психология и педагогика. Вып. 3. – М., 1999. – С. 63.

11. *Леонов Н.И.* Конфликтология. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002. – 192 с.

12. *Мурашов А.А.* Личность и речь: Эпоха кризисов: учеб. пособие. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2005. – 504 с.

13. *Николаева Т.М.* О принципе «некооперации» и / или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. – М., 2003.

14. *Петровская Л.* О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта: теоретические и методологические проблемы социальной психологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

15. *Третьякова В.С.* Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0027(03_14_2003)&xsln=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp (дата обращения: 11.06.2011).

16. Bronte Ch. Jane Eyre/ Foreign Languages Publishing House. – Moscow, 1958. – P. 53.

17. Burnett F.H. A Little Princess. – К.: Знання; М.: Рыбари, 2010. – P. 245.

18. The plays of Oscar Wilde/ Wordsworth Classics, 2000. – P. 204–205.

УДК 808.2

Цветкова Елена Вячеславовна

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

НАИМЕНОВАНИЯ ТРОПЫ В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ: ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Костромские микротопонимы – наименования тропы подтверждают, раскрывают и дополняют лингвогеографические данные, отражающие ареальные связи костромских говоров с говорами других регионов. Образованные на основе нарицательной лексики и не потерявшие связи с ней, они являются важным источником сведений о лексико-семантической системе костромских говоров.

Ключевые слова: *диалектология, ономастика, топонимия, микротопонимия, лингвогеография.*

Топонимы создают отражённый, вторичный мир, как бы моделируя и подтверждая многие актуальные, прежде всего лексические, явления речевого узуса. Апеллятивные и топонимические системы тесно связаны. Подтверждением этому являются разноаспектные, в том числе и лингвогеографические, характеристики региональных лексико-семантических систем.

В книге Г.Г. Мельниченко «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)» и в приложении к ней в виде лингвистических карт атласа представлены разнообразные по семантике и словообразованию диалектные группы лексики на большом, объединённом общей историей происхождения пространстве, в том числе и на территории современной Костромской области. Данная работа, представляющая ценность для изучения костромских говоров, стимулирует лингвогеографические исследования как различных апеллятивных групп, так и топонимии, мотивированной местной нарицательной лексикой. Топонимия, образованная на основе народной географической терминологии, может служить как подтверждением лингвогеографического анализа картографируемой лексики на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества, так и дополнительным к ней комментарием.

Характеризуя наименования тропы в костромских говорах, мы обратились к материалам карты № 80 «Названия тропинки» лингвистического атласа Г.Г. Мельниченко, отражающей распространение соответствующих номинаций на картографируемой территории. Отражённые на карте изолексы обширного региона дают представление об ареальных связях костромских говоров с говорами как территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества, так и сопредельных пространств. Материалы карты позволяют проследить ареальную специфику лексики говоров костромского края.

Во всех костромских говорах наименования тропинки, как апеллятивные, так и проприальные, характеризуются многочисленностью, частотностью употребления в речи жителей. В каждом населённом пункте существует немало микротопонимов, образованных на основе большей части номинаций, отражённых на указанной лингвистической карте. Это и односоставные (образованные путём перехода имени нарицательного в имя проприи-

© Цветкова Е.В., 2012

альное без каких-либо словообразовательных изменений), и составные (образованные путём присоединения к апеллятиву определения – характеристики объекта по его внешнему виду или какому-либо другому качеству, по отношению к другим объектам, к человеку) по структуре наименования, например: Тропа́, Тропи́на, Тропи́нка, Тро́пка, Тро́почка, Прямýшка, Ве́рина тро́пка, Ко́стинская тропа́, Ивано́ва тропинка, К Кривулю́ тропи́нка (д. Екатеринкино, д. Борисово, д. Новомарьино, п. Кадый Кадыйск. р-она), К-Жара́м тро́пка, На-Семёновское тропи́нка, тропа́ У ба́бки Ка́тиного до́ма, тро́пка У Ма́ши Коро́тковой, У Ла́базова тро́пка, Тро́почка, К Роднику тропинка (д. Калинки Судиславск.) и т. д. Такие названия небольших объектов местного значения, отражающие физико-географические особенности местности, наиболее информативны в плане характеристики диалектных особенностей лексики.

Исследуемая нами карта посвящена репрезентации лексических (в основном) и словообразовательных различий в наименованиях тропинки, которые проявляются в говорах картографируемой территории. Первый уровень противопоставления образует инвариантный ряд лексем с корнями *глоб-* (гло́ба, гло́бка, гло́бочка), *дорож-* (доро́жка), *прям-* (пря́мка, прямýшка), *стёж-* (стёжка), *троп-* (тропа́, тро́пка, тро́почка, тропи́нка). Второй уровень противопоставления образует вариантный ряд лексем, различающихся суффиксами. Вне группы однокоренных лексем *тропа*, *тропка*, *тропочка* даётся только входящая в название карты общеупотребительная повсеместно и наиболее распространённая номинация *тропинка*. Основную группу наименований, распространённых в говорах картографируемой территории, составляют производные образования с корнем *троп-*. Карта демонстрирует широкое распространение лексемы *тропинка* (другие номинации составляют ей значительную «конкуренцию» только в Ярославской и Московской областях). Лексемы *тропа*, *тропка*, *тропочка* также имеют место в говорах всех регионов. И это не случайно, поскольку общенародная лексика, по сравнению с диалектной, составляет основу словарного состава любого местного говора, преобладая и количественно, и по частотности употребления. «Преобладание общенародных элементов в словарном составе местных говоров характерно не только для современного их состояния, но и для далёкого прошлого», – пишет в своей книге Г.Г. Мельниченко, обращая внимание на сложность и динамичность соотношений между общенародной и диалектной лексикой [9, с. 21].

Значительны ареалы (например, в ивановских, вологодских говорах) распространения лексемы *дорожка*. Что касается остальных номинаций (*глоба*, *глобка*, *глобочка*, *стёжка*, *прямка*, *прямушка*), то они характеризуются широким распространением в одних говорах, малочисленностью и единичностью или отсутствием в других говорах. Например, лексемы *глоба*, *глобка*, *глобочка* преобладают в ярославском крае, малочисленны в костромских говорах и в значительной части вологодских говоров, отсутствуют в ивановских, кировских, горьковских, московских, калининских (картографируемых) говорах. Лексемы *прямка*, *прямушка*, отсутствующие во многих регионах, образуют чёткие ареалы в Костромской и соседних Кировской и Вологодской областях. Лексема *стёжка* широко представлена в ярославских и московских говорах, единична в Горьковской и Вологодской областях, образует небольшие ареалы в Костромской области. Костромская область, наряду с Вологодской областью (менее наглядно), выделяется тем, что на её территории имеют место все картографируемые на карте наименования.

Картографируемую территорию Г.Г. Мельниченко делит по ареалам распространения слов на 16 зон, описание которым даётся в соответствии с признаками, характеризующими определённое наличие – отсутствие тех или иных номинаций в данной конкретной зоне и в зонах, смежных или не смежных с нею. Например, ареалы лексемы *глобка* охватывают зону II и смежные и последующие зоны (I, IV, V, VIII), лексема зоны VI *прямушка* характерна и для говоров Вологодско-Кировской группы (зона VII). По наименованиям тропинки для территории Костромской области, оказавшейся в пределах нескольких лексических зон (в основном VI и VII, значительно III, VIII, IX, частично V и X) и за их пределами, наиболее разнообразными являются ареальные связи зон VI, VII и VIII. По распространению названий костромские говоры ареально связаны со всеми говорами в пределах Владимиро-Суздальского княжества и за его границами. Доминирующей является связь с другими лексическими системами севернорусского наречия (в основном с говорами вологодскими и кировскими). Можно отметить, например, наличие полного совпадения ряда изолекс в костромских, вологодских и кировских говорах. Сравнение с ярославскими говорами даёт сведения и о несовпадающих изолексах.

Материалы картотеки костромского топонимического словаря подтверждают, расширяя указанные на карте ареалы, преобладание в костромских говорах номинаций *тропи́нка*, *тропа́*, *тро́пка*, *тро́почка*, *тропи́ночка*. Отмечаем наибольшую продуктивность лексемы *тропа*: Лошнико́вская тропа. *Лошниковская тропа соединяет деревню Ильино с селом Смольница. По Лошниковской тропе ближе идти до Ильино* (Смольница, Ильино Буйск.); Новогра́фская тропа. *Соединяет деревню Ильино с селом Новографским. По Новографской тропе кто-то на мотоцикле проехал* (Ильино Буйск.); Сели́щенская тропа. *Тропа к Селищенско-*

му колодцу. На Селищенской тропе стоят указатели к колодцу (Ильино Буйск.); Миле́нинская тропа. *Миленинская тропа – в лесу Розгары, по ней ходят по грибы* (Борисово Кадыйск.); и т. д. Значительно количество названий с лексемами *тропка, тропинка*: Исто́минская тропка. *Истоминская тропка – по болоту* (Кузелино Солигаличск.); Першу́тинские тропинки. *За деревню Першутино. Это тропинки за Першутино, вот и Першутинские значит* (Калинки Судиславск.); К Школе тропинка. *К школе по ней через лесок бегали* (Кадый); К Игу́менке тропинка. *К Игуменке тропинкой ближе было на поле-то* (Екатеринкино Кадыйск.); Тропки. *За грибами да ягодами на Тропки ходили* (Зайцево Красносельск.); и т. д. Меньшим количеством представлены в топонимии лексемы *тропочка, тропиночка*: Бли́жняя тропочка / Тропочка. *Ближней тропочкой пойдёшь?* (Калинки Судиславск.); Фе́рмерская тропиночка / Тропиночка. *Видишь по Фермерской тропиночке Карандаши идут?* (Екатеринкино Кадыйск.); и т.д. Географический термин в наименованиях часто варьируется: Дми́триевская тропа / тропка. *Сворачивает с Макаровской дороги к Дмитриевскому оврагу. После дождя по Дмитриевской тропе пойдёте – все мокрые будете: там трава высокая. Дмитриевская тропка – к Дмитриево. Дмитриевская тропа петляет меж кустов* (Ильино Буйск.); Тара́нинская тропа / тропка. *Таранинская тропа проходит через бор, к деревне Таранино. Я часто ходила по этой Таранинской тропке* (Медениково Костромск.); Бе́дринская тропа / тропинка, тропа / тропинка В Рома́ново. *Бедринская тропинка – это у пруда, шла к Бедрино, и тропа в Романово. Бедринской тропой прошли быстрее. А дальше на Романовскую тропинку с Семёновской дороги* (Калинки Судиславск.); и т. д.

В составных наименованиях географический термин часто сопровождается определением, образованным на основе антропонима или топонима (чаще ойконима или образованного на его основе другого топонима): Лео́новская тропа. *Проходит через деревню Леоново по дороге к Ильино. Леоновскую тропу зимой совсем заносит, потому что никто почти по ней не ходит. Леоновская тропка только летом есть* (Ильино Буйск.); Ра́кинская тропа. *Ведёт из деревни Ильино в бывшую деревню Ракино. Сначала идите по Ракинской тропе, а потом свернёте направо. По Ракинской тропе можно к реке выйти* (Ильино Буйск.); Дене́жниковская тропа. *Денежникова тропа – к деревне Денежниково. Эта Денежникова тропа хорошая* (Караваево Костромск.); Тага́нская тропа. *Таганской тропой идём на Таганскую дорогу за клюквой* (Октябрьск.); Матро́сова тропа. *Тропа в деревню мимо дома Матросова* (Бабиково Судиславск.); Шу́биных тропа, Я́блокова тропа (Судиславль); Чугуни́хина тропка (Разгоняй Судиславск.); и т. д. Названия троп часто отражают связь с животными (чаще волком, зайцем и медведем): За́ячья тропа. *Заячья тропа около трассы Кадый – Макарьев. На Заячьей тропе всегда можно увидеть зайцев* (Селище Кадыйск.); Во́лчья тропа. *Шли по Волчьей тропе* (Любимовка Макарьевск.); За́ячья тропа / тропинка. *Тропинка в лесу, где водилось много зайцев. По Заячьей тропе ходят зайцы* (Новинское Нерехтск.), Весе́нняя тропка / Медве́жья тропка. *По Медвежьей тропке ходили в Крутую гору, когда весной Ветлуга разливалась, пройти в деревню нельзя было* (Шайменский Павинск.); Во́лчья тропа. *Глухая тропа из деревни Толтуново в деревню Марфинское* (Толтуново Галичск.) и т. д. Многочисленны наименования, представляющие собой предложно-падежные конструкции: Тропа У Школы. *Идёт от школы и соединяет Центральную улицу со Школьной улицей. Пойдём по Тропе У Школы, там ближе получится* (Ильино Буйск.); На Бе́лый камень тропочка / тропка. *На Белый камень тропочка хорошая, за грибам по ей ходили.* Тропка Через У́ткина *Хожу Тропкой Через Уткина. Сейчас все Через Уткина ходят.* К Белому камню тропа. У бабки Катиного дома тропка (д. Калинки Судиславск.); У Ве́рхнего пруда тропа. *Быстро шёл у Верхнего пруда тропой.* У Нижнего пруда тропа (д. Бабиково Судиславск.); и т. д. Имеются в костромских говорах и такие номинации, как *тропи́на* (устар.), *тропа́нь* (совр., разговорн.): Тропина. *До Тропины-то дойдёшь, а там и поворачивай* (Екатеринкино Кадыйск.); *Вижу тропань – обрадовался!* (Костромск. Емельяновка).

Достаточно частотны названия *прямка, прямушка*: Прямушка. *Тропинка из деревни Тимофеево в посёлок Школьный. Прямушкой в Школьный ходим* (Никитское Нейск.); Прямушка. *Тропинка к реке. Мы по Прямушке пойдём* (Екатеринкино Кадыйск.); Прямка, Прямушка. *По Прямушке мы ходим* (Макарово Мантуровск.); и т. д. По материалам «Краткого словаря народного говора Мантуровского района Костромской области» А.В. Громова: Пря́мка. Тропинка, дорожка, сокращающая путь куда-либо. *Прямка от Макарова через овраг до Ивкина.* Мантуровск. Макарово. Пряму́шка. См. Пря́мка [4, с. 67]. По материалам Краткого костромского областного словаря: Пряму́шка. Дорога, тропка, ведущая напрямик, сокращающая путь. *Иди прямушкой, к реке и выйдешь.* Буйск.+ Солиг. *Мы на покос-от всё прямушкой бегаем.* Кадыйск. *До той деревни отсюда ещё прямушка есть лесом, да ведь вы, пожалуй, не найдёте.* Макар. *Пойдём-ко по прямушке, ближе так-то.* Мантур. *Иди прямушкой через лесок, так короче.* Нейск. *Пастух коров-то к реке по прямушке гоняет, а то далеко больно.* Остров. *А ты вон по прямушке иди, на большую дорогу и попадёшь.* Шарьин. [7, с. 258]. В большей части иллюстраций данных словарей наименования тропы являются микротопонимами.

Наименования тропы с другими корнями для костромской топонимической системы менее характерны.

Географический термин во всех топонимических системах обычно выступает в качестве самостоятельного названия. Если на территории населённого пункта оказывается несколько однородных объектов, то название по нарицательному имени обычно получает ближайший из них или наиболее значимый для населения, выделяющийся по какому-либо признаку, чем-либо знаменательный. Часто термин входит в состав топонима, однако может и отсутствовать в нём (возможна также замена другим термином, выступающим в данном случае в роли наименования тропы): Ка́менки. *Маленькие тропки, короткие, к деревне Камень* (Меденико-во Костромск.); Ба́бушкина веретья?. *Тропа, по которой бабушка Марья ходила за черникой. По Бабушкиной веретье можно выйти к Юровскому болоту* (Любимовка Макарьевск.); Гать. *По Гати пошла. Гать-то? Дак что у пруда, до Новожиловых-то. Она всегда сырая тама* (Калинки Судиславск.); Яшкин переход. *Тропа ведёт от Судиславля в Заозёрье* (Судиславль); и т. п. В роли наименования тропы в определённых случаях могут выступать слова *повёртка*, *свёртка*, *повёрточка* (тропа от дороги), *межа́*, *ме́жни́к* (тропа в поле) и т. п.

Учитывая приведённые нами топонимические и апеллятивные данные, более разнообразно и плотно заполненными на исследуемой лингвистической карте мы можем представить территории Кадыйского (прямушка, дорожка, тропина), Островского (прямушка), Шарьинского (прямушка) Красносельского (тропа, тропка), Судиславского (прямушка, дорожка), Нерехтского (тропа, тропка) районов Костромской области.

Как показывают костромские топонимические материалы, наименования тропы обычно являются микротопонимами. Для собственно топонимии нехарактерно использование подобных номинаций. Имеющиеся в настоящее время в наших материалах собственно топонимы с соответствующими корнями являются сомнительными, поскольку документально не подтверждены.

В Диалектологическом атласе русского языка, с работой по созданию которого связаны лексикографические исследования Мельниченко, лексика рассматриваемой нами тематики даётся на карте №79 «Названия пешеходной дорожки». В соответствии с материалами к данной карте [6, с. 217], лексема *дорожка* может обозначать более широкую тропу (север и северо-восток ДАРЯ, в том числе и костромские говоры, о чём свидетельствуют и наши наблюдения) или проезжую дорогу (в данном случае слово отводилось от картографирования). Лексемы *тропинка*, *тропочка* и т. п. могут не являться уменьшительными образованиями (напр., п. 1201 – д. Сороковые Боговаровск.) или обозначать меньшую или более узкую пешеходную дорожку (в кировских, калининских, а по нашим материалам и в костромских, говорах). В комментарии к карте обращается внимание на более частое употребление лексемы *тропинка* по сравнению с лексемой *дорожка* (п. 969 – д. Нетесово Солигаличск.). Слово *дорожка* на территориях к северу от Москвы сопровождается пометой ‘пешеходная дорожка около дома’, ‘в деревне’. Лексема *прямушка* комментируется среди единичных некартографируемых (п. 964 – д. Подгребное Солигаличск.; п. 1135 – д. Мальцево Чухломск.; п. 1161 – д. Ушениха Нейск.). На всей территории ДАРЯ распространены слова со значением ‘пешеходная дорожка в лесу’, имеющие в основном корень *троп-*. Отведёнными от картографирования на карте атласа оказались наименования *межни́к* (п. 1195 – д. Катунино Шарьинск.), *межа́, межи́нка*, *руб́еж*, *ути́н*, *ли́ния*, *лине́йка* и т.п., обозначающие чаще границу между полями и огородами, реже – тропинку в поле, что подтверждается и костромскими лексическими материалами.

В раздел «Пути сообщения, транспортные средства» Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) включён вопрос под номером ЛСЛ 20 016. Пешеходная тропа, ответы по которому имеют некоторые соответствия с ответами на вопросы других тем. Корень *троп-* встречается, например, и в названиях подорожника. Авторы карты ЛАРНГ «ЛСЛ 145 Подорожник» Т.И. Вендина и Л.М. Алёшина обращают внимание на то, что такие наименования концентрируются в основном в севернорусской костромской группе говоров (пп. 139, 142, 184 – Чухломский, Нейский районы Костромской области, Даниловский район Ярославской области) и в среднерусской владимиро-поволжской группе говоров [1, с. 540–541]. Материалы русских диалектов позволяют высказать предположение о том, что в качестве мотивирующего в этом случае мог выступать глагол *трепать* [5, IV, с. 428], имеющий в говорах на другой ступени чередования гласных однокоренное слово *тропать* ‘топать, бить, толкать ногами’ [5, IV, с. 434]. О сближении данных лексем находим сведения и в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера [13, IV, с. 98, 105].

Акцентируя внимание на наиболее устойчивых звеньях лексической системы, топонимы помогают объективировать привлечённый для картографирования материал, их исследование вносит немаловажный вклад в познание лексико-семантических, словообразовательных и функциональных особенностей изучаемых говоров.

Библиографический список

1. *Алёшина Л.М., Вендина Т.И.* Карта № 2 ЛСЛ 145 Подорожник // Лексический атлас русских на-

родных говоров (Материалы и исследования) 2007 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука. – С. 539–549.

2. *Ганцовская Н.С.* Костромской акающий остров и проблемы его изучения в трудах Г.Г. Мельниченко // Проблемы региональной лингвистики: Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции, посвящённой памяти профессора Г.Г. Мельниченко (Ярославль, 26–27 октября 1995 г.). – Ярославль: ЯГПУ, 1996. – С. 14–16.

3. *Ганцовская Н.С.* Лексика говоров костромского акающего острова: проблемы типологии. – СПб.: Наука; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 228 с.

4. *Громов А.В.* Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромской области. – Мантурово, 2005. – 94 с.

5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – СПб.: «Диамант», ООО «Золотой век», 1999.

6. Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. – М.: Наука, 1996. – 375 с.

7. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост.: Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.

8. *Мельниченко Г.Г.* Лингвистические карты. Приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)». – Ярославль: ЯГПИ, 1974. – 94 с.

9. *Мельниченко Г.Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование). – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1974. – 271 с.

10. *Мельниченко Г.Г.* Региональная лексикология и лексикография: Избранные работы. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – 260 с.

11. Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – 335 с.

12. *Смолицкая Г.П.* Апеллятив и топоним в составе народного говора // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. – М.: Наука, 1974. – С. 258–267.

13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1986.

14. *Цветкова Е.В.* Взаимосвязь нарицательной и топонимической лексики в говорах Костромской области (в свете тематики, представленной в книге Г.Г. Мельниченко «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в.») // Русские народные говоры: проблемы изучения: Тезисы докладов межвузовской научной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения проф. Г.Г. Мельниченко (Ярославль, 20–22 октября 1997 г.). – Ярославль: ЯГПУ, 1997. – С. 71–73.

УДК 8.08

Черноусова Ирина Петровна
Липецкий государственный педагогический университет
ira.chernousova2010@yandex.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ФОРМУЛЫ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ТРАДИЦИИ И ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ БЫЛИН)

На материале былин в статье анализируются глубинные традиционные смыслы ключевых концептов (награждение, хвастовство и печаль), репрезентируемых одинаковыми фольклорными формулами, что доказывает богатство и многоплановость жизненного содержания фольклорных формул при ограниченном наборе средств выражения. Варьирование традиционных смыслов в формулах соотносится с традицией и происходит в тексте.

Ключевые слова: *фольклорный концепт, фольклорная формула, формульный диалог, типические места.*

«Тайна языка – главнейшая из тайн человечества: если ее раскрыть, то раскроются многие сокрытые в веках или утраченные знания» [11, с. 4]. Это в полной мере относится к языку русского фольклора, который, выступая средством объективации моделирующей системы традиционной народной культуры, воплотил в устно-поэтических формулах систему традиционных культурных смыслов в «перекодированном» виде. Мы вслед за проф. Е.Б. Артеменко рассматриваем фольклорные формулы как «устойчивые языковые и речевые образования, несущие в себе кванты традиционной культурной информации» [1, с. 100].

Фольклорные формулы являются средством репрезентации фольклорных концептов, представляющих собой ментальную структуру хранения и передачи традиционных культурных смыслов. К фольклорным формулам мы относим лексические, лексико-грамматические формулы и формульные диалоги. Лексические формулы характеризуются постоянством своего словесного наполнения, лексико-грамматические – воплощением семантически однородного содержания в типовых синтаксических конструкциях, включающих опорные слова и словосочетания. Формульный диалог (ФД) характеризуется типовой последовательностью

© Черноусова И.П., 2012

и типовым соединением реплик, выражающихся формулами. К формульным образованиям, изображающим готовые эпические картины, которые используются сказителями при повторяющихся в разных сюжетах одних и тех же стереотипных ситуациях, относятся типические места (loci communi). Исследователи отмечают двойственную природу формул: «с одной стороны, входя в словесную ткань текста, формула является его интегральной частью, его композиционным компонентом, элементом поэтики текста» [9, с. 71]. Функционируя в разных контекстах, формулы реализуют заложенные в них возможности. «С другой стороны, формула есть базовый элемент традиции, категория ее поэтики, не связанная, по самой своей природе, непосредственно ни с одним конкретным текстом» [9, с. 71]. Отсюда их повторяемость в разных текстах, композиционная подвижность и интертекстуальность.

Материалом для исследования послужили авторитетные в научном отношении собрания фольклора, обладающие исключительной историко-культурной и научной ценностью: Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года [12], Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым [6], Беломорские былины, записанные А. Марковым [2].

Рассмотрим формулы, репрезентирующие концепты *награждение и хвастовство* (закреплены в былине за типическим местом – эпическим пиром), и концепт *печаль* (отмечен после пира).

ФД, выражающий концепт *награждение,* имеет следующее строение:

1. – Что / чим теб-и(-я) пожаловать / пожертвовать?

(Спасибо, за то тебя жалую).

[Ты бери от меня ***злата серебра,***

Ты бери от меня ***каменья драгоценнаго,]***

Ты бери (надо тебе дать) ***города с пригородками,***

Ты бери (надо тебе дать) ***села с приселками,***

Ты бери (надо тебе дать) деревни со крестьянами.

Золотой казны *(силушки / добрых комоней) надобно (тебе по надобью).*

2. – [Ничего мне не надобно].

Мне не надо(-бно) / по надобью) твоей ***золотой казны,***

Мне не надо твоего ***каменья драгоценнаго,***

Не надо мне ***городов да с пригородками,***

Не надо мне ***сел да с приселками,***

Не надо мне деревень да со крестьянами.

[Только дай мне похвальный лист / поволечку великую /

чару зелена вина / три молодца / загон земли / отчину].

Традиционное значение такого ФД: «Государь награждает, жалует богатством и землями, но герой отказывается от такой награды». Дары князя – замаскированная оплата ратной и иной деятельности богатырей, поэтому они включают деньги (термином *«золотая казна»* обозначаются монеты и слитки), а также изделия из драгоценных металлов и камней *(злато-серебро, каменья драгоценные)*. В части формулы *«ты бери города с пригородками»* нашло отражение первичное значение слова *награда* *nagorditi*: «жаловать градом, городом» [14, с. 37].

Глубинная культурная информация формулы, репрезентирующей концепт *награждение*, кроется в историко-этнографическом контексте. Входящая в ФД формула награждения, одаривания землями, золотом и серебром (1 реплика) отражает типичную картину для ранних феодальных порядков, когда феодальный монарх одаривал новым богатством князей и бояр. Эта формула имеет историческую основу: «В обществе, где основной отраслью производства было земледелие, господствующий класс, постепенно складывающийся вместе с ростом имущественного неравенства, мог быть лишь классом крупных землевладельцев, и таковыми стали князья и окружающая их знать» [4, с. 306–307]. Такая награда давала право владения землей, а значит – власть, которая распространялась не только на территорию, но и на людей, живущих там. Одними из первых обратили внимание на вознаграждение дружины в былинах и на значение даров Л.Н. Майков и Ф.И. Буслаев [8, с. 245].

Концепт *награждение* включает в себя отказ от богатства, который входит в кодекс богатырской чести. «Развитие социальных отношений в Киевской Руси делало все более эфемерным покров прежних доклассовых традиций, когда молодые воины должны были безвозмездно защищать родовую общину. Но еще в XI в. внедрявшийся принцип установленной заранее точной оплаты воспринимался современниками как недопустимая новизна» [8, с. 244]. Богатырь совершает подвиг не ради награды, а ради спасения Родины. В этом выражается бескорыстное служение Родине и народу. Бескорыстие и патриотизм являются важнейшими традиционными установками русского народа. Богатырь «презирает богатство» [13, с. 294] в значении «земли, золотая казна, материальные средства», потому что он обладает главным богатством – великой силой: физической и моральной. В былине нашло выражение представление о физической силе как власти и богатстве. (Представление о богатстве как силе возникло позже.) [7, с. 192].

Кроме того, такая награда неприемлема для богатырей и потому, что они, боровшиеся за независимость, свободу Родины, сами были свободолюбивыми и независимыми от других людьми. «Русское слово *свобода* означает не только независимость, суверенитет, отсутствие гнета, запретов, но и отсутствие всяческих ограничений, возможность поступать по собственному усмотрению» [10,

с. 166]. Отказ от богатства – проявление богатырской мудрости, независимости от дарителя. Отказ богатырей от награды В.Я. Пропп объясняет тем, что принять награду – «означало бы переход во враждебный стан» [13, с. 294].

Лексико-грамматическая формула в повествовательной части былины является средством репрезентации концепта *хвастовство:*

Вси-то на пиру да напивалися,
Вси же на честноем наедалися,
Вси на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится молодец добрым конем,
Иный хвастает да шелковым портом,
Иный хвалит ***села со приселками.***
Иный хвалит ***города да с пригородками.***
Сильный хвастает силушкой великою,
Богатый хвастат (хвалится) ***золотой казной,***
Умный хвастат (хвалится) отцем / родной матушкой,
А безумный / глупый хвастат (хвалится) молодой женой / родной сестрицей.

Концепт *хвастовство* в ряде случаев представлен диалогом, первая реплика которого выражается следующими лексико-грамматическими формулами:

– Ты (вы) что не ешь (не ели), не пьешь (не пили), не кушаешь (ли),
Моей белой лебедушки не рушаешь (ли)?
[Ествы-ты мои теби не по уму,
Али питьица (пир) не по разуму?
Али чарою тебя да нунь приобнесли,
Аль дурак-тот над тобой да насмеялся?
Али пьяница тебя да нунь приобозвал?]
– Сам же что не хвастаешь?
[У вас (тебя) нету ***городов да с пригородками,***
Нет у вас да ***сел и с приселками,]***
Нету ***золотой казны*** *(по надобью),*
Нету добрых комоней по надобью,
Нету (не похвальна) молод-ой(-ая) жен-ы(-а),
[А не хороша родна матушка?]

Р.С. Липец предполагает, что на эпических пирах были приняты рассказы, включающие элемент похвальбы самого рассказчика [8, с. 286]. Тогда ясно, что формульный вопрос хозяина пира богатырям, почему они не хвастают, является приглашением рассказать о чем-либо виденном ими в походах и странствиях или об имеющихся у них редкостях и сокровищах. (Одно из областных значений глагола «хвастать» – рассказывать, «беседовать на отдыхе» [5, с. 544].) Вспомним ценную мысль Ф.И. Буслаева о том, что «хвастовство богатырей на пиру – содержание самих былин» [3, с. 207]. Это значит, что былины могли включать как компонент такие пиршественные рассказы по свежим следам события, хотя бы и приукрашенного.

Сравнивая формулы, которыми выражаются типичные формы награждения и похвальбы в былине, мы выделили общую для них лексическую формулу: *«города с пригородками, села со приселками, золотая казна / злато-серебро».* Если награждение – предложение государем герою богатств и земель за выполненное поручение государственного масштаба, за подвиг, совершенный во имя Родины, а хвастовство – рассказ об этом событии, подвиге, то становится понятным, почему использована одна и та же формула. Это свидетельствует о пересечении традиционных смыслов: типичная форма награждения является типичной формой похвальбы, поскольку ее глубинные значения соотносятся с традицией.

ФД, выражающий концепт *печаль,* имеет следующее строение:

1. – (Ай же), свет, моё чадо любимое! Или:
– Свет, ты моя родна матушка!
Что [с честна пиру пришел / идешь да] ты не весело / не радёшенек,
[Спустил очи ясны во сыру землю,
Буйну голову повесило?]
[То ли мест(-ечик-)о было в пиру не по чину / вотчине?]
(Али) ествы-ты были не по уму?
(Али) питьица-ты были не по разуму?
(Али) чарою тебя да там приобнесли? /
Чара / рюмочка не рядом дошла / была не рядовая?
(Али) дурак / безумница / невежа над тобою надсмеялся?
(Али) пьяница ли там тебя приобозвал (приобгалился / надругался)?
[Аль умница / княгиня при-(о-)безчестила?
Дворянски / злые собаки облаяли,
Черные вороны ограяли?]
2. – (Ай же) свет моя ты родна матушка! Или:
– Свет ты моё чадо любимоё!
[Да в пиру-то место было по чину,]
Ествы-ты же были мне по уму,
А и питьица-ты были мне по разуму,
Чарою меня там не приобнесли /
Чарка рядом дошла / рядовая была,
А дурак / безумница / невежа надо мною не смеялся же,
А и пьяница меня да не приобозвал (не обгалился / надругался).
[Умница / княгиня не при- (о-)безчестила,
Дворянские / злые собаки не облаяли,
Черные вороны не ограяли.]
Ай (солнышко) Владимир-князь-от стольнёкиевский
Наложил-то (накинул) мне-ка (на нас) служобку великую.
(Ай великую мне служобку немалую).
(Велел) съездить (сходить) [в чужую землю], отвести дани за двенадцать год да с половиною, достать (отыскать, привезти) племянницу / дочь Забав(ушк)у Путятичну.
3. [Богу ты молись да спать на спокой) ложись.
Утро мудренее буде (живет) вечера].

В формуле, репрезентирующей концепт *печаль* (1 реплика), необыкновенно ярко и образно отражается психология русской народной печали: «Причиной печали может быть неуважительное отношение к богатырю». Формульный вопрос: *«То ли место в пиру было не по чину / вотчине?»* свидетельствует о том, что для эпического пира характерно размещение гостей за разными столами или в определенной последовательности за одним столом, что отражает действительное положение дел: «Старшая и младшая дружины и другие участники пира и в Киевской Руси должны были, видимо, размещаться в каком-то устойчивом порядке, причем первые занимали место за столом князя, а вторые – за "середними" и "окольными" столами» [8, с. 140]. Этот вопрос, который задают богатырю, уходящему с пира недовольным, связывают с московским местничеством, так как иногда место на эпическом пиру дают *«по изо(т)чёству, по имени»* [6, с. 130]. Формульный ответ богатыря *«В пиру-то место было по чину»* означает, что ему на пиру было отведено особое почетное место напротив князя Владимира, которое князь предлагает в виде особого благоволения, милости или сохраняет право выбора за самим богатырем. «Исторические корни строгого и нерушимого порядка размещения участников пира очень глубоки, они уходят еще в доклассовое общество. Известно, что в определенном порядке рассаживались участники общественных пиров в различных "мужских домах"» [8, с. 141].

Во второй реплике, содержащей ответ на вопрос, называется другое проявление неуважительного отношения – трудное княжеское поручение, которое недостойно богатыря, оскорбляет чувство богатырской чести: задание отвезти дань, не соответствующее историческим стремлениям русского народа, который не признает правомерности беспрекословного повиновения татарам и исполнения всех их требований, или задание съездить за дочкой / племянницей князя Владимира.

Сравнивая ФД, выражающие концепты *хвастовство и печаль,* отмечаем общие для них формульные вопросы, выражающие разные проявления неуважения:

«Ествы тебе не по уму?
(Али) питьица не по разуму?
(Али) чарою тебя приобнесли?
(Али) дурак над тобой надсмеялся?
(Али) пьяница тебя приобозвал?».

(Формульный вопрос *«То ли место было в пиру не по чину*?», имеющий тоже традиционное значение, отсутствует в диалоге, ведущемся на пиру.)

Эти формулы, относящиеся к разным типическим местам, имеют тождественное значение, но в разных былинных ситуациях обогащаются дополнительными концептуальными нюансами: в диалоге на пиру входят составной частью в вопрос о причине неучастия в «почестном» пире (не участвует в пире, потому что нечем хвастать). А поскольку формула награждения в былине совпадает с формулой похвальбы, мы здесь также отмечаем пересечение традиционных смыслов: причиной неучастия в «почестном» пире является неуважительное отношение к богатырю, которое может проявляться в отсутствии выражения почестей, в том числе – в виде награды.

Таким образом, на примере формул, репрезентирующих концепты *награждение, хвастовство и печаль,* мы отметили важную особенность фольклорных текстов – варьирование традиционных смыслов при ограниченном наборе средств выражения, что является одним из проявлений такого свойства устно-поэтического канона, как динамизм. Обнаруженные нами исторические и этнографические параллели свидетельствуют о том, что эти былинные мотивы подсказаны традицией, и обозначенное нами «вариационное поле» ФД располагается в пределах этой традиционности. Варьирование смыслов в формулах соотносится с традицией, то есть со смыслами фольклорного универсума. Внутренне глубинное значение ФД вполне гармонирует с разными былинными контекстами. Все это подтверждает, что фольклорные формулы находятся на пересечении традиции и текста.

Библиографический список

1. *Артеменко Е.Б.* Фольклорная формула и устнопоэтическая традиция // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Ч. II. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – С. 99–108.

2. Беломорские былины, записанные А. Марковым. – М.: Поставщик Двора Его Величества Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1901. – 635 с.

3. *Буслаев Ф.И.* Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб, 1887. – 501 с.

4. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. – М.: Госполитиздат, 1953. – 568 с.

5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. – М.: Гос. издат. иностранных и национальных словарей, 1956. – 683 с.

6. Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 665 с.

7. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. Серия: Филология и культура. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 326 с.

8. *Липец Р.С.* Эпос и Древняя Русь. – М.: Наука, 1969. – 302 с.

9. *Мальцев Г.И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). – Л.: Наука, 1989. – 168 с.

10. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 255 с.

11. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Академия, 2004. – 204 с.

12. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е. – М.; Л., 1949. – Т.I. – 736 с.; 1950. – Т. II – 806 с.; 1951. – Т. III. – 669 с.

14. *Пропп В.Я.* Русский исторический эпос. – М.: ГИХЛ, 1958. – 603 с.

13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. – М.: Прогресс, 1987. – 752 с.

УДК 811.111

Щукина Галина Олеговна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

gshchukina@gmail.com

ПРОДУКТИВНЫЙ СПОСОБ ИДИОМАТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье приведен анализ фразеологических единиц в английском языке с целью выявления продуктивного способа идиоматической номинации.

Ключевые слова: *фразеология, номинация, идиоматическая номинация, семантический перенос, семантический сдвиг.*

Номинация в языкознании – процесс обозначения предметов действительности при помощи различных языковых средств. Помимо этого, процесс номинации неразрывно связан с представлением о семантической структуре слова. Его составляющими являются сигнификат как некое общее понятие, содержащее десигнат (различительные характеристики окружающего мира) и денотат как некий конкретный объект действительности.

Фразеологическая номинация проявляется, на наш взгляд, в идиомогенезе, то есть в процессе образования фразеологизмов в языке. В своем исследовании мы опираемся на теорию идиоматики, предложенную В.М. Савицким [2, с. 63–68]. Так, вслед за ним, мы определяем идиому как языковую единицу с транспонированным значением. Транспонированность значения проявляется при неравенстве реального денотата, включающего значение целого выражения, номинальному денотату, состоящему из суммы значений компонентов высказывания. Применяя классификацию идиом по семантической неравнообъемности, предложенную В.М. Савицким, мы можем сказать, что фразеологическая номинация подразумевает четыре основных вида логических связей между реальным и номинальным денотатом (репликация (сужение значения), импликация (расширение значения), семантический сдвиг и семантический перенос).

Основная классификация идиом относительно семантической неравнообъемности опирается на оппозицию семантического сдвига и семантического переноса. Когнитивная трансформация в семантическом сдвиге проявляется в так называемых индикаторных идиомах и их разновидностях (метонимические и перифрастические идиомы); семантический перенос прослеживается в симилятивных идиомах (метафорические и аллегорико-символические идиомы). В своем исследовании мы пользовались определениями метафоры, метонимии, перифразы, аллегории и символа, данными в языковедческой литературе.

Мы исследовали 5500 английских фразеологических единиц из различных лексикографических источников с целью определить продуктивный способ их номинации. Ниже приводятся полученные результаты анализа.

Мы подсчитали соотношение отдельных классов внутри каждой подгруппы идиом.

Итак, семантический перенос присутствовал в 2349 языковых единицах. Метафорические идиомы мы дополнительно классифицировали относительно характера компонентов высказывания.

Количество метафорических идиом, построенных по типу «внешнего сходства», составило 424 единицы (18% от общего числа единиц подгруппы). Приведем ряд примеров: “My intuition about people is never wrong I can *read faces like a book*”. (I. Shaw, “The Gentle People”, act II) [1, c. 98]; “They *come down on you like a cartload of bricks*, flatten you out, and when you don’t swell up again they complain of it”. (J. Galsworthy, “Justice”, act IV) [1, c. 109].

Количество ФЕ, образованных при помощи контекстуально-порожденных метафор, составило 1270 единиц, или 54% от общего числа. Приведем примеры: “...it was impossible to feel altogether gloomy: there *was* hope *in the air*”. (G. Eliot, “The Mill on the Floss”, book I, ch, VI) [1, c. 35]; “Perry Mason... has resorted to every *arrow* in his legal *quiver* to weaken the testimony of these men. (E. S. Gardner, “The Case of the Fabulous Fake”, ch. 3) [1, c. 50].

Метафорические идиомы, компоненты которых содержат априорно-заданный семантический перенос в значении, составили 215 единиц, или 9,1% от общего числа исследованных идиом: “ ...we'*re poles apart* mentally and physically. (N. Coward, “This Was a Man”, act III) [1, c. 594]; “The other

© Щукина Г.О., 2012

chaps started to give him a legpull about *blind dates* and what was he keeping up his sleeve. He didn't like it". (S. Chaplin, "The Day of the Sardine", ch. VIII) [1, c. 197].

Метафорические идиомы, компоненты которых обнаруживают несколько переносных значений в толковании, составили 53 единицы, или 2,6% от общего числа исследованных фразеологических единиц. Вот некоторые из них: "He took her down to dinner and the touch of her fingers on his arm *burnt* him *like fire* (W. S Maugham, "The Merry-Go-Round", part I, ch. 6) [1, c. 277]; "You see, he feels it's a man's business to work and if he can't work he may just as well be dead. He can't bear his feeling of being *a drug in the market*..." (W. S. Maugham, "The Razor's Edge", ch IV) [1, c. 227].

Метафорические идиомы со смешанным характером компонентов появляются в исследуемом корпусе 13 раз и составляют 0,5% от общего числа единиц. Например, "Perhaps it is *a storm in a teacup*," said Crawford. "Still we must try and calm things down." (C. P. Snow, "The Masters", ch. 35) [1, c. 727]; "In the initial stages of the war the Allied commitment did not go beyond Mr. Asquith's famous declaration that the *sword would not be sheathed*…". (D. Lloyd George, "The Truth about the Peace Treaties", ch. XVIII) [1, c. 740].

Аллегорико-символические идиомы составили 172 единицы (7,3%) – "...the play I remember, pleased not the million; 't was *caviare to the general*..." (W. Shakespeare, "Hamlet", act II, sc 2) [1, c. 136]; "The *wheel is come full circle*; I am here". (W. Shakespeare, "King Lear", act V, sc. 3) [1, c. 817].

Некоторые из исследованных идиом были основаны на аллюзии к известным фоновым фабулам. Мы условно можем их поделить по характеру распознавания.

Фабульные идиомы (с высокорелевантной фабулой) составили 107 единиц, или 4,5% от общего числа исследованных единиц. Например, "You don't mean to say you believe this *cock-and-bull story*? (W. S. Maugham, "Lady Frederick", act 2) [1, c. 727]; "With a cunning worthy of her cause, she waited till he was *in deep water* over British politics". (J. Galsworthy, "Maid in Waiting", ch. VII) [1, c. 798].

Фабульные идиомы (с условно-релевантной фабулой) составили 45 единиц (1,9% от общего числа рассмотренных ФЕ): "One and five an hour instead of eightpence ha'penny was *corn in Egypt* – or would be if you got it all the time". (A. Sillitoe, "Key to the Door", ch. 18) [1, c. 175]; "The birth of their first child put him in "*the seventh heaven*". (K.S. Prichard, "Child of the Hurricane", ch. I) [1, c. 378].

Фабульные идиомы (с низко-релевантной фабулой) составили 50 единиц (2,1%). Примерами таких идиом могут служить: "He was neither very happy nor very unhappy – *a doubting Thomas* without faith or hope in humanity, and without any particular affection for anybody." (Th.Dreiser, "The Titan", ch.VIII) [1, c. 756]; "Well, here I am. *Kill the fatted calf*, Warmson, let's have fizz." (J. Galsworthy, "In Chancery", part I, ch. IX) [1, c. 121].

Далее мы исследовали фразеологические единицы, основанные на семантическом сдвиге. Общее число идиом с данным видом логической связи реального и номинального денотатов составило 1595 единиц. В.М. Савицкий называет такие идиомы индикаторными, однако мы считаем, что индикаторные ФЕ содержат описание динамики действий, поэтому мы выделили их в отдельный класс идиом. Кроме того, многие из исследованных идиом данной группы содержат метонимический или перифрастический сдвиг плана содержания. Таким образом, мы получили четыре подвида идиом. Приведем полученные результаты анализа.

Индикаторный сдвиг встречается в 526 единицах, что составляет почти 32,9% от общего числа идиом данной подгруппы. Примерами могут служить: "The people could not have stood it; and, moreover, I should have had the Established Roman Catholic Church *on my back* in a minute. (M. Twain, "A Connecticut Yankee in King Arthur's Court" ch.10) [1, c. 58]; "Liza at last got rather vexed with him. "Strikes me you *got aht [= out] of bed the wrong way* this mornin', she said to him. (W. S. Maugham, "Liza of Lambeth", ch. V) [1, c. 73].

Перифрастическе идиомы составили 524 единицы (32,9%): "Lanny was seventeen... For many youths it is *an awkward age*, but he was strongly knit, brown with sunshine and red with a well-nourished blood. (U. Sinclair, "World's End", ch. 17) [1, c. 33]; "The suburbs of Brisbane are full of such figures... thumbing their way up the Ipswich Road to that mecca of youth – Sydney and *the Big Smoke*. ("Australians Have a Word for It", D. Hewitt, "The Strawberry Pickers") [1, c. 699].

Метонимический сдвиг присутствует в 491 идиоме, или 30,8% всех единиц подгруппы. Например, "The reason I'm feeling like this is that, there turned up here last night one of my oldest and dearest friends – one of the finest little comedians that ever *trod the boards*...Timmy Tiverton. (J.B. Priestley, "Let the People Sing", ch. XI) [1, c. 94]; "The cover portrays the Prime Minister seated at the organ, *tinkling* one lot of *ivories* and flashing the other lot". ("Times", Febr. 15, 1974, Suppl) [1, c. 413].

Нетропеический сдвиг появляется в 54 фразеологических единицах и составляет 3,4% от общего числа исследованных идиом данной подгруппы. Как уже отмечалось ранее, нетропеические идиомы не содержат выраженного эмоционально-образного компонента и не описывают динамические ситуации: "...the fame of his fashion as *a man about town* was established throughout the county". (W. Thackeray, "Pendennis", vol. I, ch. II) [1, c. 482]; "Rough?" "You get used to it. It's not *money for jam*,

that's certain." (S. Chaplin, "The Day of the Sardine", ch. 4) [1, с. 512].

Индикаторно-симилятивный способ номинации идиом вынесен нами в отдельную подгруппу и представляет собой 1433 фразеологических выражения (26% от общего корпуса исследованных единиц). Индикаторно-симилятивные идиомы стоят на стыке семантического переноса и семантического сдвига, они представляют собой переосмысление узкопрофессиональных индикаторных идиом, вошедших в широкое употребление. Например, "Every time I got to the part about her out with Stradlater in that damn Ed Banky's car, it almost drove me crazy. I knew she wouldn't let him *get to first base* with her, but it drove me crazy anyway. (J. Salinger, "The Catcher in the Rye", ch. XI) [1, с. 66]; "When I tried to say something she *bit my head off*". (W.S. Maugham, "Complete Short Stories", "The Unconquered") [1, с. 365].

Импликация, или расширенное значение, номинального денотата, встретилось нам в 65 идиомах, или 1,2% от общего числа проанализированных идиом: "Minor officials will often *go by the book* instead of using a little discretion or common sense" (EVI) [1, с. 98]; "All of those tourists look like they are fresh *off the boat*. They look so confused." [3].

Репликация, или суженное значение номинального денотата, встретилось нам в 58 фразеологизмах и составило 1,1% от общего корпуса исследованных единиц. Например, "Young Cowperwood did not care very much for her relatives, and the Semples, *bag and baggage*, had been alienated by her second, and to them outrageous, marriage". (Th. Dreiser, "The Financier", ch. XI) [1, с. 59]; "She has her strong coffee or her tea every day, with white sugar in it. It's abominable, to be sure; but St. Clare will have high life *below stairs* and they every one of them live just as they please". (H. Beecher Stowe, "Uncle Tom's Cabin", ch. XVI) [1, с. 712].

Из анализа языковых единиц следует, что самым продуктивным способом номинации идиоматических единиц является семантический перенос. Данный вид логической трансформации объединяет признаки реально существующего действия и переосмысления на основе сходства, происходящем в сознании говорящего. В целом, можно сделать вывод о том, что носитель языка использует логическое переосмысление ситуаций на базе схожести их компонентов. То есть ведущим способом идиоматической номинации в английском языке является метафорическое переосмысление динамических ситуаций.

Библиографический список

1. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984.

2. *Савицкий В.М.* Основы общей теории идиоматики. – М.: Гнозис, 2006. – 208 с.

3. Idiom meanings. Your online English dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.idiomeanings.com/idioms/fresh-off-the-boat/ (дата обращения: 19.01.2012).

УДК 81

Шулякина Юлия Сергеевна
Ивановский государственный университет
juliashuliakina@mail.ru

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЯМИ 'БЕССТЫДНИК', 'ПЬЯНИЦА', 'РАСПУТНИК' В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлен анализ лексики говоров Ивановской области, характеризующей человека по особенностям поведения. Наблюдения над семантическими изменениями лексических единиц в русских говорах показали их семантическую подвижность, отсутствие четких границ в значении, что резко отличает их от подобных слов в русском литературном языке и просторечии.

Ключевые слова: *современная лексика русских народных говоров и русское просторечие, менталитет и нравственные ориентиры русской духовности.*

Диалектный лексический пласт русского языка отражает различные стороны народной жизни, хранит богатую информацию о системе ценностей и традиций той или иной лингвокультурной общности. В этом отношении важное место занимает лексика, характеризующая человека, так как она непосредственно связана с человеческим фактором в языке, с тем, что жизнь и деятельность человека протекают в территориально и культурно ограниченном месте в определенное историческое время и в конкретном социуме.

Цель нашей статьи – рассмотреть номинации человека по особенностям поведения, образующие лексико-семантические группы со значениями 'бесстыдник', 'пьяница', 'распутник' в говорах Ивановской области. Материалом исследования являются данные словарной картотеки «Человек», которая хранится на кафедре общего и славянского языкознания Ивановского государственного университета и отражает современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX – начала XXI вв., в сравнении с данными Словаря русских народных говоров (СРНГ),

© Шулякина Ю.С., 2012

Ярославского областного словаря (ЯОС) и словарной картотеки Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге. Представляется оправданным системный подход к описанию лексики ивановских говоров, так как равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия, позволяет наиболее полно выявить своеобразие языковой картины мира сельских жителей Ивановского края.

Ценностное отношение к окружающей действительности присутствует у всех людей, формируя их мироощущение: «Человек… придерживается вполне определенной системы ценностей, … и твердо делит все… на хорошее и плохое: добро и зло, счастье и несчастье, благо и беду, добродетель и порок, успех и провал, везенье и невезенье, выигрыш и проигрыш, приятное и противное» [1, с. 5]. Особенности русского мировоззрения отражает значительное количество наименований в говорах, связанных с представлениями человека о морально-нравственных ценностях. Так, замечено, что слова, называющие отрицательные качества человека, или дающие характеристику человека по этим качествам, заметно превалируют над словами, несущими позитивную характеристику. Последние воспринимаются диалектоносителями как соответствующие нравственным нормам, установленным в социуме, поэтому реалии, названные такими словами, не требуют дополнительной оценки, тогда как нарушение нормы поведения, с точки зрения говорящего, может вызывать разную степень осуждения и критику с разных сторон (как известно, норма одна, а отклонений от нормы может быть сколько угодно).

Резкое осуждение в обществе вызывают люди, поведение которых отмечено такими пороками, как развратность, волокитство, пьянство, беспутство. В ивановских говорах лексико-семантическую группу со значением ‘бесстыдник / бесстыдница’ составляют существительные: ***айяйя́йка, бесстыдник, вляч́онка, наха́лка, оха́льник, позо́рник, срамни́к (срамни́ца), яма́нка.***

Значительная часть представленных лексем имеет широкое употребление как в говорах, так и в просторечии: ***бесстыдник*** ‘бесстыдный человек, тот, кто нарушает правила пристойности’ с пометой *разг.* [5, т. 1, с. 86], ср.: *И не стыдно вам, пра, бесстыдники? Постыдились бы так вести себя… Люди спят уже, а вы галашитесь тут, орёте* (Шуйский р-н); ***наха́лка,*** являющееся производным от *наха́л* ‘беззастенчивый, бесцеремонный человек, наглец’ [5, т. 2, с. 410] и служащее наименованием женщины недостойного поведения, ср.: *Нахалка, говорю, ни стыда ни совести* (Родниковский р-н); просторечное существительное ***оха́льник*** ‘озорник, нахал, бесстыдник’ [5, т. 2, с. 727], ср.: *А ему, видать, хоть бы что, охальнику* (Шуйский р-н).

В говорах Лухского и Тейковского районов известны однокоренные субстантивы ***срамни́к (срамни́ца),*** ср.: *У нас много сейчас таких срамников; Срамница, если бесстыжая-то* (Тейковский р-н). Лексема *сра́мница* встречается в свердловских говорах и в значении ‘неряха, нечистоплотная хозяйка’, ср.: *Срамница, необиходница, грязнуля она.* Нижнетурин. Свердл. [6, т. 40, с. 304], мотивирована глаголом *срами́ть* ‘грязнить, мусорить’. Яросл. [6, т. 40, с. 304]. Указанные лексемы восходят к общенародному *срам* ‘стыд, позор’ с пометой *разг.* [5, т. 4, с. 237], ‘мусор, сор’, ср.: *Посмотри, сколько сраму в избе.* Ильин.-Хован. Иван. [6, т. 40, с. 304]. Для русской ментальности характерно единство этического и эстетического, именно поэтому, на наш взгляд, оба значения связаны друг с другом общей семой ‘нечистоплотность’, которая может выражаться как во внешнем облике человека (неряшливый вид), так и характеризовать человека по внутренним качествам, указывая на несоответствие этическим нормам (позорное, недостойное поведение).

В говорах Шуйского района в значении ‘тот, кто сделал что-либо постыдное, покрыл себя позором’ употребляется слово ***позо́рник***, связанное с диалектным глаголом *позо́рничать* ‘жить, вести себя постыдно, позорно’ [6, т. 28, с. 338], также встречающееся в ярославских, рязанских, смоленских, горьковских говорах, ср.: *Эх вы, позорники, пра, позорники, совсем, видать, стыд потеряли. Никого не стесняются!* (Шуйский р-н); *Позорники вы позорники, как вам не стыдно.* Ряз., Смол., Горьк. [6, т. 28, с. 337].

Человека, нарушающего правила пристойности, в говорах Фурмановского района называют ***айяйя́йка,*** ср.: *Маша, айяйя́йка, оно короткое* (Фурмановский р-н). Данная лексема мотивирована междометием *ай*, которое часто произносится с повторением: *ай-ай* или *ай-ай-ай*, и выражает неудовольствие, упрек, порицание, сожаление [5, т. 1, с. 27]. Из контекста приведенной цитаты можно предположить, что речь идет о длине платья, недопустимо короткого, по мнению информанта, что не соответствует народным представлениям о благопристойности.

В значении ‘женщина, дурно себя ведущая’ встречаются диалектные субстантивы ***вляч́онка***, ср.: *Раньше женщины не курили, а кто курит – обругают, назовут влячонкой* (Лежневский р-н), и ***яма́нка***, мотивированное диалектным глаголом *яма́нить* ‘дурно себя вести’, ср.: *Та ещё яманка, матом ругается.* Шуйск., Юж., Лежн., Г.-Посад., В.-Ланд., Пуч.; *Сидит, сидит и бросится куда-то или кричать, яманить начнёт.* Шуйск. [2,

с. 139]. Вероятно, отрицательная семантика вышеупомянутых лексем восходит к значению наречия *ямáн* «‘плохо’: *ни яман, ни якши, а середня рука*, вост.-русск. (Даль). Заимств. из тат., крым.-тат., тур., чагат., уйг. jaman ‘плохо, плохой’» [8, т. 4, с. 556].

Крайне отрицательно оценивается диалектоносителями человек, у которого наблюдается зависимость и неодолимая тяга к употреблению спиртных напитков, это вызывает появление целого ряда существительных, называющих пьяниц: ***алкáш (алкáшка), булдыгa, глохтýн, глохтýш, забалдыгa, забулдыгa, загýла, запóйщик, питóк, пропóец, пропóйца, пропóйщица, пьяницa, пьянчýга, пьянчýжка, пьянь.***

Наиболее близкими слову *пьяница* являются однокоренные существительные общего рода ***пьянчýга, пьянчýжка, пьянь***, зафиксированные в ивановских, костромских, ярославских, курских, орловских, пензенских, пермских, волгоградских говорах, ср.: *Да пьянчуга она, а никакая не больная; Да нашла какого-то пьянчужку, видать, алкаголика какого-то, не знаю, да и живёт с ним* (Шуйский р-н); *Вон пьянчуга пошёл* (Пензенская обл., Лунинский р-н); *С такой-то жизни пьяни развелось, что ни дом, то пьянчужка* (Костромская обл., Сусанинский р-н) [4]. Данные существительные имеют ярко выраженный коннотативный компонент лексического значения: характеризуются презрительной эмоциональной тональностью.

В говорах Юрьевецкого района наименованием пьяницы является существительное ***питóк***, мотивированное глаголом *пить* ‘употреблять спиртные напитки; пьянствовать’ [5, т. 3, с. 128]. Это наименование зафиксировано также в калужских, псковских, тверских, курских, костромских, нижегородских говорах в значении ‘тот, кто может пить много спиртного, не пьянея’ [6, т. 27, с. 54]; в ярославских, московских, курских говорах – ‘любитель выпить, пьяница’, ср.: *А вот и явился наш питок, через порог переступить не может* [9, т. 8, с. 5]; *Такой питок – гуляка несусветный*. Дмитров. Моск. [6, т. 27, с. 54].

Ивановским говорам известны однокоренные лексемы с различным аффиксальным оформлением – ***запóйщик***, ***пропóец, пропóйца, пропóйщица*** ‘пьяница’, ср.: *Мишка спился, потом запойщиком стал* (Тейковский р-н); *Ты чего, Людмила, невесёлая какая? – Да ну, Игорь мой связался вон с запойщиками Соболевскими, так прямо беда, каждый день пьяный* (Юрьевецкий р-н); *Раньше на него любо-дорого глядеть было, а теперь пропойца пропойцей* (Шуйский р-н). Существительное ***запóйщик*** мотивировано глаголом *запúть (запивáть)*, который В.И. Даль толкует так: «Начать пить, особенно о запойном пьянстве // пить продолжительно, не давая себе опомниться. *Год не пьёт, два не пьёт, а как запьёт, всё пропьёт. Где запивать, тут и ночевать*» [3, т. 1, с. 783]. Таким образом, в наименовании *запóйщик* проявляется дополнительная сема ‘пьющий запоем’, ср. у В.И. Даля: «*запóйщик* запойный пьяница, пьющий запоем» [3, т. 1, с. 783]. По данным словарной картотеки ЛАРНГ существительное мужского рода ***пропóец*** отмечено также в ярославских, костромских, пензенских, курских, самарских, саратовских, карельских, удмуртских говорах, ср.: *Меня бабка пропойцем зовёт* (Республика Карелия, Пудожский р-н); *Все нервы пропоец измотал* (Костромская обл., Красносельский р-н); *У кумы муж пропоец был* (Республика Удмуртия, Ярский р-н) [4]. Практически повсеместно в народных говорах употребляется существительное общего рода ***пропóйца***, ср.: *Пропойца вечно с бутылкой* (Тульская обл., Киреевский р-н); *А что жена бастанит, оттого, что сам грешу, пропойца* (Ярославская обл., Ростовский р-н); *Ну, он пропойца беспробудный* (Костромская обл., Галичский р-н); *Что ни мужик русский, то пропойца, мать родную пропьёт* (Пензенская обл., Тамалинский р-н); *Пропойца всё из дома несёт* (Пензенская обл., Заметчинский р-н); *Пропойца, он вино любит до страсти* (Московская обл., Загорский р-н); *Ой жалко Людку, с таким пропойцем живёт* (Вологодская обл., Бабаевский р-н) [4]. Как наименование женщины, употребляющей алкоголь в безмерном количестве, в говорах Лухского района встречается слово ***пропóйщица***, мотивированное однокоренным существительным *пропóйщик* ‘пьяница, пропойца’, известным в ярославских, тульских, пензенских, самарских, волгоградских говорах, ср.: *А на деревне почти все мужики пропойщики* (Орловская обл., Глазуновский р-н); *Сосед у меня – пропойщик: день и ночь пьёт, никак не успокоится* (Тульская обл., Киреевский р-н) [4].

Широкое распространение как в ивановских, так и в других народных говорах, получили однокоренные существительные общего рода ***булдыгa*** (мотивировано диалектным глаголом *булдыжить* ‘жить забулдыгой, пьянствовать; буянить, браниться, драться’ Симб., Даль [6, т. 3, с. 269]), ***забулдыгa*** (фонетический вариант – ***забалдыгa***) ‘пьяница, пропойца’, ср.: *Ты сам уж, гляжу, как те булдыги, клюкнуть рюмашку не прочь стал* (Шуйский р-н); *От этого булдыги не отвяжешься* (Вологодская обл., Верховажский р-н) [4]; *Такие молодые, а забулдыгами становятся* (Тейковский р-н); *Так он и шлёндал, забулдыга несчастный, так и помер от вина* (Фурмановский р-н); *Ты своим забулдыгам клюкнутым скажи, что б не шлялись больше тут* (Шуйский р-н); *Давно пора этого забулдыгу бросить* (Тульская обл., Новомосковский р-н); *Забулдыги они чаще всего лентяи* (Пензенская обл., Мокшанский р-н); *С утра уже глаза залил, забулдыга несчастный!* (Костромская обл., Парфеньевский р-н); *Вон сейчас сколько забулдыг по улицам шляются* (Псковская обл., Себежский р-н);

Пропадает мужик, совсем забулдыгой стал (Ярославская обл., Рыбинский р-н) [4]. Во владимирских, московских, нижегородских говорах слово *булды́га* представлено в значении ‘гуляка’; в симбирских – ‘сварливый, скандальный человек’; в калужских – ‘грубиян, невежа’ [6, т. 3, с. 269]. На наш взгляд, разные значения данной лексемы связаны друг с другом, так как включают общую сему ‘несоответствие этическим нормам’.

Ивановским говорам известны и такие лексемы, как ***алка́ш*** (***алка́шка)***, также представленные в ярославских, орловских, тульских, пензенских и других народных говорах, ср: *Да так, алкашка одна, молодая бабёнка, ты её не знаешь всё равно* (Шуйский р-н); *Пьёт уж очень много, алкаш в общем; Сосед наш – алкаш, постоянно пьёт* (Тульская обл., Ефремовский р-н); *Алкаш он, пьёт без меры* (Тульская обл., Дубенский р-н); *Николаичу пить нельзя: у этого алкаша здоровья совсем нет* (Орловская обл., Мценский р-н); *На селе сейчас каждый второй – алкаш* (Пензенская обл., Иссинский р-н); *Да тут многие алкаши ошиваются* (Ярославская обл., Ростовский р-н) [4]. Как показывают приведенные контексты, указанные лексические единицы содержат дополнительные семы ‘употреблять спиртные напитки в большом количестве / без меры / постоянно’.

В ряде районов Ивановской области бытуют словообразовательные синонимы ***глохту́н*** и ***глохту́ш***, мотивированные диалектным глаголом *глохта́ть* ‘напиваться пьяным’. Даль [без указ. места]. Симб., Пск., Смол. [6, т. 6, с. 204], ср.: *Елена, несчастная, намучилась как она с глохтуном своим, все ведь жилы он из неё вытянул* (Юрьевецкий р-н); *Такой ли глохтуш стал* (Южский р-н).

К лексико-семантической группе, характеризующей человека распутного, ведущего крайне беспорядочную жизнь, в исследуемых говорах относятся такие наименования, как: ***беспу́тник (беспу́тница), блудни́ца, блу́дня, лиходе́йка, потаску́н (потаску́ха), потаску́шка, распана́й, шату́н (шату́шка), шлю́ха.***

Лексема ***лиходе́йка***, известная общенародному языку в значении ‘злодейка’ с пометой *устар.* и *народно поэт.* [5, т. 2, с. 189], в ивановских говорах приобретает значение ‘женщина, отбивающая у других мужей’, ср.: *Самогоночку не пью, Боюся заболтаюся, С лиходейкой не сажусь, Боюся разругаюся* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца), в ярославских, вологодских – ‘соперница’ [6, т. 17, с. 78]. Отрицательная семантика наименования связана с существительным *ли́хо* с пометой *устар.* и *народно поэт.* ‘зло, беда, несчастье’ [5, т. 2, с. 189].

Часто распущенность, выражающаяся во внешнем облике человека, граничит с распущенностью нравственной, что обнаруживается в определенной семантической связи разных значений слова ***распана́й*** – ‘мужчина, распущенный по поведению’, ср.: *Я свово-то распаная Через три поля узнаю, Ноги длинны, нос большой, Сопли тянутся вожжой* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца), и ‘неподпоясанный’, по-видимому, мотивировано диалектным глаголом *распана́хаться* ‘распахнуться (о полах одежды)’, известным в курских говорах, ср.: *Что ты распанахался, заверни полы-то!* Обоян. Курск. [6, т. 34, с. 154].

Наряду с ивановскими в костромских, ярославских, ростовских, рязанских, волгоградских, пензенских и других русских говорах известны однокоренные существительные ***блудни́ца*** ‘распутница, развратница’ с пометой *устар.* и ***блу́дня*** ‘тот, кто блудит’ с пометой *прост.* [5, т. 1, с. 99], ср.: *Ах ты, блудница, как же тебе не стыдно перед людьми-то. Коли самой не совестно, мать хоть бы пожалела, она всю жизнь честной была* (Юрьевецкий р-н); *В девках родила, блудница вроде* (Пензенская обл., Заметчинский р-н); *Блудня девка, с женатым мужиком шляется* (Костромская обл., Антропоский р-н); *Ходют тут блудни всякие* (Ярославская обл., Ростовский р-н) [4]. По своему происхождению рассматриваемые лексемы могут быть связаны с древнерусским полисемантным глаголом *блуди́ти* ‘заблуждаться, ошибаться, уклоняться от истины’, ‘прелюбодействовать, распутничать’ [7, т. 1, с. 244-245], в значениях которого актуализируется общая сема ‘уклонение от прямого пути’. Таким образом, диалектоносителями признается ошибочным, несоответствующим нормам нравственности поведение распутного, развратного человека.

Подводя итог анализу небольшого фрагмента лексико-семантической системы говоров Ивановской области (на примере имен существительных со значениями ‘бесстыдник’, ‘пьяница’, ‘распутник’), можно отметить ряд особенностей, наличие общих черт мировидения диалектоносителей разных областей, присущих традиционно народному взгляду на мир. Указывая на разнообразные предосудительные черты поведения, обличая и осуждая отклонения от этических норм, диалектоносители придают большое значение вопросам нравственного воспитания, соблюдению правил приличия в обществе. Большинство рассмотренных нами диалектных слов имеет, помимо основного лексического значения, дополнительный компонент в семантике; лексические единицы обладают богатыми синонимическими отношениями, свидетельствующими о их семантической подвижности, отсутствии четких границ в значении, что резко отличает их от подобных слов в русском просторечии.

Библиографический список

1. *Арутюнова Н.Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – С. 5–23.

2. *Батырева Л.П.* Лексика ивановских говоров: учебные материалы. – Шуя: Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ», 2009. – 139 с.

3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб., 1903.

4. Картотека ЛАРНГ: словарный отдел Института лингвистических исследований РАН. – СПб., 2011.

5. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 1–4. – М., 1985–1988.

6. Словарь русских народных говоров. Т. 1–43. – М.; Л.; СПб., 1965–2010.

7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. – М., 1975–2008.

8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М., 1986–1987.

9. Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. Т. 1–10. – Ярославль, 1981–1991.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР

УДК 82.0:372.8; 82.972.8; 373.1.02:372.8.

Агапова Любовь Евгеньевна
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

РОЛЬ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В РАЗВИТИИ ОБРАЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ МИФА И БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ)

Работа посвящена проблеме развития образных представлений учащихся младшего и среднего звена на основе читательских компетенций. Авторские методики решения проблемы ориентированы на филологические и психологические особенности осмысления художественного текста, при этом литературным материалом стали традиционно трудные для школьников миф и жанры, объединенные понятием «библейский текст».

Ключевые слова: *образные представления, читательские компетенции, библейский текст, анализ, интерпретация, форма и содержание, образ, система персонажей, мотив.*

Трудно переоценить роль уроков русского языка, чтения, литературы в становлении личности подростков: работа с художественным текстом, связями компонентов его структуры, умение держать в центре внимания слово и образ – эти проблемы давно вышли за рамки частных предметов и в современных условиях смены образовательных парадигм лишь обострились.

Остановимся подробнее на одной из трудных проблем методики – развитии образных представлений школьников в процессе художественного восприятия. Восприятие объективно осложнено противоречиями между информативной и воздействующей функциями обучения, между понятийно-когнитивной и творчески-интерпретационной сторонами читательской деятельности школьников. Как преодолеть их, опираясь на читательские компетенции?

В научном сообществе понятия «компетентность» и «компетенции» трактуются неоднозначно. Относя «читательские компетенции» к предметным (уроки чтения, литературы, основ православной культуры), мы расцениваем их как интегративные качества читателя: синтез эмоционально-личностных оценок, знаний и совершаемых в отношении текста различных операций и действий: анализа, интерпретации и проч. Такая классификация компетенций согласовывает развитие образных представлений с тремя сферами восприятия: эмоциями, воображением и осмыслением текста.

Сегодня в школе работают не с Библией канонической, а, скорее, с библейской, христианской мифологией. Миф вообще и миф библейский – структуры типовые, близкие, что позволило нам объединить их рабочим понятием «библейский текст». В плане тематики и образности ему родственны мифологические загадки, волшебные сказки и несказочная проза, былины, агиография и даже средневековая «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Такое сближение мифа, фольклора и литературы уместно филологически и оправдано дидактически целью обучения: если на уроке обыграть архетипы и мотивы текстов, ученикам проще увидеть связи внутренней формы и семантики. С другой стороны, произведения разных родов и жанров востребованы подростками, но общепринятых методик их изучения в начальном и среднем звене еще нет. Библию осваивают в аспекте так называемого христианского мифа (И.Г. Минералова), изучают для духовного просвещения (О.В. Кубасова) и духовно-нравственного воспитания младших школьников (С.Г. Макеева). Мы же, развивая идеи Юнга, Фрейда об авторитете мифа, сказок, легенд в принятии важных решений детства, концепты В. Вундта о поисках детьми универсальных объяснительных принципов, считаем, что миф, библейский текст соответствуют подсознательным ожиданиям школьников и позволяют выразить в виде образных представлений их растущие, подспудные, пока не оформленные психические силы, эстетические запросы, движения в тонких духовных сферах.

В данной авторской методике развития образных представлений взаимодействуют эмоциональные реакции, воображение и необходимые для осмысления текста знания. Её основа – учебные модели использования читательских компетенций, апробированные в цикле уроков литературного чтения, внеклассных мероприятиях по тематическому направлению «Миф и Священные книги» в четвертых классах начального общего образования традиционной образовательной системы УМК «Планета знаний», а также в цикле уроков по модулю «Основы православной культуры» для тех же школьников. Миф и произведения библейского текста имеются в учебниках обоих комплектов. Условия, когда один учитель ведет чтение, русский язык, основы православной культуры, облегчают литературоведческую пропедевтику, интенсифицируют межпредметную интеграцию.

Принцип модульного обучения обусловил компоновку художественного материала. Мы формировали представления школьников о содержании текстов разных жанров, опираясь на связанные ассоциативно тематические группы (модули), имеющие сходные архетипы или мотивы. Информаци-

© Агапова Л.Е., 2012

онная составляющая модуля несет знание об архетипе, мотиве, тексте, а операционная регулирует работу с ним. В программе обыгрывались следующие архетипы и мотивы мифа, Библии, фольклора: творение и строение мира, Бог и человек как Его образ и подобие, происхождение человека, Мировое дерево и его семантика, аксиология (Добро и Зло и производные ценности), вода и земля, сакральное пространство в Библии, Слово другие.

Была актуализирована структура образных представлений учащихся: архетип и мотив – примеры-иллюстрации в конкретных текстах – образные смысловые ассоциации, творчески-интерпретационные инициативы школьников. Обучение и диагностика его результатов проводились по уровням эмоционально-личностных оценок, воображения, действий и осмысления. Уточним, что это диагностика не компетенций, а их роли в развитии представлений.

На уровне эмоционально-личностных оценок: оценивать событие, персонаж, объяснять эмоционально-смысловые значения образности текста.

На уровне воображения: дополнять словесную картину, варьировать мотивы.

На уровне действий и осмысления: находить формы проявления архетипов и мотивов, выявлять их смысл в мифе, тексте через его интерпретацию, в произведении литературы определять авторскую оценку персонажей и художественные средства ее выражения; быть в роли персонажа; устанавливать общие элементы структуры и содержания текстов разных жанров через сопоставление, анализ (миф (Библия) – сказка; сказка – повесть; сказка – былина; миф – агиография и др.); вводить в устный текст (рассказ или пересказ) элементы «чужого» текста.

Диагностика была как дифференцированной, так и комплексной, когда одно действие диагностирует разные уровни восприятия. Например, записывание возникших в ходе чтения вопросов, интерпретация сюжета, анализ эпизода позволяют проверить эмоциональные реакции, воображение, осмысление, умения. Разнообразные по типам и форме изложения результата задания варьируют жанровый состав художественного материала и виды деятельности: требования обязательного минимума в инвариантной части и развивающие задания разных уровней сложности в вариативной: интеллектуальные, поисковые и творчески-интерпретационные как наиболее сложные. Учитель опирается на общий уровень подготовленности класса и индивидуальный потенциал учеников, имеющих право самостоятельно выбирать задания.

Первая группа. «Мотив творения, космология и эсхатология в мифах, Библии, фольклоре». Проблематику мифа мы открыли образными рассказами о начале жизни и проиллюстрировали их ссылками на фольклор и Библию. Но перед этим включили эмоциональные реакции, «живые» впечатления, установили аналогии с личным опытом школьников, чтобы подтянуть их «внутреннюю наглядность» к внутренней форме слова, текста. Углубляя тему, ученики становятся самостоятельнее, в поисках ответов на вопросы они варьируют мотив творения, тем самым уточняя его многомерную семантику. В.И. Влащенко рекомендовал активизировать «работу души и ума» [2] системой вопросов. Вопросы помогают преодолеть «неразумные» стороны восприятия художественного текста: осмыслить чувства, логически определить подсознательные движения, подойти к содержанию и форме на этапах эмоциональных реакций и воображения. Вопросы соответствуют структуре текста.

Как были сотворены земля и небо? Что говорят об этом Священные книги разных народов, Библия, сказки? Чем космос отличается от хаоса? Из какого языка эти слова? На чем держится земля? Как объясняет Библия положение земли в пространстве? Такие вопросы раздвигают воображение и одновременно стимулируют информационный поиск, а эмоциональные оценки прочитанных текстов усиливают работу воображения. Сопоставление библейской истории о начале мира и содержания волшебных сказок, легенд порождает мощнейшие семантические ассоциации, делает знания о мотиве и сюжете все более осознанными. Отметив мотив творения в разных сюжетах, учащиеся рассказывали о первом дне творения и преобразовании хаоса, об отделении Богом воды от земли, – и вдруг вспомнили символическое яйцо в сказках – образную картину устройства мира. Отвечая на вопрос «От какого события и почему ведется летоисчисление в “Начальной русской летописи”, какое это имеет значение?» школьники оценили значимость сотворения мира как точки отсчета мировой истории.

Ассоциативно-поисковую перекличку содержания первой и второй групп осуществляют вопросы о создании человека, например: «На какой день творения Бог создал человека? Как произошло это событие?»

Связывая группы формально, подобные вопросы скрепляют всю работу изнутри: обеспечивают эмоциональный накал реакций, будоражат воображение и держат нити раздумий школьников. Задания второй группы раздвигают образные представления о человеке в мифе, фольклоре и словесном искусстве, укрупняют художественный образ человека, порождают смысловые ассоциации. Учащиеся пытались соединить «идею» и «образ человека», придумывая название группе, выполняя поисковые задания, отвечая на проблемные вопросы: «По чьему образу и подобию был создан человек? Какое имя было у первого человека, как звали его жену? Кого Бог сотворил раньше – мужчину или женщину? Как с библейских позиций истолковать выражение “все люди – братья”? Сколько лет жил Адам? Сколько лет было Ною перед потопом? Ка-

кой библейский царь построил храм в Иерусалиме? Как звали родителей Христа? Кто такие волхвы, и откуда пришли они, чтобы поклониться младенцу Христу? Где покоятся останки волхвов?» Последний вопрос, как и в предыдущей группе о «Начальной летописи», придает земной истории сакральный смысл.

Накоплению живых образов у детей способствовали комплекс изложений и литературных мини-сочинений в разнообразных, доступных младшему школьнику формах отзыва о прочитанном произведении, сочинения-рассуждения о значении афоризмов в тексте, изложения авторского текста, создания собственного текста по авторскому образцу.

Фантазия, воображение привели учащихся к открытию: повседневные имена уходят к древнему архетипу имени, окрашены великим смыслом и потому дороги современному человеку. Названы персонажи библейской и христианской мифологии, агиографии, носящие имена Иоанн, Андрей, Петр, Константин, Владимир. Так, рассказ о первых учениках Христа был дополнен текстом легенды о пребывании Андрея Первозванного в Киеве.

Ряд заданий актуализирует образные представления школьников о связях человека и Большого Мира, природных сил, стихий. Таковы задания третьей группы «Вода», выполняя которые учащиеся постигают семантику мифологемы воды. Интерпретируя историю Всемирного потопа, школьники выстроили рассказ о равновесии мировых сил, о конце мира и его возрождении в новом облике. Из-за чего случился библейский потоп? Сколько дней и ночей лил дождь, вызвавший потоп? Сколько дней поднималась вода, когда показались вершины гор? Каких птиц Ной выпускал из ковчега, чтобы узнать, кончился ли потоп? Как называется гора, к вершине которой пристал ковчег легендарного Ноя? На территории какого государства находится эта библейская святыня сегодня? Какой знак дал Бог людям после потопа? Что символизирует этот знак?

Смысловая перекличка с предыдущей группой установлена сообщением о крещении Христа Иоанном, поднята нравственная проблематика библейского текста. Беседу о реке Иордан начинает несложный вопрос: почему в эту реку нельзя входить раздетым? Выяснив почему, школьники перешли к расширительному переносному значению Иордана – Иордани-купели, к содержанию христианских преданий (чудодейственная сила воды во время некоторых праздников) и былин о Василии Буслаеве. После того как было названо имя христианского святого, покровителя путников и мореплавателей, в круг обсуждения были вовлечены ссылки на Никольские храмы, иконы, проблематика прочитанных заранее христианских легенд о святых.

Группа четвертая – «Топография в Библии. Святая земля». Простор для воображения открывают образы пространства, семантика которых обсуждается (нащупывается) в творчески-интерпретационных заданиях. Детям предлагалось найти в Библии и сказках конкретный образ, чтобы показать устройство мира по горизонтали и вертикали, ярусы небесного свода и подземного мира. Назвав дерево и гору, учащиеся обобщили: Мировое древо и Мировая гора – образы устройства мира. В закрепительной работе об архетипе мирового дерева и его возможных функциях знания и умения не противопоставляются, а естественные эмоциональные реакции и воображение дополняют рациональное осмысление текста. Дерево одно, архетип один, но проявляется он по-разному. И раздумья школьников о разных проявлениях архетипа включают образные представления, ведут к внутренней форме текста.

Напрашиваются проблемные вопросы: «Что такое мировое дерево? Как вы его представляете? Где, в каких местах Библии вы встречаете его?» Учащиеся совершают мысленное путешествие по страницам Библии, входят в смысловое поле текста.

Отдельный вид работы – интерпретация, комментирование образных выражений из Библии. Так, в Псалтыри благочестивый человек уподоблен дереву, «лист которого не вянет». В чем суть таких сопоставлений? Какое дерево Бог приказал Ною взять для строительства ковчега? Какое дерево наказал Христос? За что? На каком дереве повесился Иуда?

Ассоциативные связи между заданиями разнообразят работу, она объединяет умения анализировать и интерпретировать текст, требует эмоционально-личностных оценок, развивает воображение, обогащает знания и представления. Восприятие текста родственно словотворчеству, поэтому важно было добиться, чтобы школьники проговорили трудные вопросы, подтверждали текстом собственные суждения, оценки.

В группе пятой – «Масличная гора и Голгофа» – уточняется значение мировой горы и ее места в модели мира, мироздании. Школьники пытаются найти образ для выражения трудностей в человеческой жизни и обращаются к тексту Библии. Узнав о сравнении трудностей с горой, они пытаются объяснить, почему, и подходят к пониманию развернутой метафоры: путь человека в жизни – подъем в гору. Мы иллюстрируем сделанное открытие двумя эпизодами: рассказами о Масличной горе и Голгофе. Школьникам предложено назвать гору в окрестностях Иерусалима, на которой находится Гефсиманский сад, и рассказать, что они знают о нем? На уроке прозвучало название горы, на которой был распят Христос, и библейские предания, объясняющие ее название.

Дифференциация инвариантной и вариативной сторон материала усложнена в проектной деятельности, которая развивает умение школьников интерпретировать текст, самостоятельность суждений, творческие инициативы, расширяет читательский

кругозор. Поэтапно усложняющиеся интерпретации обеспечивают активное вхождение в текст, полноту и глубину восприятия его содержания и формы. Практико-ориентированные, информационные и творческие проекты выполнялись как во время урока, так и вне его. Проектные задания интегративны: знание включает воображение, оно же ведет к внутренней форме слова, а действие трансформируется в умение. Школьники углубляют знание намеченных связей, узнают архетипы и мотивы в разных произведениях библейского текста. В работе использовались исследование художественного материала и творческая литературная деятельность учащихся: графическое и словесное рисование, чтение по ролям, нетрудные виды драматизации и даже создание собственных произведений.

Проект по теме «Мировая ось» предполагает, что учащиеся опираются на тексты мифов, рассказывают об условной Оси мира, как бы проходящей сквозь землю. Ключевое понятие здесь – древний город на востоке, слава которого безгранична. Такие места на поверхности земли особенно почитаемы во всех религиях. Школьники с интересом соревнуются в группах, выполняя задания викторины, набирают очки и проч.

1. Какие святыни, в каких религиях были и есть сейчас в этом городе?

2. В этом городе был храм, известный всему миру. Какова его судьба?

3. Какой рыцарский орден возник на развалинах этого храма? Почему, при каких обстоятельствах?

4. Что означает название этого города?

5. В какой книге он фигурирует как небесный град? Если у книги есть автор, назови его.

Творческое проектное задание «Первый город на земле».

Кто, по библейскому преданию, построил первый город на земле? Как назывался этот город? Какой город известен в Библии как «основание, жилище мира»? Как назвался греческий город, получивший в истории христианства название «Второго Рима»? На месте каких городов образовалось Мертвое море? Какова их судьба?

В следующих проектных интеллектуальных и поисковых заданиях реализована идея чтения как творческого процесса. Эффективно использовать разного типа тетради (рабочие и др.).

1. Назвать и воспроизвести в словесном описании, иллюстрациях, картах–схемах сюжеты о сотворении земли, неба, небесных светил, растений, животных и человека.

2. Выявить и сопоставить устойчивые и повторяющиеся действия, события в прочитанных текстах: запрет и его нарушение, испытание, поединок с чудовищем, превращение, посещение неба и царства мертвых, возвращение к жизни (спуск в царство смерти, граница и перевозчик, стражи и слуги подземного царя).

3. Осмыслить жизненный путь героя как исполнение воли богов. Привести сюжеты о подвигах героев, сравнить подвиги (очищение земли от чудовищ и злых великанов, спасение обреченных на смерть, добывание чудесных предметов и животных, др.).

В русском народном сознании взаимодействуют два пласта культуры: миф и православие, и мы проиллюстрировали перекличку фольклорной и христианской традиций. Так, способ гармонизации явлений – выражение чего-либо в числе. Школьники прочитали волшебную сказку «Агриков меч» и выделили в тексте основной части троекратное повторение событий, что отсылает к символическому значению числа «три». На уроке троекратность представлена как особенность сюжетостроения большинства волшебных сказок: три задания, три брата и проч. Зачин сказки предваряет сказочное действие: Павел-царевич еще далек от гармонии, поэтому в сюжете сказки появилась линия, развитая в былинах, агиографии, Священных книгах: «путешествие», символическая тема пути-дороги, судьбы, испытаний. В результате анализа сюжетных линий и поступков персонажей школьники пояснили, что борьба Павла со змеем перекликается с мифами и былинами: персонажи античной и скандинавской мифологий боролись с силами хаоса (Аполлон и тифон, Тор и змей глубин), со Змеем сражались Святой Георгий, Добрыня, князь Петр. Змей – символ хаоса, мрака, темных сторон жизни. Порой читатели шли дальше, часто не подозревая, что варьируют змееборческий мотив, встреченные в других искусствах, в жизни его варианты: изображенный на картинах, иконах, гербе Москвы сюжет о поединке Георгия и змея, сюжет известного кинофильма «Время огня», другие. Удалось выделить инвариант сюжета (мотив) о добыче сокровищ и чудесных предметов: Павел получил Агриков меч и полцарства.

Рассматривая линию персонажа, чудесные мотивы, учащиеся обсуждали испытания, через которые прошел Павел-царевич. Результат первоначального испытания: Павел приобрел волшебного помощника. Как? Ответ – в тексте. «Пожалел Павел-царевич покойника, вырыл мечом могилу и опустил туда мертвое тело». Можно ли это назвать испытанием? Да. Что испытывается? Характер, человечность, христианские чувства. Поощряя ассоциации читателей, учитель предложил им привести аналогичные сюжетные эпизоды из прочитанных ранее произведений.

Знакомство с ключевыми словами-мифологемами, символическим языком, вхождение в волшебный предметный мир усилило эстетическое переживание произведения, освоение художественной реальности текста. По ходу чтения в словарную работу были включены символическое значение чисел «два», «три», символика цвета, имени, судь-

бы, стихий природы (огонь, вода, земля, воздух). Например, «два», «три»: Бог и человек, два героя (один хороший, другой – дурной), три попытки, три брата (каждый брат олицетворяет вариант жизненного выбора, судьбы), меч – крест, змей – хаос.

Преемственность заданий вводит в учебный материал новые смыслы, понятия: имена, числа, поступки персонажей, художественное значение изображения природы, волшебных компонентов, сверхъестественных сил. Раскрывается семантика, объясняются сюжеты библейские, агиографические, апокрифические, фольклорные. Учащиеся разбирались в образности и значении понятий. Школьники познакомились с сюжетами и мотивами, образами, символикой и художественным языком текстов; состоялась встреча с различными сторонами сакрального знания. Анализируя роль Высших сил (природы, Творца) в судьбах героев, показывая соотнесенность души и Большого Мира, рассказывая, сопереживая, они демонстрировали эмоционально-личностные оценки.

Для усиления целостного восприятия художественного произведения был использован прием: остановка на кульминационных, проблемных фрагментах с последующим предположением о развитии событий, беседа о впечатлении от произведения. Постановка себя на место героев мобилизует эмоции и воображение читателя: обобщая опыт персонажей прочитанных текстов, школьники увидели, как важно, входя в сотворенный Богом мир, стремиться к совершенству, умножать добро, осуществлять «план» Создателя о человеке. И тогда жизнь становится лучше, добрее.

Диагностика развития образных представлений показала, что произошло накопление нового знания об образности мифа и священных книг, Библии. После начального усвоения состоялось вторичное восприятие, глубокое и осмысленное, как результат осознания взаимообусловленности содержания и внутренней формы. Перспективная цель – достижение максимального уровня освоения материала с учетом возрастных возможностей школьников.

Библиографический список

1. Агриков меч // Сказки русского народа / сост. В.А. Гатцук. – М.: ЭОС, 1992. – 416 с.

2. *Влащенко В.И.* Исследовательская работа учителя и учеников на уроках чтения // Начальная школа. – 1999. – № 12. – С. 39–43.

3. *Вундт В.* Фантазия как основа искусства. Серия: Из наследия мировой психологии. – М.: Либроком, 2010. – 150 с.

4. *Кураев А.В.* Основы религиозных культур и светской этики. Основы православной культуры. 4–5 классы: учебн. пособие для общеобразовательных учреждений. – М.: Просвещение, 2010. – 96 с.

5. *Молдавская Н.Д.* Литературное развитие школьников в процессе обучения – М.: Педагогика, 1976. – 224 с.

6. Педагогический энциклопедический словарь / редкол.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др.; гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 528 с.

7. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. Раздел «Первоначальное литературное образование». Проект. Ч. 1. – М., 2002. – С. 52–54.

8. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. Ч. I. Начальное общее образование. Основное общее образование. МО РФ. – М., 2010.

УДК 882.09

Бедова Анастасия Александровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nastiya-lego@rambler.ru

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В РОМАНАХ «ФАНДОРИНСКОГО ЦИКЛА» Б. АКУНИНА

Данная статья представляет собой попытку охарактеризовать особенности использования художественных деталей в романах «фандоринского цикла» Б. Акунина.

Ключевые слова: *художественная деталь, Б. Акунин, «фандоринский цикл».*

Художественная деталь, которая, по замечанию Е. Абрамовой, «играет особую роль не только в обрисовке конкретного персонажа, но и в сюжете самого произведения, и в выражении авторской позиции», является «одной из наиболее интересных и значимых проблем современного литературоведения» [1]. В частности, для художественного текста детективного характера присуща необычайная концентрация деталей, позволяющих резче очертить такие центральные для этого жанра элементы, как сюжет и характеристика ключевых героев.

Отчасти вопроса о роли художественной детали в романах Б. Акунина касались в своих работах такие исследователи, как А. Вишевский [9], О. Верхотурцева [7] и Н. Менькова [13]. Но специально (и с учетом существующих на теорию детали взглядов) к этой проблеме до сих пор никто не обращался. Данная статья представляет собой попытку охарактеризовать некоторые основные особеннос-

© Бедова А.А., 2012

ти использования Б. Акуниным художественных деталей в целом.

К сожалению, в современном литературоведении, по мнению В. Кочетовой, наблюдается нечеткость в терминологии, в определении специфики и границ детали. Литературоведы соглашаются в характеристике детали как самого малого, неразложимого структурного элемента произведения, но расходятся в определении ее границ. В широком понимании к деталям причисляют, помимо внешних, материальных, относящихся к художественному миру произведения, также внутренние, выражающие душевные движения человека. Нет однозначного решения и в вопросе о том, считать ли деталь образом. Одни говорят, что образ и деталь соотносятся как «целое» и «часть»: «Образ – сугубо идеальная категория, неидентичная детали, ибо последняя представляет собой двустороннюю сущность, объединяющую материальное и идеальное, форму и содержание» [12]. Другие считают, что деталь сама по себе есть микрообраз [14]. Здесь важно отметить, что если в теории какая бы то ни было деталь действительно легко мыслится как часть целого – микроэлемент образа, то на практике (и это видно из примеров, приведенных ниже) она часто стремится к самостоятельному образу, порой смыкаясь с символом.

При определении понятия детали также встает вопрос о соотношении собственно детали и подробности. Проводить разграничение можно по разным основаниям. В. Кочетова в своей диссертации «Художественная деталь в прозе И.А. Гончарова: типы, функции, эволюция» опирается на способ их воздействия: единичность или множественность, интенсивность или экстенсивность, соответственно – и на степень экспрессивности. Под художественной деталью мы, вслед за С.И. Кормиловым, понимаем микроэлемент образа: портрета, пейзажа, быта, действия, поведения, поступка, изображенной речи и т.д. [11, с. 148].

Вопрос о классификации также имеет несколько решений. Согласно А. Есину [10], детали можно разделить на внешние и те, что показывают внешние проявления внутренней жизни героя. Е. Добин в работе «Искусство детали» [9] рассматривает четыре группы: собственно психологические, портретные, пейзажные, детали-вещи. Современные литературоведческие словари называют детали портретные, пейзажные, бытовые, действия, поведения, поступка, изображенной речи и т.д.

В. Кочетова в названной работе предлагает выделять две группы деталей: «описательные» и «психологические». С помощью «описательных» деталей в произведении создается внешний облик персонажа и изображается окружающий его мир, то есть все то, что в произведении более или менее статично, существует как объективная данность. «Психологические» детали направлены на отображение внутреннего мира персонажа, его мыслей, чувств и характера в целом. Отображение происходит в данном случае опосредованно, через внешние формы психологического облика героя, трактовка которых читателем или другим персонажем при отсутствии авторских пояснений может носить субъективный характер. «Описательные» подразделяются на «портретные», «пейзажные» и «вещные», а в ряду «психологических» деталей выделяются «поведенческие» и «речевые». Однако четкую линию между этими двумя группами деталей провести не всегда возможно. Одна и та же деталь может быть одновременно и «описательной», и выражать внутреннее состояние персонажа.

Другим критерием для классификации может послужить функция, выполняемая той или иной деталью в произведении. Но в таком случае значительно возрастает число групп, к которым их можно отнести, что также затрудняет их характеристику. Главная причина – многофункциональность большинства деталей. Отчасти решить эту проблему позволяет выделение ведущей функции.

В рамках данной статьи остановимся на характеристике основных типов деталей (в соответствии с наиболее распространенной классификацией, выделяющей детали портретные, бытовые, пейзажные и т.д.). И в первую очередь обратимся к описанию внешности Фандорина, причем не просто как еще одного литературного персонажа, а именно как героя-сыщика. Во-первых, следует отметить наличие «особых примет», деталей-узнаваний. На ум, конечно же, приходит такая деталь, как его седые виски.

Начиная с момента появления (в финале романа «Азазель»), эта деталь часто подается на контрасте с молодостью героя, с идеально черными волосами и усиками Фандорина. Антитеза черное – белое в портрете Эраста Петровича интересно меняется с возрастом. Когда ему перевалило за пятьдесят, он приобрел «черные с проседью (про такие говорят “перец с солью”)» [3, с. 34] волосы, при этом в усах у него не было «ни единого серебряного волоска». После неожиданного разрыва с возлюбленной в романе «Весь мир театр»: «Волосы свисают, почти совсем белые, а борода, наоборот, сплошь черная, ни одного седого волоска. Не лицо, а рисунок Бердслея[1]» [5, с. 198].

Хотя, на первый взгляд, в данном случае не возникает проблем с классификацией, нетрудно заметить, что деталь портрета приобретает гораздо большее содержание, чем простое описание внешности. Можно даже сказать, что она тяготеет к символу, поскольку передает психологическое взросление, приобретенный жестокой ценой опыт и, наконец, избранность героя.

Символическим же смыслом наполняются и пейзажи в романах «фандоринского цикла». В соответствии с чеховской традицией они занимают

всего пару строк и вообще немногочисленны, но строго функциональны: «Странное в окне было небо: все черное, а вдоль горизонта алая кайма. На столе уныло белели забытые депеши» [2, с. 253]. Эти два небольших предложения вводятся автором в самом конце сцены встречи Фандорина и Лизаньки в поезде по пути в Москву. При этом герой едет в первопрестольную отнюдь не на прогулку, а по официальному, государственному делу, но, встретив очаровательную дочь барона фон Эверт-Колокольцева, забывает обо всем. А между тем даже вечернее небо таит в себе какую-то угрозу. Цветовая гамма (сочетание черного, красного и белого), контрастная, мрачная, подготавливает читателя к последующим драматическим событиям. Такая деталь, как «забытые депеши», ярко характеризует легкомысленное поведение героя.

Проблема отнесения к группе психологических или описательных возникает и при анализе вещных и интерьерных деталей. Так, при описании комнаты главного героя в романе «Азазель» Б. Акунин упоминает книги, которые «громоздятся» на столе. Несмотря на явную включенность этой детали в ряд интерьерного описания и собственную «внешность», материальность и, так сказать, вещность, не следует вырывать ее из контекста психологического портрета, характеристики внутреннего мира Фандорина.

С одной стороны, это довольно легкомысленные французские книжки, вроде «Записок парижского сыщика» Жана Дебрэ, и герой не случайно прячет ее в ожидании серьезного гостя, «человека будущего». Взамен на столе появляется «Наставление по правильному дыханию настоящего индийского брамина г-на Чандры Джонсона», которое должно, как кажется молодому человеку, придать ему больше серьезности в глазах Бриллинга. С другой стороны, подтекст, вносимый автором, например, в упоминание «Философического эссе» Дэвида Юма[2], нельзя до конца соотносить с психологией героя, тем более что книгу, лежащую на столе, трудно и даже невозможно назвать поведенческой или речевой деталью. Во-первых, труды историка и экономиста, а также философа-агностика Д. Юма довольно странное чтение для молодого человека, зато его эссе, посвященные проблеме суицида, находятся в сфере интереса автора. Деталь характеризует одновременно кругозор и героя, и автора. Она не описывает речь Фандорина напрямую. Лишь упоминание о том, что он читал это эссе на английском, дает нам некоторое представление о языковой личности Эраста. К области поведенческой характеристики также относится не сама книга, а производимые с ней манипуляции (убрал со стола – положил на видное место, стремясь произвести нужное впечатление на гостя).

Следует заметить, что если применять деление деталей на вещественные и невещественные, также допускаемое в некоторых источниках, то последние у Б. Акунина преобладают. Но каждая вещественная деталь приобретает особую ценность, поскольку зачастую несёт бо́льшую смысловую нагрузку по сравнению со вторыми, совмещает в себе описательные, психологические и другие функции.

Ярким примером собственно психологической, поведенческой детали становится привычка Фандорина к курению для снятия нервного напряжения и беспокойства. Изначально герой не подвержен ей, но почти в самом финале романа «Азазель» мы читаем: «Фандорин достал из новенького серебряного портсигара папиросу, *не очень ловко закурил*» [там же, с. 253]. Подчеркивается именно непривычность этого действия для героя. Если раньше «от нервов» он ел сладкое и «литрами пил крем-соду», то теперь от всех душевных потрясений закурил.

Смысл детали и функция, выполняемая ею, могут лежать на поверхности, и тогда ее можно назвать явной. Например, детали, связанные с темой самоубийства, можно отнести к неявным, поскольку их прочтение требует хотя бы заочного знакомства с книгой «Писатель и самоубийство» и более внимательного прочтения самих романов о Фандорине.

Как видно из беглого анализа приведенных примеров, для детали в романах Б. Акунина характерна тенденция к расширению смыслового поля и тяготение к символизации. Однако можно заметить, что стремление перейти от детали к использованию символа присуще не только произведениям данного автора, но и в целом современной отечественной прозе писателей самых разных направлений.

Поскольку романы «фандоринского цикла» написаны в жанре детектива, то в ходе работы над проблемой художественной детали были предприняты попытки отследить возможные факты влияния жанровой структуры. Анализ образной системы (на примере главного героя и женских образов) «фандоринского цикла» через призму детали позволяет говорить о классической традиции ее использования, унаследованной от таких мастеров слова, как А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и А.П. Чехов. На композиционном уровне автор с помощью деталей выстраивает систему сквозных образов и мотивов, а также отдельные эпизоды и главы романов.

Можно говорить о том, что Б. Акунин преодолевает формульность детектива за счет традиций психологизма русской литературы. Вместе с тем его произведения не утрачивают необходимую легкость и занимательность благодаря смещению акцента на фигуру главного героя и неповторимой авторской иронии. Происхождение последней тесно связано не только с особенностями постмодернизма, но и с индивидуально-авторским стилем, с проблематикой «фандоринского цикла».

В целом необходимо отметить широкое использование Б. Акуниным различных видов деталей: портретных, бытовых, пейзажных, интерьерных, речевых, вещных и психологических. Многие из них легко встраиваются в историко-литературный контекст, другие, напротив, несут на себе отпечаток индивидуально-авторской интенции. Для романов «фандоринского цикла» характерно преобладание психологических деталей, что отчасти уводит на второй план детали других типов, в особенности играющих важную роль в детективном сюжете. Причина, несомненно, кроется в стремлении автора вывести современный отечественный детектив на уровень беллетристики, «одолжившись» богатым опытом создания психологизма у классической русской литературы.

Примечания

[1] Обри Бердслей – английский художник-график, иллюстратор («Смерть Артура» Т. Мэлори, «Саломея» О. Уайльда), декоратор, поэт 1890-х гг. Его работы отмечены выразительным построением контраста черного и белого.

[2] При упоминании имени Д. Юма на ум в связи с перекличками между «фандоринским циклом» и книгой «Писатель и самоубийство» приходит эссе «О самоубийстве», которое Б. Акунин в своем исследовании называет «апологией суицида».

Библиографический список

1. *Абрамова Е.И.* Костюм как полифункциональная деталь в исторической прозе XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// http://www.dissercat.com/content/kostyum-kak-polifunktsionalnaya-detal-v-istoricheskoi-proze-xx-veka (дата обращения: 19.12.2011).

2. *Акунин Б.* Азазель: Роман. – М.: Захаров, 2008. – 302 с.

3. *Акунин Б.* Алмазная колесница: Роман в 2 т. Т. 1. (Ловец стрекоз). – М.: Захаров, 2010. – 208 с.

4. *Акунин Б.* Алмазная колесница: Роман в 2 т. Т. 2. (Между строк). – М.: Захаров, 2010. – 597 с.

5. *Акунин Б.* Весь мир театр: Роман. – М.: Захаров, 2010. – 480 с.

6. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. – М.: Республика, 1996. – 335 с.

7. *Верхотурцева О.Е.* Типология женских образов в романах Б. Акунина // Учёные записки Шадринского государственного педагогического института. Вып. 9. Филология. История. – Шадринск, 2005. – С. 53–62.

8. *Вишевский А.* Значение наряда: Эраст Фандорин и русский литературный гардероб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// magazines.russ.ru/km/2005/1/vi11.html (дата обращения: 17.08.2009).

8. *Добин Е.С.* Искусство детали // Добин Е.С. Сюжет и действительность. Искусство детали. – Л.: Советский писатель, 1981. – С. 300–430.

10. *Есин А.Б.* Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 175 с.

11. *Кормилов С.И.* Деталь художественная // Современный словарь-справочник по литературе. – М.: АСТ, 2000. – С. 148–149.

12. *Кочетова В.Г.* Художественная деталь в прозе И.А. Гончарова: типы, функции, эволюция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-detal-v-proze-i-goncharova-tipy-funktsii-evolyutsiya (дата обращения: 19.12.2011).

13. *Менькова Н.Н.* Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей (по материалам произведений Б. Акунина) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// lib.ua-ru.net/diss/cont/93528.html#contents (дата обращения: 20.12.2011).

14. *Путнин Ф.В.* Деталь художественная // Литературный энциклопедический словарь / под общей ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 90.

15. *Циплаков Г.* Зло, возникающее в дороге, и дао Эраста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/11/ ciip.html (дата обращения: 17.08.2009).

16. Человек проекта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ozon.ru/context/detail/id/ 196489/ (дата обращения: 15.12.2011).

17. *Чхартишвили Г.Ш.* Писатель и самоубийство. – М.: Захаров, 2007. – 464 с.

УДК 882

Брагина Ольга Борисовна
Московский городской педагогический университет
demolya@yandex.ru

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ»: ФУНКЦИЯ И СЕМАНТИКА

В статье анализируется орнитологическая образность романа И.С. Тургенева «Накануне», которая является неотъемлемым элементом в создании характеров героев и образует самостоятельный смысловой пласт, являясь частью сложной натурфилософской темы произведения.

Ключевые слова: *И.С. Тургенев, роман «Накануне», образ птицы, сравнение.*

В науке о творчестве И.С. Тургенева интерес к изучению натурфилософской темы и анализу художественного пейзажа всегда был велик[1]. В последнее время все больше работ посвящается тургеневской мифопоэтике, осмыслению фито- и зоосемантического уровня произведений писателя[2].

Ученые обращали внимание и на такие характерные для поэтики Тургенева черты, как использование зооморфной образности для создания психологически сложного портрета своих персонажей. Так, герои романов писателя почти всегда сравниваются с каким-либо животным. При этом нельзя не отметить, что зооморфная (бестиарная и орнитологическая) часть сравнения иногда одушевляется и приобретает определенную независимость, обнаруживая семантически сложное, нередко символическое звучание. Практически каждый тургеневский текст в этой связи представляет интерес для исследователя, не является исключением и роман «Накануне». Задача настоящей работы – рассмотреть орнитологический пласт образности, представленной в данном романе, и определить его функционально-смысловую нагрузку.

В структуре образа главной героини Елены Стаховой огромную роль играет ее сравнение с птицей. Это происходит не единожды: *«Ее душа разгоралась и погасала одиноко, она билась, как птица в клетке, а клетки не было…»* [17, с. 35]; *«все ее тело поднималось и билось, как только что пойманная птичка»* [17, с. 121]. Да и сама героиня мечтает ею стать: *«Отчего я с завистью гляжу на пролетающих птиц? Кажется, полетела бы с ними, полетела – куда, не знаю, только далеко, далеко отсюда»* [17, с. 79].

Птица – это традиционный знак свободы. Исследовавшая орнитологические мотивы в тургеневской прозе О.М. Барсукова справедливо писала: «Птица – один из самых распространенных в литературе и фольклоре поэтических образов-символов. Это существо природного мира, которому дано то, что всегда было недоступно человеку – способность летать. С образом птицы всегда связывалось представление об идеальном начале – гармонии, свободе, высоте, движении» [2, с. 22].

С одной стороны, тургеневская Елена – свободная девушка, она делает свой выбор, решается уйти из родного дома, из любящей семьи вслед за Инсаровым, неизвестно куда, и никто не может ей в этом помешать. С другой – до того как она встретила Инсарова, ее душа была, *«как птица в клетке, а клетки не было»* [17, с. 35]. Без любви, которая, видимо, ассоциируется в данном случае с клеткой, ограничивающей свободу, Елена тяготилась своей вольной жизнью. Она осознавала, что свободна и в то же самое время не свободна, что ей не хватает такого чувства, которое бы преобразило ее и помогло сделать свой жизненно важный выбор. Примечательно, что в комнате Инсарова стояла *«громадная клетка, подвешенная под потолок; в этой клетке когда-то жил соловей»*, а теперь она будто бы оказывалась предназначенной для Елены [17, с. 37]. Здесь клетка выступает как метафора любви, которая захватывает героиню Тургенева полностью, но оказывается несчастной, недолговременной, а Елена ассоциируется с соловьем.

Мифопоэтический подтекст образа птицы подразумевает близость к миру горнему. У разных народов птица нередко ассоциируется с божественным существом и является «широко распространенным символом духа и души в древнем мире», сохраняя это значение и в христианской символике [17, с. 389]. Подобные смыслы актуальны и для орнитологического уровня структуры образа тургеневской Елены. В романе особое внимание уделяется духовному движению героини. И хотя Елена порой сама не понимает этого, ее душа в минуты печали стремится к горнему: *«Долго глядела она на темное, низко нависшее небо; потом она встала, движением головы окинула от лица волосы, и сама не зная зачем, протянула к нему, к этому небу…»* [17, с. 35].

Птица также является знаком одного из пяти чувств – осязания [17, с. 391]. Елена, единственная из всех персонажей романа, ассоциируется с запахом резеды. Этот цветок и его аромат выбраны, конечно, не случайно. Этимология названия цветка резеда – «от лат. Reseda, которое было осмыслено как связанное с resedare – “исцелять”» [14, с. 577]. Елена облегчает страдания Инсарова, исцеляет его своей любовью и верой в него.

Во многих религиозных традициях птицы рассматриваются как существа, способные соединять небо и землю. К птицам, в сущности, относили

© Брагина О.Б., 2012

и крылатых ангелов, которые стали развитием и своего рода продолжением этого образа. Свободная – птичья именно в этом смысле – натура героини Тургенева едва ли также не обретает черты ангела-хранителя: до конца дней Инсарова Елена находится рядом с ним, оберегая, помогая и поддерживая во всех делах. Но Елена – «ангел» не только для Инсарова. Ее избранность выделяют все окружающие, подчеркивая ее мессианство. Не случайно Елена является в романе своеобразным «вестником» нового героя в России. Она проходит путь от безотчетных порывов и неудовлетворенности привычным укладом жизни до самостоятельно выбора своей судьбы, до самопожертвования во имя мужа и его дела – освобождения Болгарии. Ей также свойственна мечтательность, нравственная чистота, но, самое главное, готовность к подвигу у нее соединяется со способностью его совершить.

Параллель «Елена – птица» реализуется в романе как сравнение, переходящее в устойчивую метафору. Как правило, в романе не уточняется, какая именно Елена птица. Об этом говорится лишь однажды, когда героиня встречается со старушкой в часовне: та называет ее голубкой. В традиционной культуре голубка олицетворяет любовь. В народе говорят: «Воркуют, как два голубка». В мифологии многих народов голубь – «покровитель мира и покоя, помощник, глашатай и посланец верховных духов (богов)» [12, с. 672]. В этом значении, вероятно, реализуются некие мессианские возможности тургеневской героини, не случайно она обладает особой внутренней силой, привлекающей к ней людей.

Есть в романе также и самостоятельные орнитологические образы, как, например, чайка. В сущности, семантика этого образа настолько сложна и многогранна, что он перерастает в символ, не поддающийся однозначному истолкованию. Эта птица является важнейшей деталью пейзажа, как, например, в день смерти Инсарова, когда Елена смотрит в окно и видит чайку, которая парит над морем. Однако эта «деталь» пейзажа приковывает к себе особое читательское внимание, переставая быть только его частью.

Ю.В. Манн писал о романтической поэтичности образа чайки в связи с «Певцами» Тургенева: писателю нужен был образ этой птицы, «чтобы прорвать круг специфически крестьянских и даже часто русских ассоциаций, озарить облик и искусство народа, певца светом общечеловеческой патетики» [11, с. 280]. В «Накануне», как и в «Певцах», писатель наделяет образ чайки подобной поэтичностью.

Будучи самостоятельным образом, чайка включается в общую орнитологическую метафорику романа и соотносится с судьбами Елены и Инсарова. Елена наблюдает за чайкой, когда больной Инсаров спит: *«В это мгновение она увидела высоко над водой белую чайку; ее, вероятно, вспугнул рыбак, и она летала молча, неровным полетом, как бы высматривая место, где бы опуститься. “Вот если она полетит сюда, – подумала Елена, – это будет хороший знак…”. Чайка закружилась на месте, сложила крылья – и, как подстреленная, с жалобным криком пала куда-то далеко за темный корабль»* [17, с. 157]. Чаще всего в народе говорилось о чайке как о вольной птице, поэтому душа человека, который сравнивается с чайкой, такая же вольная и свободная. Она летит, сложив крылья, и, будто мертвая, падает вниз, не так ли происходит и с героем? Птица становится знаком-предзнаменованием стремительной и короткой, но и прекрасной жизни Инсарова. Яркий полет чайки также сопоставим и с быстрым и смелым течением жизни Елены. Обе – свободны, сильны и красивы. Чайка олицетворяет собой свободу и вечную неприступность, это романтический образ вечно борющегося существа.

Однако чайка в традиционной культуре прочно ассоциируется и со смертью, является ее вестником. Оборотной стороной мощи и красоты этой птицы является ненасытная жажда жизни, переходящая в ее отрицание. Не случайно картина, увиденная Еленой, предвещает смерть: *«…Чайка закружилась на месте, сложила крылья – и, как подстреленная, с жалобным криком пала куда-то далеко за темный корабль»* [17, с. 157].

Чайка ассоциировалась и с человеческими страстями, с плотским началом. Это не только свободная птица, парящая над водой, но и существо, питающееся падалью. Она прожорливая и жадная. Так и любовь Елены и Инсарова была построена не только на взаимопонимании и душевной близости, страсть также руководила Еленой. Она бросает все – свою родину, дом – и следует за возлюбленным. Нельзя также забывать, что связь Елены с Инсаровым изначально была не благословлена ее родителями и освящена церковью.

Тургенев, безусловно, видит в чайке и символ смерти, которая подстерегает Инсарова. Но и Елена после его смерти не живет, ее душа умирает вместе с возлюбленным. Именно такую семантику несет образ чайки в элегии К.Н. Батюшкова «Тень друга», в которой едва ли не впервые в русской литературе появляется образ этой птицы и закрепляется в романтической традиции. Он воплощен в романтическом образе Гальционы – женщины-чайки, помчавшейся за кораблем, на котором погиб возлюбленный. Батюшков пишет:

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилася Гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял [4, с.222].

В мифологии Гальциона (Алкиона) – это дочь Эола, жена Кеика, царя трихидского, который, потерпев кораблекрушение, утонул. Когда она узнала

приплывший труп своего супруга, то с горя сбросилась со скалы в море и вместе с мужем была превращена Посейдоном в зимородка [1, с. 59]. Стоит предположить, что Тургенев был знаком и с этой элегией Батюшкова, и с мифом о Гальционе[3]. Несмотря на то что в мифе говорится о зимородке, в русской традиции Галициона (Алкиона, что в переводе с греческого значит «зимородок») чаще ассоциировалась с чайкой. В этой связи стоит вспомнить стихотворение И.А. Бунина «Гальциона»:

Когда в волне мелькнул он мертвый ликом,
К нему на сердце кинулась она –
И высоко, с двойным звенящим криком,
Двух белых чаек вынесла волна [7, с. 213].

В образе тургеневской чайки-Елены также оживал миф о Гальционе. Так, его героиня следует за своим умершим возлюбленным, чтобы проводить его в последний путь и продолжить его дело. Об этом читатель узнает из ее последнего письма матери: *«...Что со мной будет, не знаю! Но уже нет мне другой родины, кроме родины Д. ...Я не знаю, что со мною будет, но я и после смерти Д. останусь верна его памяти, делу всей его жизни»* [17, с. 164]. В эпилоге сообщается о слухах, что в Болгарии среди революционеров была девушка, одетая во все черное. Возможно, это и была Елена, сдержавшая свое слово и продолжившая дело Инсарова.

Обращаясь к романтическому символу чайки, Тургенев не только предупреждает читателей о надвигающейся смерти своего героя, но также воспевает свободу, красоту, и, конечно же, вечную любовь и верность.

Итак, орнитологическая образность в романе «Накануне» не сводится только к уровню сравнений тургеневских героев с представителями птичьего мира, хотя в своем традиционном аллегорическом значении такое сравнение весьма значимо для Тургенева. Здесь также проявляет себя пласт мифопоэтических значений, где орнитологические образы играют особую роль, наряду с фито- и другими зооморфными образами и создают сложный поэтико-символический подтекст романа.

Примечания

[1] См. работы А.И. Батюто [3], А.Б. Муратова [13], П.Г. Пустовойта [15], Г.Б. Курляндской [9], В.Н. Топорова [16].

[2] См. работы О.М. Барсуковой [2], И.А. Беляевой [6], К.В.Лазаревой [10] и др.

[3] Элегия посвящена памяти близкого друга Батюшкова Ивана Александровича Петина (1789–1813), убитого в Лейпцигском сражении. В основу элегии лег миф о Алкионе, которая бросилась в море за своим погибшем мужем и превратилась в птицу. Хотя в научной литературе небезосновательно ставится под сомнение соотнесенность чайки и Гальционы [8], мы берем за основу одну из трактовок мифа о Гальционе, где она превращается в чайку [5, с. 296].

Библиографический список

1. Алкиона // Мифы народов мира: В 2 т.: Энциклопедия. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
2. *Барсукова О.М.* Образ птицы в прозе И.С. Тургенева // Русская речь. – 2002. – № 2. – С. 22–28.
3. *Батюто А.И.* Тургенев-романист. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 389 с.
4. *Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе / под ред. И.М. Семенко. – М.: Наука, 1977. – С. 222–223.
5. *Батюшков* К.Н. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.В. Фридмана. – М.; Л.: Сов. писатель, 1964. – С. 297–298.
6. *Беляева И.А.* Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. – М.: МГПУ, 2005. – 249 с.
7. *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 213–214.
8. *Жолковский А.* Гальциона. Из мемуарных виньеток // Звезда. – 2000. – №4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/4/zholk004.html (дата обращения: 2.11.2011).
9. *Курляндская Г.Б.* Эстетический мир И.С. Тургенева. – Орел: Изд-во Орловской гос. телерадиовещат. компании, 1994. – 343 с.
10. *Лазарева К.В.* «Мифопоэтика “таинственных повестей” И.С. Тургенева». – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2008. – 222 с.
11. *Манн Ю.В.* Утверждение критического реализма. Натуральная школа // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. Т. 1. – М.: Наука, 1972. – С. 234–291.
12. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
13. *Муратов А.Б.* Тургенев-новеллист (1870–1880-е гг.). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 119 с.
14. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
15. *Пустовойт П.Г.* И.С. Тургенев – художник слова. – М.: Изд-во Московского университета, 1980. – 375 с.
16. *Топоров В.Н.* Странный Тургенев: четыре главы. – М.: Издат. центр Российского гос. гуманитарного университета (РГГУ), 1998. – 192 с.
17. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. Т. 8. – М.; Л.: Наука, 1964.

УДК 882.09

Глазунова Софья Ивановна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
profhom@yandex.ru

ЖАНРОВО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ЭССЕ «НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ» В. НАБОКОВА

В статье рассматриваются жанрово-композиционные особенности эссе В. Набокова «Николай Гоголь». В структуре эссе обнаруживаются элементы, присущие жанру некролога, выявляется композиционная роль эпиграфа. Прослеживаются черты, характерные для многих критических работ В. Набокова.

Ключевые слова: *В. Набоков, Н. Гоголь, эссе, некролог, литературная критика.*

Эссе «Николай Гоголь» занимает особое место среди литературно-критических работ В. Набокова. Исследователя не может не поразить многомерность набоковского текста, которая выражается в игре автора не только с читателем, но и с образом самого Гоголя. В одном из писем Набоков называет свое эссе «Гоголь в Зазеркалье» [цит. по: 2, с. 243] – анализ текста показывает, что правильнее было бы назвать его «Гоголь в зеркале». Зеркале Набокова.

В качестве эпиграфа выбрана развернутая цитата из «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя: «Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду! Они не внемлют, не видят, не слушают меня. Что я сделал им? За что они мучат меня? Чего хотят они от меня, бедного? Что могу дать я им? Я ничего не имею. Я не в силах, я не могу вынести всех мук их, голова горит моя, и все кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых, как вихорь коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеся, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего. Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали, лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли мой то синеет вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят! Матушка! пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» [4, с. 403]. Данный отрывок является финальной записью в дневнике Аксентия Ивановича Поприщина от «Чи 34, сло Мц гдао, Февраль 349» [1, с. 165]. В нем намечен вектор движения из больничного ада к свободе, возвращение посредством волшебной тройки коней домой. Этот вектор сохранен Набоковым, который начинает рассказ о жизни Гоголя именно с описания его болезни и методов, применявшихся для его лечения: «С ужасом читаешь, до чего нелепо и жестоко обходились лекари с жалким, бессильным телом Гоголя, хоть он молил только об одном: чтобы его оставили в покое. С полным непониманием симптомов болезни и явно предвосхищая методы Шарко, доктор Овер погружал больного в теплую ванну, там ему поливали голову холодной водой, после чего укладывали его в постель, прилепив к носу полдюжины жирных пиявок» [4, с. 404]. Эта фраза перекликается с начальными предложениями эпиграфа и позволяет Набокову показать удивительное соотношение литературного текста и судьбы автора, так же, как в статье «Предисловие к “Герою нашего времени”» [3, с. 424–435] Набоков неоднократно подчеркивает пророческий характер стихотворения Лермонтова «В полдневный жар в долине Дагестана…».

Предшествующая набоковскому тексту цитата объединяет два повествования: псевдодневник, созданный Гоголем, и его собственную биографию. Эту связь подкрепляют элементы гоголевского текста, вкрапленные в эссе Набокова. У Гоголя: «Они льют мне на голову холодную воду» [1, с. 165]; у Набокова: «…Ему поливали голову холодной водой». У Гоголя: «Они не внемлют, не видят, не слушают меня», у Набокова: «Больной стонал, плакал, беспомощно сопротивлялся» [4, с. 404]. Таким образом, эссе Набокова становится своего рода продолжением гоголевского повествования. Рассказ о жизни писателя начинается с того самого момента, на котором обрываются «Записки сумасшедшего». И это не случайно. Тема душевной болезни Гоголя неоднократно затрагивается в эссе: «Гоголь был странным, больным человеком, и я не уверен, что его пояснения к “Ревизору” не обман, к какому прибегают сумасшедшие» [4, с. 446]. И далее: «У меня будет возможность описать в другой книге, как одному сумасшедшему постоянно казалось, будто все детали ландшафта и движения неодушевленных предметов – это сложный код, комментарий по его поводу и вся вселенная разговаривает о нем при помощи тайных знаков. Нечто подобное этой мрачной и чуть ли не космической пантомиме можно себе представить, размышляя о болезненном отношении Гоголя к своей внезапной славе» [4, с. 446–447]; «Лихорадочное бегство было лишь первой стадией той тяжелой мании преследования, которую ученые со склонностью к психиатрии усматривают в его чудовищной тяге к перемене мест» [4, с. 412–413]; и др. Но размышления о психическом

© Глазунова С.И., 2012

состоянии Гоголя не превалируют в эссе над анализом его художественного гения. Напротив, Набоков подчеркивает, что «только тень Гоголя жила подлинной жизнью – жизнью его книг» [4, с. 423].

Параллель Гоголь – Поприщин не единственная, найденная Набоковым. Так, уже в первой части эссе он замечает, что Гоголь «потерял и свой нос так же, как его потерял майор Ковалев» [4, с. 406], а затем, глубже раскрывая перед читателем особенности гоголевского мира, сравнивает Гоголя то с убийцей из рассказа К.Г. Честертона [4, с. 484], то с женой рыбака из сказки А.С. Пушкина [4, с. 485]. Помимо этого, Набоков характеризует Гоголя, используя такие эпитеты, как «вампир» [4, с. 411] и «чревовещатель» [4, с. 411]. После этого уже не кажется столь удивительным уверение Набокова в том, что он не выдумал Гоголя. Гоголь Набокова – это странное создание (в чьих постоянных поездках было что-то «от тени или от летучей мыши» [4, с. 423]), живущее в своем собственном мире.

«Хаос мнимостей» [4, с. 504] – вот основа художественного мира Гоголя, по мнению автора эссе. Анализируя этот мир, Набоков неоднократно обращается к теме потустороннего мира, мира зеркал, теней и снов: «грандиозное сновидение поэмы» [4, с. 480]; «“Шинель” Гоголя – гротеск и мрачный кошмар» [4, с. 503]; «В письмах Гоголь как-то странно, будто сон, описывает виды Любека» [4, с. 422]; и др. Примечательно, что тема сна, связи художественной литературы и сновидения неоднократно поднимается Набоковым в его критических работах. Примером может служить комментарий Набокова к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Уже первые строки пушкинского текста, по мнению Набокова, воспроизводят «смутно-дремотные» [5, с. 103] обрывки мыслей Онегина.

Но удивительна не только интерпретация гоголевского текста. Примечательна сама композиция. Начиная эссе с описания обстоятельств смерти Гоголя, Набоков завершает его сообщением о дате рождения писателя. Следует заметить, что данная композиция является типичной для жанра некролога. Открывается эссе сообщением о смерти и ее обстоятельствах, затем следует характеристика умершего. В ряде случаев некролог завершается информацией о возрасте умершего. В качестве примера можно привести некролог «Проспер Мериме», написанный И.С. Тургеневым. Начиная некролог сообщением о смерти Мериме «Вчера я прочел в “Independance Belge” известие о смерти П. Мериме в Канне» [6, с. 212], Тургенев заканчивает его словами «Мериме исполнилось 67 лет: он родился 28-го сентября 1803 года» [6, с. 213].

Приступая к рассказу о Гоголе с описания его смерти, Набоков, тем не менее, быстро возвращается к нормальной хронологии событий. Так, за изображением ужасного лечения, предваряющего смерть Гоголя, следует рассказ о его детстве, учебе в гимназии, переезде в Санкт-Петербург, и далее события жизни Гоголя описываются в их естественной последовательности.

И здесь мы вынуждены вернуться к эпиграфу эссе. В романе Гоголя датировка, проставляемая Поприщиным у своих записок, хаотична: от 2000 года до «Чи 34, сло Мц гдао, Февраль 349». Таким образом, уже сам эпиграф в некотором роде оправдывает нарушение хронологии и парадоксальное название первой части эссе: «Его смерть и его молодость».

Несколько вольное обращение с хронологией событий также сразу дает читателю понять, что Набоков будет говорить об анализируемом авторе так, как сам пожелает. Действительно, Набоков не просто допускает достаточно вольную интерпретацию художественного текста, но и включает в структуру эссе автобиографические отступления, например: «Несколько лет назад на регбийном матче в Англии я видел, как великолепный Оболенский на бегу отбил мяч ногой и, тут же передумав, в броске поймал его руками...» [4, с. 460]; «Лет через двадцать пять я заставил себя перечесть “Вечера” и остался к ним так же холоден, как и в те дни, когда мой учитель не мог понять, почему от “Страшной мести” у меня не ползут по спине мурашки, а от “Шпоньки и его тетушки” я не покатываюсь со смеху» [4, с. 427]. Более того, Набоков не упускает возможности упомянуть в эссе о Гоголе о собственном творчестве: «У меня будет возможность описать в другой книге, как одному сумасшедшему постоянно казалось, будто все детали ландшафта и движения неодушевленных предметов – это сложный код, комментарий по его поводу и вся вселенная разговаривает о нем при помощи тайных знаков» [4, с. 446]. Нам кажется показательной следующая набоковская фраза: «Это мир Гоголя, и как таковой он совершенно отличен от мира Толстого, Пушкина, Чехова или моего собственного» [4, с. 506]. Мы видим, как невзначай в одном ряду оказываются Пушкин и Набоков. В другом случае Набоков упоминает Пушкина, чтобы оправдать свое словоупотребление: «Я употребляю слово “вульгарность” из-за недостатка более точного термина – Пушкин, в “Евгении Онегине” тоже употребляя английское слово vulgar, извинился, что не нашел в русском языке его точного эквивалента» [4, с. 444]. Как мы видим, в эссе отчетливо прослеживается желание автора говорить не только о предмете исследования – Николае Гоголе, но и о самом себе.

Удивительна трансформация, которая происходит с образом Пушкина. В начале эссе – это человек, как и Гоголь, умирающий из-за неправильного лечения, затем – предмет восхищения, друг, коллега, вдохновитель, а под конец образ Гоголя начинает пересекаться с одной из литературных героинь Пушкина («…что-то в его душе жаждало еще большей власти (правда, лишенной ответственности), как жена рыбака в сказке Пушкина – еще бо-

лее пышных хором» [4, с. 485]). При этом, упоминая об использовании имени Пушкина в «Ревизоре», Набоков преподносит это так: «Когда Хлестаков рассказывает о своих богемных и литературных связях, появляется чертенок, исполняющий роль Пушкина: “С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: “Ну что, брат Пушкин?” – “Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то все...”» [4, с. 440]. Гоголя можно выдумать, но Пушкин – вот настоящая реальность русской литературы, величина, замахнуться на которую для Набокова кажется невозможным.

Рассматривая особенности композиции эссе, необходимо упомянуть о «Комментарии», завершающем текст и состоящем из описания диалога между Набоковым и его издателем. Обращает на себя внимание само название этой части эссе – «Комментарий». Действительно, Набоков здесь стремится подвести итог и обобщить свои рассуждения. В сжатом виде мы вновь узнаем об особенностях сюжетов в прозе Гоголя и о проблемах, связанных с ее изучением. Набоков подчеркивает особое значение своего исследования, поскольку, по его мнению, список достойных работ о Гоголе ничтожно мал – так, среди англоязычных исследователей он положительно отзывается только о Д.П. Мирском. Обосновывая свое нежелание составлять библиографию работ о Гоголе, помимо незначительного количества достойных, с его точки зрения, исследований, Набоков выдвигает и другой аргумент: «Беда в том, что, если я стану перечислять эти работы, я непременно попытаюсь развеять скуку, включая в список выдуманные названия и воображаемых авторов, и вы никогда толком не будете знать, в самом ли деле Добролюбов, или Иванов-Разумник, или Оссиано-Кули...» [4, с. 513–514]. Здесь мы снова встречаемся с обращением к теме мистификации читателя, возможности написать исследование о несуществующем писателе. Эта фраза является продолжением обращения к читателю из пятой части эссе «Апофеоз личины»: «Стараясь передать мое отношение к его искусству, я не предъявил ни одного ощутимого доказательства его ни на что не похожей природы. Я могу лишь положа руку на сердце утверждать, что я не выдумал Гоголя. Он действительно писал, он действительно жил» [4, с. 511]. В «Комментарии» Набоков подчеркивает, что, если бы он действительно захотел написать исследование о несуществующем писателе, он мог бы искусно «замести следы», подделав ссылки на несуществующие труды несуществующих литературоведов или критиков. Единственный выход, остающийся для читателя, – поверить автору эссе на слово. Поверить не только в реальность Гоголя, но и в правильность его оценок Набоковым.

Помимо этого, «Комментарий» дает возможность Набокову продемонстрировать свое писательское мастерство. Достаточно вспомнить описание заката или щенков коккер-спаниеля, пробравшихся в гостиную во время беседы.

Также Набоков использует эссе о Гоголе, чтобы еще раз высказать свое мнение о некоторых аспектах литературного процесса. Большое внимание Набоков уделяет проблеме точного перевода художественного текста, и в эссе мы видим отступления, характеризующие некоторые переводы гоголевских произведений. В основном, данные отступления достаточно обширны, поскольку Набоков не упускает возможности посрамить своих предшественников. Так, говоря об описании сада Плюшкина в переводе И. Гепгуд, Набоков замечает, что она «лепит одну ошибку на другую, превращая русскую березу во всеобщий ‘beech’ (бук), осину – в ‘ashtree’ (ясень), бузину – в ‘lilac’ (сирень), черную птицу – в ‘blackbird’ (ворону), зияющую – в ‘shining’ (видимо, перепутав с “сияющей”) и т. д., и т. д.» [4, с. 467]. Большая часть характеристик носит негативный характер, и только перевод «Мертвых душ», выполненный В.Д. Герни, удостаивается похвалы: «Когда я писал заметки, из которых составлялась эта книга, и уже взял на себя труд перевести нужные мне отрывки, “Читательский клуб” в Нью-Йорке выпустил совершенно новый перевод “Мертвых душ”, сделанный В.Д. Герни. Это на редкость хорошая работа» [4, с. 447–448]. Но даже и здесь Набоков находит недостатки, правда, связанные уже не с самим переводом: «Издание портят две вещи: смехотворное предисловие, написанное одним из редакторов “Клуба”, и перемена названия на “Похождения Чичикова, или Домашняя жизнь в старой России”» [4, с. 448].

Обращает на себя внимание характерное для Набокова представление о единстве мировой литературы. Так, в список литературных героев, олицетворяющих, по его мнению, пошлость, Набоков включает «Полония и королевскую чету в “Гамлете”, Родольфа и Омэ у Флобера, Лаевского в “Дуэли” Чехова, Марион Блум у Джойса, молодого Блоха в “Поисках утраченного времени” Пруста, мопассановского Милого друга, мужа Анны Карениной, Берга в “Войне и мире” и множество других действующих лиц в мировой литературе» [4, с. 454]. А один фрагмент из «Мертвых душ» напоминает Набокову «Улисса» Дж. Джойса.

Анализ показывает, что в тексте эссе также присутствуют элементы, характерные для многих критических работ В. Набокова: подчеркнутый субъективизм оценок, автобиографические отступления и отступления о литературе, представление о единстве мирового литературного процесса и возможности бесконечных взаимовлияний литератур разных эпох и разных народов.

Библиографический список

1. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. Повести; Т. 4. Комедии. – М.: Русская книга, 1994. – 560 с.

2. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 688 с.

3. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. – М.: Издательство Независимая Газета, 1998. – 440 с.

4. *Набоков В.В.* Американский период. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. – СПб.: Симпозиум, 1999. – 608 с.

5. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – СПб: Искусство-СПБ, 1998. – 928 с.

6. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. Т. 14. Воспоминания, критика и публицистика 1854–1883 гг. – М.; Л.: Наука, 1967. – 580 с.

УДК 821.161.1

Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nkoptelova@yandex.ru

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

В статье раскрываются особенности интерпретации Д.С. Мережковским романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»; характеризуются черты метода критика.

Ключевые слова: *роман, интерпретация, метод, автор, герой, миф, раздвоение, религия, апокалипсис, действие, христианство.*

Как справедливо отмечает В.А. Келдыш, в «религиозно-философской критике конца XIX – начала XX веков произошло второе открытие Достоевского, многое определившее в познании его творчества мировой литературой и литературной наукой» [4, с. 207]. Д.С. Мережковский, несомненно, внёс в этот процесс значительную лепту. Для него, так же как для В. Розанова, И. Анненского, А. Волынского, Н. Бердяева, Вяч. Иванова, характерно отношение к Достоевскому как к художнику, осознавшему головокружительную сложность, таинственность, вечную трагическую раздвоенность души человека.

К феномену Достоевского Мережковский обращается, в частности, в трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), программируя «новый идеализм» отечественной словесности, закладывая эстетический фундамент религиозного символизма. Если ранее в статье «Достоевский» (1890) Мережковский только констатирует христианскую природу художественных прозрений писателя, то в трактате «О причинах упадка…» он уже акцентирует способность писателя чувствовать «неисчерпаемую, никем не открытую *новизну* величайшей книги прошлого – Евангелия» (здесь и далее в цитатах – курсив Д.С. Мережковского. – *Н.К.*) [6, с. 222].

Методология трактата Мережковского во многом близка подходу к творчеству Достоевского, реализованному в книге В. В. Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» (1891) [4, с. 214], написанной на материале романа «Братья Карамазовы». В рецепции феномена Достоевского, как и других писателей, у «субъективных критиков» Розанова и Мережковского весьма активную роль играет механизм лирической призмы. В итоге – оба автора склонны рассматривать творчество Достоевского как его собственную исповедь, поражающую беспощадной искренностью. Поэтому они опосредованно соотносят, а иногда и прямо отождествляют сознание автора и сознание героев романа «Братья Карамазовы». В откровенных признаниях Ивана Карамазова и даже Великого инквизитора – создатель книги «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» [8, с. 15] и творец трактата «О причинах упадка…» видят отражение, преломление нравственно-философских исканий писателя. Авторские интенции, считает Розанов, наиболее полно воплотились в образе Ивана Карамазова: «…Всё, что говорит Иван Карамазов, – говорит сам Достоевский» [7, с. 66]. «Он извлёк из той же глубины своего духа и легенду об отце Зосиме, и бессмертный тип подлого лакея Смердякова» [6, с. 222], – указывает Мережковский.

И художественная антропология романа «Братья Карамазовы», и, соответственно, миропонимание Достоевского в трактовке Мережковского предстают антитетичными. Для критика-символиста Достоевский – «человек, дерзающий беспредельно сомневаться и в то же время имеющий силу беспредельно верить» [6, с. 223]; «пророк, ещё небывалый в истории, новой *русской жалости*» [6, с. 224] и «один из самых жестоких поэтов» [6, с. 226]. Причём духовная раздвоенность и максимализм Достоевского, как кажется Розанову и Мережковскому, оказываются родственными современности. Амбивалентность Достоевского-гения, сотканного из трагических противоречий, по мнению автора трактата «О причинах упадка…», не может быть постигнута в оценочных параметрах старой критики XIX века, но требует других мировоззренческих и аксиологических координат. Мережковский пишет: «Русские критики-реалисты! Что им было делать с подобным характером? <…>

© Коптелова Н.Г., 2012

Их тоненькие эстетические и нравственные рамочки, хрупкие как стекло, ломаются на этой каменной первозданной глыбе» [6, с. 224].

В трактате «О причинах упадка…» Мережковский остаётся верен своей позиции, обозначенной в статье «Достоевский». Для него автор «Братьев Карамазовых» по-прежнему ценен, прежде всего, как бесстрашный открыватель психологических и метафизических «бездн», как писатель, способный отразить все возможные падения и взлёты человеческого духа: «По краю пропасти, от которой у нас голова кружится, по самым крутым и обрывистым тропинкам он ходит легко и свободно, как мы – по большим дорогам. И в ту минуту, когда кажется, что вот-вот художник погибнет, что дальше идти некуда, <…> он выходит из бездны, торжествующий, вынося вечную правду жизни, умиление и веру в человека, редкие, никому не доступные цветы поэзии, растущие только над пропастями» [6, с. 223]. Восприятие Мережковским Достоевского как исследователя предельных, «пограничных ситуаций», несомненно, предсказывает «экзистенциалистское» прочтение творчества писателя.

К роману «Братья Карамазовы» Мережковский обращается и в масштабном исследовании «Л. Толстой и Достоевский», впервые опубликованном в журнале «Мир искусства» (1900–1902). Критик считает, что Достоевский утверждает совершенно новую эстетическую шкалу в области психологического изображения. Мережковский говорит о том, что Достоевский-психолог часто пользуется методом эксперимента, проводит «опыты с душами человеческими» [5, с. 113]. Способы психологического изображения, характерные для Достоевского, критик уподобляет «огромной лаборатории с тончайшими и точнейшими приборами, машинами для измерения, исследования, испытания душ человеческих» [5, с. 113]. С точки зрения Мережковского, автор «Братьев Карамазовых», разгадывая тайну человека, шёл путём особого, синтетического знания, соединяющего элементы искусства и науки. Подобный путь, по мнению критика, был знаком Гёте и гению Ренессанса Леонардо да Винчи. При этом основоположник символизма признаёт схождение художественных поисков Достоевского и Толстого. Критик считает, что в своей дерзкой жажде заглянуть в глубины человеческого духа Достоевский, в определённом смысле, родствен своему антиподу Толстому, бесстрашно исследовавшему «бездны плоти».

Безоглядность Достоевского, его желание идти «до конца» в познании глубин человеческого духа, по концепции автора исследования, мотивируется апокалиптическим мировидением писателя. В рассуждениях Мережковского о людях с «тёплыми», но не «холодными и горячими душами», упрекающими писателя в «жестокости» [5, с. 114], появляется отсылка к Откровению Святого Иоанна Богослова (глава 3, ст. 16). Критик обращается к теме христианской эсхатологии, в которой для него сосредоточено главное пророчество об исторических и духовных судьбах мира, человечества. Он, в частности, заявляет: «Первою и до сих пор единственною религией, которая сознала, или, по крайней мере, почувствовала неотразимость мысли о конце, о смерти не только для человека в отдельности, но и *для всего человечества*, было христианство, и, может быть, именно в этом и заключается главная особенность культурно-исторического влияния христианства – влияния, и доныне ещё не завершившегося…» [5, с. 117].

По мнению Мережковского, как и с точки зрения Розанова, Достоевский-художник проник в самую сердцевину христианства именно потому, что его творческие искания постоянно сопровождало «чувство Апокалипсиса», которым он заразил и последующее литературное поколение. Не случайно ключ к интерпретации Достоевского и Розанов («Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского»), и Мережковский находят именно в Откровении святого Иоанна Богослова, которое бесконечно цитируют в своих работах. В то же время Розанов и Мережковский «повернули» апокалиптику Достоевского в сторону своих субъективных духовных исканий. Трудно не согласиться с мнением О.А. Богдановой: «Литература Серебряного века, восприняв апокалипсический пафос Достоевского, придала ему, однако, иной, катастрофический характер, на что, безусловно, повлияла “Краткая повесть об Антихристе” Вл.С. Соловьёва (в составе его философского диалога-эссе “Три разговора…”, 1900), а также – рецепция наследия Ф. Ницше, окрашенная в России рубежа XIX–XX веков в резкие тона “желания катастрофы”…» [1, с. 74].

В рассматриваемом исследовании Мережковский не отказывается и от парадигмы «лирического истолкования» творчества Достоевского, выстроенной в его упоминаемых работах 90-х годов. Философскую и эстетическую сущность двойничества, присутствующего в образной системе Достоевского, Мережковский интерпретирует в близком ему символистском ключе. Не случайно автор исследования обращается к мотиву зеркала, часто играющему роль художественного атрибута двойничества в поэтике русских символистов и шире – авторов Серебряного века (стихотворение «Двойник» А. Блока, рассказ «Зеркала» З. Гиппиус, поэма «Чёрный человек» С. Есенина и т.д.). В двойничестве, запечатлённом в творчестве Достоевского, критик видит воплощение трагедии расколотого сознания. Эта трагедия весьма болезненно переживалась самим Мережковским и многими его современниками. Автор исследования замечает: «Так у Достоевского все трагические борющиеся пары самых живых реальных людей, которые кажутся себе и другим едиными, целыми существами, – на

самом деле, оказываются только двумя половинами какого-то "третьего" расколотого существа – половинами, ищущими одна другую – друг друга преследующими двойниками» [5, с. 130]. В отношения со своими тайными «половинами», как указывает критик, вступают Раскольников и Свидригайлов, Ставрогин и Пётр Верховенский. А вот у Ивана Карамазова – сразу два «преследующих двойника»: Смердяков и Чёрт. Причём образ Чёрта Мережковский объявляет духовным «двойником» самого Достоевского, парадоксально связывает его с «последней глубиной» сознания и подсознания писателя. Критик заявляет: «Недаром же устами Чёрта высказывает он свои собственные, самые заветные *святые* мысли. <…> О сущности своей говорит Чёрт почти теми же словами, как и сам Достоевский – о сущности собственного художественного творчества, о первом источнике, о той рождающей силе, из которой возникли все его произведения» [5, с. 131]. В отрицании Чёртом всего «призрачного, фантастического» Мережковский видит психологическое «подполье» самого Достоевского. По мнению автора исследования, писатель вместе со своим демоническим героем тоскует по «"земному реализму"», по «нарушенному равновесию духа и плоти» [5, с. 131]. Если у Толстого критик видит «перекос» в сторону «плоти», то у дополняющего и компенсирующего его Достоевского находит перевес «духовного начала». Таким образом, с точки зрения Мережковского, Достоевский, как и Толстой, но только с обратной стороны вплотную подошёл к неизбежному духовному повороту – к созданию «новой» религии.

Второй том исследования «Л. Толстой и Достоевский» называется «Религия» и по объёму несколько превосходит первый. В центре внимания исследователя оказываются типы религиозного «сознания» и «ясновидения» великих писателей. С точки зрения Мережковского, Достоевский приближается к новой религии в большей степени в «ясновидении», в художественном творчестве, нежели в сознании. В образном мышлении Достоевского, в отличие от Толстого, критик видит предчувствие чаемого слияния ликов Богородицы и Матери Сырой Земли, которое объявляет одной из самых глубоких религиозных интуиций писателя. Обоснованно заключает А.Г. Бойчук: «Идея "святой плоти" подразумевала у Мережковского сакрализацию различных модусов земного, объединявшихся в заимствованном у Достоевского фольклорно-мифологическом символе Великой Матери сырой земли…» [2, с. 480].

Интерес к мифологеме «матери-земли», мотивированный разнонаправленными духовными исканиями, был характерен для многих современников Мережковского. В их числе можно назвать В. Соловьёва, В. Розанова, Н. Бердяева, А. Блока и даже В. Брюсова [3, с. 28–29]. Прорыв к миропониманию истинного христианства, основанного на «новой любви к земле», Мережковский обнаруживает в романе Достоевского «Братья Карамазовы». Носителями нового религиозного сознания, в трактовке критика, предстают старец Зосима и Алёша Карамазов. Причём их поклонение матери-земле парадоксально согласуется для Мережковского с призывом Заратустры («быть верными земле»), воспетого Ницше. Характеризуя духовные искания Алёши Карамазова, автор исследования, в частности, заключает: «Прикосновение к "Великой Матери-сырой земле" дало ему новую силу, и с этой силою идёт он, по завету старца, из своей монашеской пустыни в "мир", уже не только от земли к небу, <…> но и от неба к земле» [5, с. 259].

Но, высоко ценя духовные достижения Достоевского-художника, считая, что автор «Братьев Карамазовых» во многом превзошёл Толстого в глубине постижения религиозных истин, Мережковский всё-таки далёк от того, чтобы увидеть в них отражение всей полноты «нового» христианства. Он остаётся верен ранее высказанному тезису о «сознательной и бессознательной» духовной раздвоенности Достоевского, колеблющегося между сакрализацией «Я» и «не-Я», «Человекобога» и «Богочеловека», мучительно разрывающимся между «Ксерксом» и «Христом», между «историческим православием» и «новым христианством».

В книге «Л. Толстой и Достоевский» Мережковский конкретизирует и развивает свой индивидуальный миф о «Чёрте», о природе демонического, впоследствии получивший одну из реализаций в образе «грядущего Хама». Метафизическим воплощением подлинного зла, его квинтэссенцией критик считает «всемирного лакея Смердякова». Идеологический «ген» этого героя Мережковский оправданно выявляет в Иване Карамазове, Чёрте, Великом инквизиторе, Антихристе. «Наследником» Смердякова автор исследования называет и «бессмертного Чичикова» [5, с. 299]. Примечательно, что с образом хама Смердякова критик-пророк проницательно связывает мечту «учеников Карла Маркса» о строительстве «грядущего "серединного царства"» [5, с. 300]. За этим образным перифразом Мережковского отчётливо угадывается высмеянное Достоевским общество «всемирной сытости», то есть социализм Чернышевского.

Именно в романе «Братья Карамазовы» Мережковский обнаруживает отражение «последней» ступени религиозного раздвоения Достоевского, «сознательного и бессознательного». Одновременно критик объявляет это вершинное произведение писателя наиболее близким к преодолению указанного трагического раздвоения. В истолковании Мережковского, так или иначе, религиозную трагедию автора разделяют все «братья Карамазовы»: Иван, Дмитрий и даже Алёша. В то же время каждый из героев, с точки зрения интерпретатора романа, в процессе развития сюжета в той или иной

форме воплощает метафизическую тайну «“соприкосновения противоположностей”», «двух полюсов» [5, с. 292], запечатленную в художественном ясновидении Достоевского. Каждый из Карамазовых, по мнению критика, выполняет своё, лишь ему предназначенное «религиознотворческое» задание. Дмитрий Карамазов только начинает искать «новый союз человека с древней матерью землёю» [5, с. 289], который станет открытием Алёши, вдохновлённого старцем Зосимой. Духовные искания Алёши предвосхищают для Мережковского прорыв к «новому» христианству: «…Дочитывая “Братьев Карамазовых”, мы всё-таки сознаём, что именно здесь, в ещё не совершившихся, последних религиозных судьбах Алёши, заключён главный ответ на вопрос о нашем собственном религиозном будущем, не только русском, но и всемирном» [5, с. 292].

Но не менее важны для развития религии будущего, в понимании критика, и мучительные вопросы Ивана Карамазова. Как ярко показал В.Е. Хализев, особую значимость в творческом сознании XX столетия приобрёл миф об Иване Карамазове [9, с. 12–38]. Вообще мифы о писателях, их творениях и отдельных персонажах составляют, как верно заметил В.Е. Хализев, одну из форм функционирования литературы. В то же время исследователь справедливо подчеркнул: «При мифологизации литературных героев (как и исторических личностей) происходит их раздвоение: вновь укореняющийся в общественном сознании образ оказывается оторванным от произведения, в составе которого появился на свет. Образ собственно художественный одновременно редуцируется и достраивается в образе-мифе, выражающем иное мироотношение, нежели авторское, и получающем новую ценностную окраску» [9, с. 28]. Сказанное прямо относится к истолкованию образа Ивана Карамазова, предложенному Мережковским. Критик реализует мифологическую метафору, которую использует Митя Карамазов для характеристики своего старшего брата: «Да, Иван – именно сфинкс, безмолвный, хранящий тайну будущего» [5, с. 292]. В критическом мифе Мережковского Ивану отводится роль «вопрошателя», а также идеолога «развития» и «творчества» христианства. Чаяния Ивана Карамазова оцениваются критиком как интуиции самого Достоевского, мечтающего о «всемирном предназначении» и «безграничной свободе мистического откровения» православия [5, с. 293–294].

Выразителем кульминации духовных противоречий Достоевского Мережковский объявляет Великого Инквизитора, который «раскалывает образ единого православного Христа», разделяя «любовь» и «свободу» [5, с. 298–299]. В мифологической трактовке основоположника символизма автор «Братьев Карамазовых» становится пленником созданного его художественным воображением сознания Великого Инквизитора. Это бесконечно двоящееся, лишённое чётких духовных ориентиров сознание критик уподобляет «зеркальному лабиринту», из которого нет выхода [5, с. 299]. Так утверждается концепция «лица» и «личины» Достоевского, весьма значимая для критического мышления Мережковского в целом. Автор исследования замечает: «И хуже всего то, что порой за маской Великого Инквизитора скрывается лицо самого Достоевского, и маска эта вдруг становится лицом, лицо – маской; они сливаются, смешиваются и смеются до такой степени, что, наконец, невозможно отличить одно от другого» [5, с. 299].

Достоевский, считает Мережковский, не смог переступить роковой рубеж, который совпал с апогеем его литературного творчества. По его мнению, для великого писателя таким рубежом и одновременно вершиной художественных и религиозных исканий стал роман «Братья Карамазовы». Достоевский смог дойти до такой стадии духовного развития, которую Мережковский определяет как «религиозное созерцание», но не перешёл к следующему этапу – «новому религиозному действию». При этом текст «религиозно-художественный», по мысли критика, подчинил себе и «текст жизни» гениального писателя: «И, как бы почувствовав, что сделал всё, что можно сделать, Достоевский вовремя ушёл из жизни – умер» [5, с. 349].

Библиографический список

1. *Богданова О.А.* Под созвездием Достоевского (Художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы). – М.: ИМЛИ РАН; Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – 312 с.

2. *Бойчук А.Г.* Дмитрий Мережковский // Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов). – М.: Наследие, 2001. – Кн. 1. – С. 779–850.

3. *Игошева Т.В.* Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): Религиозный аспект: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2006. – 46 с.

4. *Келдыш В.А.* Ф.М. Достоевский в критике Мережковского // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. – М.: Наследие, 1999. – С. 207–223.

5. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – 622 с.

6. *Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.: В 24 т. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1914. – Т. 18. – 279 с.

7. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1996. – 704 с.

8. *Сарычев Я.В.* Творческий феномен В. Розанова и «новое религиозное сознание»: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2008. – 39 с.

9. *Хализев В.Е.* Иван Карамазов как русский миф начала XX века // Русская словесность. – 1997. – № 1. – С. 12–38.

УДК 82

Криволапова Елена Михайловна
кандидат филологических наук
Курский государственный университет
elena_vroblevska@mail.ru

В.В. РОЗАНОВ НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКА М.О. МЕНЬШИКОВА: К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются литературные и творческие взаимоотношения двух ведущих публицистов России начала XX века – М. Меньшикова и В. Розанова. Анализируются отдельные страницы дневника М. Меньшикова, которые посвящены личности и творчеству В. Розанова.

Ключевые слова: *дневник, личность, творчество, литература, взаимодействие.*

Имена двух ведущих публицистов России начала XX века В.В. Розанова и М.О. Меньшикова на сегодняшний день редко удостаиваются стоять рядом, вследствие их очевидного «несходства» – идеологического, писательского и личностного. Между ними, скорее, можно усмотреть явное «отталкивание», которое проявлялось во взаимной полемике, «журналистской» конкуренции. Но при всем том нельзя не отметить, что современники Розанова и Меньшикова достаточно часто объединяли их имена – и не без веских оснований.

И Меньшиков, и Розанов ушли из жизни почти одновременно: 20 сентября 1918 года будет расстрелян Меньшиков, Розанов умрет через четыре с половиной месяца – 5 февраля 1919 года. Свой последний дневник 1918 года М.О. Меньшиков начнет вести «на 59 году жизни, среди неслыханной катастрофы», прекрасно сознавая, что жить ему осталось недолго и что каждый последующий день может оказаться для него последним. Предчувствуя скорую гибель, Меньшиков на страницах дневника размышляет о пройденном пути, оценивает опыт прошлого, анализирует настоящее – и среди всего этого неожиданно приходит к мысли о своем поразительном сходстве с Розановым: «Вчера в “Вешних водах” прочел статью Голлербаха о Розанове и поражен был многими параллельными чертами наших биографий. <…> Литературно мы очень не схожи, но есть и поразительные совпадения без заимствования» [5, с. 91]. Поэтому есть смысл обратиться к «схождениям» этих двух незаурядных личностей.

Весной 1899 года Розанов получил приглашение А.С. Суворина сотрудничать в «Новом Времени», Меньшиков становится штатным сотрудником той же газеты с апреля 1901 года. Очень скоро в «журналистском мире» Меньшикова стали считать «главным соперником» Розанова [4, с. 365]. Что касается их литературных и личностных контактов, то им изначально было суждено претерпеть немало испытаний, которые на десятилетие отдалили их не только в идеологическом, но и в человеческом плане. П.П. Перцов утверждал, что «между Розановым и Меньшиковым всегда были дурные отношения» [9, с. 569], но это высказывание, пожалуй, не раскроет всей сложности ситуации.

В письме А.П. Чехову от 20 мая 1897 года Меньшиков упоминает о своих «трениях» с Розановым, работавшим вместе с ним в газете «Русь», издававшейся В.П. Гайдебуровым: «Работа моя снова оборвалась в “Руси” (а последние два месяца я не писал там из-за нежелания печататься бок о бок с В. Розановым. Едва удалось убедить Гайдебурова отказаться от этого чудовищного для “Нед<ели>” сотрудничества…)» [1, с. 88]. В сентябре 1897 года Розанов был вынужден уйти из газеты «Русь» за якобы содержащийся в его статье донос на революционеров. «Редактор газеты В.П. Гайдебуров заявил Розанову: “Меньшиков, Н.А. Энгельгардт, Абрамов – все объявили, что они выходят из сотрудничества у меня, если я отдал свои издания для сочинительства в них доносов”» [9, с. 569]. В.А. Фатеев считает, что в этом случае имело место простое недоразумение. Посещая Розанова, «Зинаида Гиппиус была поражена, как далеко от центра он живет, “чуть ли не в Лахте”». «Топографическая шутка Гиппиус» запомнилась Розанову, и «в одной из статей он между делом упомянул Лахту как символ отдаленности от центра… <…> Оказалось, что в Лахте скрывалась типография революционеров, и разнеслась молва, будто Розанов специально указал на ее местоположение. Розанов тщетно оправдывался, ссылался на шутку Гиппиус и свое незнание, но его никто и слушать уже не хотел – на его удалении, мол, настаивает редакция» [10, с. 197].

Спустя несколько месяцев незаслуженно обвиненный в доносе Розанов наносит Меньшикову ответный удар. 19 ноября в «Новом Времени» он публикует язвительный фельетон «Кроткий демонизм» по поводу цикла статей Меньшикова, в которых тот защищает «любовь небесную» и отрицает плотскую. Для Меньшикова это обстоятельство было тем более неприятно, что статью Розанова заметил и высоко оценил А.П. Чехов, бывший в то время кумиром Меньшикова, с которым его связывала не только переписка, но и добрые личные отношения [1]. Полемика между двумя ведущими критиками «Нового Времени» разгорелась по поводу рассказа Л.Н. Толстого «Крейцерова соната». М.О. Меньшиков, находясь в то время под влиянием «толстовства», печатает в «Книжках Недели»

© Криволапова Е.М., 2012

(с июня 1897 года по январь 1898) цикл статей, объединенных названием «Элементы романа», в которых излагает свои взгляды на проблему половой любви (в 1899 году эти материалы будут изданы отдельной книгой «О любви»). По мысли Меньшикова, Толстой ни в коей мере не проповедует «вымирание человечества», «требование безусловного целомудрия здесь – идеал, высшая цель, обязательная лишь по мере сил каждого человека, по слову Христа» [2, с. 141]. В общем и целом Меньшиков выступает против доминирующего начала страсти в плотской любви, считая, что «страсть любви, как всякая страсть, есть болезнь, процесс естественный, но от которого следует беречься и с которым нужно бороться, раз он охватил вас» [6, с. 3]. Критик выступает против «свержения» души с «престола жизни» и «воцарения плоти», все потребности которой «суть нашего коренного несовершенства, следствия материальности, т.е. ответного упадка духа». Следовательно, считает Меньшиков, половая любовь, как и «все другие страсти», должна быть развенчана [6, с. 21, 25]. Исследователи справедливо отмечают у Меньшикова дуализм духа и плоти, свойственный философским тенденциям рубежа веков: «…Для него духовная и чувственная любовь имеют разные источники. <…> Истинная, “святая” любовь – это связь с Богом, она абсолютно свободна от чувственности» [2, с. 141].

Иной точки зрения придерживается В. Розанов. В статьях «Кроткий демонизм», «Семя и жизнь» и «Смысл аскетизма» он полемизирует не только с Меньшиковым, но и в его лице со всеми, кто является противником чувственной, плотской любви: «Это – “низменный инстинкт”, определяет его г. Вл. Соловьёв <…>; “животное и грязное чувство, лживо изукрашенное поэтами”, определяет г. Меньшиков <…>; “преступление, сообща творимое мужчиною и женщиною”, как формулировал уже давно, но памятно гр. Л. Толстой в “Крейцеровой сонате”» [8, с. 207–208]. Розанов ставит в вину Меньшикову «своевольное обращение» как с платоновским «Пиром», так и с Библией, отсюда и его полное невидение и непонимание того главного, что заключено в этих книгах, – «чувственных образов и сравнений». Задачу «религиозного и социального строительства» Розанов видит в сохранении «целомудренной чувственности», которая «есть условие великой прочности семьи», «семейной верности, теплоты». Меньшиковская «идея отрицания» чувственной любви у Розанова соответствует «идее мира, но с вырванным из него хребтом» [8, с. 200].

Полемика будет продолжаться на протяжении почти десятка лет. Несмотря на общность тем и вопросов, поднимаемых публицистами на страницах газет и журналов, их взгляды всегда были различны [2, с. 140–144]. Тем более парадоксально звучали мнения критиков о том, что между ними есть некое сходство. Так, писатель и редактор журнала «Мир Божий» А.И. Богданович «объединил их имена, назвав Меньшикова и Розанова “юродствующими литераторами”, при этом считая, что “это две родственные души, единомыслящие и единостремящиеся”» [3, с. 8]. В 1899 году А.И. Богданович пишет о юродстве как о явлении, породившем «сорт» литературы, далеко не лучшего качества: «Есть особый сорт литературы, для которого мы не можем подобрать более верного названия, как юродствующая литература» [3, с. 1]. К «представителям юродствующего цеха» критик относится с явным скептицизмом: «Всякому, конечно, памятно еще из учебников, кто были наши юродивые и какими нехитрыми способами привлекали они внимание и сочувствие толпы. Обыкновенно это были несколько поврежденные в уме, но с достаточной хитрецой… <…> Одни из них, затвердив какое-либо глупое, но мало понятное слово или фразу, говорили его кстати и некстати и тем наводили мистический страх на простодушных слушателей. Другие ограничивались тем, что ходили в одной рубахе или ездили на палочке верхом…» [3, с. 1] А.И. Богданович представляет тех, которые, по его мнению, «возомнили себя пророком и сосудом особой мудрости»: это «г. Меньшиков из “Недели” и г. Розанов из недр нашей реакционной прессы <…> Оба щеголяют во всей, если можно так выразиться, душевной наготе, оба имеют по палочке, на которой лихо гарцуют по страницам печатной бумаги, на соблазн и изумление читающего мира» [3, с. 1].

М.О. Меньшиков был участником петербургских Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. и даже состоял вместе с Розановым в числе членов-учредителей. Но очередная полемика между ними по поводу декадентства, вынесенная на страницы прессы и журнала «Новый Путь», возымела такой резонанс, что послужила поводом к запрету Религиозно-философских собраний. Статья Меньшикова «Среди декадентов», по словам В.А. Фатеева, «положившая начало кампании в печати против “Нового Пути” и завершившаяся закрытием РФС, рассматривалась в религиозно-философских кругах как донос. Эта ссора надолго испортила и без того не идеальные отношения Розанова и Меньшикова» [9, с. 571].

С 1910 года отношения Розанова и Меньшикова переходят в новую фазу: исчезает враждебность, печатные «наскоки» друг на друга, наблюдается даже некоторое сходство взглядов и позиций. В прессе все чаще их имена соседствуют друг с другом. Скорее всего, это можно объяснить отходом Розанова от Мережковских и охлаждением их к последнему. «Не случайно, – замечает исследователь, – Д.В. Философов соединил имена “нововременских столпов” в своей статье “Мелкие душонки”, посвященной уходу Льва Толстого из Ясной Поляны» [9, с. 573]. В статьях двух известных

критиков теперь ощутимо стремление не только понять, но и поддержать позиции друг друга, обосновать то положительное, что не замечалось ранее. Так, Меньшиков в одной из статей, поддерживая позицию Розанова по поводу «глубокого варварства России», отозвался о нем как о «человеке редкого *таланта* и высокого подъема духа» [9, с. 573]. Неоднократно Меньшиков подчеркивал уникальность розановской манеры передачи мыслей, его «оригинальность», доведенную «до причудливости», глубину, которая проявляется особым, по мнению Меньшикова, образом: «…Есть у него одна удивительная черта, которой не хватает у подавляющего большинства писателей. У него есть *творчество*, у него есть собственная мысль, которая в прикосновении с вашей дает иногда своего рода “вольтову дугу”: ослепительное горение. Это дается только исключительным людям» [9, с. 574].

«Литературная несхожесть» двух писателей: публицистичность Меньшикова, поднимающего злободневные для общества темы, и «интимная философичность» стиля Розанова, тяготеющего к проблемам общечеловеческим, – признавалась не только критиками, но и ими самими. Но, тем не менее, общность, «родственность» между ними существовала. Ее-то в полной мере и ощутил Меньшиков, когда, пораженный «параллелизмом» судеб, своей и розановской, делает в дневнике знаменательную запись, графически «запечатлевая» в двух столбиках – «Он» и «Я» – «параллельные черты» своих «биографий». Сходство обнаруживается на многих уровнях: это происхождение, жизненные обстоятельства, психологические черты, «восхождение» по служебной лестнице, личная жизнь. Столбик под названием «Я» содержит всего одно слово: «Тоже». Составляя перечень сходных биографических данных, Меньшиков отмечает, что Розанов происходит из духовенства, как и он; отец его был мелкий чиновник («тоже»), даже матери у них были из дворян Шишкиных! «Глубокая бедность в детстве» («Тоже»), «чувство бесконечной слабости» («Тоже»), «отвращение к школе» (Тоже»), «Служба на Государственной службе 13 лет» («Тоже. 14»); «Его вытащили (Страхов) – «Тоже. (Гайдебуров)». И наконец – «Работа в “Новом Времени”» – «Тоже» [5, с. 91].

Пожалуй, самым существенным в этих биографических «схождениях» является тот факт, что в судьбе и Меньшикова, и Розанова определяющую роль сыграл А.С. Суворин. Предложив Розанову сотрудничество в своей газете на более чем выгодных материальных условиях, он тем самым «вытащил» его из крайней нужды, тягостной литературной поденщины и ненавистной ему чиновничьей службы в Государственном контроле. На протяжении всего времени сотрудничества Розанов испытывал на себе заботу и внимание своего непосредственного начальника.

Так же как и Розанов, Меньшиков, сотрудничая в «Новом Времени», пользовался любовью и уважением своего шефа. А.С. Суворин был крестным отцом его дочери Ольги, которая до конца жизни хранила икону Святой княгини, подаренную ей крестным отцом. После смерти Суворина Меньшиков практически становится идейным вдохновителем газеты, продолжателем его дела. И это обстоятельство не прошло не замеченным для Розанова, который написал по этому поводу: «…Он быстро, почти моментально развернулся в громадный государственный ум, зрелый, спокойный, неутомимый, стойкий, “не взирающий ни на что”, кроме Отечества, его реальных нужд» [9, с. 574].

Стремление понять, постичь Розанова сохранится у Меньшикова до момента его трагической гибели. В своем дневнике, рассуждая о Розанове и сравнивая себя с ним, Меньшиков еще и еще раз пытается постичь суть его писательского дарования, психологию личности, значение и место Розанова в литературной жизни России. «Я думаю, – пишет Меньшиков, – он обострил свой гений и затемнил его умышленным натаскиванием себя на оригинальность. Сначала хотелось быть особенным, выдвинуться из толпы, быть замеченным. <…> Голлербах говорит, что психиатры считали Розанова полусумасшедшим и что он психопат. Обо мне я не встречал таких мнений – наоборот, почти все меня считают умным, рассудительным человеком, и сам я считаю себя рассудительным тоже до своего рода психоза – до резонерства. Зато меня гораздо реже называют гениальным и великим (хотя называли! И даже писатели сами талантливые, как А.С. Суворин… <…>). Несмотря на то, не завидую ему» [5, с. 91–92]. Меньшиков пытается аналитически подойти к уяснению писательской манеры Розанова: «Читаю – т. е. начинаю читать Розанова всегда с интересом, но редко оканчиваю с удовлетворением. У него диссоциация мысли, раскрытие ее с разложением, как у некоторых сильно реагирующих металлов (например, калий). Или, подобно сере и фосфору, мысль его изомерна, имеет не только кристаллическое (как у меня) строение, но и аморфное» [5, с. 92]. Но неожиданно рассуждения Меньшикова о «химических» процессах творчества прерываются вопросом: «Неужели мы с Розановым совершенно будем забыты?» [5, с. 92]. Хотя для себя самого ответ у него есть: Розанов – «нет, хотя бы ради психопатического своеобразия, я – да, ибо просто небездарными публицистами хоть пруд пруди» [5, с. 92]. И дело здесь даже не в том, что автор дневника уже определил свое место в литературе по отношению к Розанову, а в самой проблеме памяти в «разгромленной» и «обреченной на гибель» стране.

Судьбой Розанова Меньшиков интересуется постоянно. В декабре 1917 года Меньшиков посылает письмо О.А. Фрибес, в котором просит узнать

о положении дел семьи Розановых: «Напишите, если знаете, что Розановы? Где они? Как себя чувствует Василий Васильевич? Сообщите ему мой адрес, не откликнется ли хоть открыткой» [7, с. 252]. В январе 1918 года Меньшиков, получив от Розанова бандероль с двумя выпусками «Апокалипсиса нашего времени», искренне радуется, потому как присланный «журнальчик» воспринимается им прежде всего как доказательство того, что Розанов еще жив: «От всего сердца желаю Вам – как и себе – спастись среди этой чисто апокалиптической катастрофы. Прочел оба № с тем большей жадностью, что сам мечтал издавать подобный же "журнальчик с пальчик", но, как бывший моряк, чувствую, что момент подходит надевать чистую рубаху (спросите моряков, что это значит). Многие Ваши мысли, как всегда, блестящи и верны, с другими, как всегда, поспорил бы очень. Теперь не до спора» [5, с. 265]. Элементы полемики с Розановым содержатся в другом письме Меньшикова к О.А. Фрибес, где он, высказывая свое неоднозначное отношение к «Апокалипсису» «Василия Суеслова», говорит о том, что «гибнущая родина могла бы иметь право услышать нечто более значительное от бывших своих писателей». Однако трагизм положения двух «бывших писателей» заставляет Меньшикова в очередной раз признать общность, существующую между ними: «Чувствую, впрочем, и себя не более как суесловом пред громадной задачей сказать что-нибудь в час смертный, что могло бы остановить окоченение сердца слушателей…» [7, с. 257] Он даже собирается навестить Розанова в Троице-Сергиевой Лавре, но по не зависящим от него обстоятельствам встреча не состоялась, а в сентябре 1918 года Меньшиков был расстрелян. «В некрологе петроградского литературного журнала, уже после кончины Розанова, имена этих двух ведущих сотрудников "Нового Времени" привычно поставили рядом», – замечает В.А. Фатеев [9, с. 575].

Раскрытие обширного наследия, оставленного М.О. Меньшиковым, продолжается, а значит, предоставляется возможность по-новому взглянуть на многие события и явления ушедшего столетия, раскрыть новые грани в деятельности тех представителей эпохи, с которыми Меньшикова связывали творческие и личные взаимоотношения.

Библиографический список

1. Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / сост., статьи, подгот. текстов, примеч. А.С. Мелковой. – М.: Русский путь, 2005. – 480 с.

2. *Богданова О.А.* Дискуссия Розанова и М.О. Меньшикова о «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстого // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. – М., 2009. – С. 140–144.

3. *Богданович А.И.* Юродствующая литература: «О любви», М.О. Меньшикова; «Сумерки просвещения», В.В. Розанова // Мир Божий. – 1899. – № 4. – С. 1–15.

4. *Зябликов А.В.* «Праведное государство» по Розанову // Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. Москва. 29–31 мая 2006 г. – М., 2009. – С. 362–368.

5. *Меньшиков М.О.* Дневник 1918 года // Российский Архив (История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. – М.: Студия «ТРИТЭ», 1993. – С. 11–222.

6. *Меньшиков М.О.* О любви. – Ставрополь: Горница, 1994. – 192 с.

7. Письма М.О. Меньшикова к О.А. Фрибес // Российский Архив (История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. – М.: Студия «ТРИТЭ», 1993. – С. 252–261.

8. *Розанов В.В.* Семя и жизнь // Розанов В.В. Собр. соч. Т. I. Религия и культура. – М.: Правда, 1990. – С. 207–208.

9. *Фатеев В.А.* Меньшиков М.О. // Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 569–575.

10. *Фатеев В.А.* С русской бездной в душе: жизнеописание Василия Розанова. – СПб.: Кострома, 2002. – 640 с.

УДК 929+82

Локша Анна Владимировна
кандидат филологических наук
Дальневосточный государственный университет (г. Владивосток)
fox1108@mail.ru
Петрова Нина Ивановна
Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского (г. Владивосток)
petrova.nina.i@gmail.com

К ПОНЯТИЯМ *ХАОС* И *КОСМОС* В ПОЭЗИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

В статье проанализирована эволюция понятий хаос *и* космос *в лирике О. Мандельштама. Доказано, что эти понятия восходят к античным категориям, прослежена их аксиологическая и феноменологическая трансформация в контексте окончательного формирования авторской картины мира.*

Ключевые слова: *хаос, космос, хаосмос, картина мира, античность, авторский миф, инцестуальность, центр, периферия.*

Значение категорий *хаос* и *космос* в структуре мифопоэтической модели мира Осипа Мандельштама отчетливо выявляется в контексте проекции на мифологический и философский пласт античной традиции.

Образ-понятие хаоса в поэтике раннего Мандельштама содержит в себе все основные характеристики «хаоса античного». Так, в стихотворении «Silentium» ярко проступает синкретичная природа хаоса как «первоосновы жизни»: все элементы слиты в одно нераздельное «единство, еще не разложенное на элементы» [2, с. 9]. «Ненарушаемая связь» «всего живого» ассоциируется у поэта с гармонической упорядоченностью музыки («кристаллической нотой») и, одновременно, с «живым целым» мирового океана (ср.: «спокойно дышат моря груди»). Получается, что «хаос» обладает свойствами и бесформенной текучей стихии, и кристаллической структуры.

В то же время первородный хаос непознаваем и безымянен (это бездна, которая «лишена всякой формы, всякого смысла, всякого именования» [3, с. 866]. Отсюда следует, что для Мандельштама, как полагает Л.Г. Кихней, именование (называние словом) служит способом вычленения из хаоса-общего, ибо «вещи только в имени обретают свой бытийственный статус» [2, с. 70]). В то же время в период «Камня» (1913) в мифопоэтике Мандельштама хаос стойко ассоциируется с водной стихией (ср. с мировым океаном как воплощением хаоса в архаической традиции [4, с. 249]. Нередко у Мандельштама образным эквивалентом хаоса в раннем творчестве выступает «родимый омут», «родовое лоно» ((«Из омута злого и вязкого...» (1910), «Неумолимые слова» (1910). Это, по определению А.Ф. Лосева, «вечно творящее живое лоно для всех жизненных оформлений» [1, с. 581].

Во второй половине 1910-х гг. в контексте негативного восприятия хаоса («Хаос иудейский», «Вернись в смесительное лоно...», «Ламарк») задачей лирического героя Мандельштама становится выход из «родового лона», борьба с ним. Не случайно еще в статье «Утро акмеизма» Мандельштам апологетизирует «сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия» [5, с. 279]. Путь к победе над хаосом он видит в «строительстве» бытия – космоса. Так в творчестве Мандельштама разворачивается самая существенная для античной мифологии антитеза: «Безыменная бездна вдруг оборачивается роскошным, благоустроенным телом космоса» [3, с. 867].

В пространственном отношении в мифопоэтической традиции космос «нередко представляется как нечто, включенное внутрь хаоса, который окружает космос извне. Расширяющийся и самоустрояющийся космос оттесняет хаос на периферию, изгоняет из этого мира, но не преодолевает его» [7, с. 10]. В качестве категории космоса у Мандельштама прежде всего выступает культура, чему имеется соответствие в античности: хаос характеризует «предельную удаленность от сферы “культурного”, человеческого, от логоса, разума, слова» [6, с. 581].

В функции хранителей культурного космоса в поэтической системе Мандельштама выступают *слово* («маленький кремль, крылатая крепость номинализма, освященная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием» [5, с. 522]) и *камень*, который становится апологией бытия, лишь получив оформление («Без этого, – пишет А.Ф. Лосев, – он только хаос, нечто еще не осуществленное» [8, с. 42]). Камень как архитектурный материал и слово обретают форму шара («мудрое сферическое зданье», «слово-колобок»). Согласно учению пифагорейцев, космос «есть живое существо, имеющее форму шара» [10, с. 162]. Сферическая форма совершенна, потому что она заключает в себе «залог» («монастыри улиток и створчаток», «дорога, согнутая в рог», образы лепестка, раковины, купола, люльки, яблока). Не случайно в одном из стихотворений цикла «Восьмистишия» отражена идея искусства как формотворчества. «Выпрямительный вдох» – это акт творчества. Мотив выпрямления, – пишет В.В. Мусатов, – знаменует полноту реализации “внутреннего избытка”, заключающегося в сфере; аналогичным представляется и рождение стиха [9, с. 426].

С точки зрения сферической структуры космоса понятным становится «непоэтическое» отноше-

© Локша А.В., Петрова Н.И., 2012

ние Мандельштама к небу. Небо является частью хаоса или играет роль «границы» между хаосом и космосом (ср. мифопоэтическое, символическое истолкование неба как «транс-пространства» [11, с. 336]). В 1930-е гг. Мандельштам вводит в модель мира небо «искусственное», «рукотворное» – небо собственного космоса («Я скажу это начерно, шепотом...»). Итак, творчество – это выход к победе над хаосом, ведь существовать – «высшее самолюбие художника. Он не хочет другого рая, кроме бытия» [5, с. 575].

В период Первой мировой войны и революции в творчестве Мандельштама складывается авторский миф (поддержанный комплексом христианско-иудейских, античных и медиевистских культурологических контекстов), в рамках которого оказываются объясненными такие противоречивые, алогичные (или кажущиеся таковыми) образы, как «черное солнце», «Россия-Федра» и т.п.

Однако представляется некоторым исследовательским «перебором» стремление некоторых исследователей свести эсхатологические мотивы мандельштамовской поэзии второй половины 1910 – начала 20-х гг. к «инцестуальной парадигме». Собственно, с предложенным (и впервые «приложенным» к мандельштамовскому творчеству Г. Фрейдиным [12]) понятием «инцеста» прямо соотносится в лирике Мандельштама только одно стихотворение – «Вернись в смесительное лоно…» (многократно прокомментированное исследователями) и некоторые «федровские» и отчасти «эдиповские» аллюзии, возникающие в период «Tristia». Только в этих случаях можно говорить об «инцестуальной парадигме», но отнюдь не всегда, когда речь идет о смерти культуры – как растворении в безначальной стихии хаоса. Иными словами, «инцестуальность» есть частный случай смерти как возвращения в «родовое лоно» (причем случай, аксиологически маркированный как этически и эстетически пагубный, демонический), а не интегрирационный аспект мандельштамовской эстетики 1910–1920-х годов, хотя бы уже потому, что в книге «Камень» (1913) подобным образным интегратором является парадигма «мирового центра».

Тем не менее в ряде лирических стихотворений Мандельштама 1910–1920-х гг. мы находим мотивный комплекс с инцестуально-эсхатологической семантикой. Так, в стихотворении «Вернись в смесительное лоно…» (1920) образ «желтого сумрака» противопоставлен парадигме знаковых для античной культуры образов (солнце Илиона, Елена Троянская). Лирический сюжет стихотворения строится на инцестуальном мотиве, связанном с библейским мифологическим подтекстом (аллюзии на ветхозаветный эпизод о Лоте и его дочерях). Ср.:

Вернись в смесительное лоно,
Откуда, Лия, ты пришла,
За то, что солнцу Илиона
Ты желтый сумрак предпочла.
Иди, никто тебя не тронет,
На грудь отца в глухую ночь
Пускай главу свою уронит
Кровосмесительница – дочь… [5, с. 153].

«Желтый сумрак» (несомненно, коррелирующий с понятием «хаос иудейства») в оппозиции к «солнцу Илиона» выступает как губительная для личностного начала национальная стихия.

Мотивы наступающей «иудейской ночи», полночного солнца, переосмысленные как символы угрожающей катастрофы («чада небытия»), становятся основной характеристикой «переходного» исторического времени.

Однако, начиная с «Tristia», мы можем наблюдать *синхроническое* развитие «стихийно-хаотических» и «космо-созидательных» мотивов, которые, в случае их стяжения, приводят к уникальной образной топике, воплощенной в метасюжете движения от *Центра* к *периферии* и реализованной в мотивах «пред- и по-смертного» существования культуры. Отсюда актуализация семантики «потерянного слова», тесно связанной с темой забвения, потерянной памяти, органично включенной в мотивный комплекс инцестуальной «апокалиптической ночи».

Хронотопическое бытие посткультуры можно интерпретировать в координатах «хаосмоса» (если воспользоваться термином И. Пригожина), противопоставленного «культурному космосу» ранних стихов «Камня».

Реализуется данный комплекс в системе мифопоэтически переосмысленного лирического пространства с помощью локусных модификаций, восходящих к архетипу сакрально-архитектурного центра-космоса: Петербурга-Петрополя, Вечного Града, Иерусалима, Акрополя-фрегата, Театра (храма искусства), Горы, Скинии. В рамках стихийно-эсхатологических и одновременно «космогонических»» представлений Мандельштама получает мотивацию ряд образных парадигм, связанных с «пограничной» семантикой «петербургского», «летейского», «овидиевого» и др. тематических циклов «Tristia».

Для уяснения мандельштамовской концепции *хаосмоса* 1910-х – 20-х гг. необходимо выявить связь мифопоэтического Центра не только с образно-мотивной структурой стихов поэта, но и с его историософскими представлениями в целом. «Сакральная топография» Центра выступает в творчестве Мандельштама как средоточие культурного и христианского экуменистического космоса, связанного с утверждением универсального этического закона, нравственного императива (Логоса, «Завета», «ценностей незыблемой скалы», то есть культурной традиции). Христианский универсализм Мандельштама в рамках данного архетипа у Мандельштама неотделим от идеи творчества. Именно творчество способно трансформировать «недобрую тяжесть» хаоса и небытия (воплощаемые в поэти-

ке 1910-х – 20-х гг. «дионисийскими» мотивами) в пластические формы искусства, гармонию и «эолийский чудесный строй» музыкально организованного слова-Логоса.

Христианский универсализм в этико-эстетической концепции Мандельштама выступает как закономерный итог мирового развития европейской цивилизации и культуры. Развитие данной концепции в образной структуре ряда стихотворений 1920-х – 1930-х гг. В них параллельно присутствуют два противоположных мотива. Наряду с эсхатологическим мотивом умирания культурного космоса, вызванного «историческим инцестом», развивается космогонический мотив, связанный, как справедливо полагает Л.Г. Кихней [2, с. 130], с грядущим возрождением цивилизации и культуры.

Библиографический список

1. *Лосев А.Ф.* Хаос // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. – М., 1982. – С. 579–581.

2. *Кихней Л.Г.* Осип Мандельштам: Бытие слова. – М., 2000.

3. *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян. – М., 1996.

4. *Топоров В.Н.* Океан мировой // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. – М., 1982. – С. 249–250.

5. *Мандельштам О.Э.* Стихотворения. Проза. – М., 2001.

6. *Топоров В.Н.* Хаос первобытный // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. – М., 1982. – С. 581–582.

7. *Топоров В.Н.* Космос // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. – М., 1982. – С. 9–10.

8. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993.

9. *Мусатов В.В.* Лирика Осипа Мандельштама. – К., 2000.

10. *Асмус А.Ф.* Античная философия. – М., 2001.

11. *Керлот Х.Э.* Словарь символов. – М., 1994.

12. *Фрейдин Г.* Сидя на санях: Осип Мандельштам и харизматическая традиция русского модернизма // Вопросы литературы. – 1991. – № 1. – С. 9–76.

УДК 82.09

Меркель Елена Владимировна
кандидат филологических наук
Технический институт (филиал)
«Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова» (г. Нерюнгри)
merkel-e@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1910-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются закономерности семантических поисков Осипа Мандельштама, отраженные в его статьях второй половины 1910-х годов и в поэтике его второго сборника стихов «Tristia» (1920), создаваемого в этот период.

Ключевые слова: *поэтическая семантика, структура, провиденциальный адресат, диалог, единство, христианское искусство, мистериальное подражание.*

Как ни парадоксально, но наиболее интенсивные семантические штудии Осипа Мандельштама выпадают на эпоху «Tristia», прошедшую под знаком Первой мировой войны и революции. Возможно, это связано с тем, что в контексте глобальных социокультурных сдвигов менялась структура и «поэтическая материя» его лирики, что сказалось в кардинальном обновлении поэтической семантики его второй книги стихов. Но специфика семантических поисков Мандельштама заключается в том, что интуитивные открытия у него всегда сопровождаются (а иногда и предваряются) теоретическими рассуждениями, изложенными в статьях того же периода.

Понятие *поэтической семантики* мы используем в том значении, которое придавали ему ученые, принадлежащие к формальной и структуралистской школам (Ю. Тынянов, Я. Мукаржовский, Я. Славиньский, Р. Якобсон, Ц. Тодоров и др.). Так, в определении Ю. Тынянова, поэтическая семантика – «наука о значениях слов и словесных групп, их развитии и изменении – в поэзии» [6, с. 253].

Обратимся к статьям, в которых разрабатывалась семантика этого периода. Их три: «О собеседнике» (1913), «Петр Чаадаев» (1915). <Скрябин и христианство> (1915). Начнем с наиболее ранней статьи – поскольку именно в ней закладывались смысловые принципы, которые были реализованы в поэтике второго сборника стихотворений. Основные постулаты этой статьи таковы:

1. Слово поэта – это слово адресованное, в противном случае мы «были бы вправе в ужасе отмахнуться от поэта, как от безумного, если бы слово его действительно ни к кому не обращалось» [4, т. 2, с. 146]. Отсюда вытекает такое свойство лирики, как диалогичность.

2. Адресат поэта-акмеиста не друг, не близкий человек, а некий «провиденциальный собеседник»,

© Меркель Е.В., 2012

«читатель в потомстве», как его называет Мандельштам со ссылкой на авторитет Баратынского. При такой обращенности слова «каждый, кому попадутся стихи… чувствует себя… избранным, окликнутым по имени…» [4, т. 2, с. 148]. Контрастной вследствие отказа от «собеседника» представляется Мандельштаму поэзия символизма, которую он «условно называет бальмонтовской» [4, т. 2, с. 148]. Следует отметить определенную корреляцию с философской концепцией имени А.Ф. Лосева, который трактовал «имя предмета» как «арену встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого» [3, с. 38].

3. Если цель прозы, по Мандельштаму, – поучение, то цель поэзии провиденциальная. Отсюда установка на собеседника, «читателя будущего» и различие в отношении к своему читателю прозаика и поэта: «Литератор обязан быть “выше”, “превосходнее” общества. Поучение – нерв литературы. Поэтому для литературы необходим пьедестал. Другое дело поэзия… Быть выше своей эпохи, лучше своего общества для него <поэта> необязательно» [4, т. 2, с. 149].

Подытоживая сказанное, Мандельштам пишет: «Итак, если отдельные стихотворения (в форме посланий или посвящений) и могут обращаться к конкретным лицам, поэзия как целое всегда направляется к более или менее далекому, неизвестному адресату» [4, т. 2, с. 150].

В.И. Тюпа в статье «Проблема эстетического адресата в творческом самоопределении Мандельштама» [см.: 7] сопоставляет концепцию статьи «О собеседнике» с семантикой «Камня», однако нам кажется более логичным ее соотнесение с «Tristia». И действительно, в ранней поэзии Мандельштама образ адресата практически не выражен, в связи с чем в «Камне» апеллятивы к воображаемому собеседнику практически отсутствуют, тогда как «Tristia» буквально изобилует ими (ср.: «Возьми на радость из моих ладоней…». «Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне…», «Прославим, братья, сумерки свободы…», «Вернись в смесительное лоно…» и т.д.). Диалог может воплощаться и имплицитно, как смена структурных точек зрения [ср.: 5, с.125] или релятивность субъктно-объектных отношений в пространстве одного стихотворения [см.: 2, p. 147–160].

Постулированный в «Собеседнике» тезис о провиденциальном собеседнике как адресате поэтических произведений получает воплощение в приеме интертекстуальности, ибо возникает впечатление, что Мандельштам пытается разгадать письмена древних поэтов и, мысля себя «читателем будущего», усматривает в них не только типологические совпадения в духе идеи «вечного возвращения», но и своего рода пророчества.

Поэтому вся «Tristia» проникнута провидческими «эманациями», почерпнутыми автором из книг далекого прошлого. В одном из стихотворений «Камня» Мандельштам описывает эту ситуацию – «Я не читал рассказов Оссиана…» (1914), финал которого звучит как художественный комментарий к мыслям, высказанным в статье «О собеседнике»:

Я получил блаженное наследство
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.
И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И, как свою, ее произнесет [4, т. 1, с. 98].

«Чужая песня», произнесенная «как своя», – не это ли торжество *интертекста* и *диалога* – в бахтинском понимании?

Проблема «провиденциального собеседника», разрабатываемая поэтом как в теории, так и в программных стихах, в художественной практике воплощается в системе рецептивных образов и мотивов, прямых и скрытых аллюзий.

На наш взгляд, ментальный образ собеседника мыслится Мандельштамом как некий новый контекст, в который погружается актуальный авторский текст. Тогда становится понятным, почему Мандельштам обращается к «провиденциальному» адресату. Адресат-собеседник в качестве «ближайшего контекста» не сможет изменить слово поэта. Именно потому что они близки друг другу, не возникает необходимого резонанса, ситуации диалога. Информация лежит в одной интерпретационной плоскости. Другое дело в будущем, когда изменившееся время и новые культурно-исторические условия диктуют новое понимание, иное прочтение произведения. Читатель в этом случае выступает как некий резонирующий инструмент, камертон, чутко улавливающий и по-своему интерпретирующий обращенное к нему из глубины веков «послание».

Главная идея статьи <Скрябин и христианство> (впрочем, как и статьи «Петр Чаадаев») – это идея единства. Эта проблема стала актуальной в свете новой эпохи (Первой мировой войны), мыслимой Мандельштамом как начало Апокалипсиса. Следует отметить, что идея единства, конечно же, разрабатывалась Мандельштамом и ранее, однако интерпретировалась им в духе парадигматического тождества разнопорядковых, но внутренне изоморфных элементов. Сейчас же проблема единства решается не на парадигматическом, а на синтагматическом уровне.

Знаменательно, что если в «Петре Чаадаеве» Мандельштам ставит проблему единства, при этом не находя путей ее решения, то в <Скрябине и христианстве> проблема разрешена. Залогом единства становится христианство. В контексте этой проблемы это важно потому, что Мандельштам обозначает в этой статье концепцию христианского искус-

ства, главный критерий которой – единство. Всяческий отход от христианства означает отход от единства, а всяческий распад, разъединение означает отход от христианства. Если обратиться к конкретике, то конец христианства характеризуется Мандельштамом а) многобожием (ср.: «Единства нет!… Миров много… Бог царит над Богом!»), б) распадом личности (ср.: «“Я” – это преходящее состояние – у тебя много душ и много жизней!»), в) распадом времени (ср.: «Христианское летоисчисление в опасности, хрупкий счет годов нашей эры потерян – время мчится обратно с шумом и свистом…»), г) распадом искусства (ср.: «Новый Орфей бросает свою лиру в клокочущую пену: искусства больше нет…») [4, т. 2, с. 157–158].

Для того чтобы вернуть единство, а стало быть, утраченную сущность миру, времени, личности, следует обратиться к христианству, следовательно, и искусство должно стать христианским. Что Мандельштам понимает под христианским искусством? Это «всегда действие, основанное на великой идее искупления», это «подражание Христу», то есть «единственному творческому акту, положившему начало нашей исторической эре» [4, т. 2, с.158]. Однако Мандельштам отделяет понятие «подражание Христу» в искусстве от идеи «подражания Христу» в жизни, поскольку «искусство не может быть жертвой, ибо она уже совершилась, не может быть искуплением, ибо мир уже искуплен, – что же остается?» [4, т. 2, с. 158]. Мандельштам решает эту дилемму в рамках древнейшей идеи мимезиса. «Ни жертва, ни искупление, – согласно Мандельштаму, – а свободное и радостное подражание Христу – вот краеугольный камень христианской эстетики» [4, т. 2, с. 158]. Не искупление, а божественная иллюзия искупления, своего рода игра Бога с художником, как бы «игра отца с детьми, жмурки и прятки духа» [4, т. 2, с. 158].

Таким образом, в рамках концепции мистериального подражания (которым, собственно, и является ритуал христианских таинств, и прежде всего таинство Евхаристии), согласно рассуждениям Мандельштама, преодолевается пропасть, лежащая между Божественным Словом-Логосом и словами обычной человеческой речи. Разительны переклички этого тезиса поэта с идеями Х.-Г. Гадамера, много позже изложенными им в книге «Истина и метод».

«Весть о спасении, содержание христианской благовести, – пишет Х.-Г. Гадамер, – вновь делается подлинным событием в таинстве причастия и в проповеди, и вместе с тем оно лишь повествует о том, что свершилось в искупительном подвиге Христа. Постольку это и есть одно-единственное Слово, которое, однако, все снова и снова возвещается в проповеди. Смысл Слова не может быть отделен от самого события возвещения. Напротив, сам смысл носит характер события. <...> Крестная смерть Христа и его воскресение суть содержание благовествования, которое проповедуется во всякой проповеди. Воскресший Христос есть тот же самый Христос, о котором проповедует проповедь» [1, с. 495–496].

Следовательно, слово человеческой речи (не всякое, а слово христианского искусства) есть, по Мандельштаму, подражание Слову-Логосу, подражание особого рода – мистериальное, то есть «разрешающееся в событие».

Отсюда становится понятным, во-первых, и идея «христианизации» искусства (подчеркнем, не всякого, но искусства акмеистов, в том числе своего собственного); во-вторых, сам механизм превращения (обращения) слова – в плоть, слова – в событие, что станет предметом рассуждений поэта в статьях 1920-х годов.

Постулат мистериального (и одновременно – сакрально-игрового) подражания чрезвычайно важен для понимания философских истоков художественных принципов Мандельштама, начиная с «Tristia». В частности, получают объяснение игровые элементы его поэтики, мыслимые Мандельштамом одновременно и как сакральные. Получает объяснение и идея свободы искусства – и прежде всего свободы от дидактической, учительной функции литературы. И, наконец, становится понятной сама апелляция к христианскому началу как к залогу подлинной эстетической ценности современного искусства.

Получается, что христианизация эстетики, идеи искусства диктуется не постулатами веры, а как бы выводится логически и культурологически. Кроме того, в статье содержится тезис, объясняющий концепцию времени в стихотворениях Мандельштама, входящих в «Tristia». В ее финале мы видим обозначение идей, которые получат развитие в статьях 1920-х годов: 1) об *органическом* строении мира, подчеркнем – *мира христианского* (ср.: «Христианский мир – организм, живое тело» [4, т. 2, с. 160]; и 2) о единстве христианского времени, близком теории *эона*.

Поэтическим коррелятом, а возможно, и комментарием к статье <Скрябин и христианство> является стихотворение «Вот дароносица, как солнце золотое...» (1915).

Вот дароносица, как солнце золотое,
Повисла в воздухе – великолепный миг.
Здесь должен прозвучать лишь греческий язык:
Взят в руки целый мир, как яблоко простое.
Богослужения торжественный зенит,
Свет в круглой храмине под куполом в июле,
Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули
О луговине той, где время не бежит.
И Евхаристия, как вечный полдень, длится,
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится [4, т. 1, с. 300].

В этом стихотворении Мандельштам сводит воедино идею «стояния времени», получившую у православных философов название «эоническо-

го» времени, идею целокупности мира, развиваемую им впоследствии, идею мистериального подражания как сакральной игры Бога с людьми и идею греческого языка (сакрального языка православных богослужений) как «плоти деятельной, разрешающейся в событие» [4, т. 2, с. 176]. Ведь именно на греческом изначально велись литургические богослужения первых христиан (во время которых «вкушались» плоть и кровь Господа, то есть слово воплощалось), на греческом же языке были написаны Евангелия как Слова, «разрешающегося в действие», облекаемого плотью. Сакральным образом, объединяющим в себе эти начала, становится христианский символ Евхаристии, то есть таинства Причащения.

Однако в свете идеи христианского искусства как «подражания Христу» стихотворение можно прочитать и в другом ключе – не просто как поэтическое проникновение в сущность основного православно-христианского таинства, но и как модель христианского искусства, которое тоже есть мистериальное подражание, с одной стороны, но с другой – сакральная игра.

На это указывает отсылка к сакрально-игровому началу в стихотворении («Все причащаются, играют и поют»), а с другой стороны, та атмосфера духовного веселья, пронизывающая стихотворение, которая отличает не только христианскую литургию, но и христианское искусство. Обратим внимание на то, что в финале стихотворения речь идет о «неисчерпаемом веселии», струящемся из «божественного сосуда»).

Стихотворение организовано рядом тождеств, устанавливающих тождество пространства и времени, малого и великого, сакрального и профанного. Ср.: «евхаристия» = «дароносица» = «божественный сосуд» = «целый мир» = «яблоко простое» = «зенит» = «вечный полдень» = «луговина, где время не бежит».

В свете логических построений Мандельштама творения христианского искусства должны содержать в себе тот же принцип тождества и быть пронизаны той же целостностью, что и «целый мир». Подобную идею мы обнаруживаем в «Заметках о Шенье», где Мандельштам переносит органическую идею с мира на стихотворение. В частности, он пишет: «Чувство отдельного стиха, как живого неделимого организма, и чувство иерархии словесной в пределах этого цельного стиха необычайно присущи французской поэзии» [4, т. 2, с. 163].

Характерным признаком композиционного построения стихотворений второго периода является фрагментарность, внешняя членимость, на первый взгляд, не связанных друг с другом образных сегментов. Но здесь вступает в силу система семантических лейтмотивов, устанавливающих отношения оппозиции, контраста, близости и т.д., образуя при этом новую «тонкую» или «глубинную» смысловую структуру. Семантические деривации лексических единиц, наблюдаемые в «Tristia», обусловлены новыми принципами ассоциативного развертывания текста стихотворения. Метонимические тождества, семантические повторы и аналогии, скрытые со- и противопоставления, ассоциативные цепочки создают смысловые поля *ассоциативно-метонимического* типа, внутри которых словарные значения слов оказываются преобразованными.

Ведущим тропом в «Tristia» становится уже не метафора, как в «Камне», а метонимия, что косвенно было связано с изменением картины мира поэта, а именно с нарушением онтологической тождественности мира самому себе в эпоху войн и революций. Так же как и метафора, метонимия в стихах Мандельштама воспринимается не столько как фигура речи, сколько как «логосная» категория, призванная идентифицировать целое по характерной для него части.

Библиографический список

1. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. – М., 1988.

2. *Левин Ю.И.* О соотношении между семантикой поэтического текста и внетекстовой реальностью (заметки о поэтике О. Мандельштама) // Russian Literature. – 1975. – № 10/11. – P. 147–172.

3. *Лосев А.Ф.* Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – М., 1990. – С. 11–194.

4. *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. / сост. П.М. Нерлера, С.С. Аверинцева; комм. А.Д. Михайлова, П.М. Нерлера. – М., 1990.

5. *Мукаржовский Я.* Структуральная поэтика. – М., 1996.

6. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.

7. *Тюпа В.И.* Проблема эстетического адресата в творческом самоопределении Мандельштама («О собеседнике» и «Камень») // Творчество О.Э. Мандельштама и вопросы исторической поэтики: межвуз. сб. научн. тр. – Кемерово, 1990. – С. 15–24.

УДК 882.09

Налетова Татьяна Борисовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
naletova.tatiana@yandex.ru

РАССКАЗЧИК И ЧИТАТЕЛЬ В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н.В. ГОГОЛЯ

Проблема автора и читателя в повестях «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя не ограничивается только юмористической сферой его творчества. Повествование у Гоголя осуществляет нравственное воздействие на читателя при помощи художественного слова, диалог главных героев с читателем, комментирование ситуации персонажами, игру с читателями рассказчика – Рудого Панька.

Ключевые слова: *рассказчик, читатель, персонаж, комментирование ситуации, «игра» с читателем, морально-нравственный фразовый подтекст.*

Эстетика взаимодействия писателя и читателя, их диалога, обращения автора к своей публике у Н.В. Гоголя воплощается в различных формах. В своей статье мы рассмотрим эту проблему на примере повестей Гоголя, входящих в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Данной теме посвящена работа В.Ш. Кривоноса «Проблема читателя в творчестве Гоголя». Автор монографии опирается на статью М.М. Бахтина «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» [1, с. 484–690] и отмечает: «Гоголевскому смеху нужны были единомышленники. Ведь смех не мог существовать без тех, для кого он звучал, кого он призван был возродить к новой, на принципах народной нравственности основанной жизни, кому он нёс внутреннюю свободу, понимание истинно человеческих ценностей, сознание собственной правоты. И Гоголь все свои надежды обращал к тем, для кого он писал» [4, с. 21].

Монография В.Ш. Кривоноса ориентирована на учение М.М. Бахтина о смеховой культуре в творчестве Н.В. Гоголя. В ней поднимается вопрос о природе гоголевского смеха и рассматривается его своеобразие в связи с проблемой читателя. Однако проблема читателя у Гоголя не ограничивается юмористической сферой его творчества. Первостепенным для Гоголя был образ самого читателя, а «смеховое слово» для него, на наш взгляд, играло второстепенную роль.

Во-первых, на страницах повестей сборника мы можем увидеть многократные ***прямые обращения*** рассказчика к своей читательской аудитории. Гоголь к своему читателю обращается доверительно-простодушно, в манере человека из народной среды. В предисловии к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголь от лица Рудого Панька повествует: «У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму)…» [2, с. 5].

Примечательно, что читательской аудиторией писателя было просвещённое петербургское общество. Поэтому автор «Вечеров…» делает пояснения для светского общества: «Это у нас вечерницы! Они, изволите видеть, они походили на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсем…» [2, с. 5]; «На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрым словом, выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны» [2, с. 9]. Не случайно А.В. Дружинин в своей работе «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856) отмечал: «…Беспредельный юмор Гоголя услаждал всю просвещённую Русь, наперекор ошибочным оценкам, наперекор ложной чопорности читателя» [3, с. 48]. Доминирующая искренность, бесхитростность и радушие рассказчика удивляли и привлекали читателя к такой необычной манере обращения: «Приезжайте только, приезжайте поскорей; а накормим так, что будете рассказывать и встречному и поперечному…» [2, с. 9].

Безусловно, что бесхитростность и комизм в обращении к читателю у рассказчика «Вечеров на хуторе близ Диканьки» представляют собой своеобразный симбиоз эстетического воздействия Гоголя на читателя.

По поводу первых читателей своей книги Гоголь писал А.С. Пушкину 21 августа 1831 года: «Любопытнее всего было моё свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву» [5, с. 138].

Книга Гоголя получила высокую оценку А.С. Пушкина, что оказало влияние на первые критические отзывы о «Вечерах…». В сентябре 1831 года Пушкин писал издателю «Литературных прибавлений к “Русскому Инвалиду”» Воейкову: «Сейчас прочел *Вечера близ Диканьки.* Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился…» [5, с. 140].

© Налетова Т.Б., 2012

Гоголь назвал себя «писателем современным, писателем комическим, писателем нравов» [5, с. 53]. Высказывания Гоголя отражают особенности самосознания писателя, его представления о задачах творчества. Они в первую очередь характеризуют Гоголя как участника литературного процесса 30-х – 40-х годов XIX века. Вместе с тем, будучи вполне субъективными, выражающими настроение конкретной писательской личности, они свидетельствуют и о реальных отношениях Гоголя с его аудиторией.

1830-е годы – во многом переходный период во взаимоотношениях писателей с читателями. Демократизация литературы, расширение сферы изображения, растущее многообразие тем, появление новых литературных героев из различных слоёв общества – всё это обусловило быстрые перемены в составе читателей. Старая форма общения писателя и читателя – салонная, кружковая – отошла на второй план. И, безусловно, Гоголь не мог на это не обратить своего внимания.

Господствующим художественным методом в русской литературе 1830-х годов был романтизм, утверждавший масштабность художественного мышления. В гоголевских «Вечерах…» широта и масштабность художественного мышления проявляются в использовании народных украинских преданий – жанра устного народного творчества, в котором в качестве главных героев выступают простые люди – представители народной среды. Таковым героем является пасичник Панько Рудый – вымышленный рассказчик-повествователь в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки». Пасичник, на наш взгляд, является своеобразным «творцом эстетических ценностей», поскольку именно он выполняет функцию скрепляющего звена в композиционной структуре сборника «Вечеров…». Речь и прямые обращения к реципиенту «нового» героя из простого народа, являвшиеся новаторским творческим приёмом, представляли неподдельный интерес в сознании читателя – современника Н.В. Гоголя.

Второй момент общения автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» со своими читателями – это ***косвенные обращения*** рассказчика-повествователя к своему адресату. В повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» очень ярко представлен народный колорит и юмор, проявляющийся в языке жителей Малороссии и языке самого Гоголя, который со всей тонкостью умеет передать различные оттенки смешного и ужасного, веселого и жуткого, фантастического, ирреального и бытового. Безусловно, язык малороссиян в гоголевских повестях имеет свою специфику, поскольку является носителем косвенного, «имплицитного» обращения к читателю, проявляющегося в восклицаниях героев, их эмоциональных фразах и рассуждениях вслух. Таким способом происходит ***комментирование ситуации*** героями повестей сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки», благодаря чему адресат повести узнаёт об обстановке, происходящей на страницах гоголевских произведений.

В повести «Заколдованное место» из своеобразных рассуждений вслух деда Фомы Григорьевича читатель узнаёт объяснение сверхъестественных явлений: «Вишь, дьявольское место! Вишь, сатанинское наваждение! Впутается же Ирод, враг рода человеческого!» [2, с. 297]. Примечательно, что таким способом достигается контакт автора и адресата, влияющий на психологию доверия читателя и на его восприятие. В повести «Заколдованное место» явно снижен инфернальный план фантастических персонажей, вызывающий веселье и улыбку читателей.

В повести «Пропавшая грамота» отправился дед выручать грамоту в самое нечистое пекло: «Батюшки мои! – ахнул дед, разглядевши хорошенько: – что за чудища! Рожи на роже, как говорится, не видно…» [2, с. 128]. Эти восклицания адресованы читателю, поскольку они представлены изречениями одного героя, находящегося в отдалении от других персонажей.

Косвенное обращение к читателю у Гоголя проявляется даже в маленьком эпизоде легенды Винокура из повести «Майская ночь, или Утопленница»: «Днем все покойно, и слуху нет про него; а только станет примеркать – погляди на крышу, уже и оседлал, собачий сын, трубу» [1, с. 100].

В повести «Ночь перед Рождеством» мы встречаем описание чёрта: «Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и *у наших* свиней, круглым пятачком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был *настоящий* губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды…» [2, с. 145]. Таким способом обращения к читателю от имени рассказчика Рудого Панька Н.В. Гоголь хотел заинтересовать читателя, эффективно влияя юмористическими зарисовками на его читательскую рецепцию.

Можно также заметить, что лексемы «наших» и «настоящий» в художественной ткани произведения несут особую смысловую нагрузку. Они определяют доверительный тон между рассказчиком и читателем.

Примечательно, что ***комментирование ситуации*** героями происходит чаще всего в фантастической обстановке, противоречащей реальной действительности. И это не случайно, поскольку взаимодействие рассказчика с реципиентом в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» имеет, на наш взгляд, романтическую специфику.

Третий способ общения рассказчика с реципиентом в гоголевских повестях – это ***«игра» с чи-***

тателем, своеобразная «воображаемая» беседа с адресатом, где рассказчик сам себе задаёт вопрос от лица читателя и сам на него отвечает.

Большую роль при реализации этого способа общения в сборнике играют образы рассказчиков: пасичника Панька Рудого, дьяка Фомы Григорьевича и панича в гороховом кафтане – представителей людей из разных слоёв общества. Повествование гоголевских повестей ведётся от их имени. Так, в повести «Вечер накануне Ивана Купала» мы читаем: «Одну из его чудных историй перескажу теперь вам… вы, может, даже не поверите…» [2, с. 83]; «Вы спросите, отчего они жили так?» [2, с. 84]; «Смейтесь; однако ж не до смеха было нашим дедам…» [2, с. 87]; и т.п. В «Майской ночи, или Утопленнице» повествователь часто вступает в «воображаемую» беседу с читателем: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи? Всмотритесь в неё…» [2, с. 56]; «Но кто же этот голова, возбудивший такие невыгодные о себе толки и речи? Покамест Каленик достигнет конца пути своего, мы, без сомнения, успеем кое-что сказать о нём…» [2, с. 59]. В «Сорочинской ярмарке» писатель применяет аналогичный приём, где рассказчик восклицает: «Вам, верно, случалось слышать где-то валящийся отдалённый водопад… Не правда ли, не те ли самые чувства обхватят вас в вихре сельской ярмарки…?» [2, с. 15].

Достаточно часто в повестях достигается воздействие на читателя посредством игры разговорных лексем и фраз, например: «…А посмотрели на нашу братию, на голь; вырытая в земле яма – вот вам и хата!» [2, с. 98].

Четвёртый важный фактор, демонстрирующий роль рассказчика в повестях Гоголя, – это ***нравственное воздействие на читателя посредством художественного слова***. В.Ш. Кривонос замечает: «Средством единения с читателями оказывается для Гоголя проповедническое слово, обличающее и наставляющее каждого отдельного человека, побуждающее его внутренне измениться и самосовершенствоваться» [4, с. 47]. С этим нельзя не согласиться. Но можно отметить, что нравственное воздействие на читателя, на наш взгляд, достигается в творчестве Гоголя двумя способами: ***морально-нравственным фразовым подтекстом и фразами, близкими по своей семантической наполненности к библеизмам.***

Обратимся к повести «Страшная месть». Утверждение о мести Ивана роду Петра, причем такой, которая определяется лишением последнего самой возможности мщения *(«…ибо для человека нет большей муки, как хотеть отмстить и не мочь отмстить»)* [2, с. 255], имеет достаточно характерные сходства с библеизмом.

Месть Бога – высшая форма мести. Начало легенды в повести Гоголя напоминает библейский сюжет о Каине и Авеле, в основе которого лежит братоубийство, причиной которого послужила зависть. Герои гоголевской легенды тоже два брата – Петро и Иван, которые являются назваными. Из зависти убивает Петро брата Ивана и его сына. В дальнейшем Гоголь по-своему «обыгрывает» библейский сюжет, вставив в свою легенду Божий суд и момент возмездия: «Как умер Петро, призвал Бог души обоих братьев, Петра и Ивана, на суд. «*Великий есть грешник сей человек*! – сказал Бог. – Иване! Не выберу я ему скоро казни; выбери ты сам ему казнь!» [2, с. 256]. Обещав выполнить своё слово, Бог его сдержал. Но божья кара и наказание постигли обоих братьев: «*Пусть будет всё так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на своем коне, и не будет тебе царствия небесного*…» [2, с. 256], поскольку оба брата были «великими грешниками».

В повести ярко проявляется воздействие на читателя фраз, близких к библеизмам – читатель воспринимает легенду как своеобразное поучение и наставление, «имплицитное» обращение к адресату, влияющее на его психологию, мировоззрение и самосознание. Этот способ взаимодействия рассказчика и читателя ориентирован на романтическую эстетику, в чём проявляется специфика гоголевского видения мира, в которой важнейшее значение имеет морально-нравственный аспект, реализующийся в повестях писателя чаще всего через морально-нравственный фразовый подтекст.

В повести «Ночь перед Рождеством» при помощи силы крестного знамения Вакула одолел черта. «Постой, голубчик! – закричал кузнец, – а вот это как тебе покажется? – При сем слове он сотворил крест, и черт сделался так тих, как ягненок…» [2, с. 178]. В «Вечере накануне Ивана Купала» главная героиня ушла в монастырь, до которого она, по слухам, дошла пешком с «исцвеченным яркими камнями» [2, с. 77] окладом к иконе Божьей матери, и «один раз приехавший из Киева козак рассказал, что видел в лавре монахиню, всю высохшую, как скелет, и беспрестанно молящуюся, в которой земляки, по всем приметам, узнали Пидорку» [2, с. 77]. Поговаривали также, «будто никто не слыхал от неё ни слова» [2, с. 77]. Возможно, она дала обет молчания, а на деньги оставшегося после отца имущества купила драгоценный оклад к иконе. Героиня погрузилась в глубокую веру и обрела свое пристанище в духовных стенах монастыря. Гоголь не случайно хотел свою героиню отправить на богомолье. Именно вера в Бога, молитва и отрешение от всего земного составляют спасение души человека. Этим морально-нравственным подтекстом писатель хотел показать, что спасение от «сатаны» и его происков, которые приносят зло и несчастья, можно найти в Боге и молитве.

Итак, проблема автора и повествователя в раннем творчестве Гоголя – вопрос весьма важный. Взаимодействие автора с адресатом в повестях сбор-

ника «Вечера на хуторе близ Диканьки» проявляется в форме непосредственного прямого и косвенного обращения рассказчика к своей аудитории, «воображаемую» беседу с читателем, а также нравственное воздействие на читательскую публику посредством живого художественного слова. Автор «Вечеров…» «призывает» своего читателя к ответной эмоциональной реакции, проявляющейся через юмористическое восприятие произведения и глубокое осмысление явлений действительности и ирреальности в повестях, демонстрирующее романтическую специфику раннего периода творчества Гоголя.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 484–690.

2. *Гоголь Н.В.* Собрание художественных произведений в пяти томах / под ред. проф. Б. Томашевского. – М.: изд-во Академии Наук СССР, 1952. – Т. I. – 374 с.

3. *Дружинин А.В.* Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения. – М.: Издательство художественной литературы, 1978. – 516 с.

4. *Кривонос В.Ш.* Проблема читателя в творчестве Гоголя. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1981. –215 с.

5. Н.В. Гоголь в русской критике: сб. статей / подг. текста А.К. Котова и М.Я. Полякова. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. – 652 с.

УДК 82.1

Павлова Татьяна Леонидовна

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Нерюнгри)

pavlova-sizykh@yandex.ru

«ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ»: АНТИНОМИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Автор статьи выявляет истоки «бунта» поэтессы, показывает его философскую основу, связанную с ощущением трагического «разлома» бытия и с поисками альтернативного стиля художественного мышления. Антиномические установки, генезис которых восходит к романтическому мироощущению, анализируются и как специфическое явление цветаевской онтопоэтики, обусловливающие антитетичность, контрастность и в конечном итоге конфликтность ее лирических произведений. В то же время автор доказывает, что Цветаева преодолевает антиномичность бытия посредством его творческого преображения искусством слова, что открывает перед ней перспективу экзистенциального выхода за пределы стереотипов сознания.

Ключевые слова: *М. Цветаева, антиномические установки, бунт, творческое поведение, романтическое мироощущение, онтопоэтика, контраст, антитеза, конфликтность.*

В творчестве Марины Цветаевой, начиная с относительно ранних стихов (1913–1917) воплощаются две разнонаправленные коммуникативные установки. Первая связана с беспрецедентным общением с «другими» – «поверх барьеров». Эта коммуникативная установка знаменовала стремление выйти за пределы своего «я» – обратиться к Другому как к заведомо высшей инстанции или как к другу, брату, возможно, даже слиться с ним, раствориться в нем. Мария Белкина, близко знавшая Цветаеву последних лет ее жизни, полагает, что Цветаева «отношения с людьми …*творила, как* стихи» [1, с. 10] В точности этих слов убеждаешься при попытке охватить взглядом цветаевские привязанности, дружбы, встречи и расставания. Возникает ощущение, что в ее отношениях с людьми не было половинчатости и бледных тонов (как, наверное, и в ее поэзии).

Привязанности Цветаевой ярки, безоглядны и всепоглощающи. Она боготворила Александра Блока, преклонялась перед А. Ахматовой, с пиететом относилась к В. Маяковскому. Большая дружба связывала Марину Цветаеву и Максимилиана Волошина. Можно долго перечислять как кратковременные пылкие духовные притяжения (А. Вишняк, А. Бахрах, С. Парнок, Н. Вышеславцев), так и глубокие, незаменимые (Р.-М. Рильке, Б. Пастернак). Ясно одно: она не могла жить без отзвука в чьей-то душе, без сопереживания и сотворчества, проникновения в суть другого. Что, конечно, невозможно без близости «строя души», сходности мироощущений и их истоков.

И, вместе с тем, в творческом поведении и в лирике Цветаевой в полной мере реализуется и вторая коммуникативная установка – прямо противоположная: это самосознание собственного одиночества, ощущение размежевания с миром. Она не означает герменевтическую закрытость героини от мира. Напротив, ее позиция – это вызов, противостояние «миру», демонстративное движение «против течения».

Указанные коммуникативные стратегии подчас входят в конфликт друг с другом, обусловливая внутреннюю антиномичность смысловой структуры:

Как правая и левая рука –
Твоя душа моей душе близка.

© Павлова Т.Л., 2012

Мы смежны, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встаёт – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла! [4, т. I, с. 412].

Они укладываются в типологию романтического мироощущения – с его жаждой идеала, поисками родной души, извечным двоемирием мечты и действительности и бунтом против мировых устоев…

Но каковы истоки этого бунта у Цветаевой? Илья Эренбург в одной из своих статей о поэтессе косвенно отвечает на этот вопрос: «…Где-то признается она, что любит смеяться, когда смеяться нельзя. Это “нельзя”, запрет, канон, барьер являются живыми токами поэзии своеволия. Вступив впервые в чинный сонм российских пиитов, или, точнее, в члены почтенного “общества свободной эстетики”, она сразу разглядела, чего нельзя было делать – посягать на непогрешимость Валерия Брюсова, и тотчас же посягнула, ничуть не хуже, чем некогда Артур Рембо на возмущенных парнасцев. Я убежден, что ей, по существу, не важно, против чего буйствовать, как Везувию, который с одинаковым удовольствием готов поглотить вотчину феодала и образцовую коммуну…» [5, с. 711].

В одном из ранних писем Марина Цветаева объясняет свою позицию: «Вот теория, к<отор>ой можно держаться, к<отор>ая никогда не обманет: быть на стороне меньшинства, к<отор>ое гонимо большинством. Идти против – вот мой девиз! Против чего? спросите Вы. Против язычества во времена первых христиан, против католичества, когда оно сделалось господствующей религией и опошлилось в лице его жадных, развратных, низких служителей, против республики за Наполеона, против Наполеона за республику, против капитализма во имя социализма (нет, не во имя его, а за мечту, свою мечту, прикрываясь социализмом), против социализма, когда он будет проведен в жизнь, против, против, против!» (Из письма к П. Юркевичу <Осень 1908 г.>) [4, т. VII, с. 730].

Но в цветаевском борении против социальных и моральных догм зачастую упускается один очень важный аспект: ее тотальная бунтарская установка корректируется столь же тотальной установкой выступить в защиту «за всех». В 1921 году Цветаева пишет стихотворение «Роландов рог», где ее антиномический модус взаимоотношения с миром окончательно кристаллизуется: «Одна за всех – из всех – и противу всех!» [4, т. II, с. 10].

Очевидно, что эта формула подразумевает не только бунт, но и самоотверженную защиту всех обездоленных и обиженных.

Эта теория, говоря словами Цветаевой, действительно никогда ее не обманула. О своем неподчинении «никакому организованному насилию, во имя чего бы оно ни было и чьим бы именем ни оглавлялось», она позднее писала Ю. П. Иваску (от 4 апреля 1933 г.) [4, т. VII, с. 384], а в другом письме к нему (от 27 февраля 1939 г) утверждала: «Все мои непосредственные реакции – *обратные*. Преступника – выпустить, судью – осудить, палача – казнить» [4, т. VII, с. 409]. Близко знавший Цветаеву В. Б. Сосинский отмечал ее «слабость <...> к побежденным, к проигравшим игру, к людям, выкинутым из истории на свалку» [3, с. 373], что, конечно же, было не слабостью, а нравственным императивом.

Вот почему она воспевает белое движение именно тогда, когда оно терпит поражение. Отсюда эпиграф: «Добровольчество – это добрая воля к смерти…». Но когда войска Мамонтова подходили к Москве (осенью 1918 г.) и многим казалось, что большевистская власть скоро падет, Марина Цветаева тут же, загодя, принялась просить о прощении бунтовщиков. По ее этическому кодексу милосердие выше ненависти и «выше справедливости»:

Царь! Господь тебе отплатит!
С нас сиротских воплей – хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, – прости Разбойнику!
(«Царь и Бог! Простите малым…») [4, т. I, с. 439].

Поэт всегда на стороне поверженных: «Прав, раз обижен», «сын, раз в крови». Именно поэтому в 1930-е гг. Цветаева пишет «Поэму о Царской Семье» (текст которой не сохранился): она считает своим долгом увековечить память о гибели последнего императора и его близких.

В одном из последних стихотворений «Лебединого стана» («Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь…», 1920) Цветаева, как бы подводя итоги эпохе раскола, изображает Гражданскую войну как братоубийственную бойню, в которой нет ни правых, ни виноватых, ни своих, ни чужих… Есть только убитые сыновья одной матери – России:

Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!
То шатаясь причитает в поле – Русь.
Помогите – на ногах нетверда!
Затуманила меня кровь – руда!

Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила [4, т. I, с. 576].

Иосиф Бродский переключает цветаевские антиномии в метафизический план, усматривая в «вызове» поэтессы общепринятым канонам постановку трудноразрешимых морально-философских дилемм. «Цветаева, – замечает он в беседе с С. Волковым, – вовсе не бунт. Цветаева – это кардинальная постановка вопроса: “голос правды небесной / против правды земной”» [цит. по: 2, с. 102].

Отсюда одна из магистральных черт художественного мира Цветаевой – антиномичность, обусловленная неприятием общепризнанных стандартов, универсальных норм и законов:

Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей

Отказываюсь – жить.
С волками площадей

Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ [4, т. II, с. 360].

«Антитеза высшей и низшей ипостасей бытия, – пишут современные исследователи, – раскрывается в поэзии Цветаевой в бесконечных противопоставлениях “вещественного” и “существенного”, страстного и материнского, плотского и духовного, земли и неба, Евы и Психеи, жизни и поэзии» [2, с. 86].

Антиномические закономерности действует, по Цветаевой, не только на социально-нравственном или ментальном уровне, но и на уровне судьбы, неких высших сил, которые разбивают «онтологические» рифмы. Отсюда трагедийный замысел трилогии «Гнев Афродиты», мотивы разминовения судеб, дружб и любовей в лирике. Ср.: *«Не суждено, чтобы сильный с сильным / Соединились бы в мире сем./ Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой, / Брачное дело решив мечом»*.

Антиномия в пространстве произведения или цикла зачастую оказывается ферментом обличительного, сатирического пафоса, становится основой конфликта стихотворения, сюжетогенным ферментом поэмы или драмы. Так, антитетическое столкновение поэта с косным, сытым сообществом мещан разыгрывается в лирико-сатирической поэме «Крысолов», а также в цикле «Ода пешему ходу», а драматический конфликт «Поэмы Конца» основан на неразрешимой антиномии «вертикального» бытия героини и «горизонтального» бытия (а точнее – быта) героя поэмы.

А в триптихе «Стихи к сыну» (1932) намечаются целый комплекс антиномических противопоставлений: во-первых, это противостояние отцов-эмигрантов и их детей («Наша совесть – не ваша совесть!» [4, т. II, с. 300]; во-вторых, противостояние России – Западу («Вам – просветители пещер – / Призывное: СССР» [4, т. II, с. 299]; в-третьих, это противостояние новой России и старой Руси, родины отцов («Русь – прадедам, Россия – нам»), и, в-четвертых, это неразрешимые противоречия в восприятие самой России: она одновременно и Эдем, и Содом, и «край – всем краям наоборот» [4, т. II, с. 299].

И все-таки одну из, казалось бы, неразрешимых антиномий Цветаева разрешила. Это антиномия жизни и творчества. И разрешила она ее в пользу последнего, ибо это единственная область, где осталась гармония. Творчество для Цветаевой – столь же онтологично, как и природа; не случайно произведение искусства она в статье «Искусство при свете совести» отождествляла с явлением природы [4, т. V, с. 347].

Поэтому поэзия для Цветаевой, с одной стороны, – сотворенная вещь («Я знаю, что Венера – дело рук, / Ремесленник – и знаю ремесло»), а с другой стороны, – «четвертое измерение» мира и собственной души, но это измерение для нее «бытийствующее бытие» (М. Хайдеггер), гораздо более реальное и сущностное, чем внешняя и внутренняя реальность. По отношению к внешнему бытию – искусство, согласно Цветаевой, играет роль Психеи, а по отношению к сознанию – роль плоти (ибо в слове оплотняется чувство и мысль).

В поэзии Цветаева ощущала себя в большей мере экзистенциально воплощенной, чем в жизни – с ее тяжелым бытом, жизненными неурядицами и лишениями. Онтологические созвучия, распавшиеся в мире, остались в поэзии. Отсюда жизнестроительная задача поэта, по представлениям Цветаевой, *соединить* распавшееся бытие в инобытийном пространстве поэзии. Сверхзадача – не насильственная гармонизация мира, а выявление с помощью слова его скрытой и, по сути дела, гармоничной сути.

В достижении этой сверхзадачи поэтесса выстраивает две пары онтологических тождеств. Первое тождество: *мир* и *слово*, второе: *мир* и *Я*. В 1920-х – 30-х гг. все больше и больше цветаевских стихотворений строится как диалог с миром, а точнее, его «вопрошание» (ср.: «Что надо кусту от меня?»). Объектом ее лирических интуиций становятся природа, город, душа, Бог. Поэту в этом диалоге важно не себя (то есть свою «правду») воплотить, как это было в раннем творчестве (ср.: «Я знаю правду! Все прочие правды – прочь!»), а сам мир.

Поэтика поздней Цветаевой основана на стремлении добраться «до глубины, до самой сути» явлений с помощью *метафорических* и *фонетических* уподоблений, как бы укорененных в самом языке. По Цветаевой, именно эти «орудийные приемы» способны преодолеть антиномическую «разорванность» бытия, показать глубинную связь всего со всем. Отсюда принципом смыслового развертывания стихотворений становится нанизывание метафорических ассоциаций, все более и более расширяющих, углубляющих, уточняющих центральный образ произведения. В итоге ключевой образ становится развернутым символом, а точнее, авторским мифом, мотивированным звуковой ассоциацией.

Если мы обратимся, например, к стихотворениям «Сивилла: выжжена, сивилла: ствол…» (1922), «Минута» (1923), «Жалоба» (1923), то увидим, что процесс метафоризации и мифологизации начинается именно со звуковых аналогий:

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но Бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностен муж!
Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! – Древо меж дев. [4, т. II, с. 136].

По убеждению Цветаевой, за звуковым родством в языке всегда скрыта смысловая связь. Поэтому фонетические уподобления в ее поэтической системе – средство обнаружения онтологического родства или бинарной оппозиции.

Отсюда поэтесса делает вывод, что сам русский язык со всей его многовековой исторической памятью «подсказывает» те эмоционально-смысловые ходы и поэтологические открытия, которые вне опоры на язык невозможно было бы сделать. Но, с другой стороны, лирическое творчество поэта предстает как своего рода «инструмент» русского языка, обнажая его скрытые смысловые, композиционные и фонетические возможности.

Но в таком случае антиномии душевного строя становятся строительным материалом ее *экзистенциальной поэтики*: душевная раздвоенность, амбивалентность чувств лирической героини оказывается совершенно необходимым конструктивным элементом цветаевских творений. Провокативное столкновение в стихотворном пространстве антиномических начал порождает ту напряженную коллизийность и эмоциональную силу, которые становятся характернейшими чертами цветаевской художественной манеры в целом.

Библиографический список

1. *Белкина М.* Скрещение судеб. – М.: Книга, 1988. – С. 10.

2. *Кихней Л.Г., Круглова Т.С.* «Поэт есть ответ…»: фактор адресации в лирике Марины Цветаевой. – М.: МНЭПУ, 2009.

3. *Сосинский В.Б.* Воспоминания // Марина Цветаева в воспоминаниях современников. – М.: Вагриус, 2006.

4. *Цветаева М.И.* Собр. соч.: В 7 т. / сост. А.А. Саакянц, Л.А. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.

5. *Эренбург И.* Поэзия Марины Цветаевой // Литературная Москва: сб. 2. – М., 1956. – С. 711.

УДК 809.1

Снегирев Илья Александрович
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
ilya_sneg@mail.ru

АНГЛИЙСКИЕ МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПОЭТЫ В ПЕРЕВОДАХ ИОСИФА БРОДСКОГО (статья первая)

Статья посвящена переводческой работе Иосифа Бродского как важному этапу в формировании «метафизического стиля» в творчестве поэта.

Ключевые слова: *метафизический стиль, литературная традиция, влияние, перевод.*

Значимость работы над переводами английских поэтов-метафизиков для формирования индивидуального стиля Иосифа Бродского очевидна. Об этом писали М. Крепс [5], Л. Лосев [6], Вяч. Вс. Иванов [4], И. Шайтанов [9, с. 435–391]. Очевидно и то, что само изучение проблемы «метафизического стиля» в поэзии Бродского невозможно без тщательного анализа работы над переводами, ставшей во многом этапной для поэта.

Период работы Бродского над переводами поэтов-метафизиков и активного усвоения их поэтического опыта приходится на 1965–1972 годы. Договор на перевод поэтов английского барокко для серии «Литературные памятники» был заключен по настоянию Дмитрия Сергеевича Лихачева вскоре после возвращения Бродского из ссылки в Норенскую (1965-й год). Работа была прервана, когда поэта выслали из страны, о чем он не раз говорил с сожалением в своих интервью. Изучение библиотеки Бродского, хранящейся в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме[1], и других архивных материалов позволяет в общих чертах реконструировать объем работы, который был запланирован.

В каталоге серии «Литературные памятники» анонсируется следующий перечень: «Рядом с наиболее крупными поэтами (Донн, Марвель, Херберт, Крашоу, Воган, Коулей) в книге будут представлены и более мелкие (Хэррик, Кэрью, Уоттон, Рочестер и др.)» [9, с. 436–437.]. Еще одним, косвенным подтверждением, что в работе были именно эти поэты, могут служить пометы в книгах из библиотеки Иосифа Бродского. В оглавлениях трех книг из библиотеки Бродского (Donne J. The Complete Poetry and Selected Prose of John Donne / Ed., with an introd. by Ch. M. Coffin. – N.Y., 1952; Donne J./ Selected, with an introd. and notes by A. Wanning. – N.Y., 1962; The Metaphysical Poets/ Selected and ed., introd. by H. Gardner. – L., 1968) пометы стоят напротив стихотворений Донна «Шторм» («The Storme»), «Элегия на смерть леди Маркхем» («Elegie on the Lady Markham»), «Ночная песнь в день святой Люсии» («A Nocturnal Upon S. Lucy's Day, Being the Shortest Day»), «Прощание, запрещающее грусть» («A Valediction: Forbidding Mouning»), «Экстаз» («The Extasie»), «С добрым утром» («The Good-Morrow»), «Песня (Трудно звез-

© Снегирев И.А., 2012

дочку поймать)» («Song (Goe, and catche a falling star)»), «Канонизация» («The Canonization»), «Лихорадка» («A Feaver»), «Годовщина» («The Anniversarie»), «Блоха» («The Flea»), «Разбитое сердце» («The Broken Heart»), «Мощи» («The Relique»), а также девятнадцатого сонета из цикла «Благочестивые сонеты» («Holy Sonnets»); в оглавлении антологии под редакцией Гарднер (The Metaphysical Poets/ Selected and ed., introd. by H. Gardner. – L., 1968) Бродским помечены стихотворения Генри Кинга «Погребальная песнь» («The Exequy»), «Мое полночное размышление» («My Midnight Meditation»), «Созерцание цветов» («A contemplation upon Flowers»); Джорджа Герберта «Боль» («Affliction»), «Иордан (I)» («Jordan (I)»), «Жизнь» («Life»), «Смерть» («Death»), «Любовь» («Love»); Томаса Кэрью «Элегия на смерть доктора Донна» («An Elegie upon the Death of Dr John Donne»); Ричарда Крэшо «Пожелания его (предполагаемой) Возлюбленной» («Wishes To his (supposed) Mistress»), «Возлюбленная» («Mistresse»), «Плачущая» («The Weeper»), «Гимн Святой Терезе» («Hymne to Sainte Tereza»), «Письмо графине Дэнби» («A letter to the countess of Denbigh»); Эндрю Марвелла «Глаза и слезы» («Eyes and tears»), «Диалог между душой и телом» («A dialogue between the soul and body»), «Определение любви» («The Definition of Love»), «Сад» («The Garden»); Генри Воэна «Отступление» («The Retreate»), «Мир» («The World»), «Звезда» («The Starre»); Эдварда Герберта «Ода на поставленный вопрос» («An Ode upon a question moved»), «Должна ли любовь длиться вечно» («Whether love should continue for ever»). Кроме того, в книгах есть стихи, которые не отмечены в оглавлении, но содержат заметки того или иного содержания на полях, иногда подстрочные переводы одной – двух строк. Так, в издании Донна, которое Л. Чуковская подарила поэту в 1964 году (Donne J. The Complete Poetry and Selected Prose of John Donne/Ed., with an introd. by Charles M. Coffin. – N.Y., 1952), неразборчиво записан подстрочный перевод первой строки стихотворения «Последний вздох» («The Expiration»): «So, so, break off this last lamenting kiss». Точно так же в антологии метафизических поэтов под редакцией Хелен Гарднер первая строка стихотворения Бена Джонсона «Мой портрет, оставленный в Шотландии» («My Picture Left in Scotland») «I now think Love is rather deaf than blind» переведена как «По мне, любовь глуха, скорее чем слепа». Неизвестно, подбирались ли тексты для перевода издательством или это был выбор Бродского. Однако не вызывает сомнения сам факт знакомства Бродского с таким широким списком текстов, написанных поэтами-метафизиками.

Изучение библиотеки Бродского проясняет некоторые «темные моменты», связанные с освоением опыта английского барокко: источники текстов, период знакомства с тем или иным поэтом, знание теоретических работ, посвященных поэтам-метафизикам. Помимо четырех изданий Донна (в добавление к уже перечисленным: Donne J. The Complete Poetry of John Donne / An introd., notes and variants by J. T. Shawcross. – N.Y., 1967; Donne J. The Satires, Epigrams and Verse Letters/ Ed. with introduction and commentary by W. Milgate. – Oxford, 1967) и одного издания Марвелла (Marvell A. / Selected with an introd. and notes by J. H. Summers. – N.Y., 1961) основным источником текстов для Бродского служила антология метафизических поэтов под редакцией Хелен Гарднер. Эта антология, впервые выпущенная издательством «Penguin Books» в 1957 году, содержит вступительную статью Гарднер, которая на сегодняшний день признана одной из основных теоретических работ по метафизической поэзии. Здесь подробно описывается история термина «metaphysical poets» и специфика феномена метафизической поэзии, обозначен набор черт, которые рассматриваются как конституирующие метафизический стиль в поэзии. С литературоведческой оценкой метафизиков Бродский, по всей видимости, был знаком также по статьям сборника критических статей о Донне (John Donne. A Collection of Critical Essays / Ed. by H. Gardner. – L., 1965), на котором стоит дарственная надпись с указанием точного числа, когда Бродский мог получить эту книгу – двадцать пятого сентября 1967 года. В библиотеке Бродского есть и биография Донна (Bald R.C. John Donne: A Life. – Oxford, 1970), однако познакомился он с ней относительно поздно, незадолго до своего отъезда из страны.

Анализ помет в оглавлении книг подтверждает некоторые особенности усвоения Бродским поэзии английского барокко, известные по его высказываниям. Так, например, находит свое подтверждение увлечение жанром погребальной элегии, о котором поэт говорил в своих интервью [2, с. 799]. Из стихов Донна была переведена «Элегия на смерть леди Маркхэм (так у Бродского. – *И.С.*)», Бродский собирался перевести «Элегию на смерть доктора Джона Донна» Томаса Кэрью. Множество стихотворений, предназначавшихся для перевода, не являются по форме погребальными элегиями, но так или иначе содержат тему смерти, чрезвычайно актуальную как для поэтов-метафизиков, так и для поэзии Бродского. Таковы стихотворения Донна из раздела «Песни и стихотворения о любви» («Songs and Sonets», сборник «Poems», 1635) «Канонизация», «Лихорадка», «Годовщина».

Однако наиболее важным (и достоверным) источником, проясняющим проблему усвоения Бродским метафизического стиля, все же являются завершенные и опубликованные переводы поэтов-метафизиков и собственные стихи Бродского, написанные одновременно или вследствие работы над переводами.

Вкратце об истории публикации переводов. Известно, что один из первых переводов из метафизиков – перевод стихотворения Донна «Посещение» («The Apparition») – был процитирован в 1966 году в статье А. Аникста «Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы» без указания автора перевода. В 1970 году четыре перевода Донна («Блоха», «Шторм», «Прощанье, запрещающее грусть», «Посещение») вошли в книгу «Остановка в пустыне», изданную в Нью-Йорке (была переиздана в 1988 году издательством «Ардис» в Америке, первое издание в России – 2000 год, издательство «Пушкинский фонд»). Включение переводов в книгу наряду с оригинальными стихами – довольно редкий случай для Бродского. В дальнейшем переводы Донна включались в сборники переводов Бродского «Бог сохраняет все» (составлен В. Куллэ, издан в 1992 году) и «Ожидание варваров» (издательство «Звезда», 2001 год). Последним на сегодняшний момент и, вероятно, наиболее полным изданием переводов Бродского, в том числе и переводов из поэтов-метафизиков Донна и Марвелла, стала книга «Изгнание из рая: избранные переводы», подготовленная Яковом Клоцем и изданная в 2010 году издательской группой «Азбука-классика» [7]. В нее вошли переводы таких стихов Донна, как «Шторм», «О слезах при разлуке», «Прощанье, запрещающее грусть», «Элегия на смерть леди Маркхем», «Посещение», «Блоха», «Завещание», и переводы четырех стихотворений Эндрю Марвелла: «Застенчивой возлюбленной», «Глаза и слезы», «Горацианская ода на возвращение Кромвеля из Ирландии» и «Нимфа, оплакивающая смерть своего фавна». Присутствие в списке завершенных переводов стихотворений, которые не были отмечены в оглавлении, может служить указанием на то, что Бродский отходил от первоначального плана по мере знакомства с текстами поэтов-метафизиков.

Следует заметить, что на данный момент читательское и исследовательское внимание сосредоточено именно на переводах из Донна (из которых особенно популярны для комментария «Шторм» и «Прощанье, запрещающее грусть»), в то время как переводы из Марвелла все еще остаются в тени. Вероятно, это связано с литературной репутацией Бродского, создаваемой его первыми издателями на Западе и им самим. Начиная с «Большой элегии Джону Донну», фактически до основательного знакомства с творчеством английского поэта, Бродский позиционировал Донна как поэта, близкого себе. Это позиция обозначена в биографическом предисловии к сборнику «Остановка в пустыне» (написано Джорджем Клайном) и особенно заметна в интервью поэта, посвященных англоязычной поэзии. Тем не менее переводы из Марвелла заслуживают не меньшего внимания, поскольку они были сделаны позже, перед самым отъездом, и могут стать свидетельством усвоения Бродским уроков английских поэтов-метафизиков.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе переводов, – это решение Бродским проблемы стилизации, стоящей перед каждым переводчиком. При переводе стихов Донна поэт часто обращается к высокой, архаической лексике, поэтическому опыту русского XVIII века, который он считал сопоставимым с поэтическим опытом английских метафизиков: «Как бы объяснить русскому человеку, что такое Донн? Я бы сказал так: стилистически это такая комбинация Ломоносова, Державина и, я бы еще добавил, Григория Сковороды…» [3, с. 164]. Так, например, первая строка стихотворения «Блоха» («The Flea»): «MARK but this flea, and mark in this…» (в подстрочном переводе «Заметь эту блоху, и в ней заметь…»), – переведена с нарочитым использованием высокой лексики: «**Узри** в блохе, что мирно льнет к стене…». Между тем в оригинале она производит скорее впечатление спонтанности, остроумного замечания, но никак не пророческого откровения, ассоциирующегося в нашем сознании со словом «узри». Но было бы неверно говорить, что Бродский совсем «не чувствует» остроумия текста Донна. Так, например, слово «льнет», наряду с архаичным звучанием, содержит в себе и эротическое значение – блоха льнет к стене так же, как льнут возлюбленные друг к другу. Само употребление архаизмов в сочетании с общей легкостью темы привносит в стихотворение атмосферу игры. Бродский переводит тринадцатый стих «[This flea is] Our marriage bed, and marriage temple is» как «И ложе нам и храм блоха сия». У Донна эта фраза ***остроумна,*** но никак не ***комична,*** однако, будучи выраженной языковым материалом Державина, она приобретает именно комический оттенок.

Обращает на себя внимание и разное ритмическое решение первой строки перевода и оригинала. Бродский сохраняет размер стиха, но если в стихах Донна пятистопный ямб изобилует пропусками, «неправильностями», сверхсистемными ударениями, то ровный ритм перевода напоминает скорее выдержанный пятистопник «Большой элегии Джону Донну», написанной несколькими годами ранее. Позже в оригинальных своих стихах Бродский будет ближе к Донну, нежели к своему раннему творчеству.

Нечто подобное происходит и при переводе стихотворения Донна «Посещение» («The Apparition»). Первая строка стихотворения Донна начинается с нагромождения труднопроизносимых согласных, прерывается и делится надвое обращением и заканчивается нарушающей ритм конструкцией с глухим словом-точкой «dead» в финале:

When by thy scorn, o murd'ress, I am dead…

(в подстрочном переводе: «Когда, из-за твоего презрения, о убийца, я буду мертв»). У Бродского эта

строка переведена куда ближе к русской поэтической традиции, вплоть до общего места русской любовной лирики – словосочетания «горький яд»:

Когда твой горький яд меня убьет…

И это при том, что Бродский скорее склонен «разрушать» общие места, нежели воспроизводить их. Справедливым кажется замечание Игоря Олеговича Шайтанов, указавшего на то, что собственные стихи Бродского оказываются более «метафизичны», нежели его переводы Донна: «…Не своими переводами в первую очередь Бродский формировал стиль русского Донна, а своими оригинальными стихами, которые вобрали в себя опыт английской “метафизической поэзии”» [9, с. 435–491].

Примечание

[1] Автор благодарит музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме за предоставленную возможность работать с библиотекой Иосифа Бродского.

Библиографический список

1. *Бродский И.* Изгнание из рая: избранные переводы. – СПб., 2010.

2. *Бродский И.* Поклониться тени / пер. Е. Касаткиной. – Екатеринбург, 2002. – С.799.

3. *Бродский И.* Книга Интервью / сост. В. Полухина. – М., 2007. – С. 164.

4. *Иванов Вяч. Вс.* Бродский и метафизическая поэзия // Звезда. – 1997. – №1.

5. *Крепс М.* О поэзии Иосифа Бродского. – СПб., 2007.

6. *Лосев Л.* Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. – М., 2006.

7. *Половинкина О.И.* Метафизический стиль в американской поэзии. – Владимир, 2011. – С. 108–109.

8. *Соколов К.С.* И. Бродский и У.Х. Оден: к проблеме усвоения английской поэтической традиции: Дис. … канд. филол. наук. – Владимир, 2003. – С. 25–28.

9. *Шайтанов И.* Дело вкуса: книга о современной поэзии. – М., 2007. – С. 435–491.

УДК 82

Шаваринская Светлана Руфимовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
institute.k@yandex.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА НА СТРАНИЦАХ РОМАНОВ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Статья посвящена проблеме творческого диалога Л. Толстого и Ф. Достоевского по актуальным общественным вопросам, в частности о судьбах русского дворянства.

Ключевые слова: *творческий диалог, роман, Л.Н. Толстой, «Анна Каренина», Ф.М. Достоевский, «Подросток», русское дворянство, актуальные общественные проблемы.*

…А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титле – в действии быть должен дворянином,
…А если ни к какой я должности не годен, –
Мой предок дворянин, а я неблагороден.

А.П. Сумароков «О благородстве», 1771

Проблема творческих связей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского интересовала и интересует многих учёных. Ещё Г.М. Фридлендер стремился выявить общие черты, «которые и в историческом и в эстетическом плане сближают творчество обоих великих писателей...» [9, с. 112]. На имеющиеся типологические созвучия в их творчестве указывали затем К.Н. Ломунов, А.И. Батюто, Н.Ф. Буданова, В.А. Туниманов и С.А. Кибальник.

Мы остановимся на проблеме творческого диалога между писателями. Сопоставляя по первым журнальным публикациям роман Толстого «Анна Каренина» (публиковавшийся со значительными перерывами) с романом Достоевского «Подросток», мы обнаруживаем генетические (диалогические) связи между ними, обусловленные полемикой по актуальным общественным проблемам, в том числе и по поводу исторических судеб родового дворянства.

Напомним, что романы публиковались в одно и то же время: «Анна Каренина» – с января 1875 по апрель 1877 гг. в журнале М.Н. Каткова «Русский вестник», «Подросток» – в течение 1875 года в журнале Н.А. Некрасова «Отечественные записки.

Известно, что Достоевский знакомился с «Анной Карениной» по мере публикации романа, периодически высказывая свои взгляды на прочитанное в письмах и «Дневнике писателя» за 1877 год. Однако мы полагаем, что прямые и косвенные отклики на этот роман вошли также в текст «Подростка».

В 1870-е годы Толстой связывал свои надежды на обновление России с проведением земельной реформы, осуществляемой по инициативе русско-

© Шаваринская С.Р., 2012

го дворянства. Писатель был убежден в особом предназначении этого сословия, призванного сыграть, по его мнению, ключевую роль в исторических судьбах России. Ещё в «Записке о дворянстве» (1858) он рассуждал о материальных условиях освобождения крестьян и представлял саму идею освобождения как давнее желание высшего сословия.

В «Анне Карениной» автор воплотил свой идеал дворянина в образе Константина Левина. По мере описания жизни героя в Покровской усадьбе в романе ставятся острые социальные проблемы и утверждается толстовская мечта о реформировании сельского хозяйства в процессе задуманной Левиным «бескровной революции». В V главе первой части романа, опубликованной в январе 1875 года, читатель знакомится с героем, который в диалоге с Облонским с душевной болью указывает на экономическое и нравственное оскудение своего сословия: «...Мне досадно и обидно видеть это со всех сторон совершающееся обеднение дворянства, к которому я принадлежу... Тут арендатор купил за полцены у барыни, которая живет в Ницце, чудесное имение. Тут отдают купцу за рубль десятину земли, которая стоит десять рублей. Тут ты без всякой причины подарил этому плуту тридцать тысяч...» [6, т. 115, № 1, с. 268]. Левин подчеркивает историческую значимость благородного сословия, но осознает надвигающуюся на него угрозу хозяйственного разорения: «У детей купца Рябина будут средства к жизни и образованию, а у детей князя Облонского, потомка Рюриковичей, не будет» [3, с. 190]. «Чуткий сердцем», умный помещик стремится найти решение острых социально-экономических проблем. В феврале 1875 опубликовано окончание первой части «Анны Карениной» и десять глав второй части, в которых Толстой раскрывает программу действий помещика-реформатора: «Кроме хозяйства, требовавшего особенного внимания весною, кроме чтения, Левин начал этою зимой ещё сочинение о хозяйстве, план которого состоял в том, чтобы характер рабочего в хозяйстве был принимаем за абсолютное данное, как климат и почва, и чтобы, следовательно, все положения науки о хозяйстве выводились не из одних данных почвы и климата, но из данных почвы, климата и известного неизменного характера рабочего...» [6, т. 115, № 2, с. 808].

Левин понимает, что прежние, веками складывавшиеся социальные отношения помещика и работника «переворотились», а новые только ещё зарождаются, и вопрос о том, как уложатся новые условия, «есть только один важный вопрос в России». В апреле 1875 года опубликованы окончание второй части и десять глав третьей части «Анны Карениной». Толстой изображает трудовую жизнь Левина в деревне и его попытки улучшить жизнь крестьянского люда: «Левину в первый раз ясно пришла мысль о том, что от него зависит переменить ту столь тягостную, праздную, искусственную и личную жизнь, которою он жил, на эту трудовую, чистую и общую прелестную жизнь» [6, т. 116, № 4, с. 577].

Параллельно выше перечисленным публикациям в январском номере «Отечественных записок» за 1875 год появляются первые главы романа «Подросток», сюжет которого открыто полемичен по отношению к роману Толстого. Достоевский противопоставляет героя-подростка людям «средневысшего» дворянского культурного круга: «Да, Аркадий Макарович, вы – член случайного семейства, в противоположность еще недавним родовым нашим типам, имевшим столь различные от ваших детство и отрочество» [1, т. 218, № 1, с. 34]. Имея в виду родовые типы дворян у Толстого, К. Леонтьев отмечал: «Припомним – каковы эти русские дворяне в романе “Подросток”. Это, начиная с главного героя – Версилова, всё какие-то расстроенные или запутанные люди; “психозные”, как нынче любят называть. Старый князь Сокольский бесхарактерен и жалок. Молодой военный, тоже князь Сокольский, …кутит, путается и, наконец, попадает в Сибирь…» [4, с. 118]. Образ молодого и мечтательного князя Сергея Сокольского можно рассматривать как полемический ответ Достоевского на образ Константина Левина у Толстого.

В февральской публикации романа «Подросток» (шестая глава первой части) находим портретное описание князя: «Вошёл молодой и красивый офицер… То есть я говорю красивый, как и все про него точно так же говорили, но что-то было в этом молодом и красивом лице не совсем привлекательное... Он был сухощав, прекрасного роста, тёмнорус, с свежим лицом, немного, впрочем, желтоватым, и с решительным взглядом. Прекрасные тёмные глаза его смотрели несколько сурово, даже и когда он был совсем спокоен. Но решительный взгляд его именно отталкивал потому, что как-то чувствовалось почему-то, что решимость эта ему слишком недорого стоила...» [1, т. 218, № 2, с. 349].

Через описание квартиры молодого князя Сережи (гл. 3) автор подчеркивает главные качества её хозяина: «…Я удивился великолепию его квартиры. То есть не то что великолепию, но квартира эта была как у самых “порядочных людей”: высокие, большие, светлые комнаты (я видел две, остальные были притворены) и мебель – опять-таки хоть и не бог знает какой Versailles или Renaissance, но мягкая, комфортная, обильная, на самую широкую ногу; ковры, резное дерево и статуэтки. Между тем про них все говорили, что они нищие, что у них ровно ничего. Я мельком слышал, однако, что этот князь и везде задавал пыли, где только мог, – и здесь, и в Москве, и в прежнем полку, и в Париже, – что он даже игрок и что у него долги» [1, т. 218, № 2, с. 364].

Автор нарочито выпукло представляет некоторые диссонирующие подробности княжеского облика: «Поражала меня тоже его удивительная благовоспитанность; вежливость, непринуждённость манер – одним словом, весь этот лоск ихнего тона, который они принимают чуть не с колыбели. В письме его я насчитал две прегрубые грамматические ошибки» [1, т. 218, № 2, с. 370].

В апрельском номере «Отечественных записок» (вторая часть романа) автор через беседу Версилова с князем Сергеем Сокольским всесторонне анализирует дворянский вопрос. Версилов декларирует: «Слово “честь” значит долг… Когда в государстве господствует главенствующее сословие, тогда крепка земля. Главенствующее сословие всегда имеет свою честь и свое исповедание чести, которое может быть и неправильным, но всегда почти служит связью и крепит землю; полезно нравственно, но более политически. …везде доселе (в Европе то есть) при уравнениях прав происходило понижение чувства чести, а стало быть, и долга… Но русский тип дворянства никогда не походил на европейский. Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи и, что главное, не замыкаясь уже в отдельную касту, что было бы смертью идеи… Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты» [1, т. 219, № 4, с. 430].

Далее Версилов уточняет свою мысль: «…Если даже русский князь отрекается от такой идеи, то разумеется, ещё не наступило ей время. Идея чести и просвещения, как завет всякого, кто хочет присоединиться к сословию, незамкнутому и обновляемому беспрерывно, – конечно утопия, но почему же невозможная?». Однако молодого князя Сокольского тяготят высокие идеи Версилова: «…Ваша идея о дворянстве есть в то же время и отрицание дворянства» [1, т. 219, № 4, с. 441]. Принять высокую идею служения высшего сословия князь Серёжа не может.

Окончание второй части романа Достоевского, опубликованное в мае 1875 года, явно полемично толстовскому дворянскому идеалу, выраженному в образе Левина. Подросток так характеризует молодого князя Серёжу: «…Он склонен к раскаянью, он всю жизнь беспрерывно клянёт себя и раскаивается, но зато никогда и не исправляется… Тысяча предрассудков и ложных мыслей и – никаких мыслей! Ищет большого подвига и пакостит по мелочам». «Он совершенно твёрдо заявил мне о своём намерении жениться на Лизе. “То, что она не дворянка, поверьте, не смущало меня ни минуты, – сказал он мне, – мой дед женат был на дворовой девушке, певице на собственном крепостном театре одного соседа-помещика”...» [1, т. 220, № 5, с. 201]. Припомним, что и Левин намеревался жениться на крестьянке…

Подобно герою Толстого князь Серёжа мечтает о семье и мирной сельской жизни: «Мой идеал поставлен твёрдо: несколько десятков десятин земли (и только несколько десятков, потому что у меня не остается уже почти ничего от наследства); затем полный, полнейший разрыв со светом и с карьерой; сельский дом, семья и сам – пахарь или вроде того. О, в нашем роде это – не новость: брат моего отца пахал собственноручно, дед тоже. Мы – всего только тысячелетние князья и благородны, как Роганы, но мы – нищие. И вот этому я бы и научил и моих детей: “Помни всегда всю жизнь, что ты – дворянин, что в жилах твоих течет святая кровь русских князей, но не стыдись того, что отец твой сам пахал землю: это он делал по-княжески”. Я бы не оставил им состояния, кроме этого клочка земли, но зато бы дал высшее образование, это уж взял бы обязанностью. О, тут помогла бы Лиза. Лиза, дети, работа, о, как мы мечтали обо всем этом с нею…» [1, т. 219, № 4, с. 430].

Однако «левинским» мечтам князя Серёжи не дано осуществиться. «Благороднейший» князь оказывается замешанным в деле о фальшивомонетчиках и подделке акций. Не лишенный совести и чести, он сам идёт в полицию и сознаётся во всём. Но тут же оказывается не в силах отказаться от подлости – из ревности доносит на революционера Васина, которого сразу же арестовывают.

В феврале 1877 года в «Дневнике писателя» Достоевский будто бы трактует образ Левина с явной симпатией, утверждая, что Левиных в России – тьма. Эти люди «болезненно стремятся получить ответы на свои вопросы, они твердо надеются, страстно веруют, хотя и ничего почти еще разрешить не умеют... Это наступающая будущая Россия честных людей, которым нужна лишь одна правда ...я вижу и предчувствую этих грядущих людей, которым принадлежит будущность России …» [2, т. 25, с. 44].

Но, читая далее, обнаруживаем сомнения в Левине, который смешивает «чисто русское и единственно возможное решение вопроса с европейской его постановкой… христианское решение с историческим “правом” …тогда как единственно возможное разрешение вопроса, и именно русское, и не только для русских, но и для всего человечества, – есть постановка вопроса нравственная, то есть христианская» [2, т. 25, с. 46].

Достоевский, дискутируя с Толстым, переводит конкретные социально-экономические вопросы в область религиозно-нравственную.

В декабре 1875 года опубликовано окончание третьей части романа, содержащее полемичную Толстому оценку русского дворянства. В современ-

ной смуте оно теряет благообразие. Этого, по мнению Достоевского, не может не чувствовать Толстой. Не случайно в поисках благообразия автор «Войны и мира» вынужден обратиться к истории. Только «в историческом роде возможно изобразить множество ещё чрезвычайно приятных и отрадных подробностей. Можно даже до того увлечь читателя, что он примет историческую картину за возможную ещё и в настоящем» [1, т. 223, № 12, с. 218].

Эту возможность Толстой попытался реализовать в «Анне Карениной» на примере жизни Левина. Но в этом случае, по мнению Достоевского, у Толстого получилась художественно законченная картина «русского миража»: в современной действительности завершённых и благообразных типов русских людей из родовитого дворянства не существует. «Взгляните, например, на оба семейства господина Версилова... Во-первых, про самого Андрея Петровича я не распространяюсь; но, однако, он – всё же из родоначальников. Это – дворянин древнейшего рода и в то же время парижский коммунар. Он истинный поэт и любит Россию, но зато и отрицает её вполне. Он безо всякой религии, но готов почти умереть за что-то неопределённое, чего и назвать не умеет, но во что страстно верует, по примеру множества русских европейских цивилизаторов петербургского периода русской истории» [1, т. 223, № 12, с. 515].

Посмотрим далее на его семейство – «уже множество таких, несомненно родовых, семейств с неудержимою силою переходят массами в семейства *случайные* и сливаются с теми в общем беспорядке и хаосе» [1, т. 223, № 12, с. 516].

И главный герой Аркадий Долгорукий – тоже «*член случайного семейства*, в противоположность ещё недавним родовым нашим типам», которые, если вспомнить трилогию Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность»), имели столь различные от Аркадия детство и отрочество.

Достоевский, верный художественной правде, вынужден обращаться к жизни, лишённой красивых и художественно совершенных форм. Герои типа Аркадия Долгорукова и его отца Версилова – далеко не завершённые, находящиеся в состоянии хаотического брожения люди. Они не могут и в литературе обрести эстетическую законченность. Поэтому финал романа Достоевского (гл. 13) остается открытым и полемичным: «Уже не сор прирастает к высшему слою людей, а напротив, от красивого типа отрываются, с веселою торопливостью, куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядствующими и завидующими… родоначальники бывших культурных семейств смеются уже над тем, во что, может быть, ещё хотели бы верить их дети. Мало того, с увлечением не скрывают от детей своих свою алчную радость о внезапном праве на бесчестье…» [4, с. 440]. Воображаемый романист (Толстой), тоскуя по законченности, по красивым лицам, завершённым и благообразным типам, создаёт в итоге не исполненную жизненной правды картину, а бледную тень её, картину «русского миража».

Библиографический список

1. *Достоевский Ф.М.* Подросток. Роман. (Записки юноши) // Отечественные записки. Журнал литературный, политический и ученый. – СПб., 1875. – Год тридцать седьмой. – Т. 218. – № 1. – С. 11–100; № 2. – С. 349– 444; т. 219. – № 4. – С. 421–476; т. 220. – № 5. – С. 151–232; т. 222. – № 9. – С. 161–230; т. 223. – № 11. – С. 173–230; № 12. – С. 435–516.

2. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1877 г. (январь-август) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1983. – С. 5–223.

3. *Леонтьев К.Н.* Наши новые христиане: Ф.М. Достоевский и гр. Л. Толстой // Леонтьев К.Н. Собр. соч. Т. 8. – М., 1912. – С. 151.

4. *Леонтьев К.Н.* Достоевский о русском дворянстве. – М.: Республика, 1996. – С. 763.

5. *Ломунов К.Н.* Достоевский и Толстой // Достоевский-художник и мыслитель: сб. статей. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 462–523.

6. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Роман // Русский вестник. Литературный и политический журнал / издатель М. Катков. – М., 1875. – Т. 115. – № 1, январь. – С. 243–336; № 2, февраль. – С. 742–817; т. 116, – № 3, март. – С. 247–316; № 4, апрель. – С. 572–641.

7. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Роман // Русский вестник. Литературный и политический журнал / издатель М. Катков. – М., 1876. – Т. 121. – № 1, январь. – С. 305– 390; № 2, февраль. – С. 679–745; т. 122. – № 3, март. – С. 291–339; № 4, апрель. – С. 641–693; т. 126. – № 12, декабрь. – С. 687–737.

8. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Роман // Русский вестник. Литературный и политический журнал / Издатель М. Катков. – М., 1877. – Т. 127. – № 1, январь. – С. 267–324; № 2, февраль. – С. 830–898; т. 128. – № 3, март. – С. 329–382; № 4, апрель. – С. 709–643.

9. *Фридлендер Г.М.* Достоевский и Толстой // Достоевский и мировая литература. – М., 1979. – С. 313.

УДК 821.161.1

Швецова Татьяна Васильевна
Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) Федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Северодвинск)

ПУШКИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «БРЕТЁР»

В статье рассматривается повтор пушкинской ситуации и копирование образа героя И.С. Тургеневым, которые открывали автору «Бретёра» возможность художественно осмыслить эволюцию своей поэтики и поставить программный для русской литературы XIX века вопрос о новом типе героя.

Ключевые слова: *А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, сюжет, парадигма героя, философия поступка.*

Тургенев и Пушкин – сближение традиционное. Для Тургенева Пушкин был всегда «высшим проявлением русского гения». Тургеневское творчество все проникнуто «пушкинским словом». Автор «Записок охотника», высоко ценивший поэзию Пушкина, не остался равнодушен и к пушкинской прозе.

Современные исследователи (И.Л. Альми, А.А. Бельская, С.В. Гольцер, Т.Б. Трофимова, М.А. Турьян и др.) убедительно раскрывают различные аспекты пушкинского влияния на Тургенева [1]. На наш взгляд, одним из любопытных подтверждений этому является тургеневская повесть «Бретёр».

Комментаторы указывают на то, что появление «Бретёра» в январской книжке «Отечественных записок» совпало с крайним обострением журнально-литературных споров, вызванных идейным и художественным ростом «натуральной школы». Главным предметом этих споров стали такие значительные произведения, увидевшие свет в начале 1847 г., как «Кто виноват?» Герцена, «Обыкновенная история» Гончарова, первые рассказы из «Записок охотника» Тургенева [2]. В этой сложной и напряженной обстановке новая повесть Тургенева почти не была замечена критикой.

Можно думать, что сам Тургенев не считал эту повесть вполне удавшейся: при подготовке издания 1856 г. он подверг ее значительной правке. Десять лет отделяют первоначальный вариант от окончательной редакции произведения. Вероятно, этот период был связан со складыванием концепции «Бретёра», оформляющей образ главного героя.

На первый взгляд, повесть «Бретёр» достаточно проста. Повествователь излагает историю взаимоотношений «странного человека» Авдея Лучкова и романтичного мечтателя Федора Кистера, повествуя об их необычной дружбе, окончившейся досадной смертью молодого корнета от пули штабротмистра. Мы становимся свидетелями трагедии, оборвавшей наметившееся чувство Кистера к избраннице Лучкова. Самой истории любви в повести нет.

Смысловой доминантой повести Тургенева является обозначение качества человека, имеющего страсть к дуэлям. Такие люди, как правило, были связаны с военной специальностью. Слово «бретёр» (другое написание: бреттёр) имеет следующее значение: «человек, ищущий повод к дуэли», «скандалист», «забияка» [3, т. I, с. 45].

Определив своего героя номинацией «бретёр», сделав его офицером кирасирского полка, что совпадает с социальным статусом известного пушкинского героя, Тургенев как бы напоминает читателю о «Повестях Белкина». Историю затянувшейся дуэли гусара и молодого графа рассказал другой автор в повести «Выстрел». Данная коллизия, связанная с пушкинскими произведениями и перенесенная Тургеневым в свою повесть, по-видимому, своеобразный композиционный прием, необходимый писателю для того, чтобы высветить глубинный подтекст «Бретёра».

Повесть «Выстрел», как и «Бретёр», в поверхностном восприятии тоже проста: история мести за уязвленное самолюбие со счастливым финалом. По словам американского литературоведа Г. Кокса, «пушкинские “Повести Белкина” – пять новелл, пародирующих различные темы романтизма. Первая из них “Выстрел” продолжает традицию литературы о дуэлях, все действие происходит в борьбе за положение в мужской группе» [6]. Сильвио у А.С. Пушкина имеет все мрачные манеры и таинственное прошлое типичных байронических героев.

Модель героя, предложенная в тургеневском произведении, аналогично пушкинскому, имеет установку на Байрона, она выражена словами отца Маши Перекатовой, влюбленной в Лучкова: *«Ты думаешь, он так и смотрит лордом Байроном? (В то время только что начинали у нас толковать о лорде Байроне.) Пустяки! Ведь и я, душа моя, в кои-то веки слыл забиякой»* [5]. Как видим, байронический герой вызывает явную ироническую реакцию. Из набора свойств персонажей такого типа выделена одна черта – способность устраивать ссоры, конфликтность. Он в вечной ссоре с миром и с самим собой, дисгармоничен, не приемлет действительность или выпадает из ее рамок.

Первый знак, указывающий на близость героев, выведенных Пушкиным и Тургеневым, – общность их облика. *«Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил*

 © Швецова Т.В., 2012

иностранное имя» [4], – такое описание встречается в пушкинском произведении.

Вот как описывает Тургенев своего бретёра: *«Между ними некто Авдей Иванович Лучков, штабс-ротмистр, слыл бретером. Лучков был роста небольшого, неказист; лицо имел малое, желтоватое, сухое, волосы жиденькие, черные, черты лица обыкновенные и темные глазки. <…> Авдей Иванович был дурен собою и немолод; но зато пользовался страшной славой <…>*

Он принадлежал к числу людей, которым как будто дано право власти над другими; но природа отказала ему в дарованиях – необходимом оправдании подобного права. Не получив образования, не отличаясь умом, он не должен бы был разоблачаться; может быть, ожесточение в нем происходило именно от сознания недостатков своего воспитания, от желанья скрыть себя всего под одну неизменную личину». Лучков – жалкое подобие Сильвио. Ожесточенность (но не злоба) штабс-капитана у Тургенева объясняется социальными причинами, его образ лишен малейшего налета таинственности.

Оба художника подчеркивают необыкновенное влияние, которое имели Сильвио и Лучков на окружающих, особенно молодых людей. Для Сильвио подобное поведение – норма, Лучков же постоянно словно разыгрывает роль. Не случайно Тургенев использовал форму глагола «слыть»: иметь какую-нибудь репутацию, быть известным в качестве кого-нибудь (словарь русского языка Ушакова). В данном контексте слово задает проблему «быть» и «казаться», «являться в действительности» и «притворяться», «лицо» и «личина, маска».

Повествователи акцентируются на том, что байронические герои из группы офицеров выделяют именно их, особенно участливы и благосклонны к ним, на них падает выбор этих мужчин в смысле дружбы и доверия: у Пушкина – *«Он любил меня; по крайней мере со мной одним оставлял обыкновенное свое резкое злоречие и говорил о разных предметах с простодушием и необыкновенною приятностию»*; у Тургенева – *«Лучков при Кистере не стыдился своего невежества; он надеялся – и недаром – на его немецкую скромность»*.

Для «Повестей Белкина», и, в частности, для «Выстрела», очевидна скупость психологических характеристик, которые даются через внешнее поведение героев в критической ситуации. Одна из таких кульминационных критических ситуаций у Пушкина – дуэль. У Пушкина дуэль Сильвио и графа происходит весной рано утром: *«Это было на рассвете… Весеннее солнце взошло, и жар уже наспевал»*. Весна – пора обновления, цветения, новой жизни. Рассвет – зарождение нового дня, обновление минувшего. В «Выстреле», естественно, доминирует тема жизни, тема счастья, фортуны, счастливчик граф избежал гибели, но его жизнь отныне ему не принадлежит, он в любую минуту может стать жертвой Сильвио. Тема смерти, затаившаяся в подтексте, на поверхности повести появляется лишь в легком штрихе Пушкина, упомянувшего следующее: *«Вам, кажется, теперь не до смерти»*.

Зачинщика дуэли раздражает поведение графа, который *«стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки»*, которые долетают до него. Волнение злобы в Сильвио настолько сильно, что он отдает графу первенство выстрела, тем самым ставит себя в пограничную ситуацию. И, действительно, граф едва не убивает его. Злобный замысел придумывает и осуществляет Сильвио в дальнейшем: *«Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит?»* И он приходит за его жизнью, когда граф особенно счастлив: он женился, у него молодая красавица жена, дом – полная чаша.

Приблизительно так ведет себя тургеневский Лучков. Он стрелялся с Кистером в самом начале их знакомства, и вторично, когда Кистер готовился к свадьбе с Машей Перекатовой. Наверняка, значима в контексте повести Тургенева аналогия имени – избранницу Кистера зовут Мария, как и супругу пушкинского графа.

Если у Пушкина в повести доминирует тема жизни (все главные события происходят на заре, весной, олицетворяя утро человеческой жизни), то у Тургенева – главная, все подавляющая тема, на наш взгляд, – тема смерти. Она пронизывает повесть «Бретёр» от начала и до конца. Отправляясь вечером перед дуэлью домой из дома Перекатовых, Кистер оглядывается: *«…Он приподнялся в коляске и с смутным беспокойством стал искать глазами освещенные окна... В доме все было уже темно, как в могиле»*. Холод и мрак (темнота) сближаются с идеей смерти.

У Тургенева пушкинские реминисценции играют ту же роль, что шекспировские. В подтексте «Бретёра» таится трагическое. Предчувствие трагического финала усиливается. Основное трагическое событие происходит весной, когда природа просыпается и расцветает. Это характерно для мировоззрения Тургенева: природа проявляет свое равнодушие к человеку и его желаниям, деяниям. С уходом человека из мира в природе не происходит особенных изменений. Встреча их, Лучкова и Кистера, происходит в лесу (лес вообще знак Лучкова). Лес в народных представлениях – «гиблое, пропащее место». На наш взгляд, подобная семантика прочитывается в образе Авдея Лучкова, общение с которым в действительности стало причиной гибели Федора Кистера. Тургенев точно не устанавливает время происходящих событий – утро или вечер. Главное – это контраст и полное равнодушие природы по отношению к происходящему: *«Погода была прекрасная; птицы мирно чирикали»*. Тургенев переносит встречу своих героев в лес,

где человек, соприкасаясь с природой, должен быть правдив и честен. Здесь открывается подлинная – мелочная и злобная – натура будущего убийцы.

Писатель заостряет проблему добавлением – *«невдалеке от леса мужик пахал землю»*. Крестьянская доминанта мировидения Тургенева приводит автора к созданию концепции мира и человека, центр которой – землепашец. Простой крестьянин живет в гармонии с окружающим миром, землей, ритмом природы.

Формой выражения религиозного восприятия у автора «Бретёра» выступает уравнивание природы и Бога, реализованное в преувеличении пантеистических мотивов.

Мужик подчиняется Высшей Воле, руководящей миром. Персонажи крестьянского мира несут в себе ощущение своей ведомости в жизни, несамостоятельности. В отличие от дворян, пытающихся разыграть жизнь по собственному сценарию. Парадигма поведения дворянина включает в себя мотивы, усиливающие значение их «я-самости». Текст повести передает мотив игры, актерства, связанный с образом Лучкова: *«Кистер, быть может, потому заставил Лучкова выйти наконец из своей роли»; «Трудно и хлопотно заставить полюбить себя; но весьма легко и просто прикидываться равнодушным, молчаливым гордецом»; «он должен был постоянно сдерживать себя, даже когда злился»; «придавал глазам своим равнодушное выражение»; «Человек играл, играл роль, и никто не замечал в нем актера»; «притворное равнодушие»; «проговорил он с притворным участием»*.

Тургенев, как и Пушкин, передает психологическое состояние своих героев через их внешность, через их поведение и через описание природы. *«В небольшом лесу, в двух верстах от села Кириллова, их дожидался Лучков с своим секундантом, прежним своим приятелем, раздушенным полковым адъютантом. Погода была прекрасная; птицы мирно чирикали; невдалеке от леса мужик пахал землю. Пока секунданты отмеривали расстояние, устанавливали барьер, осматривали и заряжали пистолеты, противники даже не взглянули друг на друга. Кистер с беззаботным видом прохаживался взад и вперед, помахивая сорванною веткою; Авдей стоял неподвижно, скрестя руки и нахмуря брови»*.

Кистер еще полон надежды на счастье. Настроение молодого человека, его внутреннее состояние созвучно природе. Он, как молодой граф во время дуэли у Пушкина, ведет себя беззаботно: *«Кистер с беззаботным видом прохаживался взад и вперед, помахивая сорванною веткою»*. Разворачивающаяся ситуация нервировала его, на это указывает беспокойное хождение взад и вперед. Смерть стала для юноши неожиданностью.

Лучков же, напротив, в момент дуэли спокоен, сосредоточен и внимателен, как палач. То, что свершил Лучков, напоминает кровожадную расправу с тем, кто обещал ему лучшую жизнь, пророчил об идеале и любви и к тому же увел девушку. Однако последствия случившегося не приносят ему удовлетворения: *«Авдей подошел к убитому. На его сумрачном и похудевшем лице выразилось свирепое, ожесточенное сожаление... Он поглядел на адъютанта и на майора, наклонил голову, как виноватый, молча сел на лошадь и поехал шагом прямо на квартиру полковника»*. Лучков распорядился жизнью невинного по человеческим меркам существа. Разыгравшаяся дуэль изначально имела своей целью убийство, однако в том убийстве не было смысла, поскольку Лучкову не требовалось восстанавливать собственную поруганную честь, он мстил обидчику за разрушение надежды жить по-другому. Чувство вины, по всей видимости, чуждо Лучкову.

Наверное, не случайно именно так описана поза Лучкова, ожидающего схватки: «*Авдей стоял неподвижно, скрестя руки и нахмуря брови»*. Деталь – скрещенные руки – ассоциируется с Наполеоном, которому Тургенев явно не симпатизировал. Кроме того, как известно, в русской литературе образ французского императора сопровождается всевозможными негативными коннотациями.

Байронический герой тургеневской повести не выдерживает ни одного из выпавших на его долю испытаний – испытания делом, испытания любовью, испытания смертью. Дуэль – еще одно испытание, испытание на способность совершить поступок. Поступок, совершенный Лучковым, не является проявлением его героизма. Тяга к дуэлям – это возможность вершить чужие судьбы, играть чужими жизнями, вмешиваться в созданный не им миропорядок. Персонаж с подобной жизненной установкой не мог восприниматься положительно. Такому персонажу у Тургенева противостоит другое, казалось бы, эпизодическое лицо в повести – тот самый крестьянин, согласующий собственную волю с правящей миром Волей. Тургенев пишет о нем одним мазком, двумя словами. Однако данная деталь в складывающейся системе этических противовесов оказывается очень значимой. Активный *деятельный* штабс-капитан противопоставлен *неделающему* мужику.

Бретёр, возомнивший себя имеющим власть над простыми смертными сверхчеловеком, на деле оказывается неловким, грубым, недалеким, неделикатным. Постоянно разыгрывать иную роль у него не хватило сил, и он избавился от того, кто знал его истинное лицо. Система ценностей Лучкова не укладывается в общепринятые представления о морали. Такому герою далеко до гордых и свободолюбивых персонажей Байрона, поэтому и фамилию ему присваивает Тургенев с уменьшительным суффиксом.

В 1856 г., когда писатель вновь обращается к своей повести, по всей видимости, он уже осоз-

нанно подходит к вопросу о том, что герои, действующие по модели западного поведения, не востребованы в русской традиции. Именно эту мысль он позаимствовал у Пушкина, написавшего пародию на байроновского романтического героя. Ее же он реализовал в собственном произведении; скопировав отдельные мотивы, представил их в другом ракурсе. Очевидно, в конце 50-х годов русская литература жила потребностью в персонажах другого типа: на смену делающему герою приходит принципиально не-делающий.

Пушкинские образно-смысловые реминисценции сообщают тургеневской повести нравственно-психологическую и философскую глубину, иллюстрируют мысль Тургенева о том, что под спокойной поверхностью жизни скрыта трагедия, о которой человек не задумывается. Этико-художественная преемственность, устанавливаемая в сочинениях двух русских классиков, способствует конструированию парадигмы нравственных качеств, характерных для героя русской литературы.

Примечания

1. *Альми И.Л.* Базаров – «pendant с Пугачевым»: Пушкинская традиция в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Статьи о поэзии и прозе. – Владимир, 1999. – Кн. 2. – С. 3–16; *Бельская А.А.* Пушкинские парадигмы в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Филология. Журналистика». – Воронеж, 2006. – № 2. – С. 42–48; *Гольцер С.В.* Онегинское слово в романе «Отцы и дети» // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – М., 2004. – С. 50–60; *Трофимова Т.Б.* Пушкинские реминисценции в рассказе И.С. Тургенева «Свидание» // Спасский вестник. – 2002. – № 3; *Турьян М.А.* Поэтика и сюжетные мотивы Пушкина в «Дневнике лишнего человека» Тургенева // Sub specie tolerantiae: памяти В.А. Туниманова. – СПб., 2008. – С. 395–406; и др.

2. *Дубовиков А.Н., Дунаева Е.Н.* Комментарии: И.С. Тургенев. Бретёр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rvb.ru/turgenev/02comm/0151.htm (дата обращения: 19.12.2012).

3. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1959.

4. Цитаты из повести А.С. Пушкина приводятся по изданию: РВБ: *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/pushkin (дата обращения: 19.12.2012).

5. Цитаты из повести И.С. Тургенева приводятся по изданию: *Тургенев И.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. – М.: Гослитиздат, 1961 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru (дата обращения: 19.12.2012).

6. *Cox Gary.* Tyrant and victim in Dostoevsky. Slavica Pablishers, Inc. Columbus. – Ohio, 1984 (Кокс Г. Тиран и жертва у Достоевского. – Огайо, 1986).

УДК 82.02

Шитова Вергиния Валентиновна
Московский гуманитарный педагогический институт
verginiyashitova@yandex.ru

ОБРАЗ ФАУСТА В «НАБРОСКАХ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ» А.С. ПУШКИНА

Цель данной статьи – проанализировать образ чернокнижника, показать его целостность, опровергнуть ошибочные суждения об исключительном влиянии на создание пушкинского Фауста трагедии И.В. Гёте.

Ключевые слова: *А.С. Пушкин, чернокнижник, русский Фауст, страдающий эгоист, лишние люди, хандра.*

Образ Фауста всегда представлял огромный интерес для многих поколений литературоведов. Сюжет немецкой легенды о чернокнижнике, заключившем сделку с дьяволом ради обретения высшего знания, трансформировался особым образом в русской литературе. Вслед за этим главный герой видоизменился, приняв на себя доминирующие черты русского поколения XIX столетия, и стал называться «русским Фаустом».

«История российского фаустоведения начинается в 1820-е годы и проходит под знаком Гёте. Это годы, когда по меткому замечанию А. Михайлова, «немецкие литературные влияния достигают России скопом, сразу за полвека, усваиваются недостаточно расчленённо, но при этом как нечто чрезвычайно существенное»» [2, с. 5].

В.М. Жирмунский подробно исследовал влияние немецкого писателя на русскую литературу XIX столетия, в особенности трагедии И.В. Гёте «Фауст», в научном труде «Гёте в русской литературе» (1937). Он отмечает, что русские читатели первой половины XIX века знакомились с творчеством Гёте через переводы его сочинений. Переводы первой и второй частей «Фауста», сделанные Губером, Холодковским, Фетом и др., а также некоторых отрывков из трагедии – Жуковского, Тютчева, Веневитинова – имели большое значение для развития отечественной литературы.

«Следует подчеркнуть, что редко кому в фаустианской традиции удавалось совместить воедино и столь успешно нарративный, аллегорический и эзотерический уровни, как это сделал Пушкин, но эта многогранность в его тайнописи мало исследована» [6, с. 8].

© Шитова В.В., 2012

«Наброски к замыслу о Фаусте» и «Сцена из Фауста» А.С. Пушкина притягивают внимание исследователей своим сходством и в то же время удивительной непохожестью на трагедию Гёте.

«Всё гораздо менее определённо в вопросе о немецких традициях в “Набросках к замыслу о Фаусте”, поскольку речь идёт лишь о черновых набросках Пушкина, сделанных в 1820-х гг., никогда не публиковавшихся при его жизни и получивших в литературоведении условное название “адской поэмы”» [2, с. 8].

Весьма интересной представляется полемика пушкинистов по поводу «Набросков к замыслу о Фаусте». Например, А. Горнфельд, Т. Цявеловская, Д. Благой утверждают, что черновые наброски имеют общий замысел со «Сценой из Фауста» и апеллируют к Гёте.

М.П. Алексеев считает: «В “Фаусте” Гёте нельзя найти никакой аналогии сценам пушкинских набросков – их образам, месту их действия, авторскому стилю или интонациям говорящих. В них всё чуждо гётевскому творению и не может быть истолковано как отзвук трагедии Гёте или как полемика с ним» [1, с. 425–426].

Стоит отметить, что, по мнению М.П. Алексеева, черновые наброски Пушкина, которые изначально назывались «адской поэмой», незаконно переименовались в «Наброски к замыслу о Фаусте».

В.М. Жирмунский в свою очередь говорит: «Фауст в аду не является темой, близкой к замыслу Гёте. Если праздник в аду мог бы иметь точки соприкосновения с Вальпургиевой ночью, то обозрение адских мук скорее напоминало Дантов “Ад”. Во всяком случае, тревоживший воображение Пушкина образ Фауста связан лишь именем и общей сюжетной ситуацией с “Фаустом” Гёте» [3, с. 138].

Г. Глебов и Д. Благой говорят об иностранных источниках, повлиявших на создание черновых набросков: «Глебов возводит замысел к “Трагической истории доктора Фаустуса” Марло, Благой – к роману Клингера “Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад”» [2, с. 8].

Мы в данной работе придерживаемся мнения о том, что на замысел поэта оказала влияние вся совокупность текстов немецкой фаустианы XVI–XIX веков.

«Вот как русский поэт понимает значение Фауста: Фауст стоит совсем особо. Это последнее слово немецкой литературы, это особый мир, как Божественная комедия; это – в изящной форме альфа и омега человеческой мысли со времени христианства» [4, с. 75].

В «Набросках к замыслу о Фаусте» мы встречаемся с пассивным, ленным и скучающим Фаустом, подобным герою в «Сцене из Фауста». Здесь главный герой вызывает Мефистофеля с одной лишь целью – повеселиться, развеяться от тоски:

Все хороши: на все призванья
Готов я с неба пасть.
Довольно одного желанья –
Я, как догадливый холоп,
В ладони по-турецки хлоп,
Присвистни, позвони, и мигом
Явлюсь [5, т. 1, с. 149].

Мефистофель готов прислуживать Фаусту, который заведомо порабощён, хотя Фауст так явно не считает, полагая как раз, что это он имеет власть над чёртом:

Скажи, какие заклинанья
Имеют над тобою власть? [5, т. 1, с. 149].

Нечистой силе весьма кстати подобное заблуждение героя, Мефистофель всячески старается угодить, даже искусственно принизить себя:

Что делать – я служу,
Живу, кряхчу под вечным игом.
Как нянька бедная, хожу
За вами – слушаю, гляжу [5, т. 1, с. 149].

Фауст отправляется в предложенное незамысловатое путешествие с Мефистофелем, сулящее много интересного, необычного и увлекательного:

Вот Коцит, вот Ахерон,
Вот горящий Флегетон.
Доктор Фауст, ну смелее,
Там нам будет веселее. –
– Где же мост? – Какой тут мост,
На вот – сядь ко мне на хвост [5, т. 1, с. 149].

Стоить заметить, что «Наброски к замыслу о Фаусте» представлены в шутливо-игровой форме, поэт как будто жонглировал архетипическим сюжетом, пытаясь представить его в виде карнавального представления.

«Ирреальные зрелища, шоковые впечатления, напряжённые нервы – это всё обеспечивает путешествие в ад, когда через Ахерон надо переплавляться не на лодке Харона, а на хвосте Люцифера» [2, с. 13].

Поэт, развлекая своего героя, потешается сам. Пушкинский Фауст больше походит на низкопробного героя площадных комедий средних веков, чем на мыслящего героя эпохи Реформации, жаждущего познаний.

«Первый и второй наброски к замыслу о Фаусте напоминают четвёртую и пятую главы “Истории о докторе Иоганне Фаусте”, где обсуждаются служебные обязанности беса. В начале пятой главы упоминается колокольчик, которым Фауст может воспользоваться, чтобы позвать Мефистофеля. Первое двустишие второго наброска заимствовано из 13-й главы Народной книги, где речь заходит об аде, а полёт Фауста с помощью Мефистофеля упоминается в 23-й главе» [6, с. 209].

В герое из «Набросков к замыслу о Фаусте» мы можем наблюдать синтез образов Фауста из Народной книги, литературной мистификации «Истории о докторе Иоганне Фаусте» и драмы Г.Э. Лессинга «Доктор Фауст», помимо перечисленных произведений К. Марло, Клингера и Гёте.

Перед нами возникает безжизненный образ Фауста, в котором напрочь отсутствует жажда по-

знания, действия, вообще жажда жизни. Как и в «Сцене из Фауста», здесь также вполне предсказуем финал – смерть героя:

Он жив, да наш давно –
Сегодня ль, завтра ль – всё равно [5, т. 1, с. 149].

Карнавальность «Набросков» доказывает и третий их фрагмент, где Мефистофель забавно играет в карты со Смертью.

«Начало третьего наброска к замыслу о Фаусте перекликается с наброском 1821 г. "В Геенне праздник". Сатана в окружении чертей и присутствие в аду Фауста напоминает фрагмент из драмы Лессинга "Доктор Фауст" (1759 г.). У Гёте посещение чернокнижником ада заменено посещением Вальпургиевой ночи» [6, с. 209].

Посещение героями ада напоминает нам «Божественную комедию» Данте, о схожести этих сцен говорил В.М. Жирмунский.

Фауст, ха-ха-ха,
Посмотри – уха,
Погляди – цари
О вари, вари! [5, т. 1, с. 149].

Но вряд ли можно сказать, что Мефистофель смахивает на Вергилия, скорее на шута, арлекина, разыгрывающего комедию, чтобы повеселить, а позже и оставить навсегда Фауста в этом же самом аду.

Плеяда «лишних людей» русской литературы XIX столетия – Онегин, Печорин, Базаров и др. – напоминает пушкинского Фауста. Перечисленные герои подобно Фаусту эгоистичны, скептичны, холодны, строптивы. Они устали от жизни, которой пресытились.

«Образ немецкого чернокнижника эпохи Реформации был творчески усвоен русской литературой потому, что в силу своей амбивалентности он раскрывает всю лабиринтность жизни и зыбкость человеческого характера, пророчествует о повседневном и грядущем самоопределении художественно осознающего его народа, позволяет раскрыть болевые точки его истории и культуры» [2, с. 71].

После прочтения «Набросков» мысль о неприкаянности и пугающей неопределённости, уготованной душе Фауста, только крепнет. Игривость, лёгкая шутливость произведения лишь усугубляют положение героя, резко контрастируя с его бездействием. Динамичность и живость сюжета подчёркивает статичность Фауста. Именно при таком ярком сопоставлении мы видим героя, тяготящегося жизнью, изнывающего от бездействия, обременённого скукой и тоской. Меланхоличный герой Пушкина, пребывающий в хандре от всезнания, обречён на скитания в аду, куда и направляется, желая хоть там получить новые эмоции.

В критической заметке о Байроне Пушкин сравнивает Манфреда с Фаустом: «…Английские критики оспаривали у лорда Байрона драматический талант; они, кажется, правы. Байрон, столь оригинальный в Чайльд-Гарольде, в Гяуре и Дон-Жуане, делается подражателем, как только вступает на поприще драмы. В Манфреде он подражал Фаусту, заменяя простонародные сцены субботы другими, по его мнению, благороднейшими. Но Фауст есть величайшее создание поэтического духа, служит представителем новейшей поэзии, точно как Илиада служит памятником классической древности» [4, с. 76].

Таким образом, тип Фауста, заимствованный из немецкой литературы, творчески переосмысленный и обработанный, трансформировался в России в так называемого «русского Фауста», наделённого определёнными свойствами и качествами. Новый «Фауст» стал зеркальным отражением той эпохи, в которую его создали, и той страны, в которой он появился. Переняв на себя вольнодумнические настроения времени, осознавший безысходность существования, перешедшую в трагизм личности, Фауст вполне органично вписался в ряд русских «страдающих эгоистов» – «героев времени».

Библиографический список

1. *Алексеев М.П.* К «Сцене из Фауста» Пушкина // М.П. Алексеев. Пушкин и мировая литература. – Л., 1987. – С. 425–426.

2. *Ишимбаева Г.Г.* Страницы русской фаустианы XIX века. – Уфа, 2005. – 73 с.

3. *Жирмунский В.М.* Гёте в русской литературе. – Л., 1937. – 674с.

4. *Мережковский Д.С.* Пушкин. – СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. – С. 75–76.

5. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. – М., 1999. – Т. 1. – С. 149.

6. *Шульц Р.* Отзвуки фаустовской традиции и тайнописи в творчестве Пушкина. – New York, 2005. – С. 207–210.

ИСТОРИЯ

УДК 301

Аристов Станислав Васильевич
кандидат исторических наук
Московский областной гуманитарный институт (г. Подольск)
aristov_stanislav@hotmail.com

БЕСЧЕЛОВЕЧНАЯ МЕДИЦИНА: ПСЕВДОНАУЧНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

В статье рассматривается проблема псевдомедицинских экспериментов в концентрационных лагерях «третьего рейха» – одного из ведущих направлений нацистской политики уничтожения.

Ключевые слова: *концентрационный лагерь, нацизм, «третий рейх», псевдомедицинские эксперименты.*

Идеи о необходимости лишения жизни людей, являющихся якобы «балластом» для общества, стали появляться в медицинской среде Германии еще в период Веймарской республики. Однако на тот момент это были лишь маргинальные представления, резко отвергавшиеся подавляющим большинством представителей немецкой медицины [9, с. 192–195]. С приходом к власти нацистов, ставивших своей целью создать «чистое», с расовых позиций, общество, ситуация кардинально изменилась. Уже в 1939 г. в рамках «акции Т 4» – программы по эвтаназии – началось уничтожение граждан, не подходивших «народному сообществу» с расовой, физической или идеологической точки зрения [7, с. 124–131; 8, с. 92–124].

Непосредственное участие в этой масштабной программе принимали врачи, определявшие – кому жить, а кому погибнуть. В дальнейшем одним из направлений сотрудничества нацистской власти и медицинских служащих стали эксперименты в нацистских концентрационных лагерях. Основной причиной, послужившей толчком к их началу, стала, безусловно, Вторая мировая война. Немецкой армии были необходимы ответы на целый ряд узкоспециальных вопросов, касавшихся нужд ее солдат.

Хотя официальное заявление о возможности проведения экспериментов на заключенных концентрационных лагерей, если они идут «на благо государства» [14, s. 105], А. Гитлер сделал в мае 1942 г., первые опыты были осуществлены в Дахау под руководством Зигмунда Рашера уже в 1941 г. Одна часть его экспериментов касалась диагностики рака, для чего у заключенных брали кровь на различные виды анализов. Вторая же группа опытов имела своей целью выяснение реакции человеческого организма на декомпрессию и гипоксию на больших высотах. Результаты должны были помочь спасению пилотов люфтваффе, самолеты которых сбивались союзниками. В своем письме от 15 мая 1941 г. Рашер обращался к Гиммлеру: «…Подобные эксперименты очень опасны, и никто не хочет быть добровольцем. Поэтому я задаю серьезный вопрос: имеется ли возможность использовать двух-трех преступников для этих опытов?» [14, s. 93]. После разрешения рейхсфюрера СС и предварительной подготовки запланированные опыты были проведены на 180–200 заключенных 19, p. 101]. Узников оставляли без воздуха, помещали в камеру с высоким давлением, топили в воде. В результате погибло от 70 до 80 человек [19, p. 101]. Г. Гиммлер признал результаты экспериментов Рашера успешными и поручил ему летом 1942 г. заняться новым вопросом – определением надежного способа спасения пилотов, сбитых над Северным морем [19, p. 199]. Смертность от подобных «исследований», продолжавшихся до начала 1943 г., составила минимум 15 заключенных [19, p. 200]. Итоги экспериментов З. Рашер представил на научной конференции в Нюрнберге, не вызвав, однако, ни одного критического замечания ни с научной, ни с моральной точки зрения со стороны своих коллег по цеху.

Представители нацистской авиации являлись инициаторами еще одной серии псевдонаучных экспериментов в Дахау в 1944 г. Целью «исследований» было установление возможности использовать для питья морскую воду с применением вещества, которое нейтрализовало бы вкус соли, при этом не делая ее пресной [19, p. 419]. Специально отобранных узников, преимущественно цыган, держали на принудительной диете из морской воды. Причинявшиеся людям мучения привели к сумасшествию некоторых из них и даже гибели.

В женском концентрационном лагере Равенсбрюк под руководством Карла Гебхарда нацистами изучались возможности сульфаниламидов при лечении сепсиса и перитонита, возникавших из-за ранений. Непосредственным поводом к началу подобных операций стала смерть от гангрены Р. Гейдриха. В итоге личный врач Гиммлера К. Гебхард осуществил от 79 до 86 операций, преимущественно на польках, имитируя различные виды ран [4, с. 67; 6, л.9]. Пять узниц погибли от заражения, шестеро были расстреляны – как нежелательные свидетели произошедшего [11, p. 466]. По результатам исследований Карл Гебхардт был награжден нацистским орденом [6, л. 11; 2, с. 74–76].

© Аристов С.В., 2012

Нападение на Советский Союз в 1941 г. привело к росту числа различных заболеваний на Восточном фронте, не последнее место в череде которых занимал тиф. Создание эффективной вакцины против этого инфекционного заболевания стало поводом к началу новых экспериментов на узниках. Апробацию разработанного лекарства по решению руководящих медицинских учреждений «третьего рейха» решено было проводить в концентрационном лагере Бухенвальд [20, p. 509]. Эксперимент был повторен несколько раз с применением различных вариантов вакцины. Свыше 100 заключенных погибло [19, p. 511].

В том же Бухенвальде с 19 по 25 ноября 1943 г. испытывали мази для лечения ожогов, специально наносившихся заключенным, от фосфорных бомб [19, p. 640]. Применявшееся средство не помогло, и некоторые из узников скончались. К гибели заключенных вели и эксперименты с применением отравляющих веществ – иприта и фосгена, осуществлявшиеся в Заксенхаузене, Нацвейлере, Нейенгамме в 1943–1944 г. [8, с. 655].

Особенно печальную известность приобрели опыты, проводившиеся врачом Аушвица – Йозефом Менгеле. Не являясь в начале своей научной карьеры убежденным сторонником расовых идей, Менгеле, под влиянием политической обстановки в стране и своего учителя Отмара фон Фершуера, пришел к выводу, что опыты на людях возможны, тем более, если они необходимы для развития науки [16, p. 7; 12, p. 46; 17, s. 224–226]. Готовя материал для докторской диссертации, он приступил в Аушвице к изучению наследственности, проводя опыты на близнецах, прибывавших в лагерь. Как вспоминал один из бывших заключенных, подвергнувшийся экспериментам Й. Менгеле, «он был для близнецов как отец или мать. При этом он являлся убийцей» [13, p. 356; 15]. Нацистский режим рассматривал подобные «исследования» как весьма перспективные. Руководители «третьего рейха» надеялись получить возможность влиять на уровень рождаемости, увеличивая количество так называемых «расово полноценных» детей.

Начиная с 1941 г. и до конца Второй мировой войны нацистскими врачами осуществлялись эксперименты по стерилизации узников. Их главной целью была выработка метода наиболее быстрого, дешевого и массового способа для осуществления своей расовой политики на оккупированных территориях. В показаниях на послевоенном судебном трибунале личный врач Гитлера Карл Брандт отмечал: «Гиммлер был очень заинтересован в развитии метода дешевой, массовой стерилизации, который бы мог использоваться против врагов Германии, таких как русские, поляки и евреи» [10, p. 85]. Применявшиеся для этого методы были разнообразными – от рентгена до различных медицинских препаратов. Так, в Равенсбрюке подобные операции проводились К. Клаубергом и Х. Шуманом в начале 1945 г. В течение 1945 г. в Равенсбрюке было стерилизовано от 70 до 140 узниц [5, л. 8]. В основной массе операциям подвергались цыганки. Женщинам приходилось писать заявление о добровольности своего согласия на стерилизацию, которая, по обещаниям врачей, могла обеспечить освобождение из лагеря. Тем не менее и после операции узницы свободы не получали [4, с. 70.

В материалах, опубликованных к судебному процессу в Нюрнберге и касавшихся преступлений врачей, выделялось как минимум 15 видов медицинских экспериментов, проводившихся в концентрационных лагерях [20, p. V]. Врачи, участвовавшие в подобных преступлениях против человечества, предстали перед судом. Часть из них была приговорена к смертной казни, другие получили различные сроки заключения, третьи ушли от ответственности. Как отмечала Х. Арендт (этот же тезис развил и немецкий социолог В. Софски), концентрационный лагерь был лабораторией, в которой человеку демонстрировалась «абсолютная власть» над ним [1, с. 568–569; 18]. Подтверждением данного тезиса была деятельность немецких врачей, использовавших заключенных как «объекты исследований», жалость и сочувствие к которым были невозможны по определению. Их деятельность в концентрационных лагерях имела, безусловно, различные основания – от страха перед властью до фанатичной реализации своих амбиций. Рациональность, основанная лишь на одних научных интересах и стремлениях, оказалась чужда морали [3, с.162–171]. Понятия «врачебная этика», «клятва Гиппократа» не имели никакого значения в концентрационных лагерях, где врачей интересовала лишь эффективность на благо «третьего рейха». Медицина, которая должна была служить человеку, стала частью репрессивного аппарата, и подобный процесс был характерен для всех диктаторских режимов XX века.

Библиографический список

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.

2. *Аристов С.В.* Нацистский женский концентрационный лагерь Равенсбрюк (1939–1945 гг.): стратегии выживания узниц: Дис. … канд. ист. наук / Курский государственный университет. – Курск, 2010. – 220 с.

3. *Гаспарян Д.Э.* Введение в неклассическую философию. – М.: РОССПЭН, 2011. – 398 с.

4. Женщины Равенсбрюка / под ред. Э. Бухман. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 140 с.

5. Копия акта от 9 мая 1945 г. // ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 12а. Л. 8.

6. «Учебные» пробы на заключенных в концлагере Равенсбрюк // ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 12а. Л. 9.

7. *Фрай Н.* Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. – М.: РОССПЭН, ГИИМ, 2009. – 255 с.

8. *Эванс Р.* Третий рейх. Дни войны. 1939–1945. – Екатеринбург: У-Фактория, 2011. – 942 с.

9. *Эванс Р.* Третий рейх. Зарождение империи. 1920–1933. – Екатеринбург: У-Фактория, 2010. – 640 с.

10. *Boozer J.* Children of Hippocrates: Doctors in Nazi Germany // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1980. – Vol. 450. – P. 85.

11. *Kiederzynska W.* Ravensbrück kobiecy oboz koncentracyjny. – Ksiazka i Wiedza, 1965. – 480 p.

12. *Lagnado L., Dekel S.* Children of the Flames: Dr. Josef Mengele and the Story of the Twins of Auschwitz. – New York: William Morrow and Company, 1991. – 350 p.

13. *Lifton R.J.* The Nazi Doctors. Medical Killing and the Psychology of Genocide. – Basic Books. – 1986. – 545 p.

14. *Martin D.* Menschenversuche im Krankenrevier des KZ Ravensbrück // Hrsg. Füllberg-Stolberg C. Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen, Ravensbruck. – Bremen: Ed. Temmen, 1994. – S. 99–122.

15. *Nyiszli M.* Auschwitz: A Doctor's Eyewitness Account. – New York: Arcade Publishing, 1993. – 200 p.

16. *Posner G., Wave J.* Mengele: The Complite Story. – New York: Mc Graw-Will Book Company, 1986. – 350 p.

17. *Seidelman W.* Mengele Medicus: Medicine's Nazi Heritage // The Milbank Quarterly. – 1988. – Vol. 66. – № 2. – P. 221–239.

18. *Sofsky W.* Die Ordnung des Terrors das: Das Konzentrationslager. – Frankfurt/M.: Fischer Verlag, 2008. – 390 s.

19. Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under control Council Law No. 10. The Medical Case. Vol.1 – Nuernberg, October 1946 – April 1949. – P. 101.

УДК 947

Волков Дмитрий Александрович
кандидат исторических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
n.margolina@mail.ru

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 20-Х ГГ. XX ВЕКА: ВЛАСТЬ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ИЛИ... ВЛАСТЬ ОТ ИХ ИМЕНИ (на материалах губерний Верхнего Поволжья)

В статье показан противоречивый опыт формирования партийно-советских органов власти Верхнего Поволжья в середине нэпа.

Ключевые слова: *нэп, Верхнее Поволжье, партийно-советские кадры, выдвижение.*

По мнению известного историка, крупного специалиста по проблемам нэпа Е. Гимпельсона, в середине 1920-х годов на практике превалировали прежние подходы и стереотипы в подборе руководящих кадров. Партия не сумела их преодолеть, что также сказалось на непоследовательности реформ. «Она не только не отказалась от присвоенного ею после прихода к власти права решать все кадровые вопросы, – считает Е. Гимпельсон, – но даже усиливала свою роль в этом, причем в собственных интересах»[1]. Думается, что это мнение только отчасти верное и характерно больше для политики, проводившейся в центре. В провинции же активно осуществлялось то, что итальянский историк Дж. Боффа назвал «великим выдвижением»[2]. В это время принимается большое количество постановлений, резолюций, инструкций, регламентирующих практику выдвижения. Состоявшееся 11–18 мая 1925 г. совещание заведующих отделами парткомов при ЦК РКП (б) приняло резолюцию «О выдвижении и вовлечении в государственную, хозяйственную и общественную работу партийных и беспартийных рабочих и крестьян», в которой было предложено выдвигать в каждой губернии рабочих от станка и крестьян от сохи в общие и земельные отделы, в отделы просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, финотделы, в РКИ, в кооперативные органы, в органы сельскохозяйственного кредита, в состав исполкомов и их президиумов. В том же году во все губкомы был разослан циркуляр ЦК «О выдвижении и вовлечении в практическую работу вновь вступивших в партию рабочих», в котором окончательно вся инициатива и ответственность за подбор кадров выдвиженцев возлагалась на первичные ячейки. В марте 1925 г. вышло циркулярное указание ЦК о вовлечении работниц и крестьянок в руководящие советские органы. Важная инструкция была принята 22 октября 1925 г. Наркоматом труда РСФСР – «Об определении социального положения членов РКП (б) и кандидатов в члены». Она в какой-то мере способствовала разъяснению постоянно возникающих недоразумений с определением социального положения»[3]. При его определении за основу бралась основная профессия, которая в течение длительного времени являлась главным источником средств существования[4].

 © Волков Д.А., 2012

На это изобилие различного рода документации из центра срезу же прореагировали губкомы. Причем часто они осуществляли эту работу таким же бюрократическими методами, как и центр. Например, только с апреля по декабрь 1924 г. Иваново-Вознесенский губком получил 41 циркуляр из ЦК по вопросам принятия в партию рабочих от станка и крестьян от сохи и их выдвижения на более ответственные должности в партийно-советские органы власти. В свою очередь, губком за этот же срок 37 директив по этим же проблемам спустил укомам и райкомам[5].

В Ярославле была проведена 18 губпартконференция, которая решила «уделить максимум внимания выдвижению нового кадра работников от станка»[6]. Предполагалось вести с ними подготовительную работу, прикрепляя их в порядке партзадания к партийным, хозяйственным, профсоюзным, советским, кооперативным и другим органам. Костромской губком, основываясь на центральных директивах, составил анкету по выдвижению, которую разослал во все укомы. Кроме этого, Костромской губком разработал тезисы о нормах и методах выдвижения партийных и беспартийных рабочих и крестьян, инструкцию по учету и выдвижению по ведомственной периферии членов РКП и беспартийных и систему изучения выдвинутых товарищей[7]. Ярославский губком разработал план на шестимесячный период по выдвижению и требовал от всех укомов предоставления соответствующих планов[8]. При Иваново-Вознесенском губкоме были созданы курсы для подготовки выдвиженцев на ответственные советско-партийные должности и курсы ответственных работников[9].

Все эти мероприятия призваны были улучшить работу советско-партийных организаций, усилить их связь с массами и возможность пополнения новыми работниками. Особенно осторожно предполагалось подходить к выдвижению беспартийных. Предварительно необходимо было выявить их «политическую физиономию» и решить, «не наблюдались ли случаи обхода распоряжений советской власти, не проводят ли они политику враждебных партий»[10].

Однако отличительной чертой выдвиженчества в 1924–1925 гг. было активное выдвижение крестьян, особенно от сохи, и партийцев ленинского призыва.

Выдвижение крестьян было одной из форм развернувшейся в тот период компании под лозунгом «Лицом к деревне» с целью «окрестьянивания советского аппарата». Кроме того, власти в центре и на местах опасались оживления антисоветских, частнособственнических элементов. Крестьяне от сохи, а точнее бедняки, должны были, по мысли советско-партийных органов, блокировать активность зажиточного крестьянства.

Пленум ЦК РКП (б), проходивший в декабре 1924 г., поставил перед губкомами задачу пополнения центральных органов, наиболее близких по своей работе с деревней (Наркомзем, Наркомсоцобеспечения, НКРКИ, Наркомпрос и др.), низовыми работниками – как партийными, так, главным образом, и беспартийными из крестьян. Была разработана специальная анкета крестьянина-выдвиженца[12]. На совещании ЦК заворготделами губкомов был определен примерный круг работ, на которые могли быть посланы крестьяне-выдвиженцы: в общие отделы, в состав исполкомов и его президиумы, в органы просвещения, здравоохранения, соцобеспечения и т.д.[13].

Крестьянам иногда действительно удавалось достигнуть высоких должностей, как, например, Н.С. Коняеву – крестьянину деревни Спирино Галичского уезда Костромской губернии. Он окончил сельскую школу. В годы Гражданской войны находился в рядах Красной Армии. После войны возвратился в деревню и стал работать в сельском хозяйстве. В начале 1923 г. был избран председателем сельсовета, а через год председателем райсовета. В 1924 г. Костромским губкомом был выдвинут на работу в Наркомат внутренних дед на должность зам. начальника отдела милиции республики[14].

В Костромской губернии прошло тогда более 300 районных конференций, охвативших 45 тыс. крестьян. Они помогли губернским партийным органам в апреле-ноябре 1925 г. выдвинуть на волостную уездную и губернскую работу около 300 беспартийных крестьян. Некоторые из них были избраны членами губисполкома, стали руководить его отделами[15]. Костромской губком требовал, чтобы и на губпартконференцию попало как можно больше крестьян от сохи – с целью дальнейшего их выдвижения на ответственную советскую работу[16].

В Иваново-Вознесенской губернии только в одних уездных органах и учреждениях постоянно работало на 1 июля 1925 г. 336 крестьян. Они занимали должности председателей уисполкомов, народных судей, военкомов и т.д.[17]. Правда, случались недоразумения. Например, в перечень должностей, на которые были выдвинуты крестьяне с низших должностей, попали уборщицы и сторожа[18].

Показательным, на наш взгляд, были выборы в волостные исполнительные комитеты, прошедшие в 1923 и 1924 гг. Внимание укомов на этих выборах было направлено на то, чтобы усилить влияние партийных ячеек в руководстве советскими органами деревни. Партийные ячейки заблаговременно до перевыборов начали вести работу по выявлению работоспособных и преданных Советской власти (читай – «лояльных» власти. – *Д.В.*). Через волисполкомы созывались регулярные расширенные пленумы с сельсоветами. Проводилась практика прикрепления членов ВИКов и активных партработников к сельсоветам. Даже сами парторганизации в своих отчетах отмечали «перегибы в сто-

рону захвата партийными органами советских функций».

А какова была роль и значимость этих советских органов власти среди крестьян? Как показали проверки сельсоветов в Ярославской, Иваново-Вознесенской и Костромской губерниях, они среди крестьян авторитетом не пользовались. Это объяснялось следующими причинами:

1. Сельсовет – это объект обложения и выжиматель налогов.

2. Как орган, знающий жизнь, нездоровые явления в ней и применяющий меры для борьбы с ними.

3. Как орган местной власти, призывающий к порядку, а иногда и административно действующий в ряде конкретных вопросов. В общем, крестьяне видят в сельсоветах не крестьянскую власть, а организацию, знающую всю подноготную и могущую эти знания использовать против крестьян.

4. Пьянство членов сельсовета и желание больше заниматься своими делами, чем крестьянскими[19].

Ярославский губком сообщал в ЦК в 1924 г., что пьянство повсеместно, в том числе в сельсоветах и других советско-партийных органах, приняло такой оборот, который прямо грозил разложением всех советско-партийных организаций. Оно стало таким обыденным явлением, что были в своем роде «замечательные явления». Один член партии умудрился делать на собрании доклад по партэтике в пьяном виде. Партийцы и «ответственники» часто пили открыто самогон, потом ехали в деревню делать доклад о вреде самогона. Крестьяне спрашивали: «Чему верить: словам или делам?» Однако сами крестьяне к пьянству со стороны ответственных советско-партийных чиновников часто относились снисходительно. «Кто теперь не пьет? Все пьют», – говорили они, мотивы «отвода за пьянку» считали неосновательными и, как правило, не принимали их во внимание[20].

На сходах крестьян все чаще можно было слышать, что недолго коммунистам царствовать, ибо беспартийные не только постепенно вытесняют партийцев из низового аппарата, но и в центральных органах власти так же много беспартийных[21]. В Октябрьской волости Ярославской губернии собранию крестьян был предложен список от партийной ячейки, но его не утвердили. Крестьяне мотивировали это следующим образом: коммунисты «мало уделяют им внимания, мало говорят с ними, устраивают собрания и спектакли, приезжают уже “веселыми”, а потому мы им не доверяем». В Пролетарской волости было то же самое, поэтому выбрали только беспартийных[22].

Однако установка состояла в том, чтобы большая часть новых коммунистов вербовалась из рабочих. Ленинский призыв дал увеличение РКП (б) на 240 тыс. рабочих[23]. И если в крупных промышленных городах к подбору кандидатов в партию относились достаточно ответственно[24], то этого нельзя сказать по отношению к губерниям, отдаленным от центра. Здесь для ленинского призыва значительно были облегчены правила приема, что выразилось в сокращении количества рекомендаций, стажа рекомендуемых и срока пребывания в кандидатах. Масса новых коммунистов набора 1924–1925 гг. получила возможность производить саму себя. Так, на заседании Рыбинского района 15 января 1924 г. было решено: «В целях облегчения возможности перевода рабочих от станка из кандидатов в члены партии сократить кандидатский стаж до 6 месяцев»[25]. Рост численности ярославской парторганизации за полгода составил 11%. На самом деле новых партийцев было больше, так как райкомы и укомы активно принимали ленинцев в партию, губком, чисто по техническим причинам, просто не успевал утверждать эти приемы. Из числа вступивших 59,5% составляли рабочие, из которых 43,7% – от станка, крестьян – 19,72%, от сохи – 9%[26]. Рабочие интенсивно выдвигались на руководящую работу. Сначала они становились секретарями цеховых ячеек. Например, на «Красном перекопе» из 9 секретарей цеховых ячеек 7 были рабочими выдвиженцами. Дальнейшая их судьба складывалась по-разному. Некоторые продвигались по производственной линии, становясь именно там руководящими работниками. Большинство же продолжало карьеру на партийно-советской работе. Это укладывалось в генеральную линию большевистского руководства. XV партконференция и XIII съезд РКП (б) приняли решение выдвигать новых партийцев, особенно из рабочих, на ответственные посты. При этом указывалось, что не следует откладывать на неопределенное будущее их участие в практической государственной работе, недостаточная подготовленность, в частности, не должна была служить препятствием к такого рода выдвижению[27].

В целом вовлечение коммунистов ленинского призыва в практическую работу приняло огромный размах, достигая во многих организациях 70–90%. Весной 1925 г. вовлечение кандидатов ленинского призыва в различную работу шло преимущественно внутри предприятий. Они работали цеховыми организаторами, членами бюро и секретарями ячеек, организаторами работы среди женщин, руководителями стенных газет, членами фабзавкомов. Данные как по группам, так и по отдельным губерниям показывают, что к началу 1925 г. наибольшее количество молодых коммунистов принимало участие в профсоюзной работе, на втором месте по числу занятых была партийная, на третьем – советская и на четвертом месте – кооперативная работа[28].

Конечно, ленинский призыв, как пишет Э. Карр, явился шагом в сторону большей демократии и как признание права рабочих на руководящую роль в партии[29]. Новая экономическая политика коренным образом изменила практику выдвижения по

сравнению с первыми годами Советской власти: она стала массовым явлением. Большое количество рабочих и крестьян в губерниях Верхнего Поволжья было выдвинуто на ответственные посты. Правящая большевистская партия всячески стремилась поднять качественный уровень выдвиженцев. С этой целью создавалось множество краткосрочных курсов для подготовки ответственных работников, центральными и местными партийными органами разрабатывались различные анкеты выдвиженцев, составлялись планы по выдвижении, и т.д. Лидеры РКП (б) на съездах и конференциях большое внимание уделяли этим вопросам. Политикой выдвиженчества большевики предполагали бороться с разрастающимся бюрократизмом, использовать выдвижение в целях как поощрения, так и наказания.

Правда, очень часто эти благие намерения не приводили к нужным результатам. На практике местные советско-партийные органы изучаемых губерний подходили к выдвижению как к очередной ударной кампании. Жестко детерминированная система связей, когда сверху спускались указания, циркуляры, распоряжения, приказы, а нижестоящие органы должны были только подчиняться, не способствовала выявлению инициативных и знающих работников. Массовое выдвижение рабочих и крестьян без соответствующей подготовки и обучения привело к резкому снижению культурно-образовательного уровня ответственных работников и дальнейшему укреплению тоталитарной системы. Кроме того, выдвиженцы не всегда выдерживали бремя власти. Быстро стала развиваться система привилегий, деление на «низы» и «верха». Нэп, при сохранении монополии РКП (б) на власть, только способствовала укреплению этих явлений.

Примечания

[1] *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917–1923. – М., 1995. – С. 323.

[2] *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т. 1. – С. 242.

[3] ЦДНИКО. Ф. 679. Оп. 5. Д. 1. Л. 37, 100; ГАИО. Ф. П. 2. Оп. 3. Д. 816. Л. 33.

[4] Вот выдержка из статьи, напечатанной в журнале «Известия Костромского губкома ВКП (б)»: «Необходимо установить происшедшие изменения в социальном положении за время революции, т.к. нам не безынтересно, что некоторые бывшие рабочие стали, если не интеллигентами, то чем-то вроде интеллигентов и, возможно, требуют отнесения их к какой-то особой категории. Для ясности последнего возьмем пример. Член РКП (б), находящийся до революции у станка и попавший затем на ответственную (советскую, хозяйственную, партийную) работу в продолжении 5-ти лет потерял всякую связь с рабочими. Кроме того, находясь в постоянном “спецовском окружении” и довольный буржуазной обстановкой у себя дома, он вырабатывает у себя постепенно далеко не пролетарские наклонности и привычки. Как его считать? Рабочим иди бывшим рабочим? или уже что-то новое?» (Известия Костромского губкома ВКП(б). – 1923. – №2 . – С. 11).

[5] ЦДНИКО. Ф. 679. Оп. 5. Д. 36. Л. 73.

[6] ГАЯО. Ф. Р. 829. Оп. 1. Д. 25. Л. 34.

[7] Резолюции XVIII Яргубпартконференции // Под ленинским знаменем. – 1925. – № 5. – С. 94.

[8] ЦДНИКО. Ф. 679. Оп. 4. Д. 15. Л. 14.

[9] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 176. Л. 54.

[10] ГАИО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 59. Л. 1.

[11] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 243. Л. 115.

[12] См.: Рабочий край. – 1925. – 30 августа.

[13] См.: *Митрофанов А.Х.* Выдвижение рабочих и крестьян. – М., 1926. – С. 34.

[14] *Миловидов В.Л.* Выдвижение рабочих и крестьян на партийно-советскую работу – важный путь формирования кадров (1918–1925 гг.) // Сб. науч. тр. Ярославского (головного) и Костромского гос. пед. инс-тов. – Вып. 32. – Общественные науки. – Ярославль, 1972. – С. 13.

[15] ЦДНИКО. Ф. 679. Оп. 5. Д. 17. Л. 52.

[16] Красный мир. – 1925. – 12 ноября.

[17] Известия Иваново-Вознесенского губкома. – 1925. – № 3. – С. 34.

[18] Известия Иваново-Вознесенского губкома. – 1925. – № 3. – С. 35.

[19] *Дегтев С.И.* Крестьянство и формирование низовых властных структур деревни в 20-е гг. // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – М., 1993. – С. 23; ГАИО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 24. Л. 23; ГАЯО. Ф. Р. 829. Оп. 1. Д. 356. Л. 67; Красный мир. – 1924. – 12 октября.

[20] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 247. Л. 120.

[21] *Филимонов В.* Власть городская, власть деревенская // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. – М., 1993; ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 154. Л. 12; ГАИО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 189. Л. 4.

[22] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 137. Л. 96.

[23] См.: Тринадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. – М., 1963. – С. 529.

[24] См.: *Миловидов В.Л.* Ленинский призыв в РКП (б) и его роль в формировании партийно-советских кадров (1924–1925 гг.). – Кострома, 1971. – С. 8–9.

[25] ГАЯО. Ф. Р. 829. Оп. 1. Д. 165. Л. 35.

[26] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 351. Л. 76.

[27] Партия в цифровом освещении. Материалы к статистике личного состава партии. – М., 1925. – С. 29.

[28] См.: *Миловидов В.Л.* Ленинский призыв в РКП (б) и его роль в формировании партийно-советских кадров (1924–1925 гг.). – Кострома, 1971. – С. 13; Ленинский призыв РКП (б). – С. 81.

[29] См.: *Карр Э.* Русская революция от Ленина до Сталина. – С. 78.

УДК 62

Ермушин Максим Валерьевич
кандидат исторических наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
ermuschin@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАРИФНАЯ ПОЛИТИКА ОПЛАТЫ ИНЖЕНЕРНОГО ТРУДА В СССР В 1920-Е ГГ.

В статье рассматривается процесс формирования тарифной политики государства в области заработной платы инженерно-технических кадров в условиях многоукладной экономики 1920-х гг.

Ключевые слова: *инженерно-техническая кадры, тарифная система, оплата труда.*

Формирование тарифной системы оплаты труда в 1920-е гг. – актуальный вопрос при определении материального положения инженерно-технических кадров в рассматриваемый период. В исторической литературе можно встретить противоречивые оценки проводимой государством тарифной политики. В советской историографии этот аспект рассматривался в контексте мероприятий советской власти по вовлечению «буржуазных» специалистов в сферу новых общественных отношений. Декларировалась всесторонняя забота коммунистической партии о материальном благосостоянии инженеров [1, с. 31].

В 90-е годы XX века – начале XXI века к этой проблеме обращались Л.И. Пыстина, Л.В. Борисова, А.А. Ильюхов, Т.Г. Чебоксарова, и др. [2]. Ими выяснено, что число специалистов, получавших заработную плату по высоким тарифным ставкам, было незначительным. А разрыв между верхним и нижним уровнем зарплаты ИТР существенным. Отмечена неодинаковая величина заработка при замещении одноименных должностей, наблюдавшаяся в разных регионах, отраслях, управленческих структурах и на производстве. Заработная плата специалистов зависела от экономического состояния конкретной отрасли, ведомственной принадлежности предприятия.

Исследователи обратили внимание на то, что в политике государства в области заработной платы в 1920-е гг. доминировали две тенденции. Первая была вызвана необходимостью стимулирования труда с целью повышения производительности и удовлетворения социальных ожиданий трудящихся в улучшении материального благосостояния. Вторая – уравнительность и экономия фонда заработной платы. Противоречия приводили к многочисленным социальным конфликтам и отразились в тарифной политике государства по оплате труда инженеров.

В 1921 г. в связи с отказом государства от политики унификации и уравнительности в заработной плате, а также с курсом на привлечение специалистов к хозяйственному строительству происходят изменения в системе оплаты труда инженеров. Задачей государства было поднятие заработной платы до прожиточного минимума. Для этого надо было увеличить реальную заработную плату, установить зависимость величины зарплаты от квалификации.

В сентябре 1921 г. начался переход на 17-разрядную тарифную сетку. Она заменила 35-разрядную сетку, действовавшую в годы Гражданской войны. Высший административно-технический персонал оплачивался по 14–17 разряду, средний – по 10–13, низший – 7–12, рабочие – с 1 по 9 разряд. Ставка 9 разряда в 2,5 раза превышала ставку 1 разряда [3, с. 12]. Ставка высококвалифицированных специалистов от 3 до 5 раз превышала ставку 1 разряда. В сентябре 1922 г. соотношение оплаты труда рабочих 1 разряда и специалистов высшей квалификации составляло 1 к 5,2. При переходе к 17-разрядной тарифной сетке возникли трудности при тарификации технического персонала. Нормы, установленные сеткой, не создавали градации в заработках отдельных квалификаций и низко расценивали труд специалистов 9–12 разряда. Помимо этого, в тарифной сетке учитывалось только занимаемое инженером административное положение, при этом не брались в расчет ни стаж, ни образование.

Несмотря на недостатки новой тарифной сетки, зарплата инженеров выросла. Это вызвало недовольство рабочих. И в конце 1922 г. правительство пошло на снижение разницы в оплате труда для специалистов и рабочих, которая для высококвалифицированных специалистов составила 1 к 2,5. Кроме того, в конце 1922 г. для ограничения роста заработной платы ИТР вводится госмаксимум. Председатель ВЦСПС М. Томский на I Всероссийском съезде инженеров (16–18 декабря 1922 г.) объяснил его введение тяжелым положением в стране и разрывом между заработной платой рабочих и ИТР. Последнее, по его мнению, являлось условием для распространения антиспецовских настроений среди рабочих [4, Л. 58–59]. В августе 1922 г. СНК ограничил госмаксимум 600 тыс. руб., в ноябре – 1 млр. руб. [4, Л. 13]. Он устанавливался в госзнаках, что в условиях гиперинфляции существенно снижало значение надбавки. ВМБИТ при одобрении ВЦСПС предложило перевести госмаксимум в товарные рубли, но Народный комиссариат труда (НКТ) не поддержал данную инициативу [4, Л. 13], поскольку это означало существенное увеличение расходов из фонда заработной платы.

© Ермушин М.В., 2012

Таблица 1

	По союзу металлистов		По союзу строителей	
	минимальная	**максимальная**	**минимальная**	**максимальная**
Инженеры	49 руб.	600 руб.	35 руб.	450 руб.
Техники	47 руб.	350 руб.	20 руб.	280 руб.
Практики	52 руб.	360 руб.	28 руб.	180 руб.

Уменьшение соотношений между 1 и 17 разрядами тарифной сетки привело к снижению оплаты труда инженерно-технических работников. Инженерно-технические секции неоднократно просили правительство увеличить соотношение. По их мнению, справедливым считалось бы соотношение, лежащее в плоскости от 1:4 для 9 разряда и 1:9 для 15 разряда. Особо ценные специалисты 16 разряда, по мнению ИТС, должны были тарифицироваться по договоренности между работником и работодателем. При исчислении ставки 1 разряда предлагалось учитывать заработную плату рабочих конкретного предприятия [5, Л. 1]. Признавалось целесообразным, чтобы низшая ставка инженерно-технического работника была на 10–20% выше фактического заработка рабочего высшей квалификации.

В 1925 г. межсекционные бюро провели опрос с целью выяснить удовлетворенность инженерно-технических работников оплатой своего труда. В результате установлено, что в Москве своим доходом удовлетворены 11% инженеров и по Уралу – 33%, во всех остальных регионах был получен отрицательный результат [6, Л. 15].

Для характеристики величины оплаты труда инженерно-технических работников в 1925 г. по тарифной сетке можно привести следующие данные (см. табл. 1) [6, Л. 16].

Как видно из таблицы 1, минимальный заработок ИТР был низким. Руководители предприятий старались удержать инженеров. Для этого им приходилось идти на различного рода ухищрения: оплачивать несуществующие командировки, сверхурочные работы, вписывать особые условия работы в индивидуальные договоры, идти на нарушение финансовой дисциплины и пр. В результате нарком труда СССР В. Шмидт констатировал, что зарплата инженера в середине 20-х гг. определялась не столько тарифной сеткой, сколько индивидуальным договором. «…С инженерами заключают индивидуальный договор, потому что его ставка в сетку не укладывается. Он заключает договор с хозяйственником, и в результате мы не знаем, как он оплачивается, каковы его условия» [7, с. 14].

Таким образом, к середине 20-х гг. назрела необходимость реформирования тарифной сетки, поскольку она не отражала ни специфики труда инженера, ни особенности деятельности предприятия, в ней отсутствовали условия для стимулирования профессионального роста и пр.

Толчком к этому послужило постановление ЦК РКП (б) «О работе специалистов», принятое в сентябре 1925 г. В нем акцентировалось внимание на принятии мер по улучшению условий работы специалистов [8, с. 496]. Вслед за этим 23 сентября 1925 г. состоялось совещание при отделе тарифов и экономики ВЦСПС, на котором принято решение о создании особой тарифной сетки для специалистов [9, Л. 1]. В ходе обсуждения этого вопроса выявилось два подхода. Первый заключался в том, что для каждой отрасли промышленности должна быть установлена своя сетка. Второй – что для всех отраслей она должна быть одна. В итоге в основу решения был положен первый подход. Сетка состояла из 16 разрядов, и устанавливался ряд принципов:

– разница в соотношении 1 разряда к 16 определялась как 1:4;

– заработок инженера и техника не должен быть ниже заработка рабочего, находящегося в его подчинении;

– ставка 1 разряда инженерной тарифной сетки определялась для каждого предприятия отдельно с учетом его особенностей и с тем, чтобы она на 10–15% была выше среднего фактического заработка квалифицированного рабочего на данном предприятии;

– сетка охватывала всех инженеров и техников, за исключением высшего административного персонала, оклады которого устанавливал СТО.

Вслед за этим вопрос о введении особой тарифной сетки для инженерно-технических работников обсуждался на заседаниях Губернских межсекционных бюро (ГМБИТ). Признав введение особой сетки необходимой, ГМБИТ высказались за увеличение соотношения между 1 и 16 разрядами до 5. В противном случае это могло привести к снижению заработной платы инженерно-технических кадров. Так, в Нижегородской губернии высший оклад инженера, занятого на текстильном предприятии, был 420 р. После введения инженерной сетки он бы стал равен 276 р. [10, Л. 286]. Помимо этого, с мест поступали предложения, чтобы 1 разряд устанавливался выше среднего заработка рабочего не на 10–15%, а на 25% [11, Л. 8].

Однако уже в апреле 1926 г. на заседании президиума ВЦСПС соотношение между 1 и 16 разрядами сокращено до 1:3 [12, Л.8]. Пересмотр в сторону уменьшения разницы между разрядами состоялся из опасения, что это приведет к большому разрыву в оплате труда между рабочими и инженерами. Такой шаг был вызван ростом рабочего протеста в 1925–1926 гг. [13, с. 314].

Таблица 2

Разряд	Коэффициент	**Разряд**	Коэффициент	**Разряд**	Коэффициент	**Разряд**	Коэффициент
1	1,00	**5**	1,40	**9**	186	**13**	2,40
2	1,10	**6**	1,50	**10**	1,98	**14**	2,55
3	1,20	**7**	1,62	**11**	2,10	**15**	2,75
4	1,30	**8**	1,74	**12**	2,25	**16**	3,00

Таблица 3

Должность	Помощник мастера	Мастер	Старший мастер	Помощник зав. цеха	Первый помощник зав. цеха	Заведующий цеха	Помощник заведующего отделения	Заведующий отдела	Главный инженер	Технический директор
Разряд	1–2	2–4	4–5	5–6	6–8	5–10	9–10	10–12	9–14	11–16

Тарифная сетка инженеров, предложенная ВЦСПС, представлена в таблице 2.

По должностям разряды распределялись следующим образом (см. табл. 3) [11, Л. 8].

На III Всесоюзном съезде инженеров и техников 6 мая 1927 г. принята резолюция «О роли и положении инженеров и техников в производстве», в которой отмечалось, что внедрение инженерной сетки «не должно служить средством к огульному повышению уровня зарплаты ИТР». Данное заявление преследовало цель упорядочить зарплату инженерно-технического персонала с учетом особенностей каждого предприятия [14, Л. 20]. В пояснительной записке ВЦСП признавалось, что внедрение тарифной сетки для некоторых категорий специалистов может привести к снижению реальной заработной платы. Последнему способствовало то, что с введением новой сетки был отменен ряд льгот, которыми ранее пользовались инженеры. В 1927 г. были отменены льготы специалистам по оплате коммунальных услуг. Предприятиям было рекомендовано прекратить оплату коммунальных услуг инженерам [15, Л. 110].

В целом тарифная реформа оказалась выгодной прежде всего для ИТР, тарифицированных по 9–11 разрядам сетки 1921 г. Их заработная плата должна была вырасти. Для инженеров 12–17 разряда зарплата оставалась примерно на том же уровне. В соглашении между правлением государственного Тверского хлопчатобумажного треста и Тверским губотделом союза текстильщиков 1926 г. при перетарификации специалистов предусматривалось снижение доплат для того, чтобы размер заработной платы не менялся [16, Л. 3]. Более того, такие должности, как заведующие ткацким производством и их замы в хлопчатобумажной и льняной промышленности, а также мастера и их заместители на суконных и прядильных фабриках, тарифицировались на один разряд ниже, чем это было предусмотрено новой сеткой [16, Л. 12].

Введение новой тарифной сетки проходило медленно. К 1928 г. в полной мере на нее переведены лишь два профессиональных союза: строителей и металлистов. Тормозил введение новой сетки ряд факторов. Неподготовленность к реформе региональных профсоюзных организаций и хозяйственных органов. На предприятиях считали, что реформирование приведет к уравниловке, и не спешили его проводить. Кроме того, при переходе к новой тарифной сетке предприятие лишалось спецфондов, из которых доплачивали инженерам. Тем самым руководство предприятия теряло рычаг, с помощью которого можно было заинтересовать инженера работать на данном предприятии.

Таким образом, тарифная политика, проводимая государством в области заработной платы, не удовлетворяла основную массу инженеров. В ней явно проглядывалось две тенденции. С одной стороны, потребность урегулировать оплату труда ИТР в соответствии с особенностями условий работы, квалификации, опытом и ликвидировать «серые схемы» доплат. С другой – стремление к унификации, что приводило к уравниловке и снижало заинтересованность инженера в результатах своего труда.

Библиографический список

1. *Федюкин С.А.* Привлечение буржуазной интеллигенции к социалистическому строительству. – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. – 87 с.

2. *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). – М.: Собрание, 2005. – 288с.; *Пыстина Л.И.* Льготы и привилегии в советской России в 1920-е годы (проблема изучения) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 2. – С. 31–34; *Чебоксарова Т.Г.* Производственная повседневность технической интеллигенции Западной Сибири в годы нэпа: Дис. … канд. ист. наук. – Омск, 2007. – 190 с.; *Ильюхов А.А.* Как платили большевики: Политика советской власти

в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 415 с.: табл. – (История сталинизма).

3. *Гуревич А.* Заработная плата прежде и теперь. – М.: Красная новь, 1922. – 31 с.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р. 5548. Оп. 1. Д. 9.

5. ГАРФ Ф. Р. 5548. Оп. 4. Д. 24.

6. ГАРФ Ф. Р. 5548. Оп. 8. Д. 64.

7. *Шмидт В.* Наша политика в области заработной платы // Вестник труда. – 1925. – № 9. – С. 11–22.

8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: В 5 т. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. – Т. 1. 1917–1928 гг. – М.: Политическая литература. – 783 с.

9. ГАРФ Ф. Р. 5548. Оп. 5. Д. 39.

10. ГАРФ Ф. Р. 5548. Оп. 4. Д. 26.

11. ГАРФ Ф. Р. 5548. Оп. 4. Д. 64.

12. ГАРФ Ф. Р. 5548. Оп. 5. Д. 39.

13. Трудовые конфликты в Советской Росси / отв. ред. Ю.И. Кирьянов, В. Розенберг, А.Н. Сахаров. Изд. 2-е. – М.: Эдториал УРСС, 2010. – 360 с.

14. ГАРФ Ф. Р. 5548. Оп. 6. Д. 8.

15. ГАРФ Ф. Р. 5548. Оп. 6. Д. 54.

16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1719.

УДК 940(4вел)

Осипова Маргарита Сергеевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

margaritaosipova87@gmail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕТЕЙ-РАБОТНИКОВ НА ТЕКСТИЛЬНЫХ ФАБРИКАХ В АНГЛИИ (по материалам выступления Р. Оуэна в парламенте в 1816 г.)

В статье анализируется выступление перед парламентом знаменитого английского философа, собственника промышленного предприятия в Нью-Ланарке Роберта Оуэна в 1816 году. Исследование обобщает положение фабричных детей на текстильных предприятиях в начале XIX века: возраст, продолжительность рабочего дня, возможности обучения для бедных и т.д. В работе проводится сравнительных анализ положения детей-рабочих на фабрике в Нью-Ланарке до и после преобразований, осуществленных Р. Оуэном к 1816 году.

Ключевые слова: *Нью-Ланарк, дети, текстильные фабрики, образование для бедных, английская промышленность.*

В Англии времен промышленного переворота существовал целый ряд социальных проблем. В первую очередь фабрикантов волновал вопрос прибыли: используя дешевую рабочую силу на своих предприятиях, собственники мануфактур и фабрик, как правило, не задумывались о состоянии работников. В начале XIX века английский парламент начинает контролировать положение детей на фабриках в промышленных городах и округах Англии: привлекаются свидетельства фабрикантов, самих рабочих, данные различных подразделений Комитета по рабочему вопросу. Именно в начале XIX века появились первые фабричные акты, отражающие деятельность парламента по улучшению положения работающих детей. Одним из первых фабрикантов, уделивших внимание социальным проблемам, состоянию нравственного и физического здоровья рабочих, прежде всего детей, был Роберт Оуэн. Р. Оуэн был совладельцем (вместе с несколькими манчестерскими капиталистами) и управляющим прядильного предприятия в Нью-Ланарке (Шотландия, близ Глазго) в 1800–1829 гг. Р. Оуэн купил эту фабрику у своего тестя Дэвида Дейла, богатого собственника. Фигура Р. Оуэна, коммерческий успех хлопкопрядильного предприятия в Нью-Ланарке, а также уровень дохода и жизни рабочих привлекали внимание как других фабрикантов, так и государственных властей. Довольно хорошо о деятельности Р. Оуэна были информированы и в России. В 1829 г. «Московский телеграф» опубликовал статью «О чрезвычайных успехах бумажных мануфактур». Редактор журнала в примечании к этой статье писал: «Благотворное действие фабрик на рабочий класс народа скажется только тогда в полной мере, когда фабриканты… станут подражать примеру почтеннейшего английского фабриканта г. Овена, который умел свою огромнейшую прядильную фабрику… сделать не только обильнейшим источником своего благосостояния, но и училищем благонравия и воспитания народного» [5, с. 118]. Интересно описывает свою встречу с Р. Оуэном в Лондоне в 1852 г. А.И. Герцен: «Я сжал его руку с чувством сыновнего уважения; если б я был моложе, я бы стал, может, на колени и просил бы старика возложить на меня руки. Так вот отчего у него добрый, светлый взгляд, вот отчего его любят дети... Это тот, один трезвый и мужественный присяжный “между пьяными” (как некогда выразился Аристотель об Анаксагоре), который осмелился произнести not guilty человечеству, not guilty преступнику. Это тот второй чудак, который скорбел о мытаре и жалел о падшем и который, не потонувши, прошел если не по морю, то по мещанским болотам английской жизни, не только не потонувши, но и не загрязнившись!» [4, с. 202]. В условиях благопри-

© Осипова М.С., 2012

ятной экономической ситуации конца XVIII – начала XIX вв. Оуэн путём «перевоспитания», или скорее даже «воспитания» и улучшения положения рабочих, пытался создать в Нью-Ланарке так называемую идеальную промышленную общину, гарантирующую, по его убеждению, как благополучие трудящихся и высокую производительность, так и высокие прибыли. Но из-за экономического кризиса 1815–1816 гг. и острых социальных конфликтов, как отмечает и сам Р. Оуэн, его попытки реформирования системы, изменения положения рабочих, повышения уровня их образования были ограничены сопротивлением совладельцев ланаркской фабрики, которые не желали отказываться от прибыли ради социальных перемен.

В 1816 г. Специальный Комитет палаты общин по контролю за состоянием детей, занятых на мануфактурах Соединенного Королевства, вызвал для допроса Р. Оуэна. Так как Комитет контролировал работу английских промышленных предприятий для разработки фабричного законодательства, вопросы касались следующих тем: общее число работающих на промышленном предприятии, в том числе детей, возраст начала работы, продолжительность рабочего времени для детей, обучение детей-работников.

Жизнь людей в промышленных городах и населенных пунктах, как правило, полностью зависела от находящегося там предприятия. В Нью-Ланарке к 1816 году проживало около 2300 человек, из них около 1600–1700 являлись работниками фабрики [1, с. 20]. В 1799 году, когда Р. Оуэн стал одним из собственников ланаркского предприятия, на фабрике работало около 500 детей. К 1816 году количество работающих детей было примерно таким же [1, p. 20]. Дети становились работниками на фабрике различными способами: во-первых, некоторых бедных детей, которые просто «слонялись» по улицам Лондона, чаще всего бродяжничали, государственные власти отправляли работать в промышленные города. Второй путь – это, конечно, добровольный наём, хотя добровольным его можно назвать условно, так как маленьких детей чаще всего отдавали на работу родители для получения дополнительного заработка [1, p. 39].

Возраст работающих детей также различался на каждой из фабрик. Р. Оуэн отмечает, что это напрямую зависит от количества населения в данном промышленном районе: в небольших городах, где нет особого спроса на рабочую силу, нет и необходимости нанимать детей до двенадцати или четырнадцати лет, в то время как в больших фабричных районах детей используют с самых ранних лет [1, с. 24]. Также возраст начала работы связан с положением семьи: более бедные семьи, ввиду необходимости получения дополнительного дохода, отдают детей на работу раньше, чем те, которые могут обеспечить себя без использования детского труда [1, p. 37].

Сам Р. Оуэн нанимал детей в качестве работников хлопкопрядильной мануфактуры исключительно с десяти лет, а наиболее оптимальным для начала работы считал двенадцатилетний возраст, так как до этого дети слишком подвержены риску подорвать свое здоровье, повредить своему развитию. Р. Оуэн считал, что использование труда очень маленьких детей «вредно для детей и невыгодно для владельцев» [1, p. 20]. Р. Оуэн утверждает следующее: «Я нахожу закономерным, что если собственники мануфактур понимают свои интересы и интересы своих работников, то нанимают детей младше 10 лет в очень незначительных количествах» [1, p. 86]. В среднем возраст работающих детей на фабрике в Нью-Ланарке в 1799 году составлял приблизительно 5–8 лет. Однако оправдание этому находилось следующее: если не забирать этих маленьких детей из богаделен (в основном в Эдинбурге), откуда он попадали в Ланарк к мистеру Дэйлу, то в более взрослом возрасте их получить было бы невозможно. Очевидно, они были бы наняты на другие фабрики, так как использование труда маленьких детей было общераспространенным явлением в Соединенном Королевстве. При вопросе представителей Комитета о характере работы детей до десятилетнего возраста Р. Оуэн ответил, что ему не кажется необходимым использовать детей такого раннего возраста на регулярной работе, так как им следует учиться [1, p. 23]. Во многих промышленных районах детей на работу брали в возрасте 5–6 лет, например, в Лидсе, Стокпорте, Маклесфелде и почти во всех промышленных округах [1, p. 38]. Эту информацию Р. Оуэн получал от рабочих и фабрикантов, а также лично был свидетелем использования труда маленьких рабочих на предприятиях в указанных городах. Случаи приема совсем маленьких детей на производство были известны на фабрике в Стокпорте. Казначей и секретарь местной школы рассказали Р. Оуэну, что там работают трехлетний мальчик и четырехлетняя девочка, часто используется труд пяти- и шестилетних детей. Основным занятием в таком возрасте является уборка мусора и отходов хлопкового производства [1, p. 88–89].

В 1802 году был издан первый законодательный акт «О здоровье и нравственности трудящихся детей» [2, p. 723], именуемый также «Биллем Роберта Пиля», в котором утверждалось, что владельцы предприятий должны обеспечивать детей-рабочих одеждой, обучать их, заботиться о должном состоянии рабочих помещений и о надлежащем медицинском обслуживании, а рабочий день не должен был превышать двенадцати часов. Конечно, не все фабриканты следовали предписаниям данного документа, но Р.Оуэн утверждает, что слышал от собственников фабрик в Йоркшире об увольнении значительного числа детей-работников младше десяти лет [1, p. 86].

Важной характеристикой условий труда на промышленном предприятии была температура в помещении, которая также могла влиять на здоровье работников. По утверждению Р. Оуэна, «температура мельниц в Ланарке в результате прядения нити, очень грубой и не требующей термальной обработки, редко повышается до 60–70°, при этом не используется искусственное тепло, за исключением четырех зимних месяцев». Согласно температурной шкале, используемой в Англии, температура в 60–70° по Фаренгейту примерно равна 20–25° по Цельсию. На предприятиях в Карлайле температура выше, сообщает Р. Оуэн, что заставило его «почувствовать себя чрезвычайно неприятно». Помещения подогревались искусственными средствами, это сказывалось на состоянии здоровья детей. Р. Оуэн пишет: «…Дети показались мне более желтоватыми, менее сильными, и, в общем, внешне не выглядели здоровыми». Все рабочие помещения в Карлайле были примерно одинаковыми по чистоте и температуре воздуха [1, p. 36]. В беседе представителей Комитета с Р. Оуэном поднимается важный вопрос о том, осознают ли родители вред, который наносится здоровью детей при непрерывном использовании их труда на производстве. Р. Оуэн полагал, что многие из них, видя вред, который получает ребенок, работая на таком предприятии, будут ограждать его от работы, но значительное число родителей не будут этого делать [1, p. 38].

Одним из ключевых вопросов при работе парламента по урегулированию труда детей был вопрос сокращения рабочего времени. На фабрике в Нью-Ланарке в 1799 году дети работали по тринадцать часов, включая время на еду – полтора часа. Притом дети «чрезвычайно хорошо питались, были хорошо одеты, жили в хороших условиях, о них очень заботились, но все же их рост и их умы были существенно повреждены… Правда, что те дети из-за хороших условий жизни выглядели свежими и здоровыми для сторонних наблюдателей, все же их конечности были сильно искажены, их рост был маленьким…, они очень медленно продвигались даже в изучении общего алфавита» [1, p. 20, 27]. К 1816 г. время работы детей было сокращено до двенадцати часов, из которых 45 минут отводилось на обед и 30 минут на завтрак, таким образом, рабочее время составляло 10 часов и 45 минут, а за год до этого рабочее время составляло 11 часов 45 минут. Сокращение рабочих часов происходило постепенно, но управляющий использовал детей на производстве так мало, как это позволяли обстоятельства [1, p. 39]. Сокращение продолжительности рабочего времени положительно сказалось на детях: «…Было очень заметное различие в общем состоянии здоровья и духе всей массы нанятого населения» [1, p. 21]. Уменьшение количества рабочих часов могло быть невыгодным для собственников, но Р. Оуэн утверждает, что уменьшение рабочего времени на один час не несло бы значительных убытков для предприятия: сокращение дохода, при самом неблагоприятном исходе, составляло бы один грош из двадцати пенсов [1, p. 90]. Конечно, утверждает Р. Оуэн, на его фабрике была проявлена должная забота о здоровье и сохранении духа людей, что позволило, вопреки всем ожиданиям, увеличить темпы производства при сокращении часов работы [1, p. 93]. Представители комитета, однако, полагают, что увеличение объема производства было связано, прежде всего, с использованием «водной или гребенной прядильной машины» [1, p. 93]. Такие машины могли производить пряжу более высокого качества и были более безопасными [1, p. 94]. При этом заработная плата работников осталось практически на том же уровне, что и до сокращения рабочих часов к 1816 году, так как часть работников получала заработную плату за рабочий день, но большая часть – за количество выпущенной продукции [1, p. 95].

Рабочее время на других фабриках, кроме Ланаркской, было самым разным. Например, во время поездки в Лидс, при беседе с одним известным фабрикантом по фамилии Готт, Р. Оуэн узнал, что при увеличении спроса на шерсть дети на фабрике работают по шестнадцать часов в день, в том числе в ночное время (с 3 или 4 утра до 9 вечера [1, p. 89]. Такие случаи были распространены повсеместно, так как сокращение рабочего времени грозило фабрикантам значительными потерями прибыли при условии удачной торговли.

Р. Оуэн считал, что необходимо внедрять систему производственного обучения детей на фабриках. С трех до шести лет дети могли проходить инструктаж по работе на фабрике в Ланарке – это была подготовительная школа, вторая ступень – для детей от 6 до 10 лет, при этом можно было продолжить обучение и дальше [1, p. 22]. В школе в Нью-Ланарке преподавали точно такие же предметы, что и во всех школах в Шотландии: детей обучали чтению, письму, арифметике, девочек – шитью, уделялось также внимание моральному воспитанию учеников [1, p. 26]. Р. Оуэн считал необходимым проявлять заботу о детях, а также стараться объяснить им, что каждый должен нести пользу друг другу и всем людям [1, p. 26]. Одним из элементов воспитательной системы Р. Оуэна на фабрике в Нью-Ланарке было введение сборов в «фонд бедных», куда молодые девушки и юноши должны были выплачивать 1 и 2 шиллинг в неделю соответственно (зарплата составляла примерно 8–10 шиллингов в неделю) [1, p. 40].

Р. Оуэн утверждает, что дети с большим удовольствием посещали школу [1, p. 22]. После сокращения рабочих часов на фабрике в Нью-Ланарке до 10 часов 45 минут в школах заметно улучшилась посещаемость: со 100 человек до 350–390 че-

ловек. Оуэн связывает это именно с сокращением рабочего времени, тогда как Комитет предполагает, что произошло усиление надзора за детьми со стороны управляющего фабрикой [1, p. 39–40]. В результате разговора Р. Оуэна с мистером Перкинсом, владельцем Манчестерской школы, выяснилось, что школы в крупных фабричных городах, таких как Манчестер, были значительно менее популярны (там обучались около полутора лет), чем школы в городах поменьше (например, в Ньюкасле), где не было стимула для занятости детей до 12–14-летнего возраста.

Использование детского труда на английских фабриках в конце XVIII – начале XIX в. являлось естественным состоянием промышленной системы страны и было вполне приемлемо и традиционно для общества. Однако именно в начале XIX века регулированию труда рабочих на фабриках в целом, и особенно труда маленьких рабочих, стало уделяться значительное внимание. Это отражено в работе парламента (создание комитета по рабочему вопросу, издание фабричных актов), а также в деятельности фабрикантов, в частности, одного из самых известных и выдающихся – Роберта Оуэна. Очевидно, эти явления были скорее естественным следствием изменения взглядов европейцев на социальные проблемы, нежели единичными попытками урегулирования условий труда рабочих.

Библиографический список

1. British Parliamentary Papers. – Shannon Ireland, 1968.

2. English Historical Documents. XII (1), 1833–1874 / ed. by G.M. Young and W.D. Haudcock. – L., 1970.

3. *Волгин В.П.* История социалистических идей. Т. 2. – М.; Л., 1931.

4. *Герцен А.И.* Роберт Оуэн // Герцен А.И. Соч.: В 9 т. Т. 6: Былое и думы. Ч. 6: Англия. Глава IX. Роберт Оуэн. – М., 1957. – С. 202–251.

5. *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. – М., 1982.

6. *Неманов И.Н.* К вопросу о характере Нью-Ленаркского эксперимента Р. Оуэна // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. – Смоленск, 1972.

УДК 281.2

Смирнов Сергей Александрович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

gogina-n@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИХОДСКИХ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ ПО УЛУЧШЕНИЮ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА (на материалах Костромской епархии)

В статье рассматривается проблема существенной дифференциации результатов деятельности приходских попечительств по улучшению материального положения приходского духовенства в различных регионах Российской империи. На материалах Костромской епархии делается попытка определения причин этого различия.

Ключевые слова: *церковная реформа, приходское попечительство, Костромская епархия, приходское духовенство, земство.*

Разрешение создания церковно-приходских попечительств было одним из первых мероприятий в рамках Церковной реформы Александра II, направленных на улучшение материального положения приходского духовенства. От успеха его реализации во многом зависел дальнейший ход церковных преобразований в данном направлении.

Однако результаты реформирования в разных частях Российской империи существенно отличались [22, с. 352–369]. Чтобы разобраться в причинах различия, необходимо обратиться к изучению регионального аспекта реализации данного направления приходской благотворительности. Выбор в качестве объекта исследования церковно-приходских попечительств Костромской епархии обусловлен парадоксальностью результатов преобразований в этом регионе: с одной стороны, епархия относилась к числу древнейших церковно-административных округов империи с глубоко укоренившимися традициями православия, в связи с чем здесь с началом реализации реформы должен был произойти всплеск приходской активности; с другой стороны, результаты деятельности приходских попечительств не соответствовали ожиданиям. Следовательно, можно предположить, что в этом несоответствии и должны скрываться причины различия результатов реализации данного мероприятия.

Открытие церковно-приходских попечительств стало возможным после официального утверждения 2 августа 1864 г. «Положения о приходских попечительствах при православных церквях». Согласно этому «Положению» улучшение материального положения приходского духовенства предполагалось произвести несколькими способами: во-первых, на попечительства возлагалось наблюдение за тем, чтобы приходское духовенство пользовалось всеми предоставленными ему средствами

© Смирнов С.А., 2012

Таблица 1

Результаты реализации «Положения о приходских попечительствах при православных церквях» в Костромской епархии

[см.: 3, с. 124–125; 4, с. 122–123; 5, с. 120–121; 6, с. 118–119; 7, с. 118–119; 8, с. 116–117; 9, с. 116–117; 10, с. 116–117; 11, с. 116–117; 12, с. 116–117; 13, с. 116–117; 14, с. 116–117; 15, с. 116–117; 16, с. 116–117; 18, 118–119; 19, с. 118–119]

Год	Количество церковно-приходских попечительств	Суммы сборов по основным направлениям пожертвований			
		На поддержание и украшение церквей	На церковно-приходские школы и благотворительные учреждения в приходах	На содержание причтов	Итого
1868	1	–	–	–	–
1869	1	–	–	–	–
1870	1	–	–	–	–
1871	1	–	–	–	–
1872	1	–	–	–	–
1873	1	3638,25	150	–	3788,25
1874	1	–	–	–	–
1875	1	–	–	–	–
1876	1	–	–	–	–
1877	1	–	–	–	–
1878	2	500	–	–	500
1879	2	500	–	–	500
1880	2	660,83	–	–	660,83
1881	1	454,19	–	–	454,19
1882	1	–	–	–	2578,57
1883	2	72,31	1833,52	428,47	2650,57

содержания, а в случае их недостатка, они обязывались находить способы для увеличения доходов духовенства; во-вторых, попечительства должны были заботиться об «устройстве» (строительство, покупка, аренда) домов для церковных причтов [20, с. 690]. Источниками средств увеличения доходов духовенства должны были стать добровольные пожертвования и единовременные или постоянные сборы с прихожан. Следует подчеркнуть, что открытие попечительств, пожертвования и сборы носили добровольный характер и зависели преимущественно от желания и возможностей прихожан.

Стихийное оживление приходской жизни накануне Церковной реформы [22, с. 328–335] давало надежду, что открытие приходских попечительств примет массовый характер, в связи с чем Государственный совет рекомендовал открывать их «не одновременно, а постепенно, по мере удобств и возможности» [20, с. 689]. Однако реализация «Положения» в Костромской епархии не привела к созданию значительного числа попечительств. По данным отчетов обер-прокурора Святейшего Синода в период с 1868 по 1883 гг. в Костромской епархии в разные годы функционировало от одного до двух попечительств (табл. 1).

Причем существование некоторых попечительств, как свидетельствуют данные за 1878–1881 гг., носило кратковременный характер (табл. 1). Очевидно, что после выполнения взятых на себя обязательств они сразу же прекращали свою деятельность.

Данное обстоятельство неоднократно привлекало внимание обер-прокурора [2, с. 82, 83; 17, с. 118], однако улучшить ситуацию в рамках действовавшего законодательства было невозможно. В конечном итоге глава Синода практически официально переложил эту проблему на плечи приходского духовенства и епархиальных архиереев [17, с. 48].

В то же время попытку оптимизировать реализацию «Положения» предприняло костромское земство. В 1867 и 1868 гг. в Костромском губернском и в 1868 г. в Нерехтском уездном земских собраниях выдвигались предложения о вмешательстве земства в процесс открытия церковно-приходских попечительств. Однако принципиальная позиция губернатора, заключавшаяся в том, что учреждение попечительств находится в ведении исключительно епархиального начальства, и нежелание епархиального преосвященного привлекать представителей земства к участию в обсуждении вопросов, касавшихся улучшения быта духовенства, фактически свели эту инициативу на нет [21, с. 2; 23, с. 74; 24, с. 265].

Помимо малочисленности церковно-приходских попечительств в Костромской епархии существовала также проблема низкой результативности их участия в деле улучшения материального положения приходского духовенства. По данным отчетов обер-прокурора Святейшего Синода, прихожане раньше (с 1873 г.) охотнее стали жертвовать свои средства на поддержание и украшение церквей, на церковно-приходские школы и благотворительные учреждения в приходах, чем на содержание духо-

венства. Пожертвования от прихожан на нужды церковных причтов стали поступать только с 1883 г., причем их доля в этот год составляла всего 16% от общей суммы собранных средств (табл. 1).

В целом же реализация в Костромской епархии «Положения о приходских попечительствах при православных церквях» в период Церковной реформы Александра II не принесла значительных результатов в деле улучшения материального положения приходского духовенства. Причины неудачи скрываются в законодательной основе реформы, опиравшейся на принцип добровольности открытия попечительств и оказания помощи духовенству, который не позволил вмешаться в реализацию «Положения» костромскому губернатору и земству и который не гарантировал участие прихожан в этом процессе, особенно на фоне разорения значительной части крестьян Костромской губернии в ходе отмены крепостного права [1]. Действием этого принципа могут объясняться и различия результатов реформирования по регионам.

Библиографический список

1. *Горланов Л.Р.* Подготовка отмены крепостного права и реализация первого этапа реформы 1861 г. в Костромской губернии: Дис. … канд. ист. наук / МГУ. – М., 1972.

2. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1867 г. – СПб.: Синодальная типография, 1868. – 194 с.

3. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1868 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1869. – 133 с.

4. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1869 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1870. – 131 с.

5. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1871. – 125 с.

6. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1871 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1872. – 126 с.

7. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1872 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1873. – 123 с.

8. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1873 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1874. – 125 с.

9. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1874 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1876. – 125 с.

10. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1875 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1876. – 125 с.

11. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1876 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1877. – 125 с.

12. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1877 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1878. – 125 с.

13. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1878 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1879. – 125 с.

14. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1879 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1881. – 125 с.

15. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1880 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1882. – 125 с.

16. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1881 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1883. – 125 с.

17. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1882 г. – СПб.: Синодальная типография, 1884. – 183 с.

18. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1882 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1884. – 127 с.

19. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1883 г. Приложения. – СПб.: Синодальная типография, 1885. – 127 с.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 39. Отделение первое. 1864. № 41144. – СПб.: Типография II Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1867. – С. 688–691.

21. Постановления Нерехтского уездного земского собрания 17–21 марта 1869 г. – 28 с.

22. *Римский С.В*. Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. – 569 с.

23. Сборник постановлений Костромского губернского земского собрания. Очередное собрание сентября – октября 1868 года. – Кострома: Губернская типография, 1869. – 121 с.

24. Свод постановлений Костромского губернского земского собрания с 1865–1879 год. – Кострома: Типо-литография А.Г. Фальк, 1881. – 428 с.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4

Егорова Лариса Станиславовна
доктор социологических наук
Ивановская государственная текстильная академия
egorova@igta.ru
Старосотникова Валерия Юрьевна
sotnikova-star@mail.ru

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ

Предметом исследования данной статьи является технология оценки уровня эффективности управления творческим коллективом; показатели, характеризующие деятельность творческих коллективов, являются разноплановыми, что обусловливает необходимость использования аналитических инструментов социологии, экономического анализа, прикладной математики.

Ключевые слова: *творческий коллектив, оценка эффективности управления, аналитические инструменты.*

В современном мире все большее значение приобретает коллективное творчество как проявление активности, создание нового, генерация идей и стимул деятельности. Художественное творчество превращается в важный фактор общественного развития, способствует реализации потенциала личности и социумов различного уровня. Любая коллективная деятельность требует эффективного управления, а следовательно, глубокого теоретического осмысления, поиска закономерностей этого процесса, и особенно соответствующего инструментария его оценки.

Творческий коллектив как объект управления представляет собой организованную социальную группу, основой деятельности которой является творчество как создание новых по замыслу или интерпретация существующих духовных или материальных ценностей. Наиболее эффективной системой управления творческим коллективом, на наш взгляд, является модель 3А/3Я, которая представляет собой синтез американской и японской моделей управления. Данная модель учитывает все особенности творческих коллективов, которые проявляются в трех наиболее значимых аспектах – творческом, социально-психологическом и организационно-управленческом. Таким образом, представляется целесообразным проводить анализ творческого коллектива по трем ключевым параметрам – уровню развития творческого потенциала, состоянию социально-психологического климата, уровню эффективности финансово-хозяйственной деятельности.

В качестве интегрального показателя развития коллектива в творческом аспекте служит уровень развития совокупного творческого потенциала, в качестве основного оценочного критерия социально-психологического аспекта проявления творческого коллектива выступает состояние социально-психологического климата, организационно-управленческие особенности творческого коллектива аккумулируются в результативности производственной деятельности.

Показатели, характеризующие деятельность творческих коллективов, являются разноплановыми, что обусловливает необходимость использования разнородных методов анализа. Для сбора исходных аналитических данных исследования уровня развития творческого потенциала и состояния социально-психологического климата целесообразно оперировать методами социологических исследований, для интерпретации полученных данных – инструментами теории нечетких множеств, для оценки уровня результативности – методами экономического анализа.

Уровень развития творческого потенциала, как и состояние социально-психологического климата, является нечетким по своей природе и требует для своего описания соответствующей методики, например, методики нечетких множеств, в соответствии с которой описание неопределенностей реальных явлений и процессов проводится с помощью понятия о множествах, не имеющих четких границ.

Исторически это был первый способ учёта неопределённости [4]. Успешное применение вероятностных методов в статистике конца XIX века (при исследовании массовых и статистически однородных демографических процессов) сделало методы теории вероятностей широко распространёнными во всех сферах жизни, особенно с развитием технической кибернетики во второй половине XX века. Использование вероятностей при учёте случайности, неопределённости, ожидаемости событий приобрело эксклюзивный характер. Наиболее оправданным такое применение оказалось там, где речь шла об однородных событиях массового характера, а именно – в теории массового обслуживания [1] и в технической теории надёжности [5].

Однако, начиная с 50-х годов, в академической науке появились работы, ставящие под сомнение

© Егорова Л.С., Старосотникова В.Ю., 2012

тотальную применимость вероятностной теории к учёту неопределённости. Авторы этих работ закономерно отмечали, что классическая вероятность определена как характеристика генеральной совокупности статистически однородных случайных событий [2].

В том случае если статистической однородности нет, то есть нет классически понимаемой статистики, то применение классических вероятностей в анализе оказывается незаконным.

Отказ от классического понимания вероятности и использование субъективно-аксиологической вероятности есть не что иное, как стратегическое отступление науки перед лицом дурной неопределённости. Если раньше в ходе исследования имели дело только с финансовой моделью хозяйствующего субъекта, то теперь возникла необходимость исследовать познавательную активность и самого эксперта. Вероятности не дают никакой информации о том, как они получены, если не предваряются дополнительными качественными соображениями о принципе вероятностной оценки. Одним из таких принципов, продуктивно использовавшихся до сих пор, является принцип максимума правдоподобия Гиббса-Джейнса [3], который в настоящий момент подвергнут обоснованной критике в связи с тем, что принцип максимума энтропии не обеспечивает автоматически монотонности критерия ожидаемого эффекта.

Принцип генерации условных вероятностных оценок Фишберна выдвигает лишь идею назначения точечных оценок вероятностей, удовлетворяющих критерию максимума правдоподобия, однако не существует доказательств полноты выбранного поля сценариев. Все идёт к тому, что сценарно-вероятностные методы анализа риска начинают себя понемногу изживать.

Однако появление неклассических вероятностей не было единственной реакцией на возникшую проблему. Необходимо отметить также всплеск интереса к минимаксным подходам, а также зарождение теории нечётких множеств.

Минимаксные подходы ставят своей целью отказаться от учёта неопределённости «весовым методом». То есть, когда оценивается некий ожидаемый интегральный эффект, его формула не представляет собой свёртки единичных эффектов, когда в качестве весов такой свёртки выступают экспертные оценки или вероятности реализации этих эффектов.

Из всего поля допустимых реализаций (сценариев) минимаксные методы выбирают два, при которых эффект принимает последовательно максимальное или минимальное значение. При этом лицу, принимающему решения (ЛПР), ставится в обязанность отреагировать на ситуацию таким образом, чтобы добиться наилучших результатов в наихудших условиях. Считается, что такое поведение ЛПР является наиболее оптимальным.

Оппонируя минимаксным подходам, исследователи замечают, что ожидаемость наихудших сценариев может оказаться крайне низкой и настраивать систему принятия решений на наихудший исход означает производить неоправданно высокие затраты и создавать необоснованные уровни всевозможных резервов. Компромиссным способом применять минимаксные подходы является использование метода Гурвица, когда два экстремальных сценария (наихудший и наилучший) учитываются совместно, а в качестве веса в свёртке сценариев выступает некий параметр, уровень которого задается ЛПР. Чем больше этот параметр, тем оптимистичнее настроено ЛПР. Модифицированный интервально-вероятностный метод Гурвица учитывает дополнительную информацию о соотношении вероятностей сценариев, с учётом того, что точное значение сценарных вероятностей неизвестно.

На смену им приходят нечётко-множественные подходы, которые, с одной стороны, свободны от проблем с обоснованием выбора вероятностных весов, а с другой стороны, включают в себя все возможные сценарии развития событий. Так, треугольно-нечёткое число включает в себя все числа в определенном интервале, однако каждое значение из интервала характеризуется определенной степенью принадлежности к подмножеству треугольного числа. Такой подход позволяет генерировать непрерывный спектр сценариев реализации по каждому из прогнозируемых параметров финансовой модели.

Даже не имея достаточного числа наблюдений, склонны подразумевать, что за ними стоит проявление некоторого закона. Мы не можем оценить параметры этого закона вполне точно, но мы можем прийти к определённому соглашению о виде этого закона и о диапазоне разброса ключевых параметров, входящих в его математическое описание. И вот здесь целесообразно воспользоваться инструментами квазистатистики.

Как известно, квазистатистика – эта выборка наблюдений из их генеральной совокупности, которая считается недостаточной для идентификации вероятностного закона распределения с точно определёнными параметрами, но признается достаточной для того, чтобы с той или иной субъективной степенью достоверности обосновать закон наблюдений в вероятностной или любой иной форме, причём параметры этого закона будут заданы по специальным правилам, чтобы удовлетворить требуемой достоверности идентификации закона наблюдений.

Такое определение квазистатистики даёт расширительное понимание вероятностного закона, когда он имеет не только частотный, но и субъективно-аксиологический смысл. Здесь намечены контуры синтеза вероятности в классическом смысле – и вероятности, понимаемой как структурная характеристика познавательной активности эксперта-исследователя.

Также это определение намечает широкое поле для компромисса в том, что считать достаточным объёмом выборки, а что – нет. Например, эксперт, оценивая финансовое положение предприятий текстильной отрасли, понимает, что каждое предприятие отрасли уникально, занимает свою рыночную нишу и т.д., и поэтому классической статистики нет, даже если выборка захватывает сотни предприятий. Тем не менее эксперт, исследуя выборку какого-то определенного параметра, подмечает, что для большинства работающих предприятий значения данного параметра группируются внутри некоторого расчётного диапазона, ближе к некоторым наиболее ожидаемым, типовым значениям факторов. И эта закономерность даёт эксперту основания утверждать, что имеет место закон распределения, и далее эксперт может подыскивать этому закону вероятностную или, к примеру, нечётко-множественную форму.

Понятие квазистатистики даёт широкий простор для применения нечётких описаний для моделирования законов, по которым проявляется та или иная совокупность наблюдений.

Существенным преимуществом теории вероятностей является многовековой исторический опыт использования вероятностей и логических схем на их основе. Однако когда неопределённость относительно будущего состояния объекта исследования теряет черты статистической неопределённости, классическая вероятность, как измеримая в ходе испытаний характеристика массовых процессов, уходит в небытие. Ухудшение информационной обстановки вызывает к жизни субъективные вероятности, однако тут же возникает проблема достоверности вероятностных оценок. ЛПР, присваивая вероятностям точечные значения в ходе некоего виртуального пари, исходит из соображений собственных экономических или иных предпочтений, которые могут быть деформированы искажёнными ожиданиями и пристрастиями. Это же замечание справедливо и в том случае, когда оценкой вероятностей занимается не ЛПР, а сторонний эксперт.

При выборе оценок субъективных вероятностей часто ссылаются на известный принцип Гиббса-Джейнса: среди всех вероятностных распределений, согласованных с исходной информацией о неопредёленности соответствующего показателя, рекомендуется выбирать то, которому отвечает наибольшая энтропия. Многие исследователи прибегали к этому принципу для обоснования вероятностных гипотез в структуре допущений исходной модели. Однако законным возражением против этого принципа, выдвинутым в последнее время, является то, что принцип максимума энтропии не обеспечивает автоматически монотонности критерия ожидаемого эффекта. Отсюда следует, что принцип максимума энтропии должен дополняться граничными условиями применимости этого критерия при выборе вероятностных распределений.

В случае же применения нечётких чисел к прогнозу параметров от ЛПР требуется не формировать точечные вероятностные оценки, а задавать расчётный коридор значений прогнозируемых параметров. Тогда ожидаемый эффект оценивается экспертом так же, как нечёткое число со своим расчётным разбросом (степенью нечёткости). Здесь возникают инженерные преимущества метода, основанного на нечёткостях, так как исследователь оперирует не косвенными оценками (куда относим и вероятности), а прямыми проектными данными о разбросе параметров, что есть хорошо известная практика интервального подхода к проектным оценкам.

Что же касается оценки риска принятия решения в условиях неопределённости, то вероятностные и нечётко-множественные методы предоставляют исследователю здесь примерно одинаковые возможности. Степень устойчивости решений изменяется в ходе анализа чувствительности решения к колебаниям исходных данных, и эта устойчивость может оцениваться аналитически.

Итак, на стороне вероятностных методов оказывается традиция, а на стороне нечётко-множественных подходов – удобства в инженерном применении и повышенная степень обоснованности, поскольку в нечётко-множественный расчёт попадают все возможные сценарии развития событий (вообще говоря, образующие непрерывный спектр).

Что касается оценки такого критерия, как уровень эффективности финансово-хозяйственной деятельности предприятия, то тут целесообразно использовать методы экономического анализа.

Сравнение – сопоставление изучаемых данных и фактов хозяйственной жизни. Различают горизонтальный сравнительный анализ, который применяется для определения абсолютных и относительных отклонений фактического уровня исследуемых показателей от базового; вертикальный сравнительный анализ, используемый для изучения структуры экономических явлений; трендовый анализ, применяемый при изучении относительных темпов роста и прироста показателей за ряд лет к уровню базисного года, то есть при исследовании рядов динамики.

Обязательным условием сравнительного анализа является сопоставимость сравниваемых показателей, предполагающая:

– единство объемных, стоимостных, качественных, структурных показателей;

– единство периодов времени, за которые производится сравнение;

– сопоставимость условий производства;

– сопоставимость методики исчисления показателей.

Средние величины – исчисляются на основе массовых данных о качественно однородных явле-

ниях. Они помогают определять общие закономерности и тенденции в развитии экономических процессов.

Группировки – используются для исследования зависимости в сложных явлениях, характеристика которых отражается однородными показателями и разными значениями (характеристика парка оборудования по срокам ввода в эксплуатацию, по месту эксплуатации, по коэффициенту сменности и т.д.).

Балансовый метод состоит в сравнении, соизмерении двух комплексов показателей, стремящихся к определенному равновесию. Он позволяет выявить в результате новый аналитический (балансирующий) показатель.

Например, при анализе обеспеченности предприятия сырьем сравнивают потребность в сырье, источники покрытия потребности и определяют балансирующий показатель – дефицит или избыток сырья.

Как вспомогательный, балансовый метод используется для проверки результатов расчетов влияния факторов на результативный совокупный показатель. Если сумма влияния факторов на результативный показатель равна его отклонению от базового значения, то, следовательно, расчеты проведены правильно. Отсутствие равенства свидетельствует о неполном учтете факторов или о допущенных ошибках (где y – результативный показатель; x – факторы) – отклонение результативного показателя за счет фактора xi.

Балансовый метод применяют также для определения размера влияния отдельных факторов на изменение результативного показателя, если известно влияние остальных факторов.

Графический способ. Графики являются масштабным изображением показателей и их зависимости с помощью геометрических фигур.

Графический способ не имеет в анализе самостоятельного значения, а используется для иллюстрации измерений.

Индексный метод основывается на относительных показателях, выражающих отношение уровня данного явления к его уровню, взятому в качестве базы сравнения. Статистика называет несколько видов индексов, которые применяются при анализе: агрегатные, арифметические, гармонические и т.д.

Использовав индексные пересчеты и построив временной ряд, характеризующий, например, выпуск промышленной продукции в стоимостном выражении, можно квалифицированно проанализировать явления динамики.

Метод корреляционного и регрессионного (стохастического) анализа широко используется для определения тесноты связи между показателями не находящимися в функциональной зависимости, то есть связь проявляется не в каждом отдельном случае, а в определенной зависимости.

С помощью корреляции решаются две главные задачи:

– составляется модель действующих факторов (уравнение регрессии);

– дается количественная оценка тесноты связей (коэффициент корреляции).

Матричные модели представляют собой схематическое отражение экономического явления или процесса с помощью научной абстракции. Наибольшее распространение здесь получил метод анализа «затраты-выпуск», строящийся по шахматной схеме и позволяющий в наиболее компактной форме представить взаимосвязь затрат и результатов производства.

Математическое программирование – это основное средство решения задач по оптимизации производственно-хозяйственной деятельности.

Метод исследования операций направлен на изучение экономических систем, в том числе производственно-хозяйственной деятельности предприятий, с целью определения такого сочетания структурных взаимосвязанных элементов систем, которое в наибольшей степени позволит определить наилучший экономический показатель из ряда возможных.

Теория игр как раздел исследования операций – это теория математических моделей принятия оптимальных решений в условиях неопределенности или конфликта нескольких сторон, имеющих различные интересы.

Таким образом, для комплексной оценки уровня эффективности управления творческим коллективом необходимо использовать такие методы, как инструменты теории нечетких множеств, методы экономического анализа и методы социологических исследований для сбора исходных аналитических данных исследования уровня развития творческого потенциала и состояния социально-психологического климата.

Библиографический список

1. *Гнеденко Б.В., Коваленко И.Н.* Введение в теорию массового обслуживания. – М.: КомКнига, 2005.

2. *Заде Л.* Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений. – М.: Мир, 1976.

3. *Клепиков Н.П., Соколов С.Н.* Анализ и планирование экспериментов методом максимумаправдоподобия. – М., 1964.

4. *Недосекин А.О.* Методологические основы моделирования финансовой деятельности с использованием нечётко-множественных описаний: Дис. … д-ра эконом. наук. – СПб., 2003. – 302 с.

5. *Федотов А.В.* Основы теории надежности и технической диагностики. – Издательство ОГТУ, 2010.

УДК 316

Пушина Лада Юрьевна
Ивановская государственная текстильная академия
Bas2808@yandex.ru

ГАБИТУС КАК АТРИБУТ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

В статье рассматривается поколение как социальная общность, отличающаяся от других аналогичных социальных образований специфическим габитусом; дается анализ того, как проявляет себя габитус поколения в жизни и социальных практиках его представителей.

Ключевые слова: *поколение, габитус.*

Габитусом в современной социологии принято называть специфический склад, характерный для всех членов той или иной общности, который каждый из них несет в себе [12, с. 253]; он представляет собой систему устойчивых и переносимых диспозиций [2, с. 102], то есть предрасположенностей к определённому восприятию событий и определённым образцам действий; интегральную основу габитуса образует социальная идентичность, то есть соотнесение индивидом себя с некой общностью, к которой он принадлежит («Я-Мы-идентичность») [12, с. 254]. По-видимому, каждое поколение отличается от других аналогичных общностей особенным габитусом. Следовательно, для того чтобы выявить специфические черты каждой генерации, необходимо определить, каким образом обнаруживает себя поколенческий габитус.

Впервые употребивший в указанном смысле понятие «габитус» немецкий социолог Н. Элиас пишет: самым элементарным ответом на вопрос о социальной идентичности индивида является его имя. Имя – символ, который показывает, кем индивид предстает в собственных глазах и кем он является в глазах других людей [12, с. 255]. Как для индивида, так и для поколения обретение самоидентичности является весьма значимым процессом. По этому поводу современные исследователи отмечают, что некоторым поколениям удается самим обрести свою идентичность, и это находит отражение в таком феномене, как самоназвание (так, например, советское поколение 1960-х годов назвало себя «шестидесятниками»), другие поколения сами не понимают себя, и осознанием их эпохи, приписыванием им названия занимаются уже следующие поколения [11, с. 41]; к тому же поколение должно продемонстрировать определенную степень институционализации в социуме, получив название (лейбл), например, в средствах массовой информации [10, с. 58]. Другими словами, обретение поколением самоидентичности – интегральной составляющей габитуса – объективируется в ***названии (самоназвании)***.

Часто название, и тем более самоназвание, поколения так или иначе отражает ***социальное самочувствие***, общее жизненное настроение его представителей (например, «потерянное поколение»). Причем эмоциональное самочувствие индивидов, составляющих поколение, может не соответствовать их объективному положению. Так, исследования В.В. Семеновой – одного из ведущих отечественных специалистов в области поколенческой проблематики – показывают, что поколение, названное ею «поколением переходного периода» (по ее мнению, это родившиеся в 1960-е – 1970-е гг.), успешнее, чем другие генерации, сумело адаптироваться к рыночным преобразованиям: по данным ВЦИОМ за 2000–2001 гг., среди тех, кто тогда обладал наиболее высокими заработками, с большим отрывом (по сравнению со старшими и младшими) лидировали представители именно этого поколения. Однако уже в начале 2000-х гг. генерацию отличал синдром раннего жизненного разочарования. Ее представители (которые и сейчас сравнительно молоды) не видят для себя целей и перспектив, ориентированы на прошлое. В то же время предыдущее, «доперестроечное поколение», представители которого уже достигли пенсионного возраста (это те, кому сейчас приблизительно от 60-ти до 70-ти лет), обладает в целом более скромным материальным достатком, но при этом смотрит на жизнь с оптимизмом и ориентировано на будущее [10, с. 240–245]. Таким образом, социальное самочувствие поколения определяется не столько объективными факторами, сколько специфическим поколенческим габитусом, который в данном случае проявляет себя как предрасположенность определенным образом – оптимистически или пессимистически – воспринимать жизненные события и ситуации.

Особый габитус поколения обнаруживается и в ***системе ценностей***, единой для всех составляющих поколение индивидов. Говоря о ценностях поколения, необходимо иметь в виду следующее.

Во-первых. Ценности различаются по степени «интенсивности», то есть система ценностей выстраивается по принципу иерархии: люди могут «жертвовать» одними ценностями ради других, варьировать порядок их реализации [8, с. 21–22]. И в этой связи *следует разделять ценности «возрастные»*, значимость которых для людей может меняться по мере прохождения ими различных фаз жизненного цикла (вплоть до того, что некоторые ценности вообще перестают восприниматься как таковые, а формируются новые), и *ценности собственно «поколенческие»*, которые в основном сохраняют свои позиции во все периоды жизни поколения. По-

© Пушина Л.Ю., 2012

нятно, что особый габитус генерации обнаруживает себя именно в «поколенческих» ценностях.

В частности, изыскания социологов демонстрируют: в нынешней России среди представителей старших возрастных когорт (в возрасте от 55 лет) по сравнению с годами их молодости резко возросла и вышла на первое место ценность здоровья; существенно повысилась, правда, сохранив свое второе рейтинговое место, ценность жизни; на третье место по значимости вышло материальное благополучие, оценка которого ранее была невелика; заметно снизилась ценность дружбы и любви, зато возросла важность уважения со стороны окружающих. Интересно, что подобная динамика ценностей прослеживается и в молодежных (от 16 до 30 лет) когортах по мере их взросления. Показательно также, что если в основном ценности молодых и пожилых совпадают (меняется только их иерархия), то среди молодежных когорт довольно значимой ценностью является карьерный рост, который практически не интересовал представителей старших когорт даже во времена их молодости [9]. Вероятно, можно говорить о том, что карьерный рост – специфическая «поколенческая» ценность.

Во-вторых. Каждое поколение наряду с другими является составной частью этнической общности и, следовательно, разделяет базовые ценности, присущие этносу в целом. Однако, так как появление нового поколения опосредовано изменением социально-исторической ситуации, откликом на это изменение является некоторая *модификация базовой системы ценностей каждой следующей генерации*.

В частности, каждое поколение избирает для себя какие-либо элементы прошлых эпох (культурные феномены, исторические факты, легендарные личности, тексты прошлого), которые оно применяет в качестве ориентиров, активно изучает, посвоему интерпретирует и мифологизирует [11, с. 42]. Об этом, например, свидетельствует исследование, проведенное Фондом «Общественное мнение», которое показало: представители «сталинского» поколения (по версии Фонда, оно включает себя людей, родившихся до 1936 г.) ниже, чем респонденты, относящиеся к другим генерациям, оценивают роль деятелей досоветской истории, и выше – тех, кто относится к советскому периоду. Однако весьма высоко (выше, чем другими генерациями) «сталинским» поколением оценивается личность Ивана Грозного. Авторы исследования возможную причину этого видят в том, что образ Грозного был очень популярен во времена детства и юности данной генерации, это был любимый исторический персонаж Сталина, поэтому царя Ивана IV преподносили как одного из величайших героев русской истории и в официальной науке, и в искусстве (например, в знаменитом фильме С. Эйзенштейна). А, к примеру, у «хрущевского» поколения (в интерпретации ФОМ, это лица 1936–1943 гг. рождения) рейтинги Ивана Грозного, Дзержинского и Ворошилова опускаются до рекордно низкой отметки. Специалисты ФОМ объясняют это обстоятельство косвенным влиянием разоблачения культа личности [6].

Кроме того, одно поколение отличается от других и тем, каков образ человека, которому представители генерации стремятся подражать (летчик, разведчик или мошенник, проститутка); как правило, это образ, пропагандируемый искусством и СМИ в формативный период поколения [11, с. 43]. Скажем, для «шестидесятников» («хрущевского» поколения) «герой» – романтик-горожанин, покоряющий суровую природу и иногда наездами возвращающийся в город. Вера в технократический прогресс обусловила то, что этот герой был «физиком»; именно образ представителя технической интеллигенции был романтизирован искусством (взять, к примеру, романы В. Каверина «Открытая книга» и Д. Гранина «Иду на грозу», фильм М. Ромма «Девять дней одного года» и др.) [3, с. 182–183]. Образ «героя» поколения определяет и приоритеты его представителей в выборе рода занятий, профессии, эстетические предпочтения и пр. [11, с. 43].

В-третьих. Принято различать ценности мировоззренческие (иначе – социальные идеалы) и инструментальные. *Социальные идеалы* – это выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах жизни. *Инструментальные ценности* представляют собой социально значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках; в отличие от идеалов, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные ценности относятся к средствам, которые люди используют для достижения целей [8, с. 22].

Необходимо, однако, помнить: одни и те же ценности могут выступать как в виде мировоззренческих, так и в виде инструментальных. Например, человек может стремиться к богатству, но может использовать деньги для достижения других целей. То же и с поколениями. Для некоторых из них достаток, богатство являются одной из важнейших мировоззренческих ценностей, для других – отнюдь нет. И, следовательно, генерации отличаются одна от другой – и в этом проявляет себя поколенческий габитус – ведущими мотивами и способами самореализации.

К примеру, американский социолог Р. Инглегарт сопоставил когорты, родившиеся в западном обществе до Второй мировой войны и после нее. При этом он опирался на идеи А. Маслоу о том, что если базовые (материальные) потребности человека удовлетворены, то он стремится к удовлетворению потребностей более высокого ранга и, в том числе,

потребности в саморазвитии. Когорты, испытавшие на себе тяготы экономической депрессии и военного времени, Р. Инглегарт назвал «материалистическим» поколением: они реализовывали себя в удовлетворении, прежде всего, материальных потребностей. Между 1970 и 1988 гг., по мнению мыслителя, американцы и западноевропейцы сделали важные шаги в сторону постматериализма. «Постматериалисты», которые формировались в период относительного экономического благополучия и базовые потребности которых были в основном удовлетворены, ориентируются не на экономический рост, а на качество жизни: для них важны не столько обязательная занятость и высокие доходы, сколько интересная, осмысленная работа, осуществляющаяся в контакте с близкими по духу людьми; они стремятся к повышению, скорее, своего статуса, нежели доходов [4, с. 253–254].

Интересно, что к сходным выводам приходят и отечественные социологи. Исследования показывают, что представители «поколения переходного периода» (когорты, родившиеся в относительно спокойные 1960–1970 гг.), сразу после начала рыночных преобразований открывшие свой бизнес, в большинстве своем руководствовались отнюдь не соображениями материальной выгоды, а стремлением к независимости, свободе, самостоятельности, творческой самореализации. Более молодые когорты, выросшие в эпоху нестабильности и перемен, имеют более прагматическую мотивацию – материальный достаток [10, с. 147–149].

Иными словами, для одних генераций («материалистически» ориентированных) важен *уровень жизни*, для других («постматериалистов») – скорее, *качество жизни*. Понятие «уровень жизни» в узком смысле означает уровень потребления и степень удовлетворения людьми своих потребностей; в широком смысле оно выступает характеристикой уровня человеческого развития (состояния здоровья, возможностей для удовлетворения потребностей) и условий жизнедеятельности (состояние среды обитания и безопасность) [1, с 26]. Понятие «качество жизни» характеризует не только определенный уровень благосостояния, но и другие содержательные стороны жизни, которые весьма важны для современного человека и которые трудно описать количественно: стремление человека к самореализации, возможность обладать свободой выбора, приобретать новый опыт и новые возможности ради удовольствия, способность находить равновесие между собственными интересами и интересами общества [5, с. 8].

В-четвертых. Исследования показывают, что социальные идеалы трансформируются новыми генерациями в гораздо меньшей степени, чем инструментальные ценности [9]. Таким образом, специфика поколения может быть обнаружена, прежде всего, благодаря последним. А значит, благодаря его (поколения) ***социальным практикам***. Более того, социальные идеалы не могут быть познаны непосредственно. Идеалы реализуются лишь посредством человеческой деятельности. Их воплощением может выступать либо сам процесс деятельности – деяние, либо объективированный продукт деятельности – произведение [8, с. 23]. В силу этого своеобразие поколения может быть раскрыто опять-таки через его практики. В данном контексте габитус поколения обнаруживает себя в том, каков ведущий способ отношений между представителями генерации и их внешним окружением в процессе осуществления деятельности: *коллективизм или индивидуализм, экстравертность или интровертность, активность или пассивность* [11, с. 44].

Это можно проиллюстрировать на примере ныне живущих российских генераций. Скажем, если самые старшие из них – это поколения коллективистов [10, с. 117–118], то поколение «шестидесятников» таковым уже не является. С начала 1950-х гг. в СССР начинается массовое жилищное строительство, благодаря чему в российских городах появляется физическое пространство для развития приватности – отдельные квартиры. Поколение «шестидесятников», условия социализации которого резко отличались от тех, в которых формировались первые советские генерации, создало особую публично-приватную сферу, воплощением которой стала «интеллигентская кухня». В рамках этой сферы «шестидесятники» сделали нормой критику власти, что было невозможным в официальной публичной сфере [3, с. 194–195]. Представители поколения не концентрировались исключительно на своих личных проблемах и интересах, а являлись активистами протестного движения, искренне надеявшимися изменить к лучшему общество в целом [3, с. 188], и, значит, их можно считать экстравертами. Однако протестная активность, которую генерация демонстрировала в середине прошлого столетия, в 1990-е гг. сменилась разочарованием и пассивностью. По данным Ю.А. Левады, в середине 2000-х гг. политическая активность поколения «шестидесятников» была примерно в два раза ниже, чем в двух старших генерациях [7, с. 49–50].

Подведем итог всему сказанному выше. Габитус как атрибут поколенческой общности предполагает:

– самоидентификацию индивидов, составляющих поколение, с этим поколением, осознание поколенческой общностью своего единства, что находит отражение в названии (самоназвании) генерации;

– характерное социальное самочувствие представителей поколенческой общности (оптимизм или пессимизм, ориентацию на прошлое или на будущее);

– наличие собственных ценностей: а) мировоззренческих (или социальных идеалов), которые находят отражение в том, какие элементы прошлых эпох поколение использует в качестве ориентиров, каков «герой» поколения, каковы ведущие мотивы и способы самореализации представителей генерации («материалистическая» ориентация на уровень жизни, либо «постматериалистическая» ориентация на ее качество); б) инструментальных, которые объективируются в социальных практиках, а именно – в том, каков ведущий способ отношений между представителями генерации и их внешним окружением в процессе осуществления деятельности: коллективизм или индивидуализм, экстравертность или интровертность, активность или пассивность.

Библиографический список

1. *Берендеева А.Б., Николаева Е.Е.* Благосостояние населения региона: индикаторы, тенденции, перспективы. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – 291 с.

2. *Бурдье П.* Практический смысл / отв. ред. пер. и послесловие Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

3. *Воронков В.М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2005. – С. 168–200.

4. *Инглегарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.:Academia, 1999. – С. 249–260.

5. *Иноземцев В.* Возвращение Европы. В авангарде прогресса: социальная политика в ЕС // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 6. – С. 3–14.

6. Исторические деятели России, оказавшие наибольшее влияние на судьбу страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/istdeotcet (дата обращения: 15.11.2011).

7. *Левада Ю.А.* Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2005. – С. 39–60.

8. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15–26.

9. Пожилой человек в условиях социально-экономических реформ: методология, методика, анализ данных исследования / Н.В. Гудков, Г.В. Морозов, В.Н. Пушина, Н.А. Птицына. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. – С. 54–62.

10. *Семёнова В.В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М.: РОССПЭН, 2009. – 271 с.

11. *Шипулина Н.Б.* Поколение как субъект культуры // Известия ВГПУ. – 2004. – № 2. – С. 35–46.

12. *Элиас Н.* Общество индивидов. – М.: Праксис, 2001. – 336 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.001

Зайцев Александр Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aleksandr-kostroma@mail.ru

ДИАЛОГ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ ЕС И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

В статье рассказывается о гражданском диалоге в ЕС и процессе его политико-правовой институционализации. Институциональный гражданский диалог в ЕС сопоставляется с диалогом государства и гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: *диалог, государство, власть, гражданское общество, институционализация, ЕС, Россия.*

Западноевропейские политологи, правоведы, социологи, философы и конкретные акторы политико-правового процесса традиционно уделяют весьма большое внимание процедурам взаимодействия структур политического управления и организаций гражданского общества. В последнее время они стали все чаще и чаще обращаться к истокам демократии, родиной которой являются древнегреческие полисы. Особую роль в этом социально-политическом редукционизме принадлежит агоре – как месту и форме бытия прямой непосредственной демократии. На агоре, как всенародном собрании, в ходе публичного обсуждения социально-политических проблем происходила общественная выработка важнейших взаимоприемлемых, в том числе консенсусных и/или компромиссных решений. Но агора – это не только древняя история, а тем более не какой-нибудь анахронизм, а своеобразная квинтэссенция демократии, существующая на уровне политико-правовой онтологии. «Пересмотр идеи агоры в современном обществе, а также создание идеальной новой агоры является метафорой в контексте социального действия (или на арене публичной сферы), где люди могут принимать коллективные решения о своем будущем», – так считает Александр Христакис, один из теоретиков и практиков так называемого структурированного дизайн-диалога [1].

В России понятие «гражданский диалог» используется крайне редко. Михаил Горбачев инициировал создание «надпартийного движения» «Гражданский диалог», которое он позиционировал как независимого партнера власти и общества, выражающего в их противоречивом единстве интересы последнего, то есть социума [2]. «Сейчас нет диалога, настоящего диалога между властью и обществом. И это самая большая беда, – сетовал в интервью радиостанции “Эхо Москвы” первый и последний президент СССР. – …Мы сможем двигаться вперед… если мы включим общество. А это возможно только через диалог» [3]. «Гражданский диалог» был задуман как «некое гражданское собрание, гражданский форум», где различные общественные объединения и моральные лидеры общества «могли бы… участвовать в переговорном процессе с властью» с целью преодоления монополии государства на формирование информационной повестки дня и включения в нее «от имени общества» того, от чего «отвертеться нельзя» [3]. Диалог, по мнению М. Горбачева, – это «самый эффективный способ изменить положение в стране, возродить в народе надежду», а его основными принципами должны стать «интеллектуальная независимость, чувство гражданского долга, профессионализм, приверженность нравственным ценностям» [4]. Такой диалог должен носить конструктивный характер. В итоге 15 сентября 2010 года на свет хотя и появился обещанный Михаилом Горбачевым «Гражданский диалог», но чем-нибудь более или мене заметным, кроме факта своего учреждения, о себе он так и не заявил, существуя в общественно-политической жизни современной России лишь виртуально, не востребованный ни государством, ни гражданским обществом.

В России используется другое понятие: диалог государства и гражданского общества. Точного и адекватного толкования данного термина пока что не существует, хотя само понятие весьма активно используется как в общественно-гуманитарных науках, так и в повседневном социально-политическом дискурсе. Гражданский диалог не синонимичен концепту «диалог государства и гражданского общества», а первый термин, как это представляется автору, значительно шире второго. Наряду с ними (как в России, так и в Евросоюзе) используется еще одно, близкое к этим терминам понятие: «социальный диалог». В узком смысле социальный диалог можно понимать как трехстороннее взаимодействие государства, работодателей и профсоюзов (как одного из институтов гражданского общества) в сфере социально-трудовых отношений. В широком понимании социальный диалог – это любой общественный диалог.

В.В. Давыденко, политолог из Украины, так разрешает амбивалентность понимания термина социальный диалог: «В широком смысле социальный диалог – это паритетное конструктивное сотрудничество между гражданским обществом

© Зайцев А.В., 2012

(как отдельной сферой общественных отношений, в которой реализуются частные интересы граждан и их групп, которая существует параллельно с государством, однако прямо ей не подчинена) и государством (как выразителем общественно важных интересов). В узком – замыкается в рамках традиционной формы ведения консультаций, переговоров и других форм социально-политических контактов, происходящих между правительством, профсоюзами и объединениями работодателей» [5, с. 27]. В целом соглашаясь с таким определением социального диалога, хотелось бы возразить В.В. Давыденко и заметить, что социальный диалог (в широком понимании) имеет массу разновидностей и отнюдь не сводится к диалогу государства и гражданского общества. Так, в качестве разновидностей социального (общественного) диалога, протекающего внутри социума, можно назвать межкультурный диалог или диалог культур, диалог цивилизаций (в рамках глобального сообщества), межрелигиозный диалог, научный диалог, диалог мировоззрений, диалог исторических эпох, диалог поколений и т. д.

Что касается концепта «диалог государства и гражданского общества», то адекватного теоретико-методологического осмысления этого понятия, несмотря на его актуальность в современной общественно-политической ситуации в России, до сих пор нет. Как нет и общепринятого определения в ЕС понятия «гражданский диалог».

Автор подробного обзора, включившего в себя рассмотрение национальных моделей и особенностей действующих «механизмов политической институционализации гражданского диалога», Н. Нахтигаль в сентябре 2010 года проанализировала практику двухсторонней коммуникации 15 европейских стран, а также Австралии и Канады и была вынуждена отметить, что «центральное понятие, используемое в данном документе, не имеет твердого определения ни в теоретической литературе, ни в многочисленных документах, касающихся темы гражданского диалога». В понимании сущности и природы гражданского диалога в Евросоюзе отсутствует консенсус, и поэтому разные авторы вкладывают в него различное содержание.

Так, к примеру, в Словении под гражданским диалогом понимается «включенность гражданского общества и его акторов в разработку и осуществление государственной политики». Самой Н. Нахтигаль было предложено такое довольно неполное и неуклюжее определение гражданского диалога, как «создание возможностей для гражданского общества выражать свою обеспокоенность и представлять свои предложения относительно общественной жизни и социально-экономического развития». Это осуществляется в процессе взаимодействия гражданского общества с формальными государственными институтами для реального влияния на текущую политику и принимаемые политические решения с целью повышения степени их легитимности, известности и подконтрольности [6, с. 2–3].

В исследовании под названием «Гражданский диалог, как заставить его работать лучше?», проведенном Э. Фази и Д. Смитом, авторы также обращают внимание на «отсутствие общепринятого определения, а также теории гражданского диалога», что, по их мнению, «поразительно относительно его увеличивающейся роли в управлении дебатами особенно в Европейском Союзе» [7, с. 32]. Э. Фази и Д. Смит полагают, что под гражданским диалогом следует понимать широкий диапазон специальных неструктурированных практик и гибких консультаций, главным образом, по проблемам социальной политики. Гражданский диалог возник как «параллель» к социальному диалогу и, в отличие от него, обращается к широкому диапазону взаимодействий между организациями гражданского общества и государственными учреждениями и институтами власти. «Гражданский диалог представляет собой взаимодействие между государственными учреждениями и организациями гражданского общества, а не односторонние отношения» [7, с. 32–33].

Для гражданского диалога может быть присуща различная степень его формализации, начиная от неофициальных контактов до юридически признанных и институционализированных процедур непрерывного обмена социально значимой информацией. Гражданский диалог может характеризоваться различной степенью вовлеченностью в него организаций гражданского общества: от спорадического информирования своих контрагентов до установления систематических консультаций и активного участия в двухсторонней коммуникации с различными официальными институтами. По мнению вышеназванных исследователей, гражданский диалог может включать в себя ряд фаз: постановки проблемы, определения политики, принятия решения, реализации и оценки полученных результатов. В качестве акторов гражданского диалога выступают организации гражданского общества, действующие в общественных интересах.

Еще в 1999 году Еврокомиссия пришла к выводу, что гражданское общество «включает в себя следующее: профсоюзы и работодателей (“социальных партнеров”), неправительственные организации, профессиональные ассоциации, благотворительные организации, низовые организации, которые вовлекают граждан в местную и муниципальную жизнь» [6, с.2]. Такой подход позволяет включить социальный диалог (в узком смысле), как фрагмент трехсторонней интеракции, в более широкое понятие двухстороннего диалога государства с гражданским обществом.

Однако было бы ошибкой, основываясь на мнении вышеприведенных авторов, отождествить при-

нятое в Евросоюзе понятие гражданского диалога с тем, что в России традиционно подразумевают под диалогом государства и гражданского общества. Дело в том, что ЕС – это наднациональная политическая система, в которой, кроме местного, регионального и национально-государственного уровней интеракции власти и социума, существует еще принципиально новый, транснациональный или общеевропейский уровень взаимодействия с гражданским обществом. Именно оттуда, от Европарламента, Еврокомиссии, Комиссии по экономическому и социальному развитию и других институтов ЕС, эманируется вниз инициатива перманентного диалога органов управления с гражданским обществом. Можно говорить о самых разнообразных видах, жанрах и формах этого диалога. К сожалению, какой-либо более-менее приемлемой классификации такого диалога до сих пор нет ни на Западе, ни в России. В то же время можно сказать, что в настоящее время в практике Евросоюза и входящих в него стран сложились три основных формы гражданского диалога:

1. Так называемый «вертикальный диалог», или «секторальный гражданский диалог», между организациями гражданского общества и их партнерами по диалогу в законодательной и исполнительной власти национальных государств, входящих в ЕС.

2. Вторая форма гражданского диалога – это «трансверсальный», или поперечный, диалог. Он понимается как структурированный и регулярный диалог между институтами ЕС и всеми компонентами гражданского общества.

3. Третья форма гражданского диалога – это «горизонтальный диалог» между самими организациями гражданского общества по проблемам развития ЕС и его политики [8, с. 3].

В Евросоюзе гражданский диалог институционализирован не только как опривыченная (хабитуализированная) социально-политическая процедура, но также и законодательно. Статья 11 Договора о Европейском Союзе в редакции вступившего в силу Лиссабонского договора прямо обязывает официальные институты ЕС обеспечить «возможность гражданам и представительным ассоциациям» ставить их «в известность о своих мнениях и публично обмениваться ими по всем сферам деятельности Союза», ведя регулярный диалог «с представительными ассоциациями и гражданским обществом» [9]. Включение этого важнейшего положения в конституционный акт ЕС способствовало и формально-правовой институционализации гражданского диалога.

«Существенным шагом на пути расширения представительной демократии и реализации диалога между ЕС и гражданским обществом явилось право обращения граждан национальных государств с предложениями в Европейские Комиссии» [10]. Дело в том, что в соответствии с частью 4 той же статьи 11 Договора об образовании ЕС (в редакции Лиссабонского договора) «граждане Европейского Союза в количестве не менее одного миллиона по собственной инициативе могут выдвинуть требование Европейским Комиссиям принять к рассмотрению предложения для принятия правового акта, который при необходимости может быть внесен в договор» [9]. Однако в этом поистине демократичном положении, когда один миллион граждан из почти пятисотмиллионного населения может потребовать от законодательного органа Союза рассмотреть предложение, присутствует существенный изъян – ограничение действия права. Граждане Союза могут только выступить с требованием, которое отнюдь не обязывает Комиссию его принять. Точно так же, как в гражданский диалог институты ЕС обязаны вступать не со всеми, а только с «представительными», то есть репрезентативными организациями гражданского общества.

В России институционализация диалога государства и гражданского общества осуществляется главным образом с помощью Общественной палаты РФ, а также соответствующих ей совещательно-консультативных органов, созданных во всех субъектах Российской Федерации, как на региональном, так и на местном уровнях. Данная модель интеракции власти и социума не является общепризнанной и вызвала критику как в самой России, так и за ее пределами. И дело не только в том, что создание Общественной палаты было инициировано президентом страны, но еще и в том, что порядок формирования этого образования определен таким образом, что в сферу официального дискурса государства и социума попадают лишь тщательно самой властью отобранные, лояльные ей представители гражданского общества. Анализ опыта создания общественных палат на региональном уровне свидетельствует, что «эти структуры не являются самостоятельными и образуются при губернаторах либо законодательных собраниях соответствующих регионов. Состав таких советов нередко утверждается главой региона, а в ряде случаев губернаторы лично возглавляют созданные при них общественные палаты. В состав некоторых общественных палат входят представители органов государственной власти, хотя это явно несовместимо с целями этих формирований, приводит к их смешению с органами государственной власти, не позволяя отнести к полноценному институту гражданского общества» [11, с. 19–20].

Данное обстоятельство ведет к произвольному ограничению числа возможных акторов диалога государства и гражданского общества. Кстати, на Западе уже давно выработаны четкие критерии для того, чтобы считать ту или иную общественную

структуру репрезентативной и имеющей право на участие в гражданском диалоге. К таким критериям откосятся, к примеру, стабильность данной структуры, уровень ее представительности и масштаб деятельности (местный, региональный, национальный, структурный), прозрачность, независимость от каких бы то ни было других, в том числе бизнес-структур, наличие опыта и прав участия в переговорах и т. д. Это позволяет вести селекцию участников гражданского диалога на основании объективных критериев, а не произвольно, как, например, при формировании членства общественно-консультативных органов, в том числе Общественной палаты РФ.

Автор данной статьи далек от апологии гражданского диалога в Европейском союзе и распространении его как кальки для развития коммуникации государства и гражданского общества в современной России. Во-первых, в Российской Федерации совершенно иной, чем в ЕС, уровень политической и коммуникативной культуры, совершенно другие исторические традиции и практический опыт в сфере взаимодействия государства и социума. Во-вторых, реальная практика осуществления гражданского диалога в ЕС тоже далеко не безупречна, вызывает серьезную и обоснованную критику.

Опыт организации европейского институционального гражданского диалога в целях формирования общей политической воли и новой наднациональной идентичности может пригодиться и современной России. Причем не только с точки зрения развития традиционного диалога государства и гражданского общества, но и для реинтеграции национальных государств на постсоветском пространстве. С созданием таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана этот процесс приобретает вполне осязаемую не только экономическую, но и политическую перспективу. Одним из важных ресурсов реинтеграции должно стать использование позитивного опыта, учет неудач и промахов Евросоюза по организации структурированного гражданского диалога, формированию общего публичного политического пространства и становлению транснационального гражданского общества.

Библиографический список

1. Dialogue as of Means of Collective Communication/21st Century Agora [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:21stcenturyagora.org/

2. *Горбачев М.* Народ и власть. Как остановить раскол // Новая газета. – 2010– № 75. – 14 июля.

3. *Горбачев М., Муратов Д., Лебедев А.* Народ и власть. Как остановить раскол // Эхо Москвы. Ведущий А. Венедиктов. 20.07.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/696591-echo/

4. *Горбачев М.* Нужны механизмы взаимодействия общества и власти. Письмо по поводу создания форума «Гражданский диалог» // Новая газета. – 2010. – № 83. – 2 августа.

5. *Давіденко В.В.* Соціальний діалог в контексті взаємодії громадянського суспільства і держави: Автореф. дис. ... д-ра політ. наук / Львівський національний ун-т ім. Івана Франка. – Львів, 2008.

6. *Nahtigal N.* Institutionalising Civil Dialogue – Overview of existing Policy measures, Sept. 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnvos.si/UserFiles/File/Zagovornistvo/Analize/institucionalizacija%20civilnega%20dialoga.pdf

7. Civil Dialogue Making it work better Report researched and written by ElodieFazi and Jeremy Smith [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://act4europe.horus.be/module/FileLib/Civil%20dialogue,%20making%20it%20 work%20better.pdf

8. Towards a structured framework for European Civil Dialogue. Brussels, 15 February, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civicforum.fr/documents_towards_a_structured_framework_for_european_civil_dialogue.pdf

9. Договор о Европейском Союзе (в редакции Лиссабонского договора) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eulaw.ru/treaties/teu.

10. *Шатаев И.* Лиссабонский договор – правовая модель демократии, диалога и европейского развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.google.ru/search?hl=ru&source=hp&biw=1271&bih=598&q

11. *Типало Е.Е.* Общественная палата Российской Федерации как институт гражданского общества: Автореф. дис. … канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 20011 – 29 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 502/504; 37.033; 349.6

Цховребов Эдуард Станиславович
кандидат экономических наук
sofiamosina@yandex.ru
Лебин Александр Николаевич
Белоусов Вячеслав Георгиевич

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В статье приводятся исторические этапы, дается краткий анализ становления и развития экологических правоотношений, экологического законодательства и природоохранной деятельности в России в XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: *право, экология, история развития экологических правоотношений, охрана природы, природоохранная деятельность.*

За период своего существования человечество в результате собственной деятельности оказывало и оказывает постоянное, всевозрастающее воздействие на природу Земли. В ходе исторического процесса изменялось и влияние человека на окружающую среду: с одной стороны – росло потребительское отношение к природным ресурсам, с другой – осознание необходимости охраны и защиты природы. Остановимся на этапах становления, развития природоохранной деятельности и экологических правоотношений в новейшей истории нашей страны – в эпоху Советского Союза и современной России.

После революции в октябре 1917 года произошел ряд кардинальных сдвигов в законотворчестве в области использования природных ресурсов. Первоочередное внимание ленинского правительства было уделено национализации всех природных богатств страны – земли, вод, недр, лесов.

Через два дня после октябрьских событий ленинское правительство провозгласило декрет «О земле», в соответствии с которым все леса, воды и полезные ископаемые объявлялись государственными, становились под защиту государства и переходили исключительно в его пользование.

Декрет «О лесах», принятый в 1918 году, был особенно важен для пресечения хаотических рубок леса. В соответствии с ним, для организации государственного планирования и управления использованием лесных ресурсов России учреждалось Центральное управление лесов, осуществлявшее регулирование рубок и посадок. Леса подразделялись на эксплуатируемые и охраняемые. Последние должны были обеспечить предотвращение эрозии почв, охрану вод. В декрете «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие» (1919) первостепенное значение имело запрещение охоты на лося, диких козлов и повсеместное закрытие на территории РСФСР летней и весенней охоты. В соответствии с декретом «Об охоте» (1920), для регулирования порядка охоты, охраны промысловых животных и организации их разведения в неволе осуществлялось создание Управления охоты.

В апреле 1920 года вышел декрет СНК «О недрах земли», в котором недра провозглашались собственностью советского государства, приводились положения об их рациональном использовании и охране.

Вышедший в 1921 г. декрет «Об охране памятников природы, садов и парков» запрещал любую эксплуатацию природных ресурсов в заповедниках и национальных парках, в частности, охоту, рыбную ловлю, без разрешения соответствующих органов. Одними из первых заповедников в Советской России стали Астраханский (апрель 1919 г.), Аскания-Нова и Жигулевский.

Декрет СНК «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане» (1921) определял меры по охране рыбы и морских животных в акватории Северного Ледовитого океана, его прибрежной зоне.

Ряд конституционных положений об охране природы был заложен в Конституции СССР 1924 года, принятой на 2-м съезда Советов СССР [1].

В начале и середине 20-х годов прошлого столетия зарождалась государственная система контроля и управления природоохранной деятельностью. После Октябрьской революции правовыми актами того времени для координации работ по охране природы на местах были созданы природоохранные комиссии. В их работу входила деятельность по природоохранному воспитанию населения: организация детских лагерей, проведение дней леса, дней птиц, выпуск специальных природоохранных лотерей, обучение и обеспечение населения информацией о состоянии природной среды, проведение конкурсов, издание журналов, организация курсов по охране природы; учету, охране водоемов, животных, лесов и памятников природы; составлению картотеки парков и заповедников; организации лесопосадок, разведению отдельных видов животных, пчел; подготовке наказов для де-

© Цховребов Э.С., Лебин А.Н., Белоусов В.Г., 2012

путатов местных Советов в сфере охраны природы.

В эти годы ширилось и крепло общественное движение за охрану природной среды. Жизнь и развитие самой идеи охраны природы требовали создания единой организации, формирующей общественное мнение советских людей, вовлекающей население в практическую природоохранную деятельность. Учитывая требования времени, в 1924 г. организуется Всероссийское общество охраны природы. В поле зрения общества находился широкий круг природоохранных вопросов: осуществление общественного контроля за охраной водоемов, лесов, памятников природы, парков; охрана и восстановление численности редких животных и растений; создание заповедников; формирование общественных фондов охраны природы; просветительская и агитационная природоохранная деятельность. Вплоть до настоящего времени решение этих вопросов не потеряло актуальности.

После смерти В.И. Ленина экологическое законотворчество пошло на убыль; в последующие десятилетия лишь в немногих постановлениях СНК нашли отражение природоохранные вопросы: «О мерах по упорядочению лесного хозяйства» (1928), «Об организации лесного хозяйства» (1931), «О регулировании рыболовства и охране рыбных запасов» (1935).

В 30-е – 40-е гг., в эпоху индустриализации, а позже – во время Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления страны, было очевидно, что охрана природы является далеко не первостепенной задачей. И все же руководство СССР отдавало себе отчет в том, что главным природным ресурсом, понесшим огромный урон в эти годы, являлся лесной фонд страны. На решение вопросов об охране и бережном использовании лесов направлен ряд постановлений Совета Министров СССР, в частности, «Об упорядочении пользования лесами и улучшении ведения хозяйства в них» (1948).

В военные и первые послевоенные годы резко ухудшилась санитарно-эпидемиологическая обстановка в городах и населенных пунктах страны. В 1949 г. вышло в свет постановление Совмина «О мерах борьбы с загрязнением атмосферного воздуха и об улучшении санитарно-гигиенических условий населенных мест», давшее толчок созданию системы нормирования загрязнений атмосферного воздуха, контроля за источниками загрязнения атмосферы, системы мониторинга состояния атмосферного воздуха. Во исполнение данного постановления в 1951 г. в СССР были утверждены первые в мире предельно допустимые концентрации (ПДК) для 10 наиболее распространенных загрязнителей (окислы углерода, азота, серы и др.).

В целом за период 60-х – 80-х годов в СССР было издано более сотни законодательных и нормативно-правовых актов в области использования природных ресурсов и охраны природы, среди них: законы СССР; указы Президиума Верховного Совета СССР; постановления Совета Министров СССР; государственные, отраслевые стандарты, нормативы и правила.

В состав союзной и республиканской законодательной базы входили законы СССР: «Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» (1968); «Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик» (1970); «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах» (1975); законы РСФСР: «Об охране атмосферного воздуха» (1982); «Об охране и использовании животного мира» (1982); и др.; законодательные акты других союзных республик.

В указах Президиума Верховного Совета СССР регламентировалась ответственность за нарушения природоохранного законодательства: «Об усилении административной ответственности за нарушение правил рыболовства и охраны рыбных запасов в водоемах СССР» (1964); «Об административной ответственности за нарушение земельного законодательства» (1970); «Об усилении ответственности за загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей, живых ресурсов моря» (1974).

В постановлениях Совмина СССР излагались меры по охране и рациональному использованию и охране отдельных природных объектов: «О мерах по предотвращению загрязнения Каспийского моря» (1968); «О мерах по сохранению и рациональному использованию природных комплексов бассейна озера Байкал» (1969); «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов рек Волги и Урала неочищенными сточными водами» (1972); «О мерах по снижению шума на промышленных предприятиях, в городах и других населенных пунктах» (1973); «О мерах по усилению охраны от загрязнения бассейна Балтийского моря» (1976); и ряд других.

Важное значение имела созданная система государственных и отраслевых природоохранных стандартов, нормативов, в том числе – система государственных стандартов по категории «охрана природы», видам природных ресурсов и антропогенного воздействия: недра, земли, гидросфера, почвы, шум, ландшафты, качество вод, рекультивация земель, ресурсы вторичные, атмосфера, а также по направлениям их охраны.

Государственное управление, учет и контроль за рациональным использованием природных ресурсов, а также в области охраны природы были рассредоточены либо в специальных ведомствах при Совмине СССР, либо в союзных министерствах. Так, на Министерство геологии и охраны недр возлагались вопросы охраны и рационального использования недр, а на Министерство сельского хозяйства – использование, учет и охрана земель. В Ми-

нистерстве мелиорации и водного хозяйства в целях контроля за использованием и охраной вод выделялись межрегиональные бассейновые водные управления (по бассейнам рек). На Главное управление гидрометеорологической службы при Совмине СССР возлагались функции контроля состояния атмосферного воздуха, в том числе за соблюдением нормативов загрязнения воздуха, и ряд других полномочий. Вопросы охраны рыбных запасов, контроля за состоянием, режимом использования рыбохозяйственных водоемов были возложены на Главное управление рыбоохраны.

В каждом Министерстве при управлениях материально-технического снабжения функционировали подразделения по организации и учету движения вторичных материальных ресурсов. В эпоху дефицита материалов и запчастей действовала жесткая система учета сдачи отработанных материалов и изделий, являющихся вторичным сырьем: отработанных масел, автопокрышек, аккумуляторов, упаковочных материалов, макулатуры, черного и цветного металлолома. С министерств спускались обоснованные расчетным путем лимиты на сдачу указанных видов отходов, не выполнив которые предприятия могли лишиться прав на получение новой техники и оборудования. Ресурсосбережение, отлаженная система сбора вторичного сырья вкупе с организованной системой государственного земельного контроля способствовали в то время обеспечению чистоты и порядка, предотвращению захламления земель и образования свалок отходов.

Анализируя сложившуюся в 60-е – 80-е гг. систему управления и контроля в сфере охраны окружающей среды, можно выделить ряд положительных результатов, которых сейчас, даже после координации природоохранных вопросов в едином федеральном органе, удается добиться не в полной мере.

Во-первых, структура природоохранных органов строилась строго вертикально: управления, инспекции не зависели от руководителей органов управления не то что местного или даже областного уровня, а в ряде случаев – и республиканского. Это позволяло жестко и бескомпромиссно пресекать природоохранные нарушения, ставить вопросы о привлечении руководителей, должностных лиц любого ранга к партийной, уголовной, административной и дисциплинарной ответственности за их совершение.

Во-вторых, следует отметить высокую эффективность работы «не раздутых», по сравнению с настоящим временем, государственных контролирующих органов, в результате четкого разграничения функций между природоохранными ведомствами. Исключалась современная практика «контролирования» десятком природоохранных служб одного и того же предприятия по одним и тем же вопросам по несколько раз в год. При этом роль государственного контроля за состоянием и источниками загрязнения окружающей среды сводилась не только к пресечению нарушений законодательства по охране природы, но и к предупреждению негативного воздействия на природные ресурсы, стимулированию охранных мероприятий.

В-третьих, существовала четкая регламентация функций и прав советских государственных служащих, занятых в сфере охраны природы. В результате, из-за отсутствия коррупционных полномочий чиновники не могли участвовать в разбазаривании природных ресурсов страны.

В-четвертых, следует отметить существовавшую многоступенчатую систему контроля за действиями руководителей и сотрудников природоохранных ведомств. Вышестоящие органы, комитеты партийного и народного контроля, профсоюзы, общественные, партийные организации и, конечно, правоохранительные органы строго следили за соблюдением социалистической законности, морально-этических норм и партийной дисциплины [2].

И, наконец, в-пятых, государством осуществлялось достаточное финансирование государственной природоохранной системы в стране.

Недостатками системы природоохранной деятельности и законотворчества доперестроечного периода являлись отсутствие законодательной базы по экологической экспертизе, охране окружающей среды от отходов, об особо охраняемых природных территориях и, в первую очередь, как единого законодательного акта, так и координирующего государственного органа в области использования природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Коренной перелом в природоохранном законодательстве, системе государственного управления, контроля, нормирования в данной сфере произошел после выхода в свет в январе 1988 года постановления ЦК КПСС и Совмина СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране». В нем указывалось на низкую эффективность государственного управления и недостаточность мер по охране окружающей среды, недооценку экономических вопросов в практике природоохранной деятельности. Во исполнение его решения, в стране создавались единая система государственного управления и контроля в области охраны окружающей среды, включая координирующий природоохранный орган – Государственный комитет по охране окружающей среды (Госкомприроды СССР). Основными задачами Комитета были определены: проведение единой государственной политики, государственное управление, координация деятельности органов исполнительной власти в области природопользования и охраны окружающей среды; определение порядка, организация и осуществление государственного экологического контроля, экспертизы, мониторинга за состоянием природной среды, учета природных ресурсов и объектов; выработка единого экономического механизма при-

родопользования, включая определение порядка платности природопользования и взимания платежей за загрязнение окружающей среды; разработка и утверждение природоохранных стандартов и нормативно-технической документации и ряд других государственных задач.

В начале 90-х годов в обиходе появляется ранее не применявшийся термин «экология», что означает при переводе с греческого «наука о доме», а также понятия: платность природопользования (согласно применявшегося в странах Западной Европы принципа «загрязнитель платит»); экологическая безопасность; экологический контроль, мониторинг и экспертиза.

С 1 июля 1990 г. вводится в действие ГОСТ 17.00.04-90 «Экологический паспорт промышленного предприятия» – первый нормативно-технический документ комплексной оценки природоохранной деятельности производственного объекта и степени его воздействия на окружающую среду.

В декабре 1991 года выходит в свет первый в истории России Закон РФ «Об охране окружающей природной среды», законодательно закрепивший все виды экологических правоотношений в стране. В нём излагались цели и задачи природоохранного законодательства и основные принципы охраны окружающей среды в РФ; закреплялись экологические термины и понятия; устанавливался принцип платности природопользования и виды платежей за загрязнение окружающей среды; регламентировались полномочия органов в области государственного управления в сфере охраны окружающей среды, экологического контроля, нормирования, мониторинга, учета и экспертизы, а также их функции, задачи и полномочия должностных лиц; приводились требования к охране окружающей природной среды на всех этапах деятельности; определялись виды ответственности за нарушение экологического законодательства; и пр. В законе были определены и размеры штрафных санкций за нарушение экологических требований и норм, являвшиеся слишком ничтожными для нарушителей природоохранного законодательства. Это приводило к низкой эффективности государственного экологического контроля, а также мер стимулирования природоохранных мероприятий. Отсутствовало четкое разграничение функций хозяйственного использования природных ресурсов и государственного контроля за их рациональным использованием, полномочий различных органов.

Для упорядочения правовой базы в 90-х гг. были изданы законодательные акты как по направлениям природоохранной деятельности, так и по охране и использованию отдельных видов природных ресурсов: Земельный, Лесной и Водный кодексы РФ, Законы РФ: «О недрах», «Об особо охраняемых природных территориях», «О животном мире», «Об отходах производства и потребления», «Об охране атмосферного воздуха», «Об экологической экспертизе».

В принятой в 1993 году Конституции РФ, как и в предыдущих Конституциях СССР, признается неотъемлемое право российских граждан на благоприятную окружающую среду, а ее охрана провозглашается государственной задачей и важнейшей обязанностью граждан.

После 2000 года руководством страны был предпринят ряд мер по налаживанию целостной системы государственного управления в экологической сфере, определены важнейшие государственные задачи в данной области – четкое разграничение полномочий между органами исполнительной власти федерального, регионального уровня и местного самоуправления; усиление государственного экологического контроля, мер ответственности за нарушение экологического законодательства; более широкое участие общественности в решении экологических вопросов.

В новом ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. в большей степени учтены недоработки аналогичного законодательного акта 1991 года, внесен ряд кардинальных изменений в организацию системы государственного управления и контроля в области охраны окружающей среды.

Из названия Закона исключено слово «природной»: в нем первостепенное внимание уделяется сфере общественных отношений в области охраны окружающей среды, а не природопользования, которые уже на момент принятия закона регулировались водным, земельным, лесным законодательством, а также законами о недрах и особо охраняемых природных территориях.

В федеральном законе проведено четкое разграничение как функций управления, контроля и хозяйственного использования природных ресурсов, так и полномочий органов государственной власти различных уровней в сфере охраны окружающей среды. В соответствии с ним, запрещается совмещение функций государственного экологического контроля и хозяйственного использования природных ресурсов. Важное значение имеет регламентация экологических требований как на всех этапах деятельности: размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию, эксплуатации объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, – так и по отраслям: энергетика, сельское хозяйство и пр. Особое внимание уделяется экологическим требованиям при использовании радиоактивных веществ и материалов, производстве, обезвреживании опасных химических веществ, обращении с опасными отходами.

Следует отметить, что в настоящее время уже издан и ряд других законодательных актов в области природопользования и охраны окружающей среды (новые Лесной и Водный кодексы РФ и т.д.),

а также внесен ряд поправок в законодательные и иные правовые акты.

В ходе административной реформы 2004 г. все экологические ведомства получили либо статус федеральной службы, основной функцией которой является государственный экологический надзор, либо – федеральных агентств, осуществляющих регулирование, учет, мониторинг, использование и охрану отдельных видов природных ресурсов и объектов. В результате были созданы Федеральные агентства по рыболовству, недропользованию, водных ресурсов, лесного хозяйства, гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Федеральным органом государственного экологического надзора и контроля стала Федеральная служба по надзору в сфере природопользования. В соответствии с законодательными актами от 31.12.2005 г., в процессе перераспределения полномочий между органами исполнительной власти федерального и регионального уровня, функции охраны отдельных видов природных ресурсов, а также государственного экологического контроля, нормирования, мониторинга по объектам не федерального уровня переданы органам исполнительной власти субъектов РФ.

Завершая краткий анализ становления, развития природоохранной деятельности и экологических правоотношений в СССР и России, хотелось бы подчеркнуть, что у нашей страны есть шанс на основе многовековой истории, с учетом успехов и ошибок в деле охраны природы, во имя сохранения природных богатств России, обеспечения экологической безопасности и конституционного права граждан нашей страны на здоровую и благоприятную окружающую среду, выйти на качественно новый правовой уровень общественных экологических правоотношений. На решение этих задач направлены правовые акты последних лет, а также целенаправленная деятельность в этой области руководителей российского государства.

Библиографический список

1. *Исаков В.М., Цховребов Э.С.* Правовые основы охраны окружающей среды. – М.: МосУ МВД России, 2004. – 100 с.

2. *Цховребов Э.С.* История развития экологического права в России // Сборник материалов научно-практических конференций и семинаров – М.: МосУ МВД России, 2003. – С. 81–93.

УДК 347.963

Петрова Ольга Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
PeOlN@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

На основе изучения и анализа теоретической базы и практики применения прокурорами правовых средств по обеспечению законности в сфере местного самоуправления в статье рассматриваются используемые прокурорами информационные средства, необходимые для формирования правильного понимания категории местного самоуправления и информированности о состоянии законности на местном уровне.

Ключевые слова: *прокуратура, местное самоуправление, информационные средства.*

Под информационными средствами прокурорского реагирования в сфере исполнения законодательства о местном самоуправлении следует понимать правовые действия прокуроров по реализации полномочий ненадзорного характера, имеющие целью информировать органы местного самоуправления и население о состоянии законности в указанной сфере отношений.

К данным средствам можем отнести информационные письма, доклады и прочее.

В соответствии со ст. 4 Закона «О прокуратуре» [1] органы прокуратуры информируют органы местного самоуправления и население о состоянии законности.

Генеральный прокурор России Ю. Чайка отмечает: «Мы придаём важное значение своевременному информированию органов представительной и исполнительной власти всех уровней о состоянии законности, складывающейся правоприменительной практике, действенности контрольной политики государства, позволяющего внести необходимые своевременные коррективы, устранять препятствия в реализации планов государства, решать возникающие проблемы комплексно на всём правовом пространстве. Именно в этом видится основное направление деятельности прокуратуры» [6].

На основании Закона «О прокуратуре» органы прокуратуры действуют гласно в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении, а также законодательства Российской Федерации о государственной и иной охраняемой законом тайне.

Вопросам организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности органов прокуратуры посвящён приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31 мая 2011 года № 153 «Об организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации» [4].

© Петрова О.Н., 2012

Пункт 2.1. говорит, что информация о деятельности органов прокуратуры Российской Федерации распространяется через официальные сайты органов прокуратуры Российской Федерации в сети Интернет, информационные агентства, печать, радио, телевидение.

Согласно п. 1.3. приказа Генерального прокурора от 23 октября 2009 года № 341 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации» [3] прокурорам надлежит систематически информировать население через официальные Интернет-представительства органов прокуратуры, информационные агентства, печать, радио и телевидение о состоянии законности и правопорядка. Оперативно сообщать в средства массовой информации о направлении в суд уголовных дел, вызвавших повышенный общественный резонанс, и вынесении по ним судебных решений, а также о прокурорских проверках, в процессе которых вскрыты многочисленные нарушения законности. При этом распространяемые прокуратурой сообщения должны быть выверенными, объективными и не содержать информации конфиденциального характера.

Следует помнить, что состояние законности в сфере местного самоуправления является одним из главных вопросов для населения конкретного муниципального образования.

Особое значение имеет информирование населения о принятии прокуратурой мер в связи с выявленными нарушениями законодательства о местном самоуправлении органами и должностными лицами местного самоуправления. Организация систематического информирования населения о состоянии законности в рассматриваемой сфере будет способствовать повышению уровня правовой культуры населения, а также активизации стремления к участию в такой форме народовластия, как местное самоуправление.

Следует отметить также, что в действующем законодательстве и в приказах Генерального прокурора не закреплены информационные средства прокурорского реагирования в сфере исполнения законодательства о местном самоуправлении. Представляется, что наиболее эффективным средством информирования населения в муниципальном образовании будет являться информирование через средства массовой информации, как наиболее доступный способ получения информации населением (учитывая, что большую часть муниципальных образований составляют сельские поселения).

Следует также иметь в виду и положения приказа Генерального прокурора от 10 сентября 2008 года № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» [2], который нацеливает на совершенствование работы прокуроров по повышению правовой культуры населения. В частности, п. 2 приказа предписывает прокурорам сочетать пропаганду права с деятельностью по надзору за исполнением законов, информированием законодательных (представительных) и исполнительных органов местного самоуправления о состоянии законности, правопорядка и обеспечении основных гарантий и социальных прав граждан; за участием в судебных процессах, обсуждением представлений об устранении обстоятельств, способствующих правонарушениям, активно используя также чтение лекций, проведение бесед, выступления в средствах массовой информации.

Пункт 4 вменяет прокурорам на регулярной основе принимать участие в проводимых органами местного самоуправления мероприятиях, которые способствуют правовому воспитанию населения.

Генеральный прокурор нацеливает прокуроров на то, что правовое просвещение – один из способов привития членам общества уважения к защищаемым правом социальным ценностям, воспитания у них навыков пользоваться конституционными правами и гарантиями и эффективно отстаивать их.

Так, прокуратурой Липецкой области правовой пропаганде уделяется большое внимание. На лекциях, сходах граждан, в трудовых коллективах, правовых рубриках популярных еженедельников оперативные работники прокуратуры разъясняют действующее законодательство, отвечают на вопросы граждан.

Представляется, что активное использование информационных средств горрайпрокурорами позволит повысить понимание населением столь значимой формы народовластия, как местное самоуправление.

Как показывают исследования [5], в обществе отсутствует единое понимание сущности местного самоуправления. Характеристика местного самоуправления как независимого от государственной власти народного управления не является преобладающей. Так, в сознании граждан глава муниципального образования и губернатор считаются представителями единой ветви власти, и в общественном мнении функции главы муниципального образования и губернатора различаются слабо. А из возможных форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления большинство граждан называет лишь муниципальные выборы и местный референдум.

Можно предположить, что непонимание сущности и возможностей местного самоуправления в известной степени «сковывает» инициативу и активность населения, необходимые для развития самоуправленческих структур. Поэтому рассматриваемому направлению деятельности прокуратуры справедливо придаётся большое значение.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» //

Российская газета. – 1992. – № 39. – 18 февраля.

2. Приказа Генерального прокурора от 10 сентября 2008 года № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» // Законность. – 2008. – № 10.

3. Приказа Генерального прокурора от 23 октября 2009 года № 341 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации» // Законность. – 2010. – № 1.

4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31 мая 2011 года № 153 «Об организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Из Аналитической записки И.В. Мерсияновой по результатам исследования (февраль – май 2007) «Муниципальная Россия: социально-экономическая ситуация и развитие местного самоуправления» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://emsu.ru/lg/0707/ass-3.htm

6. *Чайка Ю.* Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // genproc.gov.ru

УДК 340

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА РОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА (к 95-летию Октябрьской революции)

В работе рассматриваются основные этапы национализации (огосударствления) основных средств отечественного производства в период с октября 1917 по 1920 гг. Анализируются соответствующие правовые нормативы, принятые советской властью, а также соответствующие идеологические установки, имевшие место в рассматриваемый период революционных радикальных преобразований нашего общества.

Ключевые слова: *национализация, огосударствление, конфискация, промышленное производство, российский пролетариат, фабрично-заводские предприятия, основные средства производства, организация социалистического труда, декреты советской власти.*

…Есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т.п. в руки всего общества…

В.И. Ленин

Как известно, социалистическая экономика, основанная на общественной форме собственности на средства производства и просуществовавшая более 70 лет, не выдержала «исторического экзамена» и потерпела крах. Идеология, на которой базировалось советское общество, оказалась, в конечном итоге, во многом надуманной, утопической, нереальной, неспособной обеспечить достойный и стабильный уровень жизни общества. Вместе с тем приватизация, проведённая в начале постсоветского периода, оставила в памяти большинства российского населения далеко не радужные воспоминания. Проведённый в «лихие девяностые» новый в российской истории «передел собственности» породил в обществе не только новых капиталистов, но и колоссальное расслоение населения, чувство глубочайшей несправедливости, агрессии, взлёт преступности, недоверие к государству и т.п. На современном этапе развития нашего общества достаточно часто можно слышать декларации о необходимости пересмотра итогов приватизации, о социальной ответственности бизнеса, о необходимости установления налога на роскошь, о введении дифференцированного налога и т.п. Более того, время от времени всплывают и более радикальные предложения по восстановлению социальной справедливости в обществе («отнять и поделить», «вернуть народу похищенное» и т.п.). Подобные желания вполне объяснимы и во многом справедливы. Разумеется, современные общественные процессы вряд ли способны привести к схожим процессам октября 1917 г., но, тем не менее, недооценка исторического опыта иногда приводит к достаточно печальным форс-мажорным обстоятельствам социального характера, ибо ещё В.О. Ключевский предупреждал, что история «не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков» [8, с. 435]. Целью представленной работы является рассмотрение основных этапов российс-

© Рощин Б.Е., 2012

кой национализации производственно-промышленного сектора на первоначальном этапе организации социалистического труда.

В.И. Ленин в своих многочисленных работах указывал, что для исторического процесса перехода российского общества к социализму необходимо и неизбежно соответствующее «преобразование» (радикально – революционными методами) всей капиталистической собственности в общественную. Так, на VII Всероссийской (апрельской) конференции РСДРП, проходившей с 24–29 апреля 1917 г., В.И. Ленин призывал «не ограничиваться демократическими фразами, а разъяснять положение массам и указывать им на ряд практических мер: взять в свои руки синдикаты – контролировать их через Советы Р. и С.Д. и т.д. И вот все эти меры осуществлённые и сделают то, что Россия станет одной ногой в социализм» [2, с. 160].

В первые дни после Октябрьской революции 1917 г. в газете «Правда» (6 ноября) было опубликовано ленинское воззвание «К населению», в котором сообщалось, что СНК готовит государственный закон о грядущей национализации синдикатов и банков. Воззвание призывало: «Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся! Берите всю власть в руки своих Советов. Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт – всё это отныне будет всецело вашим, общенародным достоянием…» [6, т. 1, с. 51].

В отечественной истории установилось традиционное мнение, что национализация российской промышленности прошла три основных этапа: 1) октябрь 1917 – июнь 1918 гг., 2) лето 1918 – 1919 гг., 3) 1920 г.

Первый этап национализации «ознаменовался» огосударствлением ряда фабрично-заводских предприятий. На заседании СНК 24 ноября 1917 г. обсуждался вопрос о «праве конфискации предприятий». Результатом данного обсуждения стало соответствующее постановление СНК «О правах местных Советов в борьбе с саботажем предпринимателей и о правилах конфискации предприятий саботажников», направленное во все Советы рабочих депутатов. СНК устанавливал следующие положения: 1) Советы на местах наделялись правом «принимать по отношению к таким предпринимателям все меры воздействия, вплоть до конфискации принадлежащих им предприятий»; 2) управление конфискованными предприятиями следовало передавать «соответствующим органам регулирования производства»; 3) перед конфискацией каждого конкретного предприятия следовало провести специальное обследование «положения дел предприятия, особенно с точки зрения финансовой, снабжения топливом и сырыми материалами, а также технического оборудования»; 4) разъяснялось, что при конфискации акционерных предприятий «конфискуются все принадлежащие им денежные капиталы», а при конфискации предприятий физических лиц и паевых товариществ – денежные капиталы данных физических лиц (единоличных владельцев предприятий) и пайщиков, «поскольку эти лица, в случае несостоятельности предприятия, несут ответственность всем своим имуществом»; 5) все денежные средства конфискованных предприятий следовало вносить на текущий счёт в Государственный банк [6, т. 1, с. 546].

Одним из первых правовых нормативов Советской власти, направленных на правовое урегулирование процессов национализации основных средств производства, стало постановление СНК (за подписями Ленина и Сталина) «О национализации фабрики товарищества Ликинской мануфактуры» (от 17 ноября 1917 г.). В постановлении обозначена причина огосударствления данного предприятия: «…Материалы по обследованию дел на фабрике указывают на злую волю предпринимателя, явно стремящегося… саботировать производство» [6, т. 1, с. 105].

Заслуживает внимания нормативно-правовой акт, именовавшийся как «Декрет о конфискации имущества акционерного общества Богословского горного округа» от 7 декабря 1917 г. Документ также свидетельствует о причинах, послуживших национализации данного общества. Так, СНК принял решение «конфисковать всё имущество акционерного общества Богословского горного округа, в чём бы оно ни состояло», и объявить его российской собственностью, ввиду «отказа заводоуправления… подчиниться декрету… о введении рабочего контроля над производством…». Кроме того, декрет обязывал весь персонал данного предприятия «оставаться на местах и исполнять свои обязанности» и предупреждал о неизбежных санкциях за нарушение данного предписания: «За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы Революционному суду» [6, т. 1, с. 187].

К началу 1918 года процесс национализации заметно активизировался и достиг своей кульминационной точки к середине 1918 г., с принятием декрета СНК о национализации всей крупной промышленности России. Только за январь 1918 г. процедуре огосударствления подвергся ряд важных предприятий российской промышленности. Так, например, 20 января 1918 г. был принят «Декрет о конфискации Костромского механического завода “Пло”» (завод «Рабочий металлист»). Причины конфискации: а) отказ владельцев продолжать работы «на упомянутом заводе»; б) отказ владельцев «уплатить рабочим при расчёте по установленной Комиссаром труда норме…»; в) отказ владельцев подчиниться требованиям декрета о рабочем контроле за производством [6, т. 1, с. 378].

23 января 1918 г. был принят важный документ, оказавший форсированное воздействие на процес-

сы социалистического огосударствления, под названием «Декрет о национализации торгового флота». Государственной собственностью, согласно декрету, объявлялись «судоходные предприятия, принадлежавшие акционерным обществам, паевым товариществам, торговым домам и единоличным крупным предпринимателям», а также все типы судов (речных и морских), которые к тому времени использовались для перевозки пассажиров и грузов, «со всем движимым и недвижимым имуществом, активом и пассивом таких предприятий» [6, т. 1, с. 396].

Безусловно, практическое осуществление национализации всего крупного флота Российской Республики требовало колоссальных финансовых ресурсов, организационных сил, согласованных действий соответствующих органов государственной власти и т.п. Так, в своём выступлении на вышеупомянутом съезде СНХ А.И. Рыков привёл курьёзный пример, который вполне красноречиво характеризует тот исторический момент и «дух времени». «Большую смуту на местах, – сообщил А.И. Рыков, – внесла фальшивая телеграмма от имени ВСНХ по поводу денационализации наливного флота. В ВСНХ вопрос о денационализации никогда не ставился, телеграмма же была послана совершенно самостоятельно одним из служащих ВСНХ, который за это был устранён со службы. Наливной флот теперь восстановлен в своих национализированных правах и по-прежнему составляет собственность Советской Республики» [3, с. 39]. Первоначальный этап национализации характеризуется следующими особенностями:

1) национализация имела выборочный характер (адресная национализация). Каждое национализируемое отечественное предприятие было «удостоено чести» иметь свой декрет о переходе данного предприятия в собственность государства (к тому же, как правило, за подписью председателя СНК). Кроме того, в большинстве случаев декреты СНК констатировали уже фактически проведённую на местах национализацию. Данную особенность такого «локального» правотворчества новой власти отмечал известный американский историк Э. Карр (характеризуя правовое обеспечение первого этапа большевистской национализации): «Декреты относились к определённым предприятиям. Никогда одним декретом не национализировались сразу все фирмы или фабрики отдельной отрасли промышленности; потребовалось больше дюжины актов, чтобы национализировать обширную и разнообразную текстильную промышленность» [1, с. 541];

2) в данной национализации превалировал карательный мотив, о чём наглядно свидетельствуют первые декреты Советской власти, нацеленные на подобное огосударствление. А.И. Рыков образно отметил, что первые месяцы после Октябрьского переворота «целиком проникнуты тем, что борьба непосредственная, баррикадная борьба между рабочим классом и буржуазией переносится на отдельные фабрики и заводы. Национализация предприятий часто имела не хозяйственное, а чисто карательное значение» [3, с. 38];

3) каждый нормативно-правовой акт о национализации называл формальную причину данных «первоочередных мероприятий новой власти». Отказ от дальнейшего управления работой предприятия, бегство «в неизвестном направлении» предпринимателя, отдача производственного процесса «на произвол судьбы», закрытие предприятия или сообщение о его ликвидации, неподчинение администрации предприятия декрету о рабочем контроле, прекращение финансирования производства, задолженность предпринимателя перед государственной казной, – всё это основные причины для огосударствления предприятий;

4) при национализации (в том числе при конфискации) фабрично-заводских предприятий, переходу в государственную собственность подлежало всё имущество конкретного предприятия, поэтому почти во всех правовых предписаниях о национализации (декретах, постановлениях) обязательно присутствовала традиционная формулировка типа: «конфисковать всё имущество… в чём бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики». Так, если огосударствлению подлежала какая-либо отечественная фабрика, то в собственность государства переходили не только основные средства (непосредственно) производства, но и, например, жилые помещения для работников данной фабрики, фабричные школы, больницы и т.п.;

5) очевидно, что огосударствление основных средств производства накладывало и определенную ответственность на нового собственника, так как собственность, как известно, – это есть совокупность определённых прав и обязанностей. Также очевидно, что переход права собственности (от частной к государственной) ещё не гарантировал высокое качество производства, трудовую дисциплину, эффективное руководство национализированными предприятиями. Для того чтобы сохранить от полнейшего краха имевшееся к тому времени промышленное производство, каждый декрет о национализации включал в обязательном порядке традиционную формулировку о том, что «весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности». Кроме того, законодатель не забывал вносить почти в каждый декрет соответствующую формулировку о неизбежных санкциях и карах со стороны «революционного суда» за нарушения предписаний большевистской власти;

6) национализация в целом (как на первом этапе, так и на последующих) осуществлялась безвозмездно (то есть владельцы, акционеры, пайщики соответствующих предприятий не получали ника-

кого встречного возмещения (выкупа) от большевистской власти). Такая политика была вызвана многочисленными факторами: хозяйственной разрухой, саботажем ряда предпринимателей, контрреволюционной борьбой и, конечно, соответствующей большевистской идеологией;

7) при осуществлении первоначального этапа национализации новое правительство предпринимало первые попытки обретения необходимых условий для «экономической почвы социализма». Так, в частности, в своём докладе Ю.М. Ларин отмечал: «Мы наметили для себя, что в первую очередь должны быть национализированы те отрасли промышленности, которые производят основные виды сырья для России, прежде всего промышленность каменно-угольная и промышленность металлургическая» [5, с. 27];

8) очевидно, самая главная проблема состояла не в том, чтобы принять соответствующие правовые нормативы о национализации того или иного предприятия, а также отдельных отраслей отечественной промышленности, а в том, чтобы в кратчайшие сроки наладить эффективную производственно-трудовую деятельность национализированных (конфискованных) предприятий. Как отмечал Л.Д. Троцкий, «принадлежит ли предприятие капиталистическому тресту или рабочему государству, социализирован ли завод или нет, труба всё равно не будет дымиться без угля или нефти» [4, с. 143].

Результатом первого этапа огосударствления российской промышленности стало наличие у государства (на 1 июня 1918 г.) 512 предприятий, из которых 218 предприятий приходилось на долю горно-металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Национализации за первоначальный период (к 1 июня 1918 г.) подверглись 17 топливных, 18 электротехнических, 42 химических предприятия [7, с. 123]. Однако официальные статистические данные о результатах национализации ужё в тот период подвергались серьёзным сомнениям. Так, А.И. Рыков 29 мая 1918 г. заявил на I Всероссийском съезде СНХ, что он не верит тем сведениям о национализации, которые приводились в официальных отчётах. «Цифры указывались разные, – констатировал А.И. Рыков, – и никто не знает, насколько верны эти цифры. Кроме того, наряду с термином “национализация” у нас имеются и другие термины: “почти национализированы”, “фактически национализированы”, “до времени национализированы”. Как понимать эти термины, никто не знает» [3, с. 38].

К середине 1918 г. процесс национализации «по-советски» заметно набирал обороты. В мае 1918 г. в Москве состоялась конференция по обсуждению вопросов о национализации крупнейших российских машиностроительных заводов.

18 июня 1918 г. было принято постановление ВСНХ, согласно которому национализации подверглись «все предприятия, капиталы и имущества, в чём бы они ни заключались и где бы они ни находились», принадлежащие акционерному обществу «Сормово» и акционерному обществу Коломенского машиностроительного завода. Кроме того, национальной собственностью объявлялись такие предприятия, как «железоделательный» завод товарищества Ташина; акционерное общество Белорецких железоделательных заводов Пашковых; Пермское лесопромышленное акционерное общество. Все перечисленные заводы становились основой для создания Государственного объединения машиностроительных заводов (ГОМЗ). Отделу металла ВСНХ, для управления объединёнными предприятиями, поручалось образовать «Временное Центральное Правление этих заводов, которому и надлежит принять от прежних правлений все дела, капиталы и имущества названных Обществ с подчинением ему всех заводоуправлений, имеющихся на местах». Более того, весь персонал данных национализированных предприятий обязывался, «под страхом ответственности перед судом революционного трибунала», продолжать исполнение своих трудовых функций и выполнять ту работу, которая будет «поручена Центральным Правлением или новым заводоуправлением» [10, ст. 560]. Можно констатировать, что данный декрет стал неким «пробным камнем» к массовой национализации (огосударствлению) крупной промышленности в России. Как отмечал в своем очередном докладе на пленуме ВСНХ А.И. Рыков (14 сентября 1918 г.): «На национализацию этой группы мы смотрели как на начало национализации металлургической промышленности вообще, и нам казалось, что, наладив работу на главнейших заводах этой отрасли, при помощи этого аппарата будет легче овладеть остальными предприятиями данной отрасли промышленности» [3, с. 59].

Второй этап российской национализации основных средств производства «ознаменовался» принятием исторического декрета СНК (от 28 июня 1918 г.) с довольно длинным названием: «О национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта» [10, ст. 559]. Декрет был принят «в целях решительной борьбы с хозяйственной и производственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты».

Декрет предписывал объявить государственной собственностью соответствующие «промышленные и торгово-промышленные предприятия со всеми их капиталами и имуществом, в чём бы таковые ни заключались». Так, согласно декрету, в собствен-

ность государства переходили все основные предприятия того времени. Национализация крупной промышленности проводилась по следующим основным параметрам: 1) в зависимости от размеров основных фондов предприятий, либо стоимости их имущества (для предприятий различных отраслей отечественного хозяйства нижняя граница определялась в интервале от 200000 до 1 миллиона рублей); 2) независимо от размеров основных фондов предприятий либо стоимости их имущества, если конкретное предприятие являлось для государства особо важным или представляло редкое производство; 3) в зависимости от объёмов выпускаемой продукции.

Следует отметить, что все предприятия, объявленные по декрету собственностью (национальным достоянием) Российской Республики, впредь до специального распоряжения ВСНХ по каждому конкретному предприятию, признавались «находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев». На соответствующих ответственных работников (директоров, членов правления и т.п.) национализированных предприятий возлагалась ответственность перед государством не только за целостность и сохранность данных предприятий (как производственных комплексов в целом), но и за правильную их работу. Кроме того, декрет устанавливал норму, согласно которой все работники (директора, члены правлений, ответственные распорядители, служащие, технический персонал, рабочие) национализированных предприятий переходили в разряд лиц, состоявших на службе у государства и получавших соответствующее содержание (из доходов и оборотных средств производства) по нормам, существовавшим до национализации. Более того, если представители административного и технического персонала предприятий, подвергнутых огосударствлению, самовольно покидали своё место работы, то их следовало представить «перед судом революционного трибунала по всей строгости закона».

Практическое осуществление всех положений данного декрета на местах являлось крупным шагом к масштабному «переделу» российской собственности (в частности, основных средств производства) и, что значительно сложнее, к фактическому овладению национализированными предприятиями (реальное налаживание производства, установление рабочего контроля за производством и распределением выпускаемых материальных благ, повышение производительности труда и т.п.) и к переориентации соответствующих предприятий на работу в интересах советского общества и государства. Главной особенностью второго этапа национализации основных средств производства, по словам А.И. Рыкова, стали объективные обстоятельства, при которых «национализация в её теперешнем виде преследует цель организации отдельных отраслей производства, улучшения снабжения предприятий сырьём и топливом, поднятия производительности труда и нормализации самого производства» [3, с. 81].

Третий этап национализации ознаменовался принятием соответствующего декрета (в ноябре 1920 г.), согласно которому процедуре огосударствления подлежали все отечественные предприятия с механической тягой, на которых работало более 5 работников, а также все немеханизированные предприятия, на которых трудилось более 10 работников. «Однако, – отмечал Э. Карр, – подобно декрету от 28 июня 1918 г., этот декрет сменил только юридическую вывеску: прежние владельцы продолжали хозяйничать вплоть до того момента, покуда ВСНХ или местные совнархозы не предпринимали соответствующих мер» [1, с. 540]. Кроме того, даже в более поздних советских источниках отмечается, что «практически национализация мелкой промышленности оказалась малоэффективной мерой; закрытие местного оборота ухудшало снабжение населения продуктами местного производства и вызывало рост спекуляции» [7, с. 250].

На протяжении нескольких десятилетий строительства основ социализма и реального существования Советской власти и социалистической идеологии, существовал «единственно верный» и неоспоримый постулат, согласно которому большевистская национализация промышленности означала ликвидацию крупной буржуазии как класса, подрыв экономического базиса капитализма и начало создания экономического фундамента социалистического общества. Утверждалось, что «общественная собственность на средства производства явилась основой социалистических производственных отношений, которые нашли своё выражение прежде всего в новом отношении к средствам производства, в сознательной трудовой дисциплине, в товарищеском сотрудничестве в процессе труда, в развитии творческой активности трудящихся масс, в социалистическом соревновании» [7, с. 139].

Отголоски некоторых, наиболее ключевых, «рудиментов» советского прошлого время от времени звучат, зачастую диссонансом, в современном историческом контексте и находят живой отклик в «сердцах миллионов». Так, современная программа КПРФ (с которой российские коммунисты выступили на последних выборах (4 декабря 2011 г.) в Государственную Думу РФ и заняли второе место после партии власти) «обещает» следующее: «Будут национализированы отрасли экономики, определяющие жизнеспособность страны: военно-промышленный комплекс, электроэнергетика, авиастроение, металлургия, станкостроение и машиностроение. Национализация даст средства для восстановления народного хозяйства нашей страны, укрепления её безопасности и решения социальных проблем». Кроме того, в программе КПРФ провоз-

глашается, что государство «восстановит регулирование экономики» и «страна избавится от разрушительного господства “дикого рынка”. Планирование основных направлений финансовой, промышленной и сельскохозяйственной политики будет вестись с учётом современного мирового и лучшего советского опыта» [9].

Библиографический список

1. *Карр Э.* История Советской России. Большевистская революция.

2. *Ленин В.И.* О трудовом законодательстве. – М.: Госполитиздат, 1959. – 419 с.

3. *Рыков А.И.* Избранные произведения. – М.: Экономика, 1990. – 494 с.

4. *Троцкий Л.Д.* Терроризм и коммунизм. – СПб.: «Азбука-классика», 2010. – 224 с.

5. Вестник Высшего Совета Народного Хозяйства. – 1918. – № 1.

6. Декреты Советской власти. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 625 с.

7. История социалистической экономики СССР. Т. 1. Советская экономика в 1917–1920 гг. – М.: Наука, 1976. – 446 с.

8. Мудрость России. От Владимира Мономаха до наших дней. – М.: Вече, 2011. – 640 с.

9. Правда. – Ноябрь, 2011 г. / Из программы КПРФ на выборах 4.12.2011 г.

10. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 47.

УДК 347.91 (470.342)

Туйчиев Валижан Маматрахимович

Управление Федеральной службы судебных приставов по Кировской области

tuichiev@yandex.ru

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПРИСТАВОВ МИРОВЫХ СУДОВ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ (1864–1917 гг.)

В статье освещаются организационно-правовые проблемы комплектования кадров института судебных приставов в системе мировых судов Вятской губернии в пореформенный период; анализируются вопросы социального и материального обеспечения судебных приставов; исследуются причины текучести кадров среди судебных приставов.

Ключевые слова: *судебные приставы, мировые суды, кадры, Вятская губерния.*

В 1997 г., с принятием федеральных законов «О судебных приставах» и «Об исполнительном производстве», в Российской Федерации была возрождена служба судебных приставов, существовавшая в дореволюционный период. Современная оценка прошлого позволяет по-новому, беспристрастно, проанализировать эволюционные процессы отечественных государственно-правовых институтов. Без судебных приставов невозможно представить успешную работу всей судопроизводственной системы. Понятно, что самый справедливый и объективный вердикт суда является бессмысленным, если он остается неисполненным. В свою очередь, эффективность исполнения судебных актов зависит во многом от профессиональных и личностных качеств непосредственных исполнителей, то есть судебных приставов.

В современной отечественной науке вопросы кадрового обеспечения института судебных приставов в дореволюционной России освещены в работах В.В. Захарова[1] и Т.А. Зезюлиной[2], свой вклад по изучению кадровой составляющей службы судебных приставов на местном уровне внесли О.А. Иванова[3], А.Ю. Мирошниченко[4]. Вместе с тем необходимо расширение рамок региональных исследований в этой сфере, чему посвящена и данная статья.

Судебная реформа 1864 г. в сфере исполнительного производства в Вятской губернии стала реализовываться в 1869 году, когда при съездах мировых судей впервые появились судебные приставы. На протяжении 1869–1870 гг. судебные приставы в мировых судебных учреждениях были введены во всех 11 уездах губернии. По состоянию на 1 января 1870 г. их штатная численность составляла 12 человек[5], к началу 1880 г. число судебных приставов, состоящих при съездах мировых судей губернии, увеличилось и насчитывало 26 человек[6].

Занять должность судебного пристава мог далеко не каждый. Не могли быть судебными приставами лица, не достигшие 21 года; иностранцы; несостоятельные должники; состоящие на государственной службе или занимающие какую-либо выборную должность; лица, подвергшиеся по приговорам суда ограничению или лишению прав состояния; священнослужители, лишенные духовного сана по приговорам духовного суда; уволенные со службы по решению суда или из духовного ведомства; исключенные из сословий по постановлениям соответствующих органов; лишенные по решению суда права на ведение чужих дел[7]. Хотя в законодательстве не содержался запрет о приеме на должности судебных приставов женщин, фактически такой запрет действовал.

Моральным и деловым качествам кандидатов на должности судебных приставов уделялось особое внимание. В Учреждении судебных установлений неоднократно подчеркивалась необходимость приема на службу судебными приставами

© Туйчиев В.М., 2012

людей высоконравственных, добросовестных, что, в конечном счете, должно было обеспечить интересы сторон в исполнительном производстве.

Анализ сложившейся практики в мировых судебных учреждениях Вятской губернии подтверждает, что лица, желающие поступить в службу судебных приставов, представляли характеризующие их документы. К примеру, в 1876 г. И.А. Блинов подал прошение на имя председателя Слободского съезда мировых судей, в котором ходатайствовал допустить его к исправлению должности судебного пристава. К прошению он приложил свидетельство об образовании, свидетельство о рождении, а также документы, характеризующие его личность[8]. В свидетельстве Слободского полицейского управления сообщалось, что Блинов «поведения весьма хорошего». А в документе из Слободской уездной земской управы указывалось, что Блинов за время службы в должности учителя «отличался скромным поведением, аккуратностью в исполнении своих обязанностей и знанием дела». Службу оставил по собственному желанию[9].

В Учреждении судебных установлений отсутствовали правовые нормы, которые закрепляли какие-либо квалификационные требования к судебным приставам, назначаемым на должность. Прежде всего, речь шла об уровне образования кандидатов, принимаемых на должности судебных приставов, а также об опыте их работы.

Изучение формулярных списков судебных приставов Вятского, Слободского, Глазовского, Яранского и Котельничского съездов мировых судей Вятской губернии показало, что их образовательный уровень был невысоким. Судебных приставов с высшим образованием нами не выявлено. Из 14 судебных приставов 10 (или 71,4%) имели низшее (окончили уездные училища) или домашнее образование, 2 (или 14,3%) имели среднее образование (окончили духовные семинарии), 2 или (14,3%) имели неполное среднее образование[10]. Несмотря на отсутствие сведений по всем съездам мировых судей, полагаем, что приведенные данные отражали в целом объективную картину относительно уровня образования приставов.

Что касается опыта практической деятельности претендентов на должности судебных приставов, то закон прямо не предусматривал такое квалификационное требование. В ст. 300 Учреждения говорилось, что необходимо удостовериться «в благонадежной нравственности и способностях кандидатов к исполнению принимаемых на себя обязанностей»[11]. Понятие «способности кандидатов», по мнению В.В. Захарова, включало в себя как наличие грамотности, так и физических и умственных качеств[12]. Возможно, следует расширить это понятие, добавив в него профессиональные навыки и умения, которые были приобретены кандидатами на предыдущих местах службы.

Практика кадрового подбора на должности судебных приставов в системе мировых судов Вятской губернии свидетельствует, что предпочтение отдавалось лицам, которые имели стаж государственной или земской службы, а также обладали определенным жизненным опытом. Например, из 19 кандидатов, принятых на должности судебных приставов в 1869–1870 гг. (то есть первые два года функционирования съездов мировых судей в Вятской губернии. – *В.Т.*), 15 – ранее проходили службу в государственных органах, 4 – не имели отношения к государственной службе[13].

Отсутствие в законодательстве требований к сословному происхождению и имущественному цензу кандидатов открывали возможности для занятия должности судебного пристава представителям различных слоев населения. Формирование судебных приставов мировых учреждений Вятской губернии преимущественно происходило из детей священнослужителей и обер-офицерских детей. Реже на службу судебными приставами попадали представители дворянства. Например, из указанных выше 14 судебных приставов, состоящих при мировых съездах губернии, 8 происходили из духовного сословия, 4 – из обер-офицерских детей, 2 – из дворян[14].

Обращает на себя внимание факт службы на должностях судебных приставов выходцев из податных сословий. Так, в 1880 г. из 26 судебных приставов мировых судов Вятской губернии два пристава являлись крестьянами, а один пристав мещанином[15]. Подобные случаи были редки, но, тем не менее, встречались в деятельности мировых судебных учреждений. Объяснить данное обстоятельство можно, по нашему убеждению, дефицитом квалифицированных кадров на Вятке, который имел место во многих государственных структурах.

Судебные приставы мировых судов находились в кадровой зависимости от руководителей судебных органов. Председатели съездов мировых судей принимали приставов на службу, утверждали их в должности, только с их согласия судебные приставы могли поменять место жительства. Кроме того, с санкции председателей производился перевод судебных приставов, присвоение классных чинов, предоставление отпусков, возврат приставу залога в случае увольнения и т.д.

Характерно, что при решении некоторых кадровых вопросов председатели мировых съездов могли реализовывать свои властные полномочия без согласия приставов. Так, по постановлению председателя Глазовского съезда мировых судей в июле 1889 г. судебный пристав 1-го участка Мышкин был переведен из первого в третий мировой участок, а судебный пристав 3-го участка Голгофский на место Мышкина. Председатель мирового съезда предписал судебным приставам немедленно сдать друг другу дела, книги и денежные сум-

мы. В постановлении подчеркивалось, что перевод судебных приставов осуществлен «ввиду пользы службы»[16]. Интересно, что через два месяца, в сентябре 1889 г., председатель Глазовского съезда мировых судей повторно, исходя из «имеющихся у него данных», перевел обратно судебного пристава Голгофского в 3-й участок, а Мышкина в 1-й участок[17].

Негативное влияние в сфере кадровой политики оказывал порядок, при котором денежное содержание судебным приставам мировых съездов, в отличие от общих судебных установлений, назначали органы местного самоуправления. Из источников по Вятской губернии видно, что единообразный подход по этому вопросу среди земских деятелей отсутствовал. В связи с этим конкретные суммы жалования у судебных приставов в разных мировых съездах отличались. К примеру, в 1870 г. в 11 уездах губернии размер денежного содержания судебных приставов варьировался от 420 до 600 рублей в год[18].

Помимо штатного жалования судебные приставы дополнительно получали за исполнение должностных обязанностей особое денежное вознаграждение. Материалы по Вятке указывают на то, что судебные приставы мировых судов имели небольшое вознаграждение, которое не оказывало существенного влияния на их уровень благосостояния. Сумма вознаграждения составляла в среднем 30–50 р. в год на каждого судебного пристава.

Ухудшало материальное положение судебных приставов отсутствие специальных мер социальной защиты. Во второй половине XIX – начале XX вв. на них распространялись формы социального обеспечения, действовавшие для всех чиновников: пенсии и единовременные пособия. Анализ деятельности мировых учреждений Вятской губернии в пореформенный период показывает, что судебные приставы выходили в отставку досрочно, не заработав пенсионного капитала. По крайней мере, в источниках нами не выявлены случаи назначения пенсии судебным приставам мировых судов губернии.

Нестабильное жалование, невысокий уровень таксового вознаграждения, недостатки социального обеспечения негативным образом сказывались на материальном положении судебных приставов. В моральном плане работа судебного пристава была одной из наиболее тяжелых и нервных среди других должностей судебного ведомства. В силу этих причин усиливался отток приставов из мировых судов Вятской губернии, создавая проблему дефицита кадров. Данный вывод подтверждает проведенный нами анализ текучести кадров среди судебных приставов мировых судов губернии за 10 лет (1869–1876, 1880–1881 гг.). За этот период число лиц, уволенных с должностей судебных приставов, оставалось высоким: личный состав судебных приставов, состоящих при мировых съездах, обновлялся в среднем на 21,6% в год[19].

Таким образом, система комплектования кадров на должности судебных приставов в мировых судебных органах Вятской губернии позволяла производить отбор кандидатов, отвечающих требованиям профессии. Этому, в частности, способствовал демократичный способ кадрового обеспечения, при котором занять должности судебных приставов могли представители различных сословий. В то же время наличие пробелов в законодательстве пореформенной России в сфере правового регулирования института судебных приставов в мировых судебных учреждениях создавало проблемы, в том числе и в кадровой политике.

Примечания

[1] *Захаров В.В.* Институт судебных приставов в дореволюционной России (1864–1917 гг.): Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2000.

[2] *Зезюлина Т.А.* Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России (1864–1917 гг.): Дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.

[3] *Иванова О.А.* Организационно-правовые основы становления и развития службы судебных приставов в Казанской губернии (1864 – ноябрь 1917 гг.): Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2004.

[4] *Мирошниченко А.Ю.* Органы принудительного исполнения судебных решений на территории области Войска Донского (конец XVII – начало XX вв.): историко-правовой аспект: Дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004.

[5] Памятная книжка Вятской губернии. Издана Вятским губернским статистическим комитетом. – Вятка, 1870. – С. 99–216.

[6] Календарь Вятской губернии. 1880 (високосный). Составил член-секретарь статистического комитета Н. Спасский. Год 1-й. – Вятка, 1879. – С. 56–62.

[7] Учреждение судебных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXIX. – СПб.: Тип. II отд., 1867. – № 41475.

[8] Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 24. Оп. 13. Д. 181. Л. 1–2.

[9] Там же. – Л. 5, 9.

[10] Там же. – Ф. 24. Оп. 13. Д. 181. Л. 33–34; Ф. 24. Оп. 13. Д. 245. Л. 13–15; Ф. 24. Оп. 13. Д. 247. Л. 1–2; Ф. 24. Оп. 13. Д. 250. Л. 2–3; Ф. 24. Оп. 13. Д. 426. Л. 20–25, 43–46, 96–98, 209–210; Ф. 24. Оп. 13. Д. 448. Л. 10–14; Ф. 24. Оп. 13. Д. 589. Л. 14–15; Ф. 24. Оп. 13. Д. 669. Л. 13–13 об.; Ф. 24. Оп. 13. Д. 671. Л. 3–8; Ф. 24. Оп. 13. Д. 826. Л. 8–9; Ф. 24. Оп. 14. Д. 916. Л. 97–106.

[11] Учреждение судебных установлений. Указ. соч.

[12] *Захаров В.В.* Указ. соч. – С. 100.

[13] Подсчитано по: Вятские губернские ведомости. – 1869. – №№ 1–104; 1870. – №№ 1–104.

[14] Подсчитано по: ГАКО. Ф. 24. Оп. 13. Д. 181. Л. 33 об., 34; Д. 245. Л. 13–15; Д. 247. Л. 1–2; Д. 250, Л. 2–3; Д. 426. Л. 20–25, 43–46, 96–98, 209–210; Д. 448. Л. 10–14; Д. 589. Л. 14–15; Д. 669. Л. 13–13 об.; Д. 671. Л. 3–8; Д. 826. Л. 8–9; Ф. 24. Оп. 14. Д. 916. Л. 97–106.

[15] Календарь Вятской губернии. 1880 (високосный)... – С. 184–186.

[16] ГАКО. Ф. 24. Оп. 13. Д. 589. Л. 16.

[17] Там же. – Л. 23.

[18] Вятские губернские ведомости. – 1870. – № 22. – С. 4.

[19] Подсчитано по: Вятские губернские ведомости. – 1869–1876. – №№ 1–104; 1880. – №№ 1–104; 1881. – №№ 1–104.

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ

УДК 338.46

Аристова Елена Витальевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
okvd@kmtn.ru
Волков Дмитрий Витальевич
Военная академия войск радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск (г. Кострома)
d-volk@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Статья посвящена анализу проблем развития рынка платных медицинских услуг. Выявление специфических особенностей функционирования сферы платной медицины в России позволяет определить перспективы развития и обозначить направления совершенствования экономических отношений, возникающих в процессе предоставления платных медицинских услуг.

Ключевые слова: *рынок медицинских услуг, платные медицинские услуги.*

Рынок медицинских услуг – это рынок, который удовлетворяет потребности людей в сохранении и улучшении здоровья. Он дает возможность получать и оказывать медицинские услуги, гарантирующие необходимый объем и соответствующий уровень качества. Медицинские услуги обладают рядом специфических особенностей:

1) неосязаемость – ее невозможно увидеть, услышать, потрогать, любая предварительная информация о ней всегда будет иметь вероятностный характер, а оценка потребительских свойств, чаще всего, отражает субъективное восприятие самого пациента;

2) неотделимость от источника получения услуги – оказание медицинской услуги требует личных контактов потребителя и производителя;

3) несохраняемость – медицинские услуги, в отличие от товаров, не подлежат хранению и накоплению с целью последующей реализации;

4) вариабельность качества оказываемой медицинской услуги – согласно формулировке Всемирной организации здравоохранения [4, с. 19]; качество же медицинских услуг есть совокупность их характеристик и свойств, имеющих эмпирическую природу и способных удовлетворять установленным требованиям; в связи с этим, в диагностическом, тактическом и технологическом аспектах, качество медицинских услуг зависит от врачебной квалификации, оснащенности лечебно-профилактического учреждения, доступности медицинской помощи, а также многих других факторов;

5) неоднозначность оценки результата медицинской услуги – в отличие от других сфер профессиональной деятельности, в медицине неблагоприятный, и даже летальный, исход не всегда является противоестественным и противоправным, учитывая особенности организма и характер конкретного заболевания;

6) медицинская услуга – это продукт не только производителя (врача), но и потребителя (пациента), который представляет собой совокупность их согласованных действий в борьбе с недугом.

Специфическими особенностями обладает и сам рынок медицинских услуг, где можно выделить три группы субъектов [3, с. 49–50]:

1) производитель, продавец медицинских товаров и услуг (медицинское учреждение, врач);

2) покупатель (пациент, работодатель, государство);

3) посредник – территориальные фонды обязательного медицинского страхования, страховые медицинские организации.

Субъекты рынка медицинских услуг вступают в определенные экономические отношения в рамках особых правовых норм.

Право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в России закреплено Конституцией РФ (ч. 1 ст. 41). Реализация права на медицинскую помощь граждан осуществляется в государственных, муниципальных и частных медицинских организациях.

Конституцией определено, что «медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» (ч. 1, ст. 41).

В частных медицинских организациях медицинская помощь оказывается за плату, и плательщиком при этом может выступать как лично гражданин, так и страховые компании добровольного медицинского страхования, предприятия, организации и т.д.

В Конституции РФ 1993 г. наряду с другими задачами поставлена цель – формирование в России социального государства (ст. 7).

Социальная функция государства призвана обеспечить нормальные условия для всех членов об-

© Аристова Е.В., Волков Д.В., 2012

щества вне зависимости от их участия в производстве материальных благ. Проводя социальную политику в обществе, государство выделяет необходимые средства на здравоохранение, тем самым обеспечивая надлежащим образом право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Из-за стремления как можно быстрее запустить рыночные механизмы в России эта сторона общественной жизни была практически забыта и многие негативные явления в социальной сфере приобрели застойный характер, не только вызывая социальную напряжённость в обществе, но и препятствуя развитию рынка.

Реформы в России затронули и здравоохранение. Первым был принят Закон о медицинском страховании, установивший новую форму социальной защиты интересов населения в охране здоровья.

Затем 22 июля 1993 года были приняты Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, установившие обязанность государства по финансовому обеспечению деятельности государственных лечебно-профилактических учреждений. Тем самым бюджетное здравоохранение изначально рассматривалось как область социальных гарантий по оказанию медицинской помощи гражданам России.

Хроническое недофинансирование государственной медицины в 90-х годах породило развитие сектора платных медицинских услуг в государственных и муниципальных лечебных учреждениях. Огромный разрыв между заявленными государством гарантиями по оказанию медицинской помощи населению и реальной поддержкой, который сложился в 90-е годы, привел к тому, что пациент в большинстве случаев стал выступать соплательщиком своего лечения. При этом государство само фактически указало путь для поиска дополнительных источников финансирования ЛПУ, выпустив документ «Правила предоставления платных медицинских услуг населению», утверждённый постановлением правительства РФ от 13 января 1996 года № 27. «Правила», не раскрывая самого понятия «платные медицинские услуги», устанавливали ряд норм при их оказании.

Ожидалось, что в этот период произойдут изменения организационно-правовых форм государственных медицинских учреждений, ряд которых станут унитарными предприятиями, хозяйственными товариществами и обществами и, соответственно, будут работать в гражданском обороте, тем самым формируя рынок медицинских услуг. Однако этого не произошло, а вот платные медицинские услуги прочно закрепились в их деятельности.

Отдельные аналитики считают появление платных услуг в государственной медицине определённым достижением политики в области здравоохранения, так как развитие платных медицинских услуг позволило сохранить кадры и даже обеспечить развитие медицинских учреждений [2, с. 23–25]. Однако последствия данного шага породили ряд проблем.

За 15 лет доля платных медицинских услуг достигла в деятельности отдельных государственных учреждениях 70%, при этом качеством медицинской помощи удовлетворено только 30% населения. Кроме того, по данным агентства DISCOVERY Research Group, около 40% жителей Москвы осуществляло в той или иной форме неофициальные платежи врачам.

Отдельно нужно сказать об изменении морали медицинского сообщества за эти годы. У пациентов прочно сформировалась психология, что врачу «нужно дать», санитарке и медсестре «нужно дать», для лечения нужно самому всё купить и только тогда можно выздороветь. Главное, что и врач, и медсестра, и санитарка зачастую берут это уже не в виде благодарности, а в виде законного соплатежа к своей зарплате. В государственной медицине параллельно официальным платным медицинским услугам прочно сформировался дополнительный теневой «рынок».

Теневой «рынок» прочно занял свою нишу в государственной медицине при оказании так называемой «бесплатной» медицинской помощи. Например, можно лечить лекарствами, прописанным в стандартах, а можно лечить эффективными лекарствами, это и дополнительные обследования, рекомендуемые «конфиденциально» пациенту за плату, с помощью которых диагноз будет поставлен уж точно на 100%.

Сам факт ползучего замещения «бесплатных» услуг платными теневыми говорит о том, что медицинское сообщество уже привыкло не к тем платежам, которые им гарантирует государство в виде заработной платы, а к тем, которые они смогут самостоятельно получить дополнительно с пациента.

Делая первый вывод, можно сказать, что одним из итогов 15-летней платности в государственной медицине является потеря доверия пациента к врачу. В обществе прочно сформировался принцип: «не заплатишь – не вылечат».

Существующая система государственного здравоохранения не в состоянии оперативно реагировать на изменение потребности граждан в медицинских услугах, компенсируя свою неповоротливость простым введением платных медицинских услуг. Тем самым в государственном здравоохранении сформировался принцип – «платно сегодня или бесплатно через месяц».

Оказание платных медицинских услуг в государственных лечебных учреждениях не может быть признано предпринимательской деятельностью. В соответствии с Гражданским кодексом «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная

на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке» (ч. 3, п. 1, ст. 2 ГК РФ).

Согласно статье 50 ГК РФ некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям.

По Закону основными признаками предпринимательства являются:

1. Самостоятельная деятельность.
2. Риск.
3. Систематическое получение прибыли.

Руководители государственных лечебных учреждений не обладают никакой самостоятельностью в принятии решений. Для оказания платных медицинских услуг они должны получать разрешения органа управления. Все их действия зарегулированы вышестоящим руководством. Даже смета на доходы и расходы от платных медицинских услуг утверждается органом управления.

Оказывая платные услуги, больница и поликлиника ничем не рискуют, так как все их возможные убытки компенсирует государство.

Отсутствие самостоятельной деятельности, риска и несоответствие получения прибыли достижению целей, ради которых созданы государственные учреждения, прямо свидетельствует о том, что оказание платных медицинских услуг в государственных учреждениях не является предпринимательской деятельностью. Можно констатировать, что эта деятельность не укладывается в рамки Закона.

Раз торговля услугами разрешена повсеместно в России, то необходимо вносить изменения в Конституцию РФ и заменять понятие бесплатной медицинской помощи на платную. Это будет объективная реальность.

Частная медицина была и будет всегда в рыночном государстве. Учреждения здравоохранения смогут продержаться лишь какое-то время на коррупционном фундаменте незаконных платных медицинских услуг.

Несомненно, медицинские работники – врачи, средний медицинский персонал – должны иметь достойную зарплату за свой труд, позволяющую достойно наравне с работниками иных отраслей рыночного государства жить в России. Иначе многие из них уйдут из профессии или будут использовать свои теоретические знания и практический опыт в тех странах, где профессиональное медицинское сообщество не только уважаемо, но и имеет реальную правовую и экономическую самостоятельность.

Политика государства в социальной сфере должна быть направлена на создание условий для развития цивилизованного рынка медицинских услуг, на достижение баланса между бесплатной медицинской помощью и её финансовым обеспечением, на обеспечение прав пациентов.

В заключение можно отметить, что развитие рынка платных медицинских услуг, как отмечают исследователи [1], неизбежно. Эффективность этого развития требует: более углубленной оценки экономических условий функционирования государственных и частных медицинских учреждений; анализа рыночной стратегии государственных и частных медицинских учреждений в существующих экономических условиях; оценки экономических последствий существования диспропорций на рынке медицинских услуг для государства, населения и самих медицинских учреждений различных форм собственности.

Библиографический список

1. *Кадыров Ф.Н.* Проблемы развития рынка частных медицинских услуг. – СПб., 2011.

2. *Лазарев С., Мисюлин С.* Кому мешают платные медицинские услуги в государственных учреждениях здравоохранения // Главный врач: хозяйство и право. – 2011. – № 4.

3. *Медик В.А., Юрьев В.К.* Курс лекций по общественному здоровью и здравоохранению. Ч. III. Экономика и управление здравоохранением. – М.: Медицина. 2003.

4. *Ушаков Е.В.* Права и гарантии в системе медицинской помощи. Что нужно знать каждому пациенту. – М.: ТК Велби, 2004.

УДК 332.02

Бутарина Наталья Александровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
natule4ka5@rambler.ru

ВУЗЫ КАК СУБЪЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье определяется место вузов в программах инновационного развития регионов. Доказывается, что ограниченная включенность вузов в региональные инновационные программы находится в очевидном противоречии с самооценками вузовского сообщества. Предлагаются пути преодоления данного противоречия.

Ключевые слова: *региональное развитие, вузы, инновационные процессы.*

Последние годы характеризуются активным использованием технологий программно-целевого управления на всех уровнях системы управления региональной и муниципальной власти, отраслей, образования и науки. Особое место в региональных программах развития занимает проблематика инновационного развития. Формирование общества и экономики знаний, как стратегический ориентир социально-экономического развития, разворачивается с разной степенью подробности и детализации практически во всех программных документах регионов страны. В идеале многоуровневое целеполагание стратегий должно быть взаимоувязанным. Вместе с тем нельзя не отметить существенные отличия по ряду важнейших параметров в подходах регионов к определению целей и задач инновационного развития, формированию его институтов, механизмов управления, к видению места и роли вузов в инновационных процессах.

Начнем с концептуальных подходов. Противоборство неолиберальных подходов и «государственников» не обошло стороной и стратегии регионального развития. Анализ программ региональной инновационной политики показывает наличие как того, так и другого подхода. Однако усилившаяся в период кризиса критика неолибералистских установок приводит к расширению зоны ответственности региональных властей в инновационном процессе и преобладанию программ, характеризующихся активным участием власти в формировании инновационной системы региона. Целевые модели региональных инновационных программ существенно различаются по уровню системности охвата узлов инновационной цепочки. Целостная инновационная система предполагает следующие блоки:

– креативный блок, несущий ответственность за генерацию фундаментальных и прикладных знаний;

– блок трансфера технологий, обеспечивающий передачу интеллектуальных продуктов в производство;

– блок финансовой поддержки инновационного процесса, решающий задачи поиска финансовых ресурсов для запуска инноваций;

– блок инновационного производства, превращающий инновационные идеи в новые продукты и услуги;

– блок воспроизводства кадров, обеспечивающий подпитку инновационного процесса квалифицированными человеческими ресурсами.

Базовыми блоками выступают креативный, трансфера технологий и производства. Блоки финансовой поддержки и воспроизводства кадров являются обеспечивающими.

Регионы должны пройти последовательные этапы в формировании своих инновационных систем, начиная с преодоления структурных провалов, и лишь потом пошагово переходить к все более системному управлению инновационным комплексом во взаимосвязи и взаимодействии всех его элементов.

Сегодня лишь отдельные регионы в развитии инноваций пытаются решать задачи по всей цепочке инновационного процесса, включая создание научно-технических разработок и ноу-хау. Практическое исключение из программ развития креативного блока превращает университеты в исполнителей сервисной функции кадрового обеспечения инновационной системы. Реалии современных программ инновационного развития регионов таковы, что в них на университеты преимущественно возлагается задача подготовки кадров для инновационной системы, иногда – генерации фундаментальных и прикладных научных разработок. Регионы практически не видят в вузах консалтинговый потенциал, информационный ресурс, не рассматривают их в качестве опытных производств, научно-технических центров и т. д.

Нахождение вузов на периферии региональных программ инновационного развития отражает новую реальность, сформированную действием следующих глобальных и собственно российских факторов:

1. При концентрации наибольшего количества исследователей высшая школа не является лидером генерации объектов интеллектуальной собственности.

2. Догоняющая модернизация, характерная для переходных экономик и предполагающая освоение технологий, уже созданных в странах лидерах, существенно сужает пространство инновационной активности вузов, заставляя искать собственные ниши в уже занятой конкурентной среде или обслуживать адаптацию уже созданных технологий к реалиям российского бизнеса.

3. Претензии университетов на ведущую роль в инновационном развитии регионов слабо под-

© Бутарина Н.А., 2012

крепляются материальной базой исследований и инноваций.

4. По-прежнему открытым остается вопрос драйверов инновационного развития, их статуса, вовлеченности в деятельность, мотивации. По факту в высшей школе сложилась вполне устойчивая «серая» экономика исследований, особенно в области фундаментальных исследований, результаты которой имеют ограниченное число заказчиков в рамках национальной инновационной системы.

5. Вузы как генераторы интеллектуальной собственности оказались в свое время заложниками непростой ситуации: сложность закрепления прав на созданные объекты интеллектуальной собственности и проблемы ее последующей коммерциализации привели к тому, что результаты в этой сфере были крайне скромными: в 2008 г. в среднем подведомственные ФАО РФ высшие учебные заведения и государственные научные учреждения имели 14,2 патента Российской Федерации на один вуз. Участие в международном научно-технологическом бизнесе российской высшей школы являлось еще более незначительным: на все подведомственные учреждения было получено 25 зарубежных патентов и продано 6 лицензий зарубежным организациям.

Крайне ограниченная «вписанность» вузов в региональные инновационные программы находится в очевидном противоречии с самооценками вузовского сообщества относительно своей роли в региональных инновационных процессах.

В своих программах развития университеты заявляют о ключевой позиции в инновационных системах и претендуют на реализацию следующих функций:

– производство фундаментальных и прикладных знаний;

– подготовка специалистов в области инновационных разработок,

– обеспечение трансфера научных разработок;

– производство опытных образцов и изделий;

– создание наукоемких бизнесов.

Очевидно, что в современной ситуации наиболее перспективными являются программы развития, характеризующиеся гибкостью в выборе моделей, сочетанием схем полного цикла (там, где сохранен конкурентоспособный уровень исследований) с моделями заимствования.

Большинство разработанных программ развития уходят от решения этой проблемы, не желая признавать факт отставания и неконкурентоспособность исследований [2, с. 30–33].

В сложных и плохо прогнозируемых экономических ситуациях наблюдается массовый крах «мыльных пузырей» экономики, не подкрепленных грамотным стратегическим управлением и умением гибко и молниеносно реагировать на изменяющуюся ситуацию. В то же время в условиях кризиса открываются редкие возможности для тех, у кого хватит смелости и компетентности, чтобы ими воспользоваться. Все это в полной мере можно отнести и к вузам. В схватке с объективными экономическими трудностями победят и укрепят свои позиции вузы, последовательно реализующие продуманную стратегию развития, занимающие сильные позиции на своих рынках и поддерживающие гармоничные отношения со всеми заинтересованными сторонами. Первым шагом системы управления вузом в условиях кризиса является спокойный и взвешенный анализ ситуации, оценка угроз и далее – изыскание новых возможностей и ранее недооцениваемых ресурсов. Требуется постановка реальных целей на краткосрочную перспективу в предположении разных сценариев развития социально-экономической ситуации. Долгосрочное планирование в труднопрогнозируемых условиях вряд ли целесообразно, а ориентация на различные сценарии повысит степень готовности и адаптируемости вуза к любым изменениям во внешней среде – от наиболее неблагоприятных до сверхположительных.

Современный подход к реформированию системы высшего образования заключается в необходимости адекватного настоящим условиям управления высшими учебными заведениями, поскольку богатство современных государств определяется не природными и технологическими параметрами, а, в первую очередь, человеческим капиталом и образование, особенно высшее, становится важнейшей компонентой экономического развития.

Можно сказать, что новые условия, в которых работают сегодня университеты, в условиях рыночных отношений, требуют новых подходов к организации их деятельности, требуют более эффективного и гибкого управления. Функциональные особенности и содержательная сущность управления вузами в системе рыночных отношений характеризуется необходимостью создания адекватной организационной структуры, мониторинга внешней и внутренней сред университета, развития вуза на основе принципов обучающейся организации.

В этих условиях качественно меняется характер, содержание и технология образовательной, научно-исследовательской, финансово-экономической и производственно-хозяйственной деятельности вуза, что, естественно, требует соответствующих изменений в системе управления деятельностью вуза: децентрализации и демократизации управления; расширения автономии высших учебных заведений с одновременным усилением их подотчетности и ответственности перед обществом; движения в сторону рыночных моделей организации, управления и финансирования высшего образования. Думается, что адекватным ответом на эти проблемы будет являться развитие инновационных университетов в качестве важнейшей составляю-

щей развития учебно-научно-инновационной деятельности в формирующуюся инновационную экономику России [1].

Безусловно, наиболее серьезной и реальной угрозой кризиса для вуза как экономического субъекта является сокращение его бюджета. Недостаточное финансирование может стать препятствием для реализации принципа социальной ответственности, прежде всего – в отношении собственных сотрудников и в отношении качества реализуемых программ и услуг. В условиях нарастания напряженности на региональном рынке труда шансы выпускников школ получить работу без какой-либо профессиональной базы и опыта практически сводятся к нулю. В течение нескольких лет аналитика регионального рынка труда демонстрирует отсутствие спроса на такую рабочую силу за исключением непрестижных вакансий, например, в коммунальном хозяйстве, на подсобных работах и т.п. Для региона такая ситуация может вылиться в серьезную проблему: формирование прослойки ничем не занятой молодежи грозит ростом самых негативных социальных явлений. Чтобы противостоять этой угрозе, вузу на сегодняшнем этапе необходимо решить следующие тактические задачи.

Во-первых, необходимо реально оценить перспективу снижения численности абитуриентов и набора на программы высшего образования. Большинству вузов нашей страны, исходя из официальной динамики численности выпускников школ РФ и ситуации с ЕГЭ, стоит принять во внимание прогноз о снижении численности набора, во всяком случае, российских граждан, на программы ВПО.

Во-вторых, следует разработать тактику «проживания» кризисной ситуации, направленную на решение трех взаимосвязанных задач, а именно:

– минимизации потерь контингента студентов через создание наиболее привлекательных для абитуриентов условий, акцентирование конкурентных преимуществ;

– формирования дополнительного предложения, направленного на привлечение новых категорий клиентов и партнеров вуза;

– оптимизации расходов при условии недопущения снижения качества образования в вузе.

Удержание контингента студентов на приемлемом уровне потребует от вуза разработки новой стратегии привлечения абитуриентов, адекватной условиям кризиса, с одной стороны, и учитывающей многократно усиливающуюся конкуренцию – с другой. Это означает:

– предложение новой линейки услуг вуза, позволяющей существенно диверсифицировать базу доходов и привлечь новые категории клиентов или просто усилить отдельные направления «второго плана»;

– поиск и создание новых конкурентных преимуществ, усиление наиболее востребованных и привлекательных качественных характеристик образовательных услуг вуза;

– формирование заманчивых условий для поступления, учитывающих сегодняшние интересы и платежеспособность домохозяйств.

Все разрабатываемые меры и механизмы приведут к успеху лишь в том случае, если будут отвечать потребностям регионального сообщества, соответствовать общей социально-экономической стратегии региона и последовательно продолжать реализацию принципа социальной ответственности и партнерства. Такая линия позволит удержать и укрепить имидж вуза как социально ответственного учреждения, создать фундамент для стабильного развития услуг вуза в интересах экономики региона в посткризисный период.

Таким образом, высшая школа становится важнейшим инструментом освоения территории. Развитие вузов в провинции должно идти по пути приобщения регионов к новым технологиям, интенсивного освоения периферии, преодоления отсталости и достижения устойчивого развития. Эти направления должны предполагать большее участие вузов в решении региональных проблем [3, с. 10–17].

Следовательно, реформирование региональных университетов позволит выработать модель перспективного российского университета для распространения на другие регионы. В этих университетах должны быть внедрены новые системы управления, а сами вузы являться интегрированными комплексами образования, науки и бизнеса, которые могут стать центрами инновационно-технологического развития и подготовки кадров международного уровня.

Библиографический список

1. *Боровская М.А.* Стратегия инновационного развития университетских комплексов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://keconomy.tti.sfedu.ru/person/borovskaya/9.pdf

2. *Клюев А.К.* Программы инновационного развития региона и университетов: поиск соответствия // Университетское управление: практика и анализ. – 2010. – № 1. – С. 30–33.

3. *Лазарев Г.И., Мартыненко О.О.* Региональный университет в период кризиса // Высшее образование в России. – 2009. – № 8. – С. 10–17.

Головин С.В.
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Князев Ю.К.
доктор экономических наук
Институт экономики РАН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ПУБЛИЧНЫЕ БЛАГА

В статье обосновывается позиция, согласно которой развитие экономической теории должно осуществляться с использованием политико-экономического подхода (в рамках которого формируется теория экономических интересов).

Ключевые слова: *экономические интересы, общественные интересы, публичные блага.*

В наше время в центре внимания экономической теории оказалось соотношение индивидуальных и общественных интересов. Не определив его, невозможно понять и объяснить сложную современную действительность. Методологическое постулирование индивидуализма как главной и почти единственной сущностной характеристики личности долгое время было непререкаемым в экономической науке. Но постепенно в человеческой жизни все большее значение стали приобретать общественные интересы, наличие которых уже не могли игнорировать многие школы экономической теории. Споры об этом переместились в более конкретную плоскость – что собой представляют общественные интересы, откуда они берутся и как соотносятся с исходными индивидуальными устремлениями и предпочтениями?

Все больше становится ученых, которые отмечают очевидную односторонность методологического постулата об индивидуализме, невозможность только с его позиций дать научное объяснение существования не только индивидуальных, но и общественных благ, а также разнообразных функций современного государства, эти блага создающего и предоставляющего своим гражданам. Так, Р. Гринберг и А. Рубинштейн, совместно разрабатывающие концепцию экономической социодинамики, в своих книгах и статьях на эту тему подчеркивают, что теоретическое ядро данной концепции базируется на отказе от абсолютизации методологического индивидуализма и переходе к более мягкому принципу комплементарности, допускающему существование групповых интересов наряду с предпочтениями индивидов, притом что первые не всегда можно свести ко вторым.

К тому же склоняется и лауреат Нобелевской премии по экономике К. Эрроу, считающий, что «человеком, несомненно, движут мотивы, которые выходят за рамки его собственного “я”. Это чувство ответственности отдельного человека перед обществом... в этом также проявляются общественные интересы, которые не сводятся к индивидуальной мотивации»[1].

Понять современный механизм взаимодействия частных и общественных интересов можно только в их диалектическом единстве, а не в механическом противопоставлении их как взаимоисключающих категорий. При таком подходе более ясными становятся и представления о частных и общественных благах. *Индивидуальные и коллективные потребности людей удовлетворяются разными по своему характеру благами – частными и общественными (публичными).*

Частные блага создаются индивидуальными и корпоративными производителями для удовлетворения потребностей индивидов и их объединений. На свободном рынке, где обращаются такие блага в виде товаров и услуг, господствуют преимущественно индивидуальные интересы, эгоизм и корысть. На рынке нет места для альтруизма, каждый следит, чтобы товарообмен был эквивалентным или в его пользу. Но даже там человек не всегда ведет себя эгоистично. Представители домохозяйств, корпораций, непроизводственных организаций и государственных структур руководствуются мандатом своих коллективов, в котором воплощен их социальный выбор независимо от того, как (демократически или диктаторски) этот выбор был сделан. Так или иначе, производители ориентируются в конечном счете на совокупный платежеспособный спрос населения и на оценку возможного его изменения под воздействием дополнительного предложения новых по качеству и функциональным особенностям товаров. Действующие на рынке объективные тенденции и закономерности учитываются производителями, чтобы не наделать ошибок и не разориться.

Совершенно по-иному создаются и используются общественные блага, предназначенные для всеобщего и в основном бесплатного потребления. Рыночные закономерности здесь действуют в определенных границах, требуя соответствия издержек производства потребительским свойствам конкретных благ, что важно для экономии бюджетных средств. Аллокация же инвестиций по объектам и сферам приложения осуществляется решением властей в зависимости от оценочных потребностей общества в тех или иных публичных благах.

Общественные блага подразделяются на материальные и нематериальные. Материальные представляют собой конкретные объекты, создаваемые государством или обществом и используемые всеми желающими преимущественно бесплатно (парки, музеи, библиотеки, учебные заведения, боль-

© Головин С.В., Князев Ю.К., 2012

ницы, поликлиники, бесплатные шоссе). Одни индивиды могут пользоваться бесплатным благом многократно, а другие вообще отказываются от него за ненадобностью, не получая за это никакой компенсации. Некоторыми материальными благами (главным образом, инфраструктурными объектами), создаваемыми государством в тех случаях, когда частники не могут или не хотят этого делать, граждане пользуются сугубо индивидуально и оплачивают только потребленную часть их стоимости. Здесь господствуют рыночные отношения, и индивид платит за предоставляемые услуги сполна, но государство может предоставлять субсидии малоимущим или льготы малому бизнесу, экспортным и социально значимым производствам.

Нематериальные общественные блага – это создаваемые государством условия безопасной и упорядоченной жизни граждан независимо от их личных желаний и готовности платить на эти цели налоги. К ним относятся: обороноспособность страны; внутренняя безопасность граждан и защита их конституционных прав; управляемость страной в целом и разными сферами жизнедеятельности общества. Последнее благо включает: государственное администрирование на всех уровнях; регулирование экономического и научно-технического развития; создание и совершенствование социальной сферы и достижение социальной справедливости; содействие развитию культуры и различных ее направлений.

Нематериальные блага, в отличие от материальных, предоставляются сразу всем гражданам во всей совокупности и используются целиком без индивидуализации их потребления. Для обеспечения таких общественных потребностей создаются материальные объекты (армия со всем ее оснащением, оборонно-промышленный комплекс, органы правопорядка, суды, тюрьмы, учреждения государственной власти, организации социальной сферы).

Бесплатные и платные публичные блага отличаются друг от друга способом возмещения затрат на их производство. Это важно для материальных взаимоотношений между государством и гражданами, но не делает их принципиально особыми типами общественных благ. В обоих случаях государство оказывается и инвестором, и заказчиком, и поставщиком общественного блага, но потребляется оно гражданами в добровольном или принудительном порядке. Вряд ли бесплатное благо можно считать товаром, который, как известно, производится не для себя, а на продажу. Товарные категории здесь не подходят, так как государство, по существу, ведет натуральное хозяйство, само определяя потребность в конкретном благе, затраты на его производство и условия его предоставления гражданам.

Государство в то же время использует рыночные отношения при предоставлении платных благ и во взаимодействии с частным сектором, включая государственно-частное партнерство. Оно регулирует также оборот индивидуальных благ на рынке в тех случаях, когда бывает заинтересовано в потреблении гражданами тех или иных товаров. Способы такого регулирования разные (снижение цен, интервенции товарными запасами, компенсации части расходов на приобретение товаров и пользование услугами, дотации производителям и субсидии потребителям), но в любом случае они ориентируют население на преимущественное приобретение именно тех товаров, в массовом потреблении которых заинтересовано государство как выразитель общественных интересов (например, тропических фруктов в северных странах). Некоторые авторы выделяют товары, оборот которых регулируется государством, в отдельную группу, называя их «опекаемыми благами». Но такие товары не перестают быть частными благами и не могут относиться к разряду общественных.

Особого рассмотрения заслуживают бюджетные расходы государства на социальные нужды. Тот факт, что значительная их часть в конечном счете обеспечивает индивидуальное потребление (учащихся, пациентов, пенсионеров), не отрицает обоснованность их в основном общественными интересами, сформулированными и конкретизированными государством. В этом смысле они мало чем отличаются от расходов на оборону и охрану общественного порядка, которые, если и потребляются частично военнослужащими и полицейскими в виде получаемых ими зарплат и натурального довольствия, не имеют персональных адресатов в лице охраняемых армией и полицией граждан. В данном случае как бюджетные доходы, так и расходы формируются исходя из понимаемого государством общественного интереса, а не из потребностей каждого индивида в отдельности и без учета его желания или нежелания участвовать в финансировании общественного блага.

Налоговые платежи, идущие на финансирование общественных благ, не индивидуализированы для потребления последних, то есть нет прямой количественной связи между величиной уплаченного налога и размером потребленных каждым индивидом общественных благ. У людей с разным достатком налоговые взносы не одинаковы, но они имеют право пользоваться общественными благами в равной мере или не пользоваться ими вообще. Государство распределяет средства бюджета без учета мнения каждого гражданина, опираясь лишь на сигналы от общества, поступающие в агрегированном виде, но окончательное решение всегда остается за властями.

Граждане, все вместе и каждый в отдельности, лишь косвенно могут влиять на это решение через всеобщие выборы и референдумы с помощью демократических процедур и законодательных актов.

Если же все общественные блага условно посчитать одним товаром, создаваемым государством и продаваемым обществу, а совокупные налоговые поступления в бюджет – платой за них или их ценой, то такого рода эквивалентный обмен действительно имеет место, но совершается не на свободном конкурентном рынке, а в процессе сложных политических договоренностей вне рамок обычных рыночных отношений. Главное же заключается в том, что государство не извлекает прибыли от своей деятельности и этим отличается от любой коммерческой фирмы.

При существовании наряду с индивидуальными также коллективных и общественных интересов принципиально важно в дальнейшем конкретизировать материализацию этих интересов в публичных благах. Поскольку эти блага создаются и реализуются в рыночных условиях, важно проследить, как это влияет на формирование общего платежеспособного спроса под воздействием самых разнообразных потребностей.

Вся совокупность потребностей подразделяется на три большие группы: индивидуальные, коллективные и общественные. Индивидуальные потребности имеют граждане по отдельности. Коллективные потребности возникают у групп людей (социумов), оформившихся для отстаивания совместных интересов своих членов. Общественные потребности имеются у всего общества, существующего в границах одной страны (государства), и их появление вызвано необходимостью обеспечения общественных интересов, связанных с сохранением и развитием данного общества. Все три группы потребностей сосуществуют одновременно и на всем пространстве страны.

Индивидуальные потребности обусловлены жизнедеятельностью отдельных личностей как физиологических существ и участников общественных отношений. Следовательно, индивидуальные потребности не ограничиваются только нуждами самого индивида, а включают еще и неизбежные для него запросы, формируемые при взаимодействии с теми социумами, членами которых он является.

Коллективные потребности возникают у разных групп людей, определенным образом структурированных в совокупном обществе. Первичный и наиболее устойчивый социум – семья. Семейные потребности, в отличие от индивидуальных, которые имеют отдельные члены семьи, касаются следующих направлений жизнедеятельности:

– общего ведения хозяйства, дающего экономию средств за счет совместного использования ресурсов (пищи, жилища, мебели, технического оснащения и т.п.);

– взаимопомощи при выполнении трудовых обязательств и связанных с ними переобучении и повышении квалификации, требующих временных или постоянных изменений в распределении обязанностей членов семьи;

– воспитания и обучения детей при сочетании семейных и общественных возможностей (дошкольных, школьных, университетских учреждений);

– организации совместного отдыха, досуга, проведения культурных мероприятий.

Совместные потребности также возникают и удовлетворяются в любом трудовом коллективе. Главная потребность состоит в защите интересов каждого члена коллектива и их общих интересов. К средствам такой защиты относятся: заключение трудового договора между коллективом и работодателем; деятельность профсоюзов; работа представительных органов коллектива по организации совместного досуга, туристических и культурных мероприятий; создание ведомственных лечебных и рекреационных учреждений; разные формы участия трудящихся в управлении предприятиями и распределении их доходов.

Коллективные потребности в сфере образования реализуются через родительские комитеты, попечительские советы, оказание родителями помощи учебным и дошкольным заведениям. Эти потребности существуют и в области здравоохранения, и удовлетворяются они посредством ведомственных поликлиник, больниц и санаториев. Специфически удовлетворяются общие потребности в области науки (самоорганизация научных коллективов и учреждений, пользующихся известной автономией в академиях наук и университетах) и культуры (творческие отраслевые союзы, обладающие собственностью). В рамках развивающегося гражданского общества все большее значение в удовлетворении коллективных потребностей приобретают разные общественные организации, союзы по интересам, общества защиты прав потребителей и другие правозащитные структуры.

Из перечисления многочисленных коллективных потребностей и способов их удовлетворения в различных сферах человеческой деятельности видно, какое важное место занимают они в нашей жизни. Наличие этих потребностей существенно воздействует и на предложение товаров на рынке, и в особенности на платежеспособный спрос, который формируется, таким образом, под влиянием не только индивидуальных потребностей. Довольно трудно вычислить долю этих двух видов потребностей в формировании совокупного спроса, тем не менее очевидно, что ценовые пропорции складываются под их взаимным воздействием, оказывая обратное влияние на производство и сбыт товаров и на развитие сферы услуг. Для нашего исследования имеют значение не столько количественные соотношения, сколько качественная характеристика совокупного спроса, включающего существенную и все возрастающую долю удовлетворения именно коллективных потребностей, сле-

довательно, *необходимость признания экономической наукой не только индивидуалистических, но и коллективистских мотивов поведения потребителей.* Часто их трудно отличить друг от друга, однако важно сознавать, что коллективный выбор точно так же влияет на рыночный спрос, как и индивидуальные предпочтения.

В еще большей мере (и по объему, и по значимости) это влияние ощущается на рынке со стороны общественных потребностей. Потребности общества в самосохранении и развитии порождают разнообразие средств их удовлетворения, включая большой пласт товаров и услуг на рынке, существенно влияющих на общее соотношение между спросом и предложением. В самом общем плане значение общественных потребностей в формировании платежеспособного спроса выражается в том, что на их удовлетворение расходуется примерно половина валового внутреннего продукта, создаваемого в современных странах, то есть столько же, сколько и расходы частных лиц вместе взятых.

Необходимо подчеркнуть, что аккумулированные в государственном бюджете средства не только формируют рыночный спрос на товары и услуги, которыми удовлетворяются общественные потребности, но и, соответственно, сокращают платежеспособный спрос частного сектора на величину изъятия заработанных средств в виде налога на прибыль и на добавленную стоимость, акцизов, таможенных пошлин и других налоговых платежей. Кроме этого, в виде отчислений на социальные нужды из фонда заработной платы предприятий и подоходного налога с физических лиц попадают во внебюджетные фонды (пенсионный, медицинского и социального страхования) немалые суммы, общий размер которых в России составляет сейчас 42,6% средств, предназначенных на оплату труда. Настолько же сокращается объем расходов наемных работников, следовательно, и их возможности удовлетворять свои потребности. Вместе с тем госслужащие и другие бюджетники, будучи наемными работниками, получают зарплату из госбюджета, и хотя их платежеспособный спрос порождается общественными потребностями, реализуется он на рынке в виде индивидуальных и семейных расходов, учитываемых статистикой как потребление домохозяйств.

Современное государство использует бюджет для финансирования практически всех направлений и сфер жизнедеятельности страны. Самые крупные затраты бюджетных средств приходятся на нужды обороны страны, содержание правоохранительных органов, развитие систем образования и здравоохранения, социального обеспечения и страхования, науки и культуры. Финансирование этих жизненно важных сфер означает удовлетворение соответствующих общественных потребностей и создает обширный и постоянно растущий спрос на рынках товаров и услуг. Значительные бюджетные средства расходуются на чисто экономические нужды, а именно, на проведение общегосударственной хозяйственной политики, на содействие развитию отдельных отраслей и регионов народнохозяйственного комплекса, на создание и поддержание инфраструктурных (транспортных, энергетических и др.) объектов. Таким образом, деятельность государства серьезным образом влияет и на потребительский, и на инвестиционный спрос в стране.

Помимо существенного воздействия на спрос, деятельность государства сказывается и на совокупном и целенаправленном предложении товаров и услуг. Все возведенные при участии государства объекты и само их строительство расширяют и увеличивают разнообразие товарного предложения на рынке. Инновационно-модернизационная политика способствует техническому перевооружению важнейших производств и появлению в продаже современной качественной продукции. Регулирование экспортных и импортных потоков также влияет на соотношение между спросом и предложением товаров на внутреннем рынке в соответствии с общественными интересами.

Рыночные процессы, включая ценообразование, складываются под влиянием не только индивидуальных предпочтений, но и коллективных и общественных потребностей, в значительной мере формирующих как товарный спрос, так и предложение. Существование наряду с частными общественных интересов и особых публичных благ требует должного освещения их происхождения, взаимосвязи и противоречий.

Рассматривая соотношение индивидуалистических и коллективистских интересов и различия между частными и публичными благами, нельзя обойтись без упоминания роли государства как выразителя и защитника общественных интересов. Вносимые государством коррективы в спонтанные рыночные процессы придают экономике социальный характер, поскольку защищаются и балансируются интересы всех субъектов рынка независимо от их величины и мощи. Это достигается путем создания условий для равноправной и честной конкуренции при подавлении монополизма и ограничении необоснованного перепроизводства товаров, демпинговых цен и других негативных явлений, ведущих к разного рода экономическим и финансовым кризисам. Без всеохватывающего макрорегулирования современного государства практически невозможно функционирование рыночной экономики.

Очевидное усиление вмешательства современного государства в экономическую жизнь настоятельно требует теоретического осмысления. Экономическая наука не может ограничиваться сугубо рыночными процессами, построением моделей

поведения на рынке покупателей, продавцов и посредников, рекомендациями по вложению средств на валютных и фондовых рынках. Постоянным объектом научных исследований должна стать деятельность государственных органов, которые не меньше, чем обычные рыночные субъекты, нуждаются в теоретическом обосновании предпринимаемых ими действий и в соответствующих практических рекомендациях.

Главная слабость современной экономической науки состоит в ее традиционной сконцентрированности на микросфере, на построении бесконечных моделей первичных рыночных отношений, объясняющих поведение субъектов рынка в условиях его умозрительного равновесия. Гораздо меньше внимания уделяется макроэкономике, то есть процессам, происходящим в масштабе всего общества, и регулирующей деятельности государства и других общественных институтов как по поддержанию конкурентной рыночной среды, так и по обеспечению поступательного общественно-экономического развития. В переносе центра тяжести научных исследований именно на эту проблематику видится главное направление назревшего обновления экономической теории. Рассмотренное в данной статье соотношение индивидуальных и общественных интересов, частных и публичных благ, роли государства в социально-регулируемой рыночной экономике должно занять подобающее место в современной экономической науке.

Примечание

[1] *Гринберг Р., Рубинштейн А.* Теория, инновации и контуры будущей экономики в диалоге с Кеннетом Эрроу // Вопросы экономики. – 2010. – № 10. – С. 7.

Коновалова Екатерина Владимировна
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СЕМЬЯ В РЯДУ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Традиционно семью рассматривают и как социальный институт, и как социальную группу. Однако сохранение функциональной устойчивости социальных структур общества базируется на определённых механизмах отношения людей и групп людей. В рамках предмета новой политической экономии обоснована сущность семьи как экономической категории с использованием принципа интеракционализма (анализ экономических взаимодействий членов семьи друг с другом). Предложено обоснование ранговой структуры семьи в противовес социологической структуре, обозначающей ранговую структуру как фрустирующееся препятствие развития семейных отношений.

Ключевые слова: *семья как политэкономическая категория, домохозяйство, принцип интеракционализма, семейное домохозяйство, социально-экономические отношения.*

Концепция семейной политики как части экономической идентифицирует ответственность государства за поддержку семьи в качестве субъекта экономических отношений. В то же время нельзя не отметить, что реальные механизмы реализации семейной политики требуют теоретического обоснования, определения адекватной российским условиям парадигмы, в том числе в части ресурсной основы социально-экономической политики.

Целостной экономической теории семьи, дающей всестороннее, прежде всего экономическое объяснение закономерностей её функционирования и развития, пока не существует, хотя в литературе можно встретить достаточно серьезно обоснованные подходы [4]. Практически не исследованы и не объяснены особенности трансформации семьи и её функций в условиях инновационной экономики, стратегии семьи как экономического агента в разных типах институциональной среды. Кроме того, институциональный анализ не только учитывает влияние институционального пространства на сферу деятельности семьи, но и показывает, как изменяется это пространство под её влиянием [7].

В отечественной экономической науке проблемы экономики семьи и воспроизводства населения были вытеснены на периферию обществоведения. В теоретических экономических исследованиях имеет место недооценка роли семьи, семейных отношений как важнейшего структурного элемента всей системы социально-экономических отношений, а в экономическом плане, прежде всего, отношений общественного воспроизводства. Между тем институт семьи является основным стержневым элементом общества, выполняющим целый ряд важнейших для него функций, влияющих непосредственно или опосредованно на экономический рост в стране, динамику всех социально-экономических процессов [3]. Поэтому подход к пониманию экономики семьи как сложной системы экономических отношений между семьей и обществом только формируется, чему способствует междисциплинарный характер исследований семьи в сегодняшней российской фамилистике (науке о семье) на стыке экономики, демографии и социологии.

Интеграция демографических, социологических и экономических данных о развитии семьи, её экономическом положении, о динамике семейной структуры России и регионов может дать особый

© Коновалова Е.В., 2012

эвристический эффект, помочь сформулировать новые гипотезы, которые будут положены в основу исследования семьи и рождаемости в условиях современной экономики, а также подходы к разработке и реализации семейной политики.

Для современной западной и отечественной экономики характерно рассматривать семью и как социальный институт и как социальную группу. Так, в определении семьи как социальной группы делается упор на «межличностное» психологическое воздействие в семье. При таком подходе семья рассматривается как социально-психологический комплекс, стабильность которого зависит от внутренней сплочённости членов семьи, а не от внешнего давления. Можно утверждать, что в имеющейся литературе характерно рассмотрение семьи как «закрытой системы взаимодействия», которая зиждется на психологическом единстве, а не как социального института, управляемого законом и моральными нормами. Это, в свою очередь, предполагает обращение к личностям, индивидам и характеристикам индивидуального сознания в их взаимодействии – взаимоотношении между ними. «Специфически социальное» содержание в литературе определяют с помощью двух тесно связанных между собой понятий: *коммуникации* и *согласованности*. Коммуникация (взаимопонимание между людьми) и согласованность (определенная близость взглядов и настроений) являются взаимным сознательным отношением индивидов, взаимной связью их сознаний.

При этом нельзя не отметить, что приведенные выше характеристики не являются сущностно экономическими. Скорее, превалирует подход социологический. Так, пытаясь выяснить специфику семьи как «социальной группы», Э. Берджесс указывает, что «семья – группа людей, объединенных узами брака и родства, ведущая отдельное домашнее хозяйство. В лоне семьи происходит взаимодействие членов семьи, выполняющих соответствующие роли мужа и жены, матери и отца, сына и дочери, брата и сестры. Семья создает и сохраняет общую культуру» [1].

В рамках предмета новой политэкономии нами обоснована сущность семьи как экономической категории с использованием принципа *интеракционализма*, то есть анализа взаимодействий членов семьи друг с другом. Согласно этому принципу, в обществе всё проистекает из реального взаимодействия личностей, в том числе и сознание людей, которое есть лишь элемент и продукт того взаимодействия. В настоящее же время, по мнению экономистов, семья изменяется от «товарищества» к «институту». В прошлом основные факторы, объединяющие семью, были внешние, формальные, так же как закон, нравы, общественное мнение, традиции и авторитет главы семьи, строгая дисциплина и разработанные ритуалы. В настоящее время возникает новая форма семьи – товарищество. Её единство всё меньше зависит от давления общества, а всё больше от таких личных отношений, как взаимная привязанность, взаимопонимание и товарищество ее членов. В свою очередь, известным социологом Т. Парсонсом была предпринята попытка синтезировать различные точки зрения на семью. У него семья – это социальная группа, которая не противостоит обществу, а включена в его социальную структуру. Т. Парсонс рассматривает семью как структурную подсистему общества в связи с другими частями общества, в котором она функционирует. По его мнению, семья является не только одной из дифференцированных подсистем общества, но особым типом группы или социальной системы, поскольку она не имеет общих элементов с другими типами групп. Будучи маленькой группой, «нуклеарная семья» является относительно простой социальной системой, и этот факт имеет большое значение для ее функционирования как органа социализации и стабилизации личности. «Нуклеарная семья» – это не независимое общество, но маленькая и высоко дифференцированная подсистема общества [6].

Главное в анализе Т. Парсонса – это сохранение функциональной устойчивости социальных структур общества. В этом плане функционализм, сутью которого является «теория равновесия», а целью – сохранение равновесия социальных структур, придает большое значение взаимодействию ролей. Каждый член семьи выполняет дифференцированные роли: мать – экспрессивную, отец – инструментальную. Кроме семейных ролей, существует еще профессиональная роль отца, которой определяется статус семьи. Область инструментальных отношений, по словам Т. Парсонса, касается отношений семьи как системы к другим системам общества; это – нахождение приспособительных условий удержания равновесия и инструментальное «установление желаемых отношений с внешними целями-объектами». Экспрессивная область касается внутренних дел семьи – удержания интегративных отношений между членами семьи и их регулирования.

«Экономическая», «демографическая», «психологическая» и т.д. парадигмы заключают в себе две стороны: онтологическую (общее представление о семье как о домохозяйстве, форме распределения доходов, системе репродуктивных отношений, межличностных отношений вообще, социальном институте или мигрирующей единице и т.д.) и методологическую сторону, включающую идеалы и нормы научного исследования. Каждая наука рассматривает определенные аспекты жизнедеятельности и функции семьи (репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-экономическую (включая наследственную, потребительскую, производственную), статусную, коммуникативную, регулятивную

(включая властную); различные теоретические подходы лоббируют интересы тех или иных общественных групп. Кроме того, следует учесть, что домохозяйство необходимо рассматривать на микро- и макроуровне: как систему отношений членов семьи и как целостный субъект. В частности, с экономической точки зрения домохозяйство, с одной стороны, является основной единицей потребления, а с другой стороны, в домохозяйстве происходит процесс принятия решений об участии в профессиональном труде, о рождении детей и т.д.

Концепции человеческого капитала, тендерного неравенства, социо-половых ролей, трансакционных издержек, несовершенства информации и рынков, жизненного цикла и жизненного пути семьи, социального обмена и т.д. значительно расширяют, в частности, микроуровневый анализ семьи, позволяют получить нетривиальные ответы в макроисследованиях. Основные направления комплексных исследований семьи и домохозяйства, предложенные в рамках нашей статьи, лежат в сфере экономики, демографии и социологии. В современных условиях развития товарных отношений и отношений собственности категория «домохозяйство» имеет для нас особый интерес. В этой связи интересным представляется неоклассический подход к исследованию семьи (домохозяйства) как экономическому субъекту, формализующий понятия брака и выбора партнера, рождения детей, потребности в здоровье и т.д.

Теоретический анализ домохозяйства как экономической единицы раскрывает характер взаимосвязей домохозяйства с глобальной экономической системой (количественные и качественные показатели рабочей силы, динамику производства, накопления и потребления). Наиболее ярко данные взаимосвязи проявляются на рынке труда. Оценка экономической активности членов домохозяйства (особенно моделей женской занятости) основывается на анализе внутренней динамики системы домохозяйства.

Особо отметим, что достаточное внимание внутренней динамике семейных отношений уделяется в институциональных исследованиях семьи, рассматривающих брак как управляющую структуру, анализирующих «семейные переговоры» и «контракты».

В ряде работ мы уже отмечали, что определение понятия «домохозяйство» не имеет абсолютного соответствия с определением понятия «семья» [см., например: 4, с. 62–63]. Понятие домохозяйства имеет более строгую привязанность к территориальным границам домохозяйственной единицы и предопределяет существование экономических отношений (общий бюджет, экономическая поддержка) внутри домохозяйства и производственных отношений (если они существуют). Для нашего анализа важно также представлять домохозяйство как единицу (уровень) принятия решений о рождении детей и о других демографических событиях: семейное планирование, брак, миграция, решение оставить родительский дом и т.д. Домохозяйство может быть представлено людьми, не находящимися в родственных отношениях, или «одиночками». Члены семьи могут нарушать принцип постоянного совместного проживания. Однако строгих границ, разделяющих понятия «семья» и «домохозяйство» не существует, и данные термины часто употребляются как взаимозаменяемые.

В последнее время ученые все чаще используют термин «семейное домохозяйство» (домохозяйство отождествляется с семьей, все члены которой проживают совместно), так как в большинстве случаев домохозяйство является семейным. Это характерно как для развитых стран, так и для России. Кроме того, развиваются также так называемые «транснациональные домохозяйства», члены которых проживают в разных странах и поддерживают друг друга материально, то есть в какой-то степени совместно ведут хозяйство [5].

Выше отмеченное позволяет утверждать, что домохозяйство представляет собой основную единицу социального и биологического воспроизводства, связанную с социально-экономической макроструктурой, и определяется как лицо или группа лиц, совместно проживающих и ведущих хозяйство. Семейное домохозяйство представлено людьми, связанными родством или обязательством, реализующими потребности в любви, жизни, питании, эмоциональной поддержке, взаимопомощи, осуществляющими совместные стратегии существования, выживания, наследования, воспитания детей, миграции, социальной мобильности [2].

Отметим, что в зарубежной литературе семья рассматривается, с одной стороны, как социально-экономический институт, который управляется законом, нравами, общественным мнением и традициями, с другой стороны, как психологическое единство или как группа, существующая независимо от общества и действующая часто вне связи с общественными установлениями и даже вопреки им. Если общество не может предоставить своим членам уверенность в будущем, то эту уверенность должна предоставить им семья. Если общество прибегает к социальному нажиму, то семья должна снять этот нажим. Семья предстает как структурная подсистема общества или как часть экономической структуры, находящаяся в состоянии равновесия и интеграции с остальными социальными структурами.

Значительное место в работах западных экономистов и социологов уделяется проблеме трансформации семьи и ее функций в конце XX – начале XXI столетий. Так, в свое время в учебнике «Социология семьи» М. Элмера указывалось, что в современном обществе в связи передачей ряда

экономических и производственных функций семьи другим организациям (о чем уже шла речь) возрастают психологические и эмоциональные функции семьи. Так, ребенку в дополнение к биологическим нуждам и физическому здоровью необходима эмоциональная уравновешенность и умственное приспособление для сопротивления социальному натиску общества. Растущая же специализация всех видов работ с их монотонностью требует укрепления эмоциональной структуры индивида, чтобы он мог вынести напряжение.

Кроме того, семья – это основная единица социального контроля, и осуществляется он не только за детьми, но и за взрослыми. Поведение индивида в обществе определяется воспитанием, полученным в раннем детстве, когда он был членом первичной группы, в которой он провел ранние годы жизни.

Важным для современной экономикой теории семьи является также проблема места семьи в системе социально-экономических структур: социализация как главная функция семьи, семейные роли и сочетание различных ролей, роль женщины в современном обществе и др. Например, многие авторы считают, что семья существует для радости и полного проявления жизни, что она должна обеспечивать прочную основу для развития ее членов, передавать культурное наследие следующему поколению, культивировать более глубокие интимные аспекты жизни, передавать жизненный опыт своим членам, обеспечивать физическое и умственное здоровье членам семьи, обеспечивать полное проявление человеческой личности, поощрять здоровое выражение любви, обеспечивать функцию воспроизводства человека; семья также является местом, где люди могут совершать ошибки в обстановке покровительства. В институциональной теории подчёркивается, что «человеку свойственна потребность в создании вокруг себя предсказуемой среды... Именно в рамках защищённого рутиной пространства впервые возникает норма доверия». Иными словами, привычки и рутины удовлетворяют фундаментальную потребность человека «в формировании среды, где он мог бы оставаться самим собой» [8].

Но в оценках прогноза перспектив семейного института все сходятся на том, что урбанизация, развитие техники и транспорта, вертикальная и горизонтальная мобильность способствуют ослаблению родственных связей. Кроме того, анонимность городской жизни создает предпосылки для внебрачных связей, следствием чего является ослабление семьи. Вот почему социологи не могут не давать практических советов, направляемых на укрепление семьи. Одни из них средством укрепления семьи считают более эффективное разделение труда в семье, другие – изменение статуса жизни и т.п. Между тем брачно-семейные отношения часто развиваются далеко не в том направлении, какое пытается им указать социология.

Суммируя все выше изложенное, можно дать более подробную дефиницию семьи. *Семья* – это социально-экономический институт (с точки зрения общественного санкционирования брачно-семейных отношений) и в то же время обладающая исторически определенной организацией малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость, которая обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения.

В этом определении особенно важны следующие моменты: 1) социально-историческая обусловленность семейных отношений и семейной организации; 2) наличие в семье, наряду с общими для всех социальных явлений чертами и качествами, ряда специфических особенностей (малочисленность семейной группы, близость родства, общность быта, взаимная моральная ответственность); 3) то, что существование семьи и ее специфическая социальная функция являются следствием объективной необходимости, связанной с одной из двух важнейших форм производства и воспроизводства непосредственной жизни.

Поскольку жизнь в семье связана с общностью быта и материальной заботой о родственниках, постольку между членами семьи складываются определенные *социально-экономические отношения*. Причем сама семья определяет лишь необходимость этих отношений, характер же их зависит от социальной принадлежности семьи, конкретно-исторических условий ее жизнедеятельности.

Семья – относительно замкнутая система межличностных и межгрупповых отношений. Вместе с тем семья представляет собой элемент более широкой системы. Причем «семья-общество» происходит как на уровне целого, так и на уровне составляющих его частей. Поэтому понятия «система» и «подсистема» по отношению к обществу и к семье применимы лишь постольку, поскольку речь идет о первом уровне (общество – целое, а семья – его часть) их взаимодействия. Что же касается системы семьи, то она стабильна (хотя степень и критерии ее стабильности различны в разные эпохи). Ее устойчивость может обеспечиваться за счет внешних по отношению к ней сил: права, религии, общественного мнения и внутренних связей, в которых реализуется взаимная эмоциональная и экономическая заинтересованность. В первом случае семья рассматривается в качестве института, во втором – как малая группа.

Семья характеризуется с точки зрения местоположения, структуры и социальных функций.

Местоположение семьи означает, что она не сводится к родственным отношениям, а предпола-

гает и совместное проживание родственников, а следовательно, и наличие общих элементов быта; экономическая взаимопомощь и поддержка членов семейной группы, разделение труда между ними осуществляются в определенных локальных границах, в рамках семейного домашнего хозяйства. Совместное же проживание связано с совместным потреблением, а иногда и с совместным производством.

Структура семьи – это способ обеспечения единства ее основных элементов, то есть составляющих ее половозрастных групп и отдельных лиц. Характер семейной структуры определяется, в конечном счете, социально-историческими условиями: состояние общественных отношений порождает соответствующие тенденции в семейных отношениях и т.д. В свою очередь семейная власть может основываться на экономическом преобладании или моральном авторитете, исходить из традиционных представлений о структуре семьи или оценки существующего в данной конкретной семье положения, сосредоточиваться в одних руках или распределяться между несколькими взрослыми членами семьи. В этом плане разнообразны и формы проявления семейной власти – от прямого насилия до морального воздействия, от приказов до вежливых дружеских советов. Со структурой семьи тесно связан порядок и уклад ее жизни, ее обычаи и традиции, а также ее взаимоотношения с другими семьями и со всем обществом.

Социально-экономические функции семьи имеют два основных источника: потребности общества в целом, семьи, в частности, и специфику самой семейной организации. И то и другое исторически изменяются. Поэтому каждый этап в развитии семьи связан с отмиранием одних и возникновением других функций, с изменением как масштабов, так и характера ее деятельности. Однако при всех этих изменениях общество на новой ступени своей истории нуждается в воспроизводстве населения, поэтому оно всегда заинтересовано в семье как форме организации этого воспроизводства.

В свою очередь, воспроизводство населения – это не просто процесс деторождения. Это не только физическое, но и духовное воссоздание общества, не только рождение, но и соответствующее воспитание детей. Для этого необходима семья. Ребенок, особенно в раннем детстве, нуждается в повседневной заботе, граничащей с самоотверженностью. Только такое отношение к ребенку создает нужные предпосылки для влияния на него, вызывает у него доверие и любовь к воспитателю.

Среди экономических функций семьи необходимо различать такие, которые связаны с самой сущностью и спецификой семьи и которые никакой другой социальный институт в данных условиях выполнить не в состоянии, и такие, к выполнению которых семья лишь «приспособлена» наряду с другими социальными организациями. К первой группе относятся воспроизводство населения, связанная с ним деятельность семьи, ко второй – такие функции, как, например, накопление собственности, представительство в экономических и юридических отношениях с государством и т.д.

Говоря о семье, нельзя еще раз не подчеркнуть, что ее основу составляет брак. *Брак* – это исторически изменяющаяся форма отношений между женщиной и мужчиной, посредством которой общество упорядочивает их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родительские права и обязанности.

Содержание брака неоднородно по своему характеру: оно включает и *экономическую*, и *психологическую* сторону. *Экономическая сторона* – это следствие специфики экономических отношений, половозрастного разделения труда в производстве и домашнем хозяйстве. *Психологическая сторона* брака имеет своим источником как особенности социально-экономической и культурной жизни общества, так и половой диморфизм, оказывающий влияние на потребности, чувства, черты характера и даже на способности и вкусы мужчины и женщины.

Таким образом, сохранение функциональной устойчивости социальных структур общества базируется на определённых механизмах отношений людей и групп людей, в которых семья является доминирующим среди других социальных институтов.

Библиографический список

1. *Берджесс Э.* Современная американская социология. – М.: Изд-во МГУ, 1994.

2. Домохозяйство, семья и семейная политика / под ред. В.В. Елизарова, Н.В. Зверевой. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 10–11.

3. *Иванова Р.К.* Семейный уклад и основы жизнеустройства // Многоукладность России: исторические корни, состояния и перспективы. – М.: Институт экономики РАН, 2009. – С. 183.

4. *Колесов В.П., Коновалова Е.В., Чекмарев В.В.* Экономическая теория семьи. – М.: ИНФРА-М., 2010. – 300 с.

5. Народонаселение // Энциклопедический словарь. – М., 1994.

6. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

7. *Филоненко Ю.В.* Потенциал институционального анализа в исследовании потребительского и инвестиционного поведения российских домохозяйств // Эволюционные и институциональные механизмы современной модернизации / под ред. А.Ю. Архипова, Е.М. Мартишина. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2011. – С. 254–261.

8. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / под ред. Р.М. Нуреева: В 3 ч. Ч. 1: Домохозяйства современной России. – М.: Московский общественный научный фонд, 2003. – С. 110.

УДК 330

Ратькова Александра Борисовна
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ratkova.a@yandex.ru

ГОСУДАРСТВО В ФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО БЛАГА

В статье рассматривается проблема источника формальных норм для функционирования экономической системы страны в заданных параметрах. Автор приводит дополнительные аргументы в пользу точки зрения, согласно которой формальные нормы являются экономическим институтом, а также определяет место государства в качестве производителя институционального блага.

Ключевые слова: *государство, формальные и неформальные нормы, институциональная среда, институциональное благо.*

Для обеспечения устойчивости динамического развития экономики необходимо совершенствование институциональной среды, предполагающее упорядочение экономики на основе общепризнанных норм и правил.

Рыночные механизмы не способны воспроизводить такую важную социально-экономическую ценность, как формальные нормы, которые регламентируют отношения собственности, контрактные отношения, права потребителей, антимонопольное законодательство, регулируют деятельность естественных монополий, качество работы судебных органов.

Формальные нормы должны играть ведущую роль в экономических преобразованиях российского общества:

1) создавать правила перехода от одной модели хозяйствования к другой, регламентировать отношения, которые будут складываться в этом целевом состоянии. То есть очень важным является как задание параметров целевого состояния экономических преобразований, так и процедурная их регламентация, правовое регулирование;

2) в условиях рыночной экономики они должны быть нацелены на удовлетворение определенных потребностей субъектов экономической деятельности, выявление и устранение конфликтов их интересов как внутри бизнес-сообществ, так и в его взаимоотношениях с окружающим миром (обществом и отдельными социальными институтами, государственными органами местного самоуправления).

Производство формальных норм как основы координирующего воздействия на экономические процессы – это функция самого государства.

Нормы являются базовыми регуляторами взаимодействий между экономическими субъектами. Ими определяется, «как должен вести себя индивид в различных ситуациях, при этом выполнение предписания либо носит добровольный характер, либо основывается на санкциях (социальных, экономических, юридических)» [4, с. 137]. Норма становится правилом поведения людей лишь тогда когда четыре ее элемента – атрибут, фактор долженствования, цель и условие – дополняются пятым важным элементом – санкцией за нарушение нормы или за уклонение от следования ей [4, с. 138].

В контексте сказанного следует отметить, что формальные нормы представляют собой не просто ключевой экономический институт, они относятся к числу институциональных благ. Для этих благ характерно то, что предельные затраты на их приобретение еще одним индивидом равны нулю, а несоперничество и неисключаемость в их использовании практически не ограничены. В соответствии со степенью заинтересованности государства формальные нормы можно классифицировать как не предназначенные для индивидуального потребления и выражающие необходимость в устойчивом развитии для всего общества.

При этом функция государства состоит не просто в том, чтобы создать данное благо само по себе. Важно качественное производство формальных норм, которые бы способствовали экономическому развитию и росту.

Например, формальные нормы должны:

1) стимулировать свободную и честную конкуренцию, прежде всего на ресурсных рынках. Дело в том, что от развития конкуренции и снижения барьеров в отрасли выигрывают производители, только собирающиеся выйти на рынок, и потребители, которые организованы гораздо хуже производителей. Им противостоят предприниматели, уже работающие на рынке и, естественно, не заинтересованные в усилении конкуренции. Проблема рыночной экономики в том, что состояние честной и открытой конкуренции на рынке – ключевое условие успеха «невидимой руки» – не обязательно является равновесным в долгосрочной перспективе. Наиболее эффективные компании вытесняют остальных, после чего приобретают такую власть, что изменяют правила игры в свою пользу и ограничивают вход на рынок потенциальных конкурентов. В таком случае жертвой конкурентной борьбы может стать сама конкуренция;

2) обеспечивать достаточный контроль над внешними эффектами, особенно отрицательными. При наличии внешних эффектов производитель блага имеет возможность переложить на других часть своих издержек или, напротив, предоставить им дополнительные блага, не располагая возможностями потребовать адекватной платы за их предоставление;

© Ратькова А.Б., 2012

3) обеспечивать реализацию принципа справедливости. Немало политиков, экспертов и ученых утверждают, что эффективность национальной экономики и построение гражданского общества в России во многом зависят от того, насколько соблюдаются принципы социальной справедливости во всех сферах общественной жизни, включая экономику. Так, академик Л. Абалкин подчеркивает, что главный ориентир социальной политики на современном этапе – всемерное стимулирование экономической активности, формирование предпосылок, при которых каждый человек сможет своим трудом, энергией, инициативой и талантом обеспечивать достаточные условия жизни для себя и своей семьи. Это отвечает как требованиям эффективности, так и принципу социальной справедливости общества [1, с. 643]. В данных целях необходимо создание социально ориентированных и экономически эффективных институтов национального хозяйства.

Такой подход имеет своим результатом создание благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности, достижение и поддержание экономической эффективности, экономического и социального равновесия в обществе. Подобная политика государства, стимулируя развитие в нормативных границах экономической и трудовой деятельности, уже сама по себе может стать действенным средством профилактики возникающих противоречий между формальными и неформальными институтами, предупреждения оппортунистического поведения. Однако это произойдет только при условии, если государство способно выступать на рынке институциональных благ как эффективный производитель формальных норм.

Рассматривая государство как агента по производству благ, необходимо обратить внимание на то, что государство может самостоятельно производить блага, называемые общественными (например, оборона от внешней агрессии, установление единых общегосударственных стандартов), а также финансировать их производство частными структурами (например, строительство автомобильных дорог или утилизация мусора). И в том и в другом случае государство берет на себя расходы, связанные с производством этих благ.

Блага, которые характеризуются отсутствием исключаемости к их доступу, могут производиться частным порядком только в том случае, когда заинтересованность какого-либо индивида или группы в таких благах настолько велика, что этот индивид или группа готовы взять на себя все издержки предоставления, понимая при этом, что выгоды от потребления производимых благ достанутся не только их создателям, но и всем другим членам общества. Фактически при потреблении общественных благ имеет место размывание прав собственности на эти блага, которое оказывает отрицательное воздействие на стимулы индивидов к производству такого рода благ. В связи с этим возникает «проблема безбилетника». Суть ее, как известно, в том, что если существует возможность извлечь некоторую выгоду без участия в издержках по созданию источника выгоды (блага), то каждый человек будет стремиться переложить издержки на другого. Иными словами, без дополнительных стимулирующих механизмов частное предоставление общественных благ если и не становится невозможным во всех случаях, то приобретает характер случайного события, вероятность осуществления которого, при прочих равных условиях, крайне невелика [3, с. 223].

Производство такого блага, как формальные нормы, связано с созданием не имеющих аналогов жизненно важных услуг и сглаживает известные недостатки рыночного механизма. В связи с этим государство в современном мире выполняет в этой части важнейшую, уникальную экономическую функцию, и здесь никакие рыночные механизмы не способны его заменить.

Существует специфическое понятие цены институциональных благ и издержек на их создание, а также понимание справедливости цены этих благ. Эта цена определяется государством, а ее денежным воплощением, закрепленным в законе, является государственный бюджет. Процесс же оплаты приобретаемых благ выражается в сборе налогов. Поэтому уклонение от уплаты налогов в институциональной теории рассматривается как оппортунистическое поведение. В отношении производства такого блага, как формальные нормы, применение понятий цены и издержек крайне важно. Общество через налоги оплачивает затраты на формирование формальных норм. Поэтому оно вправе потребовать от государства обеспечивать качественное производство данного блага, которое имело бы равновесную цену, отражающую интересы и потребности всего общества. «Во-первых, для того чтобы закон был эффективным, он должен иметь значение в том контексте, где он должен применяться. Иными словами, у граждан должны быть стимулы использовать этот закон, и, следовательно, должен возникать спрос на институты, которые обеспечивают исполнение закона и его развитие. Во-вторых, судьи, адвокаты, политики и другие юридические посредники, которые ответственны за развитие закона, должны быть способны улучшать его качество тем способом, который соответствует требованиям законности» [5, с. 2].

В заключение следует отметить: исходя из первых в истории экономической мысли теоретических разработок Дж. М. Милля, некогда натолкнувшегося «на фундаментальное положение экономической теории благосостояния – понятие “общественных благ”, благотворное действие которых не наблюдаемо, отчего рыночный механизм совершен-

но не в состоянии побудить потребителей к предпочтению подобных благ» [2, с. 198], можно считать истинной методологическую посылку, согласно которой любая миротворческая и правозащитная деятельность, независимо от того, от кого она исходит – непосредственно от государства или от рядовых членов общества, сама по себе является благом. В этой связи в условиях рыночной экономики государство является не единственным, не монопольным производителем общественных благ. Однако производство институционального блага, такого как формальные нормы, – это функция самого государства. Именно государство является источником формирования институционального блага.

Библиографический список

1. *Абалкин Л.И.* Избранные труды: В IV т. Т. IV: В поисках новой стратегии. – М.: Экономика, 2000.

2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе / пер. с англ., 4-е изд. – М.: Дело Лтд, 1994.

3. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: учебник / под общей ред. А.А. Аузана. – М.: ИНФРА-М, 2005.

4. *Олейник А.* Институциональная экономика // Вопросы экономики. – 1999. – №2.

5. *Berkovitz D., Pistor K., Richard J-F.* Economic Development, Legality, ant the Transplant Effect // William Davidson Institute Working Paper. – 2000. – № 308. – February.

УДК 338.46

Аристова Елена Витальевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
okvd@kmtn.ru

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ УСЛУГИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

В статье предпринята попытка выявить специфику медицинской услуги, позволяющую характеризовать ее как экономическую категорию. Проводится сравнительный анализ ряда понятий, отражающих специфический характер медицинской услуги.

Ключевые слова: *услуга, медицинская услуга, классификация медицинских услуг, экономический характер медицинских услуг.*

В связи с развитием теории услуг ученые все активнее обращают внимание на необходимость терминологической определенности. Обычно термин «услуга» применяется в том же контексте, что и понятие, отражающее результаты процесса производства: экономический продукт (экономическое благо), продукция, товар (товары), работы [3].

Наиболее близки понятия «работа» и «услуга», подтверждением этому служит тот фактор, что в законодательстве ряда стран данные понятия не разделяются.

Работами в экономике называют трудовую деятельность, которая сама по себе рассматривается как полезный, нужный результат, подлежащий оценке и оплате.

В настоящее время существует множество различных определений услуги. Во многом это объясняется тем, что в сфере услуг чрезвычайно многолика, включает различные виды деятельности, причем структура услуг в разных странах неодинакова. Необходимость выработки единого понятия услуги, на наш взгляд, обосновывается также рядом особенностей услуг, к которым традиционно относят:

1. Неосязаемость. Услуга, как деятельность, не может быть заранее, до ее осуществления реально представлена, «прочувствована» потребителем.

2. Неотделимость услуги от источника. Обычно при заказе и осуществлении услуги предполагает взаимодействие производителя и потребителя услуги.

3. Непостоянство качества, или качественная неопределенность. Это свойство обусловлено спецификой процесса ее оказания и прямо зависит от того, кто, когда, где и как ее предоставляет.

4. Недолговечность услуги связана с ее основным свойством – неосязаемость и означает невозможность и означает невозможность хранения услуги.

5. Отсутствие передачи прав собственности при оказании услуги.

Представим определения услуги, содержащиеся в разных источниках:

1. «Сервис, или услуги – любая деятельность, которую одна сторона может предложить другой; неосязаемое действие, не приводящее к владению чем-либо. Предоставление услуг может быть связано с материальными продуктами» [3].

2. «Услуги – неосязаемые блага, которые приобретаются потребителями, но не связаны с собственностью» [1].

3. «Услуги могут быть определены как экономический вид деятельности. Услуги – это действия, дела и выполнение работ; они неосязаемы» [8].

4. «Услуга – это то, что может быть продано и куплено, но не может упасть на ногу» [6].

5. «Услуга – работа, выполняемая на заказ и не приводящая к созданию самостоятельного продукта, товара» [4].

© Аристова Е.В., 2012

Таблица 1

Классификация услуг по функциональному подходу [7]

Услуги			
Производственные	**Потребительские**	**Социальные**	**Распределительные**
Инжиниринг Консалтинг Финансовые Банковские Страховые	Ресторанные Гостиничные Бытовые Домашние услуги	Образовательные **Медицинские** Благотворительные	Торговые Транспортные Связь Фрахт

6. «Услуга – трудовая целесообразная деятельность, результаты которой выражаются в эффекте, удовлетворяющем какие-либо потребности отдельного человека или общества в целом» [9].

7. «Услуги представляют собой такие виды продукции, которые не могут быть складированы и потребляются на месте и во время их приобретения [11].

В контексте данной статьи под услугой будем понимать неосязаемый вид деятельности, приносящий потребителю полезный результат, выгоды или удовлетворение.

Говоря об услугах, необходимо разграничивать понятий «услуга» и «обслуживание». Правомерно выделить понимание «service» в широком и узком смысле. В первом случае термин обозначает услуги и обслуживание. В узком смысле «service» воспринимается как обслуживание.

Обслуживание включает:

1. Комплекс услуг, связанных со сбытом и эксплуатацией потребителями сложных изделий.

2. Средство осуществления основной услуги.

Наиболее перспективной в научном плане нам представляется классификация услуг, представленная в таблице 1.

В современной России сфера услуг является одной из самых перспективных, быстроразвивающихся отраслей экономики. Медицинские учреждения наряду с учебными заведениями, консультационными фирмами, музеями относятся к сфере услуг. А с развитием частной медицинской практики значение медицинской услуги растет в арифметической прогрессии. В отличие от других видов профессиональных услуг (транспортных, туристских, юридических) медицинская услуга является более сложным понятием и требует глубокого анализа. Решение данной проблемы необходимо начать с рассмотрения общих понятий в медицинской сфере.

Согласно п. 1 ст. 779 ГК РФ услугой является совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности. В п. 2 той же статьи приведен перечень видов услуг. Это услуги связи, аудиторские, консультационные, медицинские, ветеринарные, информационные услуги, услуги по обучению, туристическому обслуживанию и т.д. Этот перечень позволяет различать услуги с применением сугубо интеллектуальных действий и услуги с применением действий физических. Так, действия, которые необходимо совершить травматологу при оказании медицинской услуги, не сродни тем, которые осуществляет врач функциональной диагностики. Обращают на себя внимание два обстоятельства: первое – эти действия, даже физические, не названы законодателем «работой», а второе – ни одна норма ГК РФ не связывает правовую категорию услуги с понятием «результат».

Экономическая характеристика той или иной сферы хозяйствования, а также анализ процессов и явлений, происходящих в этой сфере, не может быть полным без использования «привычной» для этой сферы терминологии. В связи с этим обратимся к характеристике ряда терминов, употребляемых в сфере медицины, которые помогут нам в дальнейшем выделить специфические особенности медицинской услуги как экономической категории.

Медицина – совокупность наук о здоровье и болезнях, о лечении и предупреждении болезней, а также практическая деятельность, направленная на укрепление и сохранение здоровья людей, предупреждение и лечение болезней. Основываясь на данном определении, выявим правовое содержание понятий «медицинская деятельность», «медицинская помощь» и «медицинская услуга» и проведем анализ взаимосвязи указанных дефиниций.

В ст. 7 Амстердамской Декларации по обеспечению прав пациентов в Европе (март 1994 года) дается следующее определение медицинской помощи: «…Медицинская помощь – врачебные, сестринские или иные, связанные с ними услуги, оказываемые производителями медицинских услуг и лечебно-профилактическими учреждениями…» [2].

Медицинская помощь – это комплекс мероприятий (включая медицинские услуги, организационно – технические мероприятия, санитарно-противоэпидемические мероприятия, лекарственное обеспечение и др.), направленных на удовлетворение потребностей населения в поддержании и восстановлении здоровья [5].

В содержание понятия «медицинская помощь» можно включить профессиональную медицинскую помощь и непрофессиональную медицинскую помощь.

Профессиональной медицинской помощи можно дать следующее определение: «Профессиональ-

ная медицинская помощь – это входящие в состав медицинской деятельности услуги и работы, которые оказываются конкретному пациенту к конкретной ситуации».

К непрофессиональной медицинской помощи относится следующее:

– деятельность матерей по самостоятельному лечению своих малолетних детей от таких распространенных заболеваний, как простудные, либо от незначительных травм;

– деятельность взрослых детей, самостоятельно осуществляющих уход за хронически больными престарелыми родителями (инъекции, перевязки и другие медицинские манипуляции);

– деятельность лиц по оказанию первичной медицинской помощи пострадавшим в природных или техногенных катастрофах, при эпидемиях, либо в иных случаях, когда медики-профессионалы в силу обстоятельств не могут оказать такую помощь;

– деятельность лиц, которые в силу своих религиозных или иных убеждений самостоятельно осуществляют уход за больными, оказывают психологическую помощь или совершают иные действия, связанные с лечением и реабилитацией больных [2].

Медицинские услуги – вид полезной деятельности, не создающей материальных ценностей, они, как правило, не приводят к владению чем-либо. Элементом товара в медицинской услуге может быть выписка из истории болезни, данные медицинского обследования, рецепт врача и т.д. Но элемент товара в услуге все-таки нельзя рассматривать, как товар, в полном смысле этого слова, потому что элемент товара в услуге неотделим от нее и самостоятельной ценности, как правило, не имеет [5].

Определение академика А.В. Решетникова характеризует медицинскую услугу уже как «профессиональные действия, направленные на сохранение или поддержание оптимального уровня здоровья индивидуума» [10].

Медицинская услуга представляет собой разновидность профессиональных услуг. При их оказании законом предъявляются повышенные требования к квалификации исполнителя. Законодательство устанавливает специальную правоспособность не только для хозяйствующего субъекта, осуществляющего такую деятельность, но и для исполнителя услуг.

На этом основывается порядок выдачи лицензии на осуществление медицинской деятельности и сертификатов подтверждающих профессионализм исполнителя медицинских услуг. К медицинской деятельности допускаются лишь врачи или медицинские сестры соответствующей квалификации.

Медицинские работники, имеют дело, в основном, с больным человеком, для лечения, восстановления и укрепления здоровья которого осуществляется специальная деятельность, включающая инвазивные и неинвазивные способы воздействия на организм пациента.

Организм человека как предмет медицинской деятельности и целевое воздействие на состояние здоровья как объект существенно отличают медицинскую услугу от других профессиональных услуг [5].

Медицинская услуга – мероприятия или комплекс мероприятий, направленных на профилактику заболеваний, их диагностику и лечение, имеющих самостоятельное законченное значение и определенную стоимость.

Простая медицинская услуга – неделимая услуга, выполняемая по формуле <пациент> + <специалист> = <один элемент профилактики, диагностики или лечения>.

Сложная медицинская услуга – набор простых медицинских услуг, которые требуют для своей реализации определенного состава персонала, комплексного технического оснащения, специальных помещений и т.д., отвечающий формуле <пациент> + <комплекс простых услуг> = <этап профилактики, диагностики или лечения>

Комплексная медицинская услуга – набор сложных и (или) простых медицинских услуг, заканчивающихся либо проведением профилактики, либо установлением диагноза, либо окончанием проведения определенного этапа лечения по формуле <пациент> +<простые +сложные услуги> = <проведение профилактики, установление диагноза или окончание проведения определенного этапа лечения> [5].

Чтобы конкретизировать данное понятие, можно выделить пользу производителя и пользу потребителя медицинской услуги.

Польза производителя медицинской услуги (врача, больницы) обычно заключается в прибыли, росте организации, гарантии дальнейшей деятельности, оптимальной нагрузке мощностей, престиже, повышении качества здоровья пациента, снижении уровня заболеваемости, инвалидности и т.п.

Под пользой потребителя (пациента) можно подразумевать субъективно оцениваемую способность продукта удовлетворять потребности в собственном здоровье.

Учитывая сказанное выше, мы так определяем понятие медицинской услуги: «Медицинская услуга – это какое-либо профессиональное действие, направленное на изменение или сохранение физического или психического здоровья, с целью получения пользы ее потребителем (пациентом) в той или иной форме».

Таким образом, медицинская услуга, скорее всего, направлена на изменение или сохранение здоровья, а не только на сохранение или поддержание оптимального его уровня. При этом изменение здоровья не всегда может благотворно сказаться на его состоянии.

Услугам присущи четыре характеристики, которые необходимо учитывать при разработке ме-

дицинских программ: неосязаемость, неотделимость от источника, непостоянство качества, несохраняемость. Возможно повышение осязаемости услуг, снижение покупательского риска. Этой цели служат лицензии, сертификаты и рекомендации.

Для укрепления доверия к себе со стороны пациента медицинский работник может принять ряд мер. Во-первых, он может повысить осязаемость своей услуги. Во-вторых, он может заострить внимание на связанной с услугой выгодах. В-третьих, для повышения степени доверия поставщик может придумать для своей услуги или услуг марочное название. Например «центр красоты» или «Центр здоровья». В-четвёртых для создания атмосферы доверия поставщик медицинских услуг может привлечь к пропаганде своей услуги какую-либо знаменитость.

Неотделимость от своего источника медицинской услуги очевидна, тогда как товар в материальном виде существует независимо от присутствия или отсутствия его источника. Услуга будет уже не той, если знаменитого хирурга, делающего уникальную операцию, заменит другой хирург, не обладающий подобным опытом. Существует несколько стратегических подходов к преодолению данного ограничения. Поставщик услуги может научиться работать с более многочисленными группами клиентов. Психотерапевты уже переключились с терапии отдельных лиц или небольших групп на работу с большими аудиториями. Поставщик услуги может научиться работать быстро, тратя на каждого пациента значительно меньше времени, за счет чего принять гораздо больше пациентов.

Непостоянство качества медицинской услуги колеблется в широких пределах в зависимости от их поставщиков, а также от времени и места оказания, от индивидуальных особенностей организма. Квалифицированный специалист обследует пациента и назначит лечение более качественно, чем молодой врач.

Несохраняемостью услуги объясняется предварительная оплата медицинской услуги, так как стоимостная значимость её существует как раз в момент неявки пациента. В условиях постоянства спроса несохраняемость услуги не является проблемой. Если же спрос колеблется, перед медицинским учреждением, встают серьёзные проблемы [9].

Существует ряд классификаций медицинских услуг. Наиболее полной является следующая:

– По характеру: профилактические, экспертные, организационные, статистические, диагностические, лечебные, комбинированные, реабилитационные.

– По сегментам структуры здравоохранения: санитарно-гигиенические, эпидемиологические, амбулаторные, поликлинические, стационарные.

– По уровням медицинской помощи: доврачебные, врачебные, квалифицированные, специализированные.

– По интенсивности во времени: скорые, неотложные, плановые.

– По квалификации источника медицинских услуг: низкая, средняя, высокая.

– По технологии: рутинные, высокотехнологические.

– По инвазивности: неинвазивные, инвазивные.

– По соблюдению стандарта: соответствие стандарту, несоответствие стандарту (обоснованное, необоснованное, ошибочное).

– По времени достижения конечного результата: соответствующие срокам, не соответствующие срокам.

– По конечному результату: адекватное, частично адекватное, неадекватное.

– По соответствию правовым нормам: соответствующие функциям исполнителя, не соответствующие функциям исполнителя, ошибочные, халатные (повлекшие ущерб здоровью или смерть потребителя).

Для упрощения работы с классификацией, целесообразно уточнить некоторые основные категории.

Система медицинских услуг, ориентированная на предупреждение различных заболеваний, предотвращение распространения болезней, сохранение уровня здоровья популяции, групп потребителей – это профилактические медицинские услуги.

Система действий высококвалифицированного специалиста (менеджера, врача, медицинской сестры), заказанная в установленном законом или нормативным актом порядке, в целях изучения степени совершенства качества организационных, статистических, диагностических, лечебных и прочих медицинских услуг в процессе их выполнения или их конечного результата, завершающая документальной констатацией их оценки, называется экспертными медицинскими услугами.

Независимые экспертные медицинские услуги – атрибут здравоохранения с различными формами собственности. Экономический эквивалент экспертных услуг определяется на совокупности времени и средств, необходимых для организации экспертизы, тарифной ставки экспертов, экономической эффективности результата внедрения экспертного решения.

Организационные медицинские услуги всегда являются следствием экспертных медицинских услуг, изменяют сложившуюся систему оказания медицинской помощи в целях улучшения ее качества, увеличения эффективности использования средств и ресурсов здравоохранения.

Эффективность организационных медицинских услуг оценивается по количественному изменению показателей здоровья (групп населения, региона). Положительное изменение количественного показателя здоровья свидетельствует о правильности организационной медицинской услуги, объективности экспертного заключения, состоятельности менеджера.

Отсутствие динамики количественного показателя здоровья в результате действия организационной медицинской услуги и финансовых инъекций при ее внедрении, напротив, подчеркивает её неэффективность. Ставится под сомнение компетентность экспертов и руководителей здравоохранения, подготовивших её внедрение.

Экспертные и организационные услуги – продукты, предназначенные в рынке продавца медицинских услуг для группового пользования.

Действия медицинского работника (врача, медицинской сестры) в целях установления правильного и динамично изменяющегося диагноза заболевания и его осложнений, прогноза течения болезни пациента (потребителя) – диагностическая услуга.

Следует выделять диагностические медицинские услуги врача-клинициста и врача-инструменталиста. Услуги первого являются продуктом постоянного наблюдения и изучения потребителя. Продукт второго – отражение анатомических, функциональных изменений в организме потребителя на момент исследования.

Врач-клиницист – заказчик медицинских услуг врача-инструменталиста. В отличие от врача-клинициста врач-инструменталист использует для выполнения заказанной услуги диагностические устройства (лучевые), электрофизиологические, лабораторные. Врач-клиницист формирует диагноз на основании совокупной информации, определяет тактику диагностического процесса.

Лечебные медицинские услуги неразрывно связаны с диагностическими и ориентированы на восстановление анатомических и функциональных изменений, сопутствующих заболеваний в оптимально короткие сроки. Они отличаются многообразием (психотерапевтические, хирургические, медикаментозные и т.п.).

Реализация лечебных услуг может быть прямой (врачебной), опосредованной (врач – лечебное устройство – больной), групповое врачевание. В государственной системе здравоохранения продавцом лечебных услуг является государство. Объём лечебных услуг регламентируется финансированием здравоохранения, лечебно-поликлиническими учреждениями.

Заказчиком медицинских услуг государственной системы здравоохранения является врач-клиницист, потребителем-пациент. Следует заметить, что медицинские услуги государственной системы здравоохранения зависят от принятых схем организации лечебно-диагностического процесса, стандарта сегмента рынка, отличаются жесткостью в ограничении возможностей выбора медицинских услуг как для их «продавца» (врача-клинициста), так и для «покупателя» (пациента). Желание пациента приобрести медицинские услуги в ином секторе рынка государственного здравоохранения в плановом порядке, как правило, решалось на уровне здравоохранения и в каждом случае требовало известных усилий для потребителя [5].

Опираясь на вышеприведенные рассуждения, отметим, что в целом понятие медицинской услуги вытекает из общего определения услуг, но при этом носит специфический характер, порождаемый особой ролью медицины в жизни социума. Кроме того, здравоохранение, которое ранее было практически выключено из сферы товарно-денежных отношений, теперь активно входит в нее, приводя к коммерциализации медицины. Таким образом, медицинскую услугу необходимо рассматривать как экономическую категорию.

Библиографический список

1. *Ассэль Г.* Маркетинг: принципы и стратегия: Учебник для вузов / пер. с англ. Г. Ассэль. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2005.

2. *Дроздова А.В.* Понятие медицинской услуги как гражданско-правовой категории // Сибирский Юридический Вестник. – 2004. – № 3.

3. *Котлер Ф.* Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. / пер. с англ. под ред. С.Г. Божук. – СПб.: Питер, 2006.

4. Новый экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 2006.

5. Официальный сайт компании «Party Logistic Engineering» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pl-e.ru

6. *Столяров С.А.* Рынок медицинских услуг: Некоторые его характеристики, проблемы и аспекты управления. – Барнаул: Аз Бука, 2005.

7. Сфера услуг: экономика: Учеб. пособие / Т.Д. Бурменко, Н.Н. Даниленко, Т.А. Туренко; под ред. Т.Д. Бурменко. – М.: КНОРУС, 2007.

8. *Хаксевер К.* и др. Управление и организация в сфере услуг: теория и практика: Учебник. – СПб.: Питер, 2002.

9. *Ширай В.И.* Мировая экономика и международные отношения: учебное пособие. – М.: Дашков и К, 2003.

10. Экономика здравоохранения: Учебн. пособие / под общ. ред. А.В. Решетникова. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ГЕОТАР-МЕД, 2004.

11. Экономика США: Учебник для вузов / под ред. В.Б. Супяна. – СПб.: Питер, 2003.

УДК 65-192

Токарева Ирина Васильевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
OPS@ksu.edu.ru

ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЙ И КРИТЕРИЕВ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ КОРПОРАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье отмечается особая важность рационализации внутренней среды крупных корпоративных образований, подчеркивается специфика решения данной проблемы на примере российского железнодорожного транспорта. Предлагается рассмотрение диверсификации внутренней корпоративной среды как эффективного механизма модернизации корпоративных отношений, обосновываются алгоритмы и критерии выбора наиболее привлекательных направлений такой диверсификации.

Ключевые слова: *корпорация, внутренняя среда компании, управление инвестиционной деятельностью, диверсификация.*

Как известно и отмечено многими исследователями [1–7 и др.] крупные корпоративные образования оказывают существенное влияние на экономику страны. В России промышленные холдинги обеспечивают лидирующие позиции в нефтегазовом, металлургическом, оборонно-промышленном и др. комплексах. При этом особое значение в масштабах страны имеет транспортная компания – холдинг «Российские железные дороги», которая по сути, представляет собой целую отрасль и является второй по величине транспортной системой мира. Она реализует более 20% грузооборота и 15% пассажирооборота железных дорог мира [7]. Транспортная составляющая заложена в стоимость практически любой продукции, отчего вопрос правильного и грамотного развития корпоративных образований транспортного комплекса России является важнейшим условием обеспечения устойчивого роста промышленного производства.

Однако, радикальные преобразования в национальной экономике России в конце XX века вызвали целый ряд негативных процессов, нарастание которых, несмотря на стабилизацию последнего десятилетия, продолжается до сих пор. Масштабное физическое и моральное старение основных фондов железнодорожного транспорта, прогрессирующее нарастание технико-технологической отсталости обострили проблему поддержания и обновления отрасли. На сегодня Россия отстает от развитых зарубежных стран: по контейнеризации в 30 раз, по межремонтному пробегу грузовых вагонов в 5 раз, по периодичности технического обслуживания локомотивов в 7 раз, по их межремонтному пробегу в 2 раза и т.д. [8].

Очевидно, что решение вышеуказанных проблем требует проведения значительных по объемам и фронту мероприятий, однако исключительно собственными корпоративными финансовыми средствами «закрыть проблему» очевидно невозможно. В таких условиях особое значение приобретает корпоративная система управления инвестиционной деятельностью, решающая задачи не только распределения имеющихся средств по рациональным приоритетам, но и задачи привлечения внешних инвесторов за счет формирования привлекательных механизмов инвестирования и др. мер [9].

Решение такого комплекса задач требует, прежде всего, эффективной работы внутренней корпоративной среды, структурной и функциональной ее рационализации. На наш взгляд эта проблема может быть решена на основе принципов и подходов диверсификации, которая позволит распределить цели и задачи, уточнить ответственность структурных подразделений корпорации, их отношения между собой и управляющими звеньями. Первым шагом в проведении такой работы представляется обоснование и выбор возможных направлений диверсификации, которые должны опираться на понимании следующих аспектов: во-первых, какие объекты (что) можно диверсифицировать и, во-вторых, по какому принципу (как) осуществлять диверсификацию.

На наш взгляд, вообще все объекты диверсификации по отношению к корпоративному образованию можно разделить на два типа – принадлежащие к его внешней среде, либо к внутренней.

Так, потенциальными объектами диверсификации во внешней среде являются каналы снабжения (система поставок), каналы сбыта (посредники реализации) и рынки сбыта (потребители). Очевидной целью диверсификации данных объектов выступает снижение зависимости фирмы от изменений среды за счет перераспределения внешних рисков. Это может проявляться в форме организации снабжения от разных поставщиков, продвижение товаров на рынки через нескольких посредников либо деятельность на нескольких рынках.

Основными же объектами внутренней среды, которые фирма может диверсифицировать, на наш взгляд выступают, прежде всего, номенклатура и ассортимент производимой продукции, технологии производства продукции, трудовые ресурсы фирмы, ее организационная структура и методы управления.

Остановимся более подробно на элементах внутренней среды как потенциальных объектах диверсификации.

© Токарева И.В., 2012

Расширение ассортимента позволяет охватить большее количество потребителей за счет эффекта сегментации рынков, увеличение технологических возможностей – снизить зависимость от конъюнктуры в сфере потребных для технологий ресурсов, диверсификация кадров позволит снизить потенциальные социальные риски, построение распределенной организационной структуры и соответствующих методов управления может улучшить мобильность фирмы и степень реализации трудового потенциала. В целом, необходимо отметить, что диверсификация внутренней среды нацелена на повышение гибкости фирмы, ее способности оперативно реагировать на изменения во внешней среде.

Кроме того, представляется важным подчеркнуть, что специфика хозяйственной логики и промышленного развития в СССР обусловливала активное развитие на подавляющем большинстве предприятий собственной инфраструктуры. Одна её часть – производственная, или обеспечивающая инфраструктура имела целью создать необходимые условия для осуществления производственных процессов. Для этого создавались мощные инструментальные, ремонтные, эксплуатационные и др. службы. В условиях ориентации на крупные формы производства, осуществляющих массовый выпуск продукции такая логика имеет хозяйственный смысл и во многих случаях является экономически эффективной.

Другая часть инфраструктуры – непроизводственная, или социальная была нацелена, как следует уже из названия, на решение социальных задач, т.е. на сферу трудовых ресурсов. Если подразделения обеспечивающей инфраструктуры не участвуют в производственных процессах, хотя и содействуют им, то подразделения социальной инфраструктуры вообще не имеют отношения к производству. Поэтому в условиях кризиса и жесткой конкуренции при ограниченном платежеспособном спросе многие предприятия стремились от них избавится.

В силу вышеизложенного в современных условиях многие предприятия обладают излишними инфраструктурными ресурсами, которые во многих случаях могут являться существенным экономическим резервом диверсификации. Поэтому на наш взгляд, имеет смысл утверждать возможность еще одного типа диверсификации, когда предприятия вычленяют инфраструктурные подразделения в самостоятельные бизнес-единицы и развивают, таким образом, новые направления (как правило, оказание технологических и ремонтно-эксплуатационных услуг). Данное направление можно обозначить как диверсификация в обеспечивающую инфраструктуру.

Кроме того, следует отметить, что в условиях приоритета глубокой специализации производственных предприятий, характерного для промышленной политики СССР, часть из них (достаточно многочисленная) изначально ориентировалась на обслуживание других производств, выполняя по отношению к ним вспомогательные функции, и формируя, таким образом, отраслевую инфраструктуру. В настоящее время такие предприятия также активно используют диверсификацию как одну из основных стратегий развития.

Следует учесть, что поскольку возможные варианты диверсификации имеют разную степень риска, их обоснование, на наш взгляд, должно производиться по различным критериям и показателям. Так, в условиях определенности выработка решений направлена на поиск максимальной отдачи в виде максимизации дохода или минимизации затрат. Решение этой проблемы возможно на основе методов оптимизационного анализа, например предельного анализа или линейного программирования, Так, в условиях определенности межотраслевая диверсификация выгодна пока предельные затраты нового направления не превысят предельного дохода по нему. Линейное программирование, позволит найти оптимальное распределение ресурсов при выборе направления диверсификации.

В условиях риска, т.е. в случае, когда лицо, принимающее решение, не знает заранее его результатов, но может установить объективное распределение вероятности различных вариантов, необходимы методы статистического анализа. Они позволят выявить наиболее прибыльную стратегию диверсификации.

Однако, не следует забывать, что при осуществлении диверсификации возникает значительное количество внутрифирменных рисков. В таких условиях необходим причинно-следственный анализ внутрифирменных рисков, для осуществления которого можно произвести выявление и угнетение малозначимых рисков на основе теории множеств.

В состоянии неопределенности использование тех или иных критериев оценки обусловливается тем, допускаются ли субъективные суждения лицом, принимающим решение. Возможны два варианта:

– лицо, принимающее решение использует свои субъективные суждения, а так же опыт идентификации вероятностей тех или иных событий;

– лицо, принимающее решения не делает допущений относительно вероятностей событий или рассматривает их как равные.

Тогда, в первом случае решение производится аналогично условиям риска, во втором для оценки предполагаемых стратегий используются различные критерии оценки: критерий решения Вальда, альфа-критерий Гурвица, критерий Сэвиджа, критерий решений Лапласа (метод Байеса) [10].

Критерий решений Вальда или «макси-мин» ориентирован на максимизацию уровня надежности. С помощью этого критерия целесообразно

выбирать направление диверсификации, обеспечивающее наилучший из худших, пессимистических вариантов.

Альфа-критерий Гурвица предполагает определение индекса решения для каждой стратегии. Фактически он позволяет выявить наихудший и наилучший вариант направления диверсификации и определить субъективную вероятность каждого из них.

Критерий решения Сэвиджа исследует убытки, которые представляют собой потери в результате неправильного решения. При использовании данного критерия по сути отказываются от попыток максимизировать отдачу, выбирая направление с удовлетворительной отдачей при более низком риске.

Критерий решения Лапласа исходит из допущения, что если вероятности неизвестны, то они должны приниматься за равные. Результат допущения равной вероятности для каждого из состояний приводит к тому, что решение в состоянии неопределенности переводится в состояние риска.

Выбор того или иного критерия для обоснования рационального направления диверсификации во многом зависит от личных соображений. Однако, очевидно, что обобщенный алгоритм выбора направлений диверсификации внутренней среды корпоративных образований находится в рамках формальной логики и содержит обоснование решения по следующим направлениям: анализ необходимости диверсификации, составление перечня потенциальных вариантов диверсификации, анализ возможности их реализации, оценка их целесообразности и привлекательности.

Таким образом, основой при выборе рационального направления диверсификации внутренней среды корпорации выступают три блока решений:

– блок оценки возможности вариантов диверсификации;

– блок оценки целесообразности диверсификации;

– блок анализа привлекательности вариантов диверсификации.

В рамках первого блока на основе прогноза потенциальных затрат на реализацию диверсификации и ревизии имеющихся ресурсов осуществляется отсев вариантов невозможных для реализации при имеющихся ресурсах.

Второй блок ориентирован на обоснование перечня вариантов диверсификации, позволяющих достичь безубыточности. Варианты диверсификации, не позволяющие выти из зоны затрат так же отсеиваются.

В третьем блоке должна производиться окончательная сравнительная оценка привлекательности различных направлений диверсификации. Привлекательность их, на наш взгляд, рационально отражать через критерий прибыльности. Этот критерий позволяет ранжировать предлагаемые направления и наглядно представлять соотношение требуемых вложений и потенциальных выгод.

Библиографический список

1. *Марсер Д.* Управление в самой преуспевающей корпорации мира / пер. с англ.; под общ. ред. и предисл. В.С. Загашвили. – М. Прогресс, 1971. – 456 с.

2. *Амрин Г., Ритчи Дж., Моди К.* Организация производства и управления в американских корпорациях / пер. с англ. – М.: Экономика, 1991. – 330 с.

3. *Эклунд К.* Эффективная экономика. Шведская модель. – М.: Экономика, 1991. – 348 с.

4. *Евенко Л.И.* Организационные структуры управления промышленными корпорациями США: теория и практика формирования. – М.: Наука, 1983. – 349 с.

5. *Бернард Блэк.* Практика корпоративного управления и рыночная стоимость российских фирм // Вступительное заседание: современные тенденции в области корпоративного управления. – М., 2001.

6. *Винслав Ю., Дементьев В., Мелентьев А., Якутин Ю.* Развитие интегрированных корпоративных структур в России // Российский экономический журнал. – 1998. – № 11–12. – С. 27–41.

7. *Терешина Н.П.* Демонополизация, дерегулирование и конкурентоспособность железнодорожного транспорта России. – М.: МИИТ, 2009. – 243 с.

8. *Котельников А.В., Нестратов А.С.* Железнодорожный транспорт России в 2000–2030 гг. // Вестник ВНИИЖТа. – 2000. – №5.

9. *Раппопорт А.Н., Травин Г.М.* Основные принципы организации транснационального промышленного субхолдинга // Проблемы новой политической экономии. – 2003. – № 3. – С. 115–117.

10. *Сио К.К.* Управленческая экономика / пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 671 с.

СИСТЕМОТЕХНИКА

УДК 681.536.6 : 631.23

Каравайков Владимир Михайлович
Костромской государственный технологический университет
kvml@ya.ru
Овчинников Александр Владимирович
Костромской государственный технологический университет
krice2010@ya.ru

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ТЕПЛОПЕРЕДАЧИ ЧЕРЕЗ ОБОЛОЧКУ КУЛЬТИВАЦИОННОГО СООРУЖЕНИЯ*

В статье культивационное сооружение рассматривается как единая энергетическая система, которая может быть представлена тремя основными энергетически взаимосвязанными подсистемами. На основе такого подхода разработана математическая модель теплопередачи через оболочку изучаемого объекта.

Ключевые слова: *культивационное сооружение, энергетическая система, граф математической модели, теплопередача, математическая модель.*

Отрасль защищенного грунта является насколько индустриальной и высокотехнологичной, настолько и энергоемкой. В большинстве тепличных хозяйств в структуре себестоимости энергоносители составляют 50–60% [1]. Важнейшей задачей повышения энергоэффективности является снижение тепловых потерь. В связи с этим необходимо разработать методику расчета теплопередачи через ограждающие конструкции культивационного сооружения.

Культивационное сооружение представляет собой сложную конструктивную систему с элементами ограждающих конструкций, в которых протекают различные по физической сущности процессы поглощения, превращения и переноса теплоты. Под действием разности температур наружного и внутреннего воздуха и солнечной радиации помещение теплицы через ограждающие конструкции в зимнее время теряет, а в летнее получает теплоту. Гравитационные силы, действие ветра и вентиляция создают перепады давлений, приводящие к перетеканию воздуха между сообщающимися помещениями и к его фильтрации через поры материалов и неплотности ограждений. Атмосферные осадки, влаговыделения в помещениях, разность влажности внутреннего и наружного воздуха приводят к влагообмену через ограждения. Наружные ограждающие конструкции защищают помещения от неблагоприятных воздействий климата, специальные системы отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха поддерживают в помещении теплицы в течение всего года определенные параметры внутренней среды.

Задача обеспечения в помещениях культивационного сооружения определенного теплового режима представляет собой организацию взаимодействующих и взаимосвязанных тепловых потоков в конструктивной системе с составляющими ее элементами ограждающих конструкций. Принципиальной особенностью этой системы является то обстоятельство, что культивационное сооружение как единая энергетическая система представляет не простое суммирование этих элементов, а особое их соединение, придающее всей системе в целом новые качества, отсутствующие у каждого из элементов.

В настоящее время для построения и реализации математических моделей сложных энергетических объектов, к которым может быть отнесено культивационное сооружение, используется методология системного подхода [2; 3].

Системный подход в рассматриваемом нами случае построения математической модели теплового режима культивационного сооружения предполагает выполнение следующих этапов:

1. Выделение из общей энергопотребляющей системы рассматриваемого объекта, например, выделение одного типового пролета из культивационного сооружения.

2. Выяснение состава элементов, их внутренней структуры и видов связей между ними.

3. Расчленение объекта с помощью метода декомпозиции на более простые элементы и его последующее восстановление с помощью теории граф.

4. Разработка системы взаимосвязанных математических моделей отдельных элементов культивационного сооружения и обобщенной математической модели теплового режима культивационного сооружения в целом.

Декомпозиция культивационного сооружения как единой энергетической системы может быть представлена тремя основными энергетически взаимосвязанными подсистемами:

1. Энергетическим воздействием наружного климата на оболочку теплицы.

2. Энергией, содержащейся в оболочке теплицы, то есть в наружных ограждающих конструкциях культивационного сооружения.

* Работа выполняется при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации. Государственный контракт № 14.740.11.1373.

© Каравайков В.М., Овчинников А.В., 2012

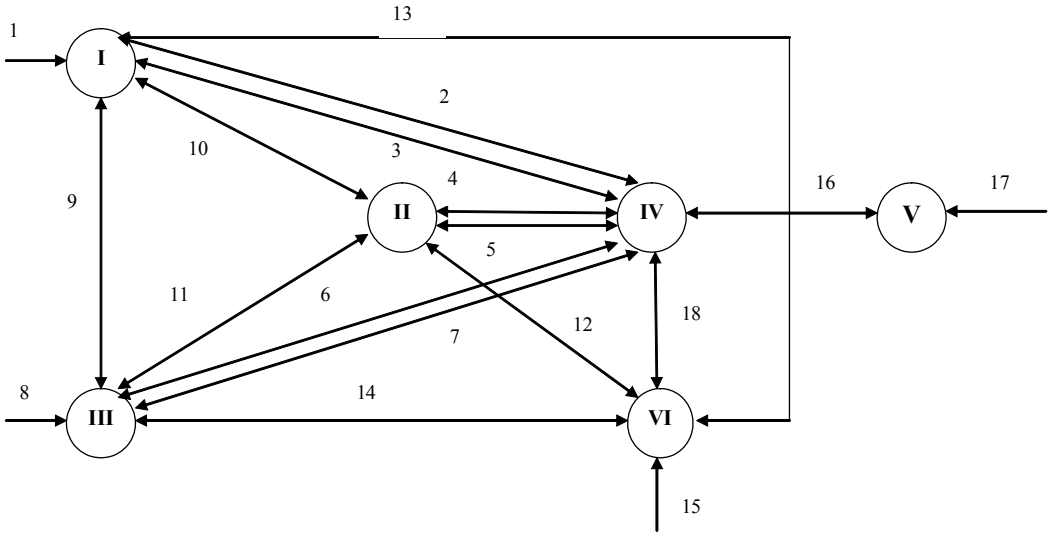


Рис. 1. Граф теплового баланса помещения.

I – наружные ограждения, II – внутренние ограждения, III – заполнение светопрозрачного покрытия, IV – внутренний воздух, V – вентиляция, VI – растения внутри теплицы. Связи 2, 4, 6 характеризуют передачу тепла конвекцией между внутренней поверхностью ограждения, а также поверхностью оборудования и внутренним воздухом, связи 3, 4, 5, 7 характеризуют потоки тепла за счет фильтрации через ограждения, связи 9–14 характеризуют лучистый теплообмен между внутренними поверхностями ограждений, а также внутренних поверхностей с растением, связь 16 характеризует конвективное тепло, непосредственно передаваемое воздуху помещения, связи 1, 8, 15, 17 – внешние связи между элементом помещения и внешним элементом

3. Энергией, содержащейся внутри объема культивационного сооружения, то есть во внутреннем воздухе, внутреннем оборудовании, растениях, внутренних ограждающих конструкциях и т.д.

Тогда математическая модель культивационного сооружения как единой энергетической системы будет состоять из трех подмоделей:

1. Математической модели наружного климата.

2. Математической модели теплопередачи через оболочку культивационного сооружения.

3. Математической модели лучистого и конвективного теплообмена в помещениях культивационного сооружения.

Систему элементов и связей, моделирующую тепловой режим теплиц, можно представить в виде графа, в котором каждому элементу помещения как единой теплоэнергетической системы соответствует вершина графа, а связи между элементами помещения или с внешними элементами – дуга графа. На рисунке 1 изображен граф математической модели культивационного сооружения. Не снижая дальнейшей общности рассуждений, граф на рисунке 1 включает одну наружную стену, одну внутреннюю стену и одно светопрозрачное покрытие.

Номер связи	Признак наличия связи для элементов теплицы					
	I	II	III	IV	V	VI
1	–1					
2	±1			±1		
3	±1			±1		
4		±1		±1		
5		±1		±1		
6			±1	±1		
7			±1	±1		
8			–1			
9	±1		±1			
10	±1	±1				
11		±1	±1			
12		±1				±1
13	±1					±1
14			±1			±1
15						–1
16				±1	±1	
17					–1	
18				±1		±1

Рис. 2. Структурная матрица связей для графа на рисунке 1

Схема теплового баланса культивационного сооружения может быть задана в виде матрицы соединений вершин графа (рис. 2). Единицы в первом столбце матрицы на рисунке 2 дают логический признак «*к*»-го элемента помещения как единой теплоэнергетической системы, из которого исходит (знак плюс) или в который входит (знак минус) данная связь.

При этом строка, соответствующая связи между элементами помещения (внутренняя связь), всегда имеет в правой части два ненулевых члена +1 и –1 , а строка, соответствующая связи элемента помещения с внешним элементом (климатическими воздействиями), имеет один ненулевой член: +1 для исходящих и –1 для входящих внешних связей. Матрица отображает топологическую структуру графа теплового баланса помещения теплицы.

Математическая модель теплопередачи через светопрозрачные ограждения теплицы состоит из обобщенного описания следующих тепловых потоков:

- теплопоступления в результате солнечной радиации, поглощаемой ограждениями (Q_{AB}) и непосредственно проникающей в помещение (Q_{TH});
- теплопоступления или теплопотери вследствие разности температур внутреннего и наружного воздуха (Q_{TW});
- теплопоступления или теплопотери вследствие фильтрации воздуха через притворы и по контуру примыкания светопрозрачных покрытий к стене, обусловленные разницей давления и температуры внутри и снаружи сооружения (Q_{FW}).

Уравнение для определения необходимого количества энергии для отопления или охлаждения сооружения при заданной внутренней температуре воздуха следующее:

$$\sum_{i=1}^{n} q_{wi} F_{wi} + Q_F = Q \qquad (1)$$

где q_{wi} – удельные тепловые потоки через наружные ограждающие конструкции, Вт/м^2, определяются как:

$$q_{wi} = \frac{1}{F_{wi}}\left(Q_{TW} + Q_{FW} + Q_{AB} + Q_{TH}\right) \qquad (2)$$

Q_F – теплопотери за счет механической или естественной вентиляции, Вт; $F_{w,i}$ – площадь наружных стен и покрытия, м^2

Рассчитываем отдельно радиацию, теплопотери в результате разницы температур внутреннего и наружного воздуха (Q_{TW}) и теплопотери в результате фильтрации воздуха через ограждения (Q_{FW}).

Сквозные теплопоступления Q_{TH}, Вт (теплопоступления непосредственно проникающей через светопрозрачные ограждения солнечной радиации) вычисляются по формуле [4]:

$$Q_{TH} = \left(I_D r_R K_{1D} + I_d K_{1d}\right)\left(F_W - F_e\right) \qquad (3)$$

где I_D, I_d – соответственно интенсивность прямой и рассеянной солнечной радиации, падающей на ограждение, Вт/м^2; r_R – коэффициент облученности ограждения потоком солнечной радиации; K_{1D} – коэффициент сквозных теплопоступлений от прямой солнечной радиации; K_{1d} – коэффициент сквозных теплопоступлений от рассеянной солнечной радиации; F_e – площадь притворов, м^2; F_W – площадь поверхности застекления.

В общем случае ограждающие конструкции являются неоднородными и могут содержать вентилируемые или замкнутые воздушные прослойки, а также источники тепла.

При определении математической модели теплопередачи через ограждающую конструкцию будем считать:

- теплотехнические характеристики материалов слоев не зависят от влажности и температуры материала;
- влияние стыков, наружных углов, теплопроводных включений на деформацию температурного поля ограждения корректируется с помощью введения эквивалентных теплотехнических показателей, так что температурное поле конструкции можно считать одномерным;
- теплопередача через конструкцию происходит за счет теплопроводности и фильтрации воздуха;
- имеют место потери (выделения) тепла, связанные с замерзанием (таянием) влаги на поверхности ограждения.

Поглощенные теплопоступления Q_{AB}, Вт (теплопоступления, обусловленные поглощенной ограждением солнечной радиацией и разностью температур наружного и внутреннего воздуха) вычисляются по формуле [4]:

$$Q_{AB} = \left(I_D r_R K_{2D} + I_d K_{2d}\right)\left(F_W - F_e\right) \qquad (4)$$

где K_{2D} – коэффициент поглощенных теплопоступлений от прямой солнечной радиации; K_{2d} – коэффициент поглощенных теплопоступлений от рассеянной солнечной радиации.

Тепловой поток между внутренней поверхностью светового ограждения и воздухом помещения, Вт, вычисляется по формуле:

$$Q_W = h_C\left(T_{inSF} - T_R\right)F_W \qquad (5)$$

где T_{inSF} – температура внутренней поверхности светового ограждения, вычисляемая по формуле:

$$T_{inSF} = \frac{T_O - T_R}{R_O h_R} + \frac{Q_{AB}}{h_R\left(F_W - F_e\right)} + T_R \qquad (6)$$

Теплопоступления или теплопотери, обусловленные разницей температур внутреннего и наружного воздуха Q_{TW}, Вт, рассчитываются по формуле [5]:

$$Q_{TW} = \frac{1}{R_O}\left(T_R - T_O\right)F_W \qquad (7)$$

где Ro – сопротивление теплопередаче светового ограждения, м^2·°С/Вт; T_R – температура внутреннего воздуха; To – условная температура наружного воздуха, °С; Fw – площадь ограждения, м^2.

Сопротивление теплопередаче светового ограждения следует вычислять с учетом разделения на конвективный и лучистый коэффициенты теплообмена у поверхностей стекол, омываемых наружным и внутренним воздухом.

Теплопоступления или теплопотери вследствие фильтрации воздуха Q_{FW}, Вт, рассчитываются по формуле:

$$Q_{FW} = C_R J_{FW} F_W (T_R - T_O) \quad (8)$$

где C_R – количество воздуха, проходящего через световые ограждения; J_{FW} – количество воздуха, проходящего через единицу площади ограждения, кг/(м^2 ч).

Если задано количество фильтрующегося воздуха по длине притворов и по периметру примыкания стеклянных ограждений к фундаменту и др., то к величине теплопотерь, вычисленных по формуле (8), следует добавить [4]:

$$Q_{FW} = C_R J_{FW} l (T_R - T_O) \quad (9)$$

где J_{FW} – количество воздуха, проходящего через один погонный метр стыкового соединения, кг/(ч·м); l – протяженность соединений, м.

Вывод. Изложены этапы построения математической модели теплового режима культивационного сооружения на основе системного подхода к рассмотрению культивационного сооружения как единой энергетической системы. Предложена схема теплового баланса культивационного сооружения, заданная в виде матрицы соединений вершин соответствующего графа.

Приводится математическая модель теплопередачи через ограждающие конструкции двойного остекления культивационного сооружения. Эта модель является основой методики расчета теплопередачи через ограждающие конструкции с целью снижения тепловых потерь.

Библиографический список

1. *Овчинников А.В., Каравайков В.М.* Организационно-техническое развитие системы теплоснабжения на примере ГУСХП «Высоковский» // Главный энергетик. – 2010. – № 8. – С. 42–47.

2. *Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П.* Введение в системный анализ: Учебное пособие. – М.: Высш. школа, 1989. – 367 с.

3. *Попырин Л.С.* Математическое моделирование и оптимизация теплоэнергетических установок. – М.: Энергия, 1978.

4. *Табунщиков Ю.А., Бродач М.М.* Математическое моделирование и оптимизация тепловой эффективности зданий. – М.: АВОК-ПРЕСС, 2002. – 194 с.

5. *Исаченко В.П., Осипова В.А., Сукомел А.С.* Теплопередача: Учебник для вузов. – М.: Энергия, 1975. – 488 с.

УДК 78

Захаров Андрей Иванович,
Луданова Татьяна Владимировна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
tludanova@yandex.ru

XI ОТКРЫТЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ МУЗЫКАЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВУЗОВ РОССИИ (ОТЧЕТ О РАБОТЕ)

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова в марте 2012 года в 11-й раз встретил участников Открытого фестиваля преподавателей и студентов музыкальных факультетов вузов России. В этом году он проходил в рамках Романовского фестиваля и был посвящен 200-летию героических событий Отечественной войны 1812 года и празднованию 400-летия возрождения Российской государственности. Фестиваль с каждым годом становится все более востребованной формой повышения качества профессиональной подготовки будущих педагогов-музыкантов и их дальнейшей творческой самореализации.

Ключевые слова: *Россия, музыкальный фестиваль, исполнительские конкурсы преподавателей и студентов, мастер-классы, музыкально-теоретическая олимпиада.*

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова в марте 2012 года в 11-й раз встретил участников Открытого фестиваля преподавателей и студентов музыкальных факультетов вузов России. В этом году он проходил в рамках Романовского фестиваля и был посвящен 200-летию героических событий Отечественной войны 1812 года и празднованию 400-летия возрождения Российской государственности.

Инициатива учреждения этого творческого форума принадлежит музыкально-педагогическому факультету, он проводится в Костроме с 1995 г. с интервалом в два года. Фестиваль с каждым годом становится все более востребованной формой повышения качества профессиональной подготовки будущих педагогов-музыкантов и их дальнейшей творческой самореализации. Фестиваль постоянно расширяет свою программу, и в этом году, наряду с традиционными исполнительскими конкурсами студентов и преподавателей, он включил в себя: концерт мастеров искусств, посвященный 200-летию Отечественной войны 1812 года; сольный концерт Валерия Колесникова – профессора Нижегородской консерватории им. М.И. Глинки (фортепиано); III Международную научно-практическую конференцию «Художественная культура и образование в XXI веке: исторический аспект изучения отечественного музыкального и изобразительного искусства», по материалам которой был подготовлен сборник научных статей (отв. ред. О.В. Лебедева); конкурс научных студенческих докладов студентов музыкально-педагогического и художественно-графического факультетов; выставку творческих работ молодых художников – студентов художественно-графического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова; студенческую музыкально-теоретическую олимпиаду; мастер-классы М. Амелиной (вокал, Нижний Новгород), В. Колесникова (фортепиано, Нижний Новгород), В. Федотова (баян, Казань); круглый стол по итогам фестиваля и актуальным проблемам музыкальной педагогики.

В исполнительских конкурсах фестиваля приняли участие 120 человек – студенты, аспиранты, преподаватели и концертмейстеры музыкальных факультетов 15 вузов России. География была представлена следующими городами: Майкоп (Адыгейская республика), Вологда, Воронеж, Глазов (Удмуртская республика), Елец, Казань, Кострома, Москва, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Чебоксары (Чувашская республика), Ярославль.

Жюри конкурсов исполнительского мастерства возглавили авторитетные музыканты-исполнители и педагоги России:

– номинации «Фортепиано», «Инструменты симфонического оркестра»: *Моздыков Александр Викторович* – к.п.н., профессор Московского государственного института музыки им. А. Шнитке;

– номинация «Народные инструменты»: *Федотов Владимир Сергеевич* – профессор Казанского федерального университета, Заслуженный артист РФ, Народный артист Республики Татарстан;

– номинация «Академический вокал»: *Критский Борис Дмитриевич* – Заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, профессор Московского педагогического государственного университета;

– номинации «Эстрадный вокал» и «Народное пение»: *Захаров Андрей Иванович* – Заслуженный деятель искусств РФ, декан музыкально-педагогического факультета, профессор КГУ им. Н.А. Некрасова.

В рамках перечисленных номинаций состоялись конкурсы по номинациям «Ансамбли, хоры» и «Учитель и ученик».

© Захаров А.И., Луданова Т.В., 2012

Впервые в истории фестиваля в этом году состоялась **студенческая музыкально-теоретическая олимпиада,** в которой приняли участие 17 студентов вузов России (Казань, Кострома, Москва, Ярославль). Жюри возглавила **Смирнова Надежда Владимировна** – кандидат исторических наук, член Союза композиторов РФ, зам. директора по творческой деятельности Государственной филармонии Костромской области, музыковед. Дипломами олимпиады были награждены студенты С. Белопухова, М. Иванова, Я. Отти (Кострома), Е. Вайнберг (Москва), А. Ершов (Ярославль).

По итогам исполнительских конкурсов во всех номинациях 75 человек стали лауреатами и дипломантами фестиваля, 4 концертмейстера получили дипломы «За концертмейстерское мастерство» – Ю. Ильющенко, Т. Бобкова (Кострома), Э. Победимский (Москва), И. Кузнецова (Нижний Новгород).

Дипломами **конкурса научных студенческих докладов** были отмечены студенты КГУ им. Н.А. Некрасова: МПФ – С. Белопухова, К. Максимова, А. Павлова, Е. Владимирова, Н. Разгуляева; студенты ХГФ – А. Касаткина и И. Гуменный.

Ректорам вузам и преподавателям, подготовившим студентов, были направлены благодарственные письма от оргкомитета фестиваля.

Оргкомитет фестиваля возглавил ректор КГУ им. Н.А. Некрасова Н.М. Рассадин. Фестиваль проходил при спонсорской поддержке Костромского рекламного агентства И. Моркина «STRATEG», магазина «Компьютеры у Галкиной», информационной поддержке ГТРК «Кострома», телекомпании «КИТ», отдела новостей «Русского радио», газеты «Костромские ведомости».

Мы убеждены в том, что постоянная поддержка творческой и яркой молодежи сможет обеспечить достойную перспективу развития многонациональной отечественной культуры, верной своим традициям и открытой позитивным тенденциям современной жизни, успех и процветание музыкально-педагогического направления в деятельности высших учебных заведений России.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Aleksandr B. Belikhov, Evgeniy N. Popov

Thermoelectric grading of alloys on the basis of titanium

Technique of titanium alloys sorting with different aluminum content from 3.6 to 6.3 (in wt. %) by the thermoelectric nondestructive testing at the validity of 0.98 is proposed.

Keywords: titanium alloys, thermoelectric MF, plastic deformation.

Oleg P. Akayev, Amelia Woynarowska, Sylwester Zelazny, Witold Zukowski

Electronics industry wastes thermal conversion

The article describes environmental protection as the main point of thermal wastes utilization from electronic electrical equipment. Elaboration of simple, cost-effective metal recovery technology, including non-toxicity of the reagents used, thermal conversion of that kind of waste and gas emission (NO_x, CO, CO_2, LZO, SO_2) in exhaust is shown.

Keywords: electronic&electrical waste equipment, fluidization reactor.

Anna B. Gnatyuk, Vladimir N. Yershov

The method for constructing the resulting spatial patterns of influence and its software implementation

The method of estimating the properties of the territory through the use of the functions of the spatial effect is described in the article. A system technology of this methodology is represented by algorithms for constructing models of the resulting properties of the area and a software module that implements these algorithms. The practical application of the developed methods and tools is perspective, in particular, to solve the problem of determining the placement of industrial enterprises.

Keywords: evaluation of territory properties, functions of spatial effect, software module, determining location of enterprises.

Mariya Ye. Koloskova

The Inductive Proof of Geometrical Inequality

This article is devoted to one unusual application of the mathematical induction method in solving the geometrical problem in which there is a connection between the ratio of angles and the ratio of lateral length of the given triangle. Namely, there are inequalities $\frac{AC}{AB} > \frac{\beta}{\alpha+\beta}$, $\frac{BC}{BA} > \frac{\alpha}{\alpha+\beta}$ for any triangle ABC, in which $\alpha = \angle CAB$, $\beta = \angle CBA$.

Keywords: geometric inequality, inductive proof, mathematical induction method.

Fyodor A. Kuz'min, Mikhail M. Fateyev, Mariya V. Grigor'yeva

One-time and long-term effect of cinnarizine on heart rate variability in rats, which are in various states

Study of the effect of calcium channels blocker cinnarizine on heart rate showed that a single application in anesthetized rats and immobilized rats, leads to a substantial increase in heart rate variability (HRV) and tone of the parasympathetic division of the autonomic nervous system (ANS). Long-term effect of cinnarizine on the stressed rats slightly increases the activity of sympatho-adrenal system. Simulated chronic heart failure (CHF) in rats also leads to a slight increase in the activity of sympatho-adrenal system, and long-term cinnarizine effect increases the tone of the parasympathetic division of ANS and leads the majority HRV parameters to those in intact animals.

Keywords: heart rate variability, autonomic nervous system, cinnarizine, narcosis, short-term immobilization stress, chronic heart failure.

Valery S. Sekovanov

On Julia set of some rational functions

Julia sets and basins of attraction of some rational functions are investigated in this article, chaotic set of rational functions on own Julia sets are determined.

Keywords: chaotic set, Julia set, periodic repelling and attracting points.

Marina V. Sirotina, Aleksandr V. Baranov, Artyom Yu. Orlov

The structure of nasal muzzle of elk

In this article, the results of the research in morphology of nasal muzzle of European elk, which exists in semi-free conditions of elk farm in Sumarokovo, are presented. We found the animals which had different structure and type of dermatoglyph of nasal muzzle and discovered a possible way to use the nasal muzzle as a phene in studying the natural populations of European moose

Keywords: European elk, nasal muzzle, elk farm Sumarokovo.

Nikolay V. Sokolov

Elks' movements and reasons causing these movements

Elks tend to family, settled way of life, and all their movements are mainly confined to the territories occupied by them. Various negative factors may force elks to move to other lands.

Keywords: elk, movements, stations, classification, factors.

Eduard S. Tskhovrebov, Kirill V. Yur'yev

Biological aspects of maintenance of ecological safety

The dangerous tendency in modern ecological systems is progressing development of populations of cowparsnip and its negative influence on a condition of biocenosis is considered.

Keywords: ecology, biology, ecological system, biocenosis, phytocenology, plant geography, phytocenosis, population, hogweed.

PHILOSOPHY. ETHICS. AESTHETICS

Karine S. Arutyunyan

Changing paradigm of value in the state of ideology and the emergence of new dominant in conscientiousness of youth orientation

The author considers the problem of formation of the most important (integrative) of a state ideology (value paradigm) and identifies new targets in the conscientiousness of youth.

Keywords: political ideology, social ideology, paradigm.

Tamara L. Belkina, Anton S. Komarov

Apologia of conscience freedom in John Locke's works

Short analysis of J. Locke's compositions devoted to problems of a freedom of conscience is presented. Actuality of the Locke's opinion at a freedom of conscience and necessary of the tolerance in modern society are shown.

Keywords: Locke, freedom of conscience, faith tolerance, non-conformism, church.

Zhanna V. Latysheva

On the issue of definition and typology of transcending

The article suggests an ultimately broad treatment of transcendence as a universal principle in human creation of culture in its various forms. Transcendence is comprehended as a metacategory, its typology is given. Specific character of the ontological type of transcendence is brought to light.

Keywords: transcending, ontological, gnosiological, social transcending, S.L. Frank's transcending theory.

Oleg V. Samylov

Idea of «the end of history» in A. Kozhev's neohegelianism

In this article, A. Kozhev's views are considered as a form of neohegelianism and historicism. Social, philosophical, historical, and cultural backgrounds of A. Kozhev's formation of historicism are analyzed. The conclusion has been made about the timeliness of A. Kojev's ideas for the subsequent development of the historicism principle.

Keywords: history: anthropology, historicism, existentialism, power, dialectics.

Aleksandr N. Troshichev

Monadology or determination in networked world

The article is devoted to the little-studied phenomena in our philosophical literature: determination, self-reference in social networks. Interpretation of ideas G.W. Leibnitz, embodied in his work "Monadology," in which the harmony of monads appears as the global Internet, is carried out. Established by the eigenvalues of the rational behavior of the network.

Keywords: monad, causality, social networks, rationality.

CULTUROLOGY. SCIENCE OF ARTS

Larisa A. Aymaletdinova

Technical progress as the source of socially-ecological crisis of modern society

The major questions lifted by the author in given article are an occurrence problem on a boundary 20—21 centuries of contradictions between concepts the culture and a civilization, a problem of necessity of an establishment of balance between cultural wealth, traditions, social norms and the blessings of a civilization, technical progress of mankind of an epoch of a postmodernism.

Keywords: civilization, culture, globalization, postmodernism, social ecology, technosphere, postindustrial society.

Larisa V. Vorobets

The problem of political correctness in the aspect of intercultural communication

The author attempts to consider the phenomenon of political correctness from the position of intercultural communication in the article. The author speculates about the reasons leading to the usage of politically correct vocabulary, compares the euphemisms used in Russia and America and analyzes the situations of intercultural communication where they are used. The conclusion is made that at present there exists a necessity to use politically correct vocabulary in intercultural communication to achieve a successful dialog between cultures.

Keywords: political correctness, euphemisms, intercultural communication, conflict, dialog between cultures.

Valeriy V. Dzyuban

Spiritually – moral and military-patriotic education of the Cossack youth

Spiritual and moral upbringing in the traditions of the Cossacks – is one of the ways to improve regional component of the curriculum and the restructuring of extracurricular activities on familiarization of pupils with family and domestic, military, cultural traditions, embodied in the rituals, songs, dances, metier, crafts.

Keywords: Cossacks, patriotism, spiritual and moral upbringing, traditions, state.

Ivan A. Zadorov

The history of Kostroma's regional puppet theatre in context of Russian culture of the province in 1936–1991 years

Main marks of Kostroma's regional puppet theatre history taken from earlier unstated archival materials are stated in the article. This theme is disclosed in context of the appeal to Russian province culture. For deeper statement of the studied subject both perspective of province culture generally, and understanding of the term "province" in particular are disclosed.

Keywords: puppet theatre, province, culture of Russian province, history, Kostroma regional puppet theater.

Larisa A. Mel'nikova

Historical and cultural topography of exhibition towns in the Western Europe in the Middle Ages and New Time

Now the problem of preservation of historical and cultural shape of modern cities takes on special significance in connection with rapid town-planning activity of engineering firms and organizations. Each city is unique due to the site and historical development. The particular interest is represented by the exhibition cities which historical and cultural topography was formed under the influence of exhibition trade.

Keywords: cathedral, market, town hall, social topography, Bruges, Antwerp, Champagne, merchants' constructions.

Tat'yana P. Savchenkova

P.P. Ershov and D.I. Mendeleev. New facts about family and friendly relations

New facts about family and friendly relations of P.P. Ershov and D.I. Mendeleev and the role of the scientist in the publication of fairytale "The Humpbacked Horse" are expanded on the basis of newly found archival materials, mainly from the Museum-Archive of D.I. Mendeleev in St. Petersburg.

Keywords: P.P. Yershov, D.I. Mendeleev, M.D. Mendeleeva, M.A. Zhilina, F.N. Leshyova, N.N. Leshyov, letters, editions of fairytale "The Humpbacked Horse".

Alexander Yu. Stogniyenko

On the question of peculiarities of conceptual layer of artistic space of the film "Solaris" by A.A. Tarkovsky

This article examines the meaning of art space works of art and specifically its conceptual layer in the movie A.A. Tarkovsky's "Solaris". The author comes to the conclusion that the director creates two spatial image, being the centre of the world for the main hero – the image of the earthly home and image library on the space station, which is the representation of the emotional experiences of a hero. These images allow us to open the internal underlying processes of change of perception of the world of the hero in the dynamics of the movie.

Keywords: perceptual space, conceptual space, Solaris, spatial image, image of house.

LINGUISTICS

El'nara E. Gasanova

Perception of the concept «traveling» by native English and Azerbaijani speakers

This article deals with the representation of the concept "travel" via its crossing points with the concept "way, road" in English and Azerbaijani phraseology. During the research the similarity and diversity in acquisition of this concept in represented cultures have been enucleated.

Keywords: culture, concept, travel, way, path, idiom.

Ol'ga Yu. Kosmachyova

Pragmatic types of intentional settings of the addressee in broadcast media headlines

Purpose of the article is to illustrate pragmatic classification of headlines created on the basis of the communicative value concentrated in the headline information and the intentional setting of the addressee, headline idioms of broadcast media.

Keywords: addressee, title, impact and informative functions, headlines classification, intentional setting, communicative value, expressiveness.

Svetlana V. Mamayeva, Larisa S. Shmul'skaya

Characteristics of speech syntactic features of verbal portrait adolescents

This article analyzes the syntactic features of spoken spontaneous speech of adolescent students. Preferences in the usage of certain grammatical structures are revealed.

Keywords: anthropocentrism, linguistic personality, verbal portrait of schoolchildren, oral discourse, grammatical category, norm.

Svetlana V. Moshcheva

Expressive potential of the mass media texts: phonetic aspect

Expressive means exist in a language as a system for the purpose of logical and emotional intensification of the utterance. Our article deals with the phonetic devices of written advertising texts, playing an important part in organization of prose and poetic texts. Phonetic stylistic devices aim at imparting a melodic effect to the utterance. At present they are used as well-tested means not only in verse, in emotive prose, in the titles of books, in proverbs and sayings but in media (advertising) texts.

Keywords: advertising text, expressive means, phonetic devices, logical and emotional intensification of the utterance.

Yekaterina S. Oshanova

A special case of the use of modal particles in a pragmatic discourse

The purpose of this article is the analysis of modal particles in the act of communication, which is a central concept in pragmatic studies, a strike off the extralinguistic aspects. The work is devoted to describing pragmatic function of modal particles on participants verbal communication, as well as identifying the special case of their use.

Keywords: cognitive-pragmatic approach, illoctive function, modal markers, presupposition, discourse.

Anastasiya S. Rubtsova

Conflict as social phenomenon and its realization in text

The paper deals with the conflict situation as an antagonistic collision of persons in the process of communication and its presentation in belles-lettres texts. The notions of two types of markers: markers of provoking conflict and markers of describing conflict are considered.

Keywords: conflict, extreme situation, level of communicative control, conflictogenes, conflict-provoking and conflict-sustaining utterances.

Yelena V. Tsvetkova

Names for path in Kostroma patois: linguistic and geographical aspects

Kostroma microtoponyms – words for path confirm, expose and complete linguistic and geographical data, reflecting areal links between Kostroma patois and patois of other regions. Made up on the basis of common nouns and still having connection with them, these toponyms remain an important source of information about lexical system of Kostroma patois.

Keywords: dialectology, onomastics, toponymy, microtoponymy, linguistic geography.

Irina P. Chernousova

Folklore formulae: on the border of tradition and text (case study: Russian epic tales)

With the help of linguistic data obtained from Russian epic tales deep conventional meanings of key concepts (reward, boasting and sadness) represented by identical folklore formulas are analyzed, which proves the variety and richness of existential content of the latter in the face of a limited set of means of their expression. Variations in conventional meanings in the formulas correlate to tradition and occur in the text.

Keywords: folklore concept, folklore formula, formulaic dialogue, typical places.

Galina O. Shchukina

Productive means of idiomatic nomination in the English language

The article deals with nomination performed by English idioms. The author makes an attempt to analyze English idioms and classify them according to logical transformation of nominal parts. She gives specific examples of classified idioms, provides results of the linguistic research on productive way of idiomatic nomination in the language.

Keywords: phraseology, nomination, idiomatic nomination, semantic transfer, semantic shift.

Yuliya S. Shulyakina

The nouns with meaning 'wretch', 'drunkard', 'libertine' in the patois of Ivanovo Region

The paper deals with an analysis of the Ivanovo Region patois' lexis characterizing features of human behavior. Observations of changes in the meanings of lexical items in Russian patois show their semantic mobility, lack of clear boundaries in the meaning that distinguishes them from similar words in the Russian standard language and the vernacular.

Keywords: modern lexicon of Russian folk patois and Russian vernacular, mentality and moral values of Russian spirituality.

SCIENCE OF LITERATURE. FOLKLORE

Lyubov' Ye. Agapova

The role of the readers' competences in the development of the visualization of pupils (on the material of myth and biblical texts

The work is devoted to the problem of development of figurative representations of the pupils of the junior and middle-level on the basis of the readers' competence. Author's methods of the solution of the problem-oriented philological and psychological peculiarities of the artistic comprehension of the text, the published material were traditionally difficult for pupils myth and genres, united by the notion of "scripture".

Keywords: figurative representations, readers' competence, biblical text, analysis, interpretation, form and content, image, system of characters, motive.

Anastasiya A. Bedova

The role of artistic details in the novels of "Fandorin series" by B. Akunin

This article is an attempt to briefly describe some key features of artistic details in Boris Akunin's novels.

Keywords: artistic detail, B. Akunin, Fandorin series.

Ol'ga B. Bragina

The ornithological imagery of I.S. Turgenev's novel "On the Eve": function and semantics

The article analyzes the ornithological imagery of I.S. Turgenev's novel "On the Eve" which is the

essential element in creating the characters and forms an separate semantic layer of meaning, part of complex natural philosophical themes of the work.

Keywords: I.S. Turgenev, novel “On the Eve”, image of bird, comparison.

Sof'ya I. Glazunova

Genre and composite features of the essay "Nikolai Gogol" by V. Nabokov

In article genre and composite features of an essay by V. Nabokov "Nikolay Gogol" are analyzed. The epigraph role in an essay composition comes to light, in product structure the elements inherent in a genre of the obituary are found out. In an essay elements, characteristic for V. Nabokov's many critical works are traced.

Keywords: V. Nabokov, N. Gogol, essay, obituary, literary criticism.

Nataliya G. Koptelova

Novel by F.M. Dostoevsky's «The Brothers Karamazov» in the interpretation of D.S. Merezhkovsky

The article reveals the peculiarities of D.S. Merezhkovsky’s interpretation of the novel by F.M. Dostoevsky's «The Brothers Karamazov»; the article also defines the distinguishing features of the critic’s method.

Keywords: novel, interpretation, method, author, hero, myth, split, religion, Apocalypse, action, Christianity.

Yelena M. Krivolapova

V.V. Rozanov in the pages of M.O. Men'shikov's diary: on the problem of creative interaction

This article considers literary and creative relationship between M. Men'shikov and V. Rozanov – two Russian leading publicists of the beginning of the 20th century. The separate pages of M. Men'shikov's diary which are devoted to the personality and creativity of V. Rozanov are analyzed.

Keywords: diary, personality, creativity, literature, interaction.

Anna V. Loksha, Nina I. Petrova

To categories of chaos and cosmos in Osip Mandelstam's creative works

The article touches upon the meaning of category of chaos and cosmos of Osip Mandelstam's world. These concepts are shown in the context which is projected into mythological and philosophical layers of antique traditions.

Keywords: chaos, cosmos, chaosmos, world picture, existence, antiquity, author's myth, incestuality, centre, periphery.

Yelena V. Merkel'

Characteristics poetic semantic of Osip Mandelstam of 1910ths

The article is devoted to the mechanisms of semantic searching of Osip Mandelstam, that were reflected in his articles of 1910ths and in the poetics of his second collection of poems «Tristia» (1920), written in this period.

Keywords: poetic semantics, structure, providential addressee, dialogue, unity, Christian art, mysterial imitation.

Tat'yana B. Nalyotova

Teller and reader in “Evenings on a Farm Near Dikanka” by N.V. Gogol

Author’s and readerrs problem in works of N.V. Gogol reveals enough strikingly in a different aspects of perceptual aesthetics in the tales of his collected stories “Evenings on a Farm Near Dikanka”. The narrative accomplishes in collected stories as the influence to a reader by means of the art word, by dialogue of the main heroes with a reader, by comments of situations by heroes and by play upon words o, by play upon words of the story – tellerrs Pan'ko-the-Redhaired with a reader.

Keywords: teller, reader, character, situation commenting, “playing” with reader, moral-spiritual phrase undertext.

Tat'yana L. Pavlova

“Against the current”: Antinomic sets in Marina Tsvetaeva’s creative works

The article puts an emphasis on the antinomic sets of Marina Tsvetaeva’s creative works. The author of the article analyzes the works and letters of Tsvetaeva and reveals the origin of her rebellion, demonstrates its philosophical nature dealt with the feeling of existential tragic collapse and her quest of an alternative way of artistic thinking. Antinomic sets, the origin of which goes back to the romantic world-view, are analyzed as a specific feature of the poetess’ works and viewed as the reason causing their contrast range and the conflict of her lyrical pieces. At the same time the author proves that Tsvetaeva overcomes the antinomy of objective reality by means of artistic word and this fact in its turn shows her a new existential way out of stereotypes of consciousness.

Keywords: M. Tsvetaeva, antinomic sets, rebellion, artistic behavior, romantic world-view, ontopoetics, contrast range, antithesis, conflict.

Il'ya A. Snegiryov

English metaphysical poets in Joseph Brodsky’s translation (part 1)

The article analyzes Joseph Brodsky’s translating of English metaphysical poets into Russian as an important step to the metaphysical style in his own poetry.

Keywords: metaphysical style, literary tradition, influence, translation.

Svetlana R. Shavarinskaya

Reflections on the fate of the Russian nobility in the pages of novels Tolstoy's "Anna Karenina" and Dostoevsky's "The Adolescent"

This paper is devoted to the creative dialogue of Tolstoy and Dostoevsky on important public issues, in particular the fate of the Russian nobility.

Keywords: creative dialogue, novel, Leo Tolstoy, "Anna Karenina", Fyodor Dostoevsky, "The Adolescent", Russian nobility, topical social problems.

Tat'yana V. Shvetsova

Pushkin's reminiscences in the story by Ivan Turgenev "Bully"

The article deals with the situation and repeat the copy of Pushkin's image of the hero I.S. Turgenev, who discovered the author of "Bully" the opportunity to understand the evolution of the art of his poetry and to place the program in Russian literature of the 19th century the issue of a new type of hero.

Keywords: A.S. Pushkin, I.S. Turgenev, story, paradigm of hero, philosophy of action.

Verginiya V. Shitova

Image of Faust in «Outlines of plan of Faust» by A.S. Pushkin

The purpose of this paper is review the image of the Warlock, demonstrate its integrity, refute the erroneous judgments about the exceptional impact on the creation of Pushkin's Faust of Goethe's tragedy. The work can be useful to anyone interested Russian literature a half of the 19th century, especially the Russian theme of Faust.

Keywords: A.S. Pushkin, warlock, Russian Faust, suffering egoist, redundant people, spleen.

HISTORY

Stanislav V. Aristov

Brutal medicine: pseudo-scientific experiments in concentration camps of the «Third Reich»

The article is devoted to the problem of pseudo-medical experiments in concentration camps of the «Third Reich», as one of leading directions of a Nazi policy of destruction.

Keywords: concentration camp, Nazism, «Third Reich», pseudo-medical experiments.

Dmitry A. Volkov

Local authorities in the mid-20ies: power of workers and peasants... or power on their behalf (on the material of the Upper Volga region)

The article shows a contradictory experience of the party and Soviet organs of power of the upper Volga region in the middle of New Economic Policy.

Keywords: New Economic Policy, upper Volga region, Communist Party - Soviet staff, nomination.

Maksim V. Yermushin

The state tariff policy of a payment of engineers in the USSR of 20th

The process of formation of a tariff policy of the state in the field of wages of engineers in the conditions of multistructure economy of 20th is considered in the article.

Keywords: engineers, tariff system, payment.

Margarita S. Osipova

The situation with child workers in textile factories in England (based on performance of R. Owen in Parliament in 1816)

In this article we analyze the speech that Robert Owen, the well-known British philosopher and owner of a factory in New Lanark, gave to the British parliament in 1816. The research summarizes the state of factory children at textile factories in early 19th century, including their average age, length of a working-day, education opportunities for the poor, etc. The article gives a comparison of state of factory children at the New Lanark factory before and after the reorganization introduced by Owen by 1816, educes the reasons for difference in working conditions at textile factories in large industrial districts in England in the first half of the 19th century.

Keywords: New Lanark, children, textile factories, education for the poor, British industry.

Sergey A. Smirnov

Activities of the parish guardianships aimed at the improvement of the parish clergy's material security (on the materials of Kostroma eparchy)

The article considers the problem of the essential differentiation of the results of the parish guardianships activities aimed at the improvement of the parish clergy's material security in different regions of the Russian Empire. On the basis of Kostroma eparchy's materials the attempt to determine the reasons of this distinction is made.

Keywords: church reform, parish guardianship, Kostroma eparchy, parish clergy, zemstvo.

SOCIOLOGY

Larisa S. Yegorova, Valeriya Yu. Starosotnikova

Methods of efficiency management of creative group evaluation

This article deals with the technology of management of creative group efficiency evaluation that's why it is appropriate to use analytical tools of sociology, economic analysis, applied mathematics.

Keywords: creative group, evaluation of management efficiency, analytical tools.

Lada Yu. Pushina

Habitus as an attribute of generational community

The article deals with generation as social community that is different from the same social groups by specific habitus; analysis of habitus

generation behavior of its representatives in life and social practices is given.

Keywords: generation, habitus.

POLITICAL SCIENCE

A.V. Zaytsev

Dialogue in the institutional environment of interaction between state and civil society: the experience of the EU and Russia today

This article describes the civil dialogue in the EU and the process of its political and legal institutionalization. Institutional civil dialogue in the EU compared to the dialogue state and civil society in contemporary Russia.

Keywords: dialogue, state, power, civil society, institutionalization, EU, Russia.

JURISPRUDENCE

Eduard S. Tskhovrebov, Aleksandr N. Lebin, Vyacheslav G. Belousov

The newest history of development of nature protection activity in Russia

Historical stages are resulted in the article, the short analysis of formation and development of ecological legal relations, the ecological legislation and nature protection activity in Russia is given.

Keywords: right, ecology, history of development of ecological legal relations, wildlife management, nature protection activity.

Ol'ga N. Petrova

The media in the prosecution of local government

On the basis of the analysis of theoretical base and practice of realization of law of municipal government the author considers the media used by the prosecutors needed to build a proper understanding of the category of local government and information about the state of law at the local level.

Keywords: public prosecution, local self-government, media.

Boris Ye. Roshchin

Nationalization of the main means of Russian production on the first stage of socialist labour organization of the Russian proletariat (devoted to the 95th Anniversary of the October Revolution)

The article deals with the main stages of nationalization of the main means of national production during the time period from October 1917 to 1920. It analyzes the relevant legal standards which were accepted by the Soviet government, and the system of ideological attitude which existed in the time period under study, during the radical, revolutionary changes in Russian society.

Keywords: nationalization, governmentalization, confiscation, industrial production, Russian proletariat, industrial works, main means of production, socialist labour management, decrees of Socialist power.

Valizhan M. Tuychiyev

The policy of personnel in connection of bailiff for magistrate court in Vyatka Province (1864–1917)

In the article, the author explains organizational and legal matters of bailiff resourcing for magistrate court in Vyatka Province in the course of reforming. The article clearly illustrates social and financial issues, analyzing the reasons of personnel turnover in the bailiff service.

Keywords: bailiff, magistrate court, personnel, judges of peace, Vyatka province.

ECONOMY. MANAGEMENT

Yelena V. Aristova, Dmitriy V. Volkov

Problems and prospects for the development of the market of paid medical services

This article is concerned with problem analysis of development of paid medical services market. The revelation of free-for-service medicine working peculiarities in Russia allows defining the prospects for further development and denoting the directions of improvement of economic relations that appear in the process of paid medical services supply.

Keywords: market of medical services, paid medical services.

Natal'ya A. Butarina

Higher education institutions as subjects of regional innovative processes

In article the place of higher education institutions in programs of innovative development of regions is defined. It is proved that the limited inclusiveness of higher education institutions in regional innovative programs is in an obvious contradiction with self-image of high school community. Ways of overcoming of this contradiction are offered.

Keywords: regional development, higher education institutions, innovative processes.

Sergey V. Golovin, Yuriy K. Knyazev

Public interests and public good

The article substantiates the position that the development of economic theory should be carried out using a political-economic approach (in which is formed by the theory of economic interests).

Keywords: economic interests, public interest, public good.

Yekaterina V. Konovalova

Family in a series of categories political economy

Traditionally, the family and treated as a social institution and as a social group. However, maintaining the functional stability of the social structure of society is based on the specific mechanisms of the relationship of people and groups of people. Under the subject of a new political economy justified the essence of the family as an economic category, using the interactionalism principle (analysis of economic interactions of family members with each

other). Proposed study of the rank structure of the family as opposed to the sociological structure, indicating the rank structure as an obstacle frustiruyuscheesya of family relationships.

Keywords: political economy as family category, household, interactionalism principle, family household, socio-economic relations.

Aleksandra B. Rat'kova

State in the formation of institutional benefits

The problem of the source of formal rules for the functioning of the economic system in the given parameters. The author gives additional arguments in favor of the view according to which formal rules are economic institution, and fixing the place of the state as a manufacturer of institutional benefits.

Keywords: state, formal and informal norms, institutional environment, institutional benefit.

Yelena V. Aristova

Specific features of medical service as of economic category

An attempt to educe the specific of medical service, allowing to characterize her as a economic category, is undertaken in the article. The comparative analysis of range of concepts reflecting specific character of medical service is conducted.

Keywords: service, medical service, classification of medical services, economic character of medical services.

I.V. Tokareva

Choosing diversification directions and criteria for the internal environment of corporate foundations

Special importance to rationalization of internal environment of large corporate foundations is noted in this article. The author pays attention to specific character of solving this problem by example of Russian railway transport. Diversification of the internal corporate environment as an effective mechanism of modernization of corporate relations is under examination. The article covers algorithms and criteria of choosing the most attractive directions of such diversification.

Keywords: corporation, internal environment of company, investment of activity management, diversification.

SYSTEM ENGINEERING

Vladimir M. Karavaykov, Aleksandr V. Ovchinnikov

Systemic approach to construction of mathematical model of the heat transfer through cover of cultivational construction

Cultivational construction is considered in the article as a uniform power system which can be presented by three basic energetically interconnected subsystems. On the basis of such approach, the mathematical model of heat transfer through cover of studied object is developed.

Keywords: cultivational construction, power system, graph of mathematical model, heat transfer, mathematical model.

KOSTROMA UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Andrey I. Zakharov, Tat'yana V. Ludanova

11 Open Festival of professors and students of music departments from Russian universities (report)

Nekrasov Kostroma State University met for the 11th time the participants of Open Festival of professors and students of music departments from Russian universities in March, 2012. This year, it was held during the Romanovs' Festival and it was dedicated to the 200th anniversary of heroic events in Patriotic War 1812 and the 400th celebration of the revival of nationhood in Russia. Festival is becoming the form of improving the quality of training music professors, students and their self-realization.

Keywords: Russia, music festival, performing competitions of professors and students, master-classes, music-theoretical Olympiad.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на-русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

Подписано в печать 06.03.2012
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 31,7 л.
Тираж 999 экз.
Изд. № 101.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная